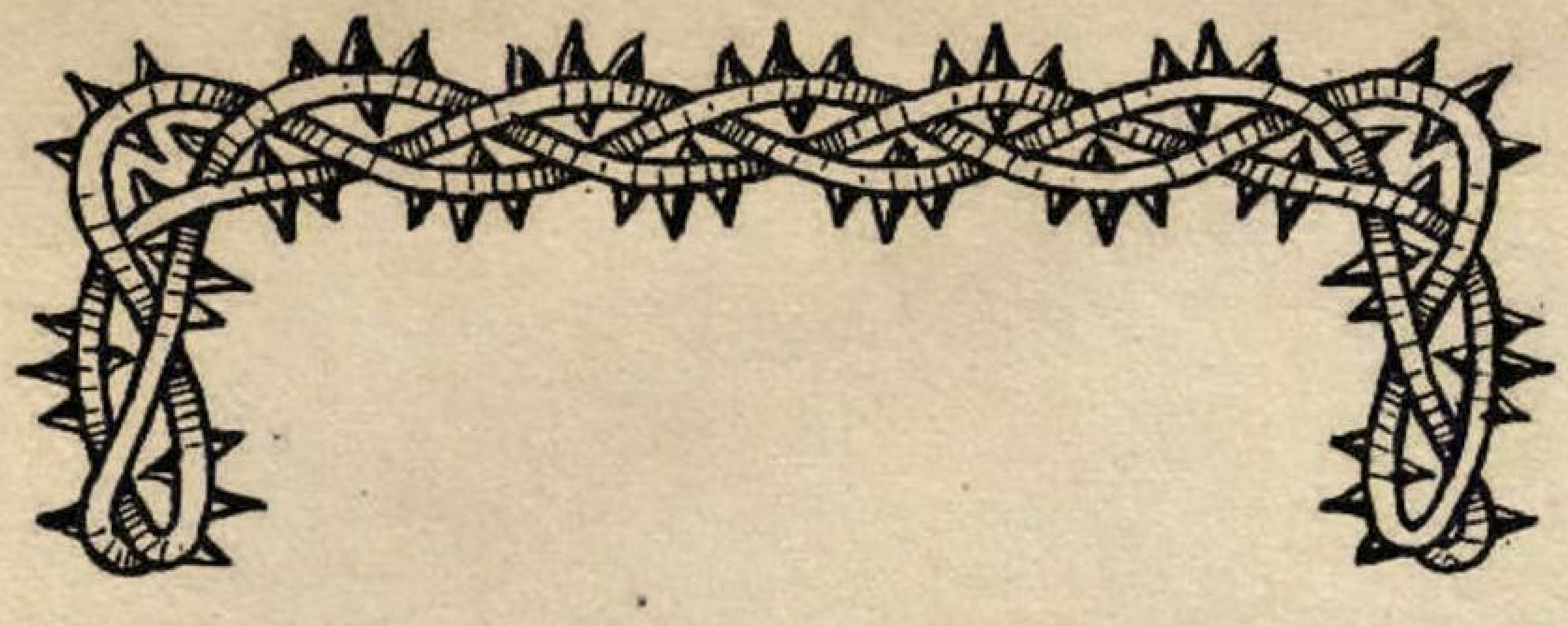

МАРКОВЦЫ
В БОЯХ И ПОХОДАХ
ЗА
РОССІЮ
II

МАРКОВЦЫ

В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОССИЮ

в освободительной войне 1917-1920 годов

КНИГА ВТОРАЯ
1919-1920 г. г.

Наступление на Москву. Отступление.
Крымская эпопея. Уход за пределы Родины.

Составил подполковник Марковского Пехотного Полка
В. Е. ПАВЛОВ

ПАРИЖ
1964

Рисунок обложки худ. С. Г. Двигубского

Union des Combattants de la Division du Général Markoff

27, rue des Bateliers, Clichy (Seine) - France.

Генерал Сергей Леонидович Марков
(1878-1918)

"Сегодня для многих последняя застольная беседа. Многих из собравшихся здесь не будет между нами к следующей встрече. Вот почему не будем ничего желать себе; нам ничего не надо, кроме одного: Да здравствует Россия!"

Слова ген. Маркова на встрече 1918 года.

Убит в бою 12 июня 1918 г. у станции Шаблиевская.

1919 ГОД

Добровольческая армия заканчивала освобождение Северного Кавказа и теперь могла перенести боевые действия на главное — Московское направление, на котором борьбу с красными вела Донская армия с поддержкой слабых Южной и Астраханской, как раз в это время переживавших тяжелый моральный кризис.

Тяжелое положение Дона усугублялось еще тем, что его западная граница оказалась открытой: немецкие войска покидали Украину, а она, не имея своей армии, не могла даже подавить разгул анархических банд на своей территории, предвестниц большевизма. Положение стало бы крайне критическим, если бы у Добрармии к этому времени не оказалось освободившихся от борьбы на Кавказе сил, которые и были переброшены на Дон.

Создался общий фронт Донцов и Добрармии, потребовавший общего командования, и в конце декабря между ген. Деникиным и атаманом, ген. Красновым, проведено было соглашение, по которому руководство общим фронтом сосредоточивалсь в руках ген. Деникина.

Подчиненные ему войска получили наименование Вооруженных сил Юга России (В. С. Ю. Р.).

Но объединение коснулось лишь общего оперативного руководства. Ген. Краснов оставил свою армию в полном административном подчинении себе и назначенному им командующему армией. Кроме того, Донская армия не могла быть выдвигаема за пределы Дона, кроме как на участках, которые были необходимы для непосредственной защиты его границ и, как следствие этого, донские части не могут быть выделены из Донской армии. За внешним положительным фактом объединения вооруженных сил для борьбы с большевиками, скрывались очаги неизбежного кризиса, который и сказался в 1919 году.

Выполнение общероссийской задачи встречало большие затруднения.

***

Занятые на Сев. Кавказе, Марковцы не знали не только о том, что творилось в мире или на всей территории России, но не знали и о происходящем на Юге. Доходили лишь скудные известия, и то «по слухам», об образовании противобольшевистских фронтов на Западе,

Севере и Востоке. Говорили об Адмирале Колчаке, ставшем во главе власти в Сибири, свергнув социалистическое правительство. Говорили о восстаниях — Ярославском и других, о какой-то борьбе чохословацкого корпуса с большевиками. Эти слухи радовали и вселяли надежды.

Но доходили и другие: Донцы отходят; на Украине, с бегством Гетмана и уходом немцев, развивается анархия, результатом которой безусловно будет захват ее большевиками; судьба Украины не может не отозваться на положении Крыма. Все это волновало и у Марковцев было одно стремление: скорей на Украину!

Наконец, узнали, что 3 дивизия уже переброшена в Донбасс и послан отряд в Крым. Но особенно оживились Марковцы, узнав, что ген. Тимановский с большой группой Марковцев уехал в Одессу на формирование там частей Добрармии. В Одессе высадились союзники. Марковцы радовались: Добрармия начинает развивать действия на широком фронте; союзники оказывают существенную помощь; теперь, когда Гетман покинул Украину, быть ей в лоне единой и неделимой России.

Но, безусловно, предстоит серьезная борьба и основной вопрос стоит о численном составе Добрармии. Поможет ли ей народ и, главным образом, офицерство и интеллигенция? Марковцы что-то не слышали, чтобы с Украины, охваченной анархией, и после 28 декабря, когда красные перешли ее границы, офицерство и интеллигенция устремились бы на Дон. Однако, была вера в силу Армии и казаков, была полная уверенность, что красные будут биты, Родина будет постепенно освобождаться, а Армия увеличиваться мобилизацией, в первую голову, офицеров.

Картина предстоящих боев рисовалась так: вначале враг будет обескровлен, морально разбит, а затем — порыв вперед и... победа.

«НА ШИРОКУЮ МОСКОВСКУЮ ДОРОГУ»

С этой, звучащей в душе каждого, мыслью собирались Марковцы в новый поход, когда им 7 января 1919 года объявили о погрузке в эшелоны. 9-10-11 января по-батальонно уезжали они на север. За ними следовали их батареи.

Ехали в теплушках с разбитыми стенками, проломанным и прожженным полом. Погода стояла сырая, холодная. Однако в вагонах был налажен «уют»: навалена солома, забиты дыры, на пол положены кирпичи и на них зажжены небольшие костры. Дым ел глаза. Но — веселье, песни, шутки... Со здоровыми разделяют путешествие и недомогающие, не желающие расстаться с полком.

В Армавире, Кавказской, Тихорецкой эшелоны встречались криками «ура». Это Марковцы, узнавшие о проезде полка, едва поправившиеся от ран и болезней, собрались, чтобы присоединиться к своим

и с ними начать новый поход. В полк вернулись полковники Булаткин, Блейш, Наумов. В Армавире батальоны приветствовались «чашкой чая» с закуской; в Ростове — обедом. И все это на чистых, накрытых скатертями столах с радующей душу сервировкой. Тем, кто не мог по слабости или нездоровью оставить вагоны, дамы патронессы приносили угощение туда. К общей радости было объявлено, что эшелоны простоят в Ростове два дня и разрешены отпуска в город. Выдача жалования — 3000 рублей на офицера и 450 на рядового, поднимала настроение. Ростов особенно интересовал первопоходников, сохранивших о нем нелестную память. Некоторые посетили пожарную команду, лошади которой реквизировал ген. Марков. Брандмейстер был незлопамятным и оказал широкое гостеприимство бесстрашным бойцам. Офицеров в городе стало значительно меньше, чем год назад.

Головной эшелон, простояв на станции два дня, выехал на Новочеркасск и далее в Воронежском направлении. Говорили: «Едем на поддержку донцов». Донцы на станциях приветствовали проходивший эшелон и выражали радость, что им на помощь идут офицерские части. Однако, поезд дошел только до ст. Шахтной, откуда вернулся в Ростов. Других батальонов полка он уже не застал и тронулся вслед за ними на ст. Матвеев Курган и далее в центр Донецкого бассейна.

После степей Дона и Кубани и редко расположенных громадных станиц и сел, после гор, глубоких балок и долин Ставрополя, где глаза напрасно искали редкие, расположенные в низинах, населенные пункты, тут повсюду слегка волнистая местность с близко расположенными поселками. После хлебородных районов — заводы с высокими трубами, массивными зданиями; какие-то вышки и высокие конусообразные кучи угольного шлака. После редких ж. д. линий и небольших сонных и спокойных станций и разъездов — густая железнодорожная сеть с часто расположенными станциями, массой подъездных путей, забитых высокими платформами для перевозки угля. После свежести гор и степей — везде густой налет угольной пыли.

Царство каменного угля и заводов. «Золотое дно России».

16-17 января выгрузившиеся из вагонов батальоны стали по квартирам: один — в Юзовке, другой — в 7 верстах в рабочем поселке Балтийского завода, третий — в 40 верстах к северу у ст. Горловка, также в рабочем поселке, — в ближайшем резерве недалеко проходившего фронта.

Расквартирование полка резко отличалось от того, что было на Кубани и в Ставрополье: оно стало скученным, как по числу помещенных в доме бойцов, так и по общей площади из-за густого расположения зданий. Но со стесненностью как-то справились обоюдным соглашением с хозяевами по правилу: «В тесноте, да не в обиде». Досадным отличием нового расквартирования от старого был вопрос о добавочном к казенному питании. Рабочие и горожане — не кре-

стьяне, имеющие у себя запасы всякого продовольствия. То немногое, что у них есть — небольшой придомовой участок земли с огородом и постройками для домашней птицы, одной-двух свиней, иногда корова — рассчитано только для своей семьи, как добавок к закупаемому в лавке и на базаре. Пришлось мириться и удовлетворяться почти исключительно казенной пищей, если не выручали наличные деньги. Но и в этом вопросе отчасти помогало то же обоюдное соглашение.

В несравненно худшем положении оказались роты, размещенные в школах: людям приходилось самим заботиться обо всем, спать на тонком слое соломы, которой здесь тоже было мало, и под головы класть сумки или сапоги и укрываться шинелями.

Как бы там ни было, но все быстро устроились. Однако, одно обстоятельство заставляло Марковцев задуматься и обсудить его. Едва батальоны разместились по квартирам, как последовали распоряжения: назначать дежурные роты; по ночам высылать усиленные дозоры; чинам не удаляться далеко от своих квартир и всегда быть при оружии, а с наступлением ночи не ходить иначе, как группами не менее трех человек; назначались наряды для производства арестов и обысков. Ничего подобного на Кавказе не было. Это заставило Марковцев присмотреться внимательно к населению, его настроениям и было замечено, что за внешним радушием скрывалось, если не прямая враждебность, то, во всяком случае, сильное и глубокое недоверие.

Открылось и нечто новое: коммунисты здесь не отдельные люди, а целые организации, связанные с населением. На Кавказе приходили Добровольцы и местные коммунисты уходили, а здесь они оставались. Понятно: район шахтерский, промышленный, густо населенный рабочими. Ожидать здесь можно всего.

Но это пока мало тревожило Марковцев, занявшихся своими делами: бельем, обмундированием, обувью, снаряжением, вооружением. Надеяться на хозяйственную часть не приходилось, да она еще не прибыла с Кавказа. В роты было влито небольшое пополнение из пленных красных; его нужно было вооружить Марковским духом. Прибыли на пополнение и офицеры из германского плена.

О них нужно сказать. На границе они были встречены новыми властителями Родины не без торжественности и обильно снабжены продовольствием, что было особенно важно для проголодавшихся людей. «Поезжайте, куда хотите», — было им сказано. Эшелон шел через Смоленск и далее на Харьков. В пути многие высаживались. В Харькове, где уже была Сов. власть, офицерам снова сказали: «Поезжайте, куда хотите», но добавлено: «если на юг, то нам потом не попадайтесь». Многих поезд привез в Донбасс, где уже стояли части Добрармии. Для приехавших это не было неожиданным: они знали о шедшей борьбе и приехали они, чтобы принять участие в ней. Всем прибывшим был дан длительный отпуск и право выбора части, в которой каждый хотел бы служить. Около 20 офицеров зачислились в

Офиц. ген. Маркова полк и назначены были в 1-ую ген. Маркова роту. К ним сразу же все прониклись большим уважением уже за то, что они, кадровые офицеры 1-й пех. дивизии, попавшие в плен в августе 1914 г., проезжая Смоленск, где в мирное время стояла их дивизия и где у некоторых были их семьи, не остались там. Свое решение вступить в борьбу с большевиками они привели в исполнение несмотря на то, что большинство офицеров их дивизии сошли в Смоленске.

Пополнившиеся роты имели теперь по 50—60 штыков; 1-я — до 80, а 7 и 9-я, офицерские — до 150 шт. Общий состав полка возрос до 800 шт. при 20 пулеметах.

ОБОРОНА ДОНБАССА

На передовой линии — от ст. Дебальцево, которую занимал дивизион Л. Гв. Атаманского полка, как левый фланг Донской армии, через Бахмут и далее к югу до Азовского моря стояла 3 дивизия в составе Дроздовского, Самурского пехотных и Дроздовского конного полков. (2-й Офиц. стр. и 2-й Оф. кон. полки, приведенные полк. Дроздовским из Румынии, после смерти последнего получили шефство имени «ген. Дроздовского»).

В начале января прибыл Корниловский полк, за ним Марковский, Марк. арт. дивизион и 1-й конный ген. Алексеева, составившие 1 дивизию под командованием ген. Станкевича.

Все собранные здесь части образовали отряд ген. Май-Маевского, начальника 3 дивизии. Несколько позднее на левом фланге отряда стали Кубанские пластуны и тогда весь отряд был переименован в Добрармию, командовать которой был назначен ген. Врангель, но он был болен и его временно заменял нач. штаба, ген. Юзефович.

Красные сосредотачивали свои силы и со дня на день ожидалось их наступление на стык Добровольческой и Донской армий.

⁂

19 января наступление красных началось. Дроздовцы отходили к ст. Никитовка, Лейб-Атаманцы — к Дебальцево.

В этот день Марковцы проснулись в благодушном настроении и, ничего не зная, что творится на фронте, не торопясь занимались своими делами, и вдруг после обеда распоряжение: быть готовыми к выступлению. Сразу рушились все планы и у всех появилась бездна хлопот. Шум, возня, сборы... «Отдохнули 3 дня и достаточно!» — без всякого неудовольствия шутили Марковцы.

С наступлением ночи 2-й, а за ним 3-й бат-ны, погруженные в железнодорожные составы, тронулись в неизвестном для бойцов направлении. Холодно, сыро в вагонах; соломы нет; уснуть невозможно.

И как на зло, поезда шли медленно, подолгу останавливасяь на слабо освещенных станциях.

20 января. Красные наступают и берут Дебальцево и ст. Доломит перед Никитовкой. Части Добрармии переходят в контрнаступление.

Бат-н Корниловцев с 1-й Марковской батареей и Атаманцы с бронепоездом «Ермак» берут Дебальцево, после чего Атаманцы уходят на присоединение к своей армии и разграничительная линия между Добровольцами и Донцами передвигается на 40 верст к востоку от Дебальцево, к ст. Колпаково. В этот разрыв вводится Алексеевский конный полк.

ПЕРЕД СТ. НИКИТОВКА

Головной эшелон со 2 бат-ном Марковцев, не доезжая до ст. Доломит, попадает под арт. обстрел бронепоезда красных. Он немедленно выгружается и идет в наступление. Левее — бат-н Корниловцев. Бат-ны под командованием полк. Булаткина наступают без поддержки артиллерии и бронепоезда. (Начальником обороны Никитовского района был ком-р полка ген. Маркова, полк. Сальников). Не обращая внимания на огонь бронепоезда, Марковцы обратили в бегство цепи красных. Перед самой станцией они смели и свежие их цепи, только что выгрузившиеся из поезда. Перед пехотой Марковцев и Корниловцев отошел и бронепоезд.

Ст. Доломит была взята, но ценой больших потерь: одна Офицерская рота потеряла до 40 человек.

21-22 января отряд полк. Булаткина продолжал наступление, но уже имея 4 орудия и бронепоезд. Он берет ст. Роты, ст. Логвиново и наступившей ночью узловую ст. Попасная, захватив там неуспевший разгрузиться эшелон с красными. Взято было в плен до 1000 чел., 32 пулемета и два орудия с упряжками.

23 января на Попасную приехал ген. Май-Маевский, благодарил полк. Булаткина за блестящее дело и приказал продолжать наступление с целью перерезать Сев.-Донецкую ж. дорогу, служившую единственным путем связи с тылом для сильной группы красных, стоявшей против Донцов у Луганска. Полк. Булаткину придавался другой бат-н Марковцев, на который легла задача обеспечивать отряд с востока.

Красные задержались на ст. Камышеваха, где стали окапываться.

Наступление началось в этот же день: бат-н Марковцев — на ст. Камышеваха, бат-н Корниловцев — правее. Предварительно Офиц. рота взяла д. Викторовка, верстах в пяти к западу от станции, потеряв 25 человек и среди убитых свою сестру милосердия Дагмару. Бат-н перешел в наступление на станцию уже в темноте с обходом ее Офиц. ротой. Массу красных спасла ночь, но они не успели вывезти со стан-

ции два состава, в некоторых вагонах которых оказались сапоги, продовольствие, снаряжение. Захвачен был и поезд командующего группой красных, Кожевникова.

24 января. Марковцы с утра были готовы продолжать наступление: оставалось всего 10 верст, чтобы пересечь Сев.-Дон. ж. д., но произошло что-то непонятное: два бат-на Марковцев из отряда полк. Булаткина сменялись подвезенными бат-ном Корниловцев и 1-м бат. Марковцев и грузились в освобожденные ими составы, чтобы быть переброшенными в район г. Бахмута, где красные перешли в наступление, угрожая слева тылу отряда полк. Булаткина. Было непонятно, для чего понадобилась полк. Сальникову подобная смена, вызвавшая, притом, задержку наступления?

Лишь вечером отряд полк. Булаткина в новом составе, имея 6 орудий (придана Дроздовская гаубичная батарея) обеспечив себя с востока одним бат-ном Корниловцев, двумя перешел в наступление и пересек Сев.Дон. ж. дорогу: бат-ном Марковцев у ст. Нырково, бат-ном Корниловцев правее.

25 января две роты Марковцев с 4 пулеметами и орудием поездом выехали в налет на узловую ст. Яма в 30 вер. к западу. Ст. Яма соответствовала своему названию. Красные не ожидали нападения. На станции стояло три эшелона с войсками, 4-й отъезжал на юг к Бахмуту.

1-ая рота, 80 штыков, пошла в обход справа. Неожиданное для красных нападение сначала привело их в полное расстройство, но... атаковавшая станцию 1-ая рота встретила препятствие: стоявший перед нею во всю длину ж.-д. состав. Красные из-за вагонов оказали ей сопротивление. Против другой роты они рассыпались в цепь. Орудие не могло обстреливать составы, чтобы не поражать 1-ую роту. Прот-к охватил роту среди вагонов и ей пришлось отходить. Отошло всего 25 чел. Красные ринулись преследовать, но были остановлены огнем пулеметов и орудия. В отчаянной к.-атаке было взято до 30 красных в плен. Роты успели погрузиться и вернуться назад. Из 120 чел. в них осталась едва половина.

26 января красные обрушились на Корниловцев с востока, принудив их к отходу. Липкая черноземная грязь. Брошены два орудия. Ночь. У Марковцев прерывается связь с нач-ком отряда.

27 января. Полк. Блейш вынужден отводить бат-н к югу, но так как жел. дорога уже перехвачена противником, ведет его западнее.

Полк. Булаткин спешит собрать свой отряд у ст. Попасная. За одной из Корниловских рот, стоящей на ст. Марьевка, в 15 вер. к востоку, он посылает офицера.

— Бери паровоз! Рота поместится на тендере!

— Вон ваши! — говорит машинист, увидев приближающуюся цепь. Но она настолько велика, что не может быть Корниловской ро-

той. Из ж.-дор. будки офицер звонит на Марьевку и ему отвечает бранью красный.

— Назад! В Попасную!

Офицер один. Он не доверяет машинисту и его помощнику.

— Не бойсь, браток! Не брошу тебя! — говорит машинист.

На Попасной уже красные. Пули щелкают по паровозу. Машинист ведет паровоз, его помощник, соскакивая, переводит стрелки. Паровоз догоняет отходивший отряд — всего пять Корн. рот — около 200 шт., 3 орудия, бронепоезд. Ночью присоединились оторвавшиеся три роты Корниловцев.

28 января. Густые цепи красных наступают с поддержкой своего бронепоезда и занимают ст. Логвиново. Отряд не в силах сдержать их. Кончаются снаряды, за которыми уезжает бронепоезд. Красные обходят глубоко справа. Возвращается бронепоезд со снарядами. Сопротивление крепнет, но единственная надежда у полк. Булаткина на бат-н Марковцев, с которым установлена связь и которому приказано спешить к жел. дороге.

А бат-н изнурен тяжелым отходом, растянулся. Полк. Блейш уже с бронепоезда наблюдает поле сражения и понимает задачу своего бат-на в 154 штыка. Подходят первые 15—20 чел. и он направляет их сдерживать обход красных; собрав остальных, ведет их в атаку на внутренний фланг обходящих цепей. Красные сбиты; обходящие их цепи поворачивают назад. Бат-н, напрягши последние силы, преследует и скоро оказывается на фланге цепей прот-ка, напирающего на Корниловцев. Весь отряд переходит в наступление, наносит красным большие потери, берет много в плен и занимает Логвиново.

Смененный Дроздовцами, отряд полк. Булаткина отводится в резерв.

***

В районе Бахмута красные наступают с запада от Славянска и с севера от ст. Яма. Их наступлению помогают отряды шахтеров, действующие в тылу, используя хорошо знакомые им шахты.

24 января с Попасной выехал 3 бат-н Марковцев и, выгрузившись на ст. Деконовка, пошел на ст. Ступки и на Бахмут, которые и занял еще до прихода красных, рассеяв лишь шахтеров. Вечером 2 бат-н с двумя орудиями, подъехав к Декановке, обнаружил, что она уже занята противником. Роты, выгрузившись, ночной атакой взяли станцию.

25 января красные вынудили 3 бат-н оставить ст. Ступки и Бахмут и отойти к югу. 2 бат-н, перейдя в наступление, занял с боем ст. Соль, на линии Яма-Бахмут, оказавшись под ударом с севера и юга. Оба бат-на были разобщены на 30 верст.

25 января они перешли в наступление с целью отбросить красных от Бахмута; с 3 бат-ном наступали рота Корниловцев и бронепоезд «Ген. Корнилов». Чрезвычайно рисковано было наступление 2 бат-на, на который с севера давил противник. Ст. Ступки и Бахмут были взяты; бат-ны соединились. Отбив наступление красных с севера, шесть рот направились в направлении на Славянск с задачей отбросить красных возможно дальше.

Роты выступили ночью. Шли балкой, поросшей лесом, сбивая заставы противника. Поднялись из балки. В двух верстах большой завод и за ним, верстах в двух, ст. Часов Яр, в 12 верстах от ст. Ступки. Невдалеке хутора.. Все пункты заняты противником, уже знавшем о готовящемся на него нападении. Без задержки, роты обходом завода и потом станции взяли оба пункта, захватив при этом около ста пленных, принадлежащих полку «немцев-колонистов», но состоящем почти исключительно из пленных немцев.

27 января роты оставили Часов Яр и перешли в Бахмут, на который красные наступали с севера. Ст. Ступки несколько раз переходила из рук в руки, обороняемая двумя ротами, но к вечеру оставленная ими. Наступившей ночью красные атаковали город и были жестоко отбиты.

28 января. С утра спокойно. Сообщено — Марковцы сменяются Дроздовцами и уходят в резерв. Но радость была омрачена тяжелым событием.

В Бахмут добрел раненый офицер-Дроздовец и сообщил, что минувшей ночью к северу от города погибла его Офиц. рота, которая была заблаговременно послана на ст. Ступки, куда на утро должны были притти другие роты Дроздовцев. Она шла в колонне, когда в темноте увидела выходящую на дорогу какую-то большую колонну. «Марковцы!» — была мысль. Но это были красные, отходящие от Бахмута, после их неудачной атаки. Они всей массой обрушились на роту. Немедленно на место столкновения был послан взвод Марковцев с подводами и там было подобрано 37 убитых офицеров. Всюду разбросанные патроны говорили, что офицеры упорно отбивались. Спасся раненый случайно: он не был замечен в глубокой меже. Убитые были привезены в Бахмут и переданы пришедшим на смену Дроздовцам.

Марковцы выехали в резерв в Енакиево.

Оба бат-на довольно свободно расположились по квартирам в Енакиево и рабочем поселке при большом металлургическом заводе. Третий бат-н полка стоял у ст. Горловка. Каких-либо изменений в сравнении с предыдущей стоянкой в Юзовке не было. То же радушие, искреннее или неискреннее; те же взгляды — пытливые, строгие, то же уклонение от откровенных разговоров. Вникать в настроение жите-

лей, их отношение к белым и красным не было поводов. Остались те же удобства и неудобства, то же скудное питание, почти исключительно казенное. Для всех великим наслаждением была отличная заводская баня: с Екатеринодара не мылись так хорошо. С удовольствием проводили часы в заводском клубе с библиотекой, разными играми...

Наученные опытом прежней стоянки в резерве, Марковцы сразу же занялись приведением себя в порядок, что требовало теперь еще больше хлопот и забот.

На этот раз отдых протекал в более спокойной обстановке, хотя и высылались дозоры и группы для вылавливания коммунистов.

Минувшие бои показали, что красных бить можно. Однако чувствовался их численный перевес и непрерывно подходящие к ним свежие пополнения из их тыла, теперь уже беспредельно глубокого и широкого. И с этой силой придется серьезно считаться и тем более, что свои силы численно слабы. За 9 дней боев полк потерял до 300 человек — треть своего состава — правда, в том числе было и немало заболевших.

Марковцы видели себя — свои роты и бат-ны, когда в первые дни резерва представлялись нач-ку дивизии, ген. Станкевичу. Мало их, а впереди нелегкий марш по широкой Московской дороге. Будет ли поступать пополнение? Из запасного бат-на прибыло только около 200 чел. В ротах изыскивали собственные способы пополнения: выбирали из пленных; в одной из рот пор. Бремпель, говоривший по-татарски, набрал целый взвод пленных татар, ставшими отчаянными и верными бойцами; ком-р 3 роты, кап. Большаков, откровенный социал-революционер по убеждению, когда его рота ходила против отрядов шахтеров, успел пополнить свою роту даже несколькими десятками шахтеров, найдя с ними общий язык и взаимопонимание, и сделав из них отличных солдат. Прибывали в полк небольшие партии из расформированных отрядов — Богучарского и др., бывших на фронте Донской армии и сформированных из бежавших от красных. И полной неожиданностью для полка оказалось пополнение в 400 шт., прибывших из Южной армии, как сводный бат-н из Кабардинского и Сибирского полков, ставших 4-м бат-ном в полку.

Полк — уже сила: в нем до 1500 шт. при 30 пулеметах. Но опять отдохнуть не пришлось: 2 и 3 бат-ны через 6 дней, а 1-й — через 10, выступили на фронт.

СНОВА В БОЯХ

Красные готовили Добрармии «кровавую баню». Их цель была охватить Донскую армию слева, для чего провести наступление на правый фланг Добровольческой, занять Дебальцево и прервать соединяющую обе армии ж.-д. линию Лихая — Дебальцево. Они тем более надеялись на успех, что расстояние в 40 верст от Дебальцево до Кол-

паково наблюдалось лишь одним конным Алексеевским полком, а в резерве армии — один Марковский и то без 3-й роты, которая была в боях у Бахмута вместе с бат-ном Корниловцев.

4—8 февраля все четыре бат-на полка были переброшены на Дебальцево, Чернухино, Штеровку. Колеса эшелонов прогромыхали по ст. Дебальцево, громадному узлу пяти жел. дорог, имеющему 115 вер. путей, массу стрелок, строений. Начальником узла был от Донской армии кап. Коломзин, которого затем сменил капитан Марковского ж.-д. взвода Зайцев.

Холодная, сырая погода, серый вид... Безрадостная картина.

8—10 февраля. Красные начали наступление, устремившись на перерез жел. дороги восточнее Дебальцево. Батальоны контр-атакуют, преследуют, меняя направление то вправо, то влево. Между ними теряется связь; теряется и со штабом полка. Динамитный завод у Штеровки атакует и берет 4 бат-н; 3-й, преследуя красных, отходивших к этому заводу, едва не вступил в бой с 4-м бат-ном. Красные, пройдя между ними, повели наступление на ст. Петровеньки, где стоял штаб полка. Адъютант, кап. Образцов, рассыпав в цепь всех чинов штаба, сдерживал натиск, пока в тыл противнику не ударил 4 бат-н. Полк отбросил красных, нанес им большие потери, но и сам понес немало. Был убит ком-р 4-го бат-на, полк. Никулин.

11 февраля красные повели сильное наступление на ст. Баронскую на линии Дебальцево—Луганск, где 1-й бат-н только что сменил Корниловцев, и теснили его.

А в это время на ст. Чернухино, где стояло две роты, происходила знаменательная для Марковцев церемония.

Роты выстроены. К станции подходит короткий состав пассажирских вагонов. Из него выходит небольшого роста, просто одетый, без каких-либо внешних отличий, вида весьма не воинственного, ген. Май-Маевский, начальник обороны Донбасса. Поздоровавшись с ротами, **он поздравил их с годовщиной основания полка,** коротко сказал о его славных делах в течении минувшего года и превозгласил ему «ура». Марковцы ответили долго несмолкавшим громким «ура» в честь своего полка. После этого полковой адъютант прочел краткую реляцию о боях полка и привел приблизительную цифру потерь за год: 11.000 убитых и раненых.

Церемония была очень короткой под аккомпанемент орудий перед Дебальцево, где красные нажимали на 1 бат-н. Туда уже шли две роты и прямо с торжества на подводах помчались туда и роты, представлявшиеся генералу. Красные были остановлены, выбиты из двух деревень, но ст. Баронская осталась в их руках.

В спокойный час в с. Городище в присутствии помощника ком-ра полка, полк. Булаткина, отметил годовщину полка и 3-й бат-н, который от имени всего полка вручил полк. Булаткину Георгиевское оружие,

заслуженное им в Великую войну. Бат-н и полк были счастливы и горды иметь в своих рядах такого исключительного начальника, кавалера Ордена и Оружия, каким был полк. Булаткин.

С 12 февраля — непрерывные бои. У красных в воздухе висит змейковый аэростат; у них 2 и 3 бронепоезда против одного. Основной фронт полка — с. Городище—ст. Баронская, всего верст 12, но он высылает роты к востоку вплоть до ст. Штеровка на помощь конному полку. В с. Городище отряд полк. Булаткина: 3-й бат-н, ком-да разведчиков, конная сотня. 1-й бат-н берет ст. Баронская, но не может удержать ее и отходит. Отряд полк. Булаткина отбивает атаку красных и преследует их 10 верст, заняв с. Адрианополь, почти на линии следующей за Баронской ст. Мануиловки. Красные вынуждены оставить Баронскую. Но слабый отряд полк. Булаткина не может держаться на слишком выдвинутой вперед линии и отходит в исходное положение.

Он, как и весь полк, лишь отбивают атаки прот-ка, ведомые ежедневно, становящиеся более и более дерзкими. Полк несет потери. Отряду полк. Булаткина уже придаются роты других бат-нов. У него на весу правый фланг, он не имеет покоя ни днем, ни ночью. Красным помогают партизаны-шахтеры. Ком-р одной из рот, кап. Пиллер, ночью пошедший проверить посты, был найден убитым.

Красные почти ежедневно наступают на ст. Баронская. 1-й бат-н выработал особую тактику: сдерживая красных двумя ротами, другими двумя он занимает позиции к югу от станции и, когда головные роты оставляют станцию и ее занимают красные, бат-н переходит в контрнаступление. Эта тыловая позиция бат-на находилась на линии ж.-дор. выемки: если кр. бронепоездам удавалось выдвинуться вперед, то они, попав в эту выемку, не могли поражать своим огнем занявшие позиции роты.

Однажды... У красных три бронепоезда против одного — «Офицера». Бат-н оставляет станцию и останавливается на тыловой позиции. Головной бронепоезд красных в выемке. Ближайшие к ней цепи Марковцев бегут в тыл бронепоезду и заваливают полотно дороги. Следующий бронепоезд красных, видя это, открывает по ним огонь. Снаряды рвутся на полотне в тылу своего бронепоезда. Этот последний ведет бой с «Офицером». Вдруг «Офицер» полным ходом мчится вперед. И произошло неописуемое: команда головного поезда красных оставляет свой состав и спасается бегством. «Офицер» под огнем двух других кр. бронепоездов, прицепив брошенный состав, идет назад. К счастью его подошел тяжелый бронепоезд «Иван Калита», который и отогнал красных. Перешедший в наступление бат-н взял станцию.

Захваченный бронепоезд «Карл Маркс» имел две орудийных и две пулеметных площадки, совершенно исправных. На его паровозе красовалась надпись: «Мир хижинам, война дворцам»; на площадках красные звезды и разные лозунги.

У «Офицера» оказались поврежденные снарядами две площадки,

но на следующий день он снова в бою с двумя площадками, на которых красные звезды. А через несколько дней, когда были починены площадки «Офицера», на фронте Добрармии появился новый поезд — «Слава Офицеру» из площадок «Карла Маркса».

В один из ближайших дней красные вели наступление столь быстро, что цепь 1-го бат-на была их бронепоездом застигнута до спасительной выемки. Пулеметный огонь скосил 1-ю роту. Она потеряла до 60 чел., из них 20 убитыми, и осталась в составе 10—12 чел. Ее отвели на формирование в тыл.

Напор прот-ка продолжался и усиливался. В жестоком бою участвует весь полк. Атака одного бат-на окончилась неудачей: в рукопашной схватке среди каменоломень он потерял убитыми 16 чел. Противник удержался и на ночь остался на поле боя. В первый раз и Марковцы ночевали в поле на холоде.

Едва рассвело, красные перешли в наступление, открыв сильный орудийный огонь. Снаряд попадает в дом и выводит из строя 11 чел. Целый день боя «вничью» и опять ночевка на позиции. И только на третий день красные не выдержали, стали отходить и оставили ст. Баронская.

Отряд полк. Булаткина мог лишь отбиваться — так ничтожны стали его силы.

***

В часы случайно выпавшего отдыха бойцы имели возможность согреться в теплых домах, скромно подкрепить силы едой и поделиться мыслями. Главный вопрос у всех — что же дальше? Если так будет продолжаться, не удержаться нам. Говорили о пассивных действиях полка, о пассивной обороне, отбитии атак и контр-атаках с целью всего лишь удержания позиций. Красные наступают, а мы обороняемся. Почему бы нам не наступать, хотя бы с целью обороняться активно, как показал однажды полк. Булаткин. Говорили о том, почему действия конного полка и Марковцев обособлены и не связаны? Сколько раз они отбрасывали красных, но у них уже не было сил добить их, а добить могла бы кавалерия.

Об этом офицеры говорили своим начальникам. Говорили и полк. Булаткину и тот ответил: «Какими силами? Наш отряд наполовину уменьшился в численности. Вот, дали бы мне роты две...»

Итак, тут воля ком. полка. А его воля такова, что он держит своего помощника в отдалении и избегает вызывать к себе на совещание и его и ком-ров бат-нов.

Полк. Сальников знал, что им недовольны наиболее энергичные офицеры: полк. Булаткин, полк. Блейш и даже полк. Николаев, нач-к хоз. части; знал, что недовольны офицеры его штаба, что о нем и в штабе дивизии плохого мнения. Ведь кто-то приезжал для производства дознания. Он в штабе нервно говорил о саботаже против него целой

группы штаб-офицеров и десятка старых Марковцев. Знал и не выходил из штабного поезда, а распоряжения передавал только по телефону. Частей своего полка он никогда не навещал.

«Тает наш полк!», с тревогой говорили Марковцы. Свирепствовал и тиф. Много заболевших умирало. Умерла сестра Ксения Бакитько. Вскоре умер от тифа нач. дивизии, ген. Станкевич. Конечно, причины тому: погода, санитарные условия, нелегкая служба, быть может — питание и, конечно, скверное состояние обуви и обмундирования.

В записях Марковцев читаем:

«Полк. Николаев (нач. хоз. части) проявлял большую изобретательность в добывании продуктов и обмундирования. Я сам по его приказанию ездил в Новороссийск добывать ботинки прямо с парохода, снабженный самыми невероятными документами. Но ботинки оказались «мифом». Здесь нет места рассказывать, как получалась на Кубани мука и провозилась под сеном в Донбасс для снабжения полка, как вывозились оттуда же сало и мясо через «таможенные рогатки» в Кущевке, на границе Кубани и Дона. Со стороны это не было видно, а в Донбассе «подножным кормом» снабдиться было почти невозможно». (У Марковцев тогда не могла даже возникнуть мысль, что «Единая Россия» имела на своей земле внутренние таможни).

Как на людах, погода и прочее сказывались и на лошадях.

До крайности тяжело приходилось Марк. арт. дивизиону. Три его батареи — 12 орудий — должны были обслуживать по началу 2 полка, потом 3. Редко когда один взвод из шести отправлялся на отдых на несколько дней. Лошади измаривались. 1-я батарея, бывшая с Корниловцами у Дебальцево в самом начале боев, должна была поставить 2 орудия на две ж.-д. платформы, назвав их «Ген. Марков» и «Полк. Миончинский» для того, чтобы и быстро направлять орудия к угрожаемому месту и чтобы беречь силы лошадей, изнеможенных недостатком корма.

Тиф косил людей. За период боев в Донбассе только в дивизионе умерло 11 человек офицеров. Из-за выбытия людей приходилось снимать с позиций орудия. Вот картина: едет в тыл орудие; на передней паре упряжки сидит артиллерист, на средней — ж.-д. сторож, а на корне — Корниловец с винтовкой за плечами. Выручило дивизион пополнение из Южной армии: орудие с упряжкой и прислугой.

Тает полк. Пополнений нет, а прибывающие по выздоровлении от ран, едва ли восполняли потери от тифа. Тревожно на душе у Марковцев. Но есть еще полная решимость биться: будет пополнение, будет помощь и должен же наступить поворотный момент к лучшему. А пока...

28 февраля. Полк отбил атаки, но правее него красные пересекли жел. дорогу и отряд полк. Булаткина отошел на ст. Фащевка. На следующий день отбил атаку на эту станцию,однако положение кажется определенно тревожным, а из штаба полка нет ни освещения обстановки, ни распоряжений. Полк. Булаткин узнает, что штаб выехал со станции Чернухино на юг. Он скачет на ближайший разъезд, где и застал штаб в тот момент, когда состав трогается дальше на юг: на разъезд наступала с востока цепь, которую сдерживали 14 чинов, явно оставляемых штабом. Полк. Булаткин останавливает состав, приказывает втащить на крышу имеющиеся при штабе 2 пулемета и огнем поддерживает сдерживающих красных 14 человек. Поезд штаба стоит под обстрелом.

Но подходят 2 роты 4-го батальона, вызванные ранее штабом и отбрасывают красных. На поле подбирают тела семи убитых, которых вместе с уцелевшими полк. Сальников обрек на гибель, спасая себя.

Полк. Булаткин вошел в вагон ком-ра полка. Короткий разговор и... состав штаба возвращается на Чернухино.

***

Ненормальные отношения между командиром полка и полком в целом стали принимать враждебный характер. Полк стал считать своим командиром полк. Булаткина и ждал только решения свыше. В ожидании его в самом штабе полка произошел «бунт». Начался он так:

Возмущенный одним офицером штаба за невыполнение его личных (частных) требований, в то время, как этот офицер был занят отправкой патронов в батальоны, полк. Сальников обрушился на него с грубыми выражениями и заявил: «Откомандировываю в 7-ю роту». Присутствующий при этом кап. Образцов сейчас же заявил: «Разрешите и мне откомандироваться в 7-ю роту». За кап. Образцовым то же заявили и другие офицеры штаба. «Все в 7-ю роту!» — кричал в исступлении он. Не заявил об отчислении лишь оперативный адъютант, как было условлено раньше, дабы не нарушить оперативную работу штаба.

Кап. Образцов, испросив краткий отпуск в обоз, чтобы подготовиться к строевой службе в 7-й роте, ком-ром которой он назначался (рота как раз потеряла третьего своего ком-ра раненым), с одним из офицеров явился к нач. хоз. части, полк. Николаеву, и вместе с ним отправился к нач-ку дивизии. Ген. Станкевич обещал немедленно сообщить обо всем высшим инстанциям.

***

Бои продолжались. Красные давили своей массой. У полка фронт и на восток. Большими силами красные повели наступление на Дебальцево с сев.-запада и, сбив Корниловцев, заняли станцию. С помощью

подошедшего 4-го бат-на Марковцев и бронепоезда «Ген. Алексеев» положение было восстановлено. Но красные заняли ст. Хацепетовка. 4-й бат-н идет туда на помощь Корниловцам. Станция взята, но снова оставлено Дебальцево. Высылается 3-й бат-н Марковцев. Полк. Булаткин объединяет командование 3 и 4 бат-нами.

Марковский полк оказался в двух группах, разобщенным не только вклинившимся прот-ком, но и огромной глубокой лощиной со многими меньшими, входящими в нее, заросшими лесом и кустарником. Десять верст разделяли бат-ны.

Выпал густой снег. Настали сильные морозы.

Ежедневные бои. Красные обходили полк с востока и заняли Никишины хутора. Два бат-на, стоявшие на ст. Фащевка и Чернухино, пробились на юг. Штабу полка пришлось оставить свой состав и сесть на коней. Красными далеко в тылу полка занято с. Приют. 1-й бат-н с эскадроном в трескучий мороз, когда замерзала вода в пулеметах, повел наступление на Приют. Красные оставили село, однако бат-ну приказано вернуться на ст. Расыпная. Бат-н понес небольшие потери, но был ранен его ком-р, полк. Блейш.

Наконец-то красным удался глубокий прорыв между Донцами и Добрармией. Ликвидировать его у последней сил не было. Марковский полк имел едва 500 шт., а с подошедшей после формирования 1-й ротой — 600 шт.

На следующий день 1 и 2 бат-ны все же перешли в наступление с поддержкой бронепоезда «Офицер». У Никишиных хуторов они захватили бронированный поезд, вооруженный пулеметами. Отчаянно рванувшись вперед, взяли и ст. ст. Фащевка и Чернухино. Им помогли два донских бронепоезда и наступавшие с востока донские части. Но с уходом последних красные перешли в контр-наступление и принудили бат-ны отойти к Н. Орловке и Рассыпной.

В течении всех дней два бат-на с полк. Булаткиным вели тяжелые бои к югу от Дебальцева.

Марковцами овладевала апатия.

13 марта. 1-му и 2-му бат-нам противник дал некоторую передышку, но вел наступление на 3-й и 4-й. Сильный туман. Пересеченная лощинами местность. Бат-ны вынуждены оставить с. Ольховатка. Но нет 9-й Офиц. роты. Слышна стрельба на окраине села. Пол. Булаткин с ординарцем скачет туда и... нарывается на красных, падает с лошади. Ординарец успевает ускакать и сообщить о происшедшем отходящим ротам и ком-ру полка, бывшему невдалеке. Роты остановились; подошла и 9-я рота. Они готовы ринуться обратно в село, но полк. Сальников остается совершенно безучастным к судьбе полк. Булаткина: он приказывает отходить...

Гнетущее настроение овладело всеми — погиб любимый начальник, надежда всего полка. Не было слышно никаких команд, никакого руководства; бесформенные цепочки рот, просто групп, отходили в глубоком унынии, куда глаза глядят. Ком-ра полка среди них уже не было.

Ночью 3-й и 4-й бат-ны пришли в какие-то хутора. Все молча заснули, даже не выставив охранения. Утром узнали, что они около Енакиево; привели себя в порядок и только теперь вполне осознали, какую невознаградимую потерю понесли они. Что будет теперь с полком?

14 марта 2, 3, и 4 бат-ны были отведены в резерв в район ст. Сердитая. 1 бат-н оставался на ст. Рассыпная. Нужен был отдых Марковцам, находившимся непрерывно в боях с 8 февраля. Но он может быть полным тогда, когда они спокойны за полк. «Убрать командира!» — говорили все.

И только через несколько дней Марковцы с радостью узнали — Сальников отрешен. Ком-ром полка назначен полк. Блейш, за ранением которого командование временно принял ком-р 2-го бат-на, полковник Трусов.

Отход Марковцев принудил отойти и Корниловцев; отвести и 3-ю дивизию. Теперь лишь небольшой район Добасса занимался армией.

***

На фронте некоторое затишье.

На Рассыпную, где стоял 1 бат-н, прибыли два поезда — ген.

Май-Маевского и ген. Шкуро. Генералы с группой офицеров стояли на платформе и о чем-то беседовали. Со стороны Дебальцево слышна была орудийная стрельба. Оттуда прискакали два кубанца. Ген. Шкуро, выслушав доклад одного из них, возбужденно сказал ген. Май-Маевскому:

— Говорил я тебе, что в лоб нельзя взять Дебальцево!

Вскоре генералы уехали.

«На фронт прибыла кавалерия», — заговорили Марковцы с радостью и надеждами. Узнали также, что правее их занял участок Кубанский пластунский полк. Через день узнали о взятии Шкуринцами ст. Дебальцево. Надежды стали осуществляться, но... красные атаковали 1-й бат-н и пластунов и заставили их отойти на линию ст. Чистяково. Недоумение — Дебальцево занято, а красные продолжают наступать. Марковцы не знали, что Шкуринцы пошли рейдом по тылам красных в юго-западном направлении.

19 марта в районе ст. Чистяково сосредоточился весь полк. За 5 дней он несколько пополнился, отдохнул.

2 марта ночным налетом группа полк. Наумова в 250 шт. при 2-х орудиях взяла Рассыпную, а с утра два бат-на повели наступление вдоль ж. дороги, дошли до Чернухино и только здесь встретили сильное контр-наступление красных, остановленное с приходов всех бат-нов.

21 марта полк переходит в наступление, имея 4 орудия и бронепоезд «Дмитрий Донской», и опять неудача, хотя во время боя к нему подошел Донской пластунский бат-н.

Ночью Донской бат-н ушел к с. Ольховатка, где красные перешли в наступление, а с утра — Марковцы наступали 3-й раз и в следующий день — 4-й, но сломить врага, имевшего 4 бронепоезда, не смогли.

Ночь. Убирают раненых и убитых. Их много. Полк отошел к Никишиным хуторам. Пришлось свести его в 3 бат-на: 1 и 4 бат-ны слились в один, по 60 шт. в роте; 2 и 3 — по 30—40 шт. На следующий день один бат-н ходил к Ольховатке, где помог Донским пластунам восстановить положение и взять село.

*
**

Ольховатка. Она памятна. Там Марковцы не могли спасти полк. Булаткина и он там оставлен. Как только село было взято, стали выяснять его судьбу. Узнали. Полк. Булаткин, упав с лошади, вскочил на сани проезжавшего крестьянина. На повороте он не удержался на них и свалился. К нему подбежали красные. Он стрелял из револьвера, был убит и зверски обезображен. В течении нескольких часов тело его оставалось на улице. Проходившие красноармейцы издевались над ним, били ногами, приговаривая: «Виноват, Ваше Высокоблагородие». Ночью священник похоронил его и, боясь мести красных, уехал из села. Место

погребения указал староста. Тело откопали и отправили в Ростов в сопровождении трех офицеров.

В Ростове гроб с останками Героя с вокзала в собор, на последнее отпевание, сопровождали — взвод в 50 Марковцев из раненых, могущих нести винтовки, и до ста раненых более серьезно. В соборе — прощание. Сквозь стекло в гробе едва узнавали бойцы лицо своего доблестного начальника. На кладбище — салют: пять ружейных залпов.

С 26 марта по 5 апреля было сравнительно спокойно. Но это не значит, что боевые действия не велись и что та и другая сторона не ожидали внезапного удара.

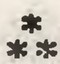
«Куда пропали кубанцы Шкуро?»

«Мало, очень мало осталось нас!»

Нервничали все. Замечался сильный упадок духа; среди солдат, в большинстве пленных, в особенности.

Произошел показательный случай. Красные как-то вяло начали наступление. Против них был выслан взвод в составе трех офицеров и 12-ти солдат с пулеметами «Максима» и «Люиса». Когда красные подошли на близкое расстояние, было приказано открыть огонь, но... стрелял лишь «Максим». Тогда ком-р взвода приказал отходить, а ему ответили: «Г-н поручик! Вы отходите, а мы остаемся». Отошли три офицера и пулемет «Максима», на тачанке которого лежал его убитый нач-к, ст. у. оф. Бабенко. Сдался также, внушавший полное доверие, смельчак вольноопределяющийся со своим «Люисом».

С падением духа было трудно бороться. Рядовые выдвигали мотив: «Красных много, нас мало». Уверения, что скоро подойдут новые части, кавалерия и даже танки, о которых носились слухи, не всех утешали. Началось дезертирство. Полк. Наумов, человек прямой и в делах, и на словах, объявил своим: кто хочет сдаться красным, то пусть открыто заявит, он даст тому рубль и отпустит на четыре стороны. Заявлений не поступало.

В самом деле — какую силу представлял собой Марковский полк в начале апреля? В 1-м бат-не немногим более 150 шт.; во 2-м — около 90 (в Офиц. роте — 7 офицеров и десяток солдат); в 3-м — около 100 шт. (в Офиц. роте — 25 офицеров, 5 татар и 10 китайцев; в 10-й — 10 шт.; в 11-й — до 15 и в 12-й — до 35). Была еще сильная команда пеш. разведчиков около 100 шт. Всего до 500 шт., 25 пулеметов и конная сотня в 50 шашек. И это все.

Приходилось радоваться каждому вернувшемуся в строй. Однажды в 7-ю роту вернулось сразу 5 офицеров. Громкое «ура» пронеслось по хутору. Кричали 7 офицеров, получившие пополнение в 5 человек.

*
**

Тяжела была служба при такой ничтожной численности и при разбросанности рот. И опасна: красные проводили налеты на хутора; не раз, по случайной тревоге, роты оставляли свои места, чтобы через короткое время спокойно занять их. Не оставались в долгу и Марковцы. Группа полк. Наумова одной ночью провела налет на ст. Фащевка.

Несмотря на слабость полка, две его роты были отправлены в общий резерв на ст. Иловайская, откуда они однажды выезжали для поддержки Корниловцев.

5 апреля красные перешли в наступление на полк, выбили его из хуторов и только перед Рассыпной, 6-го апреля, потерпев неудачу, отошли.

Был канун праздника Св. Пасхи.

⁂

Святая ночь. В эту ночь всегда была тишина и полный покой природы. Так и теперь. Мысли всех, где бы кто ни находился, направлены к наступающему Великому Празднику. Мистический смысл Его захватывает души и сердца. В данной обстановке особенно. Радостно и то, что позаботилась о бойцах хозяйственная часть, прислав куличи, яйца, сало.

На перроне ст. Рассыпная устанавливается аналой — здесь будет отслужена Пасхальная Заутреня. Выстроились 3 роты. Пришло немало местных жителей. Торжественные возгласы полкового священника:

— Христос Воскресе! — и громкий радостный ответ:

— Воистину Воскресе!

Бойцы и жители, забыв обстановку, поздравляли друг друга и расходились по своим домам. Христосовались и на постах, где царило также полное спокойствие. А затем разговлялись.

7 АПРЕЛЯ. ДЕНЬ СВ. ПАСХИ

Совершенно спокойно. Сообщили, что красноармейцы вынесли постановление, вопреки воле начальства в этот день ни наступать, ни стрелять. Приходившие из района красных, жители с грустью говорили, что там запрещены богослужения.

— А вот у вас же молились, — добавляли они.

Скромен был бы пасхальный стол у бойцов, если бы жители с радостью не разделили с ними свой, если бы крестьяне соседних хуторов не принесли им свое угощение. Отрадно встретили Праздник Марковцы. Хуже было тем двум ротам, которые стояли на ст. Иловайская. Им запрещено было оставлять вагоны. Они оставались в холоде и должны были удовлетвориться казенной дачей, впрочем увеличенной щедрыми Кубанцами стоявшего рядом состава. Их оживила и согрела водка, которой также поделились Кубанцы.

8 апреля, на второй день Св. Пасхи, красные перешли в наступление на полк и стоявший правее Алексеевский пехотный и принудили их на следующий день отойти на линию ст. Чистяково.

В последующие дни, до 20 апреля, шли каждодневные бои. Наступали красные, но наступали и Марковцы, Алексеевцы и Конный полк. Красные заметно слабели, главным образом морально: их расстраивали рейды бат-нов Марковцев, иногда довольно глубоких (на с. Хрустальное). Ослабление противника позволило полк отвести в резерв в с. Алексеево-Орлово, куда пришли и две роты со ст. Иловайская.

21-29 апреля полк в резерве. Но он стоит как на позиции: орудия, пулеметы готовы в любой момент открыть огонь. До противника всего верст десять и перед ним лишь легкая завеса от конного полка. Но бат-ну полк. Наумова пришлось спокойно простоять только 3 дня: он был вызван на фронт для поддержки Корниловцев.

Первый его бой у ст. Криничная. Он не сдержал красных и ночью отошел к ст. Макеевка, где вошел в связь с Дроздовцами. На следующий день атакованный красными, потеряв пулемет, он отошел к ст. Харцысск, где на какой-то платформе стал немедленно грузиться в вагоны. Состав тронулся сразу же. Была ночь.

Проезжая мимо главного Харцысского вокзала, ярко освещенного, все были поражены, услышав игру духового оркестра и царившим на станции полным спокойствием. Поразило их еще и то, что на путях стояли составы, груженные орудиями, повозками, фуражем, будто станция была где-то на значительном удалении от фронта, а не в нескольких верстах.

Узнали в чем дело: на станции был, приехавший после выздоровления от тифа, ген. Врангель. Узнали также, что он в этот день, где-то между Алексеево-Орлово и Зуево, смотрел 1 и 2 бат-ны полка и говорил им о скором переходе армии в наступление, а пока приказал стоять твердо и держаться на месте наличными силами, какие бы они не были. Как ни казалась всем обстановка отчаянной, но ген. Врангель поднял уверенность бойцов в скором решительном переломе борьбы.

3 бат-н, вопреки ожиданию его чинов, не выгрузился на ст. Сердитая и не вернулся к полку, а поехал на ст. Чистяково, от которой ночью совершил набег на хутора к западу от Рассыпной и только после этого присоединился к полку, продолжавшему стоять в резерве. Между прочим, пленные красноармейцы, и крестьяне это подтверждали, говорили, как они трепещут при мысли о появлении у белых танков; каждый случайный дымок они принимали за танк. И, как ни странно, разговоры о танках только теперь получили реальное основание и у Марковцев.

30 апреля, отдохнув всего два дня, бат-н полк. Наумова, имя которого в полку произносилось с гордостью, опять направлен в дело. Он выступил с двумя орудиями в северном направлении, выбил красных

из Давыдово-Орлово, затем Иваново-Орлово и остановился в 8 верстах не доходя до Енакиево с обеспечивающим его фланги эскадронами конного полка.

1 мая. Для красных знаменательный день — Пролетарский праздник. В охранении 9-я рота. Ей ясно виден город и большое оживление на окраине: воинские части, толпы народа, красные флаги... Бесспорно проводился первомайский митинг. Забавное зрелище, но и беспокоющее — большевики подымают настроение и красноармейцев, и жителей. А в это время остальные роты бат-на выстроились за селом для встречи ген. Шкуро.

Галопом приближалась большая группа всадников. Впереди казак с Национальным флагом, по бокам два других; за ними генерал со штабом, далее — сотня казаков со значком, на котором изображена волчья голова. Генерал, поздоровавшись с ротами, сказал, что в ближайшем будущем он со своим корпусом нанесет прот-ку сокрушающий удар и облегчит переход в наступление всей армии. Поговорив с полк. Наумовым, он ускакал. На этот раз Марковцы не сомневались в помощи казаков. А пока...

В 16 часов густые цепи красных с красными флагами перешли в наступление на бат-н. Сначала находившаяся в охранении 9 рота, а затем, уже за селом, и весь бат-н с двумя орудиями и десятком пулеметов оказали им упорное сопротивление. «Вперед. За революцию!» — неслось из красных цепей. Но не сдвинулась с места редкая цепь. Упорство ее было необычайное и это упорство вызывали красные флаги. Противник отхлынул в село, понеся огромные потери. Но и бат-н понес большие: одна 9-я рота потеряла 17 человек, почти половину своего состава.

Бат-н на ночь отошел к Давыдово-Орлово. На следующий день он уже не мог остановить красных и отошел к Рассыпной, которую в этот день взяли 1 и 2 бат-ны полка.

С 3 по 12 мая полк стоит на линии станции и отбивает ежедневные атаки красных. Уже слабые, без всякого порыва.

В полк вернулся ком-р полка, полк. Блейш, и с ним десятки выздоровевших от ран и болезней. Влито было небольшое пополнение из запасного бат-на. Поступило в полк и несколько офицеров, прибывших из Русского экспедиционного корпуса, бывшего во Франции. Роты постепенно достигли состава в 30—40 чел. и казались, после всего пережитого, достаточно сильными. Силен был полк числом пулеметов и отличными испытанными пулеметчиками.

О скором наступлении говорили факты: возвратившиеся в полк своими глазами видели направляемые на фронт танки; артиллеристы говорили о вызове их недавно сформированной 4-й батареи и о приказании иметь в батареях не только полный комплект снарядов, но и возимый запас.

Марковский арт. дивизион был переименован в бригаду в составе 4-х легких и 2-х гаубичных батарей. 1-ую дивизию, после смерти ген. Станкевича, принял ком-р конного полка, ген. Колоссовский; ее состав: Корниловский, Марковский, Алексеевский пехотные и Алексеевский конный полки; Марк. арт. бригада и Марк. инженерная рота со взводами — жел.-дорожным и телеграфным.

Предвестником перехода в наступление было и назначение ген. Кутепова ком-ром 1-го армейского корпуса, составленного из 1-й и 3-й дивизий.

Генерал Кутепов

Настроение Марковцев крепло. В успехе не сомневались. «Вперед!» — был их клич. Сама погода, сменившая дожди и холод на солнце и тепло, подымала уверенность. Одно лишь печалило — ген. Врангель назначен командующим Кавказской Добрармией, действующей на Царкицынском направлении; его заместил ген. Май-Маевский.

12 мая днем полк получил приказ о переходе 13 мая в наступление. Общая радость и ликование. Когда в январе Марковцы ехали в Донбасс, думали, что, как говорил ген. Деникин, они выступают на «Широкую Московскую дорогу», но оказались не на дороге, а в каком-от лабиринте шахт, заводов, жел. дорог, балок... Четыре месяца сражались они, понеся потери до 2.000 чел., так и не выйдя еще на дорогу. Наконец-то они выйдут на нее и пойдут вперед к заветной цели.

В ТЫЛУ

Марковцы в тылу — это почти исключительно раненые, больные, инвалиды, какая-то часть выздоравливающих, получивших 2—3-недельный отпуск. Их тысячи. Ими заполнены госпиталя, военные общежития. Уезжая в тыл, они, пережившие физические и моральные испытания в боях, мечтали там не только поправиться, но и отдохнуть физически и морально. Они отправлялись в тыл, испытывая радость, думая, что там они найдут всяческое сочувствие и содействие. Но в тылу они вынуждены были быстро разочароваться.

В первый раз Марковцы, как и все добровольцы, познали тыл — эгоистичный и трусливый, когда они до ухода в 1-й Кубанский поход вели борьбу в районе Ростова и Новочеркасмска. Потом во время 2-го.

В воспоминаниях — записи:

«Страшно радовали трехцветные флаги на станциях, старорежимные вахмистры-жандармы, порядок. Но вот и ложка дегтя. Поезда наполнены беженцами. Как саранча набрасывались они (а большинство — интеллигентных) на съестное, покупая все, очевидно, не стесняясь в деньгах. Даже бабы были недовольны. «Дайте хоть что-нибудь купить военному».

«На нас, ехавшись на фронт, смотрели испуганно и зло. Я пробовал поговорить.. куда там. «Вы вот воюете все, не даете покоя; только вызываете большевиков на репрессии».

«Итак — виноваты. И это говорят спасающиеся у нас за спиной. Очень много офицеров отлично одетых, здоровых, веселых, ходивших по всяким учреждениям Екатеринодара, особенно благотворительным. Из них можно было свободно составить офицерскую дивизию».

«Фронтовики вели себя скромнее и достойнее. Одеты были явно хуже. Мы и они друг друга не понимали. «Черт вас несет на фронт. Не ухлопали, опять хотите?» И в первый раз услышали фразу: «Ловченье — свет, неловченье — тьма. Я не преувеличиваю».

«Вернулись наши роты, загорелые, небритые. Встретились как братья. Говорили о полке. Еще усилие и мы пойдем на Москву, добьем гада, опозорившего Родину. Пасть может и великий народ, погибнуть же может только подлый».

Ложек дегтя было немало. Б богатой семье, искренно и радостно приветствовавшей и принимавшей у себя добровольцев, когда был отдан приказ о мобилизации, без стеснения и возмущенно говорили: «Какое право имеет ген. Деникин проводить мобилизацию?»

В семье видного судейского просили посодействовать, чтобы их сын избежал мобилизации и, если это нельзя, то хотя бы устроить его на какое-либо безопасное место.

На фронте Марковцы забывали про такие ложки дегтя и сталкивались с ними снова, когда попадали в тыл.

Бои в Донецком Бассейне вывели из строя многие сотни и на этот раз большинство из них размещалось в Ростове. Марковцы были нетребовательны, удовлетворялись скромными госпиталями, скудным питанием; были благодарны за внимательный уход, за милое отношение как медицинского персонала, так и «волонтерок» — женской молодежи, заменявших санитаров и доставлявших светлую радость. Но стоило несколько поправиться и выйти из госпиталя в город, как снова омрачалось их настроение. Они встречали надменных офицеров, отлично одетых и смотревших на них свысока и часто в отношении их пренебрегающих элементарной этикой; элегантных дам и господ, отказывающихся оказать раненым хоть долю внимания и уважения.

Даже... даже когда Марковцы хоронили своего любимого командира-героя, полк. Булаткина, ростовчане в массе проявили полное равнодушие и лишь отчасти любопытство.

Сильно возмущало Марковцев и отношение тыловых военных властей к раненым, когда, как казалось бы, они должны были быть особенно внимательны к фронтовикам и снисходительны к их поступкам. Комендант госпиталя грубо отчитывал офицеров даже за короткое опоздание из отпуска. Но такому отношению был положен конец самими ранеными. Выписанный из госпиталя офицер получил 3-недельный отпуск, но ему негде провести его и он просил оставить его еще на неделю. Грубый отказ. Офицер теряет самообладание и комендант приказывает связать его; вскакивают с коек раненые и требуют оставить офицера вплоть до полного выздоровления. Требование удовлетворяется.

Трое Марковцев, едва ставших на ноги, пожелали наконец-то развлечься — сходить в театр. У кассы большая очередь; стоят в ней и комендантские офицеры. Марковцы сочли, что они имеют полное право получить билеты вне очереди, и один из них подошел к кассе.

— В очередь! — закричали стоявшие.

— Мы — раненые, — отвечают им.

Особенно горячо требовал стать в очередь комендантский полковник.

— Если хотите получить удовольствие, то потрудитесь иметь удовольствие постоять в очереди, — выпалил он и, подойдя к стоявшему у кассы комендантскому поручику, приказал следить, чтобы кассир не выдал билетов.

Марковцев это взорвало и, несмотря на крики стоявших «в очередь!» и несмотря на предложение одной дамы купить им билеты, они, поблагодарив ее, продолжали настаивать на выдаче им билетов вне очереди. И билеты им были даны, но только, когда к кассе подошел кто-то из администрации театра и сказал:

— Господа! Раненые имеют полное право получить билеты вне очереди.

Таков был даже «военный» тыл армии.

Дама-патронесса одного из госпиталей Ростова пригласила к себе на пасхальный обед 12 офицеров — Марковцев и Корниловцев. Помимо их в гостях оказалось еще человек 16 штатских и военных: старший врач какого-то Донского корпуса, блестящий адъютант и какие-то «тузы». После обеда в гостиной разговорились на разные темы. Важные гости подняли вопрос об «ориентации» Добрармии и считали ошибкой ген. Деникина, что он в свое время принял «ориентацию» на союзников, а не на немцев, как Дон. Давно бы большевики были разбиты, — утверждали они. Говорили и о другой «ошибке» — поход Добрармии на Кавказ, а не к Царицыну, как предлагал Атаман Краснов. Был затронут и больной вопрос об офицерах, которые держались на рядовом положении — «офицеров нужно беречь». Ни по одному из затронутых вопросов у беседующих фронтовиков и тыловиков не нашлось общего мнения. Так и разошлись. Дама сделала красивый жест в отношении раненых, но для нее своими были люди тыла. С душевной горечью ушли с обеда Добровольцы. И было чем им серьезно возмущаться и беспокоиться. Что мог дать армии такой тыл?

Но были, как исключение, и отрадные случаи. Вот один:

Молодой подпоручик-Марковец после выписки из госпиталя жил в общежитии при комендантском управлении. Спал на соломенном тюфяке и такой же подушке; полуголодным оставался и после обеда и после ужина, невкусно приготовляемых на казенной кухне. У него нет ни копейки денег. О культурных и духовных запросах комендантское управление не беспокоилось. Черная тоска была у подпоручика. Он мог бы поехать отдыхать в хоз. часть полка, но так хотелось остаться в городе, хотя бы на несколько дней.

Однажды он сидел в сквере. Мимо проходили дамы, мужчины, окидывая его мимолетным равнодушным взглядом. Но вот две дамы внимательно посмотрели, остановились и, подойдя, спросили о здоровьи, о том, что ему, вероятно, скучно и предложили пойти к ним. Не сразу согласился подпоручик. Дома обе дамы — мать и дочь — сделали все, чтобы развлечь офицера. Его угостили; дочь играла на рояле, а потом расспрашивали его о семье, о полку, о бойцах... о многом. Уговорили остаться ночевать. А на следующий день сказали, что решили предоставить 4 комнаты для 5—6 легко раненых и нуждающихся в поправке, обещая полный уход за ними. Свое решение они выполнили и в течении нескольких месяцев у них перебывало немало Марковцев. Очень ценно было доброе участие к бойцам, но еще более ценно было их полное безоговорочное сочувствие идее борьбы и понимание духа и настроения Добровольцев. Светлое исключение в тылу армии. И говоря об обеих дамах, Марковцы делали вывод: биться за таких людей — радость. И как больно, что тыл в массе не желает думать о нуждах фронта и живет своей эгоистичной жизнью.

В конце апреля Ростов переживал очередную панику. Красная армия подошла к нему с юго-востока на один переход. Марковцы считали это приближающимся ему возмездием. Они с любопытством смотрели на волнующихся граждан, а те избегали смотреть на них. Но иные все же спрашивали: «Как вы думаете?» Они отвечали спокойно: «А мы думаем, что вот нас куда-то эвакуируют». Поезда с ранеными уходили из Ростова на юг, главным образом на Минераловодскую группу. Раненых провожали со скрытым равнодушием — уезжали виновники их грядущих несчастий. Марковцы с благодарностью помнили лишь волонтерок и сестер госпиталей, двух дам и немногих других, провожавших их со слезами и благословениями.

***

Вероятно не было города на юге России, где бы в лазаретах не лежали Марковцы, Корниловцы, Дроздовцы, Алексеевцы. Все жили мыслями и беспокойством за свои части. Всех объединяло сознание принадлежности к старым добровольческим частям. Все ревниво оберегали честь и славу их. Были споры о степени их доблести. Вызывали на это статьи и заметки в газетах. Но поспорят и успокоятся. Братство частей крепилось не только на фронте, но и в тылу, в госпиталях.

Но как ни покойно и удобно жилось в госпиталях, как ни приятно было отдохнуть от боевой страды и развлечься, все же мысли бойцов непрерывно направлялись к их «боевым семьям», к борьбе, долгу служения Родине. И не выдерживали они даже в таких прекрасных местах, как Геленджик, Минеральные Воды, в расцвете весны. Еще не залечены раны, еще не восстановлены силы, а они просят выписать их из лазаретов. Для окончательного поправления здоровья есть этап — хозяйственная часть, которая ближе к полку и где необходимо провести последние приготовления, касающиеся обуви, белья, обмундирования — вечной заботы Добровольцев.

«Человек нервный, но добрый» (записано о нач-ке хоз. части, полк. Николаеве) выдумывал все, что мог, чтобы снабдить возвращающихся в полк хоть каким-либо обмундированием, бельем, сапогами. Но требовательность, быть может и законная со стороны возвращающихся в строй, наталкивалась на действительное отсутствие всяких запасов, но кое-что, хотя бы починка, проводилась».

В хоз. части узнавали новое о тыле, о рогатках-таможнях, границах. Не обвинять же в этом ген. Деникина?

Да. В тылу далеко не все благополучно.

ОБСТАНОВКА В СЕРЕДИНЕ МАЯ 1919 г.

С начала 1919 г. красная армия вела наступление на всем фронте В. С. юга России. Но она потерпела поражение на своем левом фланге, где Кавказская Добрармия перешла в наступление с линии р. Маныч и подходила уже к Царицыну. Все усилия сбить воспрявшую духом Донскую армию окончились полной неудачей. Не удались и беспрерывные атаки на Добрармию в Донбассе. Зато на украинском фронте красные добились полного успеха, дошли до Черного моря и захватили большую часть Крыма.

Наступление Кр. армии к востоку от Днепра сдерживали слабые отряды, которые смогли организоваться на разлагающейся Украине, усиленные затем малочисленными частями Добрармии в Крыму и отступившей от Екатеринослава группой офицеров в 400 чел. Собравшиеся в Сев. Таврии части составляли Крымско-Азовский корпус, который, не удержавшись на Крымских перешейках, откатился на Акманайские позиции, недалеко от Керчи, где при поддержке флота союзников и нескольких малых судов, переданных ими в распоряжение Добрармии, упорно оборонялся.

В марте красные захватили и Одесский район. Здесь союзники в полной мере и наглядно показали свое отношение к драме своей недавней союзницы — России, к драме Украины, которой они обещали помощь, и к Добрармии.

Дессант союзников в Одессе был постепенно доведен до 3 с половиной дивизий — 1 с полов. французских и двух греческих — под французским командованием. Последнее разрешило формирование и русских отрядов под своим контролем и добровольческих частей, подчиненных ген. Деникину. Прибывший в Одессу с группой Марковцев, ген. Тимановский энергично начал вербовку с большой надеждой на успех. В городе проживали тогда десятки тысяч офицеров — местных жителей и осевших здесь с начала революции, из нежелающих ехать в районы, занятые красными, а также недавно бежавших с Украины от анархии и большевиков под защиту штыков союзников. Был план сформировать в Одессе 4-ю «Железную» стр. дивизию, в мирное время здесь стоявшую, которой командовал на фронте ген. Деникин и офицером которой был ген. Тимановский.

Но формирование продвигалось слабо.

Однажды был устроен смотр отряду и прохождение церемониальным маршем. Впереди шли 40 Марковцев в своей форме. Громкое «Ура Марковцам» неслось со всех сторон. А потом в газете появилась статья писателя Брешко-Брешковского, возносившего дух и славу Марковцев до небес. «Нам, читавшим эту статью, было как-то не по себе», — записал кап. Савельев.

После этого парада отряд стал быстро расти и к марту насчитывал 5.000 чел. Переименовавшись в бригаду, он частично занимал участок

на фронте, частично нес гарнизонную службу в Одессе, где скрывалось немало анархического элемента. Бригада была сильна дисциплиной и порядком; готова была начать наступательные действия, но союзники бездействовали и сдерживали ее порыв тем, что грозили лишить всякого снабжения.

Активные действия начали красные и даже не их регулярные части, а партизанские отряды. Они разгромили на одном участке франко-греческий отряд, захватив его танки. Французское командование срочно стало эвакуировать Одессу, приказав ген. Тимановскому прикрывать эвакуацию.. Бригада оказалась брошенной французами. Все русские формирования распались и только бригада, сохраняя порядок, стала отходить к румынской границе и перешла ее, но в половинном составе — слабые духом и волей оставили ее.

Румыны и французы потребовали ее разоружения, но ген. Тимановский отказался, сдав лишь ту часть вооружения, которая не могла быть погружена на пароход, прибывший из Новороссийска.

Вывод ясен для всех — нужно рассчитывать только на свои силы.

На тачанке.
Группа Марковцев, выписывающихся
из госпиталя в Кисловодске.
В глубуне направо — кап. Павлов.

ВПЕРЕД — К МОСКВЕ!

13 мая в три часа утра полк поднят. Мгновенно все на ногах, бодры, оживлены; съедают приготовленный горячий обед с «запасом» для поддержания сил на целый день, а то и более.

Полк выступил двумя колоннами с 6 орудиями, но не было ни танков, ни броневтомобилей. Красные оказали упорное сопротивление и только на третий день они были отброшены за большую лощину и на пятый была взята ст. Баронская. Здесь красные провели чрезвычайно сильное контр-наступление, но, благодаря смелым и удачным действиям батарей, были отброшены. На 6-й день один из бат-нов полка дошел до ст. Алчевская, не встретив сопротивления.

Из штаба передали: красные отходят по всему фронту. Всеобщее ликование. «Где-то сделали свое дело танки и кавалерия». Свою долю в общем успехе Марковцы могли лишь измерить 40-верстным продвижением и... потерями в 150 чел. — четверть состава полка.

19 мая погрузка в вагоны. «Очевидно, походным порядком не догнать!» — весело шутили в ротах.

***

На Чернухино один бат-н и ком-да разведчиков, перед погрузкой, выстроены для представления ген. Май-Маевскому. Его, командующего армией, считали заслужившим славу и в обороне Донбасса, и в успехе начавшегося наступления.

Генерал говорил слабым, вялым, волнующимся голосом. Воздав должное, он заявил, что с такими частями нельзя не победить врага и что враг уже сломлен и быстро отступает, что он считает себя недостойным командовать такими частями. Говорил и слезы лились из его глаз. Речь была покрыта громким «ура». Марковцы верили искренности генерала, но все ощутили какой-то недостаток, какую-то слабость в нем. Ген. Марков и ген. Врангель не так и не то сказали бы своим бойцам. Они зажгли бы сердца.

20—21 мая эшелоны Марковцев минуют Дебальцево, Никитовку Попасную. На ст. Никитовка на платформе несколько черных гробов покрытых зеленью и национальными флагами. В них убитые танкисты У полотна жел. дороги — два подбитых танка.

На Попасной эшелон Марковцев перегнал эшелон с Корниловцами. Неслось «ура» и крики: «Догоняйте красных!»

22 мая полк пересек Сев.-Донецкую ж. дорогу и высадился на ст. Лоскутовка. В течение четырех дней он, уже с боями, взял Лисичанск, ст .Несветовичи и очистил от красных значительный район на южном берегу Сев. Донца. Его задача — подготовиться к переходу на северный берег реки и не дать красным взорвать жел.-дор. мост.

Стояла теплая погода. Все в веселом настроении пользуются и теплом, и рекой; купаются и стирают белье, несмотря на риск быть подстреленным. Переговариваются с красными, предлагая им «кончать войну» и переходить на нашу сторону. В ответ — днем ругань, а ночью — переход к Марковцам одиночками и группами, даже с желанием немедленно вступить в их ряды. С радостью удовлетворялось такое желание.

Как изменилась обстановка! Армия уже вышла, действительно, на широкую Московскую дорогу. Кругом простор, поля, леса и не ручейки в балках, а широкая река. Появился и «подножный корм» и для лошадей, и для людей. Походные кухни стали привозить густые супы и борщи.

И вдруг ночью сильный взрыв на ж.-д. мосту. Недосмотрели посты. К счастью, подорвано лишь полотно, а не самый мост.

27 мая полк, после короткой, но сильной артил. подготовки, в ряде мест перешел неглубокий Донец и стал развивать наступление вдоль ж. дороги. За три дня он продвинулся на 30 верст к ст. Хрипково, рассеивая пытавшего сопротивляться противника, забирая пленных, пулеметы. На ст. Хрипково узнали, что красные подвезли свежие силы.

30 мая. Чудесное солнечное утро. 1 и 2 бат-ны выступили и вскоре вошли в большой лес, «прочесывая» его редкой цепью. 5—6 верст шли по лесу. Пьянил густой сосновый запах.

А в это время на Хрипково прибыл с четырьмя товарными вагонами бронепоезд «Офицер».

«3-й бат-н. По вагонам!» В бат-не около 150 чел. «Офицер» сразу же взял полный ход, гремя своей сталью по сосновому лесу. Он обогнал цепи 1 и 2 бат-нов, когда те выходили из лесу и продолжал несколько замедленным ходом итти вперед. Из своих вагонов Марковцы увидели впереди станцию, село и бронепоезд красных, а затем по обе стороны движущуюся им навстречу густую цепь пехоты. Еще немного и вокруг их бронепоезда стали рваться снаряды; загремел своими орудиями и «Офицер».

И вдруг скрылось солнце и стало темно. Небо застлала безграничная черная туча, из которой сверкали молнии. Раскаты грома слились с грохотом арт. стрельбы и разрывами снарядов. До станции оставалось с версту; уже затрещали пулеметы «Офицера», когда разразился огром-

ной силы ливень. «Офицер» остановился. Марковцы выскочили из вагонов, рассыпались в цепь по обе стороны пути и устремились вперед. Ливень заливал им глаза. Сквозь пелену дождя только на мгновенье показались фигуры красных. Бат-н продолжал итти вперед, никого не встречая.

Туча прошла, дождь перестал, засветило снова солнце. Вот и ст. Сватово и с. Ново-Екатеринославль, но и в них уже не было красных. Через час подошли 1 и 2 бат-ны.

Поразительный бой. В сущности «громами и молниями» его провела природа. Бой без потерь. Правда, все вымокли до нитки, но и это неудобство было быстро устранено жарким солнцем. Возбужденное настроение Марковцев улеглось не скоро. Здесь им впервые попали в руки прокламации-листовки, разбросанные повсюду и розданные жителям. В них был призыв к населению «дать отпор зарвавшимся белогвардейцам, несущим на своих штыках рабство, нищету, голод» и заканчивались они утверждением о несомненной в ближайшем будущем победе рабоче-крестьянской власти и красной армии.

Из разговоров с жителями становилось многое ясным. Население радо уходу красных, но не уверено, что они не вернутся. На митингах ему говорили: «Мы, может быть, и отступим, но мы вернемся и тогда берегитесь». «Их много, а вас мало», — добавляли собеседники. Ясно, что они боялись не столько возвращения красных, как их угроз.

И другое интересовало народ — то, о чем предупреждали красные: не несут ли белые в самом деле рабство? и осторожно задавали вопрос — что даст Белая армия?

На эти сомнения и вопросы ответы находились. «Да. Нас мало, но найдутся и среди вас добровольцы для борьбы с красными и, кроме того, будет объявлена мобилизация. А рабства мы никакого не несем, а наоборот». Над этим глубоко задумывались. Задумывались и Марковцы. Какая огромная сила в этих красных листовках, в пропаганде, в лозунгах. Они прямо не мешают им сражаться с врагами, но косвенно — определенно.

С населением пришлось лишь обмениваться короткими общими фразами.

Прибыл поезд и привез полку давно ожидаемое английское обмундирование и обувь; все новое и в достаточном количестве. Началась примерка, разборка. Все хорошо, но вот только... ботинки с обмотками... Ботинки, может быть, годны для английских дорог, но никак для своих родных и тем более — ходить в них по мокрым от дождя черноземным полям. Те, кто вынуждены были взять эти ботинки с длинными обмотками, скоро убедились ценой потертых ног, в полной их непригодности. И стали их называть «танками» — «подарком английского короля», предпочитая им свои русские сапоги. Но все же Марковцы приоделись и их строй принял более однообразный вид. Возня с полученным заняла немало времени. Теперь у каждого появился багаж, который нужно

упаковать и сдать в обоз. Завтра, ведь, продолжение наступления, а сейчас уже вечер и сделан наряд в охранение.

В роты, помимо всяких распоряжений, передано и предупреждение: красные проводят засылку своих людей в ряды армии под видом «добровольцев» с целями шпионажа, морального разложения и для того, чтобы из рядов самой Добрармии население слышало бы разговоры о слабости и обреченности ее. Приказывалось быть бдительными и принимать добровольцев в роты, даже из пленных, только после серьезной проверки.

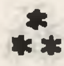
И как раз наступившей ночью произошло следующее. Разведчики полка выдвинулись далеко вперед и залегли на опушке леса. И вот, они видят приближавшийся тихо поезд, который не дойдя до леса, остановился и, когда из него выскочили люди, ушел назад. Разведчики притаились и, только красные цепью вошли в лес, они без выстрела захватили их целиком — 60 чел. «Мы не хотим служить у красных, а хотим воевать против них», — заявили они.

Партию привели в штаб, где опросили каждого в отдельности. Все как один заявляли: они посланы в разведку и, сговорившись, решили сдаться и проситься в ряды белых. Но выяснены были детали: партия сборная и многие совершенно не знали друг друга; она стостоит из специально отобранных людей, смелых, с «хорошо подвешенным языком». Они заявляли, что в разведку выступили пешком. Их уличили во лжи. Некоторые признались: попав к белым, в боевых ли частях или запасных и, даже став дезертиром, всюду и всегда они обязаны вести агитацию и пропаганду, как они были обучены на особых курсах. Вся партия была расстреляна.

31 мая полк наступал, почти не встречая сопротивления, постепенно удаляясь от жел. дороги к западу. Влево тянулись массивы лесов, за которыми в 40 верстах по западной их опушке наступала 3 дивизия. Вправо от полка наступали другие части 1-й дивизии и Терская казачья.

Переход в 30 верст и ночевка в с. Сеньково, где узнали, что Терцами и Корниловцами занят Купянск.

1 июня полк вышел на линию Купянск—Харьков и остановился в 15 вер. от Купянска в с. Староверовка. В пути от него отделились 7 и 9 Офиц. роты и направились в город. В направлении на Харьков пошла Марк. инж. рота, которая дня через два, заняв Чугуев, занялась починой ж.-дор. моста.

7 и 9 роты пришли в Купянск вечером и были встречены толпами народа с радостью и цветами. В городе уже не было ни Корниловцев,

ни Терцев — первые продолжали наступать вдоль жел. дороги, вторые ушли в обход Харькова с севера.

На следующий день приехал ген. Тимановский и принял от ген. Колосовского дивизию. Радовались Марковцы возвращению своего генерала, радовался и сам генерал.

«Довольно мне заниматься формированиями без Марковцев. Теперь я навсегда останусь с вами. Мы вместе приступим к формированию 2-го и 3-го полков, основным кадром которых будут ваши роты», — говорил он.

Генерал Тимановский

С ген. Тимановским приехал и бывший с ним в Одессе полк. Морозов, ставший нач-ком гарнизона в Купянске. Им было дано распоряжение о регистрации находящихся в городе и уезде офицеров. Их зарегистрировалось около 100 человек и через два дня они явились в полной походной форме для зачисления в полк.

Выстроились 7 и 9 роты, каждая по 50—60 шт. и против них строй новых офицеров. Полк. Морозов, обратившись к последним, сказал, что они зачисляются в полк ген. Маркова, но что право называться Марковцами они должны заслужить достойной службой. «Вы вольетесь в ряды этих рот и увеличите их силы вдвое», — добавил он. После этого в расступившиеся ряды рот вошли новые бойцы. Громким «ура» церемония закончилась. Увеличение числа офицеров в ротах позволило их командирам влить в них некоторое количество пленных.

На обе роты была возложена задача охраны громадных трофеев, захваченных на жел.-дорожном узле Купянска. Трофеи были самые неожиданные. Наряду с военным имуществом были машины типографские, швейные, сапожные и даже сельско-хозяйственные; масса частного добра, включая и крестьянский. Составы осаждались крестьянами и горожанами. «Большевики нас грабили и мы хотим забрать свое добро», — говорили все.

В Купянске 7 рота скромно отметила годовщину своего сформирования в Новочеркасске. «Именинниками» была не только рота, но и те 22—23 офицера, которые находились в ней с первого дня. Говорилось на этом торжестве о походах и боях за год. Прочитаны были сведения о движении состава роты. Рота дважды имела 250 офицерских штыков (Новочеркасск и Екатеринодар), но был день в Донбассе, когда в ней оставалось только 7 офицеров. За год через роту прошло около 600 офицеров, 70 кубанских казаков и до 200 солдат. В офицерском составе потери выражались так: убитыми около 120 (20%), ранеными по два раза и более до 300, ранеными по разу около 160, пропавшими без вести 5—6.

Из раненых, 30 офицеров остались полными инвалидами. Рота потеряла одного командира, полк. Ценат, убитым, одного полным инвалидом и семь ранеными. Только один офицер не был ни разу ранен. Все переболели тифом и испанкой. Около 25 человек ушли в другие части, как и многие из поступивших в роту уже мобилизованными, после ранений и болезней.

Вставаньем, крестным знаменем и молчаньем была почтена память ушедших в мир иной: Шефа — ген. Маркова, всех Марковцев и 120-ти 7-й роты. Новые офицеры теперь знали, ценой каких жертв только одной роты были они освобождены от красного ига.

НА БЕЛГОРОД

Заняв Купянск, Корниловцы продолжали наступление на Белгород. Влево от них тянулись большие леса, оставшиеся вне контроля; связи вправо с далеко отстоявшим 1 Конным полком у них не было. И тут и там оставались отряды красных. Для обеспечения Корниловцев был послан бат-н Марковцев, вошедший в отряд ген. Третьякова. 6 июня на ст. Белый Колодезь прибыли и остальны бат-ны (без 7 и 9 роты), спокойно простоявшие до того в Староверовке.

7 июня отряд взял г. Волчанск и продвинулся вперед. Для обеспечения тыла была оставлена 5-я рота Марковцев. У ком-ра ее произошел с генералом короткий разговор.

— Сколько штыков в роте?

— 26 штыков. 28 — со мной и моим заместителем.

— Отлично! Вы перейдете в Волчанск и обеспечите тыл отряда. Внимание в сторону лесов. Вы будете представлять там всю власть как в городе, так и в уезде. Желаю благополучия!

8—9 июня отряд теснил упорно сдерживающего его наступление противника. Марковцы обходом с востока вышли ему в тыл и заняли ст. Разумная.

10 июня — наступление на Белгород: Корниловцы — вдоль жел. дороги, Марковцы — в обход с востока, с задачей перерезать жел. дорогу на север. Пришлось с боем переходить болотистое верховье р. Сев. Донец. На их глазах несколько поездов успели проехать на север.

К моменту взятия Белгорода, на разъезд Крейда прибыли из Купянска 7 и 9 роты. Впереди бой. На платформе 5—6 убитых Корниловцев. Тревожное ожидание развязки. Наконец эшелон тронулся. По обе стороны дороги густой лес и он еще краше в эту отличную солнечную погоду. Лишь только лес кончился, как открылся дивный вид: верстах в пяти — город с его 25 церквами с золотыми главами. У Марковцев вырвалось невольное «ура», пошло пение добровольческих песен. Кто-то запел:

Здравствуй Кремль, всей России сердце.
Тяжкий плен окончен твой.

Эшелон переезжал р. Донец. Радостное настроение снова омрачилось при виде сотни трупов, лежавших на берегу. Кто они? Нет, это не Корниловцы. По одежде, это крестьяне, торговцы, служащие... Они расстреляны большевиками, как расстреляно было ими 40 жителей Волчанска. За что? Зачем? Впрочем, давно уже жестокий враг показал, что он считает своими врагами не только борющихся против него с оружием в руках, но и мирных жителей, осмелившихся порицать его деяния.

Эшелон остановился у вокзала. Сотни народа громкими криками приветствовали прибывших, несмотря на то, что на окраине города еще шла стрельба.

Корниловцы преследовали красных, а Марковцы тесно расположились в районе вокзала, выслав разъезды и выставив охранение с батареей в сторону Харькова, который еще не был занят частями 3-й дивизии. Полк, кроме пятой роты, был в сборе. За период наступления из Донбасса он потерял едва 300 человек.

ПЯТАЯ РОТА В ВОЛЧАНСКЕ

28 штыков. Впрочем, еще сестра милосердия, вестовой ком-ра роты, два санитара и вытребованные из обоза три хозяйственных чина.

Задание — обеспечение тыла и, как сказал ген. Третьяков: «Вы — вся власть в городе и уезде». Задача понятна, но «вся власть»?... Раз это было сказано, следовательно, требуется расшифровать эти слова, вложить в них содержание и осуществить. Ночью над этим вопросом бились командир роты и его заместитель.

Но прежде всего — решение боевого задания наличным составом роты. Город небольшой; вокзал от него в версте; с севера к нему вплотную подходит лес, а на западе, верстах в пяти, видна темная полоса огромного леса. Что в городе? Что в лесах? Да и состав роты очень молодой, верный, но в военном отношении неопытный: четыре офицера Великой войны, 10 — из юнкеров и кадетов, произведенных в течении гражданской войны, остальные — юнцы-учащиеся. Тревожно.

5 рота в полку со времен 1-го Кубанского похода, уже по традиции — самая молодая рота; и теперь она в полку самая малочисленная, но поразительно сплоченная боевая семья. В юношах горел пламень любви к Родине. Душой роты была ее сестра милосердия, прошедшая с ней все походы, Ксения Францевна Кочан-Пустынникова, народная учительница из станицы Ст.-Леушковской, Куб. области. «Мальчики», как она называла юношей, ее боготворили. Она оказывала исключительно благотворное влияние на них. Имела две георгиевских медали и была два раза ранена.

Рота расположилась в женской гимназии. Ночью выслала дозоры. А утром здание оказалось окруженным горожанами, пришедшими ее приветствовать, выразить радость освобождению. Горожан поразила молодость чинов роты, а «мальчики» уже тормошили городскую молодежь, передавая ей пыл собственной души... Тут же и сестра Ксения — она знала что говорить юношам и взрослым.

Днем в нескольких местах города было вывешено рукописное распоряжение, подписанное: «1-го Офиц. ген. Маркова полка кап. Павлов». В нем говорилось:

1. Жители города и уезда призываются к мирной жизни и труду;

2. К сдаче оружия и заявлению о местах нахождения как оружия, так и военного имущества, оставленного большевиками;

3. О регистрации офицеров города и уезда для зачисления их на службу в 1-й Офиц. ген. Маркова полк;

4. О предложении поступать на службу в Добрармию для борьбы с большевиками.

На следующий день результаты распоряжения превзошли все ожидания. У штаба роты толпился народ, приносилось и привозилось оружие, даже привезена была походная кухня, которой у роты не было, сгружались подарки населения — картофель, хлеб, сало, масло... даже сено для лошадей; записывалось, где что было оставлено красными, записывались жалобы одних жителей на других; шла регистрация офицеров, которым говорилось — в двухдневный срок явиться в роту. Сбились с ног и устали все.

Каждый день вывешивались новые распоряжения касательно всех возникавших вопросов, ничего общего не имеющих с задачей роты даже военно-административной, но глубоко связанных с гражданско-админи-

стративными, как раз областью — «всей власти в городе и уезде». Это не смущало — ведь таковое требование жизни, откладывать решение которого — великое упущение.

Забот и дел оказалась такая масса, что решено было провести распределение их. Ком-р роты оставил за собою ведение гражданских дел — «власть в городе и уезде». Своему помощнику он передал командование ротой, которую предстояло сколачивать и обучать. Фельдфебелю роты было поручено дело снабжения «гарнизона» вооружением, снаряжением, продовольствием и вообще всем необходимым. Сестре Ксении поручена была новая и необычайная роль: ввиду ее успехов в разговорах с жителями на тему о Добрармии, ее целях и задачах, ввиду ее действительно мудрых советов ротной молодежи для «обрабатывания» местной молодежи, — она назначалась «пропагандистом» Белой армии, хотя это слово тогда не произносилось.

На третий день в роту стали поступать офицеры. На 6-й день в роте уже числилось до 150 человек и среди них юноши-добровольцы и даже добровольцы-солдаты. На 8-й день в ней стало до 180 человек. Организация ее приняла такую форму: 1-й взвод Офицерский — 40 шт., 2-й Добровольческий, сплошь из юной молодежи с офицерами на отделениях — 50 шт.: 3-й и 4-й взводы солдатские, по 40 шт. в каждом.

Совещание в «штабе». Вопрос: считать ли поступивших в роту «прикомандированными» без права ношения формы полка или сразу же считать их Марковцами? Решено не следовать примеру, поданному в Купянске — офицерам надеть Марковские погоны. Другой вопрос о добровольцах-солдатах. Доверять ли им, составлявшим половину роты? Решение: т. к. все они служили в старой армии, все знали друг друга и почти всех их знали местные офицеры и т. к. все они при поступлении мотивом своего решения выставляли то, что большевики принесли с собой насилие и несправедливость, а «белая власть», на поданных уже примерах, несет свободу и справедливость, то решено и к солдатскому пополнению отнестись с полным доверием.

Работа в гарнизоне кипела и ее объем все наростал. «Штаб» хронически не досыпал. С нарядами стало легче. Со взводом «мальчиков» велись занятия. Рота была оставлена без копейки денег, но помогали крестьяне своими добровольными приношениями; мясники, бившие оставленных красными волов на мясо для роты, булочники, типография, взявшаяся печатать распоряжения и т. д., согласились получать за все лишь расписки. Производились обыски, аресты, дознания; просмотр документов, оставленных в красных учреждениях. Обстоятельства принудили и к учреждению военно-полевого суда, который разбирал дела и вынес 4 смертных приговора — скрывавшемуся комиссару, артисту — случайно опознанному чекисту и к тому же бывшему офицеру, и двум бандитам — отцу и сыну.

Общественное мнение города было злобно настроено против двух женщин — пожилой и молодой девушки, которые ходили вооруженными

и производили аресты. Они были арестованы, но дознание показало об их непричастности к расстрелам и обе были освобождены.

Однажды встретили эту девушку.

— Здравствуйте. Успокоились? — спросили ее.

— Какая я большевичка? Дура я. Простите меня, — говорила она, плача навзрыд. Она раскаивалась в своих поступках.

На фронте всего отрадного — неприятный случай. На улице ком-р роты встречает офицера со значком Студенческой школы прапорщиков в сопровождении дамы. Этого офицера он в роте не видел.

— Вы зарегистрировались?

— Нет. Я счел возможным не регистрироваться, т. к. это связано с обязательством зачисления в стоящую здесь роту. Я жду приказа о мобилизации, исходящего от Верховной власти, — был твердый ответ.

— В таком случае, на каком основании вы в офицерской форме? Потрудитесь сегодня же явиться в роту.

Приказанаие было исполнено. Поразительный пример «сознательности».

В городе за время стоянки роты произошло два события. Одно — печальное. Город хоронил 40 человек горожан, уведенных красными и расстрелянных ими. Взвод юных «волчан» отдал им воинские почести. И второе — был устроен бал, на котором присутсвовал приезжавший ген. Тимановский.

Устроить бал просила волчанская молодежь роты. Ком-р роты не соглашался, ведь в городе должен быть траур. И только выслушав почтенных граждан, сказавших: «Наша радость, что вы освободили нас, побеждает наше горе» — согласился. К приходу ген. Тимановского, чины роты выстроились по обе стороны лестницы женской гимназии. Городской оркестр играл Преображенский марш. Молодежь и люди старших возрастов приветствовали генерала, поднесли ему цветы, некоторые целовали ему руку. Закусив и сказав несколько слов роте и гостям, он уехал на станцию.

На 11-й день, 18 июня, 5 рота получила приказание срочно выехать на присоединение к бат-ну, находившемуся в боях у ст. Солнцево. Имея 180 шт. вместо 28, ставшая самой большой в полку и по составу исключительной, она уезжала с полным сознанием сделанного ею достойного и важного дела в освобожденном городе, дела нужного для Добрармии, для борьбы.

Ее провожал чуть ли не весь город. Играл оркестр.

В БЕЛГОРОДЕ

Белгород был первым городом на пути Добрармии уже вне пределов бывшей Украины, где с первых дней Советской власти царствовал ее произвол и «строительство новой жизни». Поэтому понятна радость, с которой жители встретили армию. Конечно, у части населения было

сомнение в полноте благ, которые приносили с собой освободители; тут сказывалось и влияние пропаганды большевиков.

Но всякие сомнения быстро исчезали под влиянием самой жинзи. Большевики трубили о дарованных ими свободе, равенстве и пр., которые якобы хотят отнять белые, а жизнь при них замирала. Пришли белые, принесли освобождение от большевиков, от их «свободы» и жизнь воскресла. На 2—3 день это стало всем совершенно очевидно. Базары, лавки полны продуктами первой необходимости. Скверный хлеб, который при красных стоил 27 руб. фунт, исчез и появился белый по цене 3 рубля. Появилось мясо, дичь, яйца, овощи. На базарах — жаровни с дешевыми жаренными гусями, курами. Вопроса о продовольствии больше не было: крестьяне спокойно и свободно везли в город продавать свои продукты. Жители занялись своими делами без всякого с чьей бы то ни было стороны вмешательства. Свобода и безопасность передвижения — полная. В город стали возвращаться жители, которые его покинули по причинам недостатка продуктов, страха за жизнь и здоровье детей, боязни репрессий и насилий со стороны большевиков.

— Как ты доехала? — задают своей дочери с внуком родители, обрадованные неожиданным ее приездом.

— Как? Свободно и просто. Мне помогли добровольцы. Теперь всюду порядок. Пойдите посмотрите хотя бы на вокзал: чистота и даже буфет. Мы соблазнились и съели по пирожному.

Этот разговор слышали Марковцы, стоявшие на квартире. Они были рады радости приехавшей с ребенком женщины, не имевшей от родителей вестей и не могшей дать знать о себе в течении многих недель. Марковцы были рады и похвале порядкам, которые они принесли с собой. Однако восторги этих людей были так велики, что сейчас же пошли лично убедиться во всем и прежде всего на вокзал. Вокзалы и станции вообще всегда привлекали к себе: на них как будто бы бился пульс жизни не только данного района, но чуть ли не всей страны. Особенно это сказывалось в военное время. По ряду признаков можно было определить, как идут дела на фронте, и побывавшие на вокзале уходили оттуда или с чувством душевного покоя, или с беспокойством.

На вокзале образцовая чистота и порядок. Национальные флаги; полное спокойствие; публика спокойно пьет чай и закусывает; по перрону прохаживается Марковский часовой; эшелон штаба дивизии; в стороне — бронепоезд еле дышит... Чисто на вокзале, чисто и в городе. Спокойно на вокзале, спокойно и в городе. Следов пребывания здесь красных, запущенности и грязи на улицах и в зданиях как не бывало. Вот разнесся по городу звон колокола монастыря, в котором почиют мощи святого Иосафа Белгородского, и как-то еще светлее становится на сердце.

Крестился проходивший народ. Многие спешили в монастырь. Пошли туда и Марковцы. А ведь всего лишь несколько дней назад, идя в церковь или перекрестясь, можно было нарваться на злое слово коммуниста-безбожника.

На следующий день после занятия города, у вокзала остановился состав штаба 1-й дивизии. Ген. Тимановский сразу же пошел на городскую площадь, где выстроились части дивизии — полк ген. Маркова, почти в полном составе, часть Корниловцев, батареи. Нач-к дивизии обошел фронт, поздравил с боевыми успехами и распустил части по квартирам.

12 июня Марковцы снова построились на площади, но на этот раз на панихиду по своему шефу, ген. Маркову, годовщина смерти которого исполнялась в этот день. Как ни тяжело было у них на сердце, но они, памятуя слова ген. Маркова: «И с малыми силами можно делать великие дела», переживали радостное сознания, что оправдывают эти слова.

Через день полк стал размещаться по квартирам более широко.

Конечно, это стесняло хозяев, но они мирились, а через день—два, убедившись, что их постояльцы спокойны, вежливы, аккуратны, уважают чужую собственность и ничего не позволяют себе трогать, не получив их разрешения, сживались с ними и сами шли им на помощь. Были и исключения — «ложки дегтя».

Ком-р роты обходит отведенный для роты район и распределяет своих людей.

— У вас будут помещаться 6 офицеров, — сказал он хозяевам одной богатой квартиры. Последовало возражение:

— Это много. Мы можем принять одного—двух.

— В таком случае приготовьте место для десятерых.

Поздно спохватились хозяева, но, поняв свою ошибку, в дальнейшем делали все, чтобы загладить ее.

Огромное оживление вызвало известие о приезде ген. Деникина. Его ожидали не только части 1-й дивизии, но и население. Ореол Главнокомандующего В. С. Ю. России стоял очень высоко и он поднялся к тому времени еще в связи с тем, что ген. Деникин признал адмирала Колчака, как Верховного Правителя освобожденных от большевиков земель России и как Верховного Главнокомандующего всех борющихся с ними сил.

25 июня полк без 5 роты, бывшей в командировке, выстроился на городской площади. Одетый, хотя и не полностью, в английское обмундирование, он производил хорошее впечатление. В пешем строю — по взводу от каждой батареи Марк. бригады, развернувшейся уже в 8 батарей. На правом фланге Офиц. рота Корниловского полкаи полковой оркестр Марковцев. Громкое «ура» многочисленной толпы неслось по улицам, когда ген. Деникин подъезжал к площади. Войска взяли «на

караул». Оркестра заиграл полковой марш Офицерского полак — марш 13 Белозерского, он же 7 гренадерского Самогитского полков.

Ген. Деникин с большой свитой, в которой были генералы Май-Маевский, Кутепов, Тимановский, прошел перед фронтом частей здороваясь с ними. Ответив на приветствие, части кричали «ура». Затем молебен, который служило все духовенство города во главе с епископом. После него ген. Деникин сказал слово о борьбе Добрармии, об «открытой широкой Московской дороге», о задачах и долге не только армии, но и всего народа и закончил выражением полной уверенности в успехе Дела освобождения Родины. Его речь покрыло могучее «ура» войск и народа. Короткие речи произнесли и другие генералы.

Церемониальный марш. После него ген. Деникин со свитой направился на поклонение чтимым народом мощам и святыням в Белгородский монастырь, находившийся тут же на площади. Войска ждали его выхода и снова неслось «ура».

Приезд Вождя был для Марковцев большим праздником, поднявшим их настроение с беспредельным желанием «Скорей вперед! В Москву!»

***

Со взятием Белгорода Марковский полк числился в резерве 1-го корпуса, называвшимся «Добровольческим», т. к. его части были сформированы из добровольцев до того, как была объявлена мобилизация; и «цветным» — из-за красочности форм, установленных в его частях. Полк находился в резерве два месяца, в течении которых наступление на фронте корпуса было приостановлено. Главная причина — чрезмерно увеличившееся протяжение фронта, как его, так и всей армии, требовало формирование новых частей и, конечно, увеличения численности состава частей самого корпуса.

Но боевые действия продолжались и инициатива их была у красных, имевших резервы уже сформированных частей. Бросая их в бой, чтобы не дать Добрармии спокойно усилиться, они вынуждали к выводу в бой из резерва частей Марковского полка. За два месяца полк только 4—5 дней целиком стоял в Белгороде и 25 дней все его бат-ны были в бою. На полный отдых каждого бат-на оставалось немного дней. И эти дни они старались провести не только для занятий с прибывающими пополнениями, отметить праздники, но так или иначе развлечься в городе.

Справляла свой праздник 3 рота. После официальной части, рота со всем бат-ном (2 и 3 бат-ны были в бою) обедала в великолепном саду ж.-д. клуба. Среди почетных гостей были — ген. Кутепов, бывший первым командиром 3 роты, ген. Тимановский, полк. Блейш. Пили за Родину, Армию, полк, роту и всех ее чинов. Неслось «ура», гремел туш полкового оркестра. Ген. Кутепов поднял тост за ком-ра роты, кап.

Большакова, и оба командира, бывший и настоящий, горячо пожимали друг другу руки под несмолкаемое «ура». Оба они Добровольцы в борьбе за Россию и их не разъединили их политические убеждения — один был монархист, другой — республиканец, социал-революционер. Оба — Русские Солдаты и обоим им суждено отдать свои жизни за Родину — ген. Кутепову через 12 лет, кап. Большакову через два месяца.

Но что такое? Прибывший из штаба дивизии адъютант докладывает что-то ген. Тимановскому, тот ген. Кутепову; затем ген. Тимановский что-то говорит полк. Блейшу, а последний кап. Большакову.

— Третья рота. Построиться! — приказал кап. Большаков и под марш оркестра и крики «ура» увел роту. Рота получила боевое задание.

Так же торжественно справляла свой праздник и 9 Офицерская рота. На обеде присутствовали офицеры 2 и 3 бат-нов (1-й бат-н в бою) и те же почетные гости. Ген. Тимановский говорил об исключительной доблести роты и напомнил о спасении ею положения в бою у станицы Екатериновской, 6 июня 1918 года. За обедом играл полковой оркестр. В первый раз он исполнял фанфарный марш, приведший всех в неописуемый восторг. Четыре фанфариста, по два с каждой стороны оркестра, четко ввысь подымали свои фанфары, с которых свешивались, черного бархата с серебряной оторочкой и кистями, полотнища с серебряными вензелями полка «Г. М.» (Генерал Марков). Поразительно красив был оркестр. Великолепна была его игра. Общий восторг вызвало исполнение им попури из кавказских мелодий, ставших близкими душе и сердцу Марковцев за время походов по Кубани. А когда в мотив «Наурской» влились четкие выстрелы, тут уж Марковская душа не выдержала: раздались бешенные аплодисменты, крики «ура» и пение Кубанского гимна:

«Эх, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь . . . »

На следующий день в здании женской гимназии Марковцы устроили бал. Классные комнаты были распределены между ротами и каждая убирала их по своему вкусу. Национальные флаги, добровольческий нарукавный угол, значки полка, бат-нов, рот, вензеля полка «М.» и «Г. М.», изображения орденов и знака 1-го Кубанского похода. На столах были фотографии, снятые в походах, картины, рисунки. Гимназию посетила не только молодежь, но и ее родные. Все с глубоким интересом и расспросами рассматривали все, знакомясь с боевой службой Офицерского полка. Молодежь веселилась, танцевала... Давно, с конца 1917 года, местная молодежь не веселилась так беззаботно и искренне, в чем она признавалась и благодарила.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ МАРКОВЦЕВ ЗА ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ ПОЛКА В КОРПУСНОМ РЕЗЕРВЕ

Фронт 1-й дивизии, базирующейся на Белгород, проходил в сев.-восточном направлении у г. Короча — в 50 верстах от Белгорода; к северу — в 25 верстах у ст. Сажное; к западу — в 20 верстах у ст. Томаровка; к юго-западу — в 25 верстах у с. Борисовка. Общее протяжение до ста верст. Фронт был занят, вернее наблюдался, незначительными частями кавалерии, за которыми стояли бат-ны Корниловцев, а в западном направлении — инженерная ген. Маркова рота. Ввиду такой слабости фронта, ген. Маркова полк был в любой момент готов к выступлению. Для собственного обеспечения он имел в 6-ти верстах, в с. Черная Поляна, свою конную сотню.

На следующий день после взятия Белгорода, 3-й дивизией был взят Харьков. Красные отходили отчасти на Белгород. Им навстречу направляется поездом с двумя орудиями 1-й бат-н. Но красные бросают свои поезда и уходят в западном направлении.

14 июня бат-н возвращается в Белгород, но не застает в нем 2-го и 3-го: они, успев пополнить свои роты до 100 шт., срочно кинуты на север, где красные начали наступление. В семидневном бою, то наступая, то отступая, они (без 5 роты) разбили пятитысячную группу и выдвинулись верст на десять к северу, захватив до 900 чел. в плен и, по показаниям пленных, нанеся ей огромные потери.

Дрались красные отчаянно. Оказалось, их части были сформированы еще в начале 1919 года из добровольцев и бились с немцами, когда те перешли в наступление на Северном и Западном фронтах. Ими командовали бывшие офицеры. Один из них, будучи раненым, отстреливался из револьвера до последнего патрона. Дерзко действовал красный бронепоезд «Черномор».

Отличный вид был у пленных. «Довольно воевать!» — заявляли они. И не захотелось Марковцам расстаться с ними: решили из желающих сформировать часть. Набралось до 300 чел. — целый бат-н. Им дали винтовки и на ночь поставили в охранение. Сбежало 30 чел. Доверять нельзя и отправили всех в тыл.

19-го оба бат-на вернулись в Белгород, не досчитывая в своих рядах свыше 200 человек.

В последнем бою приняла участие, приехавшая из Волчанска 5-я рота, но как резерв. Удалось лишь послать «для обстрела» взвод «мальчиков». Перед этим роту смотрел ком-р бат-на, полк Шульга. Он был поражен, увидев не 28 человек, а 180.

— 1-й Офицерский взвод, — представляет ком-р роты.

Полк. Шульга проходит перед его фронтом, серьезно всматриваясь в глаза каждому офицеру.

— 2-й взвод — добровольцы.

Он медленно идет; в его глазах добрая улыбка; останавливается и обводит глазами опять и опять строй «мальчиков».

— 3-й и 4-й взводы.

Перед полк. Шульга стояли Русские солдаты, те самые, которых он отлично знал, которыми командовал, пока их не разложила революция. Он прошел перед их фронтом, глубоко и серьезно глядя в лицо каждому.

— Солдаты добровольно ставшие в строй, — сказал ему ком-р роты.

Что-то старое, родное читал в глазах солдат, в их выправке полк. Шульгин. Он до того был поражен ротой, что даже не поздоровался бы с ней, если бы ему не напомнил ком-р роты.

В то время, когда 2 и 3 бат-ны вели бой у ст. Сажное, красные вклинились в расположение дивизии верстах в 20-ти западнее жел. дороги. Для ликвидации была послана 3 рота прямо с обеда по случаю ее ротного праздника. Рота ночью на подвалах тряслась в «утомленном» состоянии, а утром, войдя в соприкосновение с противником, развернулась во всю мощь своих 200 шт. (1-й бат-н получил пополнение), легко принудила его отойти в исходное положение и вернулась в Белгород.

Через 2—3 дня после возвращения со ст. Сажное, 3 бат-н получил приказание срочно выступить на погрузку. Он остановился на ст. Основа близь Харькова. Вызов объяснялся неустойкой частей 3 дивизии у Богодухова. Но через несколько часов по прибытии было сообщено о восстановлении там положения. На следующий день бат-н уже ехал обратно.

23 июня 5 рота получает задание: по полуротно расположиться на станциях Казачья Лопань и Наумовка с целью: во-первых, обеспечения сообщения Харьков—Белгород, которому угрожают с востока банды зеленых, скрывающихся в лесистой местности, а с запада — красные отряды, могущие просочиться с фронта, проходившего всего в 30 верстах от этих станций, и наблюдаемого лишь кавалерийскими разъездами; во-вторых, вести наблюдение за рабочими, находящихся в этих пунктах сахарного и спиртового заводов. Роте придавалось 4 пулемета. Расстояние между этими станциями 15 верст. Командировка не из спокойных, но интересная.

Условия, в которых оказались обе полуроты были отличными. Администрация заводов во всем пошла им на помощь. Командировка внешне была похожа на пикник: был спирт, были свежие продукты, яйца, сало и в изобилии сахар. Взвод «мальчиков» наслаждался молочными продуктами, гоголь-моголем.

Полуроты стояли в заводских зданиях, не обременяя жителей и рабочих. Производили небольшие занятия и несли дозорную службу.

Это была видимая внешне часть жизни полурот, но за нею и невидимая — разведывательная: опросы приезжающих с разных сторон крестьян, как бы просто ради любопытства о том, спокойно ли в селах и деревнях, далеко ли красные, как жилось при них и т. п. Части чинов роты давались «отпуска» в рабочие поселки, хутора — также с целью разведки. Молодежь ходила в поселки сахарного завода и заводила там знакомства. Отпускные возвращались с совершенно утешительными сведениями: рабочие спокойны, большевистских настроений среди их нет. Не было никаких сообщений о каких бы то ни было происках большевиков. Рабочие совершенно не жаловались на свое положение: жили они в заводских домиках с участками земли, имели коров, кур, свиней; жили в достатке. Интересовались Белой армией и, видимо, не испытывали какого-либо недоверия к ней.

Рота пробыла в командировке неделю и 29 июня возвратилась в Белгород, неохотно расставшись со спокойной, не успевшей надоесть ей жизнью. Она была весьма огорчена, узнав, что за время ее отсутствия, приезжал ген. Деникин и ей не пришлось видеть своего Вождя.

***

Возвращение 5 роты в Белгород, как оказалось, вызвано было не прекращением беспокойства за район, а наоборот: группа красных войск, находившаяся у большой слободы Борисовки перешла в наступление на перерез линии Харьков—Белгород, т. е. в тыл 1 дивизии, что потребовало направить сюда большие силы. 29 июня на ст. Наумовка разгрузился 1 бат-н с 1-й батареей. 30 июня он встретил наступающего противника всего в 12 верстах от жел. дороги. Наступление бат-на быстро остановилось: он оказался под охватом. Затем этот охват стал еще более глубоким и велся он новыми частями. Положение создалось критическое — бат-ну угрожало окружение. Посланная резервная рота могла лишь, жертвуя собой, позволить остальным ротам как-то выйти из окружения. Но произошло чудо: явный успех красных сорвала сдача в плен целого их бат-на в 400 шт., совершавшего обход. Сдача этого бат-на на глазах всех красных убила их порыв. Марковцы немедленно перешли в наступление и уже не встретили сопротивления.

Сдавшимся бат-ном командовал шт.-кап. Дубинин. Он произвел на всех впечатление крайне мужественного начальника, владевшего своими подчиненными и собой. Ни тени смущения, растерянности. Он заявил, что сдал в плен свой бат-н с полного согласия всех его чинов. Не поверить этому было нельзя. В Дубинине всеми чувствовалась огромная моральная сила и перед ней не устоял ком-р бат-на, кап. Слоновский.

«Вы меня можете расстрелять, но не оскорблять!», — заявил он. И этого было достаточно, чтобы гнев против него исчез. Его и десятка три солдат, по его выбору, тут же назначили в команду разведчиков при бат-не, а спустя некоторое время он уже командовал ею, силой в 100 шт., выполняя бесстрашно любое задание.

На следующий день 1 бат-н взял огромную слободу Борисовку, имеющую до 40.000 жителей. Однако, доминирующие над ней высоты за речкой, с древним женским монастырем, взять не удалось. 3 рота готовилась атаковать ее ночью; 1-я батарея вела пристрелку. Батарея красных мешала ей — ее стрельбу корректировал наблюдатель с колокольни монастыря. Обстрелять колокольню? Несколько шрапнелей и, как стон раненого, отозвался один из колоколов, в который попал осколок. Стон, болезненно отозвавшийся в сердцах Марковцев. Ночью высоты с монастырем были взяты. На много верст вокруг открывался с них вид. Видна и жел. дорога Харьков—Готня с курсировавшим по ней бронепоездом красных.

***

Группа офицеров бат-на с кап. Слоновским пришла в монастырь поклониться его святыням. Их встретил настоятель монастыря и игуменья. Настоятель благословил защитников Веры Православной и роздал всем черные монашеские четки — символ служения Церкви и людям. Офицеры были тронуты глубоко этим благословением. Надев четки на руки, они сочли этот дар относящимся не только к ним лично, но и ко всему полку; сочли, что все Марковцы с этого дня могут носить монашеские четки.

Судьба как бы сама направляла Марковцев на путь христианского служения Вере и Отечеству, Церкви и людям. И тогда вспоминали... Когда в Новочеркасске формировался 1-й Офицерский бат-н, в его рядах подымался вопрос о создании «крестовых» рот, которые имели бы на своих погонах кресты — символ похода за Веру и Отечество. Но тогда комиссия установила голые, черные погоны с белой выпушкой — символ Смерти и Воскресения. Вспоминали и благословение другой женской обители — Покровского монастыря под Екатеринодаром. Говорили и о благословении Св. Сергия Радонежского — небесного покровителя полка и Шефа — ген. Маркова.

Необычайно было видеть Марковцев с монашескими четками на руке. Те, кто их носил — носил с достоинством. Говорили — принадлежность формы Марковцев. Но это не привилось — начальство полка отнеслось не серьезно — оно не огласило этот глубокий по смыслу факт по полку, предало его забвению. Может быть потому, что знало — в разгаре жестокой борьбы невольно глохнет голос христианской совести, ожесточается сердце и неизбежны нарушения долга, связанного с ношением четок. Молчал о благословении и полковой священник. Но о них не все забыли: были, которые в своей жизни и поступках мысленно перебирали шарики четок.

***

Со 2 по 21 июля 1 бат-н стоял сравнительно спокойно у Борисовки. Происходили стычки с партиями красных; было наступление двух рот бат-на на ст. Ново-Борисовка, после которого бат-н оседлал жел.

дорогу Харьков—Готня; был и смелый ночной налет красных на одну из рот, рассеявший ее и часть ее заставивший пролежать ночь в топком болоте. За эти дни немало сдавалось красных и, однажды, целая рота с ком-ром роты и ком-ром бат-на — офицерами.

Стало известно о сосредоточении у ст. Готня больших сил прот-ка. 18 июля из Белгорода к Борисовке пришел 4 бат-н (до 800 шт.) и занял участок, седлавший ж. дорогу.

⁂

За минувшие недели в Белгород прибывали большие партии пополнений из мобилизованных и отчасти из пленных. Небольшая часть из них пошла на пополнение 2 и 3 бат-ном, но большая часть — на формирование 4-го бат-на и на формирование Кабардинского полка, который в Донбассе вошел в Марковский полк. В короткое время 4 бат-н и команда пеших разведчиков при нем имел до 1.000 шт.; одна из рот была офицерской. На его формирование были выделены кадры из полка. Считалось, что этот бат-н, при формировании 2-го Марковского полка, перейдет в его состав.

В Кабардинский полк ушел лишь кадр, который остался в нем со времен Донбасса. Он развернулся в 6 рот, по 200 шт. в каждой, при нужных командах. Полк вошел в состав 1-й дивизии.

Сосредоточение сил красных у ст. Готня обратило на себя серьезное внимание потому, что одновременно сосредотачивались и огромные силы красных против стыка 1-го корпуса с левым флангом Донской армии, седлавшим жел. дорогу Валуйки—Елец. Ожидался одновременный удар этих группировок, грозивших охватить 1-ю дивизию с обоих флангов. Это и вызвало отправку 4 бат-на к Борисовке. С прибытием его на фронт, 1 бат-н выделил одну роту к ст. Томаровка, где стояла Марковская инжен. рота, для усиления заслона Белгороду.

В ближайший день обеим ротам с помощью двух бронепоездов приказано было произнести глубокий налет в сторону Готни. Роты были погружены в товарный поезд, впереди которого пошел легкий бронепоезд, а сзади тяжелый. Определенной линии фронта не было и бронепоезда с ротами выдвинулись более чем на 10 верст, когда только их встретил бронепоезд красных. Но продвижение составов продолжалось.

Вдруг, задний, тяжелый бронепоезд начал обстреливаться батареей красных от леса к югу от жел. дороги и оттуда показалась цепь красной пехоты, направляющаяся, чтобы пересечь путь сзади составов. Составы дали полный ход назад, но... снаряд попадает в поезд с ротами; один вагон, а за ним и несколько других сходят с рельс. Потрясение сильное. В ротах убитые, раненые, контуженные.

Пехота красных стремительно бежала к жел. дороге; их батарея

и бронепоезд бегло обстреливали составы. Положение создавалось критическое. Марковцы, оправившись от удара, выдвинулись навстречу цепям прот-ка. Бронепоезда стреляли всей мощью своих орудий и пулеметов, поддерживая их. Весь день шел бой, но сопротивление потерпевших катастрофу, сломлено не было. И только ночь, когда ослаб арт. огонь красных, дала возможность подобрать жертвы крушения и боя и очистить путь. К утру было вывезено около 120 чел. жертв, из них 80 чел. Инж. роты. К счастью, само полотно оказалось неповрежденным.

Стоят слева-направо: **кап. Образцов; священник 1-го полка; доктор Ревякин; полк. Докукин и офицеры штаба 1-го полка.**
Сидят: **полк. Блейш; с. м. Ольга Елисеева; ген. Тимановский; с. м. Наталия Бакитько; ген. Третьяков и полк Слоновский.**

***

Стало известно, что красные готовятся перейти в наступление на флангах 1-й дивизии в первых числах августа.

Ком-р корпуса, ген. Кутепов, решил безотлагательно разбить Готненскую их группу. Для выполнения этой задачи предназначался отряд ген. Третьякова, в который вошли стоящие на фронте:

1 и 4 бат-ны Марковцев,
Марковская инжен. рота,
10-й гусар. Ингерманландский полк,
10 орудий и три бронепоезда,
и прибывший из тыла, только что сформированный 2-й Корниловский Уд. полк.

Корниловцы должны наступать вправо от жел. дороги Белгород—

Готня; вдоль нее — Марк. инж. рота; далее влево — 1 бат-н Марковцев и вдоль жел. дороги Харьков—Готня — 4-й их бат-н.

23 июля отряд начал наступление.

Тяжелые бои выпали на долю 1 бат-на в лесистой местности. Ему пришлось, действуя по-ротно, выбивать противника из деревень, лесов, хуторов. Красные переходили в смелые контр-атаки, местами налетали на роты во фланг и тыл; едва не захватили два орудия, отбившиеся картечью и пулеметами. Особенно жестоко дрался Грайворонский коммунистический полк. Но бат-н неуклонно продвигался вперед.

Успешному продвижению бат-на помогала его команда конных разведчиков во главе с пор. Ершовым. Отважен, смел, смекалист был пор. Ершов, человек уже пожилой. Он слыл в бат-не за «генштабиста», имевшего большое влияние на ком-ра бат-на. И вот, он убит. Потеря, которую остро почувствовали все.

24 июля отряд берет ст. Готня. 1 и 4 бат-ны берут с. Красная Яруга в 9 верстах к западу от станции. В последующие дни, продолжая теснить красных уже в северном направлении, бат-ны занимают ст. Юсупово, в 20 вер. к северу от Готни. Ими взяты были за наступление тысячи пленных.

За 38 дней боев у Готни — 1-м бат-ном и 13-ти дней — 4-м бат-ном в общей сложности было потеряно до 350 чел. Инж. рота потеряла до 100 человек.

29 июля бат-ны Марковцев, смененные частями 3-й дивизии, ушли: 1-й — в резерв в с. Ракитное близ ст. Готня, где простоял до 5 августа; 4 бат-н — в Белгород.

***

Еще в начале июля красные перешли в наступление на слабый Корочанский отряд полк. Морозова, состоявший из бат-на Корниловцев и полуконного 17 гусарского Черниговского полка. Для него создалась угроза быть отрезанным от Белгорода, т. к. стоявший влево от него 1-й конный ген. Алексеева полк, растянутый на 30 верст, не мог сдержать противника. На помощь посылаются 2 и 3 бат-ны.

6 июля ночью они тронулись на подводах. Днем ехали под палящими лучами солнца, в густой пыли. Особенно страдал взвод «мальчиков» 5 роты. Приходилось в каждом селе поить их молоком и оттягивать от воды. До Корочи — 50 верст, куда доехала только 5 рота, а остальные остановились, не доезжая до нее 12 верст.

7 июля 2 бат-н перешел в наступление на села Самойлово и Кащеево и хутора к югу: 5 ротой со стороны Корочи, 8-й — с запада; остальные с юга.

В первый раз молодая рота вступала в бой. Ее направление — х. Холодный — с. Самойлово. По крутому скату лощины у х. Холодного видны свеже вырытые окопы. Все наступление роты на виду у против-

ника. Она сразу же взяла быстрый шаг. «Мальчики» на правом фланге; за ними Офицерский взвод и два пулемета. Красные открыли огонь, когда рота подошла шагов на тысячу. Атака. Через голову первой цепи, спускавшейся в лощину, стреляют пулеметы. «Мальчики» выдыхаются; цепь их расстраивается. Офицерский взвод спешит поддержать их. Красные не выдерживают атаки и бегут. Перед ротой они быстро отходят от хуторов южнее. В Самойлово их уже не оказалось: с противоположной стороны в него вошла 8-я рота, которая, преследуя пртивника, заняла с. Кащеево.

Задача выполнена быстро и решительно и, в сущности, двумя ротами. Другие две роты, пройдя оставленные красными хутора, были направлены на помощь Корниловцам, отходившим под давлением к Короче. Совместно они опрокинули красных и заняли с. Плотавец.

Потери незначительные: в 5-й роте убито 4 «мальчика» и ранено — 6; ранены и 2 солдата. Оказалось — столкнуться пришлось с полком немцев. 5 рота была отведена в Корочу, где ее поблагодарил полк. Морозов, наблюдавший наступление.

8 июля отряд перешел в наступление двумя колоннами: сводной из Корниловцев и Марковцев на с. Толстое и далее на с. Скородное и другой — 3-й бат-н Марковцев, западнее, на с. Холодное. Интервал между колоннами до 10 верст, охраняемый 8-й ротой в с. Кащеево. Но едва началось наступление, как красные выбили роту из Кащеева и стали продвигаться к Самойлову, угрожая флангам обеих колонн. Приказание: 8 и 5 ротам восстановить положение. И опять 5-я рота быстрым маршем шла к Самойлово. Прежняя позиция красных еще не была занята ими. Рота подходила к Самойлово, в которое с другой стороны входил противник.

На этот раз в резерве у нее взвод «мальчиков». И вдруг справа из лощины появляется цепь красных. Опасность огромная и устранить ее можно лишь этим взводом и только решительной атакой. Но... «мальчики». Все же — «Вперед!» Вызываются пулеметы, часть Офиц. взвода. Пулеметы остановили красных. Подбегают офицеры. «Мальчики» летят на огромную цепь красных, встречающую их огнем, но не выдерживающую атаки. Рота занимает Самойлово, два хутора и на выгоне перед Кащеево нарывается на пулемет. Падают убитыми два офицера и раненым — солдат. Но село взято. Взято одной лишь ротой: 8-я рота, отошедшая от села к востоку, за лощину, не могла перейти ее под огнем. 5-я рота сдала ей село и по приказанию возвратилась опять в Корочу и снова получила благодарность нач-ка отряда.

Между тем, обе колонны отряда, сбивая красных с ряда позиций, выполнили свою задачу и на следующий день были отведены в Плотавец и Кащеево. Бат-н Корниловцев ушел на присоединение к своему полку.

***

Боевое крещение 5-й роты, молодой по составу, выдержано блестяще. Оба дня она имела дело с немцами, их полком, имевшим свыше 500 чел. и дравшимися гораздо лучше красноармейских. Он оставил на поле боя своих раненых и убитых, но ни одного пленного.

Вот как описывает свои впечатления сестра Ксения, первопоходница, «видавшая виды»:

«Когда я увидела цепи красных, так уверенно идущие во фланг, пришла в трепет, какого никогда не переживала. А увидев, как мальчики смело и решительно побежали навстречу красным — тридцать против сотни — я растерялась, не знала, что делать. Упала на колени, моля Бога о спасении их роты. И совершилось чудо!»

Неоднократно она потом повторяла: «Когда вспоминаю те два дня, дрожу и благодарю Бога!»

А «мальчики»? Они возбуждены до крайности, делятся впечатлениями, спорят, в чем-то упрекают друг друга. На них как будто не произвела впечатления смерть четырех их товарищей. Вышло так, что им не пришлось участвовать на похоронах погибших. Их, как и двух убитых офицеров хоронила сестра с санитарами: первых — у церкви в Самойлово, вторых — в Кащеево. Стояла отчаянная жара.

Через несколько дней за убитыми приехали родные из Волчанска. Отец одного юноши в кармане сына нашел револьвер «бульдог», взятый им из дома.

***

До конца июля простояли Марковцы со слабым Черниговским гусарским полком в районе Корочи, не тревожимые противником. И это несмотря на то, что занимали положение на фланге дивизии, имели разрыв с Донцами, стоявшими в 30 верстах к востоку, в районе г. Н. Оскол, и находились под угрозой охвата и обхода флангов. Исключение — два дня. Первое — удачный налет трех рот на с. Толстое, из которого красные были выбиты с серьезными для них и ничтожными для рот потерями. Второе — через несколько дней, как бы в отместку, налет красных на с. Плотавец, кончившийся для их полка полной неудачей.

Их налет был в полдень, когда Марковцы только что проснулись и ожидали приезда кухонь с обедом. В охранении стояли посты гусар и... проворонили подошедшего к селу по лощинам противника. В ротах переполох. Бойцы раздеты, разуты, сонные .

Героиней дня оказалась опять 5 рота. Ее взводы один за другим выскакивали из села на северную окраину, разворачивались фронтом на восток, откуда наступал противник, и без задержки шли вперед. Рота наступала, имея взводы уступом кзади слева. Так получилось: Офицерский взвод, слева уступом шагов сто — взвод «мальчиков», затем солдатские. Красные были моментально смяты и обратились в бегство, спасаясь в лощину с голыми краями. Лощина их не спасла: подъехавшие

пулеметы косили их. Спасла от огня глубокая промоина на дне лощины, но... не спасла от плена: свыше 200 чел. было вытащено из этой промоины. Несколько затяжной бой был лишь на восточной окраине села у других рот. Но в общем, через час все было кончено. 5 рота потеряла только двух человек, а другие около 20-ти.

С ликующими лицами «мальчики» вели в село пленных. И опять среди них громкие разговоры, шутки, смех: ведь они выбегали строиться кто в чем был — без рубашек, фуражек, один без ботинок, а один даже без патронов, не найдя их в поднявшейся кутерьме. Почему-то особенно смеялись над тем, кто оказался босым, и здорово разозлили его. Ком-ру роты пришлось на вечерней молитве выделить его среди других: «Без ботинок — не важно, но без патронов — хуже».

Спокойное стояние на месте стало сильно надоедать Марковцам. Недоумевали, «почему стоим, когда противник явно слаб?» А «мальчики» ставили твердый вопрос: «Когда же в наступление?» От возвращающихся в часть узнавали о наступлении на других фронтах: взята Полтава, Екатеринослав; от Царицына Кавказская армия наступает на север; даже у Готни 1 и 4 бат-ны наступают и взяли ее.

Узнали, что ген. Деникиным отдана директива о наступлении на Москву. Но она отдана давно — 20 июня, месяц назад. «Скорей на Москву!» — стремление всех. Но... 30 и 31 июля бат-ны, смененные частями Партизанского ген. Алексеева полка, на подводах отправились обратно в Белгород.

⁂

Трехнедельная стоянка у Корочи не оставила никаких впечатлений: пришли, постояли и ушли, потеряв едва 100 чел. Расположились по старым квартирам и занялись своим делом. 1 бат-на в городе не было, а про прибывших забыли: даже пополнений не дали, и остались они в составе 400—500 шт. (В 1-м — до 700 шт.).

Роты не видели и даже мало чувствовали присутствие ком-ров бат-нов и, тем более, командира полка. Штаб полка жил обособленной жизнью с несколькими командами, никуда не выступавшими. Такая отчужденность была неприятна для офицеров в ротах. Ком-р полка не знал даже лично своих ком-ров рот; не знал нужды и духовных запросов своей части. Бат-ны, роты шли в отдел, что-то делали, выносили какой-то опыт и в боевом отношении, и в других, и их об этом не спрашивали. Обмена опытном не было.

В Белгороде говорили, что начинается формирование 2-го полка. Конечно, все рады, но удивлялись, почему так поздно, когда на фронте уже действует 2-й Корниловский. Еще в Купянске узнали, что начнется формирование 2 и 3-го полков, офицерским кадром которых будут 7 и 9 Офиц. роты, а роты эти до сего времени в боях, несут потери. Кто-то об этом не думал. Запасный бат-н? Он был, в сущности этапной инстанцией, через которую проходило пополнение без того, чтобы там должным

образом велась его подготовка. Его ком-ры менялись, пока в конце концов ком-ром его не стал офицер, ни дня не прослуживший в полку.

Должной связи между нач-ками в полку не было. Она начиналась лишь с ком-ров рот и ниже. И надо сказать, что штаб дивизии и ген. Тимановский были более доступны, и там знали лучше и глубже мысли и настроения Марковцев.

ФОРМИРОВАНИЕ 2-го ГЕН. МАРКОВА ПОЛКА

Приказ по 1-му корпусу от 25 июля 1919 г. положил начало новому полку Марковцев, но формирование началось в начале августа. Его ком-ром назначался первопоходник, полк. Морозов; помощником — первопоходник, кап. Образцов; оба прошедшие школу под личным руководством ген. Маркова. Оба — офицеры «без страха и упрека».

1-м бат-ном нового полка стал 4 бат-н 1 полка, прошедший практически боевую подготовку в боях у ст. Готня. Одна из его рот была Офицерской.

2-м бат-ном стал запасной бат-н.

3-й полностью формировался.

Офицерский кадр дали 7 рота и возвращающиеся по выздоровлению офицеры. Кадр младших ком-ров — учебная команда при запасном батальоне.

Пулеметные команды: из выделенных от 1 полка пяти пулеметных взводов; из учебно-запасной команды и две формировались полностью. Пулеметов было получено достаточно, но не хватало лошадей.

Полковой командой пеш. разведчиков стала команда, сформированная одновременно с 1 бат-ном. Прочие команды и обозы формировались, но из-за отсутствия лошадей не могла быть создана даже команда конных разведчиков.

Место формирования — Харьков, но 1 бат-н и команда пеш. разведчиков оставались в Белгороде.

Днем полкового праздника был выбран ближайший двунадесятый праздник — Преображение Господне.

Форма одежды — черная, Марковская, с добавлением белого канта вдоль нижнего края воротника гимнастерки.

Полковой значек — черное полотнище с белым Георгиевским крестом посредине.

В Харькове полк получил в пополнение мобилизованных офицеров и солдат, а также и из пленных. Значительное число влитых офицеров позволило сформировать из них отдельную Офиц. роту в 100 штыков.

В остальных ротах было по 150 шт. при 10—15 офицерах. Пулеметов по 12—15 на каждую из 4-х команд.

Формирование шло в спешном порядке. Полк. Морозов и кап. Образцов с большим напряжением сколачивали полк, обращая главное внимание не на строевую подготовку, а на «формирование духа». Все нач-ки в полку собирались ежедневно и с ком-ром полка устанавливали единство взглядов, духа, тактики, общность воли. Полк становился единой крепкой семьей.

КУПЯНСКИЙ ПРОРЫВ КРАСНЫХ

Несмотря на то, что планы, поставленные командованием Красной армией на начало августа были серьезно расстроены поражением его Готненской группы, от выполнения их оно не отказалась. Главная задача 13 красной армии — удар по левому флангу Донской, прорыв в тыл и поворот удара на Харьков — оставались в силе. На 14-ю же армию, стоявшую против 1 корпуса, теперь падала задача не столько прорыв на Харьков через Готню, сколько наступление всем фронтом, с целью сковать силы «Цветного» корпуса, чтобы он не мог перебросить части к месту главного удара.

Ожидаемое наступление красных прежде всего угрожало 1 дивизии глубоким обходом с тыла. И чтобы ослабить давление противника с севера и иметь свободные резервы к моменту назначенного на 6 августа общего наступления двух красных армий, ген. Кутепов решил заблаговременно ослабить 14 кр. армию нанесением ей серьезных потерь.

1 августа корпус перешел в наступление, направив в него максимум своих сил. В резерве оставались лишь 1-й ген. Маркова полк и бат-н 2-го. Вся артил. бригада — 8 батарей — повзводно была придана наступавшим частям; в Белгороде оставалась лишь запасная батарея в 2 орудия.

Наступление корпуса развивалось успешно и с нанесением больших потерь противнику. 1 дивизия, по приказанию, остановилась на линии р. Сейм, ст. Ржава, г. Обоянь и левый ее фланг, Марковская инжен. рота — на р. Псел. Правый фланг — Алексеевский полк — из района Корочи выдвинулся на север почти на 50 верст, таким образом, еще более подставив под удар свой фланг, в обеспечение которого стояли в районе Корочи формирующиеся Черноморский и Изюмский гусарские полки и далее, до фланга Алексеевцев — Черноморский конный полк, сменивший здесь Алексеевский конный.

Черноморский конный полк с этого времени действовал с 1 дивизией, а в 1920 году он вошел нераздельной частью в Марковскую дивизию.

Его история такова.

В Донбассе из 2-го конного Дроздовского полка был выделен кадр на формирование партизанского отряда под именем Херсонского. Формировал его полк. Главче. Отряд действовал смело и успешно. В Харькове в отряд поступило немало добровольцев, часть которых пошла на укомплектование эскадронов, а другая, из молодежи, не умевшей не только обращаться с оружием, но и сидеть на конях, составила учебный эскадрон.

Находясь все время в боях при 3 дивизии, отряд пополнялся забираемыми у красных конями и вскоре имела уже 4 действующих эскадрона. По ходатайству нач-ка отряда и офицеров, ранее служивших в Черноморском конном полку, сформированном в 1915 г., для охраны побережья в районе Херсона, отряд был переименован в Черноморский конный полк и в конце июля 1919 г. передан из 3 дивизии в 1-ю.

***

Как и ожидалось, красные перешли в наступление 6 августа. Их 13 армия сбила фланг Донской армии и прорвалась в тыл. Через несколько дней ею уже заняты Валуйки, Купянск, в тылу Белгорода — Волчанск — и ее части устремились на Харьков. Кроме того, наступление днем раньше велось на Корочу, которая ими была взята. Создалась угроза 1 дивизии непосредственно от Корочи и глубокая от Волчанска; наступление на Харьков создавало угрозу тылу всего 1 корпуса.

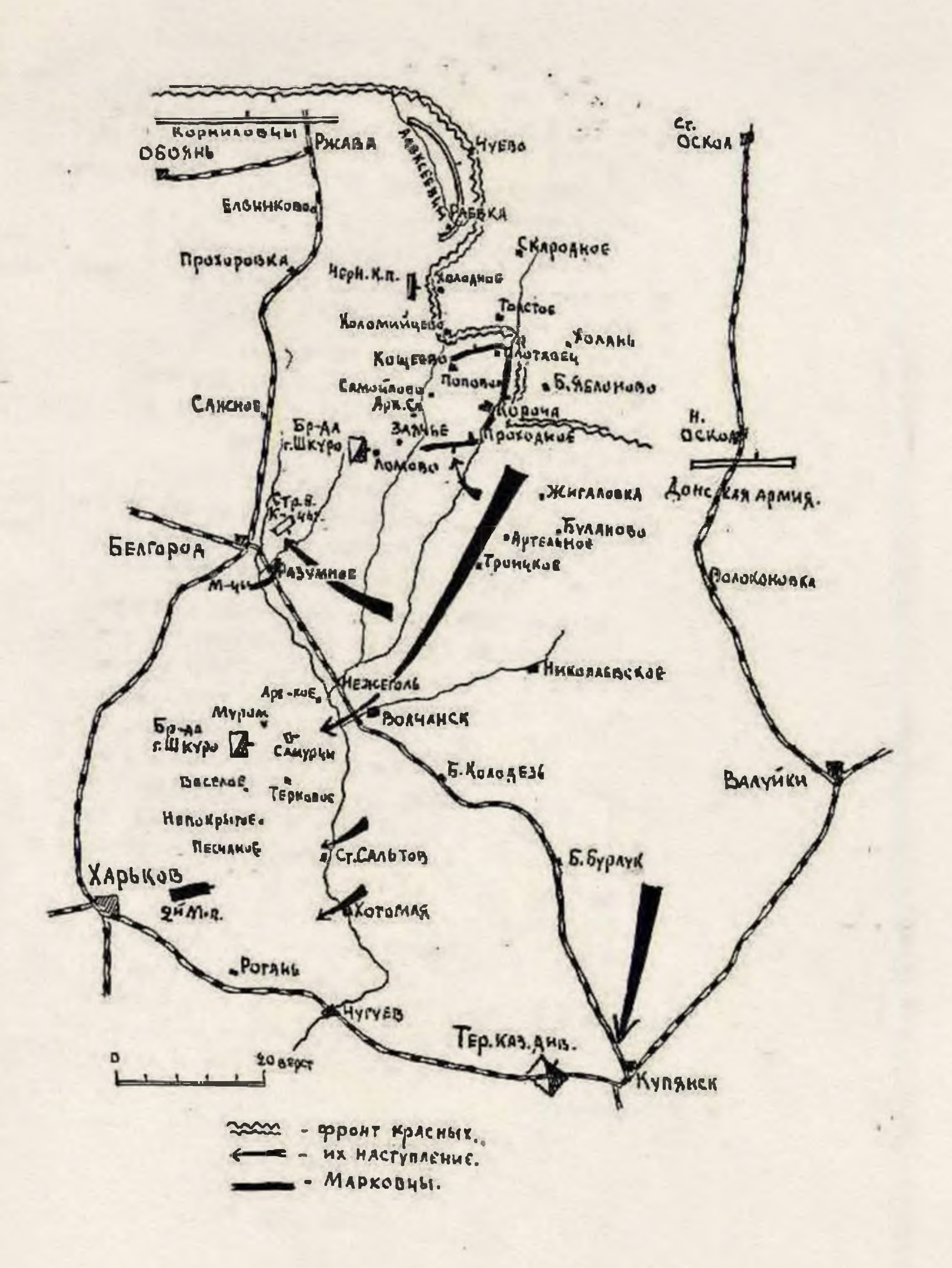
Остановить наступление красных у 1 корпуса нет достаточно сил. Для ликвидации прорыва бросаются: стоящий в резерве 1-й Марковский, формирующийся 2-й; а по жел. дороге срочно перебрасываются Сводно-Стрелковый, боровшийся на внутреннем фронте против Махно и конный корпус ген. Шкуро — Кубанская и Терская казачьи дивизии с Терско-Астраханским пластунским полком из Екатеринославской губернии; из 3 дивизии — часть Самурского полка.

ВТОРОЙ ПОЛК В БОЮ

Из Белгорода уже шел к Короче 1 Марковский полк, а 10 августа уходит и последний резерв дивизии — бат-н 2 полка с командой разведчиков и бронепоездом, на юг на ст. Разумная.

12 августа бат-н пошел на сближение с противником по обе стороны р. Сев. Донец, а на станции высаживался Терско-Астраханский полк.

13 августа отряд под начальством ком-ра этого полка переходит в наступление. Во встречном бою полк был разбит, потеряв половину своего состава и командира. Роты Марковцев оказали охваченными слева и стали отходить. Бронепоезд, не разобравшись в положении, обстрелял одну роту и вывел из строя 13 человек; в их числе был убит ее ком-р, пор. Шумаковский.

У города Короча

Купянский прорыв красных

Отряд отошел к Разумной — 12 верст от Белгорода, где в это время выгружались два бат-на Свод.-Стрелк. полка (3-й его бат-н ушел к Короче). Отряд возглавил ком-р Стр. полка, полк. Гравицкий. На следующий день в отряд вошел бат-н Корниловцев, снятый с фронта к северу от Белгорода.

15 августа отряд полк. Гравицкого и три роты Марковцев на западном берегу Донца перешли в наступление. С запада перешедших реку красных теснил бат-н Самурцев.

17 августа роты Марковцев, бывшие на западном берегу реки, перешли на восточный берег; Самурцы отогнали красных за реку против Волчанска, а 1 бригада Кубанской казачьей дивизии бешенным порывом перескочила по мосту реку.

18 августа общим наступлением с севера и запада был взят Волчанск. Немедленно бат-н Корниловцев и три роты Марковцев выехали на север от Белгорода, где красные теснили Корниловцев. Самурцы еще накануне ушли к своей дивизии.

В этот день, южнее по Донцу, у селений Сальтов и Хотомля, выступившие из Харькова молодые бат-ны 2 полка, проделав 40-верстный переход по тяжелым лесным дорогам, с марша атаковали и отбросили красных на восточный берег реки. Защищавший с. Хотомля 1-й «железный конный тов. Троцкого» полк с двумя орудиями встретил Марковцев в спешенном строю, но, сбитый с позиции, не смог ускакать через мост, а направился к югу. Офицерская рота, только что взявшая д. Бабки, шла к с. Хотомля и неожиданно была атакована красными, находясь в низине; отбив атаки, все же оставалась под огнем пулеметов и спешившихся всадников. Отходу роты помог ст. у. оф. Рогов со своим пулеметом «Люиса». В какой-то тяжелый момент, он замолк, а лава уже несется. Но молчание было минутное. Оказалось, выпала рукоять пулемета и Рогов не мог ее найти, но нашел большой гвоздь, который и заменил ему рукоять. Рота отбросила красных и те поскакали к реке. Топкое русло затруднило им переправу, где они понесли немалые потери. Бат-н взял весьма ценные для него трофеи: подводы и оседланных коней.

Но взятие Волчанска и успех южнее его еще не были поворотным моментом в ходе боя. Силы красных огромны и они стали давить на оставшийся отряд из двух бат-нов Стрелков с двумя ротами Марковцев и бригаду Шкуринцев. И снова пришлось через день возвращать к Волчанску бат-ны Корниловцев и Марковцев, которые только что отбросили красных, прорвавших было фронт на участке Корниловцев.

20 августа два бат-на Стрелков и отряд полк. Данилова (бат-н Корниловцев и три роты Марковцев с 3 орудиями) и вправо от них бригада Шкуринцев и далее — два бат-на Марковцев перешли в наступление. Оно развивалось успешно и через несколько дней отряды подошли к линии Купянск—Елец. Красные быстро отходили. Отряд

полк. Гравицкого: два бат-на Стрелков и бат-н Корниловцев со взводом Марк. артиллерии — продолжал наступление на север вдоль жел. дороги на Новый Оскол. От Купянска красных преследовала Терская каз. дивизия.

2-й Марковский полк был выведен в резерв и собрался у ст. Волконовка. Здесь в первый раз встретились все его бат-ны; не было лишь двух рот, оставленных в Белгороде в резерве дивизии. Полк продолжал свое формирование, имея уже не мало трофейных лошадей, подвод и другого военного имущества и, главное, имея и некоторый боевой опыт. Потери его около 100 человек.

30 августа полк снова разъехался: 2 и 3 бат-ны в Харьков, а 1-й с двумя орудиями, через Купянск и Белгород, на ст. Ржава.

ПЕРВЫЙ ПОЛК В БОЮ

2 и 3 бат-ны полка в Белгороде. 1-й все еще у Готни в с. Ракитное. Отдыхают день, другой, третий — никаких сообщений, никаких приготовлений.

Но узнали — на фронте бои: дивизия перешла в наступление. На Москву? — возникала мысль, которую как будто подтверждал слух о провезенных на фронт танках. Однако, оказались сомнительными предположения о наступлении на Москву: в этом случае полк не оставался бы в 30 верстах от фронта. Для проверки Марковцы ходили на вокзал и видели там стоящие составы штабов корпуса и дивизии, связанные телефонными проводами; видели прибывший состав с ранеными и пленными; бронепоезд и вспомогатель к нему и ничего больше. Расспросили раненых Корниловцев и те говорили о простом наступлении с какой-то ограниченной целью. Это проводилась операция с целью ослабить ожидаемый удар 14 красной армии, но обо всем этом Марковцы не знали. А на четвертый день вечером во 2-м и 3-м бат-нах объявлено: «Ночью выступление. Приготовиться!»

Часа в три ночи бат-ны подняты, накормлены и погружены на подводы. С ними не было ни одного орудия. Куда тронулись? И только днем определили — на Корочу. Опять тряска в жару, пыль и в течении минут десяти под проливным дождем. Красиво выглядели все от смеси пыли и дождя. Ворчали: «Стоило нам возвращаться в Белгород, чтобы через 4 дня ехать обратно?» С наступлением ночи колонна втянулась в с. Коренек и остановилась. Ком-ры рот и начальники пул. команд вызваны к начальнику колонны, полк. Наумову.

Обстановка: прот-к большими силами занял Корочу, Попово, Плотавец и ряд хуторов. Ожидается его наступление или в направлении на Белгород, или в тыл находящимся в бою частям 1-й дивизии. Задача бат-нам восстановить положение: ночной атакой взять Корочу.

6 августа. Ночь тихая и темная. Бат-ны, проехав на подводях еще 5—6 верст, разгрузились. Наступать: 3-му бат-ну вправо от до-

роги, 2-му — влево, выделив одну роту для атаки хутора, находившегося в двух верстах от города к западу; пулеметы на катках; выслать вперед редкие цепи, которые обозначат, остановившись перед городом, рубеж начала атаки; от каждого бат-на одна рота в резерве.

Дозорные цепи не идут, а ползут. Они залегли, когда на темном фоне неба стали видны крылья мельниц. Окраина города и слившаяся с ним с. Погореловка близки. 600 шагов? 1.000? Пошедшая влево рота идет смелее — она знает, что перед самым хутором будет балка. Вот и она. Видны очертания домов по ту сторону. Чтобы атаковать хутор, как сказано, в 3 часа (в роте условлено — по первому выстрелу у города), нужно спуститься в балку и подползти к хутору. Балка оказалась глубокой с топким дном, с густым на дне туманом; ничего не видно, глохли даже голоса. Конечно, цепь расстроилась, но каждый знал свою задачу.

3 часа... «Вперед!» Цепи бат-нов идут быстро. Тишина. И только перед мельницами их встречает слабый огонь. «Бегом!» Роты вбегают в улицы; красные выскакивают из домов. Атака застигла их как раз, когда у них был объявлен подъем. Стрельба усиливается, а когда Марковцы прошли два-три квартала, их уже встречают пулеметным огнем. Загремела красная батарея, освещая яркими вспышками, но снаряды рвались за городом. Наступление застопорилось. Справа красные атаковали во фланг, но в короткой схватке были отброшены. Около 20 Марковцев пало в ней. Ком-р 11-й роты, кап. Ждановский, организует планомерное наступление.

Левее наступление рот продвинулось вперед настолько, что линия огня красных и их батарея остались несколько сзади. Они сворачивают вправо и попадают на церковную площадь, с которой стреляет 4-орудийная батарея. Они оказались в тылу тех красных, которые сдерживали роты 3 бат-на. На площади мечутся люди... Свои?.. Красные?.. Стрельба со всех сторон. И вдруг «ура» из кварталов за площадью. Атаковали резервы красных. На площади роты были мгновенно смяты.

Один взвод 8-й роты вышел на западную окраину Погореловки и встретил 5-ю роту, которая, взяв хутор и рассеяв за ним колонну кавалерии, теперь подошла к городу, чтобы выполнить данную ей задачу — обеспечить атаку бат-нов. Сестра милосердия 8-й роты, Ольга, бросается к ком-ру роты с мольбой: «Капитан. Спасите наших!» Ком-р взвода доложил о положении. Приказав взводу обеспечивать атаку с запада, ком-р направил свою роту по улицам, ведущим к площади. Первые для роты потери. Но стрельба скоро прекращается, а когда рота пришла на площадь, то ее уже прошли роты с кап. Ждановским и преследовали противника по городу, спускающемуся по скату большой лощины к р. Корочка. Светало. И видно было, как красные в беспорядке бежали через мост и по дамбе за ним. Их поливали огнем пулеметы. 3-й бат-н, как и было приказано, вышел на восточную окраину города, 2-й на северную. Увлеченный преследова-

нием, 3-й бат-н шел дальше и занял д. Бехтеревку на противоположном скате лощины.

На рассвете ротам, остававшимся в резерве, пришлось отбить атаку дивизиона красной кавалерии, неожиданно выскочившего из леска справа на склоне лощины. Едва половина его спаслась. Среди убитых был ком-р эскадрона, бывший офицер. И сейчас же после этого 9 рота спешно ушла в с. Проходное, в 8 верстах к югу от города, на помощь пешему дивизиону Изюмского гус. полка, отбивавшему наступление красных.

***

Ужасную картину представляла утром церковная площадь Погореловки. Свыше ста убитых и раненых Марковцев и красных лежало на ней; около 30 убитых и раненых лошадей: 4 артиллерийских упряжки с 2 орудиями и 2 зарядными ящиками; лошади с пулеметными двуколками. Без преувеличения, площадь вся была залита кровью. И не только площадь, но и соседние дворы наполнены ранеными и убитыми.

Полк. Наумов распорядился немедленно убрать площадь. Мобилизованы жители. Сестры и санитары перевязывают раненых и уносят убитых. Появился какой-то корреспондент с фото-аппаратом. «Запрещаю! Если и сняли — не опубликовывать», — сказал ему полк. Наумов.

На одном дворе лежало несколько раненых 8-й роты и среди них тяжело раненый их ком-р, кап. Верещагин. На груди его белел орден Св. Георгия.

Кап. Верещагин и раненые рассказывали о схватке 7-й и 8-й рот на площади с резервами красных. К раненому кап. Верещагину подошел красноармеец и сорвал Орден, но тут оказался красный ком-р, который набросился на сорвавшего, напомнил ему о приказе и сам приколол обратно Орден.

Взятые в плен красные сообщили: их трехполковая бригада, Симбирская стрелковая, имевшая полный состав свыше 1.000 шт. на полк, только что прибыла с Сибирского фронта, где отлично воевала «против Колчака». Она ехала на «Деникинский» фронт с полной уверенностью снова одерживать победы. Накануне она сравнительно легко взяла Корочу, а в этот день готовилась победно наступать с двумя кавалерийскими полками. В пути на фронт бригаде был дан приказ, по которому строго запрещалось не только расстреливать или совершать насилия над белыми, но и отбирать у них что-либо кроме оружия. Раненым белым приказывалось оказывать такую же помощь, как и своим. И в минувшем бою приказ был выполнен, но только в бою.

Вот что рассказывал через день один из чинов 8 роты. Красные бежали из города, уведя с собой около 20 человек взятых в плен Марковцев и его в том числе. Красноармейцы и их ком-ры не проявляли никакого озлобления против них, но подъехавший ком-р бригады приказал: «чернопогонников расстрелять!» Уже темнело, когда пленных

подвели к покрытой кустарников лощине. В самый последний момент он и несколько других бросились л вощину. Спасся лишь он, добравшись за ночь до «своих».

Атака Корочи стоил Марковцам больших потерь: до 60 убитыми и около 200 ранеными. Красные понесли не меньшие потери и около 100 человек пленными; потеряли 3 орудия — два на площади и третье уже за городов, два зарядных ящика, несколько пулеметов, двуколок, немало лошадей.

***

С запозданием в этот день в Погореловке и в Короче звонили церковные колокола, призывая к молитве по случаю Преображения Господня. Перепуганные ночным боем жители шли искать утешения и успокоения в Божьих храмах, а после литургии помолиться за «в смуте убиенных». Шли и Марковцы.

7 августа. Маловероятно было контр-наступление красных. Почти без потерь занято было с. Попово. В этот день прибыл в район Корочи 1-й бат-н полка и стал в Проходном, а за ним и штаб полка с запасным бат-ном в 200 шт., в с. Заячье.

В командах и зап. бат-не были удивлены, когда по приходе в Заячье части расположились как на боевых позициях, выставив охранение и выслав конные разъезды в юго-восточном направлении. Тогда никто еще не знал, что красные обходили дивизию, начав прорыв на Купянск.

В распоряжение ком-ра полка вошли полки Изюмский и Черниговский. Его участок имел 3 фаса: южный — сс. Заячье—Проходное, 10 верст; восточный — с. Проходное—Короча—Попово, 15 верст; и северный — Попово—Кащеево, до 10 верст. Общее протяжение фронта полка до 35 верст. До правого фланга Алексеевцев, находившихся в 50 верстах к северу, занимал Черноморский конный полк.

На полк ген. Маркова ложилась ответственная задача: обеспечивать фланг и тыл своей дивизии.

8—9—10 августа противник вел атаки на всем фронте полка. Перед Корочей, несмотря на успешное опражение атак, оставлены с. Казанское и д. Бехтеевка. Фронт теперь шел по р. Корочка. Контрнаступлением было занято с. Плотавец. Полк удлинил свой фронт на 5—6 верст. Сильная атака на город, когда красным удалось перейти на западный берег р. Корочка, была отбита. Только в эти дни к полку подошли 2 орудия. Тревожная ночь, непрерывные стычки.

11 а-вгуста. Ночь. В с. Плотавец по тревоге выстраиваются 3 роты. Их задача: провести налет на Коломийцево, где красные сосредотачивают силы и создают угрозу обхода полка слева. Роты сбивают охранение противника вдоль лощины, рассеивают его в ближайших хуторах. Головная рота уже в 3-х верстах от цели, но узнает — крас-

ные наступают на Кощеево. Она в тылу у них. Ей остается менять направление и наступать вслед за красными на Кощеево.

Светало. Красные, узнав, что у них в тылу белые повернули назад. Рота встретила их огнем и атакой взяла до 200 человек в плен, а оставшаяся масса быстро уходила в лощину к с. Коломийцево. Пленные принадлежали к полку немцев, с которыми рота встречалась 2 раза.

Но одержанный успех сорван: двум ротам приказано немедленно возвращаться в Плотавец, на которое ведется наступление, а 5-й роте итти в Самойлово для обеспечения фланга полка и поддержки дивизиона Черноморского гусарского полка в с. Кощеево.

Две роты подходили к Плотавцу, когда остававшаяся там рота уже оставила его и отступала под давлением противника. Роты оказались на фланге последнего и общим ударом всех трех рот, с поддержкой взвода артиллерии, 27-й стр. полк красных был смят и с большими потерями отброшен за Платовец. Отбиты атаки и на с. Проходное. Но у Корочи красные в этот день не наступали и только обстреливали позиции 3-го бат-на и город, угрожая в любую минуту атакой.

В тяжелом положении оказались жители города, принужденные безвыходно оставаться в своих домах. Орудийный обстрел заставил их искать убежища в кирпичных зданиях и подвалах. Город замер. Положение горожан утяжелялось еще и отсутствием продуктов, т. к. в продолжение нескольких дней в город не было подвоза. Непрерывно марковские кухни готовили пищу и раздавали жителям.

6 дней непрерывного боевого напряжения и днем, и ночью уже сильно измотали всех. Отдыха не было. Сказывался недостаток сил для фронта в 40 верст. Мало облегчил перевод конной сотни полка из с. Заячье в Поповку; команды разведчиков в 150 шт. — в резерв в Корочу и комендантской команды в 28 шт., ставшей заставой южнее города. И только сообщение, что в с. Ломово стоят части ген. Шкуро (2-я бригада Кубанской каз. дивизии и Волчий дивизион) и что к полку направлен бат-н Сводно-Стрелкового полка, несколько ободрило.

Первой увидела этот бат-н 5 рота в Самойлово. В наряде был взвод «мальчиков» и они подбежали к колонне.

— Какой части? — раздался их вопрос.

— Стрелки. А вы какой?

— Мы — Марковцы.

С непередаваемым любопытством обе стороны рассматривали друг друга. Было чем поражаться и даже восхищаться при виде Стрелков. Колонна шла в образцовом порядке, пулеметы на двуколках казенного образца с людьми на своих местах. Людской состав весь призывного возраста, зодоровый, подтянутый. Все в однообразном английском обмундировании со стальными касками французского образца на головах. Четыре роты по 150 шт., с десяток пулеметов. От восторга «мальчики» кричали «ура».

Вероятно было чем поражаться и Стрелкам при виде Марковцев

в 18 лет и, вряд ли восхищаться юношами без выправки, без внимания к проходившим офицерам в колонне, по-детски выражавшим свой восторг, разнообразно одетыми и имеющими только один общий признак — черные погоны. «Ай, да Марковцы!» — слышались возгласы из колонны.

Ком-р 5-й роты представился идущему впереди ком-ру бат-на, почтенному и бравому полковнику, который, как и все его люди, смотрел на ком-ра роты с нескрываемым любопытством, сообщил, что Стрелки идут на поддержку Марковцев и направляются в с. Плотавец. А через час и 5 рота получила приказание направиться туда же.

⁂

Напряженность на фронте требовала принятия мер к ее ослаблению. Нужно было устранить угрозу со стороны с. Коломийцево, продолжавшую висеть над флангом полка и, по возможности, ослабить намечавшийся удар на Корочу. Полк. Блейш рискует: 3 роты 1 бат-на из с. Проходное направляет на Коломийцево, а бат-н Стрелков — на Б. Яблоново. Оба удара велись со стороны Плотавца утром на следующий день. Расчет на то, что противник в этот день не предпримет решительных действий.

12 августа. Тревожная ночь. Перестрелка. Три роты 1 бат-на проходят Корочу. Их задача: в течении дни рассеять сосредоточение красных в Коломийцево и вернуться в Проходное. Рейд в 40 верст. В селе оставлены одна рота и батальонная команда разведчиков.

Ком-р оставшейся роты, кап. Большаков, учел все для обороны села и как раз крестьянин сообщил: утром красные атакуют село с юга. Значит, надо ожидать одновременной атаки и с востока. Необходимо немедленно ночью разгромить готовящихся к нападению с юга. Кап. Большаков атакует тремя взводами, переходит глубокую лощину, врывается в один хутор, в другой. Красные, почти не оказав сопротивления, разбегаются, скрываются в темноте. Взято до 100 человек в плен, пулеметы, десятки подвод. Подошел момент остановить взводы и отойти в село, но ночью на это потребовалось много времени. Взводы нужно было не только отвести, но и занять ими позиции, теперь уже на восточной окраине села.

Начался рассвет. Три роты 1 бат-на идут от Корочи к Плотавцу. На линии с. Поповка к бат-ну подскакивает верховой и сообщает: красные атаковали это село и находящиеся в нем части отходят. Ком-р бат-на решает выслать на поддержку одну роту с тем, чтобы она, как только положение будет восстановлено, догоняла бы бат-н. Красные из села были выбиты быстро, но рота далеко отстала от бат-на и нагонять его ей пришлось бегом. Не доходя до Плотавца, отправив взвод орудий в распоряжение Стрелков, бат-н взял направление на Коломийцево. Выбивая красных из хуторов и уже почти подойдя к Коломий-

цеву, бат-н неожиданно получает распоряжение немедленно возвращаться в Проходное через с.с. Кощеево, Самойлово: красные ведут наступление на Корочу и Проходное. Вторично рейд на Коломийцево сорван.

С приходом двух орудий, Стрелки от с. Плотавец пошли в рейд на Б.-Яблоново, взяли хут. Короткий и село, но получили приказание отойти в Плотавец: красные ведут наступление на Корочу, Плотавец и Поповку. И этот рейд сорван. Вернувшимся в село Стрелкам пришлось обеспечивать село с юга, где красные уже заняли Поповку.

С утра красные вели наступление на Проходное, но только с востока. 3-я рота, мало опасаясь теперь за свой южный фас, отбила красных. Большую помощь ей оказало своевременно прибывшее орудие запасной батареи. Вскоре в село прискакала группа Кубанцев во главе с ген. Шкуро.

— Как у вас? — спросил он у кап. Большакова. — Вот что! Мне нужно, чтобы вы заняли Сетненскую переправу, необходимую мне для завтрашней операции. Сейчас прибудут 2 орудия в ваше распоряжение.

— Слушаю, Ваше Пр-во.

Под вечер, имея уже 3 орудия, рота атаковала красных, сидевших в окопах на восточном краю лощины. Огонь орудий и, стрелявших через головы роты, пулеметов, облегчили ей переход через широкое топкое место и сбить прот-ка, который поспешно отошел, оставив убитых, раненых и 3 пулемета. Мост был в исправности.

НО У ГОРОДА КОРОЧА В ЭТОТ ДЕНЬ...

Темная ночь. На утро пополз по лощине туман. Непрерывная перестрелка с партиями разведчиков. 3 бат-н тремя ротами стоит вдоль речки перед городом и немного севернее его. Южнее, на окраине села Пушкарное, примыкавшей к городу, — застава Изюмских гусар. Еще южнее — комендантская команда, 28 человек. Туман такой, что в полуверсте уже не слышно звуков выстрелов. Отпадала слуховая связь, по которой определялось положение на соседних участках. Красные сбили заставу Изюмцев и никто ни вправо, ни влево ничего не слышал.

Для 3 бат-на было полной неожиданностью, когда на его правый фланг стремительно налетели красные. Немедленно началось и их наступление с фронта. Бой уже в городе. Светает. Красные давят своей массой, своим огнем. К ком-ру бат-на подлетает ординарец: «Красные в Погореловке!» (т. е. на западной окраине города). Бат-н с боем отходит по городу.

План атаки красных был смел и дерзок. Сбив заставу Изюмцев, они стали развивать свой успех не только вправо, но и направили силы вдоль южной окраины города, в тыл ему. Там, где дорога из Белгорода

входила в город, расположен был обоз и они обрушились на него, еще спящий и ничего не ожидающий.

В стоявшей несколько дальше команде пеш. разведчиков поднята тревога. Она вступила в бой на улицах и с обходящими город красными, но смогла лишь сдержать напор их и дать возможность 3-му бат-ну выйти на западную окраину. Бат-н не успел еще развернуться, как противник надавил на него из города и одновременно перешел своей массой в атаку на разведчиков. Бат-н и команда принуждены отходить по открытому полю. Проведенная им контр-атака захлебнулась в огне. Потери огромны, нет санитаров, требуются патроны, но обоз захвачен красными. Полк. Наумов хочет снова атаковать, однако предупредили красные; и их атака была грозной для большинства Марковцев, не бывавших в боях в степях Кубани. Загремели 6 орудий красных, поднялись густые цепи и, обгоняя их, вылетели десятки пулеметных тачанок, запряженных парой лошадей. «Кавалерия!» — вырвались крики. Часть поддалась панике, часть, отстреливаясь, стала быстро отходить. Красных сдерживали пулеметы и взвод орудий. Бат-н и команда отошли за лощину и остановились на краю ее, у хут. Холодный, в 4—5 верстах от города.

Наступила ночь. Ужасный бой. Раненые шли, бежали в тыл. «Наши отходят. Кавалерия!» За второй лощиной, в с. Архиерейская Слободка — полковой обоз и перевязочный пункт. Раненые без перевязок садятся на подводы и торопятся уехать. «На Сажное!» — кричат им, но часть гонит лошадей кратчайшей дорогой на Белгород. (Ввиду угрозы Белгороду с юга, приказано было направлять раненых на ст. Сажное). Паника докатилась до станции, но в направлении на Белгород только до с. Ломово. Там стояли Шкуринцы и ген. Шкуро спокойно сказал: «Ничего тревожного. Мы все же разобьем красных».

Положение на участке полка крайне тяжелое: фронт прорван; два бат-на в Плотавце почти окружены; в Проходном только одна рота; в интервале в 10 верст между Плотавцем и Проходным, понесшие большие потери — 3-й бат-н и команда разведчиков; три роты 1-го бат-на, утомленные более чем 30-верстным рейдом, идут в с. Проходное.

Пропала комендантская команда в 28 человек: 3 офицера, подпрапорщик, 4 куб. казака, остальные из пленных. Стоя в заставе южнее Изюмцев, она не слышала начавшегося боя. Связь, посланная к Изюмцам, едва не попала в руки красных. Явно, что-то неблагополучно и пор. Никульников ведет команду к западной окраине города, чтобы связаться со своими. На окраине видны цепи и видна батарея, которая стреляет куда-то в западном направлении. Ясно — это красные. Команда, незамеченная противником, спустилась в лес на склоне лощины и притаилась там. К югу слышен бой. Она попала в окружение. Что делать? Подпрап. Лосев предлагает атаковать батарею и ударить в тыл цепям прот-ка. 28-ю человеками? Решено отсидеться до ночи, а ночью пробиться на запад. «Наши не должны быть далеко». И ночью команда выбралась.

Ночью приказ: с рассветом полку перейти в наступление и восстановить положение у Корочи — 1-м бат-ном с юга, 3-м и командой разведчиков с запада, 2-м с севера; бат-ну Стрелков оставаться в селе Платовец. В Проходное придут части ген. Шкуро.

13 августа. С жестоким боем продвигались 1-й и 3-й бат-ны с двумя орудиями против шести по открытому пространству. 2-му бат-ну с двумя орудиями сначала пришлось брать Поповку и он задержался с наступлением на город.

Красные переходили в контр-атаки, местами теснили бат-ны. Первый успех: команда разведчиков, с кап. Коломацким во главе, штыковым ударом берет хутор в 2-х верстах от города и отбивает ряд контр-атак. Взятие хутора помогло 1-му и 3-му бат-нам, но красные упорно держатся. Один за другим в 1 бат-не подают убитыми ком-ры рот, кап. Большаков и шт.-кап. Александрович. А в это время с севера к городу подходит 2-й бат-н. По красным уже бьют 4 орудия. Они отходят на окраину города и... неожиданно прекращают стрельбу.

Марковцы входят в город. Никакого сопротивления. А когда они спускались к реке, разнесся крик: «Шкуринцы обходят!» На противоположной стороне лощины видна лава, обходящая город с востока, и масса красных, отходящих в сев.-восточном направлении. Их спасла лощина, остановившая движение лавы. Шкуринцы, их 2-я бригада Кубанской каз. дивизии, сбив заслон против Сетненской переправы, продолжала наступление в восточном направлении, выслав дивизион в обход Корочи.

На следующий день утром в Корочу приехал ген. Шкуро. По его словам, его дивизии «крошат врага» и отрезают ему путь отступления из «Купянского мешка». Только теперь: узнали все о глубоком прорыве красных. Во второй половине дня полк взял с. Б. Яблоново. Конная сотня, продолжая преследование, захватила до 150 пленных. 15 августа один бат-н легко выбил прот-ка из с. Лохань.

Но не был еще окончательно ликвидирован «Купянский мешок» и в нем находились еще большие силы красных. В рейды, на пересечение путей их отхода, высылаются — 17 августа один бат-н и 20-го — другой. Они едут на подводах в южном направлении, встречают красных, уже не оказывающих сопротивления. До 5.000 человек было взято в плен. 27 августа вернулся из рейда последний бат-н.

Грозный прорыв кончился полной неудачей. Если судить по взятым пленным, силы его были в 27 стрелковых и 4-х кавалерийских полков и то только на участке контр-наступления Кубанцев, Марковцев, Стрелков, Корниловцев. Полная неудача красных и в наступлении их 14-й армии.

⁂

Наступило время отдохнуть от тяжелых боев, огромного напряжения и залечить раны. А раны серьезные: с 6 августа 1 полк потерял

до 800 чел., добрую половину своего состава. Все устали так, что испытывали только тихое удовлетворение огромными успехами на фронте армии. Но какой успех у них, Марковцев, пришедших к Короче и от нее не сдвинувшихся? Конечно, они сыграли какую-то роль на фланге дивизии, обеспечили его, помогли общему успеху... роль не казавшаяся значительной.

Полк, как был «в степи», так и остался один. Стрелки ушли к Новому Осколу на присоединение к полку. Ушли и кавалерийские полки. До Стр. полка 30 верст, до Алексеевского — 20. (Он в критические дни был отведен на позиции по реке Сеймице). В интервале влево — Черноморский кон. полк. Фланги полка оставались под ударом. Красные занимали линию сел: Лозное, Холань, Толстое, Коломийцево.

О полке будто забыли. Не присылали даже пополнения. Ком-ры рот сами заботились об этом, выбирая из пленных, чтобы довести роты до 50—60 шт.; в лучшем случае, если был достаточный в них кадр — до 100 шт. Но хорошо пополнились пленными запасный бат-н, с 200 шт. до 500, и комендантская команда, с 28 до 200, разделившаяся на комендантскую роту и команду.

Вопрос о пополнении стоял остро и им занялся также и штаб полка. Пленным предпочитали мобилизованных и штаб решил послать в тыл команды для вербовки. В разные города направлялись офицеры и солдаты, уроженцы этих городов. Они должны были «соблазнить» службой в Офиц. ген. Маркова полку своих земляков, убедить местные власти отпустить в полк мобилизованных, а в отношении офицеров — освободить их от прохождения через «какие-то реабилитационные комиссии». В Александровске таких желающих набралось свыше 1.000, но явилось на погрузку 400, а приехали в полк, не под Корочу, а позднее — 240. Из Екатеринослава — 50—60. Офицеров в этих городах были многие сотни, но они предпочитали «реабилитироваться».

Боеспособность полка и его дух продолжали держаться на испытанном офицерском и солдатском кадре. Было что-то исключительное в этом кадре, понять чего нельзя иначе, как в боях. Можно быть отличным офицером, пройти полный курс военного училища, получить боевую практику в Великую войну, быть храбрым, мужественным, дисциплинированным, даже отличным организатором и командиром, но в гражданской войне все же не удовлетворять всем требуемым ею условиям. Еще в начале Добровольческой кампании ген. Марков это отлично понимал и выдвигал не по чинам, а по делам.

Что-то «отчаянное» было в психике кадра. Для него Петровское: «не придерживайтесь устава, яко слепой стены» и Суворовское: «я говорю — направо, а ты видишь — налево; меня не слушай» — были недостаточны. Недостаточны, т. к. численная слабость требовала восполнения чем-то большим: инициативой, риском, быстрой формировкой задач, быстрым понятием решений, любовью к ответственности, отсутствием страха перед ней...

«Налево — кап. А. — он поддержит. Направо — пор. Б. — он удержит. А потому... «В атаку!»

Да и ответственность была не перед начальниками, а перед собой и своими подчиненными. Последние воспринимали «ответственность» своих начальников, чувствовали, что они избегают ошибки, промедления, небрежности, и доверяли им даже тогда, когда знали, что их начальники не получали приказаний свыше.

И не любили «отчаянные» осторожных, безинициативных начальников, если те не принимали их предложений, если без оснований сдерживали. Такие «отчаянные» попадали в категорию «недисциплинированных», воински «невоспитанных». Но их оставляли в полку, а уходили, казалось бы, «столпы дисциплины». Не выдерживали еще, конечно, и требуемого от каждого огромного напряжения всех сил.

Минувшие бои ясно показали, что противник стал силен не только «числом», но и «уменьем». Уменье внесли в Красную армию десятки тысяч бывших генералов, офицеров, унтер-офицеров. Над этим приходилось серьезно думать и решать, как воевать еще лучше. Требовался разбор боев, выявление ошибок и упущений. Но только в ротах, отчасти в бат-нах разбирались в деталях все мелочи хода исключительно тяжелых и сложных последних боев. Было огромное упущение, которое не могло не выявиться в будущем.

ЖИЗНЬ ВЫДВИГАЛА ВОПРОСЫ БЕЛОЙ ИДЕОЛОГИИ

Выйдя из Екатеринодара под Армавир, Марковцы втянулись в новые боеи. Их осеняла Белая Идея и они отдались всецело борьбе. Бои оказались жестокими, враг упорно и отчаянно сопротивлялся и часто сам переходил в наступление. Но непоколебим был дух белых бойцов.

Тем не менее, Марковцам приходилось задумываться о причинах упорного сопротивления красных. Объяснять это численным превосходством, энергией и отчаянной волей красных ком-ров и комиссаров казалось далеко неполным. Мобилизация населения Красной властью и строгие репрессии, применяемые ею, также не давали исчерпывающего ответа, как и пропаганда о благах, которые несет рабоче-крестьянская власть. Наличие в рядах Красной армии большого процента иногородних (не-казаков) Кубанской области дало первое объяснение упорному сопротивлению противника.

Вставал вопрос о земле: об этом говорили иногородние. В казачьих областях у них не было права иметь собственную землю, которая принадлежала, за редкими исключениями, казачьим станичным обществам, а могли лишь арендовать ее. Для земледельца важно, чтобы он был и землевладельцем, чтобы он работал на себя, чтобы урожай, добытый его трудом, был бы полностью его. Это требование Марковцы считали совершенно справедливым. И думали они, как больно и досадно, что из-за этого льется кровь с обеих сторон. Неужели из-за земли только десятки тысяч иногородних вынуждены сражаться на стороне большевиков, бороться невольно за все, что несет с собой коммунистическая власть?

Положение иногородних заинтересовало Марковцев и они стали расспрашивать их об их жизни, хотели глубже понять ее. Один из начальников, взявший себе в качестве вестового 18—19-летнего из иногородних, будучи раненым, решил проехаться с ним к нему в станицу Костромскую, чтобы лично познакомиться с жизнью. И то, что он увидел, с чем познакомился, поразило его. О бедности не могло быть и речи: отец с семьей в пять душ жили богато, как не жили и «кулаки»-крестьяне в центре России. Большой дом в 5—6 комнат, огромный двор с хозяйственными постройками, пара волов, лошади, свиньи, гуси, куры в десятках и... две тысячи овец.

— А где же овцы?

— В горах. Теперь они где-то далеко, а зимой их пригоняют в ближайший лес, где для них есть постройки и все приготовлено.

— А кто их пасет?

— Черкесы. Мы даже не знаем точного количества овец, а черкесам платим овцами же, — отвечал отец «вестача», пожилой крестьянин.

— Сколько платите?

— Да берут сколько хотят. Мы разве учтем? К тому же даем им немного денег.

Оказывается, каждый год этот иногородний отправлял в Москву два товарных вагона шерсти.

— Живем мы хорошо, как и все. С казаками дружим. Но вот разве справедливо, что мы не имеем права на землю? Пусть они правят, но землю нам надо свою собственную.

Так говорил крестьянин и добавил:

— Мы не большевики. Они много обещают, но у нас все есть. А власть? Мы и без нее хорошо живем.

Стало до очевидности ясно: требуется немногое — земля, и тогда они полные союзники Добрармии. Землю им должна дать Кубанская власть и ген. Деникин должен на этом настаивать. Марковцы верили, что это так и будет.

Бои продолжались. Иногородние массами сдавались в плен.

В Ставропольской губернии Марковцы уже столкнулись с крестьянским населением, имевшим свою землю. Вопрос о земле отпадал; не было вопроса и о материальной бедности. Они жили здесь не менее богато, чем иногородние на Кубани. Но тем не менее и здесь Белая армия встречала огромное сопротивление красных. Отчего? В чем дело?

В одном селе пытались разговориться со стариками. Ответ был такой:

— У нас в селе есть черква, а в черкви икона — Егорий, поражающий змия-дракона. Так вот, народ подходит к ней прикладываться. Ну, кто целует Егория, кто коня под хвост... куда попало. Ну, а кто, конечно, и дракона. Да что-ж? Ведь одну икону целовали?

И подумав немного, добавил:

— Ни к чему эта война, а нам только раззорение и беспокойство.

Ответ старика поразил своим полным безразличием к Белым и Красным. Что ему не нужна «эта война» — понятно; величайшим бедствием для России, для народа считали ее и Марковцы. Но возникал вопрос — как убедить его, старика, и всех, что дело не в войне, а в причинах ее вызвавших; дело в большевиках, которые несут зло ему, всем, России? Увы. Старик твердит одно: «Не нужна эта война».

Крестьяне не проявляли интереса к Добрармии, ее целям и задачам. Все высказывались против войны, но проскальзывало и иное: войну ведут, будто бы, «за свои интересы генералы и офицеры». Эта мысль не нова. Она исходила от большевиков и имела годичную давность. Приходилось возражать, но опять неубедительно для крестьян. То, что красноармейцы, как саранча уничтожали все у крестьян, а белые были гораздо скромнее, крестьянам говорило лишь о человечности одних

людей и свирепости других, но не убеждало в большем. И Марковцы, в конце концов, приходили к заключению — только время заставит уразуметь правду Белой борьбы, а пока они, с ущемленным сердцем, должны продолжать свое дело.

Победа на Сев. Кавказе подняла дух. Пусть борьба за Россию будет длительна и жестока, но в конечную победу они верили. С таким душевным подъемом они выходили на «широкую Московскую дорогу».

В Донецком бассейне Марковцы попали в совершенно иную обстановку — из района сельско-хозяйственного в район промышленный. Здесь, живущие в сравнительно более скромных достатках, крестьяне терялись среди массы рабочего населения, находившегося в зависимости от шахт, заводов, железных дорог. Рабочие здесь были почти сплошь проникнуты большевистским духом, борьбой с «капиталом» за «рабоче-крестьянскую власть». Революция здесь пустила глубокие корни. Здесь даже не подымался вопрос об окончании войны. Отношение населения к Белой армии было таково, что чины ее чувствовали себя не как в районе освобожденном, а завоеванном. Четыре месяца находились части Добрармии там, а явных симпатий населения не приобрели и приходилось все время принимать меры предосторожности, более того, вести борьбу со скрытыми здесь силами большевизма. Ничего подобного не было ни на Кубани, ни в Ставрополье.

Объяснить все это Марковцы, вошедшие в тесный контракт с рабочими, однако, не имели возможности. То, что они увидели или узнали, никак не могло быть отнесено к причинам, увлекших рабочих в большевистский лагерь. Уровень жизни рабочего нельзя было назвать низким и тяжелым. Рабочие жили, по крайней мере заводской или шахтерский кадр, в казенных квартирах в 2—3 комнаты с участком земли у квартир. Квартиры были обставлены со значительной степенью «культурности» и все необходимое для жизни семей было налицо. К услугам рабочих были заводские шахтные, железнодорожные магазины-кооперативы, в которых было все и за цену ниже, чем в городских лавках. Несмотря на то, что революция и внутренние неурядицы нарушали нормальный ход жизни, в это время — в начале 1919 г., Марковцы широко пользовались этими кооперативами, покупая там то, чего не могли достать в станицах и селах.

Конечно, у рабочих не было таких запасов продовольствия, как у крестьян, но сказать, что они жили впроголодь, никак нельзя. У каждой семьи на ее маленьком придомовом участке были и огород, и куры, и свиньи, и нередко коровы. Перед каждым домом был палисадник, на котором были разведены цветы, а не овощи.

Свои культурные запросы рабочие удовлетворяли широко и настолько, что Марковцы с жадностью набросились на все предоставленные им хозяевами книги, журналы, несмотря на то, что при заводах или шахтах были большие библиотеки и читальни.

В иных домах были граммофоны. Всюду были клубы, где ставились

кино-сеансы, устраивались спектакли и танцевальные вечера, читались доклады. Для художественной самодеятельности был полный простор. Дети рабочих бесплатно учились в благоустроенных школах и им была открыта дорога к любой специальности, были бы способности.

Конечно, жизнь рабочей семьи была ограничена размером получаемого жалования, отчего она находилась в зависимости от своих предприятий или, как говорилось в то время, «от капитала»,от «капиталистов». Про эту зависимость высказывания были часто злобными: говорилось о гнете, о рабстве, о бесправии. Спорить с рабочими было почти невозможно: их ничто не убеждало, ничто не удовлетворяло.

Да и что могли сказать или обещать им Марковцы? В самом деле, рабочий вопрос для них было мало известен. Приходилось выслушивать и, ограничиваясь общими обнадеживающими фразами, делать упор на стремление Добровольцев к скорейшей победе, установлению мира в стране, когда в спокойных условиях будут разрешены все вопросы к общему благополучию и удовлетворению.

И в своем невольном столкновении с народной массой, Марковцы, узнавая ее настроение, не находили того, на что они надеялись — сочувствия и помощи Белому Делу. И это беспокоило.

О «государственно-мыслящем» слое народа и не думали. О нем просто забыли и забыли потому, что не чувствовали и не видели его поддержки. Попадавшие на фронт газеты приносили им сведения лишь о каких-то трениях среди «государственно-мыслящих» людей, о критике командования, о недоразумениях на верхах, о разногласиях, о политической борьбе и т. п.

*
**

Бои в Донбассе были жестокими и у армии там был уже и внутренний фронт. В течении пяти месяцев дух Армии выдержал испытания — он разбил врага и Армия погнала его на север по «широкой Московской дороге».

Мелькали хутора, поселки, города. Донбасс остался позади и снова развернулась земледельческая полоса Родины. При продвижении вперед, прочесывая большой район, Марковцы убеждались в совершенно ином настроении населения, главным образом, крестьян. Тут не было враждебности, не было и безразличия. Население, хотя и очень сдержанно, не скрывало свою радость приходу Добрармии. Однако, вместе с этим бойцы чувствовали какое-то особенно пытливое к себе и Армии отношение, как бы говорившее: «Вы нас освободили, но что вы принесли с собой?» Население не задавало прямых вопросов, а Марковцы ограничивались общими фразами. Да и не было времени для более углубленных разговоров: вечером приходили в село, а утром уходили. Население оставалось без ответа на интересующие его темы и, не получив ответа, оно оставалось в сильной степени под моральным влиянием пропаганды ушедших большевиков и оставленных ими агиток.

В районе Белгорода наступление приостановилось и жизнь столкнула Марковцев вплотную со всеми вопросами, которые она ставила.

Вот примеры:

1. — В занятом Волчанске была оставлена одна рота Марковцев численностью в 28 человек с задачей: обеспечить тыл наступающего на Белгород отряда; при этом ком-ру роты ген. Третьяковым было добавлено:

«Вы вся власть в городе и уезде. Действуйте. Желаю успеха».

В боевой обстановке каждое слово приказаний начальника остро запечатлевается в памяти и вызывает сугубое к себе внимание. Задача военная понятна, но.. «Вся власть?» Начальник отряда не оговорился и... не пошутил, а следовательно, нужно разрешить и этот вопрос.

«Вся власть» — т. е. не только военная, но и гражданская. Для офицера это необычно. Мысль у ком-ра роты напряженно работает; он советуется со своим помощником. Положение ясно: с уходом большевиков город и уезд остались без власти, но оставаться без нее они не могут и не должны; большевистскую власть должна немедленно сменить белая власть и вот она переходит в руки ком-ра роты. Но как оргаизовать ее? С чего начать? Пройденный в свое время курс «Законоведения», почерпнутые в свое время сведения из разговоров с городскими и земскими деятелями были весьма слабой базой для деятельности. Тем не менее, что-то необходимо предпринимать и при том немедленно — завтра же с рассветом. Ночь проходит в мучительных поисках решений.

Прежде всего необходимо показать населению лик Белой власти и целей Добрармии. Решено было сделать это при помощи расклеенных по городу оповещений. Но что писать? Что Добрармия несет мир, спокойствие и право на свободный труд: торговец — торгуй, крестьянин — распоряжайся плодами своего труда, ремесленник — занимайся своим ремеслом? Явно недостаточно. А на руках никаких официальных материалов. Мало говорить, что Добрармия борется за освобождение Родины от власти большевиков. Но то, что у оповещений всегда толпились люди, доказывало жажду народа знать что-то большее. Население немедленно выполняло распоряжения о сдаче оружия, военного имущества и пр., но его интересовали и другие вопросы, которые и стали осторожно задаваться.

Командир роты и его помощник решили: они не могут не давать ответов на задаваемые вопросы и поэтому поместили пункт — со всеми вопросами обращаться туда-то. И вопросы посыпались; и касались они не только мелочей жизни, но и тем в масштабе города, и даже более широких. В частности ставился вопрос о Власти. «Вы — вся власть в городе и уезде», — было сказано ком-ру роты и теперь, когда люди говорят о Власти, когда ясно видна необходимость ее проявления, требуется и этот вопрос разрешить. Но разрешить его без участия

самого населения невозможно. Необходима наряду с военной властью и власть гражданская. Решение — созвать «отцов города и уезда». Их пришло 6 человек, остальные «вне города».

Ком-р роты, капитан, носитель «всей власти» обратился к ним с просьбой наладить жизнь, чтобы возможно скорее она вошла в норму. Как наладить — им виднее. Со своей стороны он обещал всяческое содействие. Затем он обратился к представителям разных отделов управления с просьбой осветить состояние их в данный момент. Оказалось, что некоторые из них совершенно не представлены — организация разрушена. Сохранившимися можно было считать отделы здравоохранения и просвещения. Представители их сообщили, что эти отделы в Волчанском уезде до революции были широко развиты. Уезд стоял почти на первом месте в Империи, как в смысле развития медицинского обслуживания населения, так и учебного, приближавшегося уже к нормам всеобщего обучения. С волнением говорили они, что при большевиках в больницах, на санитарных пунктах в школах и т. д. произошли огромные хищения имущества — постельного белья, посуды, мебели, книг, инструментов, с помощью которых дети обучались ремеслам, и т. д.

— Нужно сохранить эти ценности, — говорили они.

Капитан немедленно ответил своим решением оповестить население о строгих карах за грабеж, за присвоение чужого и общественного имущества и пр. И момент был очень удобным, чтобы сказать несколько слов о задачах и целях Добрармии, чем он и воспользовался. Казалось, все переговоры идут к благополучному разрешению, но неожиданно один из «отцов» заявил следующее:

«Конечно, пустить в ход аппарат управления не так трудно, не так уж трудно восстановить и ущерб, нанесенный большевиками, и мы его, по мере возможности, обязаны сделать, но... но нам хотелось бы знать — на каких основах, базируясь на какие законы, аппарат власти должен быть налажен? На законах до-революционных или учитывая изменения, внесенные Врем. Правительством, или на каких иных?»

Вопрос этот поставил капитана втупик, но вспомнив заявление ген. Деникина, что освобожденная Россия должна управляться на основах Российских Законов впредь до их изменения Всероссийской Властью, он им и ответил в этом смысле, что, казалось, и удовлетворило «отцов».

А ночью шло обсуждение, обмен мнений, тяжкие творческие раздумья над содержанием следующего оповещения в узкой группе офицеров. «Тяжела ты, шапка Мономаха». Но все убеждены, что взятое на себя бремя власти было актом правильно понятой ими миссии Добрармии. Это еще более усиливало их рвение к выполнению долга, долга теперь уже и на поприще гражданском.

Неожиданно выдвинулись и вопросы судебного характера и их пришлось также взять на себя, так как никого из судей в городе не оказалось. Поступила жалоба от одного ремесленника на хозяина

дома, который хотел силой выселить его с семьей на том основании, что он поселился в дом по ордеру горсовета. Другая жалоба на соседа, который убил двух куриц, залетевших в огород. Мотив в обоих случаях была месть за «коммунистические» убеждения пострадавших. Пришлось назначить следствие, которое выяснило, что хотя оба «коммуниста» и были сторонниками Сов. власти и высказывались в ее пользу и даже в разговорах позволяли себе угрозы инакомыслящим, тем не менее в активных действиях уличены не были. Решение было объявлено в оповещениях в таком духе: сторонниками Сов. власти были многие. Это — их ошибка. В указанных случаях «виновные» все же не выступали с активными действиями и в своей ошибке сознались, а потому их увлечение следует предать забвенью. Добрармия не несет месть. В деле выселения из квартиры было постановлено: хозяин дома должен примириться с жильцом, пока тот не найдет себе другую квартиру. Что же касается дела о курицах, то убивший их должен возместить пострадавшему за понесенный ущерб.

Власть быстро распространяла свое влияние и на уезд не распоряжениями и приказами, а путем выявления своего лица. Началось с пустяка. Староста одного села заявил, что красные оставили две пары волов с телегами, и спросил, как быть с ними. Капитан просиял: ведь разрешается острый вопрос о мясном довольствии роты и кроме того можно произвести мену волов на разные продукты. Но он не сразу высказал свое решение, а когда в дальнейшем разговоре выяснилось, что в том же селе у некоторых крестьян красные увели лошадей и телеги, то ему пришла мысль передать все пострадавшим. Староста благодарил и на следующий день из села прибыла подвода с продуктами, необходимыми для роты. И таких случаев было несколько. Ни один не уходил, чтобы с ним душевно не поговорили, не ответили бы на вопрос, так или иначе не помогли бы.

И вдруг такой случай, произведший впечатление разорвавшейся огромной бомбы. Приехало трое крестьян со старшиной села и рассказали: в их районе есть богатый помещик, который перед приходом большевиков оставил свою усадьбу и имущество. Общим сходом крестьяне решили использовать помещичью землю, его коней, машины и миром обработать ее, чтобы она не лежала зря. И вот теперь приехал помещик и заявил: урожай с его земли — его, а он уплатит крестьянам за труд, причем учтет, что они пользовались его скотом, его машинами и проч. Они приехали, чтобы искать «правду и справедливость».

Впечатление было потрясающее. Офицер буквально дрожал от негодования, охватившего его.

— Вы не резали и не убивали его скот? Вы не ломали его машин? Вы не грабили и не жгли его постройки? Вы обрабатывали его землю, чтобы она не лежала пустой? Вы, если и пользовались его землей, как разрешили большевики, то не считаете его землю своею, как и скот и машины?

— Нет. Нет. Нет, — отвечали крестьяне.

— Урожай полностью ваш! — твердо сказал капитан. — Вы правы, что использовали землю и скот. Урожай ваш!

— Г-н Начальник. И еще хотим мы вам сказать — он нам грозит: говорит, что если мы не дадим ему всего, что он требует, он приедет со стражниками. Он говорит: теперь власть не «ваша», а «наша».

Новое! Свое неразумение, свое требованию, свою несправедливость помещик подтверждает и утверждает, ссылаясь на Белую власть. Немедленно пишется письмо помещику с требованием явиться к нему для дачи показаний по его делу с крестьянами.

— Передайте это письмо помещику. Повторяю, урожай ваш. Сообщайте мне, как будут у вас дела. Идите.

А ночью капитан с помощником обсуждали происшедший возмутительный случай. Мнение было одно: помещик подрывает дело Добрармии, и решение также едино: помещик должен сознаться в своей грубой ошибке по части угроз и требований и должен резрешить все вопросы с крестьянами полюбовно. Но если он будет настаивать на своем и позволит себе не считаться с местной властью, то не остановиться перед применением в отношении его мер, вплоть до изгнания из района. Помещик не явился, а уехал из поместья, подтвердив крестьянам свои требования и свои угрозы.

Жизнь в городе и уезде налаживалась и все уверенней чувствовали себя в новой роли, неожиданно ставшие гражданской властью Марковцы маленькой роты. Они видели, что выполняют дело Добрармии на мирном поприще, но связанное с боевым тесно и крепко. Они видели не только уважение к себе и к их роте, но и вообще к Белому Делу. Показателями тому были — во-первых, сообщения крестьян о красных, блуждающих по уезду, благодаря которым рота была гарантирована от внезапного нападения, и, во-вторых, неожиданное пополнение роты добровольцами из крестьян, бывших солдат. До 60 человек поступило их, не считая офицеров и юных добровольцев. Рота с 28 шт. возросла до 180-ти.

11 дней простояла рота в Волчанске и уехала не сдав никому свою гражданскую роль: в город и уезд еще никто из назначенных высшей властью администраторов не прибыл. Не прибыл даже постоянный комендант города. Жаль. А так хотелось передать власть и поделиться богатым опытом.

II. — Конная сотня полка стояла в с. Черная Поляна. Комендантом от сотни был назначен молодой офицер. Веселый, общительный, справедливый и внимательный к крестьянам, он быстро завоевал их симпатии и доверие, что давало ему нравственное удовлетворение: ведь он представительствовал перед населением власть Добрармии.

Однажды к нему пришло несколько крестьян поговорить о своих делах. Оказывается, их очень беспокоил вопрос об урожае с земли

помещика, которую они обрабатывали два года. Комендант, не задумываясь, ответил, что урожай, конечно, их. Ответ успокоил крестьян. Через несколько дней приехал помещик с управляющим и потребовал от крестьян значительную часть урожая в свою пользу. Крестьяне пошли к коменданту. Последний немедленно отправился к помещику, чтобы отстоять «интерес» крестьян. Перед собой он увидел кавалерийского офицера и старшего в чине. Разговор был коротким и официальным. Помещик заявил о своих правах и о том, что военному коменданту не дано право выяснять и разбирать дела между помещиком и крестьянами.

Казалось, что помещик был прав в обоих случаях, но это не успокоило ни коменданта, ни офицеров конной сотни, которым он рассказал о разговоре. Решено было, что комендант поедет в Белгород, доложит ген. Тимановскому и получит указания, как быть.

Ген. Тимановский ответил коротко и твердо:

— Передайте крестьянам, пусть режут свою капусту (земля была засажена капустой) и не обращают внимания на требования всяких там помещиков.

Переданный крестьянам ответ их успокоил, а помещик пришел в бешенство.

— Я доложу об этом куда следует! — заявил он.

Крестьяне, собрав урожай капусты, постановили часть его сдать в пользу Добрармии.

III. — Район Корочи. Село взято с жестоким боем. Перепуганные крестьяне встретили «белых» Марковцев сумрачно, но с радушием, может быть в данном случае, не столь искренним, сколько из желания как-нибудь умилостивить неизвестных им победителей красных. В селе Марк. часть стояла несколько дней и за это время жители убедились, что «белые» добрее красных: они ничего не требовали, а просили и за все даваемое расплачивались и деньгами, и всякими «трофеями»: куском материи, рубашкой, платком, иногда ботинками и пр., чем были набиты мешки красноармейцев. Жители охотно шли на такую мену. «Красные у нас брали, а ничего не давали», — признавались они. Холодок взаимоотношений, к радости Марковцев, проходил. Установилось и взаимопонимание. Но вот вопрос одного старика сильно их озадачил и даже ошеломил.

— А правда ли, как говорили красные, мы за то, что засеяли землю помещика, должны сдать ему каждый третий сноп урожая?

Ответа Марковцы не нашли; некоторые пытались, но ответы еще больше приводили их же в смущение и растерянность. Так бывало в моменты паники во время боев, но с той разницей, что в боях паника быстро проходила, т. к. находились способы ее остановить; в данном случае их не было. О «третьем снопе» никто ничего не знал. Было три выхода: или согласиться с заявлением большевиков, или опроверг-

нуть, или, наконец, отговориться незнанием. Пришлось что-то лепетать о справедливом решении этого вопроса Белой властью и даже говорить об Учредительном Собрании, которое решит этот вопрос в пользу крестьян. Крестьяне что-то пробурчали и ушли.

Настроение резко понизилось; такого не бывало даже после серьезных боевых неудач. Поднялись споры: обязаны ли они отвечать на такие вопросы или нет? Коли отвечать, то как?

С этого дня Марковцы заметили большое охлаждение отношений крестьян к ним; крестьяне стали молчаливы, задумчивы, мрачны... Нарвались даже на такое возражение:

— Да что там говорить? Вы, баре, нас не понимаете, а большевики понимают...

А одна шустрая крестьянка, хотя и была удовлетворена меной сала на платок и рубаху, добавила:

— Ешьте на здоровье, да не все. Приберегите часть смазывать пятки.

Такие высказывания больно хлестали по настроению Марковцев и без того снизившуюся из-за их неведения, их беспомощности, их безоружности в подобных случаях.

IV. — Вернулся в полк из Александровска после отпуска, связанного с особыми заданиями для полка, офицер. Соратники, конечно, засыпали вопросами. Ответы были весьма успокоительными и даже радостны. Банды Махновцев? — но с ними будет покончено; радовали рассказы об отсутствии «украинских» настроений, об исчезновении «щирых», о всеобщей радости по случаю освобождения и о том внимании, которое оказывалось ему, как представителю одной из известных частей Добрармии. Но офицер не скрыл того тупика, в который он попал в разговоре с инженерами.

— За что борется Добрармия?

— За Единую Великую, Неделимую.

— Это общая фраза, ничего не говорящая, — возражали ему: — и большевики борятся за это же. Но они в то же время разрешают так или иначе вопросы политические, социальные, экономические, чтобы улучшить жизнь народа. Так вот, как разрешает эти вопросы Добрармия?

Ответа от офицера не последовало. Он мог бы высказать свое мнение, но о мерах Добрармии он ничего не знал. Пришлось отговориться фразой правдивой и законной, но никого не удовлетворившей:

— Мы воеюем, чтобы освободить Родину, а все остальное нас не касается. Армия вне политики!

Инженеры добродушно улыбнулись и разговор перешел на другие темы.

V. — Одна Марковская рота заняла хутор дворов в пятьдесят. Хутор богатый. Бросилось в глаза обилие в нем гусей и вообще домашней

птицы. Совершив фланговый переход в течении дня, имея столкновения с противником, утомленная, она ждала прибытия своей кухни. Впрочем, в некоторой степени голод утолили радушные хозяева хутора. На утро к ком-ру роты приходят трое и возбужденными голосами, почти крича, говорят ему:

— Житья нет! Красные нас грабят, белые грабят...

— В чем дело?

— Да в том дело, что нас грабят. Житья нет.

Тон крестьян был такой, что давал повод просто выгнать их, но офицер сдержался. Выяснилось, что у одного украдены две курицы.

— Я произведу расследование и строго накажу грабителей. Идите!

Со злым ворчанием крестьяне ушли. Дознанием, проводенным сурово и твердо, удалось найти виновника, рядового солдата роты. Тогда были вызваны жалобщики и произошел такой разговор:

— В Добрармии грабежи и насилия строго караются. Пострадавший получит за кур деньги, сколько он потребует, а грабитель, вот этот солдат, сейчас же в вашем присутствии будет наказан. В Добрармии за грабеж полагается расстрел. Поручик Н., вызовите отделение!

Крестьяне были ошеломлены.

— Ваше благородие! Да за что его расстреливать?

— Да за грабеж.

— Ваше благородие, — выкрикивает один из крестьян и бросается на колени. — Простите его.

— За грабеж нет прощения.

Произошла драматическая сцена.

— Хорошо, — сказал, наконец, ком-р роты. — Не расстреляю, но наказание он должен понести. Всыпать ему 50 шомполов.

— Да за что?

— За кур.

— Ваше благородие. Да их у нас и счета нет. Прости его.

После мольб крестьян о прощении виновного, после извинений за грубый тон, ком-р роты сказал:

— Ну, хорошо. Но наказание виновный понести должен и не просите больше о его прощении. Он будет стоять под ружьем на перекрестке хутора два раза в день, пока мы будем стоять здесь. Пусть все видят, что у нас наказывают строго.

Крестьяне успокоились, благодарили и отказались от возмещения убытков. А в центре хутора стал «под винтовку» провинившийся солдат.

Среди офицеров роты происшедший случай вызвал большие разговоры и споры. Не оспаривая решения ком-ра, будучи удовлетворены результатом, некоторые все же находили, что ком. роты проявил слабость. Тон жалобщиков считали «большевистским» и вызванным их сочувствием красным. Другие поражались, что когда крестьян грабили

красные, они, видимо молчали, а тут им была показана слабость Добровольцев. Поражались и «жадностью» крестьян — сотни кур и гусей у каждого — и такой «скандал».

Действительно, богатство крестья было огромно. Помимо земли, дававшей здесь большой урожай, помимо скота, домашняя птица давала им большой доход: отправлялись не только в города, но и заграницу живые гуси, яйца. Как бы то ни было, но вопрос с курами считался благополучно разрешенным. Но... через два часа последовало его продолжение.

— Г-н капитан! К вам снова те же крестьяне, — доложили ком-ру роты.

Крестьяне вошли уже со снятыми шапками, тихо и почтительно. Один из них, староста хутора, сказал:

— Наши хуторяне просят рассказать им, что это за Белая Армия и за что она идет?

Вопрос не удивил ком-ра роты, он не нов. Условились, что часа через два крестьяне соберутся и... «мы поговорим».

Задача, взятая на себя ком-ром оказалась чрезвычайно трудной. В самом деле: за что борется Добрармия? Было очевидно, что крестьян интересуют вопросы им близкие, для них жизненные: крестьянский и земельный. Но что он знал и что мог сказать по ним? Он знал нужды крестьян, т. к. сам происходил из крестьянского сословия, знал крестьянскую жизнь под Смоленском, знал жизнь братьев своего отца среди Муромских лесов Владимирской губернии. Там действительно была нужда, т. к. земля была неплодородная. Ну, а здесь на черноземе и в богатстве во всем, что нужно для крестьян? А главное, что дает Добрармия? Что сказать, как удовлетворить крестьян?

Ком-р вызвал к себе нескольких офицеров, как ему казалось, более или менее сведущию в крестьянских делах, офицеров из крестьян, из студентов, народную учительницу — сестру роты, чтобы разобраться общими усилиями.

Первое заявление было таково: — Это в сущности нас не касается, мы — армия! Другие возражали:

— Как не касается? Если нас спрашивают, то должны или не должны мы отвечать? Мы должны говорить это даже тогда, когда нас и не спрашивают. Мы боремся за освобождение народа от большевистской власти, следовательно, мы должны сказать, что ему даем.

Заспорили не по существу вопроса.

— Не ответить нельзя. Будем отвечать. Но что отвечать? — прервав спор, спросил командир и предложил высказаться каждому.

Офицер, сын крестьянский, братья которого помогали отцу, а он кончил среднюю школу и был на 1-м курсе высшей, подходил к ответу с критикой и недоверием ко всем обещаниям коммунистов, но каковы обещания Добрармии, он сказать не мог. Другие развили теорию о богатых и бедных, о трудолюбивых и лентяях и пьяницах и, наконец,

о хорошей и плохой земле и сделали вывод: большевикам верить нельзя, а Добрармии можно и должно, т. к. она несет покой и мирный труд. Третий, из студентов 3-го курса, развил теорию о коммунизме вообще, упоминал Маркса и Энгельса, говорил об эксплуататорах и эксплуатируемых... Он бы долго и много говорил, если бы его не прервал командир роты.

— Господа! Я прошу вас ближе к цели. Что говорить и что отвечать на вопросы крестьян и другие, могущие быть ими поставленными?

Все разводили руками.

— Сестра. Что вы можете сказать?

— Я жила среди казаков и иногородних. Последним нужна была земля. Здесь земля есть у каждого; живут богато. Крестьянам нужно, чтобы они были спокойны за свое достояние и могли бы свободно распоряжаться плодами своего труда. Ведь это и несет Добрармия.

Время шло, а вопрос оставался открытым. Лист бумаги, лежавший перед ком-ром роты, оказался лишь изрисованным и слегка исписанным малоценными мыслями.

Пришел староста и сказал, что «собрались». Командир пошел с пустой головой и с беспокойным сердцем: ведь от его предстоящей беседы зависело быть или не быть крестьянам на стороне Добрармии. Собралось до 150 человек — старики, женщины и одиночки призывного возраста.

— Здравствуйте! Давайте сядем и поговорим...

Офицер был захвачен тем вниманием, с которым слушали его. Речь была проста. Помнилась фраза: «Я не считаю вас бедными. В вашем районе бедных нет. Они есть там, у Москвы. Да откровенно говоря, признаете ли вы себя бедными?» И далее говорил о том, что, конечно, крестьянам что-то нужно, но прежде всего то, что они имеют в данное время и чтобы они могли распоряжаться им, как желают, чтобы их не грабили и не обижали. А для этого нужен порядок. Когда он был, а было это при Царе, вы богатели, приобретали, готовили для своего потомства». И закончил офицер свои слова такой фразой: «Вот этот порядок и несет Добрамрия, порядок, который вам не дадут большевики».

Час с лишним говорил он.

— Ну, теперь спрашивайте меня.

Но вопросов не было, а один з адругим они стали подтверждать сказанное, стали говорить о насилиях и грабежах красных, об их «ненасытных желудках», о несправедливости и их злобе. Рассказывали, что красные «угнали» их хлопцев. Это вызвало рыдания женщин и слезы отцов.

— Да если бы мы знали, за что идет Белая Армия, то не ушли бы наши хлопцы к красным, а остались бы дома и поступили бы к белым.

Пожелав крестьянам полного благополучия, напутствуемый благо-

дарностями, офицер ушел к себе, пробеседовав с крестьянами около двух часов. На перекрестке улиц стоял под винтовкой виновник всего происшедшего.

На сходке ком-р роты был один и, когда он вернулся к себе, его ждали несколько офицеров, горевших желанием узнать о результатах. Но выпив кружку молока, он извинился, просил дать ему отдохнуть некоторое время: он устал от огромного морального напряжения.

Минут через 15—20 он вскочил и, собрав офицеров от каждого взвода, сказал им приблизительно следующее:

— Знаете ли вы, какую роль я невольно и неожиданно выполнил? Роль пропагандиста и агитатора, только не красного, а белого. И выполнил роль недурно. Я был понят крестьянами и скажу, одержал большую победу. Ставлю ее не ниже тех побед, что одерживались нашей ротой. Она не была прямо проведенным прорывом красной армии, но косвенно, безусловно. Что мне врезалось в память и что встретило полное сочувствие крестьян — я высказался о Царе, при котором мы все были взаимно любящими и доброжелательными друг к другу.

— Говорили ли вы об Учредительном Собрании? — спросил один.

— К черту его. Я не говорил и меня не спрашивали.

— Была ли речь о земле?

— Что-то говорилось немного, но больше о спокойной и свободной работе на земле.

— Говорили о помещиках?

От этого вопроса ком-ра роты бросило в жар и дрожь.

— Слава Богу, об этом ни слова. Может быть потому, что здесь крестьяне не имеют соприкосновения с помещиками. Такой вопрос был бы убийственным для меня.

Наступил вечер. Как всегда, чины роты, поужинав, строились повзводно в своих районах на вечернюю поверку, получение приказаний на ночь и на молитву. А после этого все должностные лица шли с докладом к ком-ру. В конце обычного рапорта, все ком-ры взводов неожиданно добавляли:

— Взвод отказался брать пищу из ротной кухни.

Оказалось, во всех домах накормили чинов роты до отвала курами во всех видах, яичницей и т. д., да еще с покорной просьбой: «Ешьте на здоровье!» — таково было неожиданное послесловие к «делу о грабеже кур».

Веселый и радостный смех охватил всех. Все переживали какой-то праздник в душе по случаю необычной победы.

На следующий день после утреннего рапорта, взводный ком-р виновника всех происшествий просил снять наказание с него. «Уж и жалеют его бабы».

— Нет! Пусть постоит.

В роту записались три молодых хуторянина.

Так сама жизнь в процессе вооруженной борьбы ставила перед Марковцами политические вопросы и требовала от них ответа, решений и показательных примеров. Так Белая Идея, в которую они верили и за которую боролись, наталкивала их на необходимость всестороннего ее понимания. Белая Идея требовала умения и знания, как применять ее ко всем областям жизни и ко всем слоям населения. Она побуждала:

1. Знать, за что бороться,
2. Как бороться и
3. Против кого бороться, т. е. знать сущность большевизма.

Опыт жизни и сражений наглядно показал, что поле борьбы с большевиками не только на поле, но и в умах, сердцах и душах людей. Это в какой-то степени ощущалось бойцами, но продумать глубже у них не было времени; они в походах и боях. И, понятно, у них рождалось безразличное отношение: «Не наше дело!» Но когда дошел слух о каком-то осведомительном агентстве (ОСВАГ), как раз занимающимся этими вопросами, они были удовлетворены. Однако его работы не видели.

НА МОСКВУ!

19 июня ген. Деникин отдал директиву, получившую название «Московской», в которой говорилось:

«Имея целью захват сердца России, Москвы, приказываю: (Опускаются пункты, касающиеся Кавк. Добр. и Донской армий)

«Ген. Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск—Орел—Тула».

Время перехода в наступление не указывалось.

Но вот уже конец августа, а Добр. корпус ведет бои на тех же местах, в то время как Кавк. Добрармия наступает на север от Царицына, а на левом фланге 10 августа взята Одесса, 17-го — Киев и фронт протянулся до польской границы. Правда, на участке Добр. корпуса задержан удар 13-й и 14-й красных армий. К концу августа фронт Добр. корпуса оказался значительно удлиненным не только к западу, но и к востоку: была добавлена полоса шириною до 50 верст по обе стороны линии Валуйки—Елец.

С ликвидацией Купянского прорыва, казалось, открылись возможности перейти в наступление. Так судили и Марковцы: им достаточно было одной недели полного отдыха, чтобы загореться стремлением вперед. 1 полк уже насчитывал до 1.800 шт. На фронте 1-й дивизии, от Корочи до Обояни, стояли теперь — 1-й Марковский, Черноморский конный, 1-й Корниловский, Кабардинский, 2-й Корниловский, Марковская инж. рота; в резерве — 2-й Марковский. Сила! Почему не наступать? Вправо от дивизии стоял особый отряд со Сводно-Стрелковым полком; влево — 3 дивизия. Корпус ген. Шкуро ушел на Воронеж.

Были и другие основания для наступления: скоро зима, враг ослаблен и, главное, он укрепляется. Говорили о «красной крепости — Курск» с окопами и проволокой. Конечно, Марковцы не сомневались, что в штабах вырабатывается план наступления, хотя сами совершенно не ощущали влияния этой подготовки.

Нач. штаба 1-й дивизии, полк. Битенбиндер, пишет:

«Когда мы разрабатывали план атаки укрепленной позиции у Курска, приехал ген. Кутепов, схватился за голову и категорически запретил атаку. Мы должны ждать, пока прибудет тяжелая артиллерия, ибо без нее нельзя и думать об атаке укреплений Курска.

«Тимановский решил взять Курск внезапной атакой на свою ответственность. Он не был высокого мнения о духе защитников Курска и надеялся на своих Корниловцев и Марковцев.

«Я даже доволен, что атака будет проведена без согласия ген. Кутепова. По крайней мере Доставалов (нач. штаба корпуса) не будет знать времени начала атаки», — сказал ген. Тимановский.

И наступление началось 1 сентября; для Марковцев — 31 августа, когда 1 полк неожиданно выступил на север, выбил красных из села Толстое и в длительном бою занял Холодное; ком-да пеш. разведчиков выбила прот-ка из с. Холань. До 80 человек потерял полк в этот день. Его численность уменьшилась еще и на 40—50 офицеров, отправленных с полк. Наумовым во главе, в Харьков на формирование 3-го Офиц. ген. Маркова полка.

На следующий день, когда перешла в наступление вся дивизия, на 1 полк легла задача обеспечивать наступление с востока, где красные держали фронт у Нового Оскола. Задача как будто скромная, но ответственная.

АТАКА «КРАСНОЙ КРЕПОСТИ КУРСК»

До Курска дивизии предстояло пройти с боем 50 верст. Первый этап — отбросить противника с его передовых позиций на укрепленную полосу, находящуюся в 12—15 верстах впереди Курска; второй — взять эту полосу и третий — перейти текущие с востока на запад реки Рать (Щигор) и Сейм с их болотистыми руслами и возвышенным северным берегом.

Красные уже на первом этапе оказали серьезное сопротивление и потребовалось 4 дня, даже с помощью танков, чтобы отбросить их на укрепленную полосу. Отлично действовали приданные Корниловцам батареи Марковцев и не только своим огнем. Ком-р 1 батареи, шт.-кап. Шперлинг, следуя с батареей за батальоном и увидев в стороне стреляющую 4-орудийную батарею красных; со своими конными разведчиками атакует ее, забирает и сразу же открывает из захваченных орудий и пулеметов огонь по красным, отходившим на эту батарею. Вечером, уже в темноте, тот же шт.-кап. Шперлинг сталкивается с группой конных, мгновенно атакует и берет пулемет и чинов комсостава. Через два дня он со своими и присоединившимися Корниловскими разведчиками снова атакует, но на этот раз колонну пехоты: 400 пленных и два пулемета.

На участке 2 Корниловского полка конные разведчики запасной Марковской батареи захватили одно оружие в полной упряжке, которое тут же вошло в состав батареи, ставшей трехорудийной.

Сопротивление красных не ослабевало и требовало ввода резервов. В резерве был всего лишь бат-н 2 Марковского полка. (Другие бат-ны заканчивали формирование в Харькове).

*
**

4 сентября 1-й бат-н 2 полка высаживается на ст. Обоянь и на следующий день, войдя в подчинение ком-ру 2 Корн. полка, под сильным огнем берет с. Никольское и хх. Селиховские, захватив два 6-тидюймовые орудия, потеряв при этом до ста человек из шестисот.

6 сентября — атака укрепленной позиции. Выданы ножницы для резки проволоки. Под сильным огнем бат-н шел на сближение и залег не доходя до проволоки несколько сот шагов. В это время по окопам красных открыли беглый огонь батареи. Пять, десять минут, может быть и больше, бьют они. Красные разбегаются. Атака бат-на была встречена слабым огнем и стоила ему трех убитых и несколько раненых.

Артиллерия красных продолжала стрелять, когда бат-н быстро шел вперед, преследуя в беспорядке бегущие толпы противника, оставляющих позади себя своих убитых и раненых. Нагонять противника поскакали ком-р бат-на, кап. Перебейнос, нач-к пулеметной команды, пор. Стаценко, с верховыми. Свернув на орудийные выстрелы в рощу, они взяли два тяжелых французских орудия Канэ.

Подойдя к жел. дороге Воронеж—Киев, бат-н столкнулся с красным бронепоездом «Черномор» и его вспомогателем. Марк. зап. батарея подбила вспомогатель, кот. и был взят с восемью пулеметами. Для батареи особенно ценны найденные на нем пять панорам.

Продвинувшись дальше к северу вплоть до р. Сейм, бат-н взял села Верхнее и Нижнее Гуторово и стоящие на позиции три тяжелых орудия. Среди пленных захвачен ком-р батареи и его помощник, которые сначала скрывали свое звание, но были выданы крестьянином. Им пришлось сознаться, что они не только бывшие офицеры, но и коммунисты.

Вот описание укреплений «Красной крепости Курс», данные пор. Стаценко:

«Окопы были полной профили с проволочными заграждениями в три кола, с ходами сообщения, с арт. щелями, со скрытой под землей телефонной связью по фронту и в глубину, с землянками и убежищами. Почти каждый стрелок в окопах имел стальной щит. Неимоверное количество гранат валялось повсюду.

Взяв такие окопы, мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же почти без потерь, мы взяли так хорошо оборудованную позицию. Посади нас в такие окопы, нас пришлось бы дымом выкуривать, да и то — вряд ли это удалось бы».

Позиция двухорудийной батареи «Канэ» описана так: «Все было оборудовано на позиционный лад: хорошие землянки, убежища, погреба полные снарядов, беседки, клумбы цветов. Уют, да и только! По найденным тут же документам установили, что это была латышская батарея».

На правом фланге дивизии наступал отряд ген. Третьякова: Алексеевский полк (4 бат-на) и Черноморский конный. Отряд задержался,

форсируя болотистое верховье Сейма. Ему помогли Корниловцы от ст. Солнцево. Впереди укрепленная позиция и в помощь отряду высылается 3 бат-н Марковцев 1 полка. В ночь на 7 сентября отряд атакует и берет ее.

7 сентября. Атака Курска с форсированием рек Рать и Сейм. Решающую роль сыграл бронепоезд «Офицер» (полк. Лебедев) и его вспомогатель (пор. Залевский), за которыми шел «Единая Россия». Ночью, починив ж.-д. полотно, они ворвались на станцию со стрельбой из орудий и пулеметов. Среди красных поднялась такая паника, что команда их бронепоезда «Кронштадт» бросила состав. Без потерь «налетчики» с этим ценным трофеем отошли назад. Красные стали покидать город. Ускорил их отступление подход с востока дивизиона Черноморского кон. полка.

Отряд ген. Третьякова, взяв ночью укрепленную позицию, быстро наступал тремя колоннами: на Щигры; через переправу на р. Рать у с. Троицкое, на ст. Охочевка и через переправу и д. Грачевка на ст. Отрешково и на Курск, всюду встречая слабое сопротивление.

К вечеру части Корниловцев выдвинулись верст на десять к северу от Курска, где преследовали красных — «Офицер», вспомогатель и дивизион Черноморцев. Вернувшиеся в Курск поезда были набиты пленными. Были взяты и станции Отрешково и Охочевка и на них несколько ж. д. составов с продовольствием.

В этот день 1-й бат-н 2 полка пришел в Курск.

«Трудно передать словами, что представляло собою в этот день шоссе. Оно сплошь на всем протяжении до самого Курска было забито идущими нам навстречу красноармейцами. Это была целая армия здоровых людей, уроженцев юга России, с нескрываемой радостью возвращавшихся «к себе по домам». Они шли к нам в тыл никем не сопровождаемые. Их была армия, нас горсточка...»

«После обеда мы вошли в Курск. Буквально все улицы, по которым мы проходили, были запружены народом, шумно и радостно нас встречавшим. То и дело раздавались возгласы: «Христос Воскресе!» и на это в толпе же отвечали: «Воистину Воскресе!» У большинства, как у жителей, так и у нас, были на глазах слезы — у них от радости и сознания спасения, а у нас — от созания выполняемой святой миссии — освобождения Родины и народа».

8 сентября в Курске был парад, который принимал генерал Кутепов. Участвовали: бат-н Корниловцев и две Марковских батареи, получивших особую благодарность ком-ра корпуса.

И вот, из записок полк. Битенбиндера:

«Приехал ген. Кутепов и сделал выговор Тимановскому за ослушание. Это никакого отношения к неподготовленности тыла не имеет, а объясняется просто: Кутепов был человек железной силы воли. Лично храбрый, подвижной, энергичный и решительный, но он был властная

натура, не переносившая самоволия и не терпевшая противоречия в какой бы то ни было форме. Тимановский испытал это на собственной персоне. Но так как оба генерала были друзья, то недоразумение было быстро улажено».

Через некоторое время ген. Тимановский был произведен в генерал-лейтенанты.

«Красная крепость Курск» была взята 1-й дивизией в течение девяти дней. Честь победы принадлежит Корниловцам, Алексеевцам, Кабардинцам (не вошедшим в город, а отправленным на другой участок фронта), Черноморцам, бронепоездам, танкам и, в какой-то доле, Марковцам — их батареям, двум бат-нам и инженерной роте, обеспечивающей левый фланг дивизии. Долю победы Марковцев можно определить по захваченным ими трофеям:

1 бат-ном 2 полка — 6 орудий, пулеметы,

1 батареей — 4 орудий, пулеметы,

2 запасной — 1 орудие и вспомогатель,

3 бат-ном 1 полка — пулеметы,

и всеми ими — многие сотни пленных.

В этот день, 8 сентября, отряд ген. Третьякова продолжал наступление при возрастающем сопротивлении красных. Одна колонна пошла на север; другая — бат-н Алексеевцев и бат-н Марковцев 1 полка — вдоль жел. дороги на Щигры, на который с юга наступал и дивизион Черноморцев. Бат-н Алексеевцев обходил город с севера, бат-н Марковцев шел по большой дороге; между ними — взвод Марковцев в 19 шт. при пулемете «Люиса». Ком-ру взвода, пор. Чеботкевичу, ген. Третьяков дал задачу: энергичным наступлением приковать к себе внимание и возможно большие силы противника. Задача несложная, но для 18 штыков...?

Взвод наступал, не имея зрительной связи с бат-нами. Не доходя до города версты 2—3, он встретил красных, повел «энергичное» наступление и ему сдалось 77 чел. во главе с ком-ром роты, бывшим прапорщиком. Едва сдавшиеся отошли в тыл, как красные перешли в наступление подавляющими силами, а по взводу стали рваться тяжелые снаряды. Не сдержать их. Во взводе уже четверо раненых, один тяжело, ранен и ком-р взвода. Красные в 200 шагах. И вдруг они поворачивают назад и бегут.

Обходящие город с севера Алексеевцы вышли в тыл красным и взяли два тяжелых и три легких орудия. Бывший с ними взвод Марк. батареи громил бегущих, а его конные разведчики в числе 6 человек

выскочили вперед, атаковали обоз, захватив часть его и несколько пулеметов. Взвод пор. Чеботкевича блестяще выполнил свою задачу.

3 бат-н Марковцев атаковал город с запада, Черноморский конный дивизион — с юго-востока. Среди пленных 40 бывших офицеров из запасных арт. частей красных.

НАСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОГО ПОЛКА

1 сентября, когда дивизия перешла в наступление на Курск, 1-й полк с 4-мя орудиями также тронулся в северном направлении. В с. Истобное он отбил наступление красных справа в его тыл и, преследуя, выбил их из с. Меловое. В следующих два дня он снова отбил красных с востока и преследовал до с. В. Ольшанец.

Два дня полк довольно спокойно простоял в с. Юшково, где от него ушел 3 бат-н. Затем он в с. Гущино, где уже побывали части Черноморского полка.

7 сентября — в с. Кузькино. Сообщение о взятии Курска. У Марковцев радость и досада.

8 сентября полк приходит в Тим, в котором тоже побывали Черноморцы и даже Корниловцы. Досада растет. «Приходим на готовое! Загнали в степь и сиди в 60 верстах от Курска». А тут узнали, что взяты и Щигры, в 25 верстах к северу.

9 сентября полк выступил в с.-в. направлении, отправив запасный бат-н в Курск. Остановился в с. Кшень. Охранение в северном, восточном и южном направлениях.

10 сентября полк повел наступление на ст. Мармыжи, занимаемую значительными силами красных с двумя батареями и бронепоездом. Не рискуя атаковать в лоб, он стал обходить ее. Угроза пересечь жел. дорогу на север заставила красный бронепоезд выйти со станции и, к удивлению, не продолжать поддерживать своих, а полным ходом скрыться. Станция была взята атакой; захвачено до 700 человек в плен, 4-хорудийная батарея в упряжке, 14 пулеметов.

Выход из боя красного бронепоезда вскоре объяснился: севернее, у ст. Долгая, к жел. дороге подходил 3 бат-н полка с двумя орудиями и двумя эскадронами (Черноморского полка и полковой сотни). Но конные подрывники успели подорвать полотно и бронепоезд, уже подбитый арт. огнем, сошел с рельс и был захвачен. Вооружен он был тремя орудиями и несколькими пулеметами. Назывался он «III Интернационал». Наступавшая красная пехота была отбита бат-ном .

11—12 сентября — сильные бои перед ст. Мармыжи с наступавшим противником. Внезапным ночным налетом один из бат-нов ворвался на ст. Долгая, захватив ком-ра и штаб одного из полков 42-й стр. дивизии, но затем вынужден был оставить ее.

Несмотря на тяжелое положение у Мармыжей, полку, уже занявшему ст. Кшень, приказано вести наступление на ст. Касторная. Ему в помощь придавались Офиц. рота 2-го полка в 200 шт. и бронепоезд «Слава Офицеру».

Оставив на ст. Кшень Офиц. роту, 1-й бат-н взял ст. Лачиново. Он находился в тылу у красных и всего в 10 верстах от Касторной. Силы слабые, чтобы атаковать Касторную тем более, что бронепоезд не мог продвинуться к ней из-за ненадежности жел.-дор. мостика. (Он был подорван Мамонтовцами и плохо починен красными). В налет на станцию были посланы 2 роты — 100 шт. Они дошли до ст. Касторная—Старая; видели движение на ст. Касторная—Новая. Соблазн атаковать был большой, но за ротами подъехал состав: «Немедленно назад!»

Когда они вернулись на ст. Лачиново, там уже шел бой с наступающими с юга красными; две роты, 2 орудия и бронепоезд едва их сдерживали. Собравшийся бат-н их отбросил. Бронепоезд был вызван на Мармыжи, но ему пришлось задержаться почти на всю ночь, так как красные подорвали ж. д. путь.

13 сентября красные атаковали Мармыжи, два раза врывались на станцию и в конце концов были отброшены. Неудачны были их атаки и на ст. Кшень и Лачиново.

Ночью они оставили Касторную, которую занял Св.-Стрелковый полк.

1 Марковский полк выполнил за две недели большую задачу и стал на переднем фасе дивизии, удлинив ее фронт к востоку; 4-хдневные бои у ст. Мармыжи стоили ему свыше 400 человек потерь, восполненных тут же взятыми пленными.

Эти бои протекали уже в резко изменившейся обстановке. Во-первых, наступила осень с туманами, дождями и пониженной температурой. Во-вторых изменились и очертания местности. Степная полоса осталась позади; местность стала более изрезанной, волнистой; широкие балки сменились оврагами; кончился и чернозем, который сменил суглинок; села и деревни стали более частыми, но значительно менее населенными; изменилось и население.

В истории Марковской арт. бригады так описывается д. Степановка у ст. Кшень, уже на территории Орловской губернии:

«Уныло выглядела первая истинно великорусская деревня: вместо опрятных малороссийских «мазанок» или аккуратных хат зажиточных курян-«перевертней», виднелись нагроможденные в хаотическом беспорядке, нештукатуренные, красного кирпича закопченные избы с бесформенными серого известкового плитняка крышами. Крестьяне ютятся вместе со скотом и домашней птицей в донельзя загрязненных избах.

«С большим трудом взводу удалось найти место для орудийного парка, т. к. обычный способ располагать его на широких улицах здесь

был неприменим из-за отсутствия прямых и сколько-нибудь просторных. Много недоразумений вызва прибывший наряд обывательского транспорта: большинство повозок было запряжено одиночными, невероятно изнуренными клячами, парные же телеги приводили в полное отчаяние, т. к. большей частью были запряжены коровами».

Но было и иное, что отличало здесь население от населения пройденных районов. Это — доброта, отзывчивость, искренность к белым бойцам и... открытая ненависть к красной власти. Последующие боевые операции и отношение населения показали с полной наглядностью, и первый показатель — начавшееся добровольное поступление кретьян в ряды Марковцев.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ЛИВНЫ

Только один день, 14 сентября, был для полка днем относительного отдыха. Красные не наступали, а полк провел перегруппировку своих частей: 1 бат-н, около 450 шт. при двух орудиях, сосредотачивался на ст. Лачиново; 2 бат-н, около 450 шт. при двух орудиях — на ст. Кшень и 3 бат-н с командой разведчиков, всего до 550 шт., при двух орудиях — на ст. Мармыжи; в резерве — коменд. рота и бронепоезд «Слава Офицеру»; конная сотня и полковая пулеметная ком-да поровну придавались бат-нам и резерву. Полк вошел в отряд ген. Третьякова вместе с Алексеевским. Отряду приказано на следующий день перейти в наступление: Марковцам занять Ливны и выйти на рубеж. р. Чернавка, а Алексеевцам, наступающим левее, выйти на пересечение жел. дороги Елец—Орел у ст. Верховье. До Ливен около 60 верст.

Полк должен наступать тремя колоннами: 1 бат-н вдоль большой дороги на Ливны, но так как он на правом фланге, притом открытом, то до прихода 2 Марковского полка, ему держаться уступом кзади; 2 бат-н — вдоль р. Кшень, что неизбежно обязывало его действовать по обоим берегам ее; 3 бат-н — вдоль жел. дороги, причем в полосу его наступления входило пространство влево до р. Тим, разграничительной линии с Алексеевцами.

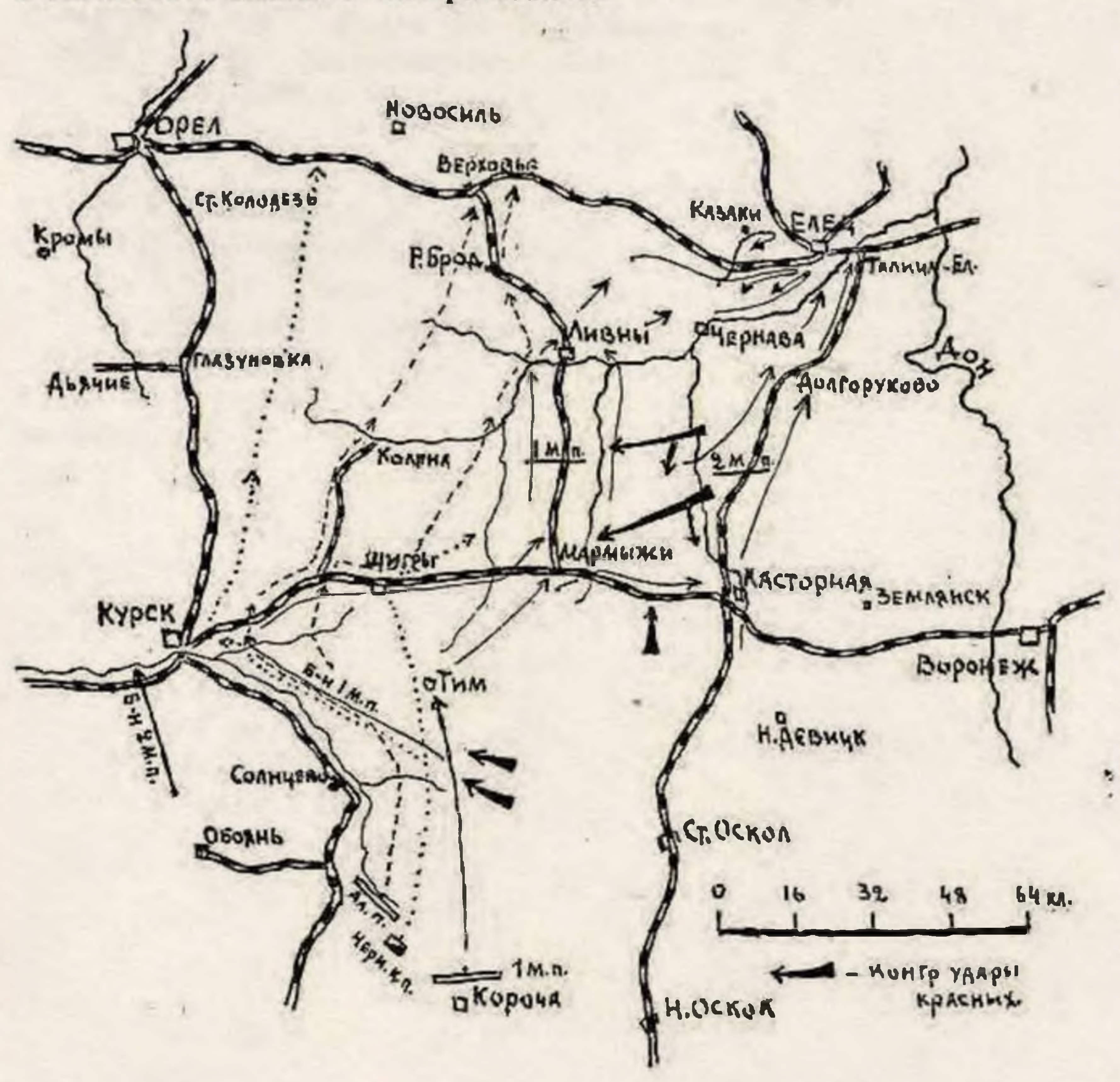
15 сентября полк перешел в наступление на фронте до 30 верст и сразу же 2 и 3 колонны встретили упорное сопротивление и только на следующий день, 16 сентября они вышли на линию станции Долгая.

Обнаружились трудности: перед полком большие силы противника, стоящие сплошным фронтом и сосредоточен сильный кулак между жел. дорогой и р. Тим. Ген. Третьякову пришлось первый выгрузившийся бат-н 2-го полка с двумя орудиями направить на левый фланг 1-го, как 4 наступающую колонну.

Двухдневный бой вызвал большой расход снарядов. Во 2 бат-не был наряжен транспорт под охраной 22-х конных разведчиков от 1-й

батареи и двух батальонных пулеметов. При переезде через р. Кшень ночью транспорт нарвался на заставу красных, но батарейцы смяли ее, взяли 15 пленных под носом недалеко от стоявшего их бат-на. Возвращаться пришлось уже кружным путем с 250 снарядами и 20 тысячами патронов.

Всю ночь велась конная разведка. Во 2 бат-не не хватало верховых тем более потому, что правая колонна уже занимала уступное положение. Вызвался в разведку со своими верховыми шт.-кап. Шперлинг. Он никогда не ограничивал себя, как ком-ра батареи, кругом обязанностей исключительно батарейных, но расширял их до задач целой части, которой батарея придана. Требовалась разведка в восточном направлении и он ночью отправился. 10 верст — никого. Светает. Нужно возвращаться; навстречу скачущая телега. Крестьянин ехал сообщить белым, что полк кавалерии красных в 4 эскадрона при 5 пулеметах направляется на с. Воловое. шт.-кап. Шперлинг нагнал бат-н уже ведшим наступление. Его ком-р, кап. Марченко развернул карту; фланг его бат-на под ударом, но там должен быть в этот день 1 бат-н. Беспокоиться особенно не приходится.

17 сентября утром в наступление перешли все четыре колонны. 2-й колонне пришлось полностью и не раз по частям переходить р. Кшень и вести бой на обоих берегах. Едва не погиб взвод 1-й батареи, неожиданно атакованной красным эскадроном.

— С передков! Пулеметы! — кричит шт.-кап. Шперлинг. Момент — и залились пулеметы, другой — раздались картечные выстрелы. Когда подбежала рота, батарейцы ловили оседланных лошадей, снимали седла с убитых; захватили значек 1-го эскадрона Ахтырского полка.

3-я и 4-я колонны теснили противника, поддерживаемого 2—3 батареями, имея 4 орудия и один бронепоезд.

Но у 1-й колонны положение создалось крайне тяжелое. Бат-н пришел в с. Воловое как раз, когда полк красной кавалерии подошел к нему. Красные не атаковали, но охватили село. И в это время один крестьянин сообщает: большие силы красной пехоты идут на с. В. Большое, в котором бат-н ночевал. Угроза в тылу и полк. Слоновский, ком-р бат-на, ведет его обратно все время под угрозой конной атаки. Но село уже занято противником. Бат-н атакует и берет его. Красные отошли недалеко. Наступила ночь. Весь бат-н на позиции вокруг села. Стрельба. Атака противника неминуема и тогда... даже если атака будет отбита? Решение: выводить бат-н и отходить за р. Кшень, к с. Урузово.

Противник следовал за бат-ном и подошел к р. Кшень. Он был теперь в 15 верстах от ст. Мармыжи, в 10 верстах от жел. дороги на Ливны и в 10 верстах в тылу у 2 бат-на. Из резерва полка выдвигается комендантская рота. Но противник может не только сорвать наступление на Ливны, но угрожать 2 полку, разворачивающемуся на фронте вправо до ст. Касторная. Ген. Третьяков требует немедленной высылки кавалерийских частей. Ему обещают Мусульманский (Горский) конный полк, дивизион Черноморского кон. полка и затем конную сотню штаба корпуса.

18 сентября 1-й бат-н (1-я колонна) переходит в распоряжение ком-ра 2 полка, полк. Морозова. Остальные три колонны продолжают наступление.

2-му бат-ну, у которого теперь противник с трех сторон, придаются 2 взвода пеш. разведчиков из 3-го бат-на и один взвод конной сотни. Наступление развивается успешно. Взято две станции, Прудки и Редьковская. Отчаянный бой у левой колонны — бат-на 2-го полка. Красные не только отбиваются, но и контр-атакуют, местами удачно; их прорывы доходят до трех верст в глубину. Но роты и взводы бат-на маневрируют, бьют во фланги. Попадает в плен штаб 21-го полка. 3 бат-н, где противник уже сдавал, высылает на поддержку роту. Красные не выдерживают удара, отходят, теряя массу пленных. Пленные принадлежали к 19, 20, 21, 23, 60 и 2-му Симбирскому полкам 3-й стр. дивизии.

19. сентября. До Ливен оставалось 15 верст. Ожидалось сильное сопротивление на р. Сосна, протекавшей перед городом, имевшей возвышенный противоположный берег. Сопротивление красных слабело. Взята ст. Коротыш. Уже впереди, в легком тумане, видны очертания города. Марковцев тянет вперед.

Довольно сильный бой у правофлангового бат-на и, вдруг, в сумерках красные быстро отходят и, к удивлению, даже не оказывают сопротивления на р. Сосна у д. Лучи. Бат-н идет к городу. Центральный бат-н у реки и готов перейти ее в брод, но арт. стрельба красных вдруг прекращается.

Левофланговый бат-н, не встречая сопротивления, подходит к с. Крутое; там уже бат-н Алексеевцев и им взята переправа через р. Сосна. Бат-н обходит город с сев.-запада, берет с. Моногорово, захватив при этом в плен два бат-на красных, и подходит к жел. дороге, по которой полным ходом на север проскакивает красный бронепоезд и вспомогатель. Севернее у ст. Русский Брод, к которой уже подошел другой бат-н — Алексеевцев, бронепоезд был подбит снарядом Марк. батареи и он, «Стенька Разин», и вспомогатель с одним орудием были захвачены.

Обход города принудил красных поспешно оставить Ливны. Под самый вечер пришлось иметь легкое столкновение с полком кавалерии, 9-м Советским, причем совершенно очевидно сдались несколько красных всадников и среди них ком-р этого полка, оказавшийся сыном известного всей России ген. Брусилова — ротмистр Брусилов.

3 бат-н, пройдя город, остановился на его северной окраине. С востока пришел 2 бат-н. Бат-н 2-го полка остался в Моногорово .

***

За пятидневное наступление на Ливны Марковцы прошли до 60 верст, а с начала наступления от Корочи — до 150. За три недели новый, второй «скачек» на север. Скачек, во-первых, значительно меньший нежели из Донбасса до Корочи, а, во-вторых, и с большими усилиями. Но настроение было отличное даже при большой усталости, даже видя свои тяжкие потери: в 1-м полку — до 800 человек, в бат-не 2-го полка — свыше 200 человек. Надежда их пополнить здесь, в городе полная — офицерами, добровольцами среди явно расположенных к армии крестьян, затем — отборными пленными, из взятых 3.000 человек.

ВТОРОЙ ПОЛК В БОЯХ

По взятии Курска, туда сразу же из Харькова переехали все части 2 полка и сразу же получили большое пополнение как офицерами, так и солдатами. Роты полка стали иметь до 250 шт.; рота ген. Маркова и отдельная офицерская рота — по 200 с лишним офицеров. Сила теперь у полка огромная — до 3.500 шт. при 40 пулеметах. Но

был существенный недостаток — отсутствие не только конной сотни, но и ком-ды кон. разведчиков. Сорока всадников при штабе полка и при бат-нах едва могло хватить для поддержания связи.

11 сентября внезапно выступила на фронт Офицерская рота. 14-го стали грузиться и все части полка и на следующий день они уже выгружались на ст. Кшень, где стояла Офицерская рота. Полку дана задача сменить на ст. Касторная Сводно-Стрелковый полк, отзываемый на внутренний фронт против Махно, и обеспечить правый дланг наступающего на Ливны 1 полка. Полк должен стать на фланге дивизии, имея вправо от себя в 35 верстах, в г. Землянске, отряд в 400 конных и 400 пеших при батарее, наблюдавший 60-тиверстный разрыв между ст. Касторная и г. Воронежем, взятым корпусом ген. Шкуро.

16 сентября из полка выделяется один бат-н на левый фланг наступающего 1 полка. В Касторную приходит лишь один бат-н с Офиц. ротой; другой с ком-дой разведчиков останавливается на ст. Лачиново.

17 сентября красные внезапно перешли в наступление к северу от Касторной в направлении на Мармыжи и по западному берегу р. Олым на Касторную и подошли на 15—20 верст к обеим станциям. Смена Стрелков была отменена, а 2-му полку, которому был придан бат-н 1 полка, приказано отбросить красных.

18 сентября все части попка сталкиваются с противником, но не имея орудий, не могут сбить его, имеющего несколько батарей. И только бат-н 1 полка, проделавший за минувший день до 30 верст и отдохнувший лишь 4 часа, сбил его передовые части на р. Кшень и с боем занял с. В. Большое, отбив несколько атак.

19 сентября он выбивает красных из с. Воловое и удерживает его. А в это время они снова занимают с. В. Большое и южнее его д. Екатериновку. Бат-н 2-го полка с подошедшими к нему двумя орудиями выбивает красных из с. Сергиевка и в течении дня отбивает их атаки. Остальные шесть рот едва сдерживают напор на Касторную.

Положение создается тяжелое: у противника подавляющие силы; давит его арт. огонь; прорывы между бат-нами до 10 верст; резерва нет; нет и кавалерии, которая наблюдала бы интервалы между бат-нами; и главное, нет никакой части, чтобы обеспечить разрыв в 40 верст между с. Воловое и занятыми в этот день Ливнами.

Ген. Третьяков (в его отряд вошел 2 полк) требует от 1-го полка немедленной отправки к месту прорыва красных возможно больших сил. Из трех бат-нов назначаются: один бат-н, команда пеш. разведчиков, полусотня и взвод орудий — под общей командой ком-ра бат-на, кап. Марченко. Отдохнув всего около пяти часов, отряд тронулся из Ливен по большой дороге на юг.

20 сентября. Красные атакуют 2 полк, но он держится. Бат-н из Сергиевки идет на запад и с жестоким боем занимает д. Екатериновку. 1 бат-н 1-го полка вынужден был оставить с. Воловое.

***

Отряд кап. Марченко выступил ночью и шел в обратном своему вчерашнему наступлению на город направлении. С переходом р. Сосны он вступил в район совершенно не наблюдаемый. В пути брались обывательские подводы и на них сажались пехотинцы. Впереди отряда ехали кон. полусотня и 20 батарейцев, всего 75 шашек со шт.-кап. Шперлингом во главе. Этот славный артиллерист, теперь ком-р конной группы. У х.х. Юрских замечен разъезд красных; ему устроили засаду и батарейцы взяли 8 человек в плен и трех убили. Вскоре показалась группа коней в 50, оказавшейся сотней Горского полка. От нее получили сведения о положении в южном направлении.

С наступлением ночи весь отряд, пройдя 35 верст, сосредоточился в с. Цуриково. Здесь были получены сведения о занятии противником с. Гатище. Отряд отрезается от Ливен. Положение ухудшается и ген. Третьяков вынужден взять из Ливен еще один бат-н. У Ливен остается один бат-н. Связавшиеся ночью 1-й и 2-й бат-ны 1-го полка составили отряд полк. Докукина, помощника ком-ра полка.

21 сентября. Ночью приказание — атаковать противника: 2 полку с юга 6-ю ротами (подошло два орудия) и 4-мя ротами (1 бат-ном) с юго-запада; полк. Докукину — двумя бат-нами с сев.-запада и севера, выделив часть сил в обеспечение себя со стороны Гатище.

Наступление с юга сразу же было остановлено огнем артиллерии и густыми цепями противника и в течении дня ни та, ни другая сторона не смогли сдвинуться с места. 1-й бат-н 2 полка, начав наступать от Екатериновки и вынужденный развернуть все свои 4 роты, наконец, сбил красных и стал их преследовать, выведя Офиц. роту в резерв. Взял с.с. Верх. и Ниж. Большое. Местность пересеченная; наблюдение за флангами, из-за отсутствия верховых, отсутствует. Бат-н увлекся и вот... в каких-нибудь 600—700 шагах вправо от резервной роты на складке появилась цепь противника. Рота с места перешла в атаку. Удар был стремителен и офицеры мгновенно смяли красных и преследовали их на следующий гребень. В это время красные охватили с фланга цепи головных рот, которые стали менять направление под огнем с двух сторон. Одна за другой останавливаются пулеметные двуколки: перебиты лошади. Роты отбиваются, взвод орудий поддерживает. И вдруг, когда Офицерская рота, которая так успешно отбила обход красных справа, вышла уже на второй гребень, на нее справа налетела кавалерия. Рота приняла атаку «в штыки», но в каком положении? С правого фланга до левого взвод за взводом легли под ударами шашек и штыков подбежавшей пехоты.

Бат-н стал отходить. Уже в редкие его цепи переданы последние 30 пулеметных лент; кончаются снаряды и у орудий и стоят они на позициях «для вида». Противник, заняв с. Н. Большое, остановился, остановился и бат-н. В нем осталось только 250 человек, из 800 начавших бой, и 3 пулемета; от Офицерской роты — 21. Наступившей ночью со стороны противника подошло еще человек 20—30 раненых и здоровых. Они сообщили: красные поспешно отошли. Бат-н теперь мог быть более или менее спокоен, а особенно потому, что с ним связались разъезды от дивизиона Черноморцев, только что прибывшего на этот участок. Поздно, но все же не окончательно поздно. В сумерках их эскадрон налетел на маленький хутор, разметал в нем пехоту противника и спас от расстрела 16 уже раздетых офицеров. Неожиданный отход красных вызван был успешным наступлением отряда полк. Докукина и особенно бат-на кап. Марченко.

Бат-н полк. Слоновского в течении долгого и упорного боя взял с. Воловое и здесь получил приказание «ждать дальнейших распоряжений». И он выполнял это приказание даже тогда, когда прискакал из с. Н. Большое офицер, от попавшего в тяжелое положение бат-на 2 полка, с просьбой оказать поддержку. (Расстояние между бат-нами не превышало 5 верст).

Бат-н кап. Марченко, ведший наступлений в южном направлении, несмотря на опасность слева, с боем взял д. Богдановка, а затем и с. Липовчик, но не задержался в нем и, несмотря на ночь, продолжал наступление, когда получил приказание «оставаться в с. Липовчик и ждать приказаний». При этом сообщалось о неудаче 1-го бат-на 2 полка. Это приказание «ждать распоряжений» и спасло красных: они смогли отойти.

Ночью приказ: утром 2 полку и отряду полк. Докукина перейти в наступление и отбросить красных за р. Олым; и добавлялось — на с. Гатище будет вести наступление бат-н 2 полка, вызванный от Ливен. Но затем другое приказание: 1 бат-ну и ком-де разведчиков 1-го полка немедленно и в самый короткий срок быть в Ливнах, где противник повел наступление.

2 сентября. 2 полк и бат-н кап. Марченко пошли вперед. И опять 2 полк не смог сбить противника на сокращенном фронте, теперь не более как в 10 верст — у красных стреляло 12 орудий против четырех.

Но бат-н кап. Марченко берет с. Кирилловское. Ему слышен бой впереди и вправо и он идет на выстрелы, не обращая внимания на угрозу своим флангам и даже тылу. Шт.-кап. Шперлинг со своими конными ведет разведку. Два взвода, посаженных на подводы, и взвод орудий — у кап. Марченко летучий резерв, переезжающий с фланга на фланг. Шт.-кап. Шперлинг замечает в низине колонну кавалерии и летучий резерв рассеивает ее. Бат-н приближается к району, где впереди и вправо идет бой. Летучий резерв перебрасывается в этом на-

правлении. Еще немного и видно с. Языково и позиции красных на с.-з. его окраине. Бат-н почти на их фланге. Арт. взвод открывает огонь, красные не выдерживают и начинают отходить. В сумерках бат-н входит в Языково с севера, а с запада — слабый, пострадавший накануне бат-н 2 полка. Но южнее противник еще держится. До крайности утомленный дневным маневренным боем бат-н, а в особенности артил. лошади, преследовать не могут.

Дан отдых до утра, а утром опять в наступление, но уже не встретившее упорного сопротивления. Бат-н кап. Марченко первым перешел переправу через р. Олым и остановился на ст. Набережная. Преследование вели части 2 полка, а бат-н кап. Марченко, отдохнув часа два, на подводах уже ехал по срочному вызову в Ливны. Во взятом бат-ном 2 полка с. Гатище он заночевал.

2 полк получил участок фронта от с. Касторное включительно на север вдоль р. Олым, а затем с поворотом от нее в направлении на Ливны до р. Сосна, за которой начинался участок 1 полка.

Участок в 50 верст, тянувшийся 30 верст прямо с юга на север; участок, на котором 2 полк должен был обеспечивать не только фланг, но и тыл 1 дивизии и всего корпуса. В его распоряжение были приданы дивизион Черноморцев, сотня штаба корпуса и слабый Горский полк. Полк сразу же, как только был отброшен противник, расположился: два бат-на на ст. Касторная, приступив к смене Стрелков; один бат-н в трех пунктах в районе с. Гатище на переправах и рота на переправе у ст. Набережная; в промежутках — конные части. Но участок был не по силам его занимавших.

***

Потери 2 полка за пять дней боев огромны — до 1.250 человек. Если прибавить потери бат-на, наступавшего с 1 полком на Ливны, то до 1.500 человек. От 3.500 шт. осталось до 2.000. Влитое из пленных пополнение увеличило его численность всего на 200 человек. 1-я рота, в составе 35—40, была отправлена в Новодевицк на пополнение офицерами. Перед уходом она участвовала на похоронах своих убитых офицеров. До 50 гробов одних только офицеров стояло у церкви села Касторное.

Полк переживал тяжелое моральное состояние — огромные потери и никакого, в сущности успеха. 500 человек, взятых в плен, — утешение слабое; противник отошел, не будучи разбитым. На следующий день, 24 сентября, он уже атаковал две роты, стоявшие у д. Козинка, занял деревню, но был отброшен. Пленные сообщили о готовящемся наступлении красных, по крайней мере, силою двух бригад пехоты и двух полков кавалерии. А крестьяне сообщили кроме того, что подошли и свежие коммунистические полки Елецких и Петроградских рабочих и Реввоенсовета 13-й армии. В это время красные вели наступление на 1 полк.

25 сентября красные повели второе контр-наступление от сл. Чернова и с востока — на с. Гатище и в южном направлении, вдоль западного берега р. Олым.

Бат-н, стоявший в районе с. Гатище, сразу же оказался разъединенным кавалерией красных. Две роты отошли в Гатище и здесь были окружены красными. Из села они пробились благодаря полному самопожертвованию пулеметчиков, но потеряв одно орудие. Они отошли за р. Кшень, утеряв связь даже с сотней штаба корпуса и Горским полком. С ближайшей ст. Студеная было сообщено о положении в штаб 1 полка и отряда. Но был наготове резерв, Стрелковый полк, уже погруженный в эшелоны, и его два бат-на немедленно отправляются через Мармыжи на ст. Студеная.

26 сентября они с бат-ном 2 полка, собравшимся за ночь в полном составе, сосредоточились на р. Кшень под общим командованием ком-ра Стрелкового полка, полк. Гравицкого.

В этот день 2 полк перешел в наступление от ст. Касторная по обе стороны р. Олым. На восточном берегу его части выдвинулись верст на 20 к северу, но на западном встретили жестокое сопротивление и вынуждены были отходить. Потребовалось еще 3 дня, чтобы полку, с подошедшим к нему 3-м бат-ном Стрелков и отряду полк. Гравицкого, сломить упорное сопротивление и принудить красных к поспешному отступлению.

30 сентября. Стрелки заняли сл. Чернава, а 2 полк вел наступление по обе стороны жел. дороги в направлении на Елец. У с. Большие Плоты красные попытались оказать серьезное сопротивление, но были разбиты, потеряв при этом 4-хорудийную батарею с зарядными ящиками и в полных упряжках. Атаковали батарею кон. разведчики того артил. взвода и ординарцы того бат-на, которые в с. Готище были окружены, но пробились с потерей одного орудия.

1 октября полк остановился на линии ст. Долгоруково. Кавал. части, приданные ему были отозваны. И на этот раз прорыв красных кончился для них полным, главным образом, моральным поражением.

А в это время у Ливен...

19 сентября 1 полк взял город. Полное расстройство противника позволяло продолжать наступление, но обстановка в тылу требовала немедленной отправки туда трети сил, а через день и второй трети. В Ливнах остались лишь один бат-н и комендантская рота с двумя орудиями.

22 сентября красные, подкрепленные свежими частями, перешли в наступление. На следующий день бой шел уже на окраине города и только подход с юга 1 бат-на с ком-дой разведчиков позволил удержать его. 24-го в критический момент подошел с юга и 2 бат-н.

25 сентября отбита сильнейшая атака красных, после чего они были отброшены несколько к северу. Этот день — **день праздника 1 полка.** Полк провел его в бою. И только в городе, собравшиеся чины штаба полка во главе с ком-ром полка, полк. Блейш, и немногими представителями бат-нов, отметили его.

26 сентября полк перешел к активной обороне. Для него назревала опасность с юг. 1 бат-н переходит на южный берег р. Сосна и ведет наступление на восток, держа связь вправо с отрядом полк. Гравицкого.

30 сентября он, не доходя до сл. Чернава, снова переходит на северный берег реки, обходит Чернаву с запада и занимает с. Троицкое, в пяти верстах от нее. Его ком-да разведчиков с кап. Дубининым в 60 человек забирает 2 орудия. Красные, под угрозой обхода, оставляют сл. Чернава, который и занимает Стрелковый полк. Но, в то же время, бат-н оказывается в тылу у противника, стоявшего против Ливен. Один из красных полков торопится уйти на север за р. Чернавка, преследуемый 2-м бат-ном, и у реки натыкается на две роты, уже подошедшие к переправе. Красный полк попадает между двух огней, ищет спасения вброд. С противоположной стороны его встречают огнем свои.

1 октября 1 полк весь вышел на линию притока р. Сосны, Чернавка, заняв фронт в 25 верст от с. Троицкое до с. Медвежье, в 20 верстах к северу от Ливен. Потери его доходили до 300 человек. Успех был явный (одних пленных было взято 1.500) и он одержал его благодаря подвижности всех своих частей и инициативы их начальников. Огромную помощь оказали крестьяне, дававшие в ходе боев сведения о силах и передвижениях противника.

Физическая усталость покрывалась отличным настроением. Не высказывали его лишь лошади. Им действительно пришлось очень тяжело поработать, таская пулеметы и орудия по размокавшим от дождей дорогам и полям. Для лошадей необходимо, чтобы их совершенно разомуничивали. Ком-ры арт. взводов просили об отводе на отдых и получили ответ: «Боеспособность артиллерийской единицы зависит от исправности боевой части и, пока пушки целы и не отказываются стрелять, не может быть никакой речи об отдыхе батарей».

1 полк быстро пополнил свои потери. В Ливнах в его ряды стало около 100 офицеров из жителей этого города, немало добровольцев из крестьян и прибыла партия в 300 челвек, навербованных в глубоком тылу, много было влито пленных. Полк стал снова большой силой: по 700 шт. в бат-не, по 5—6 пулеметных взводов в каждом; комендантская рота и ком-да разведчиков по 200 шт., даже конная сотня полка возросла вдвое.

* * *

Иное положение было во 2 полку. Ликвидация второго прорыва стоила ему также огромных потерь — до 1.000 человек. Огромный участок? Встреча с коммунистическими частями, с двумя бригадами, с двумя кавал. полками? Да, конечно. Но только ли это? Стали разбираться в своих упущениях, и не только в своих, и не в группах младших и средних командиров, но с участием ком-ра полка, полк. Морозова. В частности по вопросу о взаимной поддержке. Полк. Морозов не мог оставить без последствий неоказание поддержки в бою 21 сентября со стороны 1-го бат-на 1 полка батальону 2-го, попавшему в тяжелое положение. Он и кап. Обрзцов непрерывно были в тесной связи со всеми частями полка, укрепляя в них дух.

Помимо того, даже в положении, в каком находился полк, выпускались приказы касательно всех сторон боевой службы; отмечались ошибки, упущения и проявления доблести офицеров и солдат. В приказах были фамилии пулеметчиков — мл. у. оф. Папкова, ефр. Рогова, ефр. Плетнева. Общими усилиями полк решительно подымал свой дух, совершенствовал руководство боя и разрабатывал тактику в бою.

Он пополнялся пленными, а из тыла к нему пришло большое пополнение. Роты его стали по 120—150 шт.; пулеметов было достаточно, но оставалось, сыгравшее уже роковую роль, отсутствие в полку достаточной ком-ды конных разведчиков.

Подъему настроения в обоих полках очень помогло сообщение, что 1 октября был взят Орел. Марковцы кричали «ура» Корниловцам. Надежды на скорую победу крепли. Считали, сколько оставалось переходов до Москвы.

Но вот, возвращавшиеся в полки говорили: Газеты пишут и все говорят: «Корниловцами взят Курск. Корниловцами взят Орел». Ген. Май-Маевский сказал: «Орел — орлам» и... ни слова о Марковцах. Будто их и не существует. Раненые Марковцы напрасно искали в газетах что-либо о своих полках. Впрочем, прочли сообщение: «Отряд кап. Коломацкого взял г. Ливны». Догадались, что говорится о них, Марковцах, только по фамилии кап. Коломацкого, и еще потому, что знали о наступлении своих частей от Корочи на Тим, Щигры, Мармыжи... Но кто другой догадается? Как-то было досадно. Стоят они где-то и, если назвать эти пункты, то они окажутся большинству неизвестными и даже не на всех географических картах отмеченными. Значит и роль их незначительная.

1 октября оба Марковских полка вышли на линию ст. Долгоруково, сл. Чернава и далее на север по р. Чернавка. Их общий фронт до 60 верст. Стрелковый полк ушел на погрузку для отправки на внутренний фронт. Его сменил бат-н Алексеевцев, вошедший в подчинение к-му 1 полка. Фронт полков был почти прямой линией. Но на флангах?

Правый фланг 2 полка «висел в воздухе». Правда, в 25 верстах л востоку, с севера на юг протекал Дон. Но может ли это быть гарантией? Правда, вдоль Дона вели наблюдение кавалер. части Землянского отряда, но центр отряда в Землянске, теперь в 45 верстах к югу. Может ли служить обеспечением его фланга и Марковская инжен. рота, ставшая в Касторной, в 50 верстах к югу? Может быть жел. дорога, на которой стоит полк является гарантией: подъедут бронепоезда, резервы? Нет. Все мосты на ней основательно взорваны проходившими здесь Мамонтовцами. Фланг «висит в воздухе».

Левый фланг 1-го полка. Между ним и Алексеевским полком, пересекшим линию жел. дороги Елец—Орел у ст. Верховье уже в Тульской губернии, разрыв в 20 верст. Фланги обоих полков могут быть подвержены удару противника, силы которого против них составляют две стр. дивизии, Симбирская бригада, кавалер. бригада и другие части. Елец, находящийся в 25—30 верстах, является опорным пунктом красных; к нему с севера подходят 2 жел.-дорожные линии, по которым быстро могут быть подвезены резервы.

Можно ли сказать, что отряд ген. Третьякова из трех полков, растянувшийся на 100 верст, имеющий к тому же «на весу» левый фланг Алексеевцев (более чем 30-тиверстный разрыв с Корниловцами наблюдался лишь Черноморским конным полком) — крепко стоит на месте?

Но об этом Марковцы не думали. Их цель — взятие Ельца, большого города, отмеченного на всех географических картах. «Вот только подойдет младший брат — третий полк!»

БЕЛАЯ ИДЕЯ И ЖИЗНЬ

Красные отходят. За ними следуют белые. На огороде работает старик-крестьянин. Он подходит к дороге и, сняв шапку и низко поклонившись, говорит:

— Спасибо вам! Может быть, теперь мы вздохнем свободнее.

Жест. Слова... Их раньше на «широкой Московской дороге» не приходилось слышать, разве в городах.

Конная разведка Марковцев в пять коней выехала далеко вперед. Деревня. Осторожный въезд в нее. Жителей не видно, но вот появилось двое и направились к разведчикам.

— Красных в деревне нет, — сказали они и дали обстоятельные ответы на все вопросы. Сразу же между Марковцами и крестьянами установились отношения взаимного доверия. Тут один из них пригласил к себе «откушать нашего хлеб-соли», уверив, что в случае появления красных, им будет немедленно сообщено. Марковцы приняли приглашение. В доме старосты все оказалось готовым к встрече «дорогих гостей».

— Мы все вас ждали с нетерпением. Уж больно плоха стала наша жизнь, — говорили в один голос бывшие в комнате крестьяне.

Как ни хотелось Марковцам задержаться у радушных хозев, все время повторявших: «Вы наши освободители», но нужно было ехать. Сердечно поблагодарив, Марковцы хотели уплатить за еду, но они отказались принять деньги, говоря: «Сход постановил встретить и угостить белых». Ликовали сердца...

В маленькой деревушке остановилась Марковская часть. Пулеметчикам досталась хата на краю, т. к. они должны были держать свои пулеметы в готовности к бою. Во дворе встретили рослого, здорового, лет 35-ти, крестьянина, но очень мрачного, усталого и чем-то озабоченного.

— Ну, что же?! Идите в хату. Место есть, — сказал он.

Хата, да и весь двор не Бог весть какие. Но для Марковцев нужно было тепло, чтобы согреться и обсушиться, это главное, а затем — горячего чаю и хотя бы отварной картошки, чтобы утолить голод до прихода кухни. Опытный глаз пулеметчиков сразу же определил, что на хорошее питание здесь не приходится рассчитывать ни им, ни лошадям. Комната, в которую вошли пулеметчики, была в сильно запущенном виде. Двое малых ребят при их появлении скрылись в другой. Вошел хозяин.

— А где хозяйка? — спросили его.

—Больна она. Лежит уж который месяц. Беда, Все хозяйство на мне; да и дети... А тут красные угнали меня с подводой на пять дней, возить их. Что ни говорил им, кричат, ругаются, грозят... — сказал он со злобой.

Видя положение хозяина, пулеметчикам пришлось быть насколько возможно скромными и осторожными в своих просьбах.

— Нельзя ли вскипятить чайку, сварить картошку? Заплатим, — обратились они к нему.

— Можно. Все будет, что в доме водится. Вот только беден я стал, даже хлеба нет... Подождите малость. Зарежу курицу.

Пялеметчики ахнули и запротестовали, говоря о скором приезде кухни, но хозяина это не убедило.

— Знаю я солдата и что ему нужно. Сам был унтером в Царской армии. Воевал! — и вышел из хаты. За ним бросились, продолжая отказываться от курицы. Хозяин быстро ходил по двору, вытащил охапку сена и понес ее пулеметным лошадям, принес дров и в момент поймал курицу и зарезал ее.

Общими силами принялись за хозяйство и скоро уселись за стол, притащив с пулеметной тачанки небольшой запрос провизии, имевшийся всегда. На столе появились помимо курицы, картошки, лука и др. продуктов, предоставленных хозяином, хлеб, сало, сахар, чай на заварку, соль.

Разговорились.

— Жил небогато, но все было. Да вот, большевики. Давай им все, даже последнее, — говорил хозяин.

Много он рассказывал о красных и ничего не спросил о белых, будто ему, да и всем крестьянам всякая власть лучше большевистской. В общей трапезе принимали участие и дети хозяина, которые быстро освоились с незнакомыми людьми и безо всякого страха разговаривали с ними.

— Эх! А вот от красных они прятались, боялись их, — говорил унтер. — Уничтожить нужно большевиков.

Не забыли Марковцы и больную жену унтера. Поропросили передать ей еду, отсыпали сахара, а затем один из них сбегал за сестрой милосердия, которая как-то позаботилась о ней. Немедленно после еды хозяину были предложены деньги за угощение, но тот решительно отказался от них.

— За что? Мы должны благодарить вас, что свободно вздохнули без красных. Вы же люди добрые, те...

Однако, пулеметчики не хотели остаться в долгу. Они мобилизовали имевшиеся у них полотнище полотки, кусок кожи, рубахи, чай на заварку, кулек сахара и сала и еще что-то и предложили хозяину. От этих предметов он отказаться не мог.

На утро Марковцы уходили в дальнейший поход, сердечно расставшись с унтером. Последний на прощание сказал:

— Дай Бог вам удачи! Мы, крестьяне, с вами, а не с красными.

На охране ж. д. моста у Ливен стояла Марковская застава. Взаимоотношения с крестьянами были самые лучшие. Они радовались уходу красных и наступившему покою. Но вот на заставу пришл два-три крестьянина и сообщили, что в их дома вечерами заходят красные и требуют хлеба, мяса и насильно отбирают все, что им надо, и просили защиты. Было ясно, что в райне блуждают мелкие группы красноармейцев, отставшие от своих частей. Начальник заставы принял меры. По указаниям крестьян он произвел облавы и задержал несколько десятков человек. В благодарность крестьяне постановили снабжать заставу мясом (живыми баранами) и др. продуктами.

— Настрадались мы с большевиками да комбедами. Спасибо вам! — говорили они.

В Ливнах, уже через два-три дня после ухода большевиков, жизнь вошла в норму. На базаре крестьяне продавали свои продукты, а обрадованные горожане их покупали или, главным образом, выменивали на разные вещи. И те, и другие были довольны.

Любопытные к проявлениям народной жизни, Марковцы тоже ходили на базар с целью узнать настроения населения и там слышали многое о жизни при большевиках. Горожане жаловались на недостаток

продуктов, т. к. базары были запрещены, а крестьяне на то, что они ничего не могли продавать и из-за отсутствия денег, что-либо покупать в городе. «В деревнях нас замучали продналогами, продразверстками, реквизициями и просто грабежами. А повезешь что-либо продавать, чтобы что-то купить, налетят милиционеры: «Что везешь? Спекулируешь» и все отбирают, и перестали мы возить в город и остались без сахара, чая, соли, гвоздей; раздетые, босые. А то, что имели дома, приходилось прятать, чтобы не все ограбили. А теперь, слава Богу, свобода!»

Заметили Марковцы и радостное настроение среди крестьян. Они встречались группами, разговаривали, смеялись и вместе на возах закусывали и попивали самогон. А в праздничные дни даже приезжали хорошо одетыми, чтобы пойти в церковь и праздновать со знакомыми.

— Как же нам не радоваться? При красных мы сидели дома, боясь куда-нибудь поехать; перестали знать, что с родней, родственниками, знакомыми, живущими в других деревнях. А теперь, вот, встречаемся. Хотя бы совсем сгинули эти большевики! — говорили они, а иные добавляли: Не нужно нам советской власти. Была бы власть, которая дала бы нам свободу жить так, как раньше жили мы.

Было чему радоваться, но было и над чем глубоко задуматься.

Наступала зима. Холодные дожди, чрезмерная сырость, а за ними придет и холод. Уже Марковцы, совершив ли переход, или простояв часы на постах, или проведя день в горячем бою, быстро вбегали в отведенные им хаты, чтобы обсохнуть и согреться. Крестьяне это видели и понимали нужды бойцов.

В одной из хат хозяин и хозяйка готовы полностью обслужить, помочь своим постояльцам. Они видят, что те слабо одеты.

— Как же так? Ведь зима. А у вас ни рукавиц, ни теплой одежи?

— Ничего! Мы, Марковцы, непромокаемы и непромерзаемы, — шутя отвечали им.

Хозяева пожимали плечами. На этом и закончился разговор о теплой одежде. Однако, через несколько часов хозяин попросил старшего из них уделить ему время для разговора. Они уединились в другую комнату.

— Что бы вы ни говорили, — начал крестьянин (который, кстати, был старостой или старшиной — положение не признанное большевиками, но по старому признаваемое крестьянами), — но у вас всех нет теплой одежды. Зимой пропадете. Большевики, так те насильно забирали у нас, что находили. А вы даже не просите.

Марковец сказал, что, конечно, теплые вещи им необходимы, но забирать насильно они не могут, а покупать — денег нет.

— Не нужны нам деньги, — возразил крестьянин, — а вещи вам нужны, прикажите собрать и они будут. Все охотно и с радостью дадут.

— Нет. Не можем мы отдать такой приказ.

Тогда староста объяснил, почему он, да и все остальные просят «отдать приказ»: — Не дай Бог, придут опять красные и узнают, что мы добровольно собрали белым вещи, не будет нам от них добра.

Но офицер не согласился и с этим доводом, оставив собеседника в полном недоумении. А через день, когда часть уходила, староста вынес два больших мешка и бросих их на подводу.

— Берите. Для вас это нужно. Не надо ничего. Спасибо вам. Это от наших сельчан. Только никому не говорите.

В мешках оказались рукавицы, теплые носки, телогрейки, даже полушубки и валенки.

— Эх! Что за народ в этом районе, — говорили между собой Марковцы. — Он не только входит в наши нужды, он помогает нам и в борьбе. Смотрите, сколько уже записалось в полк. И сколько бы, — да все — охотно пошли бы с нами, будь объявлена мобилизация. Но почему медлят с мобилизацией?

— Да. Крестьяне, но не интеллигенция и даже не наш брат офицер, — говорил кто-то. — Интеллигенция — это не народ, а...

— Народ, народ! А забыли 1917 год? — говорил третий.

— Ну, ну! Кто прошлое вспомянет, тому глаз вон.

***

Из разговоров с жителями выяснилось, что крестьяне уже в минувшем 1918 году поднимали восстание против красных. Восстание охватило большую полосу от Ливен, Ельца и дальше на восток до Волги. В рядах Марковцев обоих полков были офицеры и солдаты, принимавших участие в этом восстании.

Дело было так. В 50 верстах от Тамбова есть огромное село Мучкап с 30.000 жителей. В мае 1918 года жители села, возмущенные продналогами и разверстками перебили прибывших для выколачивания дани красных. Сильный отряд красных с артиллерией произвел карательную экспедицию на село, расстрелял многих и увел с собою несколько тысяч мужчин. В Тамбове им было «предложено» поступить в красную армию и крестьяне согласились. Но когда им было выдано оружие, они восстали и захватили Тамбов. Вскоре восстание распространилось на большой район.

В Тамбове к восстанию присоединились офицеры во главе с ген. Богдановичем. Однако, действия восставших были вялы. Красные стянули большие силы и рассеяли их. Часть разбежалась по домам, часть, преимущественно офицеры, небольшими отрядами ушли в леса, а часть была расстреляна. Причем особенно зверствовали те комиссары, которые были захвачены повстанцами и посажены в тюрьму.

Красные преследовали ушедшие отряды в лесах. Не всем, но все же немалому числу восставших, удалось выйти на Донской фронт. Один отряд вышел в Саратовскую губернию и присоединился там к восстав-

шим под командой кап. Копейкина, офицера из рядовых солдат. Но и эта группа была рассеяна и часть ее вышла также на Донской фронт.

За два месяца до прихода Марковцев в район Ливен через Елец, прошел рейдом корпус ген. Мамонтова, к которому присоединились сотни горожан и селян из района Тамбова, Козлова и Ельца, принимавших участие в этом восстании. Конечно, осталось на своих местах громадное большинство, однако для Марковцев было ясно, что крестьяне продолжали таить в себе живую ненависть к Советской власти, интеллигенция же подчинилась ей полностью.

В Ливнах продолжала стоять выстроенная красными триумфальная арка, знаменующая победу Сов. власти. Теперь она имела другое назначение. Видимо, она-то и давила на мораль интеллигенции, приводила ее в полную растерянность.

Марковцы вошли в Ливны. Немало народа встречало их с радостью. По крайней мере, так казалось. Обычное дело: в городах и больших населенных пунктах их встречали толпами, а в деревнях безлюдьем.

Марковцев тянуло к жителям, чтобы узнать от них, как они жили при большевиках и как относятся они к своему освобождению. Невольно искали случая найти подкрепление той душевной радости, которую испытывали сами.

Первое впечатление от разговоров: жители, и особенно интеллигентный слой, продолжали жить под влиянием страха. Не сразу они становились откровенными. Но вот в одной высококультурной семье разоткровенничались. Оказалось, что интеллигенция испытывает страх не только перед большевиками, но в некоторой степени от мысли о своей судьбе при белых.

— Что теперь будет с нами? Как мы будем жить? При красных мы кое-как устроились, служили, нам платили, ели скромно и не голодали. А теперь? Да допустите ли вы нас, служивших у красных, на службу в своих учреждениях? — говорили они.

Чем их утешить рядовым Марковцам?

В Курске. В семье доктора; все почтенного возраста; рады освобождению; не знают, как благодарить. И в другой культурной же семье, где молодежь была на красной службе в разных учреждениях, беспокойство. Разговор не вяжется. Конечно, говорят о тяжелой жизни, а один из членов семьи передал то, что было сказано бывшим генералом, красным начдивом, стоявшим у них на квартире:

«Все тяжести жизни в наше время вызваны гражданской войной и только по окончании ее жизнь может войти в норму».

Но что же в сущности сказал генерал? Как его поняли эти люди? Он ушел с красными, следовательно...

«Жизнь войдет в норму лишь с победой белых и эта их победа принесет и конец войны», — заявили Марковцы. Семья молчала.

Интеллигенция. Что ей Россия?

Марковская часть расположилась в деревне в районе г. Щигры. Один из ком-ров с помощником на квартире учителя народной школы. Их встретили холодно, но не без радушья. Пока хозяйка ставила самовар и что-то готовила, офицеры вели с учителем трудный разговор: он с ними был не весьма словоохотлив. Бросили взгляд на обстановку: чистая уютно обставленная комната и квартира, на стенах портреты, литографии; этажерка с немалым числом книг; письменный и обеденный столы, стулья, два кресла...

О текущей войне офицеры не подымали разговора, надеясь, что заговорит о ней учитель. Но он молчал. Говорили о местности, о болотистой р. Щигор (Рать), где должна быть отличная охота. Вспомнили о И. С. Тургеневе, который охотился в этих местах. Однако тянуло поговорить о войне, о положении при большевиках, расспросить учителя, который, безусловно, много мог бы рассказать. Начали с вопроса о народном образовании.

— Большевики, вероятно, решительно коснулись школы, провели ломку? — высказал мысль один офицер. Учитель как-то сраду стал энергичным и твердым.

— Да. Реформы! Но школу и тем более народное образование они не ломают, а проводят улучшения. Я не вижу и не ожидаю ничего, что бы грозило народному образованияю.

Офицеры стали задавать ему конкретные вопросы.

— Единственно, что может помешать школьному делу, это — междуусобная война. Вообще, она расстроила жизнь всему народу, — твердо отчеканил он.

Офицеры насторожились и с трудом сдерживались от острых вопросов и своих высказываний. Наконец, один из них сказал:

— Но с войной, ведь, вам-то надо примириться, т. к. один из тех, кто предсказывал «бурю», висит у вас на стене (М. Горький), а другие вели к ней (Чернышевский, Белинский...).

Учитель больше не отвечал. Офицеры стали болтать с его женой. Морально тяжело чувствовали они себя у этого народного учителя.

С артиллеристами произошел такой случай. Их разведчики влетели в село, которое очищали красные. Пули свистели по улицам. Желая выяснить отношение к белым со стороны интеллигенции, они разыграли такую сцену: вбежали в дом, явно не крестьянский, и там встретили священника.

— Батюшка! Украйте нас. Спасите от красных.

И в ответ услышали грозное:

— Уходите, уходите, окаянные! Кровь проливаете, людей озлобляете, жизнь мирную нарушаете.

Ни слова не возразив, разведчики вышли из дома. Им было не до смеха, хотя он и вырвался в первый момент. Жалкое положение интеллигенции: из-за страха перед красными, она гонит от себя и белых. Жаль стало священника, видимо, много пережившего.

Но вот тогда же, проходя по улице села, разведчики встретили крестьянку, сказавшую им:

— Родные. Вы, кажись, белые? У меня в доме два раненых казака. Укрыла я их, когда напали красные. Один из них умирает. Пришлите доктора, может спасет его.

Глубокой благодарностью наполнились сердца разведчиков. Оказывается, что крестьянка не вызывала местного лекаря к раненым потому, что «он большевик».

Бат-н Марковцев за день боя, разбив красных, продвинулся вперед более чем на 15 верст. Была ночь сырая, холодная, когда один крестьянин сообщил, что в следующей деревне, верстах в пяти. скопились большие обозы красных, а части уже ушли. Немедленно был организован налет на эту деревню.

Отправились 12 человек верховых с пулеметом «Люиса», влетели в деревню, но, увы, обоз уже уехал. Было очень досадно. Обратили внимание на большой двухэтажный дом с освещенными окнами. Решили заехать. В дом вошли три человека и увидели в большой комнате много детей. К вошедшим подошли интеллигентного вида женщины и с радостью обратились к ним:

— Товарищи! Вы еще здесь? А мы то беспокоились.

— А вы отчего беспокоились? — спросили их.

— Да как же? Придут белые — пропадем мы все, — твердо заявили женщины.

— А неужели белые такие злые? — добродушно спросили их офицеры.

— Конечно! Они все кровопийцы, какие-то чудовища. Об этом нас предупредили, отчего мы и уходим от них всем приютом.

Офицеры едва сдерживали свой смех, но видя действительное беспокойство воспитательниц приюта и детей, которым передавалось их настроение, они поспешили их утешить:

— Не беспокойтесь до утра.

Воспитательницы тут же предложили своим «защитникам» горячего чая, от которого те не отказались Быстро выпив чай, Марковцы поблагодарили за доброе угощение и, вдруг, заявили: «А мы то, ведь, самые настоящие белые!» — и показали свои черные погоны. Произошла немая сцена из «Ревизора». Она закончилась Марковцами их добрым пожеланием всему приюту возвращаться на свое место.

Хотелось смеяться, но побороло чувство досады и огорчения. Как это могло случиться, что интеллигентные воспитательницы приюта видели в белых зверей, а в красных — и своих и детей защитников.

⁂

Марковцев вела Белая Идея — идея освобождения Родины и устроения жизни так, чтобы всем жилось хорошо. Предыдущий период наступления ставил им вопрос: «За что идет Белая армия?» Теперь на новом рубеже он не ставился. Крестьяне получили освобождение от большевиков, главное, чего они хотели, а интеллигентский озабочен был одним — а что теперь будет с ним? При большевиках люди как-то устроились; ну, а теперь?

Белая Идея — идея свободной жизни в освобожденной стране. Она не фраза, хотя бы и высокого смысла, а побуждение к должным действиям. Носителями ее должны быть все. Но все ли понимают это? Должна быть власть, которая ведет, руководит и карает.

Начальной властью в каждом освобожденном населенном пункте, естественно, являлась власть военная. Народ смотрит на нее, узнает ее первые шаги и судит о новой Власти по поведению воинских частей и их отдельных чинов.

В этом отношении в Ливнах было неблагополучно. Военная власть проявила себя с отрицательной стороны. Поступавшие жалобы на насилия оставались без последствий, виновные не несли наказаний, они покрывались властью.

«Неужели это та святая Добрармия, которая несет мир и покой?!» — было такое восклицание.

Горожане даже послали делегацию ген. Кутепову и тот должен был вызвать к себе для объяснения ком-ра полка.

О бесчинствах в тылу узнавали бойцы на позициях. Они возмущались и даже посылали офицеров в штаб полка, но их под разными предлогами не допускали к ком-ру. Возмущение дошло бы до крайнего накала, если бы не отвлекала боевая обстановка.

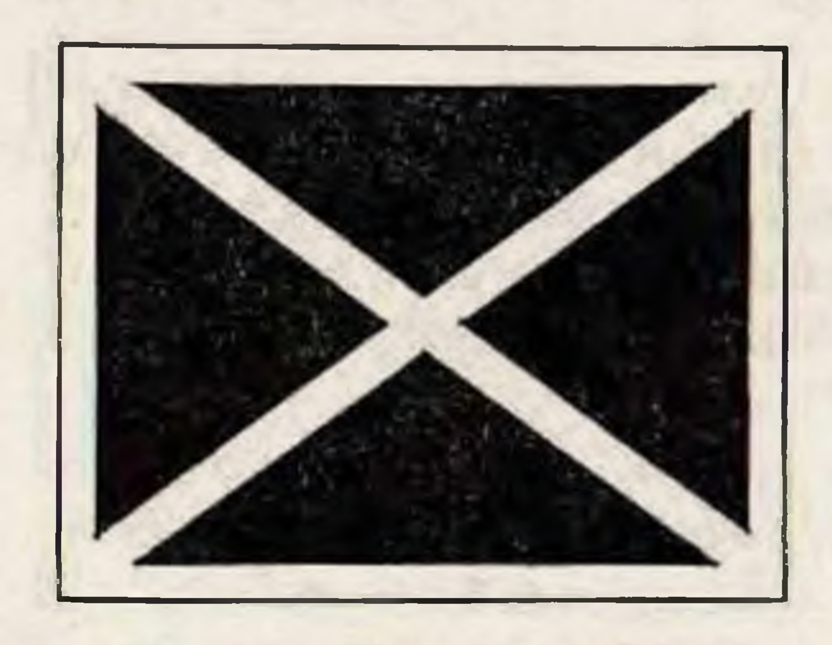
В моральном отношении высоко стоял 2 полк со своими безупречными ком-рами, полк. Морозовым и кап. Образцовым.

Жизнь в духе Белой Идеи не налаживалась.

ТРЕТИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ГЕН. МАРКОВА ПОЛК

Еще в начале июня в Купянске было объявлено о формировании не только 2-го, но и 3-го полка и сказано, что основным кадром 3-го послужит 9-я Офицерская рота, но к формированию не приступали. 9-я рота продолжала участвовать в боях, неся потери. И только 1 сен-

тября, в первый день наступления на Курск, кадр, пополненный чинами других рот, в составе 60—70 офицеров и солдат, выехал в Харьков.

Ком-ром полка назначен полк. Наумов, его помощником — ком-р роты, кап. Урфалов. Форма одежды — Марковская с добавлением к таковой 2-го полка — белого канта к верхнему обрезу рукавов гимнастерки. Полковой флажек — на черном фоне белый Андреевский крест, как и в 1-м полку, но с белой обшивкой по краям.

Полк начал свое формирование, в полном смысле, с азов. Ему не было дано ни одной готовой части, роты ли, пулем. взвода, как это было со 2 полком. Первое пополнение в 400 ч. состояло сплошь из пленных и все они были назначены в 1-й бат-н и 12 сент., когда формирование было перенесено в Курск, полк получил большое пополнение мобилизованными и пленными офицерами и солдатами, что позволило начать формирование 2 и 3 бат-нов и команд.

Со снабжением полка необходимым снаряжением, обозом, лошадьми было еще хуже. В Харькове полковник Наумов напрасно пытался что-либо получить от штаба армии: все было, но отправлялось в другие формирующиеся части и только с переездом в Курск полк начал получать необходимое. Но не хватало лошадей, двуколок, телег. Роты доведены были до 120—130 шт.; в каждом бат-не одна рота была офицерской. Кадр полка непрерывно пополнялся возвращающимися по выздоровлении от ран и болезней Марковцами.

Но формировать полк — не значит только создавать ему известную организацию, снабжать необходимым и даже готовить его части к бою, но и заниматься моральным его становлением: создавать дух, единство боевой доктрины, полное взаимопонимание и взаимное доверие. В этом отношении в полку было большое упущение. Занимались лишь в бат-нах, а общего связующего руководства не было. Все, и то лишь в некоторой степени, решалось личными общениями среднего и младшего ком. состава. Штаб полка был как-то мало чем связанной с полком единицей. В нем шла своя жизнь, отдаленная от готовящегося к боям полка. Один из чинов штаба, поручик, полуинвалид, доброволец-второпоходник, за совершенное им преступление был, по приказанию ген. Кутепова, расстрелян.

Самостоятельно шла жизнь и подготовка в бат-нах, руководимых своими ком-рами. Занятия велись по их усмотрению добросовестно с рассчетом закончить подготовку в кратчайший срок. Обращалось серьезное внимание на становление главного — духа. Проводились беседы особенно с офицерами, почти поголовно из мобилизованных в

Курске и его районе. В одном из бат-нов ком-р на первом же занятии сказал приблизительно следующее:

— Господа офицеры! Мы ведем борьбу с большевиками и не мне объяснять, почему и зачем. Вы лучше меня знаете, что такое большевизм, коммунизм, рабоче-крестьянская власть, «вся власть Советам» и так далее. Вы испытали их! О борьбе могу одно сказать — она должна быть доведена до полной победы.

Нас, как армию, должно прежде всего интересовать, как вести эту борьбу, как достичь победы. Вы знаете, она ведется с конца 1917 года. Вы знали, читали о гибели Корнилова, Маркова, Дроздовского, о смерти Алексеева; читали и о победах красных армий и пр. Но тем не менее, вот, мы здесь, в Курске.

Дело в том, что, как сказал наш шеф, ген. Марков: «И с малыми силами можно делать большие дела», и Добрармия их делала».

Далее ком-р бат-на приводил примеры из истории Марковцев, говорил о понесенных жертвах и о долге, который они, офицеры, теперь призваны и обязаны выполнить.

Затем было предложено задавать вопросы. И по этим вопросам можно было судить, насколько эти «новые» офицеры не могут постичь высоты духа старых добровольцев. Им казалось, что численной силе должна быть противопоставлена такая же или немного уступающая численно сила, чтобы добиться победы.

Закончил беседу ком-р так:

— Господа! От нас требуется решительно победить в себе все колебания и страхи. От офицеров — без всякого снисхождения!»

В конце сентября полк смотрел ген. Кутепов. Внешний вид был блестящий. Но красоты недостаточно для боя: нужны были пулеметы не на двуколах казенного образца, а на любых тачанках, подводах. Совершенно отсутствовала хотя бы маленькая команда ординарцев-разведчиков.

ПЕРВЫЕ БОИ ПОЛКА

На фронте наступление шло успешно и кадр молодого полка уже подумывал об участии в нем: в боях быстро пройдут и обучение и внедрение должного духа и, наконец, пополнение всем необходимым.

Фронт подходил уже к Орлу; на правом фланге дивизии — к Ельцу. Скорей туда, к своим старшим братьям — 1 и 2 полкам! И... неожиданно и срочно грузится 2 бат-н, едет на участок к Корниловцам и выгружается на ст. Становой Колодезь, в 20 верстах не доезжая Орла, где стоял штаб дивизии. На следующий день он выступил в западном направлении. 5 октября высаживается и 3-й бат-н.

Что случилось? Почему полк по-батальонно отправляется на фронт и притом не на присоединение к своим полкам?

Наступление Добр. корпуса не везде шло одинаково успешно. В то

время, когда на правом фланге — 1 и 2 Марковские полки — подошли к Ельцу, левее Алексеевцы пересекли жел. дорогу Елец—Орел, далее влево Корниловцы были у Орла — на левом фланге 3 дивизия значительно отстала. Между Корниловцами и 3 дивизией образовался уступ верст в 20.

Штабу армии было известно, что к западу от Орла, в 60 верстах у г. Карачева, сосредотачивается ударный кулак в составе Латышской дивизии и кав. частей, но тем не менее он не сдерживал наступление Корниловцев, а побуждал их взять поскорее Орел. Корниловцы, уже испытававшие давление слева, продолжали наступление и 1 октября взяли Орел и сразу оказались под ударом не только слева, но и под угрозой обхода. Им в тыл устремились латыши. Из Курска навстречу им высылаются батны 3 Марковского полка.

2 октября 2 бат-н столкнулся с латышами, уже перешедшими на восточный берег Оки южнее Орла. Во встречном бою он не удержался и, с потерей четверти своего состава, до 125 человек, отошел. На следующий день он, отбив латышей, перешел в наступление, но дошел лишь до вчерашнего места боя, где подобрал своих многочисленных убитых. Бат-н вошел в подчинение ком-ру 2 Корниловского полка. Латыши напирали. Положение становилось тяжелым. 5 октября оставлен был Орел.

На фронт вызывается весь 3 Марковский полк.

7 октября 2 бат-на переезжают на ст. Дячье. Полку (два бат-на) дан участок от р. Оки до правого фланга 3 дивизии.

9 октября им, без одного орудия, приказано перейти в наступление в направлении на г. Кромы, во фланг обходящему Корниловцев противнику.

Морозный день. Колонна шла в образцовом порядке, выслав вперед дозоры. Все шли в полном молчании. О чем думали офицеры и солдаты, идущие в первый для них бой с красными? «Старые» Марковцы шли, пытливо присматриваясь к «молодым», волнуясь не за себя, а за них, им еще неизвестных. Они привыкли, что в старых Марковских рядах шли с песнями, шутками, уверенно, смело. Образцовый порядок не был показателем надежности. Видно было, как впереди в версте, как-то не по-«марковски» шли дозоры.

Там началась стрельба. Батальоны под арт. огнем, развернувшись в боевой порядок, перешли в наступление, один — на с. Спасское, другой — на с. Добрыня.

Атака была стремительной и латышский полк их 1-й бригады стал отходить. Выдохлись пулеметчики, таща пулеметы в лямках, и поздно открыли огонь. В обоих бат-нах выбыло из строя 128 человек. Отменно наступала 3 рота; ее довел до штыкового удара ст. у. офицер за выбытием офицеров.

В ротах настроение повысилось. Продолжая преследование, полк остановился, не доходя двух верст до Кром, т. к. у него оказался под ударом левый фланг.

10 октября бат-ны перешли в наступление на хутора, расположенные по обоим берегам р. Кромы — один восточнее города, другой западнее; расстояние между ними превышало три версты. Части хуторов на южном берегу реки были взяты легко, но перейти речку смог лишь левый бат-н. И опять дальнейшее наступление было остановлено. Кромы оставались не занятыми.

Ночью латыши атаковали левый бат-н и принудили его отойти на южный берег. Здесь выказала свою слабость Офиц. рота, но поплатилась лишь потерей подводы с вещами. «Не огорчайтесь! И без вещей можно воевать», — говорили в утешение «старые» Марковцы.

11 октября. Приказ: взять город, причем слева обеспечивать фланг будет Конный полк.

Переправы и город были взяты легко и почти без потерь, но удерживать их на фронте до пяти верст невозможно. К этому выводу пришли оба ком-ра бат-нов, о чем и сообщили в штаб полка, остававшийся в трех верстах к югу. Никакие убеждения, доказательства и просьбы «приехать и убедиться» не подействовали. «Город удерживать!» Была установлена телефонная связь между штабом и батальонами.

Ком-рам бат-нов пришлось самим решить: город не удерживать, но удерживать переправы, однако перед городом держать по две роты в качестве охранения.

Шел мелкий холодный дождь. Наблюдение стало хуже. Почва размякла. Из рот тревожные сообщения в связи с приближавшейся ночью. Крестьянин сообщил о готовящемся ночном наступлении латышей. Из штаба полка приказание: усилить охранение, выслать разведку, полная бдительность и готовность.

— Все уже сделано, — был ответ.

Наступила ночь. На участке 3 бат-на захвачены два пулеметчика и пулемет. Пленные сообщили: наступают части 3 Латышской бригады, а им было приказано выдвинуться с пулеметами насколько возможно вперед. О наступлении латышей сообщили в штаб и оттуда приказание — «немедленно прислать пленных»»

Донесение от ком-ра 11 роты, пор. Семенюшкина: «Латыши наступают. Взято 30 в плен. Роты отходят к переправе».

Внезапно телефонная связь с 1 бат-ном прерывается. Там глухо слышна стрельба и на всем участке взвиваются светящиеся ракеты, тускло видимые сквозь пелену дождя. Неожиданно на переправу 3-го бат-на прискакали подводы, пулеметные двуколки 1-го бат-на с людьми на них. Они сообщили: красные атаковали переправу и взяли ее; куда отходит бат-н, они не знают.

Наконец подходят латыши; пулеметы открыли огонь. Бат-н ухо-

дит за переправу. Разлетевшиеся на мост латыши скошены огнем Офиц. роты.

Ком-р бат-на решает не задерживаться на хуторе у переправы, а отвести бат-н на две версты в Закромский хутор. Сзади Офиц. рота. Настроение у всех нервное. И вдруг, когда латыши заняли хутор и осветили ракетами, роты увидели бегущих на них слева... Они в панике схлынули с дороги. Первой приведена была в порядок Офиц. рота и крутыми мерами. Бегущие оказались не латышами, а чинами 1 бат-на, где-то перешедшими вброд неглубокую и не широкую речку и бежавшими «куда глаза глядят». Латыши не преследовали. 30 человек пленных латышей, конечно, скрылись.

12 октября. Всю ночь и утро собирался 1 бат-н и, наконец, выяснилось, что потерял он не больше 50 человек; 3-й — всего лишь трех ранеными. Потери ничтожны в обстановке, в которую были поставлены бат-ны. Но моральное поражение они испытали огромное.

Из штаба полка проведен телефон в 3-й бат-н. Ком-р полка вызывает к телефону ком-ра бат-на.

— Каково настроение в батальоне?

— Начиная с меня, у всех скверное, — был ответ.

— К вам выезжает батарея.

4-хорудийная, запасная, 3 дивизии. Ее ком-р, полк. Думбадзе сам поехал на разведку местности.

Во второй половине дня, вправо на участке 1 бат-на, латыши перешли в наступление. Полк. Думбадзе это видел и уже установил на позиции свою батарею.

— Ерунда, а не наступление, — сказал он.

Но из штаба полка приказание отходить. Полк. Думбадзе по телефону передал в штаб: а зачем он здесь? И приказание было отменено; 1 бат-н остановил латышей, а подошедший эскадрон Черноморцев атаковал и взял 10 человек в плен без того, чтобы батарея дала хотя бы один выстрел. Вечером батарея была отозвана из полка.

13 октбря. Ночь прошла спокойно; с небольшой перестрелкой прошел и день. А вечером, в связи с общей обстановкой, бат-ны были отведены к ст. Дьячье, оставив перед ней, в д. Зиновьева, 6 рот. Подошедший к этому времени 2 бат-н, бывший с Корниловцами, остановился в с. Караськово. Оба пункта на северной стороне небольшого притока Оки.

14 октября. Холодно. Уже выпал снег. К ст. Дьячье подошел 2 Корниловский полк, который с 3-м Марковским составил отряд под командой пом-ка начальника Корниловской дивизии, полк. Пешня. Отряду дан участок от Оки, вдоль ее притока, до большой дороги из Фатежа на Орел, включительно.

15 октября. С утра латыши перешли в наступление на д. Зиновьева и с. Караськово и заняли их. У Зиновьево бой шел целый

день. Отходить пришлось через речку в аршин глубиною и три шириной, так как мост был под обстрелом. Люди устали, проголодались, вымокли. Ком-р бат-на распорядился, чтобы от каждой роты высылалось по взводу в ближайшие дома. Уже была ночь.

— Вас требует ком-р полка, — доложил ординарец ком-ру бат-на.

Ординарец подвел кап. Павлова к группе.

— Явитесь нач-ку отряда, полк. Пешня, — сказал полк. Наумов и указал на другую, стоявшую в стороне, группу.

Небольшого роста... и это все, что можно было рассмотреть в темноте.

— Доложите о бое! — Голос звучал слабо, но сухо.

Доклад был короткий и сейчас же спокойным, твердым тоном последовало:

— Возьмите деревню обратно. Достаточно ваших четырех рот. Даю на подготовку два часа. О выступлении донесите, — и добавлено:

— В деревне бат-н обсушится, отдохнет и будет сыт. Идите.

Подойдя к полк. Наумову, кап. Павлов не успел сказать слова, как услышал:

— Я не верю в успех атаки!

Круто повернувшись он пошел к бат-ну. Это была единственная встреча за время боев ком-ра бат-на с ком-ром полка.

Подготовка к атаке растянулась на три часа. Она была проведена отчаянным налетом в лоб и обходом деревни, и встречена короткими очередями 2—3 пулеметов и десятком-другим ружейных выстрелов. Деревня была взята. Через час раздались на окраине деревни еще несколько выстрелов. Привели двух быв. офицеров — ком-ра красной батареи и его помощника, но не привели батарею: она, услышав выстрелы, ускакала назад. Бат-ну пришлось ограничиться слабыми трофеями: 3 пулемета, несколько подвод и десяток пленных. Но были и иные: десятки пар обуви, снаряжение и в каждом доме готовый ужин. Всю ночь по деревне выбегали и скрывались в темноте одиночные люди. Пленные говорили, что на деревню наступал бат-н латышей и учебная рота, всего до 700 человек. Потери батальона при обороне — до 30 человек, а в атаке — всего лишь два, причем один из них был ранен штыком в схватке на улице своим же.

С 16 по 21 октября шли непрерывные бои на всем фронте отряда. Наступали латыши, наступал и отряд. Участок удерживался и создавалось впечатление, что латыши выдыхались.

Но что удивляло Марковцев — их бат-ны действовали вразбивку и входили в подчинение Корниловским нач-кам, а не своему ком-ру полка.

Почему? Что случилось?

Узнали не сразу. Оказалось, ком-р полка отстранен нач-ком отряда от командования и вместо него назначен Корниловец, пор. Левитов;

более того, бат-ны Корниловцев и Марковцев перемешаны, якобы ввиду небоеспособности 3 полка; оказались сводными даже два бат-на, состоящие из двух рот Марковцев и двух Корниловцев.

На такую комбинацию кап. Павлов ответил:

«При таком составе бат-на я не могу быть в нем уверен!» И оказался прав: при выполнении одного ночного задания, две роты Корниловцев оставили бат-н.

22 октября 3-й ген. Маркова полк отводится в резерв в Курск. Было многое, чем радоваться.

Много самых разнообразных впечатлений осталось у чинов полка после трехнедельных первых испытаний. Дожди, сырость, слякоть, а потом снег и мороз... ночные и дневные бои; бессонные тревожные ночи, моменты крайней паники и радость удач... смелый и дерзкий враг — латыши, но и некоторое ощущение своей силы... Однако, как знать, что думают и как переживают «молодые» Марковцы — все это и, в особенности отход и оставление Орла?

«Старые» отнеслись ко всему, как к неизбежным на войне явлениям. Оставление Орла? Местный тактический неуспех, который может быть исправлен и думали, будет исправлен. Но их беспокоило и волновало иное: упущения, недочеты и большие недостатки в руководстве действиями их полка, вскрыть и устранить которые нужно немедленно.

В первые дни эта задача была отвлечена подсчетом понесенных потерь и приемом пополнения. Потери огромны — до 500 человек. Треть полка. Потеряно 2 пулемета, но взято больше. Полученное пополнение в 400 человек позволило довести роты до 80 шт. Начались занятия, но опять без какого бы то ни было участия штаба полка. Если его участие и не важно в подготовке рот, то оно крайне необходимо в подготовке руководством в бою. Грубые недостатки в минувших боях были совершенно очевидны и, тем не менее, их не пытались объяснить и даже попытаться устранить. Вопросы ставились, но штабом они отводились. Прошедший опыт умышленно не учитывался. В результате между штабом и ком-рами бат-нов не было ни взаимопонимания, ни доверия. Не было и должной связи, за исключением формальной. С тревогой смотрели вперед начальники, несущие на себе ответственность.

ДИВИЗИЯ ГЕН. МАРКОВА

Первая дивизия Добр. корпуса после взятия Курска включала в себе уже три Корниловских, два Марковских, один Алексеевский и конный Черноморский полк; формировались 3-й Марковский и 2-й Алексеевский. Она уже действовала по двум отдаленных друг от друга

направлениям — через Орел и через Елец. Настало время раздела ее, как было решено раньше, на две дивизии — Корниловскую и Марковскую и раздел был проведен со взятием Орла.

Ген. Тимановскому было предложено принять Корниловскую, как более сильную (3 полка четырехбатальонного состава и большой численности). Он отказался, т. к. не хотел уходить от Марковцев. Но ему не пришлось принять и Марковскую дивизию: два полка стояли под Ельцом, а 3-й на Орловском направлении. Он назначается временно нач-ком обороны Курска и получает в свое распоряжение 3 Марковский полк, отведенный в резерв.

Однако обстановка последующих дней не только не позволила соединить 3 полк с 1 и 2-м, но и потребовала вывода на фронт отдельно от них. Дивизия не могла собраться воедино и ген. Тимановский оказался без своих частей и без дела. Его желание принять командование над 1-м, 2-м и Алексеевским полками удовлетворено не было: ими, как отрядом, уже с середины сентября, успешно командовал ген. Третьяков. Ген. Тимановский грузит в свой поезд раненых и больных Марковцев, лежащих в Курске, едет в Белгород и там ждет.

Дивизии не скоро удалось собраться, хотя все ее составные части и были готовы: три полка, инжен. рота, артил. бригада и даже была санитарная летучка имени ген. Маркова. Она могла быть веской силой, но по ряду причин от нее независящих, собраться и стать ею не могла. Не могла она присоединить к себе и одну батарею, остававшуюся с Корниловцами.

О ней нужно рассказать особо. При наступлении на Курск она, в составе двух орудий была придана Корниловцам. Ее разведчики захватили одно орудие и поставили в строй. В Курске она получила 4-е орудие. При наступлении в Орловском направлении опять атакой разведчиков взяли два орудия и тоже поставили в строй, став 6-тиорудийной. При дальнейшем наступлении с Корниловцами она своим огнем разметала красных и в результате боя был взят в плен штаб 55-й стр. дивизии во главе с нач-ком, бывшим ген. Станкевичем, братом ген. Станкевича, нач-ка 1 дивизии в Донбассе, умершего от тифа. Подбила бронепоезд красных. Затем, однажды, по инициативе ком-ра батареи, полк. Изенбека, разведчиками батареи и Корниловскими был проведен налет и захвачена 4-хорудийная батарея не только в полной упряжке, но и с полным составом чинов. Батарея стала 10-тиорудийной, однако через несколько дней передав два орудия в Корниловскую артиллерийскую бригаду.

Успешное действие батареи обязано и Корниловским частям и ее собственному составу. Среди Марковцев батарея называлась «детским садом», потому что состояла исключительно из молодежи, частично из той юнкерской, которая прибыла в Добрармию в конце 1917 г. в Новочеркасск, потом произведенной в офицеры. Молодежь была в этой

запасной батарее для усовершенствования и расширения знаний, приобретения навыков в стрельбе. Насколько она усвоила необходимые для офицера артиллериста знания, например, «построение веера», неизвестно, но в бою «детский сад» показал себя отлично.

Орудие зап. батареи на позиции

БОИ ЗА ЕЛЕЦ

До Марковцев не доходили сведения о положении на других фронтах и даже на отдельных участках дивизии. Оставление Орла и корпусом ген. Шкуро — Воронежа им известно не было. Они знали лишь об усилении красных у Ельца и считали, если наступление их неизбежно, то лучше предупредить его контр-наступлением. Кроме того, недалек город и он тянет к себе.

И действительно, после 4-дневного затишья, 5 октября 2 полк переходит в наступление и 8 октябяя, после тяжелого боя (на одном из участков с отрядом матросов в 600 человек), отбрасывают красных на северный берег Сосны, правым своим флангом заняв ст. Талица—Елецкая на линии Грязи—Елец. Полк растянулся вдоль реки, имея вправо и в тылу по р. Дон слабые кавал. части Землянского отряда, а влево разрыв до сл. Чернава в 10 верст, никем не занятый.

В эти же дни у 1 полка...

5 октября ген. Третьяков собирает старших начальников и объявляет им о наступлении с целью разбить сосредотачивающихся перед полком красных и затем совместно со 2 полком взять Елец. Объясняет план операции и назначает ее начало на следующий день, 6 октября. Но еще не закончилось собрание, как поступает сообщение:

красные взяли сл. Чернава. Наступление откладывается на день с тем, чтобы бат-н Алексеевцев с поддержкой 1 бат-на Марковцев восстановил положение.

6 октября Чернава взята и с наступлением ночи 1 полк стал занимать исходные для наступления положения под начавшимся дождем. 1-й бат-н и бат-н Алексеевцев сосредоточились у Чернавы, 2 бат-н шел 12 верст из Преображенского в Рахманино к 3-му бат-ну. Частям выдается провизия на целый день; транспорт с огнеприпасами из Ливен растянулся и несколько подвод безнадежно застряли. Дождь испортил дороги, хотя и перестал лить.

Задача: от Чернавы двум бат-нам, при двух орудиях при каждом, разбить противника и занять села Афанасьевка и Хмелевое; двум другим с 6-ю орудиями от с. Рахманино выдвинуться на север к жел. дороге, затем свернув на восток, прийти в Афанасьевку, которая к тому времени должна быть взята бат-ном Алексеевцев. Этим бат-ном предстоял рейд по расположению красных не менее 35 верст. Ком-да пеш. разведчиков переходит в Чернаву в резерв, а комендантская рота с конной сотней обеспечивает 30-тиверстный фронт, до сего занимаемый тремя батальонами.

7 октября приступили к выполнению задачи. 2 и 3 бат-ны, под под командой полк. Блейша, рассеивают охранение противника и вклиниваются в его расположение. Влево, в трех верстах в д. Лески, взят целиком бат-н в 300 шт. Донесения разведчиков серьезны: впереди с. Троицкое занято большими силами; со ст. Рассошная проехали к Ельцу два пустых состава, а от нее отправились к деревням по ту сторону жел. дороги две колонны; по словам крестьянина — на ст. Шатилово красные выгрузились из двух составов и ушли в направлении Чернавы.

Чтобы не ввязываться в серьезный бой у с. Троицкое, бат-ны сворачивают на восток. Они идут по тылу противника, встречая слабое сопротивление. Но с. Черник им пришлось брать с боем. Взяты сотни в плен, которых отправили на юг с подъехавшими с линии р. Чернавка разъездами конной сотни.

Не задерживаясь в селе, пройдя версты 3—4, бат-ны вдруг остановились, а две роты пошли назад. Оказалось, красные отхватили отставшие подводы со снарядами и их прикрытие. Но возвращение рот было неожиданным для красных; снова было взято 300 пленных, 6 пулеметов, 20 повозок и 3 походных кухни с готовым обедом и освобождены свои подводы. Роты позволили себе короткий отдых. Потом их спрашивали, зачем они ходили назад? Отвечали: «чтобы пообедать».

Бат-ны, не ожидая возвращения рот, пошли дальше и встретили сильное сопротивление у д. Бараново, но и здесь красные были сбиты: большая их часть стала отходить на юг, меньшая — к сев.-востоку на Афанасьевку, находящуюся всего в 10 верстах. Наступал вечер. Силы измотаны. Скорей к цели. Но в том направлении, куда отступила боль-

шая часть красных, слышна орудийная стрельба. Нужно итти на выстрелы.

Бат-ны выходят на большую дорогу из Чернавы на Елец. Полная тишина. Ночь. Связываются с Алексеевцами, стоящими южнее. Связываются с ген. Третьяковым. Приказано занять Афанасьевку. Дошли, не встретив противника, а через короткое время в село входила и колонна красных. Не потеряв еще инерции движения, Марковцы в темноте смяли эту колонну, захватив еще до 300 пленных и несколько пулеметов. И только теперь настал час отдыха после 17 часов похода с боем.

Полк выполнил задачу, хотя и не вполне по плану. Бат-н Алексеевцев, занявший днем с. Афанасьевка, атакованный пехотой и кавалерией, вынужден был отойти к Чернаве в очень тяжелых условиях, едва не потеряв два орудия, ком-р которых, пор. Плотников, спасая их, был убит.

Марковцы понесли небольшие потери — до 150 чел.; серьезны они были у Алексеевцев. Обидные потери понесли артиллеристы: нагонявшие свою батарею кап. Князев и пор. Грачев с несколькими солдатами, за исключением одного, успевшего перескочить плетень, были зарублены наскочившей красной кавалерей. Ночью убитые были привезены в Чернаву спасшимся солдатом.

Казалось, красным нанесено серьезное поражении: одними пленными они потеряли свыше 1.000 чел. из частей 3 и 42 стр. див., много пулеметов. Казалось, теперь будет занят и Елец. И 1 полку дается приказ атаковать город; с востока на него будет наступать 2 полк. Бат-н Алексеевцев, заняв с. Черник, будет обеспечивать наступление слева; два взвода команды разведчиков — обеспечивать тыл бат-нов у с. Афанасьевка.

⁂

8 октября. Выпал туман. Подъем до рассвета. 1 бат-н наступает из с. Хмелевое. На его пути глубокий овраг с речкой Варголь, за которой позиция красных. С большими усилиями овраг перейден. Красные атакуют справа из леска; атака отбита, лес занят. К востоку, может быть, верстах в пяти слышен сильный бой — там наступает 2 полк. Бат-н приближается к самому городу. До него две—три версты. По бат-ну бьют тяжелые и легкие батареи. Отбивается сильная контратака. Бат-н окраине, но справа угрожают красные, а влево нет связи с 3 бат-ном. Время идет...

3 бат-н выступил из Афанасьевки по дороге южнее железной; сбивает красных с позиций по речке Варголь. Город близко, но доносят: в тылу красные. Он поворачивает назад и во встречном бою наталкивается на крайне упорное сопротивление. Встречные контрудары. Взяты в плен матросы Балтийского флота из отряда в 500—600 штыков. Сбить не удается, тем более, что красные на фланге и пули летят в тыл со стороны Ельца. Наступила ночь. При таком положении

остается одно — отходить в единственном свободном направлении, к югу. 1 бат-н, не дождавшись у города 3-го, с наступлением ночи тоже стал отходить.

Наступление 2 бат-на. Ему дана задача: по большой дороге из Чернавы на Елец обойти город с сев.-запада, чем содействовать 1 и 3 бат-нам во взятии города. Задача рискованная: он углубится в расположение противника и при атаке города будет иметь его в тылу. Бат-ну придается 4-хорудийная 1-я батарея.

В тумане бат-н сбивает заставу противника на жел.-дорожном переезде у ст. Казаки. Идет дальше. Туман быстро исчезает и под лучами восходящего солнца открывается четкая панорама: хутора, волнистый рельеф, вправо виден Елец и всюду цепи противника, высыпавшие из хуторов и спешившие собраться у дороги. Но быстрое движение бат-на мешает им. У с. Казаки красные оказали первое сопротивление, были сбиты и отошли на север. А дорога уже круто свернула на восток, затем на юго-восток, на город. Оставив роту в с. Казаки, бат-н шел дальше.

В сиянии яркого осеннего солнца перед бат-ном представилась картина: Елец, ж. д. станция, мечущиеся по ней, тревожно гудящие паровозы, уходящие на север составы, скачущие по полям подводы... Огонь батареи прекратил движение поездов. Цель близка. Путь бат-ну открыт. Но... прискакал ординарец с донесением: красные большими силами наступают на с. Казаки. Туда поскакала батарея. Остановить красных не удалось: село ими взято и дорога, по которой шел бат-н перерезана. Продолжать наступление на Елец, имея в тылу противника? Но кого можно встретить в городе? Связи с другими бат-нами нет и бат-н начинает отходить, стремясь выйти на большу юдорогу. Он идет, сдерживая красных справа; его обоз и батареи по полевым дорожкам и прямо по полю. Переход через овражистое русло р. Варголь. Выдержит ли мостик тяжелые орудия? Красные напирают. Потери растут; все подводы и даже пулеметные тачанки наполнены ранеными. Бат-н отбился и вышел на большую дорогу. Пройдено 8 верст, когда казалось — «конец».

Справа идет колонна кавалерии красных, но что впереди? Видно полотно жел. дороги, видна на нем цепь. Чья? Вперед скачут ординарцы и... их встречают огнем. Но, может быть «своя своих не познаша»? Цепь встает и идет навстречу бат-ну, огромная, густая. Две головные роты бат-на рассыпаются в цепь, другие — в арьергарде, за которым следует противник. А батарея? Она становится на позицию и открывает огонь бизантными гранатами. 4 орудия по 12 снарядов на орудие — 48 гранат в течении 1—2 минут. Роты двинулись вперед. А на полотне другая цепь и снова огонь батареи по узкому месту, чтобы пробить брешь. Красные разметаны. Роты на полотне жел. дороги повернули свой фронт одна в одну сторону, другая в другую, прикрыв дорогу, по которой на рысях скакали подводы, батарея... под

обстрелом с двух сторон. Раненые и убитые среди раненых; батарея теряет 6 лошадей, два человека убиты и 4 ранены. Переехав полотно, батарея снова открывает огонь. Бой прекращается уже ночью, когда отошли все роты.

До с. Афанасьевка оставалось 3—4 версты. Но кто в нем? Посланные верховые сообщили: подходит чья-то колонна с запада. Бат-н обходит село с востока. Сзади начался бой; вероятно красные столкнулись друг с другом. В полночь бат-н остановился в д. Короткая, войдя, наконец, в связь с полком.

⁂

Ход событий минувшего дня стал ясен. Когда с утра бат-ны полка перешли в наступление на город, резервы красных, стоявшие западнее, также перешли в наступление. Они у с. Черник потеснили бат-н Алексеевцев, а у с. Афанасьевки обрушились на два взвода команды разведчиков, которые с потерей 60 человек из ста отошли к югу. Красные оставив часть сил у села, потом встретивших отходивший 2 бат-н, отрядом матросов следовали за 3 бат-ном и ударили ему в тыл.

Два дня боя и проделанные 60 верст изморили полк. Потери его доходили до 400 человек.

9 октября красные стремились развить свой успех. На с. Хмелевое наступали матросы, но не взяв его, направились к Ельцу. К концу дня все бат-ны полка отошли почти к самой слободе Чернава.

10 октября снова наступали красные. Их отбрасывали контратаками на версты.

В эти дни ночами выпадал густой туман, державшийся долгие часы. Отчасти из-за него не замечались движения частей противника, но, главным образом, потому, что при полку не было его конной сотни, оставленной для наблюдения 30-тиверстного участка к западу. Полная неудача атаки Ельца объяснялась этим.

Но на Елец наступал и 2-й полк. Положение у него сложилось такое: он был в 20 верстах восточнее 1-го и должен держать 2 роты в обеспечение своего правого фланга на ст. Талица и две роты в обеспечение левого. Наступать он мог лишь 9-ю ротами — силами слабыми.

8-го числа, когда 1 полк наступал на город, 2-й отбросил перешедших в наступление красных с южного берега р. Сосна и подошел к городу на 4—5 верст.

9 октября, когда 1 полк отбивался от красных, уже отойдя от города, 2-й с боем перешел р. Сосна. Левый его фланг южнее города встретил упорное сопротивление матросов; центр подошел к городу, но оказавшись под ударом слева, остановился; правый фланг серьезного сопротивления не встретил. Но туман. Части полка растянулись веером; связь затруднительна.

Пулеметный взвод подпрап. Сербинова, которому дана задача обеспечивать правый фланг, подъезжает к группе домов. Из дома выходит красноармеец и спрашивает: «Какого полка?» Ему отвечают: «Второго». «Ничего не понимаю! Все бегут. Говорят, белые вышли в тыл», — говорит он и идет в дом, а за ним Сербинов с двумя своими. В комнате несколько человек. Выходивший из дома берет телефонную трубку, кому-то докладывает о положении, а затем, выслушав что-то и обернувшись, сказал: «Приказано сдерживать белых! На помощь приходит 61-я дивизия». Только теперь пулеметчики заявили, кто они и, забрав телефон и пленных, вернулись в расположение своих частей.

Туман исчезал и по мере того, как увеличивалась видимость, усиливалась пулеметная, ружейная и артиллерийская стрельба. Все яснее становилась угроза левому флангу полка со стороны матросов. Совершать перегруппировку рот нет возможности. Приказано: держаться до вечера и отойти за реку, удерживая за собой переправы.

10 октября, усилив свой левый фланг, полк снова перешел в наступление. На левом фланге под ударом «в штыки», матросы стали отходить и остановились на подготовленной и занятой их резервами позиции. (Подошел их отряд, бывший против 1 полка). Центр полка опять у города, который защищают 2—3 коммунистических полка; им взята товарная станция, но наталкивается на баррикады. На правом фланге, где теперь было меньше сил, цепи полка внезапно встретились с наступающей массой красных (бр-да 42 стр. див.), которая с «ура» двинулась вперед, но залегла под огнем.

Туман рассеивался. Гремели тяжелые и легкие батареи красных. Марковцы ожидают атаку противника. И, редкое явление, снимают свои пулеметы с тачанок и ставят на землю.

В наступление перешли матросы. Их теперь едва ли не 1.000 шт. Идут планомерно, перебежками с охватом левого фланга. Марковцы стали отбегать. Подлетевший на поддержку пулемет на тачанке замолк: 2 пулеметчика убито, перебиты и лошади.

Приказ — отходить за реку. Матросы на плечах полка перешли реку. Со ст. Талица снимаются 2 роты на поддержку.

11—12—13 октября. Выпал первый снег; туман. Красные стремятся развить успех. Тяжелые бои у д.д. Пушкарное, Козинка и с. Голубовка. Отчаянно отбиваются Марковцы; бросаются в контратаки. Не выдерживают против матросов, грозные цепи которых шли с диким ревом, но быстро собираются, контр-атакуют и не выдерживают уже матросы, бегут, ища спасения за рекой. В полку большие потери. Ранены — ком-р полка, полк. Морозов, полковник Кудревич. В командование полком вступает кап. Образцов. В это время подходит к полку в составе 150 офицеров сормировавшаяся 1 Офиц. рота.

Положение для полка создавалось угрожающим: красные уже в тылу, на пути к Касторной. Ночами полк по-батальонно отводится в сл. Чернава, не к югу, а к западу.

А у Чернавы в эти дни, с утра в тумане, непрерывные стычки трех бат-нов 1 полка и бат-на Алексеевцев с наступающими красными, которых всегда к концу дня отбрасывали. 1-й бат-н полка, получивший задачу провести рейд по ближайшему тылу противника, из-за густого тумана не выполнил приказания. Кап. Попов получил повторное приказание. Под утро бат-н с двумя орудиями скрывается в тумане, рассеивает охранение противника и его части в хуторах. В д. Бараново он разметывает строящиеся части противника, берет пленных, часть обоза, в полном составе оркестр музыки, флаг кавал. бригады. Бат-ну дается короткий отдых. Играет захваченный оркестр. Часа через два бат-н выступает дальше, отправив трофеи и пленных в Чернаву. Он сворачивает направо, идет на Афанасьевку. Мелкие стычки, более серьезные — с кавалерией. Только во второй половине дня несколько рассеялся туман. Из Афанасьевки красные бежали. Бат-н в тылу у красных, почти в 10 верстах от их передовой линии.

Наступает ночь и снова находит туман. Бат-н расположен тесно: он сам весь в охранении на все четыре стороны. Всю ночь на него нарывались всадники, группы красных. Их запирали в сараи; их сотни. Говорят, их части разбегаются. А утром, в тумане, бат-н тронулся назад приблизительно той же дорогой. Ему на этот раз пришлось столкнуться с развернувшейся в бою пехотой. Взятых в плен он оставил в сараях. Бат-н благополучно присоединился к полку.

О моральном состоянии частей советской 42 стр. дивизии дал интересные показания один из взятых в плен краскомов.

Под Ельцом дивизия была укомплектована до полного состава и готовилась к переходу в наступление. Комиссары и краскомы в ежедневных беседах с красноармейцами убеждали их в скорой и неизбежной победе над белыми и близком конце войны. Один из доводов — малочисленность белых, несущих большие потери, восполнить которые они не могут, т. к. никто не хочет служить в Белой армии, в то время как силы Красной непрерывно растут. Настроение красных, казалось, становилось бодрее. Но стоило только «чернопогонникам» начать наступление, как моментально пропадала бодрость и охватывала паника. Белые, казалось были всюду. Роты и бат-ны быстро рассеивались или сдавались. Пополнение прибывало непрерывно, но и оно заражалось страхом. Начальство принуждено было принимать суровые меры и включать в полки свежие бат-ны из тыла взамен рассеявшихся.

Если начальству удавалось заставить свои части драться, то эти части несли всегда огромные потери. Быть раненым для красноармейца — желанный выход из бессмысленной для него войны. Сам пленный краском признавался, что воевал поневоле, чувствовал свою беспомощ-

ность, т. к. дерзкие по смелости действия «чернопогонников» парализовал его ум и волю.

Ну, а Марковцы? Они держались, несмотря на неделю отчаянных боев, несмотря на значительно уменьшившуюся численность, несмотря на сокращение часов, когда могли отдохнуть. Прошло теплое и сухое время, когда в боях и в охранении можно полежать на земле. Теперь на нее, мокрую и холодную, не ляжешь. Плохо стало и с подвозом пищи — части всегда в движении. Сутками до них не могли добраться кухни с хлебом, а когда добирались, бойцы были рады и месиву в кухне, и черствому, промокшему хлебу. Как отлично не были расположены к белым крестьяне, но что они могли дать?

Моральное состояние? Оно уже не было прежним. О наступлении на Москву не говорили и не думали. Но настроение было крепко на том градусе, который требовался, чтобы сдерживать противника, не считаясь с его и своими силами.

ОПЯТЬ ОБОРОНА ЛИВЕН

Бои не прерывались ни на один день.

12 октября красные повели наступление на Ливны, на левый фланг 1 полка, где стояла лишь комендантская рота в 250 штыков и отчасти конная сотня. Наступление велось большими силами, но вяло: сдерживал туман и, очевидно, угроза удара во фланг со стороны Алексеевцев.

13 октября к коменд. роте спешила на помощь ком-да разведчиков и прискакал полк. Блейш. Он сказал: «Дальше ни шагу!» и сам вступил в руководство боем.

В этот день все бат-ны полка вели бои у Чернавы и только ночью был снят 2 бат-н, получивший приказание срочно итти вдоль р. Чернавки, для удара в левый фланг и тыл наступающему на Ливны противнику.

1 октября. Перед рассветом бат-н проходит с.с. Пречистинское и Гниловоды и у с. Преображенское встречается с колонной красных, отбрасывает ее на север за речку, но тотчас же вынужден вступить в бой с другой колонной, занявшей пройденные им Гниловоды.

Положение на фронте полка грозное. Отбив на рассвете атаку красных перед Чернавой, 1 бат-н, по вызову, спешит теперь выполнить задачу 2-го. Но и он встречает третью колонну противника у Пречистенского и с боем занимает село.

15 октября на рассвете, когда красные начали наступление, он, не принимая боя, выступил под арт. обстрелом для выполнения поставленной ему задачи и под огнем проходит у с. Гниловоды, где вел бой 2 бат-н. После полудня он пришел к д. Прилепы. Ему слышен бой

в сторону Ливен; обстановка совершенно неизвестна. Но наступающие на город красные уже знают об угрозе их тылу и начинают отходить, принимают в сторону, теряют порядок, бегут. Их преследуют коменд. рота, ком-да разведчиков, конная сотня и частично 1 бат-н, начавший только разбираться в обстановке. До 600 чел. из бригады 3 стр. дивизии было взято в плен.

За три дня боя коменд. рота, под командой кап. Шваченко и руководством полк. Блейша, отошла на 12—15 верст, оказывая упорное сопротивление. Из 250 шт. она потеряла 117.

Оставшийся один у Гниловод 2 бат-н с трудом отбивался, будучи охваченным кавалерией. Его выручил 3 бат-н, подошедший от Чернавы. Но оба они вынуждены были отходить под давлением трех колонн противника: 2-й — в Козмодемьяновское, 3-й — в Хмелевое. Преследование 3 бат-на пехотой и кавалерией велось без перерыва; ночью он был окружен и атакован в деревне. Его выручил 2 бат-н. Едва 100 шт. перешли с ним в Козьмодемьяновское.

Фронт Марковцев прорван.

⁂

Бат-ны 1 полка уходили из Чернавы, когда туда стягивался 2 полк.

14 октября в слободу пришел головной бат-н и сразу же занял позицию на северной окраине. Бат-н Алексеевцев немедленно ушел на юг для обеспечения тыла: красные наступали на юг вдоль восточного берега р. Олым.

Теперь снова фронт отряда ген. Третьякова шел от ст. Касторная, на которой стояла Марковская инжен. рота с двумя орудиями, на север вдоль р. Олым до сл. Чернава, откуда сворачивал на запад до пересечения жел. дороги от Ливен на Верховье. Фронт протяжением до 100 верст.

Сл. Чернава делилась р. Сосной на две части — восточную и западную; западная — притоком Сосны, Чернавкой — на северную и южную. Позицию бат-на 2 полка пересекала Чернавка.

15 октября красные перешли из леса в наступление на правый фланг бат-на. На ровном голом поле они, понеся большие потери, отхлынули назад. Усилив арт. огонь, атаковали снова; пехота залегла, но из леса вынеслась лава кавалерии. Она достигла окраины слободы; за нею ринулась пехота. Стоявшая на правом фланге Офиц. рота оказалась отрезанной от моста. Часть ее пробилась, часть успела перейти топкую речку, но 50 офицеров были частью убиты, частью пропали без вести.

Контр-атакой, проведенной вброд через речку, положение было восстановкено. Бат-н потерял до 125 человек.

16 октября ожидалось снова наступление на бат-н с охватом левого фланга, но его не было: красным пришлось бы итти по телам своих раненых и убитых, продолжавших лежать на поле.

Они пошли с востока на два бат-на, отошедших к слободе после ряда столкновений с противником, пытавшимся преградить им путь отхода. Красные ворвались в слободу, ее восточную часть, но им удалось захватить только часть ее и несколько рот оттеснить к югу верст на 5—6 к переправе у д. Бутырки, которую роты удержали за собой.

17 октября, сверх ожиданий, противник оставался пассивен. «Затишье перед бурей», — и ожидаемая буря сжимала сердца. С рвением поспешно все чистили винтовки, пулеметы, орудия, подковывали лошадей.

Крестьяне говорили: красные обходят слободу с запада. Вывод: 1 полк отошел. Очень тревожно. И только вечером приказание: с наступлением ночи полк оставляет слободу и в двое суток должен перейти на ст. Касторная. 60 верст!

Приказание потрясло всех. Что это? Отступление? Мысль отказывалась верить...

ОТХОД

Положение Добр. корпуса было критическим. Красное командование поставило задачей разгромить его, захватив в клещи с запада ударной группой, с востока конным корпусом Буденного. Наступление последнего шло весьма успешно. Ген. Шкуро отступал перед подавляющими силами красн. конницы. От него была взята Терская дивизия, отправленная на подавление разрастающегося в тылу восстания Махно. Буденный подходил к ст. Касторная, находящейся более чем в 50 верстах к югу от правого фланга Марковцев. Эта угроза заставила ген. Третьякова быстро отвести туда 2 полк.

В ночь на 18 октября 2 полк, потерявший в боях у Ельца и Чернавы до 500 чел., шел двумя колоннами: батальонами вдоль реки Олым, а артиллерия с обозами несколько западнее. На восточном берегу реки были красные. Бат-н Алексеевцев, стоявший в обеспечении тыла, ушел на присоединение к своему полку.

Скверная погода, тяжелые дороги, многочисленные овраги тормозили движение. В орудия и подводы приходилось «впрягаться» людям. И только к концу третьего дня на станцию пришел один бат-н и на четвертый — весь полк. Инжен. рота и орудия при ней уже обстреливали приближавшиеся с севера разъезды кав. частей противника.

Красные активны на всем фронте отряда. Приказано: 2-му полку удерживать район ст. Касторная во что бы то ни стало; 1 полку сдерживать противника на фронте от д. Веселая на р. Олым до с. Козьмодемьянское, выслав один бат-н в с. Никольское на р. Олым, в 20 верстах к северу от Касторной; Алексеевскому полку — удерживать район Ливен. Полосы отхода: 1 полка — между р. Олым и р. Кшенева; Алексеевцам — между р. Кшенева и р. Тим, по обе стороны жел. дороги Мрамыжи—Ливны.

17 октября. 1 бат-н 1 полка, после крупного успеха к северу от Ливен, был поражен неожиданным для него приказанием итти в с. Никольское, куда он пришел на четвертый день и через которое только что прошел 2 полк; 2 бат-н полка выступил вправо для занятия участка от д. Веселая до р. Сосны; 3 бат-н с командами оставался в с. Козьмодемьянское.

2 бат-н, выступив, скоро столкнулся с колонной красной пехоты, идущей на юг. Он ее разметал и тут же узнал, что другая колонна уже прошла.. Бат-н последовал за ней и у д. Липовчик разметал и ее. Переночевав, он тронулся к д. Веселая, которая оказалась уже занятой противником. Две роты повели наступление и скоро отбросили красных за Олым. Но в это время в тылу бат-на разворачивалась еще одна колонна кр. пехоты, пришедшая с севера. Завязался настолько серьезный бой, что пришлось вызвать из Веселой на помощь ведущим бой двум ротам — сначала одну роту, затем и другую. Красные, отошедшие за реку, снова занимают деревню.

Только благодаря исключительной поддержки славной 1-й батареи, красные оттеснены и бат-н мог пройти к д. Липовчик. Но там уже красные. Не рискуя атаковать ее, когда за ним вплотную следует противник, бат-н поворачивает на юг в с. Круглое, куда приходит ночью. Но и здесь отдохнуть после 30-тиверстного перехода не удалось: красные перешли Олым южнее д. Веселая и были вблизи от него. Видя, что теперь задачу, данную бат-ну, не выполнить, ком-р бат-на, кап. Марченко, отводит его к западу в д. Парные Колодцы, ближе к 3 бат-ну, с которым, как и со штабом полка, он давно уже потерял связь.

19 октября прошло спокойно и бат-н немного отдохнул.

20 октября красные взяли Ливны. Алексеевцы и 3 бат-н отошли к югу. Фронт отряда значительно выровнялся и сократился. 2 бат-ну приказано взять Круглое, в котором он был позавчера.

В селе красных не оказалось, но не успели выставить охранение, как новое приказание: выбить противника из Парных Колодцев, которое он только что оставил. Едва бат-н собрался выступать, как противник повел энергичное наступление. Пришлось отбивать его в течении долгих часов и уже экономить снаряды. Тем не менее красные взять села не смогли. Наступила ночь. Что делать бат-ну? Выполнять с многочасовым опозданием приказание? Связь со штабом полка порвалась.

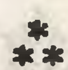
Противних с трех сторон. Кап. Марченко решает отвести бат-н к югу в д. Трубицыно.

Как будто в ней никого. Батарея, обоз и раненые подходят к деревне. И вдруг налетает лава. Батарейные пулеметы открыли огонь; подбежала рота. Красные скрылись в темноте, успев, однако, зарубить трех человек. Деревня в яме, оставаться в ней нельзя. И как раз приказание: бат-ну перейти в с. Навесное, где его ждет транспорт со снарядами. Прийдя туда, бат-н чувствовал себя очень тревожно. А с утра, 21 октября, в течение всего дня, отбивал красных с двух сторон.

Наступила ночь. Охранение на три стороны. Уже за полночь. И вдруг красные атаковали. Сопротивления им почти не было. В полном беспорядке, рассыпавшись, перемешавшись, Марковцы выскакивали из села. Батарея вылетела через дворы. Переехав ложбину, она дала несколько выстрелов и явилась центром, куда стали собираться все. Бат-н отошел на три версты к западу. Не оказалось целиком 5 роты. Она отрезана, ее нужно спасти и вр. ком-щий бат-ном, кап. Алабовский, ведет его обратно в Навесное. Красные тоже застигнуты врасплох. Взято до ста человек в плен, два пулемета; отбиты подводы со снарядами и... нашлась 5 рота. Общее оживление и радость. В бат-не пропало без вести всего 25 человек.

22 октября. Не пришлось и часа на сон, как получено приказание — отойти к югу в с. Гатище, а там ждало новое — перейти в д. Юрская. Остаток дня прошел спокойно, но ночь?

Эта ночь была не совсем обычной: в северном направлении слышалась ружейная стрельба. «Наши в тылу у красных?» Но приехавшая из штаба полка связь сообщила: это ведут бои крестьяне, не желающие оставаться у красных и пробивающиеся к Добрармии, и приказание из штаба — иметь это в виду и не обстрелять их. Сообщено было еще, что за минувшие дни 3 бат-н с комендантской ротой и ком-дой разведчиков в тяжелых боях сдерживали красных; в одном из них нанесли им огромные потери, но и сами понесли немалые. Пришлось оказывать помощь и Алексеевцам.

Крестьяне пробирались на юг одиночно и группами, иными в сотни человек. Сколько их? 3 бат-н ими пополнял свои потери. На 1 бат-н, стоявший у р. Олым, за трое суток вышло около 400 чел. Они не просто уходили, а для того, чтобы бороться со своими врагами. Они просили зачислить их в ряды, дать оружие. Но включали только по числу имеющихся винтовок. Очень грустно было отказывать. «Почему не проведена своевременно мобилизация?» — говорили Марковцы, — «Красные ее проводили в прифронтовой полосе. А как нам нужно было бы пополнение и, тем более, такое верное».

23 октября. Всю ночь в расположении 2 бат-на пробирались крестьяне. Всю ночь он провел в напряженном состоянии, на холоде, голодный. А утром красные наступали.

Атаку начал полк кавалерии; за ней последовали атаки пехоты с севера и востока. К вечеру кавалерия повисла с юга. Снова нет связи со штабом полка. Наступила ночь. Нервы у всех натянуты до предела — нужно быть в полной готовности. Холодно. Не выдержит бат-н ночной атаки... и он отводится к западу, к р. Кшенева, в с. Н. Ольшанка, в тыл 3 бат-ну.

Всего 10 верст прошел 2 бат-н, но лошади едва тянули тачанки, орудия. Прийдя в село, все уснули как убитые.

Донесение об отходе бат-на было передано в штаб полка через офицера артиллериста, а вернулся он с приказанием, бат-ну взять с. Юрское.

Выдержка из Истории Марковской арт. бригады:

«Впервые приказание штаба было подвергнуто в батарее (среди офицеров)беспощадной критике. Действия штаба полка казались непонятными ни с какой точки зрения. Не говоря о крайней утомленности людей, к тому же совершенно раздетых, без обуви, не получавших в течении трех дней горячей пищи, наступление было полной бессмыслицей из-за отсутствия снарядов и патронов, из-за отсутствия сколько нибудь целесообразной идеи. Получивши боевой приказ, офицер обратился к адъютанту с просьбой указать, в чем заключается главная цель данного наступления, вообще — достижение каких целей возложено на бат-н. В ответ на это было получено заявление: «Одна цель — воевать!»

Когда офицер передал приказание и весь разговор ком-ру бат-на, тот немедленно поехал в штаб сам и вернулся с транспортом снарядов и патронов, с частью ком-ды пеш. разведчиков и... с тем же приказанием. В бат-не объявлен подъем.

Свыше 400 крестьян, прошедших через расположение красных, смотрели на строившийся бат-н в 350 шт. Смотрели на них и Марковцы. «Ведь это целый бат-н готовых бойцов!»

24 октября. Бат-н двинулся, вяло разворачивался, вяло атаковал противника на переправе и к полдню пришел в с. Юрское. Красные из него ушли к югу.

25 октября. Ночь прошла крайне тревожно: можно было ожидать красных со всех сторон. Но только в полдень они начали наступать и до вечера не могли взять села. Наступила опять ночь. Состояние жуткое. На взмыленном коне прискакал ординарец (он едва не попал в руки красной кавалерии) с приказанием отойти в д. Замарайка, в 15 верстах к югу.

26 октября. Деревня оказалась занятой красными. На рассвете бат-н атаковал ее. Но это не была атака, а какой-то медленный «на-

ползэ» валящихся от усталости и бессонницы людей. Бой был упорный и тяжелый. Деревня взята, но отдохнуть не пришлось: бат-ну приказано итти в восточном направлении в д. Богдановка, в 10 верстах. С трудом удалось разбудить уснувших людей. Пройдя полдороги — новое приказание: итти в с. Голицыно, почти в обратном направлении. Более 10 верст были напрасно пройдены. К вечеру доплелись до села, а через два часа уже шли еще на 6—7 верст к западу за р. Кшеневу, в село Урусово. Все уснули мертвецким сном, не прикоснувшись даже к хлебу. На этот раз бат-ну посчастливилось, он проспал часов шесть, чтобы на утро,

27 октября, снова выступить на восток, перейти реку, выбить противника из ряда хуторов, по приказанию вернуться обратно и через час снова выступить на восток, опять выбивать из хуторов, вступить в серьезный бой у д. Новые Выселки, взять ее и к ночи остановиться в с. Платовец. Но в каком состоянии?

«К вечеру конский состав батареи был настолько изнурен, что некоторые лошади в виде протеста ложились на землю и не было никаких сил поднять бедных животных и заставить их тянуть по обледенелой грязи тяжелые пушки. Ночью ударил мороз. Вместе с ним для батареи явились новые испытания — лошади скользили, зачастую падая на спусках и подъемах; некоторые из них настолько поотбивали колени, что пришлось их выпрягать и заменять верховыми».

Если бы ночью противник напал, он мог бы легко захватить весь бат-н. В штаб послано донесение, в котором решительно и твердо заявлялось, что бат-н не в состоянии передвигаться.

В этот день 3 бат-н отбил наступление на с. Кобылье, преследовал противника 10 верст, был атакован справа кавалерией, едва не захватившей батарею, отбил ее и вернулся в исходное положение.

28 октября, исключительно спокойный выдался день. Противник не беспокоил ни 2, ни 3 бат-ны. Лишь перед 1-м, простоявшим спокойно 9 дней на переправе через р. Олым, он плотную подошел к нему.

29 октября 1 бат-н перешел в с. В. Большое. 2-й отбил красных. Тяжел этот день был для 3 бат-на с коменд. ротой. Ему было приказано оставить с. Кобылье и отойти к югу. Но красные уже наступали большими силами. Бат-н отходил с боем, задерживаясь и переходя в контр-атаки. Вдруг, на участке коменд. роты началось беспорядочное движение, когда красные были перед ней шагах в 600-х: часть роты стала отбегать назад, часть оставалась на месте, а часть побежала с поднятыми руками в сторону красных. Красные рванулись вперед. Что случилось?

Рота лежала в цепи и вела огонь по наступавшему противнику. Неожиданно ком-р взвода, пор. Крицман, с револьвером в руке забегал перед взводом с криком: «Бросайте винтовки! Мы сдаемся». Стрельба

взвода стала замолкать. «Цепь назад!» — командует другой офицер взвода. Пор. Крицман подбегает и в упор убивает его. «Сдаемся!» — кричит он. Красные в 100—200 шагах. Рота потеряла около 100 человек. Нет еще двух офицеров. В ней осталось около 80 шт.

30 октября. Наступление противника отбивается всеми тремя бат-нами, но просачивание его между ними заставляет отойти к югу.

31 октября противник продолжает наступление. В тяжелое положение попал 3 бат-н, атакованный одновременно пехотой и кавалерией, но отбился. К вечеру полк отошел на линию железной дороги Касторная—Мармыжи—Курск: 1 бат-н к ст. Лачиново, 2-й к ст. Кшень, 3-й к ст. Мармыжи.

***

С 7 октября полк был в непрерывных боях: наступление на Елец перешло в активную оборону, а с 13 октября отход на фронте в 20, а затем в 25 верст, продолжавшийся 17 дней. Полк, ввиду тяжелого положения у Алексеевцев, все время подавался влево.

Не более 1.200 шт. насчитывалось в его рядах; не набралось бы и 900, если бы не пополнение добровольцами-крестьянами. Две трети своего численного состава потерял полк с 7 октября — до 2.000 чел.

Потери, тяжелое время года, физическая усталость и подавленное душевное состояние, наростающая сила противника, отход и... начавшееся проявлять себя моральное разложение. И среди кого?

Пор. Крицман. В полк попал в Ливнах в комендантскую ком-ду. Был назначен ком-ром взвода. Латыш полной энергии, воли, отличный офицер. В боях за Ливнами отлично руководил взводом. И вдруг, спустя несколько дней, изменил, убил офицера, может быть еще двух, побудил сдаться своих подчиненных. И только теперь стали говорить о нем, что он казался «темной личностью». Но как своевременно определить действительно «темную личность»? Может быть таковые есть еще в полку?

Другой случай. В одной из рот служил юноша, тоже недавно поступивший. Разбитной, толковый, с гимназическим образованием. Он был назначен в связь к ком-ру роты. И вот, будучи послан в заставу, исчез. Так как расчет времени в выполнении каждого приказания в боевой обстановке строго учитывается, его быстро схватились. Найти! Поймать! И его нашли впереди линии охранения, почти под носом у красных. Пойманный оправдывался — заблудился. Его обыскали, нашли записную книжку, в которой — фамилии нач-ков, их характеристика; фамилии горожан Ливен, крестьян, которые высказывались за Добрармию и т. п. Он сознался: служил у красных, а свои записки он должен был оставлять для передачи красным.

На вопрос: «Почему же ты не выполнил в точности приказа своих, а решил кончить свою работу и перейти к красным?» — ответил, что

за то время, как он в Марковском полку, он настолько устал, что не имел уже сил продолжать ее. В этом он был совершенно прав.

И опять, как и в случае с Крицманом, об этом юноше стали с запозданием говорить: он не внушал доверия, держался отчужденно и даже, за ним замечалась какая-то особая нервозность.

Вывод — обострить бдительность. Но как это трудно в создавшихся условиях.

НА ЛИНИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КАСТОРНАЯ—КУРСК

Еще до отхода 1 полка к жел. дороге, красные перерезали ее к западу у г. Щигры. Отряд ген. Третьякова оказался отрезанным от Курска, лишенным прямой связи со штабом корпуса, которому он непосредственно подчинялся. Казалось, что связь будет восстановлена, т. к. из Курска выступил к Щиграм 3 полк, вместе с Черноморским конным, составивший отряд полк. Наумова, также непосредственно подчинявшийся ген. Кутепову. Таким образом все полки Марковцев стали на этой жел. дороге вместе с Алексеевским и Черноморским. Их фронт 100 верст. Марковцы считали, что на этой линии они должны держаться во что бы то ни стало и что связь с Курским по жел. дороге будет восстановлена.

Состав отряда ген. Третьякова:

2 Марковский полк	до 1.400 шт.
1 Марковский полк	до 1.200 шт.
Алексеевский (сведен в 2 бат-на)	до 800 шт.
Конная сотня 1-го полка	150 сабель.

И это все его силы. Инжен. рота, смененная в Касторной 2-м полком, еще 2 октября уехала в Курск. Перед отрядом стояли 3-я и 42-я стр. дивизии, отдел. стр. бригада и бригада конницы, не считая резервов — отряда матросов и др. частей.

ВО ВТОРОМ ПОЛКУ

22 октября 2 и 3 бат-ны заняли позиции на северной и сев.-вост. окраинах с. Касторное. 23 октября небольшие кав. части противника приблизились к селу. Ясно, велась боевая разведка. К востоку слышна приближающаяся орудийная стрельба. Бат-ны объехал врем. ком-щий полком, кап. Образцов. Он говорил:

«Конный корпус Буденного, силою до 10.000 сабель и штыков, подходит к Касторной. Задача полка: удерживать станцию и село, как опорный пункт для действий корпуса Шкуро. Здесь решается судьба Белой борьбы!»

Утверждение ответственное, ставящее на карту не только результат местных боев, но и всего Дела.

Марковцы восприняли слова ком-ра с сознанием полной ответственности. Они забыли свое огорчение отходом и свое новое положение сочли тактическим маневром, вызванным обстановкой. Обстановка требовала помочь Шкуринцам. Одно это вызвало подъем, т. к. памятны были дни под Корочей, когда Шкуринцы помогли Марковцам.

Второй полк приготовился. Была полная уверенность в себе. Настроение более чем отличное. Ночами и днем, не обращая внимания на скверную погоду, служба неслась безукоризненно. Все начальники в полном контакте с подчиненными.

24 октября. В 3—4-х верстах к сев.-востоку и северу села Успенское и Архангельское заняты красными. Утром из них пехота с поддержкой кавалерии перешла в наступление на 2 и 3 бат-ны и была отбита. Даже внезапная атака кавалерии на роту пор. Делюденко, стоящую у жел. дор. моста в 2-х верстах от села, потерпела полную неудачу. А из села казалось, что с ротой покончено.

В этот же день на ст. Касторная подходили первые части корпуса ген. Шкуро. Стоявшие в резерве роты 1 бат-на видели их.

Проскакала группа в сотню всадников со значком — изображение волчьей головы, ген. Шкуро со своим штабом и конвоем. Затем несколько сотен. Все закутаны в башлыки, платки, с нахлобученными на головы шапками-кубанками; в бурках, скрывающих фигуры; из вооружения видны лишь винтовки; все на похудевших, усталых конях. В сотнях лишь по 30—40 всадников. Не было у Кубанцев их прежнего воинственного вида. При ближайшем знакомстве оказалось, что и дух у них сильно подорван. Все это вызвало в Марковцах чувство тревоги, ги, но была уверенность, что казаки воспрянут, почувствовав их поддержку.

* * *

2 полк перешел в распоряжение ген. Шкуро и вошел в пехотную при нем группу ген. Постовского, состоящую из: Кавказского стр. полка — 400 шт., 25 Смоленского полка — 400 шт., сформированного в Воронеже из добровольцев, главным образом, рабочих, и Волчьего батальона — 150 шт. Вошел в эту группу и Землянский отряд — 150 шт. и 400 сабель. Итого в пехотной группе стало до 2.750 шт. и 400 сабель.

Группа охватила с. Касторное и прилегающие к нему с востока пункты. Конный корпус расположился к югу от села. В распоряжении ген. Шкуро были еще 4 танка и 3 бронепоезда. Правее стоял конный корпус ген. Мамонтова.

Соотношение сил противников, готовых к решающему бою, Марковцев мало интересовало: какое оно ни было бы, а сразиться неизбежно придется. Для них цифра, приведенная кап. Образцовым, всего лишь цифра, не могущая изменить положения.

Но все же, каковы были силы обеих сторон?

Советские источники дают для корпуса Буденного: 7.500 сабель, около 200 пулеметов и 26 орудий. По одному из источников можно судить о силе приданной Буденному пехоты — до 5.000 шт. В них, между прочим, говорится о непрерывном пополнении кавалерийских частей. Силы белой конницы сов. источники считают превышавшими красную. А между тем белые источники дают: 3.000 сабель в каждом корпусе, ген. Шкуро и ген. Мамонтова. Всего 6.000 сабель. По свидетельству одного Марковца, говорившего с Кубанцами о силе их корпуса-дивизии (Буденный говорит о 6 полках), он получил ответ: «Не наберется и 2.000 сабель».

25 октября — годовщина Октябрьской роволюции. Этот день красное командование хотело ознаменовать взятием Касторной.

Густые цепи пехоты вышли из сел Успенское и Архангельское и ринулись на 2 и 3 бат-ны Марковцев. Их допустили на 1.000 шагов и огнем заставили залечь. Напрасна была поддержка их двух батарей. Поднявшись, цепи красных смогли пробежать лишь 200—300 шагов, чтобы залечь снова. И бат-ны не выдержали пассивного стояния: они рванулись на красных. На плечах бегущей пехоты противника они ворвались в оба села и, выйдя на противоположную их окраину, столкнулись с колоннами красной кавалерии, которые пошли было в атаку, но были рассеяны огнем. Повторная попытка тоже окончилась неудачей. Пехота и кавалерия красных отходили, покрыв своей массой поле, представляя отличные цели для артиллерии. Но два арт. взвода оставались на своих позициях в Касторном: они не рассчитывали на контрнаступление. Ночью оба бат-на были отведены в исходное положение. Их потери оказались крайне ничтожными.

В этот же день было отбито наступление красных и с востока, с помощью подошедшего из резерва 1 бат-на Марковцев. Здесь произошла встреча с 25 пех. Смоленским полком. Смоленцы жаловались на казаков, которые, по их словам, не желали воевать и отходили даже перед более слабым противником. Их, Смоленцев, перебрасывали с участка на участок спасать положение; они не знали отдыха и были измотаны до предела. Что у них в резерве Марковцы, они очень обрадовались. Вечером бат-н ушел в резерв.

На следующий день красные повторили наступление с севера, охватывая село с запада, и опять неудачно. И снова резервный бат-н ходил на помощь Смоленцам и с ними разметал и отбросил кавалерию. Марковцы были в восторге от слабых числом, но сильных духом Смоленцев; таким же отзывом им и их арт. взводу отплатили и Смоленцы.

Однако отход конных частей ген. Шкуро принудил ген. Постовского отвести свои части, стоящие восточнее с. Касторное, к селу и населенным пунктам южнее его.

Бат-н Марковцев снова ушел в резерв, но не прошло и часа, как он с арт. взводом был спешно вызван на станцию. Уставший, прозябший, вымокший грузился он и, конечно в вагонах сразу же развел костры. А температура быстро падала. Не задерживаясь, эшелон тронулся в сторону Мармыжей. Ясно — где-то «затыкать дыру».

Группа ген. Постовского уменьшилась на 350 шт. и 2 орудия, и это в критический момент у Касторной. Она лишилась резерва и пришлось снять с участка 3 бат-н Марковцев в резерв, а его участок занять 2-м бат-ном и Смоленцами, таким образом удлинившими свой фронт.

27—29 октября на участке группы спокойно, но эти три дня доносился гул боя к югу, где красная кавалерия теснила Шкуринцев и подошла к ст. Суковкино. Пехотные части ген. Постовского там удержали свои позиции с поддержкой резервного бат-на Марковцев.

30—31 октября всюду было сравнительно спокойно из-за чрезвычайно скверной погоды, но резервный бат-н и слабая конная бригада группы ген. Постовского провели успешный налет на станцию Набережная.

⁂

Ослабление боевых действий в последние дни было вызвано не только отчаянной погодой, но и тем, что красное командование не надеялось занять Касторную силами лишь корпуса Буденного и поджидало прихода с севера 42-й стр. дивизии, задержанной действиями 1 полка и прорывом крестьян. Оно намечало окружение Касторской группы. Но положение на фронте Касторная—Курск создалось трагическое: он прорван у Щигров. Силы отряда ген. Третьякова: 1-й Марковский и Алексеевский полки слабы для занимаемого ими фронта в 30 верст. Даже подход из Касторной бат-на 2 полка не облегчал положения. Принимается решение: выдвинуть на боевой участок последний резерв Касторнской группы — бат-н 2 полка с ком-дой пеш. разведчиков, занять ими участок у ст. Лачиново, а стоящий там бат-н 1 полка передвинуть ближе к Мармыжам.

1 ноября. 3 бат-н 2-го полка становится на ст. Лачиново и в близь лежащем с. Успенское. Группа ген. Постовского удлиняет свой фронт к западу на 10 верст и лишается последнего резерва. Надежды возлагались на поддержку бронепоездов.

День проходил спокойно. Слышна лишь орудийная стрельба к югу. Идет снег. Наступила ночь. Впереди время от времени раздаются ружейные выстрелы. У Марковцев полное напряжение нервов, духа, воли. Неизбежен судьбоносный бой.

⁂

2 ноября. Приближается утро. Земля покрывается падающим снегом. Морозит. Легкий туман.

Марковцы, кто не в нарядах, лежат вповалку в своих помещениях. И спят и бодрствуют одновременно. Кто-то быстро поднялся, встряхнулся, посмотрел в окно. Будто рассвет. «Приготовьсь», — тихо сказал он себе ли, всем ли. Услышали все, никто не спал Стали подыматься. Заговорили о чем угодно, но не о том, что каждый ждал. Вне дома тихо. А пока, скорей кипятить часй и съесть хоть кусок хлеба. Входит взводный. Он видит, что люди уже встали и, сказав: «Быть готовым» уходит. Пьют чай, болтают, но каждый подходит к своей винтовке, ощупывает ее и висящий на ней пантронташ. Пулеметчики хлопочут у лошадей, которые, будто чувствуя, что им придется поработать, торопятся есть.

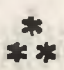
Светает. Кто-то, вошедший в помещение, говорит: «Стрельба в охранении». Все ждут команды: «Выходить».

Бой разгорается. Гремят орудия. Красные ведут наступление густыми цепями в 2—3 линии на Успенское и Лачиново. На участке 2 бат-на спокойно.

Красные наступают методично, в порядке. Два орудия при бат-не не могут взять под огонь всех наступающих на многоверстном фронте. Когда пулеметы начали пристрелку, красные стали наступать перебежками. И только с подходом их на 1.000 шагов открыли огонь роты. Красные заметались, залегли. Напрасны были усилия ком-ров поднять цепи. Напрасен был огонь их двух батарей. Вправо красные шли в прорыв между бат-нами, но во фланги им били орудия и они остановились. Влево они уже перешли жел. дорогу, но им в тыл стреляли орудия со ст. Кшень. А когда Марковцы обозначили контр-наступение, вся масса красных ринулась назад. Только часа три шел этот бой, а затем наступила тишина.

Но гром боя все сильнее доносился с юга.

Было около 14 часов, когда красные снова перешли в наступление, на этот раз и на село Касторное. И опять без успеха. Отбили атаку и Смоленцы, однако на их участке бой скоро возобновился.

В 16 часов к кап. Образцову прискакал офицер с просьбой оказать помощь Смоленскому полку, т. к. тот едва сдерживает наступление красной пехоты. Кап. Образцов направил туда свой последний резерв, Офиц. роту. Через 20 минут другой ординарец сообщил — фронт Смоленцев прорван и их атакует кавалерия.

Кап. Образцов едет на этот участок. На улицах ему встречаются бегущие Смоленцы. Он их останавливает и с помощью славных офицеров этого полка организует оборону, а сам едет дальше, ожидая прихода

Офиц. роты. На одной из улиц он попадает под огонь красных. Падает убитый под ним конь, а в это время налетают кавалеристы. Кап. Образцов отстреливается из револьвера и падает под ударом сабли. Его ординарец успевает ускакать.

В центре села Офиц. рота оказалась охваченной красными и, не имея представления об обстановке, стала отходить на западную окраину. Ком-р 2 бат-на, узнав, что в селе уже прот-к, стал отворить бат-н вдоль западной окраины. За ним следовала крас. пехота и кавалерия. Бат-н отбивался. Он был бы окружен, если бы не вышедшая в это время из села Офиц. рота. Бат-н и рота стали отходить на ст. Касторная—Старая. Красных остановил огонь бронепоезда, поддержавшего отходящих Марковцев, Смоленцев и Кавказцев. Село было взято противником. Наступила ночь.

Прийдя в порядок, пехотные части ген. Постовского заняли позицию, прикрыв жел. дорогу. 2 бат-н и Офиц. рота были отведены в резерв в д. Озерки. В бат-не оставалось около 250 шт. Общие потери двух бат-нов и двух рот доходили до 300 человек из общего их числа в 900 человек.

Красные не добились ни малейшего успеха на левом фланге; в центре заняли село, но на правом фланге, против конных частей ген. Шкуро, они имели успех значителный: они оттеснили их к западу, взяв ст. Суковкино. Перерезав жел. дорогу, они отрезали отход на юг трем бронепоездам, но пехотную группу все же не окружили.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ У СТ. КАСТОРНАЯ

3 ноября. Смерть капитана Образцова и большие потери тяжело легли на настроение Марковцев, но не сломили дух. Их очень беспокоило положение на участке Шкуринцев. Однако надежды еще не потеряны.

Ночь проходила спокойно, но уснуть никто не мог. Рассветало. Началась арт. стрельба. Бронепоезда стреляли беглым огнем. Красные наступали со стороны села и на 3 бат-н с ком-дой пеш. разведчиков, но всюду были отбиты.

Южнее шел бой масс кавалерии. День был ясный и можно было видеть маневрирующие лавы. Уже за полдень, но кавалерийский бой идет на том же месте. И вдруг роковое: «Наши отходят!»

Части ген. Шкуро осаживали назад. Однако не было видно, чтобы противник одержал явную победу: еще гремели орудия трех бронепоездов; еще атаки от селя Касторное не сдвинули с места пехотных частей; держится 3 бат-н; еще не тронут с места резерв — 2 бат-н с Офиц. ротой.

Вторая половина дня... «Шкуринцы отходят!» — передают с наблюдательных пунктов... Глухие взрывы... Бронепозда уже не двигались и не стреляли — они подорваны их командами. От станции отходят редкие цепи с танками.

Время к вечеру. Небо покрывается тучами; пошел снег. Ветер усиливался. Уже ничего не видно.

В бат-ны Марковцев прискакали ординарцы с приказаниями: 3-му бат-ну оставить ст. Лачиново и перейти в д. Солдатское, в южном направлении; 2-му — итти в западном направлении в район Тима и там войти в подчинение ген. Третьякову.

Пути бат-нов пересекались, но они не встретились. 2 полк оказался разбросанным по-батальонно.

В ОТРЯДЕ ГЕН. ТРЕТЬЯКОВА

Когда отряд отходил от Ливен, левый его фланг все время охватывался красными, теснившими Черноморский полк, занимавший интервал в 30 верст между отрядом и Корниловцами. Отряд был еще в 30 верстах к северу от Мармыжей, когда красные 26 октября заняли Щигры, выбив из них формирующийся 2 Алексеевский полк и прервав связь с Курском. Восстановить связь и держать фронт на линии Касторная—Курск должны были: с востока — отряд ген. Третьякова, со стороны Курска — отряд полк. Наумова.

У ген. Третьякова в то время были два полка: 1 Марковский и Алексеевский, всего 5 бат-нов на фронте до 30 верст. Силы ничтожные и в отряд из группы ген. Постовского у Касторной в ночь на 27-е направляется бат-н 2 Марковского полка с двумя орудиями. Ночью же бат-н прибывает на Мармыжи. Ген. Третьяков дает ему задачу: выбить противника из Щигров. В помощь дается бронепоезд «Ген. Корнилов». «Потушить костры, т. к. на каждом шагу можно ожидать нападения противника!» — добавил он.

До Щигров около 30 верст. Составы шли медленно, ощупью. Мороз. И по-прежнему в вагонах горели костры. Утром показался город, встретивший эшелоны арт. огнем. Роты моментально выгрузились, повели наступление и через час выбили красных из города, а затем и отбили их контр-атаку, взяв до ста пленных и пулемет.

На станции стояли два состава с беженцами из Воронежа. Никогда до этого не испытывали Марковцы такого тяжелого чувства, не сжимались так больно их сердца, как при виде этих беженцев, переживших суточный плен у большевиков, ими обобранных, оскорбляемых, насилуемых, остававшихся в холоде и голоде. Эшелоны с ними были немедленно отправлены в Курс.

Как только Щигры были взяты, бронепоезд отозвали на Мармыжи. Но не прошло и часа, сообщение: он потерпел крушение в пяти верстах от города. Рельсы оказались развинчены; две контрольные и одна бронированная площадка стояли на шпалах. Немедленно ком-р бат-на, шт.-кап. Перебейнос, отправляет туда роту и пленных для подъема площадок. Когда рота подходила к бронепоезду, тот уже отстреливался из

всех орудий и пулеметов от наступающих красных. Рота отбросила их, но не настолько, чтобы они не могли мешать работе. Среди чинов команды бронепоезда и пленных были потери. И только с приходом всего бат-на, смененного бат-ном 3 полка, подъехавшим из Курска, красные были отброшены.

Напрасны были усилия поставить на рельсы бронеплощадку. Оставалось ее и две других сбросить с полотна и только под утро укороченный «Ген. Корнилов» уехал дальше.

Возвращаться в Мармыжи приказано и бат-ну и, чтобы не допустить красных к жел. дороге, бат-н стал грузиться в подошедший свой состав здесь же, в поле, на морозе и на сильном ветру.

Задержка случилась не с погрузкой тачанок и телег, которые поднимались на платформы на руках, а лошадей. Три шпалы и длинные веревки служили средством их погрузки. Лошадям набрасывали на головы мешки, валили с ног и по шпалам втаскивали в вагоны. Люди поработали так, что от всех валил пар столбом. К счастью, бат-н передал свои 2 орудия бат-ну 3 полка. Красные пытались мешать погрузке, но неудачно. Эшелон осторожно пошел на Мармыжи с голодными и промерзшими Марковцами, откуда был направлен на ст. Долгая и там разгрузился. Но Алексеевцам уже не нужна была помощь и, снова погрузившись, он вернулся в Мармыжи и... снова поехал в направление на Щигры. Проехав, однако, всего верст 10, он выгрузился.

Сначала у жел. дороги, потом в 12 верстах юго-западнее Мармыжей в д. Мажурово стоял он дней пять, имея задачу обеспечить левый фланг отряда. Он был придан ком-ру Алексеевского полка и ему дан взвод орудий. Стоянка тревожная: всюду рыщут разъезды красных.

В ПЕРВОМ ПОЛКУ

К вечеру 31 октября 1 полк отошел на жел.-дор. линию, заняв станции Лачиново, Кшень и Мармыжи. Левее него Алексеевский полк. Фронт в 20 верст — непосильный для полка — и он сокращается: Лачиново передается группе ген. Постовского, а стоявший на ней 1 бат-н переходит на Кшень. Переход он совершил, нанеся удар по сосредоточивающимся к северу частям красных. Свой рейд бат-н провел успешно. Фронт полка сократился на 8 верст. Но наступившей ночью полк, без давления противника, оставил Мармыжи и стал еще более сосредоточенно: 1 бат-н на ст. Кшень, а остальные в д.д. Березовчик и Липовчик, несколько южнее ж. д. пролета между Кшень и Мармыжи.

Каково было положение отряда ген. Третьякова и в частности 1 полка, Марковцы не знали, но чувствовали, что оно опасное. Они не решались спрашивать, но были серьезные показатели: хозяйственный обоз как-то прижимался к своим частям, чувствуя опасность в тылу; хоз. чины говорили, что часть обоза, которая снабжала продуктами и хлебом, куда-то ушла, почему все привозимое достается в ближайших

деревнях и, в результате, жидкая пища и маленькие порции хлеба. Затем, что особенно показательно: как никогда полк собран «в кулак» и штаб полка тут же с ним; как никогда часты вызовы начальников и, совершенно изменившийся, ставший строго официальным, тон приказаний даже ком-ров взводов, и при том приказаний, насыщенных мельчайшими подробностями; пытливые вопросы и испытующие взгляды нач-ков в отношении подчиненных. Ком-р полка, полк. Блейш, отдал приказание: «Строго следить за настроением!»

Что полк «в кулаке», успокаивало, но что он, находясь в опасном положении, малочислен, беспокоило. Возникало острое желание увеличить численность рот тем более, что было кем увеличить — бегущими от большевиков крестьянами. Но это желание в теперешнем положении отвергалось опытом: малые роты более подвижны, ударная их сила в маневренной войне значительней. А когда о возможности влить в роты по десятку-другому штыков, сказали полк. Блейшу, он твердо заявил: «Теперь не время». Ком-ры рот все же приняли в свои роты по несколько человек.

Части полка сжались; все стали чуткими к каждому слову и жесту нач-ков; будто утеряно чувство страха и улетучились слабости; нервы взвинчены, но каждый держит себя в руках. Дисциплина, субординация, порядок дошли до высшей степени.

2 ноября, рано утром, когда уже почти никто не спал, команда: «Строиться!» В момент все в строю. Роты расходятся, разворачиваются и как-то спокойно, без суеты, равнодушно к рвущимся снарядам и наступающим на них густым цепям, идут вперед. Загремели орудия, затрещали пулеметы. Красные шарахались в стороны, стали залегать. Марковцы ринулись вперед. Они бежали бы за противником не две-три версты, а больше, если бы не приказание отойти к жел. дороге.

Произошла какая-то внутренняя «разрядка» в каждом бойце. Заговорило даже чувство страха. Гром орудий со стороны Касторной пробуждал это чувство и нужно было усилие каждого над собой; нужно было и начальническое: «Спокойствие!»

Во второй половине дня красные опять перешли в наступление. Оно велось уверенно в охват левого фланга. Напряженно-тяжелый бой закончился полной неудачей для них. Кажется, никогда не оставалось их столько лежать на поле. После боя все стали более спокойными.

Ночью полк. Блейш объявил начальникам: завтра ген. Шкуро переходит в наступление; полку быть готовым к переходу в решительное контр-наступление.

3 ноября. Полк поднят до рассвета и разведен по участкам. Светает. Утро ясное. Видимость отличная. У красных не заметно никаких приготовлений к наступлению. На Касторной уже гремят орудия. С возвышенных мест бинокли направлены в ту сторону. Расстояние до

20 верст, но видно довольно хорошо. Там до полудня, как будто, без перемен; без перемен и здесь.

«Наконец (из «Истории Марк. арт. бригады») около двух часов дня начали появляться долгожданные части конного корпуса в сопровождении трех легких танков. На ст. Касторная дымились бронепоезда. Ни у кого не было сомнений в исходе боя. Ком-ры бат-нов отправили распоряжение готовиться к движению вперед.

«Вдруг из толпы добровольных наблюдателей послышались восклицания: «Шкуринцы отходят!» Все высыпали на ж. д. насыпь; бинокли вырывались из рук; поднялся невообразимый шум. Чтобы прекратить его, раздалось: «В ружье!» и запрещено разговаривать между собой.

«Конная масса Шкуринцев в беспорядке рысью отходила. На поле оставались танки и редкие стрелковые цепи, которые также начали быстрый отход.

«Спустя некоторое время прибыл разъезд, высланный утром на ст. Касторная для связи, и сообщил: «Кубанцы не хотят воевать».

Уже подул ветер, небо покрылось тучами и стал падать густой снег. Снижалась температура.

Постояв еще немного на местах, части полка стали сворачиваться в колонны и направлялись в Березовчик и Липовчик, но там не задержались и шли дальше. Ветер усиливался. Начиналась метель. Ночь.

Сама природа, ярким днем осветив последний бой у Касторной, разразилась страшной метелью.

В ТРЕТЬЕМ ПОЛКУ

21 октября полк из района Кром прибыл в резерв корпуса в Курск, а 26 уже грузился для следования в восточном направлении: красные наступали в 30-тиверстном разрыве между отрядом ген. Третьякова и Корниловцами. Бат-ны грузились каждый в отдельный состав; отдельно — штаб полка с командами, санитарным, хозяйственным и боевым обозами. Объяснено это тем, что бат-ны могут вступить в бой прямо из вагонов в разных пунктах.

27 октября бат-ны стоят на Мелехино в вагонах. Запрещено разводить костры и удаляться от эшелонов, т. к. в любую минуту составы могут тронуться дальше. К вечеру батальоны переехали на ст. Охочевка. Штаб полка, команды, обозы остаются на Мелехино.

Наступила ночь. Выставлено охранение к востоку, северу и западу от станции. Но бат-ны в вагонах и опять нельзя разводить костры, чтобы согреться хотя бы горячим чаем. Уже более суток, как не выдавалась горячая пища; выданный сухой запас подходит к концу.

Помощник ком-ра полка, кап. Урфалов, объединявший командование тремя бат-нами, говорит: Щигры заняты противником, который приближается и к Охочевке и Мелехино; говорит и о том, что на Ме-

лехино выгружаются два запасных бат-на — Марковский и Алексеевский и что полк. Нуамов назначен нач-ком отряда, в который кроме полка и запасных бат-нов входят: Черноморский кон. полк, находящийся в соприкосновении с противником, и конвой штаба корпуса.

28 октября головной батальон с бронепоездом «На Москву» выехал в направлении на Щигры, которые только что взяты бат-ном 2 полка со стороны Мармыжей, и там сменяет последний. Короткая первая встреча «младшего брата» — 3 полка, со «средним» — 2-м.

Противник у Щигров, у Охочевки и приближается к Мелехино. Два бат-на остаются на Охочевке.

29 октября. Красные наступают на Щигры и обходят их с востока. 1 бат-н полка отбивает атаки, местами уже на улицах города. Отчаянное сопротивление оказала рота прап. Кавуновского, потерявшая половину состава — до 30 человек — и в числе убитых — своего командира.

Чтобы отстоять город, высылаются остальные батальоны. На Охочевке остается переехавший туда эшелон со штабом полка.

Едва последний бат-н прибыл в город, как красные повели наступление в обход города со стороны Курска. Бронепоезд «На Москву» успел проскочить назад перед цепями красных, уже пересекавших ж. д. полотно. Бат-н быстро вышел на обрамляющую город с запада возвышенность, на которую уже подымались красные, и контр-ударом обратил их в бегство. Огнем своих подъехавших пулеметов он расстреливал их, сбившихся в лощине. И только наступившая ночь и лава кавалерии на фланге остановили преследование. Потери красных были жестокие. Между прочим, с убитых было снято три значка — 2 серебряных и золотой с красными звездами, выдававшиеся комиссарам и ком-рам, состоящим в партии. Общие потери бат-нов за день боя 82 человека.

В этот день красные заняли Охочевку и штаб полка с командами и обозами уехали в Мелехино. Три бат-на полка оказались отрезанными от отряда. Их положение: они остались без походных кухонь и подвоза пищи, но это не столь важно; они не могут надеяться на помощь полковой пулеметной команды, что также не столь важно, но они не могут рассчитывать на пополнение патронами, а два орудия, оставленные здесь бат-ном 2 полка, снарядами; в распоряжении кап. Урфалова всего лишь 10 ординарцев, а необходимо поддерживать связь с разбросанными на трех окраинах города бта-нами, необходимо связаться со штабом отряда, необходимо вести разведку. Высланные кружным путем в штаб отряда два ординарца едва не попали в руки красных и на взмыленных конях вернулись обратно.

Ночью из Щигров были высланы кружным путем, вдоль южного берега р. Рать, транспорт с ранеными и два ординарца для связи со штабом отряда.

30 октября. Бат-н, стоявший на восточной окраине города, проводит разведку на подводах и выясняет: красные большими силами

перешли жел. дорогу в южном направлении. Высылается разъезд в три коня на юг по дороге в Тим. Бат-ны ведут лишь наблюдение и отдыхают в теплых домах, утоляя голод скромными дарами жителей.

Но в этот день нач-к отряда высылает два зап. бат-на с бронепоездом и двумя орудиями занять Охочевку и установить связь со Щиграми. Бат-ны с боем берут станцию. Бронепоезд идет к Щиграм, но рельсы разобраны и вблизи разъезды красных. Бат-н Алексеевцев и бронепоезд отзываются на Мелехино.

А в Щиграх в это время. Противник держится пассивно. Но ком-ры бат-нов, стоявших на северной и западной окраинах, не зная даже результатов разведки в восточном направлении, беспокоятся. Их план — оставить Щигры и пробиваться на соединение с отрядом.

Наконец, срочный вызов ком-ров бат-нов. Кап. Урфалов коротко освещает обстановку: связи с отрядом нет; противник ведет наступление на Щигры с юга, о чем сообщил разъезд и, не спрашивая мнения ком-ров бат-нов, приказывает полку с наступлением ночи собраться на юго-западной окраине, откуда он пойдет по, как будто свободному, юго-западному направлению, по южному берегу р. Рать. Предложение пробиться вдоль жел. дороги отвергнуто коротко и твердо: «Приступить к выполнению приказа».

Тихо. Падает снег. Бат-ны собрались и тронулись. Красные заметили и на недолете до колонны разорвалось несколько снарядов. Стреляла батарея с южной стороны города. Соскользнуло с дороги в канаву орудие. Потребовалось чуть ли не час, чтобы его вытащить. Полк отошел верст 10 и остановился.

31 октября. Скоро утро. Идет снег. От полка выехали в разных направлениях разъезды на санях. К северу и восток услышны выстрелы. Красные наступали со стороны Щигров. Один бат-н их отбил и взял до 60 чел. в плен. Что же дальше? С нетерпением ожидается восстановление связи со штабом отряда. Ночь, а ее все нет.

В полку не знали и не слышали, что утром, всего лишь в 5—6 верстах к северу, у Охочевки шел бой. Посланные туда разъезды на санях, столкнувшись с крас. кавалерией, вернулись назад.

На Охочевке запас. бат-н Марковцев с двумя орудиями почти окружен. Ком-р его, кап. Космачевский, телефонирует о положении и высказывает неуверенность в своих людях. Ему приказано удерживать станцию и обещана помощь бронепоезда.

Светало, шел снег. Красные наступали нерешительно и залегли под огнем взвода орудий и пулеметов. Но в двух ротах волнение — они готовы сдаться. Кап. Космачевский подводит резерв — учебную ком-ду. Красные подымаются и идут вперед; роты бросают винтовки; красных встречает учебная команда, беглый огонь орудийного взвода и подъехавшего бронепоезда; они бегут назад.

Кап. Космачевский собирает ненадежные роты и отводит их на станцию. Из штаба приказание: бронепоезду возвратиться в Мелехино,

погрузив на него эти роты, туда же прибыть и взводу орудий; оставшимся частям бат-на, 200 штыков при двух пулеметах, удерживать Охочевку. «Немедленно сообщать обо всем, что происходит».

Положение явно безнадежное. Рвется связь со штабом. Капитан Космачевский оставляет станцию и ведет свой бат-н на присоединение к отряду по южной дороге через с. Троицкое, где останавливается на ночь. Но едва роты расположились на отдых, как с тыла по улицам проскакал разъезд и бросил в дом ручную гранату, убившую одного и нескольких ранившую. Бат-н поставлен в такое положение, что кап. Космачевский решает отводить бат-н не к отряду, а на юг. Через день бат-н приезжает на ст. Солнцево. Связавшись со штабом корпуса и объяснив, что произошло, бат-н получает приказание отправиться в Белгород.

Отряд полк. Наумова таким образом потерял связь с еще одним своим бат-ном и остался в составе — запас. бат-на Алексеевцев, Черноморского полка, команд разведчиков и пулеметной 3 полка и всех полковых обозов при 8 орудиях и бронепоезде.

1 ноября. Полк — отошедшие из Щигров три бат-на — теперь в отчаянном положении. Это ясно всем, решительно всем. Уже началось дезертирство солдат. Высылаемые на санях разъезды доносят о глубоком обходе с юга. Направляется бат-н, который отбивает противника. Фронт полка 8 верст.

В сохранившемся календаре боевых действий полка изо дня в день отмечены переходы и бои, но без деталей. Он не говорит даже о том, что уже пять дней нет связи со штабом отряда. О 2 ноябре сказано только: «Отход полка с боем в с. Березки (Лузково). Сторожевка. 8-ая рота потеряла весь солдатский состав».

Что же действительно происходило?

Бой кончился сравнительно благополучно и полк отводился в село Лузково. На походе к ком-ру 3 бат-на, кап. Павлову, подъехали четыре ординарца и отрапортовав: «В ваше распоряжение прибыли», передали ему записку от ком-щего полком, кап. Урфалова: ввиду его отъезда вступить в командование полком. К этому кап. Павлов совершенно не был подготовлен — он не был заместителем; с 30 октября не встречался с ком-щим полком и был абсолютно не в курсе не только задачи полка, но и того, что происходило на его участке. У него не было карты, а единственная, бывшая в полку, ему передана не была. В его распоряжение не был передан и офицер, выполнявший роль адъютанта — он уехал вместе с кап. Урфаловым.

Так проведена была передача полка.

Бат-ны отошли в Лузково и один немедленно был отправлен на северный, возвышенный берег р. Рать, в с. Троицкое, с задачей установить связь с штабом отряда, который по предположениям мог находиться на ст. Мелехино. Другие бат-ны выставили охранение в восточном и южном направлениях.

Собрались ком-ры бат-нов, ком-р арт. взвода, чтобы обсудить положение. Общая обстановка совершенно неизвестна. Задача полку также. Настроение в полку тревожное и ненадежное. Люди уже неделю не получали ни горячей пищи, ни хлеба. Патроны и снаряды на исходе. В полку только 4 ординарца, крайне измученных. Решено немедленно послать ординарца в штаб отряда с подробным донесением и требованием осветить обстановку и дать задание полку. Предполагалось, что к утру ординарец вернется.

Донесение написано и отправлено, причем ординарцу приказано ехать кружным путем на ст. Отрешково, где и узнать о местонахождении штаба.

3 ноября. Довольно светлое утро. О противнике никаких сообщений, лишь перед с. Троицким маячат его разъезды. Спокойно вокруг, неспокойно в полку: нач-ки справляются, не установлена ли связь с отрядом.

«Если к 12 часам не будет связи, выступим прямо в Курск!» — говорит кап. Павлов. Это несколько успокаивает.

Вдруг радостный крик вбежавшего офицера: «Из штаба ординарец!» Кап. Павлов хватается за тонкий пакет, как за якорь спасения. Время и место отправления «20 часов. 2 ноября. Разъезд Мелехино». Значит штаб всего лишь в 10 верстах. Но что дальше? Письмо короткое и личное, — от полк. Наумова кап. Павлову, начиналось: «Береги полк!» и дальше сообщалось, что отправлены уже с ординарцем приказание, освещение обстановки и транспорт снарядов и патронов. Время отправки не указано, но ясно — они были отправлены раньше 20 час.

— Где же ординарец и транспорт? — спрашивает кап. Павлов.

— Не могу знать, — отвечает прибывший.

Прошло более 12 часов, как они были высланы. Нет сомнения: они направлены кратчайшим путем и попали в руки красных.

— А как ты добрался сюда?

— Ехал обратно той же дорогой, как и туда, дорогой, которую вы мне указали.

Полк оставался в прежнем положении полной оторванности.

Из охранения донесли: к югу идет бой. Кап. Повлов садится в крестьянские сани, едет с версту и в бинокль видит, как в верстах в восьми с востока наступает большая цепь и перед ней отходит реденькая, садившаяся на сани и телеги.

— Где идет бой? — спрашивает кап. Павлов крестьянина.

— На большой дороге из Тима в Курск.

Из ответов выясняется: от места боя до переправы через р. Рать у д. Грачевка — 10 верст, сколько и от места стоянки полка. Вывод: полк должен немедленно выступить к переправе.

В сумерках он пришел в Грачевку, где остался один бат-н, а два с батареей поднялись на высокий противоположный берег и расположились в двух смежных деревнях. В первый раз за много дней полк мог

себе поставить ясную задачу, применимую, как казалось, к общей обстановке: оборонять подступы к Курску с юго-востока, считая, что севернее его на жел. дороге стоит отряд полк. Наумова.

Пошел густой снег.

Но настроение в полку скверное. Часа три назад, когда полк оставлял Лузково и Троицкое, около 50 солдат заявили: «Мы остаемся». Узнали от жителей, что через эти деревни прошли на Курск какие-то конные части, проехали солдаты на подводах со стороны Тима и что недалеко к сев.-востоку слышна была стрельба.

— Неужели отошли и не предупредили? Немедленно выставить сильное охранение к северу! Быть в полной готовности!

Не прошло и часа, как явился ком-р арт. взвода и сообщил:

— На сев. окраине деревни стрельба. Пули ложатся в расположении батареи.

Прибежавшая из охранения связь доложила:

— Красные наступают!

Принимать бой бессмысленно.

— Уводите ваш взвод на Курск, пока есть возможность, — приказал кап. Павлов ком-ру арт. взвода.

Под прикрытием одного бат-на прошел на Курск другой; третьему, оставленному за рекой, приказано итти южным ее берегом. Полк вышел благополучно.

Снег валит, усиливается ветер.

Пройдя несколько верст, колонна подошла к деревне, но вошла в нее только произведя разведку. Это было село Долгая Клюква, состоящая из 8 смежных деревень, разделенных балками и лесом. Оставив в первой деревне села один бат-н, кап. Павлов с другим, перейдя балку, заросшую лесом, пришел в следующую деревню. На улице стояли распряженные подводы, а в домах отдыхали Черноморцы. Отправив бат-н искать свободные дома, сам он направился к ком-ру Черноморского полка, возбужденный и радостью соединения со своими, и в то же время глубочайшей тревогой.

Кап. Павлов вошел в освещенную комнату, где за столом сидели и пили чай несколько офицеров .

— Я — временно ком-щий 3-м Офиц. ген. Маркова полком! — представился вставшему полковнику.

— Ком-р Черноморского полка! — отрекомендовался полковник Главче.

Среди присутствующих был полк. Левиков, нач-к артиллерии при отряде полк. Наумова. Все с интересом смотрели на вошедшего.

— Полк отошел в это село! — коротко сообщил кап. Павлов и увидел, как это сразу же вызвало большое волнение.

— Как? Полк уже здесь? — спросил полк. Главче. — Мы предполагали, что он находится, по крайней мере, верстах в десяти отсюда.

Полк. Главче развернул десятиверстку и склонился над ней.

— Да, действительно, сегодня в полдень полк находился не в 10, а в 20 верстах отсюда. Теперь он здесь, — коротко ответил капитан Павлов.

Наступило молчание. Все смотрели то на карту, то на офицера, сообщившего неожиданную, неприятную новость.

— Каким образом мог полк так быстро оказаться здесь? — последовал вопрос, но вместо ответа на него кап. Павлов ставит свой:

— У вас есть связь с полк. Наумовым? Где полк. Наумов?

— На ст. Отрешково, — холодно сказал полк. Главче.

— Какова задача вашему полку? — твердо ставится новый вопрос.

Полк. Главче ответил не сразу. Ему видимо не нравилось возбужденная настойчивость офицера и он небрежно ответил:

— В данный момент, как видите, мы отдыхаем, а к утру ждем приказаний.

Этот ответ и его тон взорвали кап. Павлова.

— Г. полковник! Полк часа два назад с боем оставил д.д. Грачевка и Красненькое. Противник наступал с севера...

Его перебил полк. Главче.

— Эти деревни проходили мои эскадроны и там не было ни вас, ни противника.

Кап. Павлов чувствует, что его хотят в чем-то упрекнуть.

— А! Так это были ваши эскадроны? Как отлично поставлена у нас связь. Полк следовательно, пришел в Грачевку вслед за вашим эскадроном. Теперь он здесь, а в Грачевке красные. Они наступали со стороны жел. дороги. А есть ли у вас гарантия, что этой же ночью они не нападут на Клюкву с севера? Вы говорите, что там, на ст. Осташково, полк. Наумов? Я вполне допускаю, что красные могут напасть и с севера. На восточной стороне села я оставил один бат-н. Я не знаю ни обстановки, ни этой местности. Считаю необходимым выставить охранение и выслать разведку в северном направлении, — категорически закончил кап. Павлов.

Сказанное взволновало всех. Посыпались вопросы: Вы допускаете? Вы считаете?.. Глаза не отрывались от карты, а пальцы не только обводили фронт, на котором мог появиться противник, но и пути отхода от села.

— Г-н полковник! — обратился к полк. Главче кап. Павлов. — Я предлагаю вам принять командование собравшимся здесь отрядом.

Ответа не последовало. Все смотрели на полк. Гравче и молчали. Он о чем-то думал и обратившись к одному из офицеров, приказал ему:

— Передайте в эскадроны седлать коней и быть наготове.

***

В этот момент в комнату вошел пор. Юренинский.

Чтобы была понятна описанная напряженная встреча и последующие события, следует сказать о том, что происходило в штабе отряда с 1 ноября.

Он был на разъезде Мелехино, в 25 верстах от Курска. В распоряжении полк. Наумова оставались лишь Черноморский кон. полк, команда пеш. разведчиков с ком-дой комендантской — всего до 100 шт, пулеметная ком-да, 9 орудий и бронепоезд «На Москву» и еще — все редеющий зап. бат-н Алексеевцев. Отряду приказано сдерживать противника, пока отходившие на Курск Корниловцы не остановятся, имея свой правый фланг на разъезде между ст. Отрешково и Курском. Предполагалось, что это будет 3 ноября.

Противник в непосредственной близости перед отрядом. Его разведчики действуют смело и дерзко: захватывают Алексеевцев, сняли караул ком-ды разведчиков. В начале ночи на 3 ноября Черноморцы взяли в плен красных разведчиков-эстонцев, которые сообщили, что этой ночью их полку приказано атаковать разъезд и захватит штаб отряда. Полк. Наумов отдает приказание: Черноморскому полку и батареям отойти в с. Долгая Клюква, а остальным частям — на станцию Отрешково.

Черноморцы совершили переход в 25 верст, имея столкновения с противником. Были очень измотаны: с средины октября, посильно сдерживая противника, отходил иот линии жел. дороги Елец—Орел, нуждались в отдыхе и надеялись его получить в с. Д. Клюква.

На ст. Отрешково день 3 ноября начался спокойно. Сообщение, что Корниловцы отошли на разъезд ближний к Курску, убеждало штаб отряда в благополучном завершении его задачи. Что происходило потом, говорит выписка из записей пор. Юренинского .

«Около 10—11 часов дня (3 ноября) полк. Наумов отдал мне приказание вести ком-ды, боевой обоз (20 подвод с патронами) и остальной обоз в с. Д. Клюква, а сам с полк. пулем. ком-дой и ординарцами через некоторое время также оставит ст. Отрешково и перейдет на ближайший к Курску разъезд, обещав через короткое время приехать также в с. Д. Клюква. При этом полк. Наумов сообщил, что в селе непосредственной опасности не предвидится.

«Двигались по проселочной дороге. К востоку и юго-востоку слышалась пулеметная стрельба. В село пришли около 16 ч. и расположились в центральной его деревне. Из разговоров с крестьянами можно было сделать вывод, что вообще творится что-то неладное и грозит большая опасность. Я выставил заставы и выслал патрули.

«Не имея до 21 часа от полк. Наумова никаких распоряжений был весьма обеспокоен. Но в это время от крестьян узнал, что в д. Марвино остановились какие-то наши части и кавалерия, и поехал туда. Проезжая западную деревню, меня окликнули: «Кто идет?» Оказалось, стояли

наши батареи в упряжках и часовые при них. Дул северный ветер, временами со снегом. Наконец добрался до освещенного дома — штаба».

⁂

Пор. Юрененский отрекомендовался как нач-к группы 3 полка, стоящей в этом селе. Все удивлены. Никто не знал о нахождении здесь группы в 100 шт., не знал и пор. Юрененский, что в село прибыл Черноморский полк, пока ему не сообщили крестьяне.

— Неужели вас не предупредили, что в селе остановится Черноморский полк?

— Нет.

— Откуда вы пришли сюда?

— Со ст. Отрешково.

— А где полк. Наумов?

— Около полудня отряд должен был оставить ст. Отрешково, а полк. Наумов — отправиться на полустанок, чтобы, не задерживаясь там, приехать в это село, — сказал пор. Юренинский.

У всех вытянулись лица.

— Г-н полковник! — обратился пор. Юренинский к полк. Главче, — какова задача вашего полка и какие у вас сведения о противнике?

— Мне известно пока только одно: отряду дается новая задача — прикрыть жел. дорогу от Курска на юг вдоль р. Сейм. Вероятно завтра мы туда и тронемся. Оборонять город будут Корниловцы.

— А вы, г-н капитан, что имеете? — обратился пор. Юренинский к кап .Павлову.

— Ни задачи, ни связи!

Пор. Юренинский поделился своими сведениями относительно красных и возможности их наступления на село. Сказанное окончательно убедило полк. Главче и других в реальности опасений кап. Павлова. Полк. Левиков ушел. Полк. Главче занялся отдачей распоряжений.

— Ну, что-ж? В случае чего, будем уходить за Сейм, — сказал кап. Павлов пор. Юренинскому. — А пока пойдем к своим. Будем держать связь.

В этот момент в комнату вбежал всадник и доложил:

— На улицах стрельба!

Кап. Павлов вышел на крыльцо. Дул сильный морозный ветер, неся во все стороны густые струи снега. Сквозь завывание ветра слышалась беглая ружейная стрельба со стороны Курска. По улицам неслись всадники, подводы, бежали люди. Да! Кап. Павлов, предупреждая о возможности нападения красных с севера, несколько ошибся — красные атаковали с запада.

— Ординарцы! — крикнул кап. Павлов.

— Здесь, г-н капитан.

— Один во 2 бат-н. Бат-ну отходить на южную окраину села и, не задерживаясь, за р. Сейм. Другому — разыскать 1 бат-н; и ему за Сейм. Третьему — со мной в 3 бат-н.

Кап. Павлов шел рядом с ординарцем по глубокому снегу, среди бегущих людей и подвод, держась за его стремя. Бат-н уже построен. «За мной!» Во все усиливающейся метели слились две колонны: бат-на и 11-ти орудий.

Марковцы комендантской команды

В МЕТЕЛИ НОЧЬЮ...

«Вьюга превратилась в снежную бурю.

Проводники окончательно отказались указывать путь. Отряд превратился в беспомощную толпу ослепших путников. Голова колонны остановилась. Дальше итти нельзя: ничего не видно, кроме сплошной пелены перед глазами. Предложили итти по компасу. Батальонный адъютант вынул планшет, но ничего нельзя разобрать, темно. Спички гаснут. Предложили зажечь щепотку пороха. После ряда неудач — ветер моментально сдувал и смешивал со снегом добытый из ружейных патронов порох. Артиллеристы пожертвовали один снаряд. Из нескольких бурок возле одной из пушек образовали подобие шалаша. Вспыхнула лента, обжигая ресницы, брови, папахи склонившихся над картой людей. Направление установлено прямо на юг. Но светящийся компас испорчен. Берутся за простые. Но одно и то же: стрелки без движения и прижаты к циферблату. Наконец появились артиллерийские бусоли — прежнее разочарование.

После ряда экспериментов и предположений тщетно старавшихся обосновать или объяснить общую порчу компасов влиянием орудийных и винтовочных стволов на магнитную стрелку, все пришли к заключению, что происходит магнитная буря, и никому не пришло в голову, что отряд является свидетелем одного из явлений так называемой Тимско—Щигровской магнитной аномалии.

Простояв более часа среди снежного хаоса, уже приближаясь к отчаянию, было решено двигаться, чтобы не замерзнуть, и в выборе направления положиться на инстинкт лошадей. В голову колонны были пущены две отпряженные от обывательских подвод лошади. Бедные животные прошли несколько шагов, остановились в недоумении и возвратились к людям.

Наконец было предложено сорганизовать группы охотников, которые разойдутся в разные стороны в поисках деревни. Был 4-й час ночи, когда раздался спасительный залп. Спустя четверть часа быстрого движения, подошли к огромному пылающему стогу соломы. После 11-тичасового блуждания, отряд возвратился туда, откуда вышел».

«Батальон отходил с большой колонной артиллерии в 11 орудий. Его вел крестьянин, только по настойчивому требованию взявшийся быть проводником в эту отчаянную ночную метель, хотя до намеченной деревни было всего лишь 8 верст. Перед глазами снежный поток. Не

видно спины идущего впереди, слух не улавливает шума двигающейся колонны, хотя в ней идут по мерзлой земле дребезжащие тяжелые орудия; слышен лишь вой ветра и резкий стеклянный звук снежной крупы. Нельзя открыть глаз: так больно режут их крупинки мерзлого снега.

Пройдя с версту, проводник стал выражать своими движениями явное беспокойство: он нагибался к земле, ощупывая ее, озирался по сторонам. «Дороги нет!» — сказал он, продолжая, однако, итти дальше и все чаще останавливаясь. Колонна сжималась, разжималась.

Но вот они и идущие с ним стали падать: они попали в какую-то канаву, занесенную снегом. Но колонна остановилась не сразу и лишь тогда, когда головное орудие застряло в канаве .

— Это окопы красных. Здесь они защищали Курск этим летом, — заявил проводник.

Начались поиски если не дороги, то хотя бы места, где можно было бы переехать эти окопы. А в это время артиллеристы и все бывшие вблизи вытаскивали из окопа застрявшее орудие. Наконец, переезд найден, колонна сворачивает к нему и переходит неожиданное препятствие.

Вдруг спереди на нее налетает несколько подвод. Кто? Оказалось — хвост колонны, оторвавшийся и нагонявший ее. Его вел крестьянин-подводчик, взятый из деревни, из которой выступала колонна, в деревню, куда шла колонна. Два диаметрально противоположных направления в одну и ту же деревню. Проводники стали обсуждать положение. Оказалось, что хвост колонны только что объехал небольшой лесок; он в двухстах—трехстах шагах, но его не видно. Для них бесспорно — этот лесок находится у дороги, ведущей в нужную деревню. Теперь им нужно взять должное направление. Снова без дороги двинулись дальше.

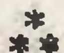
И неожиданно раздались крики: «Огни! Огни!» Сквозь потоки снега справа сзади временами появлялись блестки огней. «Это Курск!» — радостно сказал проводник. — «Теперь нам нужно свернуть левее». Огни Курска должны быть сзади колонны. Но пройдя некоторое расстояние, она упирается в овраг и останавливается. «Деревня теперь должна быть близко», — говорит проводник. Пока искать дорогу в разных направлениях поехали верховые, колонна стояла на краю оврага на морозном ветре, в потоках снега. Люди стали замерзать. Спасение только в движении. Но куда итти? Несколько человек скатились в овраг и оттуда кричали: «Спускайтесь вниз! Здесь нет ветра». Спустились многие. И действительно, там, хотя и по пояс в снегу, хотя и под ливнем сыпавшегося на головы снега, было значительно теплее.

Прошло полчаса, когда вернулся проводник нашедший дорогу и когда приехали верховые, нашедшие деревню в полутора верстах. Скоро колонна вошла в деревню и люди забили все ее дома. Батареям, за неимением места, пришлось итти в соседнюю.

Около 6 часов потребовалось, чтобы пройти 8 верст».

ОТСТУПЛЕНИЕ

Решительный поворот боевого счастья на участке Добр. корпуса положили не столько местные неудачи, сколько появление Буденного на его правом фланге. Даже прорыв красных на Тим не мог сыграть решающей роли. И этот поворот отметила природа отчаянной силы метелью. Но она сделала и нечто другое — остановила поток людей, бегущих от Сов. власти: многие сотни крестьян, вышедших на фронт Марковцев, не тронулись дальше. А дальше начиналась полоса страны равнодушная и к белым и к красным.

Тяжелая доля выпала на Марковские полки, два бат-на Алексеевцев и Черноморцев, стоявших на стоверстном фронте, прорванном в центре и угрожаемом справа. Вся совокупность обстановки привела к тому, что Марковцы отходили разбросанно: 2 полк — тремя колоннами, 3-й — четырьмя и только 1-й с Алексеевцами вместе; отдельно отходили Черноморцы и колонна артиллерии, бывшая при 3 полку.

ДВИЖЕНИЕ ОТРЯДА ПОЛК. НАУМОВА

В с. Б. Клюква, в которое ворвались красные, частям 3 полка было сказано: «За Сейм». Ничего более определенного сказать было невозможно. Бат-ны и группа пор. Юренинского отходили самостоятельно. Два бат-на в разное время перешли Сейм по переправе западней жел. дороги у д. Лебяжье; один бат-н и группа пор .Юренинского — по льду в разных местах. Провалились под лед только две походные кухни и подвода с патронами.

На переправе через Сейм сошлись — бат-н, Черноморский полк и колонна батарей. Полк. Главче, полк. Левиков и кап. Павлов обсудили положение и искали ответа на единственный вопрос: «Что же дальше?»

Кап. Павлов спросил полк. Главче:

— Вам известна какая-то задача для вашего полка, а может быть и для всего отряда. Не должны ли мы учесть ее для дальнейшего?

Полк. Главче ответил сразу и твердо:

— Теперь, при создавшейся обстановке, она отпадает, но мы должны как можно скорее связаться со штабом корпуса и от него получить указания.

Но где штаб корпуса? На Солнцево, в Ржаве, в Прохоровке? Итти туда вдоль жел. дороги?

Все трое пришли к заключению: так как совершенно очевидно, что красные, давно уже взяв Тим, оттуда направились на ст. Солнцево и, может быть, уже заняли ее и т. к. моральное и физическое состояние людей отчаянное, следует итти обходным путем через Обоянь, затем

выйти к жел. дороге. Было написано донесение в штаб корпуса и отправлено с двумя Черноморцами на ближайшую станцию для передачи.

— Я с полком иду самостоятельно, — заявил полк. Главче. — Я должен использовать большую скорость кавалерии, чтобы скорее быть в распоряжении штаба. — И пожелав «счастливого пути», ушел.

Бат-н и артиллерия двинулись вместе, но после первого перехода полк. Левиков сказал, что ввиду трудности пути, он должен двигаться по большой дороге из Курска в Обоянь. Бат-н и батареи расстались.

На ст. Канкриновка Черноморцы с донесением встретились с пор. Юренинским. Донесение было передано в штаб корпуса и в штаб Корниловской дивизии в Курск. Из штаба корпуса приказ всем частям направляться на ст. Солнцево.

Пор. Юренинский занялся розыском частей, но ни одной найти не мог: бат-н кап. Давыдова, перешедший по льду, без задержки шел на Солнцево, учитывая опасность у этой станции; два других, без связи между собой шли прямо на Обоянь; и только днем к группе пор. Юренинского присоединилась группа ген. Наумова — пулеметная ком-да и 12 ординарцев. Полк. Наумов отвел собравшийся отряд, однако не на Солнцево, а в с. Ст. Черемошное, в 15 верстах к сев.-западу от станции, откуда и принял меры к розыску всех частей.

В минувший день полк. Наумов со ст. Отрешкино выехал на разъезд, где остановились Корниловцы, сказав пор. Юренинскому, что, не задерживаясь там, приедет в с. Б. Клюква. Но его задержала метель, а на утро, когда метель значительно стихла, он тронулся в село и нарвался там на красных. Потеряв трех человек, он переехал Сейм и встретился с пор. Юренинским.

5 ноября красные перешли Сейм у Солнцева и заняли станцию, принудив к отходу пришедший туда бат-н 3 полка. В нескольких местах к северу они подорвали ж.-д. путь. Грохот взрывов слышали в отряде полк. Наумова, но посланные туда ординарцы не возвращались.

6 ноября отряд все еще остается в селе, тщетно разыскивая части. Офицеры настаивают на уходе и только 7-го, когда на село повели наступление красные, полк. Наумов повел свой отряд в направлении на Обоянь, в пути едва избежав захвата пехотой и кавалерией красных.

Два бат-на 3 полка и колонна артиллерии, связавшись в Обояни со штабом корпуса, получили приказание итти к ст. Прохоровка, куда и пришли 7-го. Полк. Наумов, о котором никто не имел сведений, присоединился к ним лишь 9 ноября и вступил в командование полком.

Этот день для изголодавшихся Марковцев памятен не только тем, что собрались все, но и тем, что в первый раз со времени выступления из Курска, 26 октября, они получили, наконец, горячую пищу и хлеб.

Фронт на линии Ржава—Обоянь заняли Черноморцы и оставившие 6 ноября Курс Корниловцы.

В минувшие дни у ст. Солнцево разразилась тяжелая драма: четыре бронепоезда и два вспомогателя, отходившие от Курска, наткнулись на взорванное полотно и пехоту красных. Починять его под огнем не было никакой возможности. Они направились было через Льгов, но и там был взорван, но уже своими, виадук. Поезда погибли.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТРЯДА ГЕН. ТРЕТЬЯКОВА

В ночь на 4 ноября в свирепую метель, в более спокойный день и следующую ночь части отряда отступали, сбиваясь с дороги, пересека пути друг друга. Едва не был оставлен бат-н 2 полка, стоявший в обеспечение левого фланга. Он не имел связи с Алексеевцами: не прибывали ни их ординарцы, не возвращались ординарцы, высланные бат-ном. Наконец, ком-р бат-на решает еще раз на попытку связаться и отправляет последних верховых, вызвавшихся добровольно — пулеметчиков — подпор. Герасимова и рядового Беляева, бывшего красного курсанта. 18 часов. Было условлено, если они не вернутся к 24 часам, бат-н выступит в южном направлении.

Подпор. Герасимов и ряд. Беляев, сняв погоны и все отличия, скрылись в пелене метели. К сроку они не вернулись, но уже в бат-не более чем час как приехали два ординарца Алексеевского полка с приказанием немедленно отходить в южном направлении. Бат-н, погрузившись на сани, в 24 часа выехал и днем связался со штабом Алексеевцев. Ему сказали: выслано было 4 пары ординарцев, но одна пара пропала, и три, столкнувшись с красными, вернулись. Подпр. Герасимов и ряд. Беляев в штаб не приезжали.

Противник следовал за отрядом. Уже 4-го были столкновения; 5-го он был отброшен.

В этот день отряд сосредоточился весь в районе сел В. Опочка и Рогозцы, 25 верст южнее Мармыжей. К нему присоединился бат-н 2 полка, пришедший от Касторной. Связь у него со штабом корпуса круговая — через Корочу, Белгород. Она уже не раз прерывалась разъездами красных. Ему дан приказ: ударить в тыл красным, наступающим от Тима на ст. Солнцево и частью сил выйти к станции, а другой — на южный берег верховья Сейма и там занять позицию. И добавочное: один бат-н Алексеевцев направить в Корочу.

Положение таково: отряд с трех сторон имеет противника, с четвертой — его разъезды. До Солнцева 40 верст по прямому направлению. Части противника уже у верховья Сейма, т. е. в 20 верстах южнее этого направления. Силы неизвестны. Для начала операции ген. Третьяков решает занять села Погожье и Кузькино.

6 ноября. Подъем в час ночи и выступление. 1 полк идет справа на Погожье; два бат-на 2-го и бат-н Алексеевцев — на Кузкино. Между ними разрыв до 8 верст, но они должны итти, имея все бат-ны

в передовой линии и так, чтобы между ними была огневая связь. От каждого бат-на по роте в резерве. На утро по всему фронту отряда начались стычки с кавалерией красных. Атака на один бат-н отбита; у другого хутора, строившийся за ним дивизион, рассеян батареей; у третьего — красные атаковали с тыла, едва не захватив батарею, но были отбиты пулеметным огнем и резервной ротой; у четвертого красные, выскочив из него, отошли в сторону, но когда бат-н прошел хутор, они ворвались в хутор; резервная рота повернула назад и выбила их. К вечеру отряд, пройдя до 25 верст, занял Погожье и Кузькино, захватив обоз 1 бригады 2-й красной кав. дивизии.

В Кузькино, после долгой разлуки, встретились 1 и 2 бат-ны 2-го полка и только здесь 1 бат-н узнал о боях у Касторной и о гибели кап. Образцова. О 3 бат-не и Офиц. роте никто ничего не знал.

Ночь. Пурга. Отряд в тылу у красных. Охранение на все четыре стороны. Мороз. Смена каждые 3 часа. Отдыхающим «приказано спать». О противнике уже более определенные сведения: на юге по Сейму — бригада пехоты; на Солнцево ушли бригада кавалерии и пехота; в Тиме, в 6 верстах севернее — один-два полка; бригада кавалерии, рассеянная при наступлении, осталась к востоку. В этих условиях нужно принять решение для выполнения задачи.

Решение — отряд разделяется: 1 полк идет на Тим, т. е. свернув вправо от прямого пути, с целью там разбить красных, т. к. они могут следовать за отрядом и грозить ему с тыла, а остальные части с ген. Третьяковым продолжают наступать на запад, берут с. Верхоселье, от которого поворачивают к югу и выходят к переправам через Сейм.

В группе ген. Третьякова теперь 900 шт. (600 Марковцев и 300 Алексеевцев), 50 всадников и 8 орудий. В 1 полку до 1.000 шт., 100 всадников и 10 орудий.

РЕЙД ГРУППЫ ГЕН. ТРЕТЬЯКОВА

7 ноября. С рассветом группа выступает из Кузькино, сопровождаемая с тыла и флангов красной кавалерией. В Верхоселье боевых частей красных не оказалось.

8 ноября двинулась на юг на с. Свинец, занятое пехотой. Красные не оказали сергьезного сопротивления, а следовавшая за группой кавалерия была остановлена огнем.

9 ноября наступление на юг продолжается. Село Суволочное с переправой через Сейм берется решительной атакой, а атаковавшая на этот раз кавалерия была жестоко отбита. Оставив здесь бат-н Алексеевцев, бат-ны Марковцев преследовали красных вдоль северного берега Сейма и смяли сопротивление у другой переправы, у д. Орлянка, находящейся в 10 верстах от переправы, через которую должен проходить 1 полк.

Группа выполнила задачу и заняла позицию вдоль южного берега Сейма. Потери незначительны.

РЕЙД ПЕРВОГО ПОЛКА

7 ноября. Задолго до рассвета полк. Блейш собрал старших начальников и объявил задачу: тяжелое положение на фронте требует нашего выхода на ст. Солнцево. Мы должны разметать красных на своем пути. Подтвердив все отданные раньше распоряжения, он сделал упор на точном, быстром и решительном выполнении всех приказаний. Он сказал: «Предстоят тяжелые переходы, дневные и ночные, с немногими часами отдыха. Всем побороть усталость!»

Еще не было 9 часов при плохой видимости, когда полк подошел к г. Тим, сбил охранение и вошел в него. Красные выскакивали из домов, бежали по улицам. Части полка прошли небольшой район города и собрались на сев.-западной окраине. Довершила дело конная сотня: она обезоруживала и загоняла во дворы сотни красных. Здесь был их полк и еще какие-то части.

Полк. Блейш, узнав что к северу в с. Становой Колодезь остановился полк красных, после 4-часового отдыха повел свой полк туда. До села 8 верст. Красные приготовились, но стремительной атакой оно взято. И опять закончила дело конная сотня.

Несмотря на наступивший вечер, полк. Блейш ведет полк дальше, но взяв почти южное направление, однако скоро снова сворачивает на сев.-западное. Он вводит противника в заблуждение относительно намерений полка. В 22 часа полк приходит в с. Гнилой Колодезь, в котором противника не оказалось. Дает отдых на ночь. Но отдых оказался коротким: на окраине раздались выстрелы. Полк мгновенно построился. К полк. Блейшу привели двух кавалеристов. Их разъезд в 5 всадников ехал из с. Рождественское от ком-ра стр. бригады к ком-ру конной бригады, направляющейся в с. Рождественское из района к северу от Тима. Учитывая, что спасшиеся три всадника ускакали к северу и не скоро могут сообщить в с. Рождественское о случившемся, полк. Блейш немедленно ведет полк на это село, находящееся в 10 верстах и как раз в направлении на Солнцево.

8 ноября. Около 5 часов утра в темноте, два бат-на стали охватывать село, а в это время донесение: к селу с востока подходит большая колонна противника. «Резервному бат-ну подпустить ее и расстрелять!» — распорядился полк. Блейш. Колонна была сметена огнем этого бат-на и как раз в тот момент, когда два других ворвались в село. Среди раненых, убитых и лежавших на поле набрали уцелевших 150 человек. Разбит был полк в 600 шт. А в селе был взят почти целиком тоже полк в 600 человек, 4-орудийная батарея в полной упряжке с полным сотавом чинов, много пулеметов и подвод, но штаб бригады успел скрыться.

Выяснив положение, полк. Блейш приказывает: «Отдых два часа! Когда требуется, Марковцы не знают усталости. Когда полк выступит, оставить половину пленных». Захваченная батарея передается артил-

леристам — новая боевая часть. Удвоился обоз с ранеными, больными, со снарядами и патронами — до 50 подвод. Колонна полка увеличилась, невольно отяжелела .

После полудня полк пришел в с. Лещинская Плота, где красных не оказалось. Дан отдых на ночь.

9 ноября. Ночью полк поднят и выступил. Известно, что в с. Субботино стоят части красных. Бой неизбежен и при том с приготовившимся противником. «Напречь все силы!» — сказал полк. Блейш.

До с. Субботино 12 верст. В голове колонны идут два бат-на, в арьергарде — третий. Отпускается снова часть пленных. Увидев приближающуюся колонну, красные открыли по ней орудийный огонь. Полк разворачивается на ходу; ком-да разведчиков и коменд. рота направлены в обход с запада на пересечении дороги к Солнцеву. Сильнейший пулеметный и ружейный огонь. Цепи полка вынуждены передвигаться перебежками. Потребовало 4 часа, чтобы сломить противника и еще часа два, чтобы выбить его из села окончательно. Это был тяжелый бой, выведший из строя свыше 100 человек. Снова разбит полк красных и вспомогательные части бригады. 200 человек взят в плен. И только в конце боя появилась кавалерия красных.

До Солнцево теперь оставалось 8 верст; их можно пройти в два часа и засветло, но неизбежен бой на переправе через Сейм, который может затянуться до темноты. Полк. Блейш остается в селе. Полк должен отдохнуть, будучи готовым к возможному ночному нападению.

Не имеют отдыха полк. Блейш и его ближайшие помощники. Нужно выяснить опросом пленных и жителей села, какие силы противника могут быть на той стороне реки у ст. Солнцево. Нужно подробно узнать и о самой переправе. Выяснено, что через переправу перешли бригада кавалерии и 1—2 бригады пехоты. Часть этих сил ушла на Обоянь; часть стоит в Солнцево и в с. Зуевка непосредственно за переправой; часть к югу от станции. Переправа же представляет собой дамбу длиной до двух верст, затем мост и крутой, покрытый лесом, подъем; дорога идет на подъем косым направлением. Река, сама по себе, не широкая, но имеет болотистый восточный берег с мелким кустарником. Главная опасность — болото не всегда замерзает; бывают провалы, которые теперь могут быть прикрыты снегом. Вывод: наступление цепями возможно, но опасно, и будет медленным.

10 ноября. Ночью полк. Блейш отдал приказ о порядке наступления и добавил, что предстоящий бой будет последним: полк, выполнив свою задачу взятием ст. Солнцево, выйдет из окружения с поддержкой Корниловцев и бронепоездов. Конечно, он сказал это для ободрения, т. к .сам ничего не знал — с 7-го числа у него не было связи даже с ген. Третьяковым.

Часа два до рассвета полк двинулся, оставив в прикрытии конную сотню и команды. Два бат-на шли цепями по обе стороны дамбы, сгустив

свои силы на внешних флангах. Глубокий снег; осторожное движение. Светает, но легкий туман. Красные заметили. Начинается стрельба. Роты выходят на лед реки; залегают под сильным огнем у переправы; карабкаются на берег на флангах. Красные охвачены и отбегают. Быстро в колонне, по дамбе и мосту, идет резервный бат-н, выходит на гребень, разворачивается и атакует Зуевку. Красные оставляют ее. Полк берет Солнцево уже с поддержкой батарей. До этого батареи из-за тумана, не видя целей, молчали.

Вслед за бат-нами шли батареи, обоз, колонна пленных в 400—500 человек (отпущено до 300; взяты были лишь те, кто не пожелал остаться) и прикрывающие части, уже под обстрелом обложившей село красной кавалерии.

Телефонная связь от Солнцева к югу прервана и, чтобы связаться, посланы крестьяне, которым нужно было пройти расположение передовых частей красных. Связь установилась быстро, так как красные поспешно отошли к западу.

Вечером на Солнцево прибыл бронепоезд, на который погрузил раненых, больных и пленных. Полк заночевал на станции и в Зуевке. А на утро он выступил к востоку для занятия боевого участка.

1 и 2 полки не только вышли из тяжелого положения, но и выполнили трудную и опасную задачу. Исключительно операцию выполнил 1 полк. Он начал отступление в ночь на 4 ноября и закончил его 10-го. В течении 7 дней и ночей он находился в переходах и боях в отчаянную погоду. Им пройдено до 100 верст. Разбито и рассеяно, по меньшей мере, 6 полков пехоты. Противнику нанесены огромные потери. Выведено до 400 пленных; свыше 500 были отпущено, не считая сотен, которые были заперты в сараи. Взяты 4 орудия, много пулеметов, подвод. Полк потерял немногим более 200 человек.

«Виновником» всего, для всех бесспорно, является полк. Блейш. Не говоря о его смелых маневрах и умелом руководстве, все явно чувствовали на себе влияние его духа и воли. У Мармыжей и теперь, в этом рейде, он был с полком и это сказалось благотворно.

Полк. Блейш был сильно простужен, что волновало всех.

ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА ОТСТУПЛЕНИЯ

Так или иначе, но Марковские полки благополучно отошли со стоверстного фронта Касторная—Курск и прижались к линии жел. дороги Курск—Белгород. Впервые все три полка оказались в тесной связи между собой и смогли, наконец, составить Офицерскую ген. Маркова дивизию, как нечто единое. И только теперь мог принять ее ген. Тимановский. Генерал Третьяков получил назначение формировать Алек-

сеевскую дивизию. Присоединился к своему полку и бывший в отрыве 3-й батальон 2-го полка с Офицерской ротой, отходившие от станицы Касторная к юг. Постепенно подъезжали обозы полков. Уже одно то, что дивизия собралась, подняло настроение. Марковцы стали говорить, что наступление на Москву отлагается «до весны». Они не знали о положении на остальном фронте и никак не допускали мысли, что «Кубанцы не хотят воевать». Кубанцев постигла неудача, но ведь и Марковцев тоже...

Показателем твердого духа бойцов был пример подпор. Герасимова и ряд. Беляева, высланных для связи в штаб Алексеевского полка 3 ноября и вернувшихся 11-го. Их эпопея такова:

В первой же деревне они нарвались на красных, к счастью, на простачков. Разговорились с ними и узнали номера красных полков, находящихся в районе. Взяв более южное направление, они попались серьезным красноармейцам, которые их привели к начальству. Но в них при опросе не признали «белых», а чинами той части, которую они назвали. Они были отпущены с указанием места расположения части. Пришлось ехать в обратном, северном направлении, чтобы в благоприятный момент свернуть на юг. Всюду были красные. Проходили дни, когда они сидели укрывшись; ночи, когда они держали путь на юг. Наконец добрались. Лошади были загнаны вконец, сами они держались еле на ногах от усталости, голода и бессонницы.

Совершенно иным было настроение в 3 полку. Он стоял в резерве и остро переживал недавние горечи. Он понес большие потери, почти половину состава — до 500 человек. Только 100 человек убитыми и ранеными, 50 заболевшими, а свыше 300 — «без вести пропавшими». Это были не сдавшиеся в бою, а отставшие открыто («Мы остаемся»).

Кадр полка — средние и младшие нач-ки, находили объяснение столь массовому отставанию, сами пережив с большой душевной мукой недочеты в формировании полка, в руководстве его действиями. Они видели, что даже рядовой солдат чувствовал ложность положения, опасность, в которую поставлена его часть.

Чрезвычайно угнетали полк и слышимые суждения, даже обвинения по адресу Марковцев: «Открыли фронт»; «Из-за них погибли четыре бронепоезда»; «Едва не погубили Корниловцев, позволили красным зайти им в тыл».

Несколько успокоило сразу же начатое дознание по поводу развала отряда полк. Наумова.

В 3 полку все осталось по-старому. Поступило пополнение в 400 человек и ими, как и раньше, занялись ком-ры бат-нов, рот, младшие ком-ры. Как и раньше, не встречались они с ком-ром полка и не обсуждали крайне серьезные вопросы, поставленные жизнью. Но пройдет недели две и произойдет смена в командовании полком.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Красное командование, принудив Добр. корпус оставить линию Касторная—Курск—Льгов, не добилось, однако, разгрома корпуса и полного уничтожения частей Шкуро и Мамонтова и решило продолжать наступление всеми силами и немедленно. Была поставлена задача «дальнего прицела»: используя силы своей кавалерии и слабость белой, наступать ею на юг и разъединить Добр. и Донскую армию. Прицел взят до Азовского моря.

Задачу красных облегчало то, что Добр. корпус вынужден был сжаться влево и таким образом увеличить разрыв между армиями. В этот разрыв и пошли корпус Буденного и 13 кр. армия.

***

10 ноября Добр. корпус стал на линии Ржава—Обоянь и западнее. Марковцы задержались правее и несколько севернее жел. дороги по южному берегу Сейма.

11 ноября 1 полк оставил Солнцево и перешел к востоку за р. Сеймица ко 2 полку. Бат-н Алексеевцев ушел в резерв. В этот день красные начали наступление с охватом правого фланга полков.

12—13—14 ноября полки медленно отходят, отбиваясь контратаками.

Заболел тифом полк. Блейш, которого заместил полк. Докукин; заболел и вр. командовавший 2 полком кап. Перебейнос, смененный кап. Крыжановским.

15 ноября красные глубоко обходят справа, перебрасывая свои части на санях. Полки отводятся к югу и подаются влево. 1 полк уже седлает жел. дорогу у ст. Прохоровка.

С тяжелым настроением отходит стоявший в резерве 3 полк после того, как в нем воскресли было надежды на поворот боевого счастья на фронте. На фронт прибыли свежия бригада пехоты силою в 1.500 шт. из формировавшейся в Харькове сводной дивизии трехполкового состава, которой командовал ген. Волховский. Один из полков ушел на внутренний фронт, а два стали на участке Корниловцев, стоявших левее Марковцев. Полки хорошо обмундированы, вооружены, снаряжены, морально крепки, в боевом отношении надежны, имеют значительный офицерский кадр — так характеризовал бригаду посетивший 3 полк офицер из ее штаба. Конечно, Марковцам было радостно слышать, но заявления офицера им казались чрезвычайно уверенными; сами они не отозвались бы так о своих частях. Но все-таки? И, вдруг, отход.

Дня через два узнали о причине. Бригада в два дня была совершенно разбита; большинство ее сдалось в плен. Рассказал об этом офицер Корниловец. Он был послан для связи к этой бригаде, но на ее позиции он нашел полевые караулы, сзади заставы и т. д., в точности

по уставу. Добравшись до штаба полка, он нашел там полный покой. Не вытерпел и высказал свое недоумение. В ответ встретил удивление и полное непонимание. При такой расстановке бригады поражение ее было обеспечено и оно произошло. Она вошла в бой, не зная духа, характера, тактики гражданской войны, со слепым следованием уставу, с пренебрежением к опыту не только текущей, но и мировой войны, с твердым отбрасыванием «партизанских» методов.

16 ноября. Тяжелый день. 1 полк отбивает сильные фронтальные атаки, а потом высылает один бат-н на помощь Корниловцам и выбивает прорвавших фронт красных, из с. Богородицкое. 2 полк отбивает красных, наступающих с фронта и охватывающих справа у села Редьковка. В разгар боя получает сообщение, что его бат-н, высланный ночью на 10 верст к югу, в с. Сагайдачное, ведет бой. Полк начинает отход, преследуемый противником. К Сагайдачному он подошел, когда там его бат-н оказался почти окруженным. Бат-н был спасен, но большие силы противника заставили полк отойти несколько к западу. Наступали здесь части Эстонской дивизии.

Положение на правом фланге дивизии становилсь угрожающим. Красными занята Короча и их части выдвинулись на Белгород. На их пути стоит только бат-н Алексеевцев с двумя орудиями. Двадцать верст южнее — линии Марковцев.

17 ноября. 2 полк спешит в с. Казачье, имея на фланге кавалерию красных. Переход в 25 верст. 1 полк подается вправо, оставаясь левым флангом на жел. дороге. Влево от него становится бат-н 3 полка. Фронт дивизии 20 верст протяжением.

18—21 ноября тяжелые бои на всем фронте. Ночной атакой красные выбивают бат-н 3 полка из с. Крюково-Барское, но последовавшей контр-атакой положение восстановлено. Они рвут фронт между 2 и 1 полками. Команда разведчиков 2 полка, с кап. Андриевским во главе, повторной ночной атакой берет д. Кураковку, но, обойденная, к утру оставляет ее. Направляются два бат-на 3 полка с двумя орудиями. Они залегают под сильным огнем, замолкает и их батарея, осыпаемая снарядами. При попытке снять орудия с позиции, убито 6 лошадей. Слева бат-н 1 полка, отбив атаку красных, отправляет на помощь 3 полку свою 4-орудийную батарею, которая посла часового беглого огня (выпущено 300—400 снарядов) расстроила противника и тот стал отходить.

2 полк в с. Казачье держится, но красные теснят бат-н Алексеевцев и обходят село с юга. Полк направляет два бат-на; потеснены и они. Бат-н, оставшийся в Казачьем, атакуется кавалерией; он ее отбивает, но ему приказано оставить село. Дорога, по которой до этого шли два бат-на, проходившая через глубокую лощину, перехвачена красными; другая дорога в двух верстах севернее у хутора, который занят

прот-ком. Вр. ком-щий бат-ном, кап. Эмпахер, решает отводить бат-н северной дорогой. Быстрой атакой эстонцы выбиваются из хуторов и под прикрытием 12 тяжелых и 6 ручных пулеметов бат-н переходит лощину. Кавалерия опоздала: ее сдержила взвод пулеметов подпр. Рузского, а за лощиной удар красных с противоположной стороны был сдержан командой разведчиков.

Атаки красных на всем фронте дивизии и опять с угрозой охвата правого фланга. Бат-н Алексеевцев, а за ним и 2 полк переходят в с. Шейно; два бат-на 1 полка — в с. Шляхово; 3 полк занимает участок по обе стороны жел. дороги; в центре — бат-н 1 полка и команды 1 и 2 полков. Дивизия на фронте в 25 верст.

Части переутомлены переходами, боями, усиленной сторожевкой до крайности. Туманы, снег, холод особенно сказались на конском составе, который только в небольшой части был перекован на шипы. Лошади скользили, падали. Чтобы втянуть на подъем орудие нужно было впрягать лишнюю пару лошадей; для гаубиц требовалась даже двойная упряжка. В одной батарее на переход в 7 верст ушло 10 часов. У пулеметчиков выход нашелся: они отправили свои двуколки и тачанки в обоз, а пулеметы поставили на обывательские сани. Большинство крестьян охотно соглашалось быть подводчиками со своими лошадьми.

В довершение всех бед в полках шла смена командиров: 1 полк принял полк. Слоновский, сменив вызванного в штаб армии полк. Докукина; 2 полк принял мало известный всем полк. Данилов, командовавший короткое время отрядом, во время ликвидации Купянского прорыва в августе месяце, сменивший заболевшего кап. Луцкалова, который только что сменил заболевшего кап. Крыжановского (четвертый командир в течении 11 дней); 3 полк принял кап. Савельев вместо полк. Наумова, первопоходник, командовавший до этого особой ротой при ставке.

22 ноября. Красные продолжают долбить фронт Марковцев. Сильное и упорное наступление вели они на с. Шейно, где стоял бат-н Алексеевцев, и куда ночью пришел 2 полк; наступление свежими частями в образцовом порядке. Две атаки отбиты, в третью они ворвались в село, но были выбиты. Только в полку выбыло из строя до 250 человек.

Срочно бат-н Алексеевцев был вызван в Белгород. В течении дня отбиты атаки 1 полком на с. Шляхово, но сейчас же один бат-н пошел на поддержку батальона, бывшего у р. Донец и попавшего в тяжелое положение. 3 полк успешно сдержал противника.

Наступила ночь. Красные атаковали в центре дивизии.

Приказ — отходить к Белгороду.

В этот день красные производили новый Купянский прорыв, на этот раз всей массой своей кавалерии и пехоты, перед которыми не могла устоять конница ген. Шкуро и ген. Мамонтова. Красная пехота уже обошла Белгород и заняла Волчанск.

23 ноября. Ночью 3 полк через Белгород приходит на ст. Разумная, к которой уже подъезжали разъезды красных. Днем из Белгорода одной колонной под охраной бат-на выступили на юг вдоль западного берега Донца все обозы дивизии. С наступлением ночи по той же дороги пошли остальные части со штабом дивизии, оставившим свой ж.-д. состав и севший на коней.

Дивизия на фланге корпуса шла по полевым дорогам к большим массивам Муромских и Чугуевских лесов, где укрывались отряды зеленых, состоявших из дезертиров, бежавших пленных, организованные засланными туда коммунистами.

С тупой болью покидали Марковцы Белгород, ставший для них родным, как раньше были Новочеркасск и Екатеринодар.

Пять месяцев назад Белгород стал для них «станцией» на пути к Москве. Здесь отдыхали, набирались сил. Молили о помощи Всевышнего у святынь города; получали благословение на продолжение ратного подвига в женской обители в с. Борисовка; благословение и четки.

Шли вперед. Пальцы рук мысленно перебирали шарики четок: Короча, Тим, Щигры, Ливны и задержались на следующем — Елец. Потом перебирание назад и... отпал первый, Белгород. Дальше — узел четок с крестом.

Да будет воля Божья!

Марковцы отступали в полном порядке.

В ЛЕСАХ

В Харькове собралась группа в 20—30 Марковцев, возвращавшихся из отпусков, командировок, госпиталей. Разговоры о положении на фронте и в тылу. Тревога за фронт, за свои части, тревога и от все усиливающегося зеленого движения в тылу.

— Меня задерживали, назначали нач-ком отряда, но тянуло в полк, — говорил один.

— Ни от кого не добьешься, где наша дивизия. Говорят, будто отходит на Купянск и советуют ехать туда.

Поехали. В поезде комендант раздал винтовки: «В Чугуевских лесах зеленые». Марковцев это не удивило. Где их теперь нет? Медленно шел поезд с длительными остановками между станциями. Но проехали благополучно.

В Купянске встреча с двумя своими. «Что вы тут делаете?» «Вербуем добровольцев, но безуспешно. Нужно смываться отсюда». Удивление. Где фронт? В городском саду Марковцы видели два малых танка, производящих занятие, свободно и легко ломающих деревья. В первый раз их видели. Они не на фронте, следовательно, не так уж плохи должны быть там дела. На следующий день на справку — где дивизия? комендант отвечает: «Отходит, кажется, на Чугуев, но ехать туда нужно обождать, т. к. с Чугуевым нет связи».

— Ну и ну! Никто не может точно сказать, где целая дивизия. Но это судьба наша — бродить по задворкам. А вечером твердый совет — ехать в Донбасс и оттуда начинать розыски.

Ст. Нырково. Строгий допрос коменданта: «Кто вы? Почему здесь, а не в своих частях?» и приказание ехать в Славянск. В Славянске уже собралось до 40 Марковцев. Старший пошел к коменданту:

— Документы!

— Просрочены.

— Арестовать!

Выручила вся группа. Выдали винтовки и привлекли к несению дозорной службы, сказав, что когда будет известно о местонахождении дивизии, сообщат. Благо, стали давать продукты.

***

Из Белгорода дивизия выступила на с. Муром. (Корниловская — по шоссе на Харьков). 1 полк в голове обозов и в ариергарде; 2-й — в прикрытии с востока; 3-й — с запада. Итти легко, морозно. Сплошной стеной с востока стоят леса, тянущиеся по р. Сев. Донец.

Второй день похода. Бат-н 2 полка стоит в с. Архангельское; ком-да разведчиков впереди за лесом у реки, верстах в двух. Туман. Ком-да не заметила, как красная пехота обошла ее. Она отскочила в сторону, а красные неожиданно обрушились на отдыхавший бат-н. Люди выскакивали из домов в чем были; ни о каком сопротивлении нельзя было и думать. Лишь одна рота и пулем. ком-да, стоявшие на противоположном конце, вышла в относительном порядке. На их линии стали останавливаться все бегущие. Едва красные показались из села, бат-н перешел в атаку. Через час село было взято и красные отброшены за реку. В бат-не оказалось лишь несколько раненых и никаких других потерь.

Бат-н пришел в деревушку в 10—12 дворов, окруженную лесом. В деревне не оказалось ни одного мужчины старше 15 лет. Стали спрашивать, где же они? Бабы плакали, а старики отмалчивались. Откровеннее были дети: «Да все ушли в лес».

— Не спроста! И не приведут ли они по неведомым дорожкам красных? Тут возможна для нас могила!

В крайнем напряжении и в беспокойстве простоял здесь бат-н, а в сумерках, насторожившись, готовый ко всему, выходил из леса.

Дивизия третий день в походе. Проходит с. Муром и втягивается в с. Терновое. Тяжелая дорога, пересекаемая частыми оврагами. Уже сзади наседали разъезды красных и по ним был даже открыт арт. огонь; уже и 3 полк ведет перестрелку с зелеными.

На 4-й день стала подыматься температура и пошел дождь, продолжавшийся целую ночь. Таял снег, оттаивали дороги. Стало тяжело двигаться, а во второй половине дня и совсем трудно. Еще голове колонны сносно, но середине и хвосту ее приходится итти по густому месиву снега и чернозема. С большой наезженной дороги, ведущей на Харьков, дивизия свернула влево на проселочную и входила в лесное дефиле. Колонна стала растягиваться и одновременно расширяться. На санях еще можно ехать по нерастаявшему снегу. Лошади выбивались из сил. Стали приставать. Приходилось бросать телеги, с каким бы грузом они не были. В подводы с ранеными и больными впрягали еще по 1—2 лошади. Артиллеристы впрягали в орудия и ящики всех верховых лошадей; пулеметчики навьючивали пулеметы на лошадей. Метались больные, волновались раненые. Но с ними были сестры, ангелы хранители, помощницы, утешительницы; помогали чем могли и как могли.

«На много верст по дороге валялось брошенное имущество: ящики со снарядами и патронами; стояли с выдохшимися лошадьми орудия, пулеметы. Всюду павшие кони. Такую картину нам все пришлось увидеть впервые за все время добровольчества. А главное — нам самим это делать. Это была дорога смерти», — записал один из участников.

А зеленые, между тем, осмелели: всюду стрельба; появился их конный отряд; его разогнали огнем. Пропали, удалившиеся в сторону, фуражиры-артиллеристы. Туда отправлены конная сотня и два орудия. В деревушке нашли зверски убитым пор. Хренова и ранеными двух солдат. Выданные населением виновники были расстреляны, а деревня сожжена.

В колонне объявили: еще 10 верст и мы выйдем из лесов. Это подбодрило. К вечеру голова колонны втягивалась в местечко Рогань, на большой дороге из Харькова в Чугуев, но хвост задержался на ночь в 10 верстах сзади.

⁂

В Рогань уже стояли части Корниловской дивизии. Марковцы от Белгорода шли почти прямой дорогой, в то время, как Корниловцы круговой. Прошли до 70 верст, а пришли позже более чем на сутки. Дорого им стоил этот семидневный отход. Голодными уснули, кто где пристроился.

30 ноября. Утром подъем. Дивизии нужно итти в Чугуев, в 20 верстах. Первое ощущение — холод. За ночь температура упала и подул северный холодный ветер, который будто вгонял сырость одежды во внутрь тела. Спасение в движении.

Дивизия тронулась двумя колоннами: одна шла по шоссейной дороге, другая — севернее через с. Каменная Яруга. Обе дороги проходили через леса. И здесь зеленые не оставили дивизию в покое: обстреливали и в одном месте, наскочив на обоз, убили пор. Евлампиева и нескольких солдат. Дорога была сравнительно легкая и к вечеру колонны втягивались в г. Чугуев. Арьергардный бат-н пришел лишь к полуночи.

Город мертв. Но теплые дома, какой-то уют оживили Марковцев. Кое-что достали для еды. Неотложные дела: для одних — смена охранения чуть ли не через час; для других — заботы о лошадях, о технической части; у третьи — приведение всего вывезенного в должный порядок.

«Ровно в 24 часа дежурный по команде доложил мне, что пулеметы приведены в полную готовность и поставлены на двуколки. Вышел лично проверить и отрадно было видеть, что дух в команде еще не угас. Люди попрежнему остались такими же, несмотря на постигшие неудачи. При подсчете оказалось, что отстал один солдат и потеряно три ящика с патронами».

Хуже было в ротах. Их ряды снова поредели. В 1 полку по 50—100 шт., а во 2-м и 3-м — по 30—50. Немало заболевших — в полковом околотке их не меньше 100 человек. Но куда отправить?

Глубокой ночью, когда часть людей, едва подкрепившись тем, что удалось достать, спали мертвым сном, в расположении бат-нов раздались крики: «Выходи за обедом!» С гомоном, с проснувшейся бодростью, гремя кастрюлями, мисками, подходили к походным кухням.

— Ага! Вот они! Где вы были десять дней? Почему морили нас голодом? — шутливо спрашивали кашеваров и артельщиков.

— Говорите спасибо, что кухонь не бросили, хлеб привезли, да и сами не пропали, — возражали те.

Кашевары были щедры и разливали густой мясной суп, наполняя до краев подаваемую посуду, а артельщики, также без счета, раздавали буханки черствого, подмоченного хлеба.

— Ешьте, что дают и какой остался. Хлебом по дороге лошадей кормили.

— Ну, и добрые вы стали, — говорят кашеварам. — Всегда бы и каждый день так.

— Получай и не рассуждай!

Обед показался прямо лукулловским, да и ели его в «культурной» обстановке, сидя за столами, из тарелок, свободными от сдавливающего тело снаряжения, поясов, сапог. Спокойный свет керосиновых ламп и свечей создавал уют.

За обедом поговорили об обстановке и положении спокойно, будто не отдавая себе отчета в том, что произошло и что происходит. «Оставлен Харьков»? На войне все возможно». Сытный и обильный обед

сразу валил в сон. Тишина, прерываемая лишь голосом и толчами наряда. «Вставай в охранение!» Дивизия имела врага с 4-х сторон.

1 декабря. Рано туманным утром на участке 2 полка раздались выстрелы. Когда роты выбегали из домов, пули уже неслись вдоль улиц. Ясно, охранение просмотрело, а стояло оно на самой окраине. Без команд Марковцы неслись на выстрелы. Выскочили пулеметы. Короткая стычка и противник бежал.

Спокойно пообедали. А потом приказание: бат-ну 2 полка выбить противника из поселка Кочеток, в 4-х верстах к северу от города, и уничтожить там мост через Донец. Вперед поехало четверо верховых и, не встретив никого, въезжают в поселок. И вдруг, из дома выходят четверо, на одном венгерка, отороченная мехом.

— Вы кто? — спрашивают их.

— Мы ваши, товарищи, мы ваши, — отвечают они на ломанном русском языке.

В этот момент из домов выбежали вооруженные красные. Уложив этих четыре, всадники поскакали назад.

Бат-н подходил к поселку. Одна из рот отправилась к мосту. Но бат-н оказался охваченным слева и стал отходить. Прижатая к реке рота стала перебегать на другой берег. Рядовой Селиванов со своим «Люисом» сдерживал противника, а при переходе через реку он и пятеро других провалились на льду и утонули.

Когда бат-н отходил в исходное положение, у Чугуева уже шел бой по всей западной окраине города. Красные наступали большими силами на 1 и 2 полки, но были жестоко отбиты. Наступали части 46 стр. дивизии, 14-й кр. армии. На следующий день они повторили наступление и опять неудачно. До вечера противник уже не тревожил, а в 20 часов Марковцы покинули Чугуев и сосредоточились в селе Малиновка.

3 декабря дивизия выступила по большой дороге на Купянск. Красные и зеленые сжимали кольцо вокруг нее. 3 полк выбил их из с. Коробочка. Арьергард сдерживал противника. Сильный разъезд от дивизии, обеспечивающий ее, с юго-запада, подвергся нападению и потерял несколько человек. Высланный туда отряд сжег деревню.

С наступлением ночи дивизия собралась в д. Граково. С нею большой обоз с ранеными и больными. Предполагали, что она идет к Купянску на присоединение к ген. Шкуро. Но оказалось, что Купянск уже сдан, а красные от Купянска наступают в направлении на Изюм, в тыл Добр. корпусу. Марковской дивизии приказано прикрыть эту дорогу, для чего 2 и 3 полки должны итти на погрузку на ст. Шаблиевка, чтобы быть переброшенными срочно к Изюму. 1-й полк, как наиболее сильный, должен итти туда пешим порядком, взяв прямое направление. Ему придется пройти свыше 50 верст по лесной местности, занятой зелеными.

Ввиду того, что для погрузки полков давалось ограниченное число вагонов, было приказано все тяжелые пулеметы, обозы полков и батарей отправить особой колонной в Изюм через ст. Балаклея. Прикрывать ее назначена команда в 50 штыков.

4 декабря дивизия расходится. 2 и 3 полки со своими батареями и транспортом раненых благополучно доходят до ст. Шаблиевка. Немедленная погрузка по 50 и более человек в вагон и по 12 лошадей. Но обозная колонна, растянувшаяся свыше чем на версту, подверглась нападению зеленых. Голова ее под прикрытием команды проскочила, хвост — пулеметны ком-ды, успели свернуть в сторону и, уже разбившись по группам, самостоятельно пробирались к жел. дороге; третья часть, главным образом обозы, была захвачена зелеными.

1 полк, пройдя 12 верст, узнает, что с. Волхов Яр, через который он должен итти, занят противником, но узнает еще и то, что деревня в трех верстах влево от него тоже занята. Полк останавливается и высылает влево бат-н, чтобы выбить из этой деревни противника, могущего ударить в тыл полку, когда он будет наступать на село. Бой батальона с оказавшимися перед ним эстонцами закончился неудачей: эстонцы в порядке отошли на короткое расстояние. Пришлось подтянуть весь полк, а ночью стало известно, что они ушли к Волхову Яру.

Утром полк повел наступление на село. Красные имели артиллерию и оказали упорное сопротивление, но обойденные с флангов, бежали, понеся большие потери, несколько пулеметов и в числе пленных нач-ка штаба эстонской бригады, бывшего офицера ген. штаба.

Полку был дан двухчасовой отдых и выдан обед. Но пообедать спокойно не пришлось: эстонцы внезапно атаковали и снова жестоко поплатились. За день они потеряли до 300 пленными, которых, выступивший дальше полк, с собой не взял. К вечеру он пришел в с. Бригадировка, встреченный лишь небольшой стрельбой.

На 3-й день полк, имея столкновение у с. Крючки, где взял один пулемет, пришел в с. Кунье, где ему приказано было оставаться впредь до получения приказания. До Изюма было 15 верст, в десяти верстах восточнее которого уже стояли 2 и 3 полки.

6—7—8 декабря полки сдерживали наступление эстонской дивизии на Изюм, а затем, когда Корниловцы отошли к городу, двигаясь к югу перекатами, остановились перед Славянском.

9 декабря. Охват правого фланга корпуса продолжался, но уже 3 стр. дивизией, которая перешла р. Сев. Донец и подошла к Славянску на 25 верст тогда, как Корниловцы еще находились в 40 верстах к северу от него. Четыре бат-на Марковцев сдерживали красных перед городом и три бат-на несколько севернее; а два бат-на стояли в тылу, обеспечивая его от «Махновцев», как здесь уже называли зеленых. Кругом леса.

Если зеленые, с которыми приходилось иметь дело до этих мест, представляли собой группы или отряды дезертиров и скрывавшихся большевиков, то Махновцы были уже не только группы и отряды, а чуть ли не все крестьянское и рабочее население района.

Одна из пулеметных команд, выскочившая от зеленых в лесах и избегая леса, шла несколько западнее. В одном селе к ее нач-ку пришла делегация от «Союза обороны» и вежливо предложила сдать оружие. За этой «вежливостью» крылась серьезная угроза. Нач-к ком-ды вежливо заявил — не будет выдано даже одного патрона. Делегация настаивала. Команда приготовилась «к бою». Не вступая в долгие «переговоры», нач-к ком-ды заявил: будет хотя бы один выстрел, от села останется пепелище. Отдохнув, команда спокойно оставила село.

10—11 декабря сильные бои к востоку от Славенска с упорно наступающим противником. Марковцы подавались назад. В сумерках 11-го они отбили атаки в 5—6 верстах от города, в который отходили Корниловцы.

Ночью дивизия получила приказание итти в Бахмут.

Она отводилась в резерв. Ее место на правом фланге корпуса заняла свежая 2-я пех. дивизия, переброшенная с Грузинского фронта, занявшая участок вдоль южного берега р. С. Донец, повернувшей свое течение на восток. Теперь уже противник не мог так свободно обходить Добр. корпус справа.

Марковская дивизия выполнила свою тяжелую задачу, от Ельца находясь бессменно на фланге корпуса, в обстановке и условиях исключительно тяжелых. Она таяла, не получая пополнения. Лишь в Славянске, наконец, к ней присоединилось до 150 Марковцев пехотницев и артиллеристов, тщатно искавших ее с момента оставления Белгорода.

В Славянске осталась из-за забитости путей санитарная летучка дивизии. Часть раненых и больных в ней была перебита красными, а другая гибла в течении ряда дней от холода, голода и отсутствия какой бы то ни было помощи. Напрасны были мольбы врачей и сестер милосердия.

⁂

Еще в Изюме стало известно о назначении 27 ноября Командующим Добровольческой армией ген. Врангеля вместо ген. Май-Маевского. Общая радость и подъем. В ген. Врангеля верили. Хотя назначение и запоздало, но, во всяком случае, он не допустит развала и поражения армии. В приказе ген. Врангель писал:

«Я требую исполнения каждым долга перед Родиной. Перед грозной действительностью личная жизнь должна уступить место благу Родины».

«С нами тот, кто сердцем русский, и с нами будет победа».

Наконец-то, спустя месяц, услышали Марковцы голос своего Командующего армией.

СНОВА В ДОНБАССЕ

12 декабря. Ночь и часть дня, проделав сорок верст, части дивизии собрались в Бахмуте. Однако дивизия не в полном составе. Инженерная рота отделилась еще в Белгороде, отошла на Купянск, а затем к Ростову для возведения перед ним укрепленной линии. Три батареи были отведены в резерв армии, а одна придана Корниловцам. Не подошли еще все пулем. команды и обозы.

Боевой состав дивизии был приблизительно такой: в 1 полку 800 штыков; во 2-м и 3-м по 550; в полках по 20 тяжелых пулеметов; в конных сотнях по 60—100 шашек. При ней — 14 орудий и формирующийся конный дивизион в 200 коней, в который ген. Тимановский приказал передать почти всех лошадей; дивизион частично без седел и, конечно, необученный, годный лишь для разведки.

В Бахмуте во 2 и 3 полки было влито пополнение до 200 чинов расформированной стражи и 15 юношей-добровольцев. Дивизия представляла собой солидную силу численно, но морально...

К своему начальнику приходит отличный боец, к которому было полное доверие.

— Г-н капитан! Вы меня знаете не первый год и знаете с хорошей стороны. Я пришел вам честно сказать, что ухожу домой. Мое село у Купянска. Что с моей женой и ребенком, не знаю. Я не красный, не служил у них и служить им меня не заставят.

Капитан приказал сдать коня и оружие, за исключением револьвера, и уйти так, чтобы никто не знал. На прощание они обнялись.

В ком-де кон. разведчиков одного бат-на было 11 человек махновцев. Их навербовал один из них, ст. у. офицер, еще когда полк шел на север. Отличные были бойцы. А когда отходили по лесам, тот же ун. офицер сказал своему нач-ку: «Армия отходит и мы решили разойтись по домам.

— Ну, что-ж? Коли так, прощайте! — только и мог сказать начальник; удерживать, отговаривать их он не стал.

Кап. Орлов, георгиевский кавалер, из мобилизованных, как-то заметил бывшим с ним офицерам: «Теперь я не верю в победу». Ему не возражали. Немного спустя он снова сказал: «Бороться дальше бесмысленно». На это ему горячо возразили, напомнили о Чести и Долге. Видимо, мучительно поборов себя, он тихо сказал: «Я кончил воевать». В одну из ночей этот офицер исчез.

Большим моральным ударом было, когда в Бахмуте узнали о разложении казаков. Справится ли с развалом их ген. Врангель?

Тем не менее, несмотря ни на что, у Марковцев было решение сначала молчаливое, а затем и открыто высказываемое: «А продолжать бороться мы все же будем!» Как было не прийти к такому решению, когда им говорили женщины, дети, старики, пусть немногие:

— Неужели вы оставите нас? Если уйдете, то хоть возвращайтесь скорее. К Рождеству возвращайтесь!

Были среди бойцов разговоры и на боевые темы.

— Ну, что-ж? Начнем опять с обороны Донбасса.

— Вероятно нам прийдется вообще аннулировать весь этот год, уйти в казачьи области и оттуда начать новый поход.

— А если красные помешают?

— Помешают? Пройдем силой.

У Марковцев было лишь одно представление: если суждено отходить, то только на Дон, хотя и знали, что можно отойти и на Крым и, безусловно, с меньшими усилиями. Дон, Кубань, вообще весь Сев. Кавказ — базы армии, места наиболее настроенного против большевиков населения. Оттуда только и можно собраться с силами и снова начать наступление. Там почти все их раненые и больные — верное пополнение. Даже если бы Марковцы и знали, что творилось в это время на Кубани, если бы и знали, что на верхах командования были разные мнения: на Дон или на Крым, то их суждения все же склонялись бы — на Дон. То, что им и всему корпусу придется, может быть, пробиваться на Дон, имея дело с кавалерией Буденного, их не смущало.

Ночь. Где-то началась стрельба, но дежурная часть быстро разогнала осмелевших шахтеров. Приказ: утром дивизия выступает в район Дебальцево с ночевкой в с. Луганское. Выступать двумя колоннами: левой, северной — полки, батареи; южной — обозы с прикрытием. Возможна встреча с конницей Буденного.

13 декабря. Выступление в 5 часов. Еще темно. В боковых улицах видны группы шахтеров. Что-то зловещее в их виде. Вот из центра города уходит последний бат-н и за ним слышен грохот, шум...

— Толпа громит магазины! — докладывают ком-ру бат-на.

— Баталион, стой!

Взвод возвращается на площадь и дает несколько залпов по толпе. Последняя разбегается. Уже горит дом. Впечатление тяжелое, нервное.

Ночевка в Луганском в полной готовности. Пошел дождь.

15 декабря — выступление под дождем и мокрым снегом. Доложили о дезертирстве чинов стражи из бахмутского пополнения. «Черт с ним!»

Части расположились: 1 полк в Чернухино, 2-й — два бат-на на ст. Баронская и в ближайшей к ней деревне, 3-й — на станции и поселке Дебальцево; в резерве на ст. Чернухино — бат-н 2-го полка и ком-да разведчиков со штабом дивизии.

Дивизия заняла центральный участок в Донбассе с задачей прикрыть жел. дорогу на Ростов, дать корпусу (остальные части армии отходили на Крым) пройти Донбасс. Участок дивизии был хорошо известен по боям марта и апреля этого же года. Тогда он занимался полком в 1.50 шт. при 4 орудиях, теперь — дивизией в 2.000 шт. при

14 орудиях и значительно большем числе пулеметов. Не было лишь бронепоездов. Донской «Казак» со вспомогателем Марковской ж.-д. роты стоял на ст. Чернухино, но он имел задачу курсировать по линии на ст. Лихая.

Дивизия подготовилась к обороне.

«Нам выдали ружейное масло и было приказано вычистить и смазать винтовки, пополнить носимый запас патронов... Настроение было приподнятое и мы с удовольствием ждали встречи с Буденным. Я не знал, да и не думаю, что кто-нибудь из нашей команды в 120 шт. знал о положении на фронте. Наша команда (разведчиков 1 полка) была хороша. Кап. Шевченко, был смел и любим солдатами».

В других частях дивизии настроение было несколько сниженное, но кадры не упускали ни одной минуты, чтобы поднять его. В плохом положении оказался 3 полк, стоявший на Дебальцево; там чувствовалось враждебное настроение среди рабочих. Слабых оно удручало, сильных озлобляло; но всех подбадривала погода — начало подмораживать, падал снег, конец грязи.

Ночь прошла спокойно.

16 декабря. Утром дивизия на передовом фасе фронта. Кубанцы, пройдя вправо от нее, подались к востоку; слева на линию Дебальцево—Никитовка отошла 2 дивизия. Впереди показались разъезды противника, постепенно охватывающие ее с флангов.

В полдень неожиданность: посланный во 2 дивизию разъезд для связи едва не был захвачен и прискакал обратно. Что во 2-й дивизии — неизвестно. Возможно все; и ком-р 3 полка отсылает обоз на юг по единственной дороге пересекающей лощины через села Дебальцево и Ольховатка. Через три часа новая неожиданность: на обоз напала конная часть противника. Красная кавалерия обходит дивизию. Из штаба приказание: полку обеспечить себя с юга. За правым флангом дивизии крас. кавалерией заняты станция и село Фащевка, 10 верст южнее расположения дивизии. Сообщается однако, что на ст. Бесчинская, в 50 верстах к югу, выгружается Корниловская дивизия.

Ком-р 3 полка, кап. Савельев, выслушивает информации ком-ров бат-нов, касающуюся местности и могущих быть затруднений для полка в случае отхода. Он не был в полку, когда в начале года здесь были бои. Говорили о лощине за дивизией, непроходимой для артиллерии, обозов и даже пулем. тачанок. Говорили, что в этой лощине погиб полк. Булаткин. Говорили, что ее можно обойти только с востока и если полку придется обходить лощину, то предварительно нужно будет итти верст 15 вдоль фронта к ст. Чернухино. Туда две дороги: одна вдоль ж.-д. ветки, несколько круговая, с приближением в сторону противника; другая идет через глубокую балку. Первую может пересечь противник, вторая может быть тяжелым препятствием.

Все беспокоятся, но мнение у всех одно — будем биться. Кап.

Савельев молчал, слушал как-то рассеянно и наконец сказал: «Ген. Тимановский сильно болен. Никому об этом не говорить».

«Меня больше всего беспокоило состояние нач-ка дивизии. За последние дни он осунулся, сгорбился и перестал интересоваться окружающим. Молчал, думал без конца и, в довершении всех бед, начал пить чистый спирт. Наши неудачи сразили его; что-то у него в голове было не в порядке. Было ли это предчувствие близкой смерти? Неожиданно у него появилась высокая температура...» (Из записок нач-ка штаба полк. Битенбиндера).

В этот день совершенно оголился левый фланг дивизии. 2 пех. дивизия отходила под давлением кавалерии противника. В Енакиево в это время стоял запас. бат-н 1 полка, пулеметная ком-да и обоз, которые не знали о близости противника и готовились выступить утром следующего дня. Случайно несколько офицеров встретили отходящую Кубанскую часть в 50—60 сабель, ком-р которой и сообщил им о приближении красных.

Сообщение было неожиданным и ошеломляющим. Ответы, на заданные Марковцами вопросы, еще более поразили их. Оказалось, что Кубанская часть, которую офицеры встретили, была не сотня, а полк, а офицер, с которым они разговаривали, ком-р полка. Он сказал, что Кубанцы больше воевать не хотят и ушли к себе на Кубань, а это все, что осталось от полка. Такое же положение и в других кубанских полках.

Марковцы был инастолько поражены, что больше не задали ни одного вопроса. Махнув безнадежно рукой, замолчал и ком-р Кубанского полка... «Уходите!» — только и мог выговорить он.

Офицер артиллерист, служивший в корпусе ген. Шкуро, так описал развал у Кубанцев:

«Ком-р одного полка построил его и держал речь, призывая казаков к исполнению долга и в конце речи объявил, что полк пройдет мимо него и кто из казаков останется верным долгу, пусть выстраивается за ним, а кто решил ехать домой, пусть едет прямо. Это была горестная и трагическая картина. Из каждой сотни сворачивало 5—15 всадников, а остальные ехали прямо, запев свои кубанские песни. Оставшиеся печально смотрели на уходивших. У многих были слезы на глазах. Они считали себя обреченными, но чувство долга у них оказалось сильнее. Среди ушедших казаков не было офицеров и урядников». (Кап. Шкляр, позднее переведенный в Марковскую арт. бригаду).

Новости были потрясающие. Знали, что казаки не хотят воевать, не принимают атак красных; их сотни отходят перед небольшими разъездами... но что они уходят домой, узнали только теперь.

Офицеры поспешили к ком-ру бат-на, полк. Бржезицкому, но тот не поверил сообщению, хотел остаться до утра и отдал приказание лишь под твердым их давлением.

Полк. Бржезицкий не так давно принял зап. бат-н. Первое впечатление от него было отличное: стройный, интересный, бодрый, общительный. В первые же дни он вошел в тесное общение с офицерами просто и непринужденно и даже рассказывал о себе: кадровым поручиком за революционное выступление в 1905 г. был разжалован и сослан в Сибирь; в 1917 г. получил свободу и для уравнения в чинах со сверстниками чин полковника. Об этом он говорил не без гордости. Как он попал в Добрармию, оставалось неизвестным, но совершенно ясно для всех, что он не питает острой ненависти к большевикам. Офицеры стали внимательно присматриваться к нему. Он не высказывал никакого интереса к полку, для которого готовилось пополнение, к своим обязанностям относился формально; его распряжения были легкомысленны; его совершенно не беспокоили события на фронте. В результате — к нему родилось недоверие.

15 декабря. Крепкий мороз, вызвавший гололедицу, слегка прикрываемую падающим снегом. Беспокоятся пулеметчики и артиллеристы. Светает и открывается картина: огромные цепи пехоты на всем фронте дивизии идут в наступление. И неожиданно приказ: дивизии отходить, т. к. справа красная кавалерия уже в с. Грабово; слева обходит лощину; для дивизии в двадцати верстах к югу остается проход верст в 15—20. Корниловцы же находятся южнее с. Грабово в 15 верстах.

При занимаемом дивизией положении, все ее части могут отходить лишь через ст. Чернухино, а для этого нужна последовательность: 3-й полк может начинать отходить лишь тогда, когда от ст. Баронской отойдут два бат-на 2-го полка; 1 полк, когда пройдут 2-й и 3-й полки. Обеспечивать обход лощины должен резерв. Дивизия будет отходить вдоль жел. дороги всего в 10 верстах от противника.

9 часов утра. Бат-ны 2 полка начали отходить от Баронской уже под обстрелом; когда фланговый бат-н подходил к дороге на Чернухино, красные уже были у нее, потеснив правый фланг 3 полка. Наступали части 9-й стр. дивизии. Совместно с 3 полком он отбросил красных и пошел к Чернухино. Настало время отходить 3 полку. Но он отбивает натиск противника; он в горячем бою. Задержка.

Постепенно его части уходят со станции и поселка Дебальцево, и опять задержка: рабочие стреляют по прикрывающим отход взводам, которые бросились в дома и улицы, откуда раздавались выстрелы. Пощады не было. Пока ждали выхода всех из поселка, красные опять потеснили правый фланг и пересекли дорогу на Чернухино; подошли их части и со стороны Баронской. Для 3 полка осталось или прочищать себе путь по большой дороге, имея противника с трех сторон, или итти прямо по дороге через лощину. Решено итти кратчайшим путем. В арьергарде бат-н и конная сотня медленно отходят, задерживая и отбрасывая красных. Наконец им приказание — остановиться и держаться.

Время идет и приближается вечер, а бат-н стоит. Но почему задержка? К ком-ру бат-на подъезжает кап. Савельев.

— Вы перейдете в авангард. Будете итти на ст. Чернухино со всеми предосторожностями. Узнать кто на станции. Там должен быть 1 полк. С вами батарея, — говорит он с нескрываемым сильным волнением.

От балки подходит бат-н и на ходу проводится смена.

— Что случилось?

— Увидишь.

Когда бат-н подошел к лощине, причина задержки стала ясной: спуск в лощину был довольно крутой и обледенелый. Как раз в это время по узкой дороге спускался зарядный ящик на всех тормозах и кантах, с помощью которых артиллеристы и пехотинцы старались задержать скольжение вниз, цепляясь за кусты. Лошади сводились отдельно. На дне лощины на узком пространстве все разъединенные части собирались воедино. Бат-н без задержки спустился вниз. Подъем оказался более пологим и арт. взвод легко взял его.

Уже темно. Где-то слышны редкие выстрелы. Впереди, вероятно на станции, зарево пожара. Высылаются двое верховых, которые возвращаются с сообщением: на станции красные. Посылается донесение ком-ру полка.

Положение ясное: придется полку атаковать станцию, чтобы выйти на дорогу на юг. До станции около двух верст. Высланная влево рота подошла к жел. дороге и без выстрела захватила стоявший у будки караул. Пленные сообщили, что на станции расположились 105-й и 108-й полки 12-й стр. дивизии, а остальные части в Чернухино. Все данные для успешной внезапной атаки. Посылается второе донесение.

Время идет, а полка все еще нет. Не возвращаются и ординарцы; нет приказаний. Притаившийся бат-н замерзает. Становится очевидным — он с двумя орудиями предоставлен своей участи. И ком-р бат-на решает уводить его «на авось», взяв направление несколько южнее станции и выйти к жел. дороге, идущей на юг. Мерзлая земля облегчала батарее движение по полю, а слой снега смягчал ее грохот. Ни одного выстрела. Вот и жел. дорога... В полночь бат-н пришел в Никишины хутора. Никого. «Ваши уже давно ушли», — сообщили жители. Но нет уже сил. Объявлен отдых до утра. А через два часа в хутора пришел и полк. Он не пошел за бат-ном, посланным в авангард, а двинулся по лощине в южном направлении. Его вел проводник из лощины в лощину. Понадобилось 8 часов, чтобы пройти 10 верст. В хутора пришли все измученными, нервными. Через несколько часов полк установил связь со штабом дивизии, прервавшуюся в полдень минувшего дня.

За это время...

1 полк в течении дня сдерживал наступление 12 стр. дивизии на село Чернухино. Охватываемый справа, он отошел к станции, продолжая вести бой. Прошли бат-ны 2 полка, но нет еще 3 полка. Уже тем-

нело. Уже и на станции полк охвачен. Прошли все сроки и он оставил станцию. Ему было приказано выделить отряд для ночного налета на с. Фащевка. Подходя к селу, отряд увидел, что из него выезжала красная кавалерия. Налет не удался и отряд пошел на присоединение к полку, остановившемуся на линии хут. Струков, южнее Никишиных хуторов.

2 полк быстрым маршем шел к югу. Ему дана задача занять хутор Рассыпной и с. Грабово и один бат-н назначить в резерв дивизии на ст. Рассыпная. Но в пути, ввиду потери связи с 3 полком, который должен был стать в с. Н. Орловка, бат-н, предназначенный в резерв, пошел в это село обеспечивать дивизию с запада. В Рассыпной красных не оказалось, но налет на Грабово удался в полной мере: противник не ожидал и в беспорядке оставил село, потеряв оседланных коней и пленными несколько буденовцев 6-й кав. дивизии.

В штабе дивизии крайнее беспокойство: тяжелое положение дивизии и пропал 3 полк. Больной ген. Тимановский вне себя. На поиски едет нач-к штаба, полк. Битенбиндер. Ночь. На него наскакивают несколько всадников. Свои. Полк ищут на южном краю лощины, а он вышел впереди расположения 1 полка на восточный ее край. Наконец связь установлена и 3 полку приказано итти в Н. Орловку.

17 декабря. Так, только с рассветов, дивизия благополучно отошла на новый участок в 12—15 верстах южнее. Минувшие сутки стоили больших испытаний, но и наступивший день не дал ей ни покоя, ни отдыха. Ее фронт имел вид дуги протяжением до 15 верст, на флангах которой висела кавалерия противника. Занят он был разбросанными бат-нами, что совершенно не соответствовало обстановке. Каждый час приносил новые осложнения и ухудшал положение. Высланный сильный разъезд для связи с Корниловцами, находящимися предположительно в районе ст. Бесчинская, прискакал обратно, едва не попав в руки красных. Высланный в тыл в с. Алексеево-Леоново обоз, с охраной в 30 человек, был захвачен противником.

Следуют распоряжения: дивизии сосредоточиться у ст. Рассыпная; ком-де разведчиков 1 полка немедленно — на ст. Чистяково. Едва прибыв туда, она отбрасывает дивизион красных, вышедший из с. Алексеево-Леоново. Когда шло сосредоточение дивизии, лавы красных уже надвигались с севера и востока и маячили с запада. Бат-н 2 полка в Рассыпном, чтобы дать отойти 1 полку, задержался и отбил атаку. Появились лавы и с юга. Атака на станцию была отбита.

Воспользовавшись некоторой заминкой противника, дивизия стала отходить тремя колоннами: правая — 2 полк вдоль западной стороны жел. дороги; средняя — 1 полк; 3-й — в левой колонне. Лавы наседают снова. Дивизия отходила медленно перекатами, отбиваясь огнем. На полдороге ей грозила атака справа и в тыл, но выступление из Алексеево-Леоново полка крас. кавалерии задерживает ком-да разведчиков.

Неуязвимость дивизии остановила наступление противника и к вечеру 1 и 2 полки отошли на ст. Чистяково, а 3-й в х. Ольховчик, в шести верстах западнее. Мороз не меньше 10 гр. Марковцами забиты все дома. Усталые лошади, тянувшие по полю пулеметы и орудия, покрытые чем попало, стоят нераспряженные на улицах. Голодны они, голодны и люди.

На станции в состав грузятся раненые и больные и среди них совершенно больной ген. Тимановский. Связь с узловой станцией Иловайской есть, но сказано, что полной безопасности в пути нет. Через некоторое время сообщили — состав прибыл благополучно. О болезни ген. Тимановского и его эвакуации мало кто знал.

В штабе корпуса, естественно должны были разгадать намерения противника. Было два предположения: или он будет стремиться отрезать путь отступления Добр. корпуса к Ростову, т. е. наступать в южном направлении; или, по ряду сведений, готовится нанести удар прямо на Ростов, чтобы захватив его, не только пересечь путь, но и окружить корпус.

При быстро сменяющихся событиях, для штаба корпуса отпадала агентурная разведка; не было времени производить и боевую разведку; кое-что мог дать опрос пленных буденовцев. Опрос ведет пор. Критцкий. Он составил сводку и, по принятому правилу, дал свое заключение: «Марковская дивизия находится под ударом».

Начальник штаба, ген. Достовалов, прочтя сводку, спросил пор. Критцкого:

— Из чего вы вывели, что Марковская дивизия под ударом?

— Таково мое мнение на основании опроса, — ответил тот.

— Ошибка! Конная армия прет прямо на Ростов, — твердо заявил Достовалов. — Ее главные силы нацелены на Ростов. Они атакуют Корниловцев.

— Ваше Пр-во. Помимо вывода, разрешите сказать вам. Буденный не может итти на Ростов, оставив позади себя три наших дивизии.

Достовалов, уже в нервном и раздраженном тоне, возразил:

— Что конная армия повернула на Ростов, говорят донесения и сообщения штаба армии. Немедленно повторить опрос!

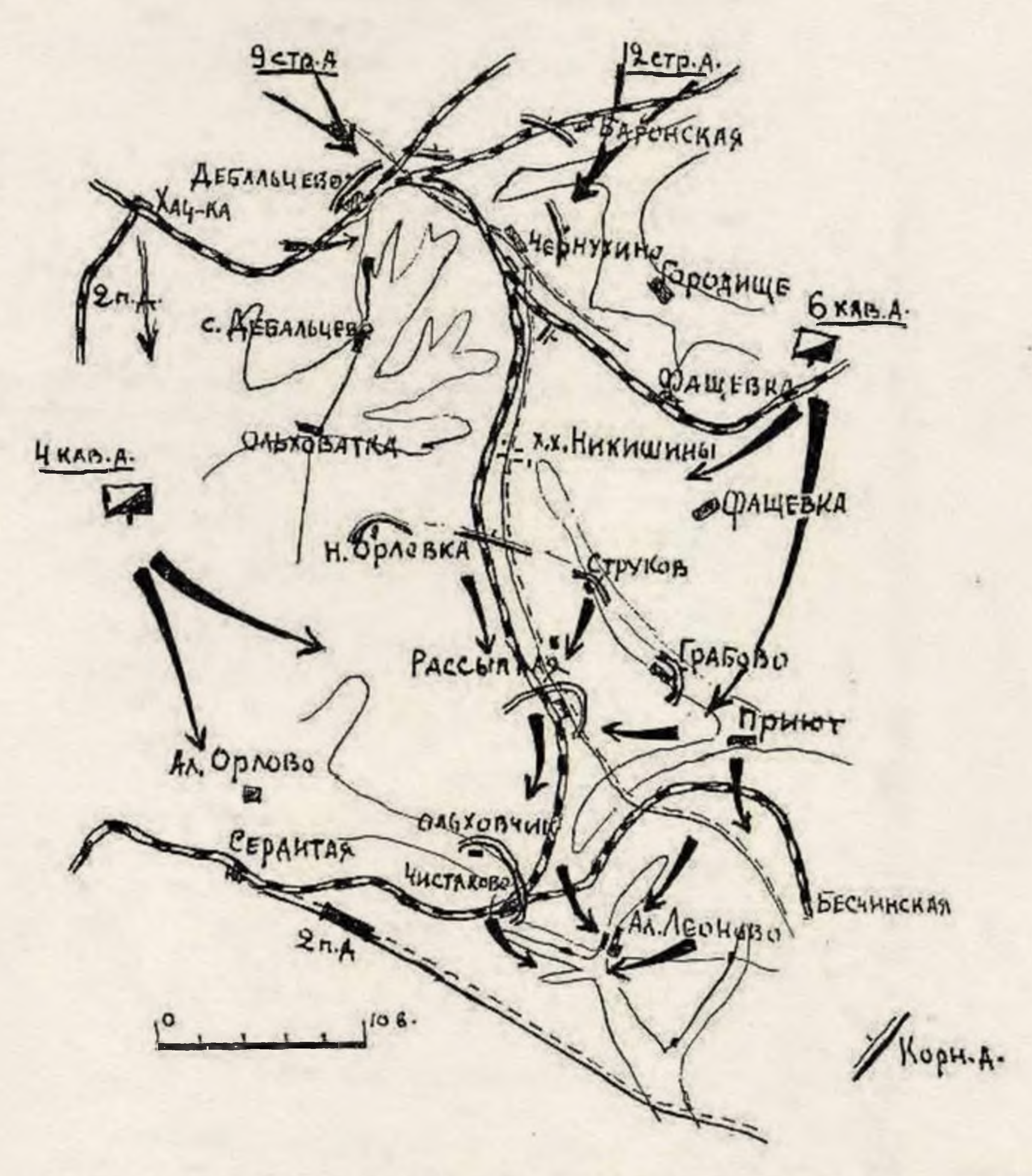
«А может быть и на Ростов! Мы не знаем», — отвечали пленные.

В штабе дивизии. К 23 часам созваны все старшие нач-ки частей. Не приехал лишь ком-р 3 полка, кап. Савельев: ординарец, посланный за ним, ночью не нашел хутора, где стоял полк.

Открыв совещание, нач-к штаба прежде всего сказал:

«Нач-к дивизии, ген. Тимановский, эвакуирован в тяжелом состоянии и я, на основании устава о полевом управлении войск, вступил в командование дивизией». Затем он осветил обстановку. Корниловская, Марковская и 2-я дивизии прикрывают главную артерию эвакуации —

железную дорогу на Ростов; Дроздовская и конные части отходят вдоль нее. В данный момент 2-я дивизия находится примерно в 10 верстах к западу; Корниловская — примерно в 15 верстах к востоку. Точное расположение их неизвестно. Расположение противника: 6-я конная дивизия вклинилась между Корниловской и Марковской дивизиями; перед дивизией — 12-я стр. дивизия; 9-я стр. и части 4-й кав. дивизий, угрожают с запада.

Согласно полученной директиве, дивизия должна итти в восточном направлении и соединиться с Корниловцами. Этой ночью она приступит к выполнению задачи. Ее марша через с. Алексеево-Леоново, х. Ореховский на д. Степановка. Где пройдет 2-я дивизия и когда, за отсутствием связи, неизвестно. Выступит дивизия в 5 часов. 1 полк должен

взять с. Алексеево-Леоново и выдвинуться на бугры влево. Под его прикрытием остальные полки проходят вперед. Расчет на быстрое движение.

Затем полк. Битенбиндер предложил высказаться. Все нач-ки видели чрезвычайную сложность и трудность движения по указанному пути. Высказывались и опасения: дивизии придется переходить две лощины; будучи между ними, она будет иметь глубокую лощину и с третьей стороны и лишь одну дорогу к югу; с четвертой стороны — гребень, который обязательно должен быть занят частями дивизии. Эту задачу выполнить можно лишь при условии быстроты, глазомера и натиска. Однако, не вызовет ли задержек переход лощин по одной дороге? Было предложение итти не этой дорогой, а более южной, по другую сторону лощины. Но полк. Битенбиндер считал, что марш дивизии через с. Алексеево-Леоново «отвечает обстановке и положению ее».

С совещания нач-ки расходились с беспокойным чувством: все ли взвесили, все ли учли? А каково состояние мостов через лощины? Каковы скаты лощин? Но, теперь уже поздно. Нужно думать о выполнении каждым полком его задачи.

Начинает бой 1 полк; за ним 2-й; 3-й — в арьергарде.

18 ДЕКАБРЯ

Ночь. Сильный мороз.

3 полк на хуторе в лощине. Видимость, по покрытой снегом земле, до 1.000 шагов. У Марковцев обычная смена караулов и сон. Спят, как мертвые. Еще бы! Минувшую ночь провели в лощине в тяжелом движении. Но не до сна лицам ответственным.

— Ты не спишь? — спросил вошедший в дом офицер своего соратника, при слабом свете лампы что-то записывающего в дневник. — После запишешь!

— Когда потом? Видишь, удобный случай. Да и есть, что записать! — ответил тот.

— Да-а-а, — протянул вошедший и затем сказал. — Зашел к тебе потому, что вспомнились мне март и апрель этого года. Помнишь? Тяжело было: вперед, назад, а в общем — ни с места. Как это пели тогда в шутку? Красные нажмут, а мы врассыпную драпаем на Рассыпную. А с Рассыпной не было пути иного, драпали на Чистяково. Но с Чистяково всегда лишь на «ура», вперед на Никишины хутора... Теперь как-то не до шуток... Ну, пойду!

Наконец прибыл ординарец из штаба дивизии и в 4 часа полк выступает на Чистяково. Сборы коротки и полк «длинной и тонкой змеей» вытянулся по дороге. Колонна шла спокойно, без шума, без единого слова. Хрустел лишь снег под ногами. Темное звездное небо не далее как в 1.000 шагах сливалось с землею, покрытой снегом; далее начиналась неизвестность.

Около 5 часов, когда полк пришел на станцию, там выстраивались части дивизии, а 1 полк уже ушел.

— Ком-ра 3 бат-на к командиру полка! — передали по колонне.

— Ваш бат-н остается на станции в арьергарде дивизии, — торопясь и сухо говорил кап. Савельев. — Немедленно смените охранение 2 полка на северной и сев.-западной окраинах. Задача: оставаться до тех пор, пока полк не войдет в с. Алексеево-Леоново. Вся дивизия идет через это село. Затем догоняйте полк.

1 полк должен был начать атаку села еще в темноте, но задержался и начал ее с рассветом. С потерей 15 человек село было взято. Левый фланг полка обеспечивала ком-да разведчиков.

«Мы быстро, чуть стало светать, заняли нашу позицию возле мельницы. Сначала наша артиллерия сильно била и мы видели, как конница Буденного была выбита из села и наша дивизия с многочисленным обозом втягивалась в него».

Алексеево-Леоново большое село, растянувшееся с севера на юг по обе стороны лощины. Западная сторона его, на которую велась атака, низменная, восточная — возвышенная. Обе эти стороны в южной части села соединялись единственным мостом.

«Было 10 часов. Противник начал обстреливать нашу команду арт. огнем и приблизительно в то же время последние части 3 полка входили в село. Настроение у нас было прекрасное и все думали, что все идет хорошо, так как дивизия заняла село».

Действительно, головной бат-н 1-го полка занял возвышенную часть села и вышел на его северную окраину. Остальные бат-ны его шли через мост и должны выйти — один за головным бат-ном, другой на сев.-восточную окраину села. Произошла задержка на подъеме: обледеневшую дорогу не могли взять пулеметные двуколки; лошади скользили, падали; им стали помогать проходившие роты.

— Не задерживаться! Вперед!

Головной бат-н на северной окраине ждет подхода и бат-нов и своих пулеметов. Он не может пойти вперед, если не обеспечен правый фланг. (Левый упирался в лощину, за которой стояла ком-да разведчиков). Впереди какие-то здания и оттуда стреляют красные пулеметы. Выдвижение одной из рот стоило 20 человек потерь из 60. Наконец подъехали пулеметы, но пока разогревали воду в их кожухах.

К ком-ру бат-на, кап. Папкову, подскакивает ком-р полка, полк. Слоновский.

— Немедленно в атаку! Взять рудники! Вперед! — кричит он.

Кап. Папков, всегда хладнокровный, спокойный, всегда оценивающий обстановку, а действующий смело и решительно, возражает.

— В атаку! — вне себя кричит полк. Слоновский.

— Батальон. Вперед! — командует кап. Папков.

⁂

А между тем, на подъеме улицы шла тяжелая, тревожная «осада» пулем. двуколками, подводами с патронами, батареей, приданной 1 полку. Много времени уходило на то, чтобы двумя уносами вытянуть одно орудие, затем другое, зарядные ящики... Крики, шум...

***

1 бат-н быстро идет вперед под пулем. огнем. Сзади разворачивается другой бат-н. Третий разворачивается на сев.-вост. окраине, против которой уже лавы кавалерии.

Атакующему бат-ну остается 300—400 шагов; вот, вот он ринется в атаку. Но внезапно из-за рудников вылетают густые лавы. Момент и цепи бат-на смяты. Лавы не задерживаются, летят к селу и сминают другой бат-н. С первым кончают следующие волны лав. Красные перешли в атаку всем своим фронтом, обтекая село с востока.

Эту картину видела команда разведчиков на другой стороне лощины.

«Слева показались тучи кавалерии. Я видел, как рубили первый бат-н — высокую фигуру кап. Папкова в белой «манджурской» папахе, по которой молотили шашки, останется у меня в памяти до смерти. Мы хотели броситься на помощь, но грозный оклик — Стой! Назад!

Правее — такое же и с сопротивляющейся группой кап. Цветкова.

Передняя лава красных, подскакав к селу, спешивается и ведет наступление по нему, где в панике скачут подводы. Лавы, охватывающие село, отбрасываются; но их фланг обтекает село глубже по всей восточной окраине. Два орудия, первые поднявшиеся на гору, вылетают на окраину и успевают дать только два выстрела. Из села вылетают в атаку сотни штаба дивизии и 1 полка. Красные отскакивают перед ними, но атакуют их во фланг. Сотни отлетают к югу и окончательно выходят из боя.

Бой в селе. 1 полк совершенно расстроен. Еще держится бат-н на восточной окраине, но за ним в селе красные.

2 полк еще в селе, вдоль улицы через мост. Он расстроен всем, что происходит на подъеме. Руководства им нет.

3 полк на западной окраине отбил атаку кавалерии, но уж наступает пехота. На улице, на площади затор — батареи, пулеметы, подводы. Ком-р батареи видит наступающих красных, ставит как-то одно орудие на позицию и... выстрел. Произошло что-то невероятное: лошади рванулись в стороны, все смешалось.

«Нач-к ком-ды быстрыми шагами шел к нам; как только приблизился, приказал немедленно построиться и следовать за ним. Спустившись в село, мы увидели роту 3 полка, с колена залпами, отбивающую атаку конницы. Миновав обозы и выйдя на западную окраину села, мы увидели, что прямо на нас несется с двух сторон конница. Начальник приказал остановиться и мы из-за плетней залпами, на расстоянии

ста шагов отбили атаку и двинулись в направлении ручья». (Пор. Майборода).

Пор. Незнамов дает некоторые подробности.

«Обозы, в которые врезалась кавалерия, помчались вперед. Одно орудие проскочило мостик, но сломало его; второе застряло на нем. Обозы кучей... Когда на нас налетала кавалерия мы в упор отбили ее, посбивав многих».

Кап. Шевченко увидел ясно, что сопротивляться больше невозможно, и стал выводить свою команду.

Но что с арьергардным бат-ном? Он оставлен на станции. Светает. Показалась колонна кавалерии, идущей вдоль полотна по обе его стороны. Под пулеметным огнем она быстро спустилась в лощину и скрылась в ней. Перед бат-ном она может появиться в 600—800 шагах. Это не страшно. Но показался бронепоезд. Он вошел в выемку. Показались и цепи пехоты красных. Бат-н уже чувствует свое полное бессилие: с ним не оставлено ни одного орудия. Бронепоезд приближается к станции.

Из лощины на левый фланг бат-на вышла лава, но под обстрелом скрылась обратно. Начал огонь бронепоезд, целясь по стреляющим пулеметам. Безнадежно оставаться здесь бат-ну, хотя еще виден хвост колонны дивизии. Бат-н начал отходить. Едва он вышел из поселка, как кавалерия атаковала его, но неудачно. Отойдя еще немного, он оказался под обстрелом бронепоезда справа. Бат-н принимает несколько влево, но не может не только обороняться, но и, самое главное, обеспечить тыл дивизии. Выход один — перейти небольшую лощину и занять позицию на противоположном высоком ее краю. Там он видит на западной окраине 3 полк, до левого фланга которого нет и полуверсты. Позиция отличная, фланкирующая подступы к селу.

Внезапно слева на него налетает дивизион кавалерии, который отбит. Однако бат-н уже не может оставаться на этой позиции; он должен был отойти за другую небольшую лощину. В момент перехода он снова подвергся атаке и снова отбился, потеряв 16 человек.

За следующей лощиной бат-н оказались лишь зрителем агонии дивизии в Алексеево-Леоново, поставив себе задачу не допустить противника обойти и вторую лощину и отрезать путь отхода выбиравшимся из села по большой лощине, шедшей из него.

АГОНИЯ

Красная кавалерия уже охватила село и с юга. Село окружено. Пулеметы красных на тачанках бьют по всем, кто пытается из него выйти. Но вот одна из пулеметных команд 2 полка, пробив себе дорогу через дворы и выехав на окраину, открыла огонь. Кольцо с южной стороны разжалось и команда, двигаясь перекатами, дошла до лощины

и с ней десятки пехотинцев и два орудия. Крутой спуск в лощину, а в ней обрывистое русло речки. Одно орудие выехало, другое застряло и было брошено. Спустя некоторое время за ними понеслись еще два орудия, но были настигнуты красными.

В село, на главную улицу, с востока безнаказанно въехали красные. Они мечутся среди подвод. И вот, ком-р 8 роты 1 полка, кап. Букин, бывший со своей ротой на сев.-вост. окраине и видя полное расстройство сопротивления, оттягивает роту к южной окраине и выходит на главную улицу. Красные очищают этот район села. Но тут кап. Букин видит красных к югу от села; рота открывает огонь и дальнейший путь к югу, к большой лощине, свободен. Рота отстреливаясь доходит до спасительной лощины, прикрыв отход десяткам человек и нескольким подводам с ранеными. Последних вывезла сестра милосердия роты, Ольга Елисеева. Она не только перевязывала и клала на подводы раненых, но с револьвером в руке останавливала бегущих, приказывала им... Благодаря ей вывезено было до 30 раненых.

За 8-й отходила к южной окраине 5-я рота, пор. Бетьковского, сдерживая красных. Вот и она на главной улице, из которой выбила снова ворвавшихся красных. Ей оставалось, как и 8-й роте, пробиться к югу, как в это время туда вышла из села ком-да разведчиков 1 полка.

И вот, что записал пор. Майборода.

«Не успев пройти от села и ста шагов, мы увидели тучу конницы, которая направлялась с южной стороны на нас. Все почувствовали, что дело идет о жизни и смерти. Ком-р приказал команде остановиться и выстроиться в две шеренги. Приказано было без команды не стрелять. Конница с красными знаменами густыми большими колоннами неслась в нашем направлении. Вот 600, 500, наконец и 200 шагов. Слышна команда ком-ра, который с браунингом стоял на правом фланге: — «Пли!» Первый залп был как на учении. Снова команда — «Пли!». Второй залп, третий, четвертый...

«После первого залпа в коннице началось смятение, но атака велась правильно; после второго — масса коней неслась во все стороны без всадников; после третьего — почти вся конница повернула назад, но некоторые всадники подскочили шагов на 50. После пятого залпа обоймы винтовок были израсходованы, но конница была уже в шагах 500—600 и отступала во всех направлениях».

«Картина была неописуемая: по полю бегали лошади, люди, лежали убитые и раненые. Я как сейчас помню, какое почувствовал облегчение, точно проснулась жизнь».

«В это время из-за нашего левого фланга выскочила сотня красных и повела атаку, которая была легко отбита, и мы спустились к ручью в лощине, которая скрывала нас от взоров и огня противника, обстреливавшего наши конные части, рассеянные по полю в двух верстах от нас. Из лощины мы стали подыматься на гору. Нас обстрели-

вала частым и метким огнем орудий. Но противник нас не преследовал».

А пор. Незнамов так закончил свои воспоминания о бое команды:

«Благодаря кап. Шевченко команда удержалась, отбиваясь ружейным огнем, прикрыв отход других и присоединив к себе многих, вытащила и вывезла своих раненых. Помню сцены: пор. Ковалевский дает винтовку полк. Битенбиндеру, командующему дивизией, шедшему в одиночку. Помню фигуру ком-ра 5 роты, пор. Вакха Бетьковского, которого чуть не убили, приняв за буденовца: он вел свою роту и присоединился к нам».

Команда разведчиков, 5-я и 8-я рота были последними частями, вышедшими из села. Здесь, на поле к югу от него, раздавались последние выстрелы. Одним, пор. Лебедева, спасен был полк. Битенбиндер: он сразил красного, занесшего шашку над его головой.

Но красные всадники еще не пробились к тому месту, где собственно и началась трагедия дивизии, к площади села, мосту и подъему.

У церкви все еще оставался хвост 2 полка. Там была рота пор. Делюденко. Она оказала сопротивление вошедшей в село крас. пехоте. Пал убитым пор. Делюденко и кончилось сопротивление роты.

А на подъеме у моста с безумными усилиями торопились подняться подводы, батареи...

«6-я батарея несколько задержалась. С большим трудом ей удалось перейти по мосту через речку (мост тяжестью одного орудия провалился), но на подъеме батарея остановилась: лошади не могли втянуть орудий в гору. С помощью людей, кое-как, почти втащили 3 орудия, а над четвертым еще бились, когда на батарею налетела конница. Орудия были захвачены красными. Спаслось очень немного чинов батареи. Убито 5 офицеров, юнкер, несколько солдат».

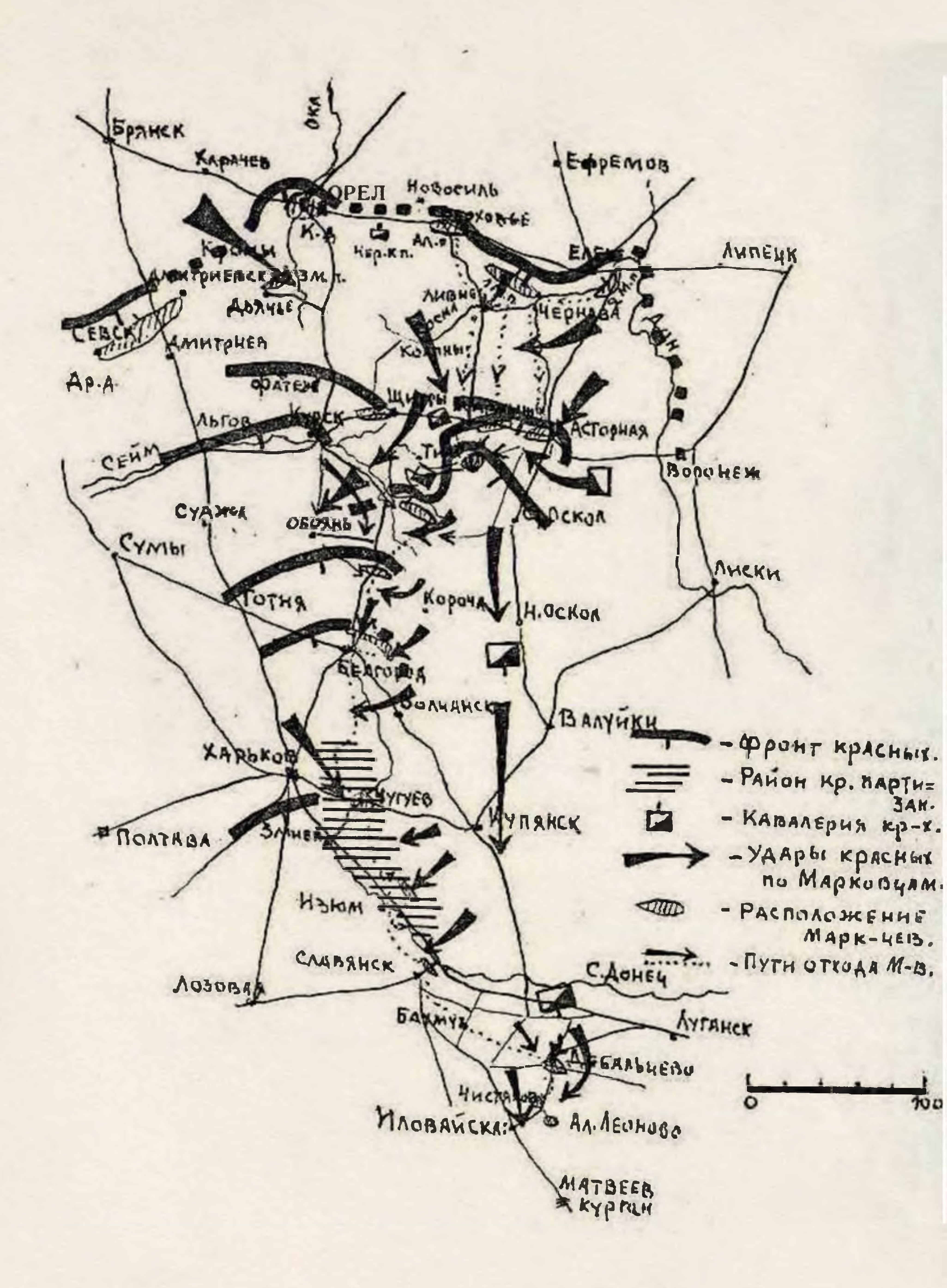
В селе продолжалась лишь редкая стрельба: отбивались маленькие группы, не желавшие сдаваться. Раздавались и одиночные глухие выстрелы: это кончали с собой непримирившиеся.

Дивизия была в яме, окруженной противником. Получилось еще и так, что единственная лазейка из ямы, лощина с ручьем на дне, оказалась забитой подводами. Нужно было самообладание, чтобы не остановиться перед баррикадой, а пробираться сквозь нее. Но и эта последняя лазейка из ямы не давала полной гарантии уйти: по обе стороны ее были красные.

— Сдавайтесь, чернопогонники! — кричали вплотную подскакивавшие красные всадники. По ним стреляли. Те отскакивали и тогда стреляли их пулеметы.

Редкая цепочка Марковцев уходила по этой лазейке, отстреливаясь направо и налево. Ком-щий 3 полком, кап. Савельев, пробирался по ней верхом со своим ординарцем.

— Г-н капитан! Я сорву флажек, — сказал ему тот, который на древке имел полковой значек, и... упал, сраженный пулеметной оче-

Брянск
Карачев
Ока
Орел
Новосиль
Ефремов
Верховье
Кромы
Елец
Липецк
Ливны
Чернава
Дон
Севск
Фатеж
Щигры
Курск
Льгов
Сейм
Касторная
Воронеж
Суджа
Обоянь
Ст. Оскол
Сумы
Лиски
Готня
Короча
Н. Оскол
Белгород
Волчанск
Валуйки
Харьков
Чугуев
Купянск
Полтава
Змиев
Изюм
Славянск
Лозовая
С. Донец
Бахмут
Луганск
Дебальцево
Чистяково
Иловайская
Ал. Леоново
Матвеев Курган
- Фронт красных.
- Район кр. парти= зан.
- Кавалерия кр-х.
- Удары красных по Марковцам.
- Расположение Марк-цев.
- Пути отхода М-в.
0
100

редью. Марковцы, шедшие с ручными пулеметами «Люиса», отстреливались. Окончательно закрыть последний выход из села красным удалось не сразу.

Так выходили из села под двухсторонней опасностью с версту и более, пока не добрались до большой лощины, где опасность грозила только с одной стороны. Увеличились надежды выбраться, увереннеи и спокойнее стали отбиваться.

Одни смогли уйти, другие остались; раненые и убитые устлали лощину и село своими телами. Исход из села постепенно прекратился.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОСТАТКОВ ДИВИЗИИ

Было около 13—14 часов. Красные не преследовали. Их эскадроны строились в колонны у села, а другие в лавах оставались стоять на краю лощины, ведя редкий ружейный и пулеметный огонь. Из села стреляла батарея.

Те, которые вышли из села последними, собравшись в группы, продолжали уходить по лощине, готовые сопротивляться, и в условиях уже более благоприятных: красным пришлось бы спускаться с крутого края лощины и переходить обрывистую речку.

Это ли или что другое удерживало красных от того, чтобы довершить разгром? Может быть, они не решались потому, что им пришлось бы атаковать в порядке отходившие цепи команды разведчиков, 5-й и 8-й рот и стоявшую в версте цепь 3 бат-на 3 полка? Может быть их сдерживала колонна пехоты, идущая в двух верстах южнее лощины, атаковать которую их, уже сильно потрепанными силами, было немыслимо? Это проходила 2-я пех. дивизия.

«По тракту шла дивизия, — записал пор. Незнамов, — мало обозов, пулеметы на одинаковых повозках, порядок в пехоте. Наше начальство бросилось просить помощи. Мы, несмотря на смертельную усталость, уже приготовились броситься на буденовцев, спасать обозы, артиллерию, раненых..: Но ком-р идущего полка заявил, что за ним идет огромная колонна красных и все, что он может сделать, это дать патроны и принять нас к себе. На душе было очень тяжело. Все пропало — оружие, раненые, сестры...»

В стороне от проходившей 2-й дивизии стоит группа — видимо штаб. К нему спешит ком-р арьергардного бат-на.

— Ваше Пр-во! Марковская дивизия гибнет. Окажите ей помощь!

— Марковская дивизия свою задачу выполнила! — был ответ.

Бат-н пристроился в хвост 2-й дивизии, за ним дивизион Черноморского конного полка.

Дорога шла на сближение с большой лощиной, разделявшей противников. Еще дальше она пересекала эту лощину. Казалось, неизбежно столкновение. Но его не произошло: красные ограничились сильным пулеметным обстрелом, под которым 2-я дивизия должна была оста-

новиться. Бат-н Марковцев не остановился, продолжая итти по дороге, пересек лощину и так прошел до 8 верст, когда только увидел группу всадников. Оказалось — штаб Корниловской дивизии. Бат-н был направлен в Степановку, чтобы там связаться с Корниловскими частями. Ночью ему приказано итти в Ростов.

Главная масса Марковцев, вышедших из боя, собралась верстах в 30 к югу, в Успенском. Здесь было около 300 пехотинцев с 20 тяжелыми и легкими пулеметами, артиллеристы с лошадьми и одним орудием, десятки подвод. Первая мера полк. Битенбиндера — связать всех рассыпавшихся по району Марковцев и объявить им о переходе в Ростов; вторая — снятие с командования 1 полком полк. Слоновского. К этому Марковцы отнеслись с горькой иронией: его вина лишь малая доля главной, основной вины. Но не до того им было в это время.

19 декабря. Марковцы разными путями направлялись к Ростову. Давно уже без связи с дивизией, туда же отходил зап. бат-н, обозы, команды, батареи, бывшие в резерве. На подводы были перегружено самое необходимое, что находилось в составах из-за полной забитости линии: Мало пострадавший арьергардный бат-н ехал на подводах. Впереди видна высокая гряда — отличная позиция для обороны. Не на ней ли та «линия чести», о которой шли разговоры еще в Бахмуте? И действительно, на гряде лежали груды кольев и мотков проволоки. Работали чины Марковской инжен. роты.

— Торопитесь! — говорили им.

Ночевка в с. Султан Салы. На следующем переходе навстречу шла колонны пехоты — Терский пластунский бат-н. Пластуны, почти сплошь молодежь, шли с мрачными лицами, тяжелой поступью, согнувшиеся под тяжестью несомого каждым груза. Молча прошли они, молчали и Марковцы. За пластунами ехало два орудия, оказавшимися Морковской зап. батареи. Марковцы приветствовали Марковцев, но вместе с радостью встречи была у тех и других тревога. Разгром дивизии потряс батарейцев. Была надежда на Терскую казачью дивизию ген. Топоркова, которая выступает на фронт. С добрыми взаимными пожеланиями разъехались сортники — одни в бой, другие залечивать свои раны. (Через несколько дней этот арт. взвод погиб целиком).

В РОСТОВЕ

С 20 декабря Марковцы собирались в Ростове. Пришла большая колонна в 400 человек, потом — в 160, несколько небольших групп; колонна чуть ли не в сотню лошадей, десятки подвод, одно орудие, пулеметы на тачанках. Горожане остановились, смотрели на входивших глазами полными недоуменья, растерянности, ужаса... В самом деле — входили Марковцы, которые были где-то под Орлом, а теперь здесь. Судьба города и их, жителей, определенна: придут большевики. У некоторых текли слезы, а большинство, взглянув на входивших, усталых, унылых, поворачивались и уходили.

Марковцы расположились в центре города. Встречи объятья... Жив? Расспросы: «Где А.?». «Что с Б.?».

«Убит. Зарублен. Ранен. Оставлен раненым. Застрелился». Но чаще был ответ: «Неизвестно. В последний раз видели его...»

— Полк. Наумов застрелился! Мы пробегали мимо него. Он стоял с револьвером в руке. «Г-н полковник! Мы будем пробиваться, идите с нами». Он не двинулся с места, а едва мы отошли, услышали глухой выстрел...» Впечатление весьма тяжелое от рассказа о таком печальном конце этого, далеко незаурядного, весьма известного Марковца.

— Ген. Тимановский умер! Это известие потрясло всех. Марковцы лишились не просто доблестного любимого начальника, а внутренней силы, которая крепила их ряды и держала дух на большой высоте.

— Он умер в день нашего разгрома.

— Не пережил свою дивизию.

Была скорбная панихида по нем, по ком-ре 2 полка, полк. Морозове, умершем тоже от тифа, о чем узнали только теперь, и по всем погибшим. Ни одного гроба не стояло на панихиде. Все убитые остались «там», а гроб с ген. Тимановским был отправлен в Екатеринодар для погребения в склепе Войскового собора рядом с ген. Алексеевым, полк. Гейдеманом, полк. Миончинским, полк. Морозовым.

За вопросами о соратниках следовали вопросы: «Как рота? Полк? Сколько вышло? Сколько вышло пулеметов, орудий? Что с сестрами?» Ответы были печальные. Вывод один: дивизия больше не существует, а наличного состава едва ли хватит на один полк.

Когда исчерпались эти темы, встал вопрос самый больной: «Как это могло произойти? Невероятно, что противник мог смять дивизию, загнать ее в яму и не выпустить оттуда».

— Наши отбивались геройски, отбивались исключительно ружейным и пулеметным огнем.

— Мы отбивались, когда уже были зажаты в тиски.

— Нашей вины не было — дрались на совесть, чтобы пробиться.

— От нас можно требовать все, но нельзя ставить нас в безнадежные условия.

— Мы дрались бы до конца, но мы даже сопротивляться не имели возможности.

— Собственно говоря, и боя-то настоящего не было: роты не успели развернуться, пулеметы и батареи — занять позиции.

— Знаете ли вы, что наша артиллерия в 14 орудий весьма эффектно обстреляла красных, когда они оставляли село, и выпустила всего три снаряда, когда они атаковали?

— Задержка произошла на мосту.

— А я видел — она произошла на подъеме.

Среди средних начальников говорилось о другом. Виновен ли ком-р 1 полка, полк. Слоновский? Зачем он послал в атаку бат-н кап. Панкова, не приготовив все для ее обеспечения? Виноват ли ком-р 2 полка, полк. Данилов, который ничего не предпринял в бою, оставил свой полк в полном бездействии и сам пропал без вести? Ком-р 3 полка, кап. Савельев? На нем лежала пассивная задача арьергарда дивизии. Никаких распоряжений во время боя он не получал. А катастрофа началась в авангарде, помочь устроению которой, он никак не мог, но он указал на одну из главных, даже основную причину:

«Я не был на собрании в штабе дивизии, когда решался вопрос о пути следования дивизии. Я бы решительно возражал».

Кап. Савельеву, как и всему 3 полку памятен отход от Дебальцево по обледенелой дороге через лощину. Случай, сыгравший роковую роль. Но было бы возражение кап. Савельева принято?

Слепое выполнение ошибочной директивы повлекло за собой трагический результат.

Полк. Битенбиндер объясняет неудачу тем, что полк. Слоновский начал наступление на с. Алексеево-Леоново с более чем часовым опозданием. Это так. Но...

«Ладно вышло на бумаге,
Да забыли про овраги.
А по ним шагать...»

Марковцы крайне мучительно переживали свой разгром. Обвиняли всех, обвиняли и себя: растерялись, потеряли руководство своими частями и... не решились, видя положение, на самостоятельные действия. Вышли организовано только дерзнувшие...

⁂

В Ростове был подведен подсчет наличного состава и потерь.

В 1 полку осталось около 300 человек; из этого числа в ком-де пеш. разведчиков — 60 и в 5-й и 8-й ротах по 30—35 человек. Вышло 5—6 пулеметов.

Во 2-м — около 250 и 10 пулеметов.

В 3-м — около 300, в том числе вышедший в порядке бат-н в 160 человек, и 4—5 пулеметов.

Почти полностью сохранились конные сотни, покинувшие бой в самом начале.

Итого — до 850 шт. и 20 пулеметов. Потери?

Из Бахмута дивизия вышла в составе свыше 1.800 шт. До 100 чел. дезертировало во время перехода. В боях 18 декабря выбыло, включая больных, до 200 человек. Таким образом в бой вступило до 1.500 шт. До 100 человек раненых было вывезено. Оставалось 1.400 шт.; из них вышло из боя до 850 человек. Отсюда — потери до 550 человек. Если прибавить убыль пулеметчиков, артиллеристов, обозных, то общие потери дивизии можно считать до 900 человек.

По советским данным, самым скромным, ими взято в плен — 67 офицеров и 1.200 солдат, 12 пушек и 50 пулеметов. «Лучшая дивизия белых, дивизия чернопогонников, изрублена нашей славной кавалерией», — писали советские газеты.

Но вот свидетельство мл. ун. оф. Чарочкина, взятого в плен, но потом бежавшего к своим:

«Все здоровые пленные, а также и легко раненые были собраны на ст. Чистяково. Нас набралось 300—350 человек. Офицеры были выделены в особую группу; их было около 50. На следующий день на ст. Рассыпная была присоединена еще партия в 60, 1 полка».

Итого в плен попало около 400 человек.

По свидетельству Чарочкина, отношение к пленным было весьма снисходительное. Ими даже гордились. «Мы вас повезем показывать в Москву», — говорили им. Между прочим Чарочкин уверял, что среди пленных офицеров он видел полк. Данилова.

На долю кровавых потерь остается около 500 человек. «Раненых и убитых было очень много», — говорила сестра милосердия, попавшая вместе с другими в плен и затем пришедшая обратно к своим, Нина Курбская. Немало раненых и убитых было среди красных. Она видела после боя вокруг села и ужасалась, сколько на нем лежало одних только лошадей. И она подтверждает хорошее отношение красных и говорит, что они не очень-то хвалились своей победой.

Преувеличение советских данных об убитых и пленных огромно, но поразительно совпадение в числах пленных офицеров, пулеметов и орудий (тут даже уменьшено на одно).

***

В течение трех дней, с утра до вечера, приходили и присоединялись к своим частям отставшие, выздоровевшие и даже выздоравливающие в госпиталях Ростока; подтягивались обозы, а с ними и те, которые не могли найти свои части и осели в хозяйственных частях.

Роты, вышедшие из боя в составе 4—5—6 человек, усилились до 12—15 и даже до 25. Иные были в 35—40. Число штыков уже перевалило за 1.000. Обозы привезли с собой не только пополнение людьми, но и пулеметы. Каждый бат-н имел ком-ду в 4 пулемета, а полки в 6 и более. Не хватало для них лишь двуколок.

Но все же, как слаба дивизия! Марковцы беспокоились — не будет ли она сведена в полк.

И вот, неожиданно, пришел полк. Блейш, еще слабый, не поправившийся от болезни. Он сказал: во-первых, он назначен вр. командующим дивизией; во-вторых, дивизия в полк сведена не будет, и, в-третьих, она будет отведена в тыл на формирование. Всеобщая радость. «А как положение на фронте?» — спросили его. — «Отнюдь не безнадежное; в крайне случае, фронт будет отведен на Дон».

Передал полк. Блейш слова ген. Кутепова о дивизии и ее последних испытаниях, которые сводились к следующему:

«На Марковскую дивизию всегда ложились тяжелые и ответственные задачи и особенно во время отступления. В Донбассе от нее зависело — пройдет ли армия на Дон. Ей дана была задача, требовавшая полного самопожертвования и она ее выполнила, хотя и дорогой ценой. День ее поражения, был днем, когда ударные силы красной армии вынуждены были вести жестокий бой и были ею задержаны на день и ослабили свое наступление на следующий. Более суток задержки, в создавшемся для армии положении, большой срок».

Переданное мнение ген. Кутепова воскресило в памяти, в сердцах, в душах Марковцев их путь: действительно, всегда на фланге — в Донбассе, у Корочи, у Ельца, у Касторной, у Белгорода и опять в Донбассе. Невольно учащенно бились сердца. Выдерживали! А мог же наступить, наконец, момент, когда сорвутся не выдержат? И вот, случилось...

Полк. Блейш сразу же провел назначения. Вр. ком-щим 1 полком назначил кап. Марченко, 2-м — кап. Перебейноса. В полках, из которых выбыло 5 ком-ров бат-нов, свыше 20 ком-ров рот и команд были новые назначения. Кадр дивизии понес тяжелые потери.

Был в дивизии еще зап. бат-н в 500 шт. с пулеметной командой, но он не был влит в полки, а оставлен для несения охранной службы в Ростове.

Марковские силы восстанавливались. Но вспомнили о своей артиллерии и заволновались: погибла! Оказалось, и в этом вопросе особенно печалиться не приходится: потеряно у Алексеево-Леоново — 13 орудий; рухнула надежда, что по жел. дороге будут вывезены 6 (конский и людской состав 4-орудийной батареи прибыл в Ростов); но есть еще,

кроме одного вывезенного из боя, две батареи — 8 орудий, бывшие в резерве и пришедшие в Ростов, а также зап. батарея в 7 орудий, один взвод которой был с пластунской бригадой. Был и еще один взвод с Корниловцами. Итого орудий насчитывалось 18. И это сила.

Но узнали: погиб со всеми чинами взвод пор. Георгиевского, бывший с пластунами. Отход стоил Марковцам 21 орудия и оставалось у них, все же — 16.

***

Тяжелое физическое и моральное состояние усугубляло и настроение умирающего большого города. Выйти на улицы, только расстроить себя, разве только в близкий собор помолиться. Не было возможности привести хоть как-нибудь себя в порядок. У большинства все пропало с повозками; в чем были под Ельцом, в том докатились до Ростова.

Надеялись, что интендантство чем-нибудь да снабдит: ведь в Ростове его склады. Но, во-первых, нужна строгая формальность, а, во-вторых, склады в Ростове принадлежали Донской армии. Лишь одной батарее как-то удалось получить кусок бязи для шитья белья собственными средствами.

Единственно, что удалось получить, это несколько ящиков с новыми, крайне тяжелыми, винтовками, изготовленными заграницей еще по заказу в Великую войну, да патроны.

ПЕРЕХОД В СТАНИЦУ УМАНСКУЮ

23 декабря дивизия получила приказ выступить в резерв Главнокомандующего в Уманьскую станицу. Итак — снова на Кубань. Почти ровно год назад, Марковцы оставили ее и вышли на «широкую Московскую дорогу» и, вот теперь... назад!

«Эх, Кубань, ты наша родина...» Побежали по госпиталям за своими и кого можно было, кто хотел, брали с собой. Немало осталось тяжело больных.

Ростов оставляли не особенно грустя. Да и сам он, казалось, целиком оставлялся жителями. Колонны полков перемешивались с вереницами подвод, карет с беженцами. Ночевка в канун Рождества на станции Батайск и в с. Ново-Батайск. Затем дальше в путь. Жители выражали и радушие, и холодное отношение к непрошенным гостям. Умершего бойца отказались похоронить оба священника и пришлось похоронить его самим: прочитали молитвы, пропели «вечную память» и засыпали могилу.

Полил дождь, тяжелее стал путь. И как раз это совпало с переходом из Донской области в Кубанскую. В первой кубанской станице, Кущевской, дивизия задержалась два дня. Но погода не изменилась,

совершенно раскисла черноземная земля. Тяжело встретила Кубань. Переменилось отношение. Стало определенно враждебным. Даже в дома впускали неохотно.

— В чем дело? Почему не входите в дом?

— Казак говорит — войдете только через мой труп.

— Перейти через его труп!

Тяжелые неприятные разговоры о соломе, о воде, о посуде, об еде... На обостренные разговоры Марковцы не шли, не до этого было, но припугивали: «Позови-ка своего мужа!» Станица была полна покинувшими фронт кубанцами.

Так начался для Марковцев, как они говорили, «Третий поход на Кубань».

По колена в грязи шли они дальше. Шли без строя. Было сказано: добираться до Уманской. Вечером 30-го, весь день 31 декабря и даже 1 января подтягивались они и кое-как располагались по отведенным районам. Узнали — оставлен Ростов и армия отошла за Дон.

⁂

Для Марковцев основные моменты их борьбы за Родину почти точно совпадают с гранями лет. Конец 1917 — начало вооруженной борьбы; конец 1918-го — конец борьбы на Сев. Кавказе и выход на широкую Московскую дорогу; конец 1919-го — снова на Кубани и подготовка к новой борьбе.

С душой, полной скорби и тревог, память перебирает имена ушедших. Их много. Очень много...

Капитан Образцов, Дмитрий Васильевич. Студентом 3 курса, минуя военную школу, идет добровольцем на фронт. Великой войны в 14 пех. Олонецкий полк. Сразу же выявляет себя отличным солдатом и быстро награждается Георгиевскими крестами всех 4-х степеней, а в начале 1915 года за боевые отличия производится в офицеры. Боевая школа, высокий культурный уровень сделали из него отличного офицера. Он награждается всеми боевыми наградами до Владимира 4-й степени включительно и в 1917 году он уже командует батальоном.

В конце 17 года шт.-кап. Образцов в Добр. армии — рядовым, затем адъютант Офицерского полка, ком-р Офиц. роты, ком-р батальона, заместитель ком-ра 2 Офиц. ген. Маркова полка и, наконец, командир этого полка.

В боях у Касторной кап. Образцов гибнет; его тело, исколотое штыками, в течение нескольких дней оставалось лежать на улице.

К наградам, полученным в Великую войну, прибавились: знак от-

личия 1-го Кубанского похода, посмертное производство в чин Полковника и... вечная о нем память, как о достойном Сыне Родины и Офицере.

Полковник Морозов, Алексей Аполлонович, Л. Гв. Павловского полка. На фронт Великой войны выступил в чине шт.-капитана, а с января 1917 года командует полком. В конце этого года он в Добрармии. Командует Офиц. ротой, приданной отряду ес. Чернецова. В 1-м походе он при ген. Маркове, но всегда, как рядовой чин, на первой линии.

В 1918 г. назначается вместо убитого ком-ра Св.-Гвардейского полка, полк. Дорошевича, ком-ром полка, но вскоре оставляет этот пост и вместе с ген. Тимановским едет в Одессу и там назначается ком-ром 15 стр. полк. После оставления Одессы, вместе с генералом возвращается в ряды первых добровольцев и командует отрядами. Затем назначается ком-ром 2 Офиц. ген. Маркова полка. 13 октября был ранен и только 15-го, вследствие осложнения ранения, оставил полк.

В ноябре полк. Морозов заболел тифом и 21-го скончался. Погребен в усыпальнице Кубанского Войскового собора.

Ранен был четыре раза; награжден всеми боевыми орденами до Георгиевского оружия включительно и, в заключение, высшей наградой, знаком отличия 1-го Кубанского полка.

Генерал Тимановский, Николай Степанович, гимназистом 6 класса пошел добровольцем в Русско-Японскую войну; получил два георгиевских креста и тяжелое ранение. Лечился в Петербурге. При посещении лазарета Государь спросил его:

— Когда поправишься, что намерен делать?

— Служить Вашему Величеству, — был ответ.

Сдав офицерский экзамен, ппор. Тимановский взял ваканцию в 13-й полк 4-й Стр. дивизии. Великая война. В дивизии все знают о поручике, а потом — полковнике Тимановском. Он один из самых доблестных солдат Русской армии, отмеченный всеми боевыми наградами. Вернувшись в строй по выздоровлении от последнего тяжелого ранения, он назначается командиром Георгиевского бат-на при Ставке.

Революция. Развал армии коснулся и его батальона. В конце 1917 года полк. Тимановский в Добрармии. Заместитель ген. Маркова в Офиц. полку; его командир; бригадный генерал; ком-р бригады в Одессе; начальник 1-й пех. дивизии, затем Марковской.

18 декабря 198 г. — его смерть.

Высшая награда ген. Тимановскому — терновый венец с мечом на георгиевской ленте — знак 1-го похода.

Слава и вечный покой ген. Тимановскому и его Марковцам, душу положивших за Веру и Родину, за народ свой.

КРИЗИС БЕЛОЙ ИДЕИ

В станице Уманской... Первые дни...

Ночи тяжелого сна и кошмарных видений. Утро с долгим неподвижным лежанием, с роем мыслей. Какая-то ко всему апатия. Потребовались дни, чтобы медленно возвратились физические и моральные силы, чтобы востановилась память, пришли в порядок мысли.

Вялые разговоры; собственно — броски мыслей, броски ответов. Начало всех разговоров о разгроме дивизии. Это больная тема. Армия стоит по Дону, а Марковцы в Уманской. Потому ли, что их дивизия была разбита? Нет. Отступление ведь началось от Ельца и не по вине Марковцев. Но чья-то вина есть. Есть какие-то причины.

Можно ли обвинить только казаков, которые не захотели больше воевать? Можно ли обвинить самих себя, Марковцев, которые будто бы «открыли фронт» у Курска? Ведь главное: нас задавили своей массой красные. Да, бесспорно. Но и тут есть свои причины, почему у красных были массы, а у белых их не было. Не потому ли, что русские люди поверили Советской власти и боролись за нее, и не верили Белой? Нет. Это отрицалось: Марковцы проходили по селам и весям и этого не видели. Было в народной массе желание, чтобы скорей кончилась война и можно было жить спокойно, как жили раньше при Царе.

Но все же, почему массы были там?

Их заставили воевать террором; и не только инертные массы, но и... офицеров. Сколько последних воевало «не за страх, а за совесть»? Даже стали коммунистами. Да, террор, как метод, оказался действителен и сыграл огромную роль в пользу красных.

Не следовало ли и нам применять его? — ставился вопрос. Но не по душе он был.

«Сходились на том, что мы все же лучше большевиков и, отбросив сомнения и затыкая уши и закрывая глаза на все, нас возмущавшее, надо было скорее взять Москву, а потом «все образуется», все придет в какой-то порядок, как-то наладится, убо у нас не было никакой социальной ненависти ни к какой части населения, в противоположность коммунистам».

Эта запись, сделанная еще в период наступления, не потеряла значения и в уманских разговорах: она характеризовала идейное настроение всех Марковцев тогда, но теперь для многих вскрылась

большая внутренняя пустота таких рассуждений, вызвавшая столь печальные последствия.

«Да! Мы несем в сердцах и чувствах Правду и Добро. Но было ли это известно народу? Говорили ли мы об этом народу. А если и отвечали на его вопросы, то отвечали ли им убежденно, убедительно, и верил ли он нам?»

Горячо спорящие бросали короткие фразы. Коммунисты в Донбассе — они враги. Крестьяне Харьковской губернии — они не хотели воевать и им почти безразличны и белые, и красные. Крестьяне Курской губернии — воевать не хотели, но чувствовали зло в большевиках. Крестьяне Орловской губернии настроены были против большевиков: они испытали на себе их режим. Делался вывод: только испытав коммунизм, народ пойдет против него. Но этот вывод не удовлетворял.

Раннее утро. Все еще спят, но вот один вскакивает и громко говорит:

— Хорошо! Народ убежден, что большевики несут ему зло. Но почему вы думаете, что он непременно должен пойти за нами?

Все проснулись. Офицеры повторил свой вопрос и добавил:

— Народ станет на нашу сторону, если будет знать, что мы ему дадим.

Молчание. У всех в головах рой мыслей.

Тема расширялась и углублялась. Она уже не касалась, а охватывала то, что для каждого было самым ценным — Белую Идею.

Да. Действительно так. Мы сами не знали и не знаем... Да! Что-то доброе мы несли в своих сердцах, но на глазах у всех были лишь наши штыки. Но наша ли в этом вина?

Разъяснять народу, за что идет Добрармия, не наше дело. Для этого был «Осваг». Знай его разъяснения, мы, конечно, не смущаясь, передавали бы народу, среди которого мы все время были.

Иным Марковцам удалось ближе познакомиться с этим учреждением, и, вот, запись:

«У меня во взводе 1-й роты во 2-м походе был хороший солдат ставрополец. Перед Армавиром он был ранен и потом из госпиталя его забрали в Осваг для подготовки из него низового пропагандиста. Летом 1919 г. я встретил его в Ростове и он поделился со мной тем, чем его напичкали. Оказалось, что все сводилось к масонскому заговору и «Сионским протоколам», и это он должен был внушать мужикам и рабочим для того, чтобы объяснить задачи и цели Добрармии. Меня поразила бессмысленность этой пропаганды. Направлять крестьян и рабочих против масонов высоких степеней и сионских мудрецов, сидящих заграницей, в то время, когда перед нами и против нас непосредственно были такие же крестьяне и такие же рабочие, казалось

форменным абсурдом. Те были вне нашей досягаемости, а вот эти, которые стояли на распутьи — кому помогать, — вся эта чепуха была безразлична в высшей степени».

Из записей о том времени... «Ген. Тимановский в Орле. Его встретили и горожане и жел.-дор. рабочие с такой симпатией, что душа радовалась. Он не ожидал такой встречи. Прибыли 4 вагона «Освага». Осважники ретиво взялись за дело и начали расклеивать огромные цветные плакати: жизнь при коммунистах и при белых. Это было издевательство... сверх глупость осважников. Он приказал их содрать».

Другая запись: «Пришлось прочесть какую-то брошюрку Освага. Пустая, не произведшая никакого впечательния. Убедительность отсутствует».

В Уманской узнали о расформировании Освага и не пожалели о нем. Он совершенно не удовлетворял своему назначению. Как ни были неприятны слова: «пропаганда», «агитация» и т. п., но Марковцы приходили к заключению — у большевиков они сыграли роль огромную, и нечто подобное должно было бы быть и в Добрармии. Об этом говорил и ген. Деникин, но когда армия уже отходила.

«Пропаганда служит исключительно по прямому направлению — популяризация идей, проводимых властью, разоблачению сущности большевизма, поднятию народного самосознания и воля борьбы с анархией».

Тогда же он, в декларации 15 декабря, сказал:

«Прессе сопутствующей помогать, несогласную терпеть, разрушающую уничтожать».

Ген. Деникин напомнил Марковцам о прессе. На фронте они ее не видели и только слышали от приезжающих, что она наполнена какими-то нападками, дрязгами, даже обвинения Белой власти. И не тут ли тоже причина неудач?

В Уманской узнали и о тяжелых событиях, протекавших и протекающих в тылу. Оказывается — мы в «Кубанской республике». На Кубани сильное самостийное настроение; формируется Кубанская армия; все казачьи области организуют свой Казачий союз. Некоторые Марковцы, оказывается, принимали участие с ген. Покровским в разоружении в Екатеринодаре кубанских частей, в аресте членов Рады, из которых один был повешен.

Говорили о восстании в Крыму какого-то кап. Орлова, будто бы как протест против тыловых беспорядков. Конечно, беспорядки огромны, но к чему может привести восстание, как не к полному разложению.

Наступают грузины...

Слухи давили. Но признать, что «все кончено» Марковцы не хотели. Они еще будут бороться и не отступятся от своего Вождя. Да! Белая Идея потерпела поражение, но это поражение внешнее. Она должна жить. Ее первый пункт — «Единая, великая, неделимая» —

должен остаться в полной силе. Она только должна выявить себя во всей полноте и глубине, как показали требования жизни и борьбы.

Но по внутренней слабости, брошенное кем-то вместо «Белая Идея» выражение **Белая Мечта** было подхвачено... Мечтать никому не возбраняется, да это и легко. И вот, спрятали «Белую Идею», пошли за **Белой Мечтой.** И не задумываясь пошли, даже узнав о разрыве между ген. Деникиным и ген. Врангелем, как это ни было тяжело. Говорили о причинах, о каком-то письме ген. Врангеля, обвинявшего ген. Деникина во многом.

Не задумались и тогда, когда узнали об отступлении армий адм. Колчака в Сибири и о его смерти 25 января. Погиб Верховный Правитель. И как погиб! Его выдал французский ген. Жаннен. Еще раз вспомнили о союзниках...

Верховный Правитель России погиб — да здравствует ген. Деникин, его заместитель!

Тамара Давыдова
Убита 27-I-1918 г.

Домна Сулацкая

Ольга Есеновская-Мино.

Ксения Кочан-Пустынникова, Варвара Тер-Ананьева,
Нина Курбская и Любовь Казмарарова

1920 ГОД

В СТАНИЦЕ УМАНСКОЙ

— С Новым Годом.
— Ну, что же? Начнем опять с Кубани?
— Начнем!
— С новым счастьем!
— Эх, Кубань, ты наша родина. Вековой наш богатырь!

Грустно. Но какая-то внутренняя решимость. Казаки внимательно присматривались к Марковцам суровыми взглядами, но «шли навстречу». Спасибо! Ведь Новый Год. Праздник.

Каждый день перемещения из дома в дом. Терпите казаки. Нужно! Открыто недовольных предупреждали. Все вопросы решались на месте.

*
**

6 января, в день праздника Крещения — крещенский парад. Участвовал 1 полк, да небольшая казачья часть. Принимал его станичный атаман.

Дивизию принял ген. Канцеров. Он не побеспокоил ее смотром, но его влияние стали все быстро чувствовать. Но кто он?

Ген.-лейт. Канцеров — старый генерал и по годам и по службе. В Вел. войну — нач-к 71 пех. дивизии. Награжден не только орденом Св. Георгия 4-й степени, но и 3-й. Отзывы о нем его бывших подчиненных отличные во всех отношениях. У него помощником по дивизии полк. Блейш. Можно быть спокойными. Командирами полков назначены: кап. Марченко, полк. Докукин и кап. Савельев.

Ген. Канцеров детально ознакомился с состоянием частей дивизии и выяснил их нужды. Его интересовало не только количество штыков, пулеметов, орудий, кухонь, пулеметных двуколок, повозок и лошадей, не только наличие снаряжения, состояние обмундирования и обуви и проч., но и... наличие шомполов к винтовкам, смазочного масла, даже тряпок для смазки. Питание частей было у него серьезной заботой.

Однажды генерал вызвал к себе всех артельщиков. На этой должности были почти только офицеры, по состоянию здоровья не могущие

служить в строю. Опрос и разговор с ними касался всех подробностей. Резюмировал свою беседу ген. Канцеров так:

— Котлы должны быть лу...? — ставил он вопрос и, обводя глазами всех, ждал окончания и, не дождавшись, заканчивал сам... женые.

— Продукты должны быть добро...? — повторятся та же сцена, — ...качественные.

— Кашевары должны быть хо...? ...рошими. Почему? Потому, что если они будут пло... хие, то пища будет га...?

И только тут все артельщики закончили его мысль непечатным окончанием.

— дость, — твердо поправил генерал.

Получился забавный анекдот, над которым потом от души смеялись, но без всякой иронии. Все почувствовали в ген. Канцерове действительно Отца-Командира.

Произошел и другой случай, еще более усиливший симпатии к ген. Канцерову. Он поражал Марковцев чрезмерной скромностью и нетребовательностью. Прибыв в дивизию в поношенном солдатском обмундировании и в простых сапогах, он не думал об изменении своей внешности. Об этом подумали подчиненные и решили подарить ему кожу на хорошие сапоги. Генерал был очень тронут, смущен, благодарил и хотел уплатить за нее.

— Ваше Пр-во. Она нам ничего не стоит, — заявили офицеры.

Ген. Канцеров вопросительно посмотрел на них и решительно отказался от подарка. Его поразительная честность смутила офицеров и они вышли с еще большим к нему уважением.

***

Ежедневно прибывало пополнение мобилизованными, из зап. бат-на и находящимися на учете у тыловых комендантов. Из Екатеринодара последних для дивизии было назначено около 250 офицеров и до 300 солдат, но прибыло всего 40—50 офицеров и 150 солдат. Остальные, видимо, разъехались по своим частям, куда они просились, а коменданты не вняли их просьбе. В партию, назначенную во 2-ю дивизию, попали Марковцы и, конечно, сбежали в свою дивизию.

В средине января в ротах было уже по 30—35 шт., а в некоторых и больше. Официально состав дивизии определялся в 641 офицера и 1.367 солдат. Было вполне достаточное число пулеметов, но не хватало обученных пулеметчиков, двуколок и лошадей. Однако состав этот, несмотря на продолжавшие прибывать пополнения не увеличивался — косил тиф. Тифозными были заполнены не только госпиталя в Ейске, но и в станице. Даже при каждом бат-не 1—2 дома были заняты больными, за которыми ухаживали сестры милосердия.

Восстанавливала свои силы и арт. бригада. Она имела 16 орудий в шести батареях. Была пополнена из расформированных батарей дру-

гих частей, но был недостаток в лошадях, благодаря развившейся среди них чесотке.

В общем, во второй половине января дивизия стала внушительной силой. Ее обучению мешала непролазная грязь. Окрепла она и в моральном отношении, чем упомогли успехи на фронте: отбиты были все наступления противника, а Донцы даже разгромили конный корпус Думенко. Но мораль крепла помимо этих внешних причин.

Ген. Канцеров собирал в штаб всех начальников, вел с ними долгие беседы. Он читал выдержки из речей ген. Деникина. Между прочим ген. Деникин говорил, что силы большевиков, на основании оценки самого Троцкого, были надломлены.

«Отсутствие продовольствия, расстройство транспорта, голод, холод, глухое и открытое недовольство нами масс — все это грозит последствиями, которые до конца напряженная власть не в состоянии будет ликвидировать. Наш противник тоже совершенно выдохся и весь вопрос в том, кто из нас в состоянии будет выдержать эту зиму. Мы не в состоянии воевать, они тоже; поэтому, во что бы то ни стало: наступать!»

Ген. Деникин говорил: «Продолжение борьбы возможно, необходимо и обещает успех». Он объявил цели и основы общерусской власти, из которых ближе всех воспринимались:

Единая, великая и неделимая Россия.

Борьба с большевиками до конца.

Земля крестьянам и трудовому казачеству.

Широкое обеспечение профессиональных интересов рабочих.

В последних двух пунктах Марковцы видели заполнение той пустоты, которая сыграла в минувшем году столь отрицательную роль.

«Счастье России я ставлю на первый план. И работаю над освобождением России», — говорил ген. Деникин. И Марковцы в душе еще и еще раз утверждали это для себя.

Тяжело лишь было слышать о разлагающей кубанцев работе их Рады.

Ген. Канцеров сказал, что возможен переезд Ставки в район расположения дивизии или перевода ее или ее части ближе к Ставке.

ПОДАВЛЕНИЕ ЕЙСКОГО ВОССТАНИЯ

Красное командование не дремало и всюду, где только возможно, подготовляло в тылу у белых восстания. Особенно легко это было сделать на побережьи Азовского моря. 22 января красные обезоружили стоявший в Ейске гарнизон — запасный бат-н, сотню и батарею. Восстание распространилось к северу по всему побережью.

23 января, в лютый мороз, части дивизии грузились в ж.-д. составы. 25-го 1 полк подошел к Ейску и был встречен огнем орудия

блиндированного поезда. На следующий день он с Кубанским пласт. бат-ном и батареей атаковал город и занял его. Восставшие рассеялись, но многие стали спасаться по льду залива, пытаясь перейти на северный берег. Обстреливаемые арт. огнем, они гибли, проваливаясь под лед и от мороза:

В этот день 2 полк пришел в Ейское укрепление на восточном берегу залива, где стояли 2 Кубанский Запорожский полк и Терская батарея, державшие нейтралитет. На следующий день один бат-н с двумя орудиями, под командой шт.-кап. Стаценко, в страшный мороз и ветер, выступил для занятия Порта Катон, в 20 верстах к северу.

Отчаянный переход и отчаянный налет на порт. Красные не ожидали его в такую погоду и уже наступившей ночью. До 500 человек было взято в плен, много пытавшихся бежать погибло. Захвачены видные организаторы восстания, 6 пулеметов, штаб и канцелярия Ейского партизанского полка.

28 января восстание было подавлено. Кубанский Запорожский полк прекратил свой «нейтралитет» и покончил с повстанцами в селе Глафировка на северном берегу залива; 2 полк — в селах Маргаритовка и Александровка, к северу и востоку от Порта Катон; 3 полк — в станице Екатериновка. В эти же дни Черноморский кон. полк, стоявший у южного края дельты Дона, ликвидировал их вдоль берега Азовского моря. Повстанцы пытались спасаться по льду в сторону Таганрога, до которого было 20 верст, но это удалось немногим .

Общие потери дивизии до 60 человек, не считая значительного числа обмороженных. Потери были восполнены влитием пленных.

В Ейске повстанцы были милостивы к Марковцам, которых они захватили в лазаретах, но когда Марковцы уходили с побережья, то слышали от женщин: «Мы вам припомним черные погоны!»

На занятых местах полки пробыли 3—5 дней. 1 полк в Ейске. Была у него ночная тревога и через 15 минут полк и батарея стояли на площади. Ген. Канцеров благодарил. С ним приехали и англичане, которые тут же выдали привезенные обмундирование и обувь, а ком-ру полка сказали, за всем необходимым обращаться прямо к ним, минуя интендантство.

НА ГЛАВНЫЙ ФРОНТ

Неоднократные попытки красных прорвать фронт на линии ст-ца Ольгинская—Батайск—Азов большими силами пехоты и конницы кончились неудачей. Также неудачно было наступление корпуса Думенко к востоку от этой линии. Однако, решение красного командования сломить сопротивление белых в возможно короткий срок было непреклонно. Оно хотело использовать время, пока Кубанцы, оставившие фронт, в массе еще не опомнились и не взялись опять за оружие. И армия Буденного стала перебрасываться в район Великокняжеской для наступ-

ления в Тихорецком направлении. Удар готовился по Донской армии и остававшимся на фронте кастям Кубанцев. Чтобы ослабить удар, ген. Деникин решил разбить красных в районе Ростова наступлением 1 корпуса и левофланговыми частями Донцов.

7 февраля они перешли в наступление.

«Впереди — обрамленная сухим камышем и сугробами снега промерзшая низина, местами рассеченная ледяными плешинами замерзших озер и маленьких речек, а за ней виднелась гладь главного русла Дона и возвышающийся над ним правый берег, вдоль которого на полотне жел. дороги дымились бронепоезда противника».

Три полка Корниловцев ворвались в ст-цу Гниловскую; их 4-й полк и 1-й Марковский — в Темерник. За ними, преодолевая препятствия, спешили батареи. Взвод 1-й Марковской батареи, добравшись до передовых цепей Корниловцев, в упор обстрелял батарею красных, которая была взята.

На следующий день — атака города силами 1-го Марковского, 2-го и 4-го Корниловских полков и частей конной бригады. Город взят без серьезного сопротивления: в тыл от Ольгинской через Аксайскую вышла Донская казачья дивизия.

За два дня частями 1 корпуса (левее Корниловцев наступали Алексеевцы и Дроздовцы) было взято до 4.000 пленных, 22 орудия, 3 бронепоезда. Донцы взяли 2.000 пленных, 15 орудий и бронепоезд. Пехота противника явно потеряла боеспособность. Но...

9 февраля корпус получил приказ отойти в исходное положение. Все были поражены: у всех было стремление развить успех, достигнутый со сравнительно небольшими потерями (1 полк потерял до 100 человек).

В ночь на 10 февраля корпус оставил Ростов.

В СТАНИЦЕ ОЛЬГИНСКОЙ

10 февраля. 1 Марковский полк кратчайшей дорогой из Ростова пришел в Ольгинскую и туда же из Батайска — 2 и 3 полки. Стоял мороз свыше 20 гр. при сильном ветре .

Дивизия сменила Донские части, ушедшие к юго-востоку в Хомутовскую. Оставлен был лишь один пеший полк в 400 шт., стоявший в 6 верстах к востоку от станицы, в х. Нижне-Подполинском и вошедший в подчинение нач-ку дивизии.

2 полк занял восточную половину северной окраины станицы и х. Старо-Махинский, между нею и х. Н. Подполинским; 3 полк — весь западный фас; и 1-й — в резерве на юго-вост. части станицы.

Дивизия снова оказалась на правом фланге корпуса. Ее фронт до 10 верст. Она в 12 верстах от Батайска и в 20 верстах от Хомутовской.

Таким образом, она в значительном отрыве от соседей. В январе здесь проходили сильные бои: не раз Донцы оставляли станицу, но с поддержкой кон. бригады 1 корпуса со стороны Батайска, восстанавливали положение.

Оборонять Ольгинскую пехотой не представляло трудностей и только то, что она могла быть обойдена с флангов, усложняло задачу. Примеры предыдущих недель говорили: станицу, возможно, придется оставлять, отходить к югу на бугры и восстанавливать положение контр-наступлением.

11—12 февраля прошли спокойно. Единственным развлечением для Марковцев было наблюдение за противником. Из станицы отлично видны Ростов, Нахичевань, Аксайская, Старочеркасская. Видно движение пехоты и кавалерии, их колонны, идущие из Аксайской в Старочеркасскую. А в общем — скучно. Конечно, не мерзли, так как стояли в теплых домах. Наблюдение во все стороны отличное.

Скучно было еще и потому, что приходилось удовлетворяться казенной пищей. В станице и хуторах ничего съестного достать было нельзя: все съедено за январь месяц и Донскими частями и красными, побывавшими здесь. Иные из Марковцев не побрезгали мясом убитой коровы, неизвестно сколько дней валявшейся за станицей на сильном морозе. Уверяли, что отличное.

Но была большая пища для разговоров. Темы — положение на фронте, положение и обстановка, в которых может оказаться дивизия и каждый из ее полков. Конечно, все сводилось к гаданиям, так как никаких официальных сообщений до Марковцев не доходило. (В эти дни конница Буденного перешла в наступление и 12 февраля нанесла тяжелое поражение коннице Донцов).

Была, однако, одна тема, захватившая внимание всех: **ровно два года назад — 10, 11 и 12 февраля — Добрармия, оставив Ростов, стояла здесь в Ольгинской. Здесь был сформирован Офицерский полк и 1-я батарея — родоначальники Марковской дивизии.** До ста человек осталось с того времени. И они рассказывали о ген. Маркове, о полк. Тимановском, о Миончинском... о многих.

Тогда Добрармия шла «в неизвестность», тесно сплотившись у Национального Знамени вокруг ген. Корнилова, при «Светоче», зажженном ген. Алексеевым. И спасены были честь Знамени, честь Армии. А теперь?

Теперь еще горит «Светоч». Не дадим его угасить! Спасем честь Знамени и Армии, какая бы неизвестность ни была впереди. Потеряли свыше 10.000 человек в первый год войны; свыше 10.000 во второй, но «есть еще порох в пороховницах», есть еще Марковская сила! Ведь сказал же Шеф, ген. Марков: «И с малыми силами можно делать великие дела». Нужно все предусмотреть, все продумать. Все и всем — от рядового до нач-ка дивизии .

Марковцы пехотинцы видели, что Ольгинская — не с. Алексеево-Леоново. Они здесь могут легко держаться, даже выйдя из станции, отбиваться на буграх за ней, переходить в наступление. Когда они говорили так, то считали, как всегда, неотъемлемой своей частью свою артиллерию. А для нее здесь отличное место для действия огнем. Артиллеристы смотрели глубже: им нужны будут снаряды, а следовательно должен быть надежный путь, чтобы пополняться ими. Однако, база снабжения — на ст. Батайск, а путь туда опасен: он не вдоль фронта, а по фронту и при том на никем не занятом 10-тиверстном участке. Об этом они доносили по своей линии.

13 февраля. С утра спокойно, но часов в 10 от Аксайской красные повели наступление силами в полк при одной батарее. Наступали как на учении; под арт. огнем перебежками. Только к 14 часам, когда подошли на 600 шагов, по ним был открыт пулеметный огонь. И опять в порядке стали отбегать и ушли в Аксайскую.

14 февраля — второй день боя. Легкий туман, быстро исчезнувший. С утра спокойно, спокойно и в полдень. Но около 14 часов красные перешли в наступление в том же месте, однако значительно большими силами, двумя цепями, быстрым маршем, имея полк кавалерии на своем правом фланге. И особая новость: со стороны Нахичевани, в интервале между станицей и Батайском, двигались колонны кавалерии.

Цепи опять были подпущены на 600 шагов, принуждены были залечь и только в одном месте рванулись в атаку, но понеся большие потери, отошли.

Однако всех удивило, что наступление массы кавалерии не было нацелено на станицу. Передовые ее лавы дошли до прямой дороги на Батайск и затем повернули назад в Нахичевань; за ними следовала конная сотня Марковской дивизии, а со стороны Батайска — сотня Корниловцев.

Впечатление от боя сложилось неопределенное: то ли красные хотели взять станицу, то ли проводили боевую разведку, решившись на большие потери в пехоте, но не в кавалерии. Был, конечно, какой-то смысл в движении кавалерии; например, выяснить силы конницы как в станице, так и в Батайске. И выяснено: кавалерийской бригады 1 корпуса, раньше бывшей в Батайске, теперь там нет. (Она уже была отправлена к востоку, где решалась судьба столкновения армии Буденного и конными силами Донцов).

15 февраля — третий день боя. Ночь прошла спокойно. Стоял густой туман, рассеявшийся несколько позднее, чем вчера. У противника никакого движения.

«Ну, будем ожидать наступления в полдень», — решили Марковцы. И действительно, едва они пообедали, как сообщение: красные наступают. Но наступали они теперь не со стороны Аксайской, а от Старочеркасской на х.х. Н. Подполинский и Ст. Махинский; на пер-

вый — кроме того и с востока. Их огромные цепи и лава кавалерии были отлично видны на широкой низине Дона. С обеих сторон сильно била артиллерия.

Две роты 2 полка, стоявшие в х. Ст. Махинском, легко остановили красных и затем заставили их отходить, но Донской полк не удержался в х. Н. Подполинском; охваченный с двух сторон, потеряв половину состава, стал отходить к станице. Стоявший в резерве 1 полк восстановил положение и ему было приказано остаться на хуторе.

Ком-р полка, кап. Марченко, предлагал нач-ку дивизии оставить на хуторе лишь бат-н, указывая, что хутор, в случае его оставления, всегда может быть взят контр-атакой, и кроме того, в хуторе 10—12 дворов, в которых в мороз не разместить весь полк, но нач-к дивизии не согласился.

В результате — все полки стояли на фронте в десять верст, а резерва не было. (Донцы ушли к своим частям). Чтобы создать резерв, ген. Канцеров приказал 2 полку занять весь северный фас станицы для обороны как в северном, так и сев.-зап. направлении, а 3 полку, оставив один бат-н на юго-западной окраине, два бат-на отвести в резерв на юго-восточную. Этим решением ослаблялась оборона на северном и, в особенности, на западном фасе, где, по мнению Марковцев, грозила наибольшая опасность.

Трехдневные бои вызвали большой расход патронов и снарядов. 3 полк уже поделился своим запасом со 2-м. Было сказано — ночью прибудет транспорт с огнеприпасами. Особенно волнуются артиллеристы: у них осталось снарядов на 4 часа боя. Для них ясно, что неизбежен бой на три стороны и что исход боя в большой степени зависит от них. А в пехоте, как никогда, возлагалась надежда на помощь артиллерии.

Все ждали наступления красных и притом решительного, большими силами и комбинированного: массой пехоты и кавалерии. Ночь была крайне тревожной даже для резервных бат-нов. Они были соединены телефоном прямо со штабом дивизии, оттуда непрерывно звонили, напоминая о готовности. Нервы у всех натянуты.

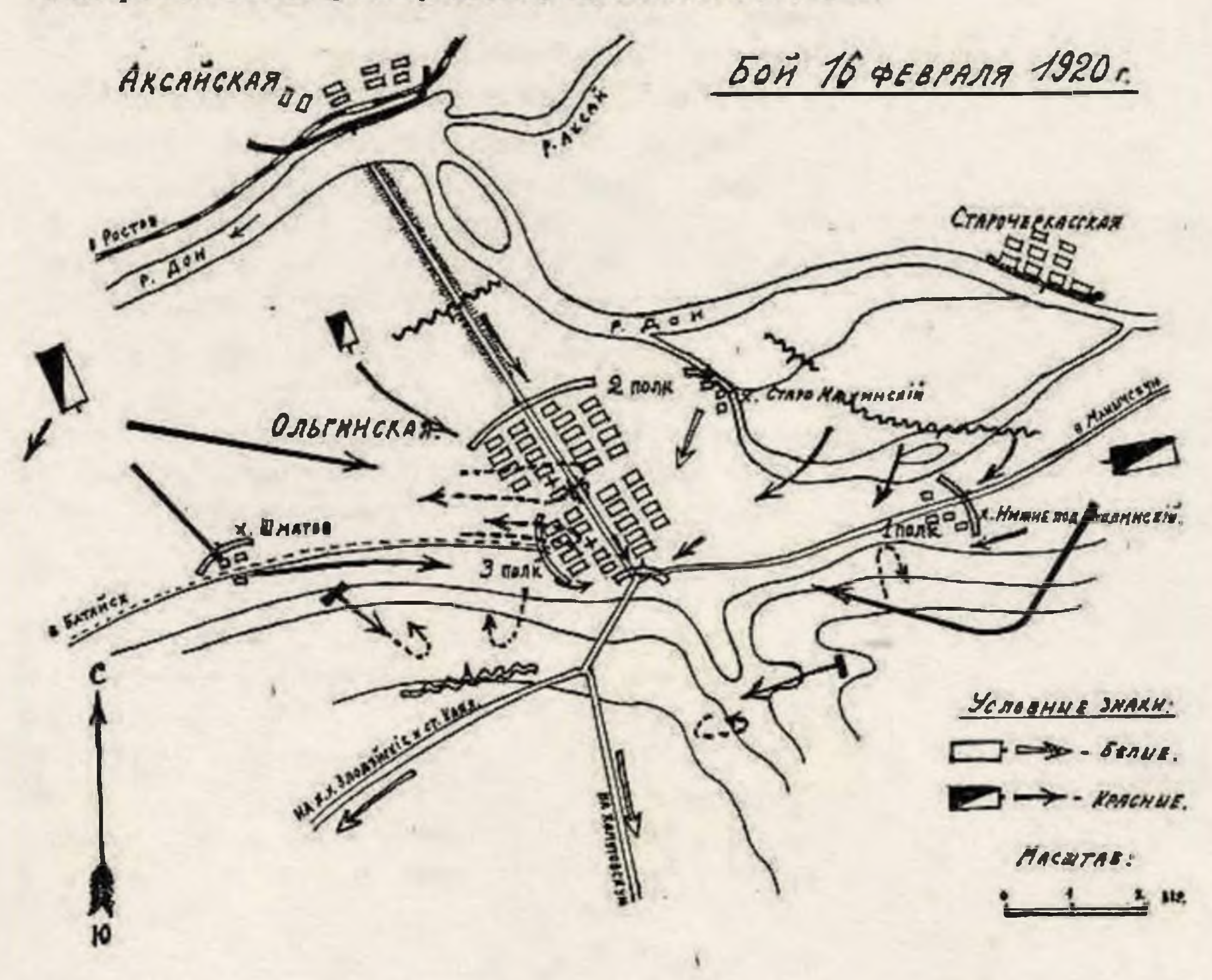
«Завтра будет развязка», — подсказывает инстинкт. Удавалось уснуть немногим и на короткое время. Иные вскакивали от виденного во сне кошмара: «Потерял сапоги и шел по Ольгинской по глубокому снегу босиком. Неприятно!» Шт.-кап. Андриевский, погибший затем в бою, рассказал свой сон ком-щему бат-ном: «Громадное поле, засаженное сплошь капустой. Мы ходим по нему с шашками наголо и охотимся за зайцами, которых уйма. Но странно, никто из нас, как мы не ловчились, не мог зарубить ни одного зайца, хотя они и шмыгали у нас между ногами. Все удары шашками приходились по качанам капусты. Сегодня будет жаркое дело».

«Слушая его сон, я чувствовал, что бледнею: он рассказал в самых точных деталях виденный также и мною сон», записал кап. Стаценко.

Что это? Неуверенность в себе или неуверенность в положении дивизии? Себя можно побороть и решиться на все, но есть зависимость от начальников...

16 февраля — четвертый день боя. Время к рассвету. Мороз слабел, но густой туман. Все в готовности. Еще ничего не видно и неизвестно о противнике, но состояние напряженное, а у артиллеристов крайнее беспокойство: все еще нет транспорта со снарядами.

На запад от станицы, в х. Шматова, конная сотня дивизии. Она ждет из Батайска транспорта с огнеприпасами. И вдруг прискакал всадник и докладывает: «На дороге красная кавалерия!» Слышны глухие выстрелы. Сотня развернулась, пулеметы наготове.

На восток от станицы. Из х. Подполинского выслан конный взвод с пулеметами. Через час оттуда слышны короткие очереди. Донесение: «Взвод столкнулся с кавалерией противника!»

На север от станицы — редкая стрельба и донесение: «Красные наступают!»

Светает. Постепенно рассеивается туман. Обстановка становится яснее: с востока и запада наступает кавалерия, с севера от Аксайской и Старочеркасской — пехота. Дивизия охвачена с трех сторон; кавалерия может обойти и с четвертой.

Конная сотня атакует головную лаву противника, берет 2 пулемета и отскакивает перед следующими. Кавалерия лавами обложила всю западную окраину станицы. Бегом идет туда один из резервных бат-нов. Ему сказано: «Отбросить!»

Пехота красных атакует 1 и 2 полки с севера, но безуспешно. 1 полк отбивается и от пехоты с востока, но обнаруживает обход кавалерии с юга. Кап. Марченко просит разрешения оставить хутор. Отказ. Он уже весь свой резерв выслал для обеспечения правого фланга; он переводит туда же роты с левого фланга, где красные, понеся огромные потери, отошли и залегли. Но обход правого фланга углубляется: из-за холмов выезжают новые лавы. Снова посылается донесение о необходимости отвести полк и снова отказ, хотя просьбу кап. Марченко поддерживают полк. Блейш и полк. Битенбиндер, нач-к штаба. Ген. Канцеров говорит: «Сейчас подойдет Донская кон. бригада».

Но кап. Марченко отводит полк. За полком рвется вперед пехота красных; справа его атакует кавалерия, едва не захватив батарею. Неожиданно из-за хутора на него налетает кавалерия слева. Сминает один бат-н. Порыв красных умерен конной сотней полка и кон. разведчиками батареи с полк. Шперлингом.

На западной окраине, вызванный из резерва, бат-н 3 полка выходит на край станицы. Красная кавалерия в 1.000 шагах за складкой местности. Бат-н, оставив роту на правом фланге, быстро идет вперед и отгоняет противника, за которым вдогонку мчится сотная. И вдруг красные поворачивают. Сотня летит на бат-н, мешая ему открыть огонь; далее летит на стрелявшую батарею, давя орудийные запряжки и людей.

Контр-удар красных лав на конную сотню был сигналом для общей атаки на западную окраину станицы, которую с севера снова атаковала красная пехота. Лавы влетают в пространство в версту шириной между сов.-зап. частью станицы, занятой бат-ном 2 полка, и юго-западной. Они охватывают выдвинувшийся бат-н и тот прекращает сопротивление. Они врываются в южную половину станицы, долетают до площади. Там с крыльца своего дома стреляет по ним ген. Канцеров. Но подходит последний резервный ба-т и очищает площадь. Подъезжает батарея и стреляет вдоль улиц.

Тем временем на северной окраине, левофланговый бат-н 2 полка, атакованный красной пехотой и обойденный кавалерией, очищает свой участок, но распространиться дальше по фронту красным помешал пулемет ст. ун. оф. Воронецкого. Ефр. Гаврилов открывает огонь и падет убитым. Воронецкий отбрасывает в сторону убитого, садится за пулемет, строчит очередями в упор. Перед ним, едва через дорогу, валятся красные. 2 полк удерживает половину своего участка.

Конница, ворвавшись в станицу, захватывает взвод орудий, стоявший за 2 полком, и уводит его. Она, влетая в станицу, обогнула одно орудие пор. Лисенко, прикрываемое огнем пулеметов. Орудие, стреляв-

шее в западном направлении, потом в южном и в восточном, ускакало в южную половину станицы, уже очищенную от красных.

Об обстановке вокруг станицы ген. Канцерову докладывает офицер с колокольни церкви:

К западу лава красных в версте, другие подымаются на возвышенность.

У Батайска — редкие лавы и никакого движения.

К северу — красные вблизи позиций 2 полка; их батарея движется ближе к станице.

К востоку — кавалерия атакует 1 полк, охватывая его с юга... Кавалерия атакует его на всем фронте... все смешалось... Полк быстро отходит.

Ген. Канцерову уже давно докладывали о последних снарядах в батареях. Уже давно батареи экономили снаряды, хотя цели для них отличные. Две батареи, расстреляв свои снаряды стоят как обоз на южной окраине. Подъехавшего с орудием пор. Лисенко ген. Канцеров спрашивает: сколько снарядов? Ответ — 6 шрапнелей.

Положение давно трагическое, но только теперь генерал отдает приказ отходить на бугры.

1 полк расстроен и отходит. Положение 2 полка крайне критическое: ему нужно пройти до 3-х верст, чтобы быть на южной окраине. Охват справа грозит отрезать ему путь отхода. Пулеметной команде приказано, жертвуя собой, сдерживать противника. Когда роты полка подошли к южной окраине, то все части уже отошли от станицы на полверсты и полк оказался сжатым с двух сторон кавалерией. Он отбивался пулеметами и залпами. Неслись крики: «Патронов!»

Но вот в 1.200 шагах от него стала на позицию и открыла огонь красная батарея, первыми же снарядами выведшая из строя десятки людей. Роты должны принять разреженный строй и это — при угрозе атаки кавалерии. Батарея была приведеная к временному молчанию. Часть рот снова сжала свои ряды, но вылетевшие на тачанках красные пулеметы скосили две роты.

Пошла в атаку кавалерия с двух сторон. Пор. Белавин бьет по лавам из пулемета и падает зарубленный сзади. Все смешалось.

Красная конница могла полностью уничтожить дивизию, ее пехоту, если бы не сохранившаяся, прикрывавшая левый фланг, команда пеш. разведчиков 3 полка, к которой присоединились вышедшие бойцы; и если бы не конные сотни и кон. разведчики 1-й батареи с кап. Шперлингом. Едва не был захвачен ген. Канцеров, если бы не отчаянная атака кон. сотни дивизии с пор. Зеленским. В этой атаке был зарублен ком-р 1-й бригады 16 кавал. дивизии, тов. Загорин.

Остатки дивиизии отходили по дороге на х. Злодейский. Но батареи и обоз, вышедшие раньше, отходили на Хомутовскую. Поднявшись на бугры, они видели трагедию дивизии и была бы она еще горшей, задержись еще на полчаса. Красная кавалерия совершала глубокий обход с

юга. Батареи выпустили по двум колоннам последние снаряды и рысью двинулись дальше. На полдороге до Хомутовской они встретили давно жданную бригаду Донцов. Поздно!

И последний эпизод этого кошмарного дня.

Уже стемнело, когда остатки дивизии остановились у х. Злодейского изумченные, потрясенные. Ген. Канцеров собрал начальников и сказал:.

— Мы атакуем Ольгинскую. Красные устали и наша атака будет для них ночью неожиданной. Нужно реабилитировать дивизию. Мертвые срама не имут!

Ему не возражали. Атаку проведут лишь конные и не только сотни и ординарцы, но решительно все сидящие на конях, а пешим остаться здесь и отдыхать, выслав квартирьеров в Батайск.

Собрался чуть ли не целый кавал. полк. Происходила разбивка на взводы, сотни, но ген. Канцерова вызвал по телефону ген. Кутепов, а через короткое время он передал кап. Марченко приказание ком-ра корпуса: вести дивизию на ст. Каял. Налет на Ольгинскую отменяется.

Ночью дивизия пришла в с. Антоновка, в нескольких верстах от ст. Каял и ей был дан суточный отдых.

17 февраля. За день Марковцы смогли отдохнуть, но настроение их было отчаянное. Новый разгром дивизии давил. Узнали еще, что 1 корпус оставил свои позициии на р. Дон. Выходило опять, будто бы из-за Марковцев. Так и утверждали. Но были и особенно тяжелые слухи: огромная неудача у Донцов и красные наступают на Тихорецкую, а это значит — в глубокий тыл. Но дальше мысль уже не работала; больше о себе, о дивизии.

На дивизию обрушился кон. корпус Думенко в две с половиной дивизии, вся 39 стр. дивизия и части 16-й. С трех сторон! Помощи ей ждать ни от кого не приходилось. Она сама допустила себя разбить, потому что, несмотря на складывающуюся неблагоприятную обстановку, задерживалась в станице. Как 2 месяца назад пошла в обледенелую яму села Алексеево-Леоново. Да, в бою были неустойки, были сдачи в плен; но они ли предрешали поражение? Ведь ее не обеспечили снарядами, патронами. Вина ли в том Марковцев-бойцов? Может быть вина тех, кто не настоял на своих предложениях нач-ку дивизии об оставлении х. Н. Подполинского, а затем и станицы?

Удерживать станицу — идет поддержка. Слепое безъинициативное следование полученным распоряжениям; полное пренебрежение духом маневрирования.

Дивизии опять нет. Она обескровлена. Она снова потеряла в значительной степени свой основной кадр убитыми, застрелившимися (кап. Иордан) и попавшими в плен. На поле удалось подобрать с 5—7 сабельными ударами, к счастью несмертельными, двух ком-ров рот, кап. Сухарева и пор. Румянцева.

Потери дивизии огромны: до 1.000 человек, 2 орудия, много пулеметов.

Красные торжествовали: «Наша славная конница порубила недорубленных чернопогонников».

На ст. Каял были погружены в состав около 300 раненых и с ними отправлеы часть сестер милосердия и слабосильные. К вечеру подошла колонна орудий.

На этот раз дивизия была сведена в «Сводно-Офицерский ген. Маркова» полк, едва в 500 шт.; артил. бригада — в «Отдельный арт. ген. Маркова» дивизион; конные сотни — в «Конный ген. Маркова» дивизион.

ОТСТУПЛЕНИЕ

18 февраля Марковцы тронулись на юг и, как бывает на юге — после морозов вдруг оттепель; снова месили грязь.

Мрачно смотрели на них жители. Не было радушия, но и не было отказа в просимом. Может быть, они видели в глазах пришельцев их тяжкие переживания или видели, что для них теперь «все равно» и они могут пойти «на все». Но может быть, они понимали, что теперь «все пропало и для них».

На следующий день Марковцы уже на Кубани. В который раз? Четвертый «поход на Кубань». Но и здесь то же отношение, что и на Дону, совершенно непохожее на то, что было два месяца назад: мрачно смотрели Кубанцы, но были добры.

Станицы Шкуринская и Канеловская. Здесь Марковцы заняли позицию по р. Ея у переправ, где им пришлось ввязаться в перестрелку с подошедшими красными и отбивать их попытки переправиться через реку.

Смененные Корниловцами, они ушли в резерв в Старо-Минскую, затем в Переяславскую, где простояли двое суток. Одна батарея осталась с Корниловцами, а кон. дивизион присоединился к кав. бригаде ген. Барбовича при 1 корпусе.

За эти дни были приняты все меры, чтобы вывезти своих раненых из Ейска, где ходили разговоры о беспощадной расправе с «чернопогонниками» за жестокое подавление тамошнего восстания.

26 февраля Марковцы в Тимашевской. Ужасны переходы по глубокой грязи. Шли по шпалам жел. дороги. Душевная трагедия не уменьшалась, ее бередил вид, сброшенных с прошедших поездов, валявшихся вдоль полотна, трупов людей.

На охране станций стояли Марковцы запас. бат-на. Они между прочим говорили, что начальником тыла 1 корпуса теперь является ген. Канцеров и что он всегда обращается к ним не иначе, как «родные Марковцы».

В Тимашевской узнали — Тихорецкая сдана; 1 корпус отошел от реки Ея.

27 февраля полк с одной батареей погружен в вагоны и отправлен в Новороссийск, где на него возложена оборона города и порта от зеленых. Остальные батареи и обозы с командами для их охранения тронулись походным порядком.

В НОВОРОССИЙСКЕ

Положение Вооруженных Сил Юга России на грани полной катастрофы. Во второй половине января сдана Одесса; части армии с ген. Бредовым отошли в Польшу и там интернированы; удерживался еще Крым. Назревала драма на Сев. Кавказе, в перспективе которой — эвакуация в Крым, или уход в горы, или интернирование во враждебной Грузии, или капитуляция.

Вопрос стоял прежде всего об эвакуации раненых, больных, семей военных. На призыв командования откликнулась Англия, продолжавшая так или иначе помогать, хотя ее политика уже направлена была на уговоры ген. Деникина прекратить борьбу. Она согласилась принять неограниченное число раненых, больных, семей, учебные заведения. Их направляли в Египет, Лемнос, Кипр, Турцию. Откликнулась Греция, Сербия, Болгария — бедные, но родственные России страны.

Новороссийск был заполнен подлежащими эвакуации. Шла регистрация, погрузка на пароходы.

В штаб военного губернатора Черноморской области ген. Лукомского, пришла женщина, скромно одетая, с маленьким сыном. Она пришла, чтобы записаться на эвакуацию. Ожидающих приема было много. В это время в штаб прибыл ген. Шиллинг, бывший нач-к Одесской области. Ген. Лукомский принял его, а ожидающим приема было объявлено, что прием их откладывается на следующий день. Тем не менее эта женщина обратилась с просьбой к адъютанту, пор. Котягину:

«Не могу ли я просить генерала принять меня после ген. Шиллинга? Я готова ждать. И тут же спросила меня(запись пор. Котягина), — какого я полка?

Когда я ей ответил, что Марковского, она сказала:

— Я — вдова вашего Шефа, ген. Маркова, — и, указывая на своего мальчика, спросила: — Не узнаете?

Я не понял вопроса, несколько смутился и растерялся. Она, взяв мальчика за плечо и, указывая на его пальтишко, объяснила:

— Разве не узнаете на сыне Сергея Леонидовича его знаменитой куртки? Я не имела возможности купить материал на пальто сыну и пришлось перешить ему куртку мужа.

Говорила она что-то о папахе, но у меня как-то в памяти не удержалось. Какая судьба постигла «белую папаху», не помню».

Для каждого Марковца и первопоходника, в особенности, этот эпизод с «серой курткой» и «белой папахой» — целая глава о незабвенном Шефе.

Просьба вдовы ген. Маркова была, конечно, удовлетворена и семья эвакуировалась заграницу.

***

Настроение в Новороссийске тревожное: кругом в горах крупные шайки зеленых, производящие налеты на город, на ж.-д. станцию, забирающие все им нужное даже у раненых и больных, не щадя их. Нередки случаи самоубийств нежелавших попасть в руки зеленых. Обеспечивал город лишь Сибирский бат-н в 400—500 шт. В районе цементного завода стоял еще бат-н английской пехоты, но он охранял склады с военным имуществом, привезенным для армии, и в охрану города не вмешивался.

Зеленые, непрерывно увеличивавшиеся в числе, учащали свои налеты и, чтобы обеспечить порядок в городе, 29 февраля прибыли Марковцы. Эшелон с ними, пройдя туннель, стал спускаться к Новороссийску. Дул сильный норд-ост. Как ни хотелось всем посмотреть на новые для них места, пришлось не открывать ни дверей, ни окон вагонов. Свист, шипенье тормозов, рев ветра. Когда выходили из вагонов, ветер валил с ног.

Полк расположился в казармах в сев.-зап. части города и сразу же от него пошли дозоры, а один бат-н в 120 шт. отправился в догонку за зелеными, только что захватившими радио-приемник технической части Ставки и отбил его.

В течении нескольких дней стягивались в Новороссийск батареи, обозы и команды. У ст. Тонельной одна из колонн подверглась обстрелу зеленых; батарее пришлось открыть огонь.

3 марта в Новороссийск прибыл жел.-дор. состав штаба ген. Деникина и остановился на портовой жел.-дор. ветке в районе расположения Марковцев.

5 марта — встреча Марковцев с ген. Деникиным. На площади перед поездом Ставки выстроились свободные от нарядов части полка и батареи, но без оружия. Марковцы приготовились к встрече своего Вождя и их взоры были направлены на вагон, где развивался Национальный флаг и у ступенек которого стояли часовые. Ожидание волновало всех: увидят они того, кому остались и останутся верны, несмотря ни на что.

Перед этим Марковцы читали, с опозданием дошедшее до них, обращение ген. Деникина, в котором говорилось:

«Во имя наших братьев, тела которых приняла в себя Русская Земля, во имя светлой идеи, призываю вас в этот тяжелый час понять, что только в суровой дисциплине, в единении и напряжении всех наших стремлений к единой цели, мы почерпнем силы для успешного завершения нашего трудного подвига. Как старый русский офицер, я призываю вас объединиться вокруг меня и сомкнутыми рядами встретить последний вражеский напор с верой в победу.

Да укрепит Господь дух ваш!»

Раздались команды. От штабного поезда приближалась группа: впереди ген. Деникин, за ним ген. Романовский и еще 3—4 офицера. Ген. Деникин прошел здороваясь перед строем в 400 человек. Громкое «ура» раздалось в ответ. Умный, грустный взгляд, твердый голос, никакого волнения... Усталость? Понятна. А в общем, генерал все тот же, каким его видели, теперь уже немногие старые бойцы, в станице Егорлыцкой, в Горькой Балке, в Екатеринодаре, на ст. Нагут, в Белгороде.

Обойдя фронт ген. Деникин благодарил Марковцев за службу Родине. Громкое «ура» покрыло его речь.

После этого ген. Деникин приказал всем тесным кольцом окружить его и тут он сказал следующее:

Много причин привели к неудаче, но на армию ложится наименьшая их часть. В настоящий момент положение на фронте очень тяжелое, но не безнадежное. Отдан приказ об отводе армии на южный берег Кубани, быстрой и глубокой реки, удержаться за которой легко. И армия удержится, если в ней не падет окончательно дисциплина. Может быть выиграно некоторое время для приведения в порядок и для отдыха, чтобы затем перейти в наступление. Противник утомлен и у него в тылу положение тяжелое. Если, вопреки ожиданиям, армия не удержится, она переедет в Крым, где будет продолжать борьбу. Принимаются все меры, чтобы никто из желающих продолжать борьбу не был оставлен в руках врага. Нужно удержать город возможно дольше, чтобы произвести эвакуацию полностью. Выразив полную веру в Марковцев, ген. Деникин под громкое «ура» ушел в поезд.

На всех Марковцев встреча с Главнокомандующим произвела успокаивающее впечатление. Они понимали состояние его души, трепет сердца за судьбу Дела, павшего на него и мужественно им взятого. Им пришлось уже слышать много обвинений против него и иные даже разделять, но теперь требуется только одно — продолжать борьбу. Вера в ген. Деникина не пропала.

Слышали разговоры о ближайшем его помощнике ген. Романовском: «Злой гений Добрармии»; «Его нужно устранить». Не время! И раз он нужен — терпеть. И тогда, после встречи с ген. Деникиным, собрались старые Марковцы, бойцы одного из бат-нов, и вынесли для себя решение: всякое покушение на ген. Романовского, от кого бы оно не исходило, моментально пресечь силой. Это тайное решение, безус-

ловно разделяемое всеми, не было оставлено, однако, без того, чтобы о нем не знали те, к кому оно относилось.

6 марта бат-н в 150 шт. пароходом был перевезен в Кабардинку, в 15 верстах к югу от Новороссийска. Его задача: обеспечивать связь с Туапсе, которую прерывали зеленые.

Одновременно другой бат-н в 110 шт. с двумя горными орудиями и полуэскадроном выступил в м. Липки, в 8 верстах от города, на дороге к станице Крымской. Задача: обеспечить движение по этой дороге и не допускать зеленых производить налеты на станцию.

Местечко Липки, 10—12 дворов, за горным хребтом, в котловине, где скрещивался ряд горных лощин, поросших лесом; лес спускался к нему вплотную с западной стороны. Ни кавалерии, ни артиллерии здесь делать было нечего и они были отосланы обратно. Но положение бат-на опасное. Явным напоминанием об этом — небольшой обелиск-памятник, стоящий на окраине. Здесь в 1864 году, во время Кавказской войны, погиб пост пластунов в 34 человека во главе с сотником Горбатко, будучи атакован горцами в числе до 3.000 человек. В числе погибших и жена сотника. Об этом эпизоде подробно рассказывали жители местечка.

За семидневное стояние здесь, однако, не пришлось ни разу серьезно столкнуться с зелеными.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИВИЗИИ

В Новороссийске каждый день ряды Марковцев пополнялись едва поправившимися от ран и болезней; теми, кто волею комендантов попали в другие части; наконец, был влит расформированный запас. бат-н. Бат-ны сводного полка уже насчитывали 400, 300, 250 шт. при 8—10 пулеметах в каждом; присоединились кон. сотни до 200 шашек; было и 14 орудий.

И вот, огромная для всех радость — приказ о восстановлении дивизии. Это определенно говорило, что она получит пополнение за счет мелких частей.

Нач-ком дивизии назначен полк. Блейш, но, ввиду его болезни (снова тиф) временно принял ее ком-р Марковской арт. бригады, полк. Машин. Ее нач-ком штаба остался полк. Битенбиндер. Ком-рами полков назначались: 1-го — кап. Марченко, 2-го — ввиду болезни полк. Докукина, полк. Слоновский, 3-го — ввиду отказа от полка кап. Савельева, кап Урфалов.

Но в Новороссийске дивизию постиг тяжелый удар — умер полк. Блейш. Какой-то тяжкий рок преследовал Марковцев. Ушел последний из лучших старых начальников. Высшая боевая награда его за Великую войну — Св. Владимир 4-й степени. Но не по ней судить о полк. Блейше. Он был ком-ром Ударного бат-на; в мае 1918 года из центра

России пробрался в Добрармию. Ком-р Офиц. роты, бат-на и 1 полка. Доблестное водительство им. Исключительная слава — его рейд Тим—Солнцево. Надежда Марковцев после поражения у с. Алексеево-Леоново; надежда в Новороссийске и... смерть.

⁂

Был подведен подсчет потерь, понесенных дивизией в боях у Ейска, Ростова, Ольгинской — до 1.500 человек. Из этого числа вывезено раненых до 500; какое-то число падает на убитых и попавших в плен. Потери в офицерском составе превысили его половину — до 275 человек; особенно большие потери среди офицеров были во 2 полку — из 125 осталось 50.

В Новороссийске на 900 человек состава полков было до 245 офицеров.

Артиллерия и конные сотни имели небольшие потери.

«Красные перешли Кубань». Это сообщение уже мало тревожило. После всего происшедшего, с оставлением линии по Дону, это казалось неизбежным. Уже через м. Липки тянулись непрерывным потоком подводы, пешие и верховые люди, вооруженные и невооруженные, много женщин и детей. Какая масса! Смогут ли пароходы забрать их?

Каждое утро в Липки приезжал ординарец с коротким приказанием, повторяющем предыдущие. Важно, что связь поддерживается, но от него узнавали и о происходившем в Новороссийске: идет погрузка на пароходы.

12 марта он привез сообщение о выступлении бат-на 1 полка с орудиями и бронеавтомобилями вдоль побережья на север и о том, что для Марковской дивизии дан транспорт «Маргарита», на который началась погрузка.

Бат-н 2 полка в Кабардинке потерял связь с Новороссийском. Он ждал восстановления связи до вечера и не дождался. Его положение тяжелое: он отбивался от зеленых, спустившихся с гор. Оставалось итти в Новороссийск, куда тронулся ночью, и с небольшой перестрелкой пришел. Оказалось ему было послано приказание с ординарцем быть в расположении полка к 11 часам 13 марта.

13 марта. Бат-н в м. Липки ждал прибытия ординарца, как всегда утром, но его нет. Пришел уже арьергардный Самурский полк и остановился, т. к. дорога была заставлена обозами. Наконец в 11 ч. ординарец прибыл, объяснив свое опоздание забитостью дороги. В переданном им приказании говорилось: Батальону в 10 часов быть в расположении дивизии для погрузки. Уже было опоздание на час, а сколько времени потребуется, чтобы дойти до места назначения? Среди офицеров бат-на уже был разработан план на этот случай: итти горной

тропой, которую знает проводник, оставив кухню, тачанки, подводы, а все нужное везти на вьюках.

Через час бат-н, оставив свой почти готовый обед продолжавшим стоять Самурцам, двинулся, подымаясь в гору сначала лесом, затем по голому подъему, выйдя, наконец, в облака. Сильный пронизывающий ветер.

— Начинается спуск. Осторожно! — говорит проводник.

— Внимание! Под ноги! — передается по змейке бат-на.

Крутой зигзагообразный спуск узкой тропой. Люди идут, прижимаясь к скалам. Напрасно беспокоились за лошадей — они идут, слегка пофыркивая, но уверенно. Наконец, облака над головой и спуск более пологий.

Внимание всех привлекла раскрывшаяся картина: город в широкой горной долине; с западной стороны море; ближе — ряд пристаней с дымящимися пароходами; на внешнем рейде — военные суда; внизу — серые здания цементного завода; и от пристаней к городу и станции какая-то слегка волнующаяся темно-серая масса: люди, лошади... И только на северной стороне бухты нет этой массы и стоит там лишь один пароход. Эвакуация.

Бат-н спустился с горы и вошел в толпу; спокойно, колонной по два. Люди растапливались, давали ему дорогу без того, чтобы их окликали. Они смотрели на проходившую часть, не произнося ни слова; их глаза не выражали ни злобы, ни упрека. Женщины плакали.

Бат-н пришел с опозданием на шесть часов. Ему приказано расположиться по ближайшим кварталам.

Вдруг зазвенели окна, затряслись дома, раскрылись двери. Взрыв! Выскочили из домов. Глухим страшным эхом, несколько раз отраженным от окружающих гор, гул несся куда-то в сторону ст. Тоннельной и там заканчивался тяжелым ударом. Еще и еще. Стрелял английский дредноут из своих огромных 12-тидюймовых орудий по приближающимся к городу красным.

***

Темнело. Погрузка на «Маргариту» почти закончена. Погружено все, что приказано взять: четыре орудия с запряжками; от каждого полка по несколько подвод и поход. кухонь с запряжками; небольшое число верховых лошадей; тюки с обмундированием, взятые из английских складов. Погружен Сибирский бат-н и какие-то мелкие части.

Оставались непогруженными части Марковцев, которые стояли еще выдвинутыми в сев. и сев.-вост. направлениях. Уже вернулся бат-н 1 полка. Известно: все непогруженные орудия — их 10 — все лошади, все подводы — оставляются. Новая драма дивизии, стоющая ей очень дорого. Без боя...

По очередям грузятся боевые части, неся с собой пулеметы, седла, сбрую, прицельные приспособления, затворы орудий, панорамы. Со

слезами на глазах расстаются с верными спутниками — лошадьми. Орудия? Портят, рубят колеса.

Около 22 часов приказ — снимать охранение.

К 23 часам оно погрузилось и «Маргарита», гремя подымаемыми якорями, шипя, медленно отчаливает, выходит на внешний рейд и берет направление к берегам Крыма. А в Новороссийске горят склады, освещая жутким светом горы, корабли, город. У пристаней еще шла погрузка.

С неописуемой тяжестью в сердце оставляли Марковцы Кавказ, где Добрармия, преодолев все невзгоды, пролив много крови, поднялась, окрепла, пошла победно к Москве.

14 марта — последний день Новороссийска. Марковцы были уже далеко от него, но в бухте до самого утра продолжалась погрузка. Закончилась она, когда на кораблях уже не было места, хотя не все боевые части были погружены.

Часть 3 Дроздовского полка со своим командиром, полк. Манштейном, ушла по дороге вдоль берега на юг. Туда же пошел Черноморский полк. Красные уже вошли в город и приближались к пристани.

Во главе Черноморского полка в то время стоял ротм. Христыныч, который накануне заместил ком-ра, уехавшего приготовить место для полка на пароходе. Решение ротмистра — вести полк на юг. У пристани по прежнему стояла многочисленная толпа.

— Разрешите присоединиться к вам! — кричали из толпы.

— Присоединяйтесь! Но с оружием и полным подчинением.

Присоединилось до 400 человек конных и пеших, которые немедленно были разбиты на сотни и взводы, во главе которых стали Черноморцы. Пробивая дорогу, полк дошел до м. Кабардинка. Впереди слышная стрельба и в это время в море показались корабли, плывущие к берегу. Видны на них французские флаги. К берегу причалили лодки: французы предложили грузиться.

Ротм. Христыныч организовал погрузку, прикрыв ее своими частями. Погрузка шла медленно. Подошли и Дроздовцы 3 полка с полк. Манштейном, ведшие бой за Кабардинкой. Погружены все: 300 Черноморцев, 400 присоединившихся в Новороссийске, Дроздовцы. Всего до 900 человек. Все были отвезены в Крым.

Ротм. Христыныч ни на минуту не оставлял полк, даже зная, что в городе его ждала жена с детьми. Семья осталась невывезенной. Позднее она вместе с вестовым ротмистра пробралась в Сев. Таврию, где и соединилась с ним, но, увы, чтобы вскоре похоронить убитого в рядах Черноморского кон. дивизиона, приданного Марковской дивизии, славного ротмистра Христыныча, русского серба.

*
**

Эвакуация Марковцев не ограничилась одним Новороссийском. Десятки их вместе с Кубанскими частями отходили к Туапсе и далее к югу. Вот запись одного добровольца, командированного из полка в Екатеринодарское казачье училище:

«20 марта с боями шли в Туапсе. С боями отходили на Сочи. Выход из окружения. 12 апреля дневка в Императорском имении «Дагомыс». Валяемся под тенью роскошных столетних деревьев. Кругом костры. Сегодня запись на заграничные паспорта. Неужели конец? Есть мысль ехать в Крым. Обидно — сколько сил, энергии, крови потрачено на дело Возрождения Родины. Теперь дни решающие. Кажется, ведутся переговоры о мире. Но чем они кончатся?»

«18 апреля в Адлере. 20-го в последнюю минуту, когда большевики предложили тяжелые условия и нам не было выхода, приехал по приказанию ген. Врангеля ген. Шкуро с транспортом «Бештау» и, погрузившись на него, в три часа ночи отправились в Крым.

«21 апреля — в Феодосии. 28 получил предписание об откомандировании в штаб ген. Бабиева, но мой выбор уже сделан — в свой Марковский полк». (По записи пор. Терновского).

Десятки Марковцев отходили с ген. Эрдели в Грузию, среди них и бывшие в Закаспийской области. Они не просто отходили, а прикрывали отход. На это они шли сами, на это назначил их и ген. Эрдели, и прочие начальники.

Из Грузии все переехали в Крым.

Были среди Марковцев и приехавшие с Кавказа в Крым шесть месяцев спустя: это те, которые были в отряде ген. Фостикова, бившегося с красными в течении этих месяцев.

В КРЫМУ

В большой тесноте Марковцы, кое как пристроившись в трюмах, на палубе, во всяких надстройках, в лодках, быстро заснули под шум машин «Маргариты». Море не тревожило — оно спокойно. Уже скрылись ночные силуэты гор, скрылось и зарево пожара в Новороссийске. Глубокий крепкий сон. Еще бы не быть ему: теперь нет никакой непосредственной опасности. От всего, что было, уносит «Маргарита». Настоящее — на пароходе, а будущее в Крыму.

Марковцы спали бы еще и еще, но услышав слово «Крым», проснулись моментально и, для кого было возможно, направили свои взоры туда, куда шел транспорт. Видны горы, виден порт. Феодосия! «Маргарита» причалила к пристани. Толпа народа, машет платками, шляпами. Передают — будем высаживаться. В город пошли квартирьеры, но возвращаются и говорят: едем в Севастополь. «Маргарита», к сожалению всех, тронулась вечером: не придется увидеть южный берег с Алуштой, Ялтой, Ливадией...

Утром 15 марта показался Севастополь. Опять далеко не все могли наблюдать панораму города, его знаменитой бухты «Золотой рог» и приветствовавшие на берегу массы людей. В трюмы едва доносилась с палубы игра духового оркестра.

Выгрузка началась немедленно на пристани Корабельной стороны и сразу же части разводились по кварталам слободы вблизи Малахова кургана. Вежливо, но холодно встречали Марковцев живущие здесь портовые рабочие. Спасибо и за это. Все удовлетворены размещением в просторных и удобных квартирах и не ждали ничего больше: здесь не станица, не деревня, чтобы можно было бы получить хотя бы вареную картошку.

На следующий день прогулка строем и с оркестром музыки в город. Прогулка была интересной: видели главные улицы города, бухту с военными судами, как отслужившими свой срок, так и действительной службы; видели приветствовавшие толпы народа и среди них много моряков. От них узнали, наконец, о силе флота Добрармии: только недавно все суда Черноморского флота были французами переданы ген. Деникину; до этого их было у него несколько единиц.

Тяжелую судьбу перенес флот. Пришлось ему быть и под немецким флагом, и под украинским, и французским, турецким и даже советским. Единственный, который он хотел сохранить и сохранял — морской — Андреевский.

В городе угостили Марковцев довольно сытным обедом по разным военным собраниям и пунктам.

Три дня простояла дивизия в Севастополе и провела их в деятельном формировании, чего она не могла делать в Новороссийске, будучи разбросанной по его окрестностям. И тем более потому, что ей пришлось многое оставить там и кое-что получить только здесь, главным образом, пополнение бойцами.

Дивизия представляла собою снова силу: 1 полк — 3 бат-на по 3—4 роты; в ротах по 25—30 шт.; Офиц рота и ком-да пеш. разведчиков по 35—40 шт. Всего около 450 шт. при 15 пулеметах.

2 полк весь свой наличный состав мог свести лишь в два бат-на по 25—30 шт. в ротах и ком-де разведчиков. 3 бат-н полка составил влитый в него Сибирский бат-н в 400 шт. Всего в полку до 650 шт. при 15 пулеметах.

Сибирский бат-н стал формироваться в апреле 1919 года из офицеров, служивших в Сибирских частях и желавших ехать в армию адм. Колчака, в которой был большой недостаток в офицерах. Записью и сбором руководил ген.-майор Гаттенбергер, уполномоченный на это адм. Колчаком. Записавшиеся стояли в Таганроге. К началу октября 1919 г. был сформирован бат-н четырехротного состава с пулеметной командой и хозяйственной частью. Ком-ром его был назначен ген. Гаттенберг.

Предполагалось в октябре бат-н отправить пароходом во Владивосток, но ввиду неудач на фронте, отправка его затянулась, а затем и отпала. В ноябре бат-н был переброшен в Новороссийск.

Со влитием бат-на во 2 полк, ген. Гаттенбергер по собственному желанию остался с ним на должности ком-ра бат-на.

3 полк — 3 бат-на. В ротах 1-го и 2-го бат-нов по 30—35 шт.; в 3-м по 15. Всего 350 шт. при 12 пулеметах.

Арт. бригада имела лишь 4 орудия. За отсутствием материальной части, чины батарей были сведены в пеший арт. бат-н, численностью до 200 шт. при 8 пулеметах.

Инженерная рота в составе 150 человек была выделена из дивизии, получив самостоятельные задачи. Отдельно от нее были Марковские жел-дорожная и телеграфная роты.

С 19 марта части дивизии стали перебрасываться по жел. дороге в Симферополь и там располагаться по казармам и квартирам.

Население города встречало «цветных» с большим к ним вниманием, приветливо и радостно. Но неприязненное к себе отношение они находили в некоторых газетах и видели явно со стороны чинов того корпуса, который отстоял Крым от захвата красными. Горе побежденным! Марковцам осталось просто не обращать внимания на этих господ, хорошо одетых и нарушающих самые простые правила военного приличия.

СМЕНА КОМАНДОВАНИЯ

21 марта в Севастополь были вызваны ком-ры частей, начиная с ком-ров полков и арт. дивизионов. Говорили о каком-то совещании, на котором, будто бы, будет решаться вопрос о смене возглавления армии. Вопрос касался ген. Деникина.

Ходили слухи о его желании добровольно уйти. Оснований к этому было много, но возникли и опасения, что уход вызван давлением на него. Со стороны кого? Из разговоров с чинами Крымского корпуса, «Слащевцами», можно было судить, что именно они против ген. Деникина. Марковцы насторожились. В своей среде они решили: ген. Деникин и никто другой, если он сам не решит оставить свой пост. Они были уверены, что их нач-ки и нач-ки всего корпуса не позволят посягать на доброе имя ген. Деникина, верны которому, несмотря ни на что, они остались. С большим волнением они ждали результата совещания.

28 марта начальники вернулись и огласили два приказа.

ПРИКАЗ
Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России.

Гор. Феодосия. № 2899. 22 марта 1920 г.

§ 1.

Генерал-Лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России.

§ 27.

Всем честно шедшим со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон.
Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант ДЕНИКИН.

ПРИКАЗ
Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

Гор. Севастополь. № 2900. 22 марта 1920 г.

Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен ген. Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед Родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения.

Призываю верных сынов России напречь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я

делил победы и часы невзгоды, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье. В этом залог нашего успеха.

С верою в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-Лейтенант барон ВРАНГЕЛЬ

Прочитанные перед строем приказы были выслушаны с затаенным дыханием и бешенно бьющимся сердцем. Громовое «ура» кричали Марковцы в честь ген. Деникина. Громовое «ура» кричали Марковцы и в честь ген. Врангеля — нового главнокомандующего.

Успокоившимися разошлись они по квартирам: ген. Деникин не под давлением сдал командование, а ген. Врангель вступил в командование по приказу ген. Деникина. Кроме того, Марковцы отлично знали ген. Врангеля, не раз будучи в его подчинении.

Марковцы кричали «ура» ген. Врангелю еще и потому, что он, как и ген. Деникин, решительно отклонил требования англичан о заключении перемирия с большевиками при их посредничестве и под угрозой прекращения ими всякой поддержки армии. Марковцы переехали в Крым не для того, чтобы тут прекращать борьбу. На них не действовали разговорчики о «Крымской ловушке».

Они откровенно говорили между собой о беспредельной трудности дальнейшей борьбы; даже, может быть, об ее безнадежности — маленький Крым и огромная Россия; маленькая армия и огромная, победившая Красная; пусть только чудо может спасти Родину и армию; пусть их ведет «Белая Мечта». Пусть! Но продолжать бороться они будут. Но все же, должна же быть какая-нибудь, пусть малая надежда. Она есть — народ, испытав на себе большевизм, перейдет на нашу сторону, а мы до того часа как-нибудь продержимся в Крыму.

Говоря «мы», Марковцы, конечно, говорили о всей армии в Крыму, реорганизуемой ген. Врангелем и составившей: 1 «цветной» корпус ген. Кутепова в три дивизии; 2 корпус ген. Слащева — две дивизии; корпус спешенных Донцов — две дивизии; дивизия Кубанцев, регулярной кавалерии, и другие части. Была еще дивизия конницы, сидящая на конях, ген. Морозова, бывшая в Крыму при корпусе ген. Слащева.

26 марта Марковцы имели радость видеть и слышать своего нового Главнокомандующего.

Выстроились Корниловцы, Марковцы с батареями и на правом фланге Константиновское воен. училище. Ген. Врангель перед строем в сопровождении ген. Кутепова и ген. Слащева и поздоровавшись с частями, произнес короткую, но сильную речь. Он говорил: армия не склонит своих знамен перед врагом, ни перед испытаниями, которые ее ждут. Она отстоит Крым и выйдет из борьбы, сохранив честь Родины и Национального флага. Затем он обратился к Марковцам и сказал,

что их дивизия в ближайшие дни выступит к Перекопу на помощь 2 корпусу и поздравил ее с новым походом.

Долгое, громкое «ура» неслось в ответ на речь. «Она могла оживить даже мертвых», — говорили среди Марковцев. А в записках одного из них сказано:

«Вернувшись со смотра, отрадно было видеть настроение офицеров и солдат. Все изменились. Где прежнее уныние, неуверенность? Все прошло. Люди жили чем-то новым, особенным. Казалось, что это были совершенно другие люди, не те, которыми они были вчера. Люди готовы были сегодня итти в бой, вполне уверенные в своих силах. Вчера еще красноармеец, сегодня «белый», после смотра вполне проникся «белым» духом и в своем порыве не уступал настоящему «белому».

Полковник Марченко

Общему подъему содействовало также производство ком-ра 1 полка, кап. Марченко, и ком-ра 1 батареи, кап. Шперлинга в чин полковника; нескольких прапорщиков в подпоручики и многих офицеров, давно выслуживших следующие чины, в эти чины.

В этот же день, по представлению ген. Кутепова, нач-ком Марковской дивизии был назначен ген. Третьяков, ей хорошо известный.

Итак — в поход! Пусть слабы еще силы дивизии, пусть в боях придется тянуть на себе пулеметы... Русского солдата зовет Долг перед Родиной в бой, а не на месть... Марковцев возмутило презренное убийство ген. Романовского дезертиром из армии в форме офицера.

Генерал Петр Николаевич Врангель

"Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа".

"Я обратил внимание на необходимость требования от всех учреждений и лиц, в настоящих условиях, самой напряженной работы. Работа должна итти революционным темпом, рутины быть не может".

П. Врангель

НА ПЕРЕКОПЕ

В конце декабря корпус ген. Слащева отошел в Крым. Силы его — около 5.000 шт. и 1.200 сабель. Втечение января и февраля красные неоднократно пытались ворваться в Крым, но безуспешно. В конце марта они готовили новое наступление своей 13-й армией. Для усиления 2 корпуса был поставлен на охрану южного побережья Сиваша Черноморский кон. полк, самая большая однородная кав. часть, хотя теперь и пешая, сменившая там части 2-го корпуса, и направлялась Марковская дивизия.

Кроме того, подготовлялись два дессанта: двумя полками Дроздовцев у порта Хорлы, в 35 верстах на запад от Перекопа; и двумя полками Алексеевцев — у Геническа, с выходом их в тыл Таганашскому полуострову, на который будут наступать части Сводного корпуса.

***

Погрузка Марковцев в поезда началась вечером 26 марта, в тот же день, когда делал им смотр ген. Врангель, и закончилась 28-го в Страстную субботу. Для последних частей была общая исповедь и все причастились.

По выгрузке на ст. Курман Кемельчи, части шли к Перекопу с остановками на ночлег в цветущих колониях немцев, армян и татар.

2 апреля дивизия сосредоточилась в г. Армянский Базар, небольшом, грязном, полуразрушенном. Не хватало в нем даже воды. До Перекопа было 8 верст.

3 апреля рано утром всех поднял гром арт. стрельбы на Перекопе. Красные наступали и взяли восточную половину позиции. Марковской дивизии приказано восстановить положение. Выступили 1 и 3 полки. Их приветствовал ген. Слащев. Когда по колоннам стали рваться снаряды, они развернулись в боевой порядок на быстром ходу. Прошли под крики «ура» передовые цепи 2 корпуса, атаковали, взяли Перекопский вал и пошли дальше. Сильная контр-атака Латышской дивизии была отбита, после чего вышли на линию высоты 7.1, полностью восстановив положение. Дальнейшее продвижение было остановлено. Новая атака красных была снова отбита.

Оставив на линии высоты 7.1 сильное охранение, 2 и 3 полки заняли позицию на валу от Сивашского залива до г. Перекопа. Влево — части 2 корпуса.

Потери полков превысили сто человек. Особенно пострадал 3 бат-н 3 полка: из 70 шт. в нем осталось 28. Марковская батарея потеряла две лошади и несколько человек.

4 апреля. Ожидалось наступление красных, но та и другая сторона остались пассивны. Однако Марковцы слышали звуки боя далеко к западу, за селением Преображенка. В чем дело — никто не

знал. Наконец приказание: 1 полку произвести «сильную демонстрацию» в направлении высоты 9.3, занятой красными. Ком-р полка решил взять высоту. Высота была взята; отбита атака кавалерии слева.

В это время бой за Преображенкой усиливался и приближался. Недоумение Марковцев: они не видели, чтобы части, стоявшие левее их, наступали. Спустя несколько часов 1 полк по приказанию отошел в исходное положение. И только потом узнали: бои вели Дроздовцы, вышедшие к Перекопу от порта Хорлы со взятой ими 4-орудийной батареей красных. Удивило, почему же им не было оказано непосредственной поддержки от Перекопа, а лишь полком Марковцев, верстах в пяти от боя? Полк потерял до 60 человек.

После этого боя наступило спокойствие, нарушаемое слабой арт. перестрелкой. Противник понес серьезные потери и теперь, когда силы обороняющихся увеличились, нескоро можно ожидать его наступления. Во всяком случае оно будет 30 апреля, накануне 1 мая. Так думали.

*
**

Главная линия обороны проходила по Перекопскому или Татарскому валу, сооруженному татарами во времена Крымского ханства для обороны от нападения Запорожских казаков и Русских войск. Он имел длину 8 верст и упирался в Сивашский залив в восточной части и в Перекопский в западной; был до 4-х аршин высоты, со рвом перед ним в 4 аршина глубины. В середине вала, на северной его стороне, находился небольшой городок, Перекоп, у которого вал пересекала единственная дорога, расходившаяся потом на север к с. Чаплинка и на сев.-запад к с. Преображенка. Местность перед валом отчетливо делилась на две зоны: левую — голую, равнинную, более низменную, и правую — возвышенную, перерезанную балками и рукавами Сиваша, с высотой 7.1, а на красной стороне — высотой 9.3.

Для обороны наибольшее значение имела восточная половина вала, так как здесь противник мог, пользуясь подступами, подводить свои части версты на две к валу. Охранение, выставляемое на линии высоты 7.1, могло лишь предупредить его о приближении, находясь само под угрозой быть ночью отрезанными от вала слева. Кроме того, не исключалась возможность и обхода самого вала справа: Сивашский залив был мелкий и он еще более мелел, когда дул западный ветер.

Этот участок Перекопской позиции и заняла Марковская дивизия; на левом стала Корниловская; в резерве — Дроздовская. Вообще, вся оборона этой позиции была передана 1 корпусу; 2-й перешел в резерв армии. За дивизией стояли две Марковские батареи, две Дроздовские, одна Алексеевская и одна от 2 корпуса .

Немедленно было приступлено к укреплению обороны: усиливались проволочные заграждения, на валу возводились окопы полной профили, а на правом фланге — пулеметный редут под руководством саперных офицеров от Марковской инженерной роты. (Сама рота на-

ходилась в Севастополе, где разбирала жел.-дор. ветки северного дока, рельсы и шпалы которых отправлялись на постройку линии от ст. Джанкой на Юшунь.

С полным напряжением работали и артиллеристы: оборудовали позиции, наблюдательные пункты, погреба для снарядов; их пулеметчики несли охранение вдоль Сиваша, часть обслуживала два клиновых орудия на Чувашском полуострове; остальные формировали новые батареи. «Артиллерийский» бат-н был расформирован.

Спокойное состояние было неожиданно нарушено утром, 17 апреля: загремела артиллерия красных; их пехота перешла в наступление от высоты 9.3, а кавалерия с запада. Стоявшие в охранении на линии высоты 7.1 части успели отойти только благодаря меткому огню 1 батареи, разметавшему кавалерию. Перед самым городом наступавшую пехоту контр-атаковал резервный 2 полк и моментально обратил ее в бегство, взяв в плен около 80 человек.

Марковцы ошиблись в своих предположениях: они не знали, что красные перешли на новый календарный стиль и 17-е апреля для них было 30 апреля по новому стилю — канун пролетарского праздника.

Снова наступили дни позиционного стояния. Но было уже легче: уменьшились работы, а число людей в частях увеличилось, особенно в 3 полку, которому был придан Сводный бат-н Кавказского Офиц. стр. полка в 400 шт., ставшим в нем 3-м бат-ном. 2 полк в к. Караджанай и нес охрану по побережью Сиваша. Постепенно, по мере формирования, на позиции становились новые двухорудийные батареи.

Усиливали и укрепляли свои позиции и красные. Перед высотой 9.3 они вырыли две линии окопов с проволочными заграждениями; сильно укрепили горку за рукавом Сиваша, через который шла гать, назнавнную «пулеметной». Увеличивалось у них число батарей. В воздухе висел змейковый аэростат. Их дальнобойные орудия обстреливали тыл Перекопской позиции вплоть до Армянского Базара.

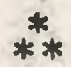
Что делать по окончании всяких нарядов, после часов сна? Благо — весна. Все покрылось зеленью, цветами; прятно смотреть на равнину к югу от вала, на воды Сиваша. Вон батарейные лошади пасутся, набирают тела. В воздухе трели птиц. И солнце такое мягкое, приятное. Останавливается взор на маленькой деревне Щемиловке. Там штабы полков, походные кухни. Но днем движение слабое. Полный покой. Артиллерийский обстрел? Ничтожное беспокойство.

Бойцы лежат, сидят на скате, разговаривают; группами читают найденные в Перекопе книги; играют в самодельные карты. А в общем — однообразие. Оно томит. Целое событие — показ кино-фильма или концерт, даваемый приезжими артистами; но немногим приходится воспользоваться ими.

Было и другое однообразие — в пище, и при том скудной. Продовольственный кризис в Крыму сказывался и на армии. Что можно приготовить и как разнообразить пищу, приготовляемую в походных кухнях, при выдаче всего лишь полуфунта мяса на человека в день, незначительной доли жиров, однообразии приварка и отсутствия овощей? Единственно, что поступало в достаточном количестве, это — мелкая рыбешка, камса. Кашевары всячески изощрялись, чтобы меньше выслушивать упреков. Раза три в неделю варили рыбные супы, в остальные — мясные. Избыток камсы выдавали наруки — поступай с ней, как знаешь. И с любовью вспоминалась тогда вобла, выдаваемая на фронте Великой войны. Вобла была одной из причин развала армии, но камса не давала к этому никакого повода — ворчали и только.

Иногда поступали мясные консервы; их обыкновенно просили выдавать на руки. И такие дни были счастливыми. Счастливыми были и дни, когда обед приготовлялся из продуктов, закупленных где-то далеко в тылу. Вспоминались дни Великой войны, когда коротали свободное время за чаем; теперь вода привозилась, а чая на заварку, и особенно сахара, было мало. Да и хлеба недоставало.

Как тут не заскучать? Как не озлиться, когда пища расстраивает желудки и доводит до серьезных заболеваний. Врачи почти всегда ставили диагноз — брюшной тиф. А это значит — не доедал, так теперь садись на совершенно голодную диэту. Удовольствия мало. Одно утешение — эвакуация в Симферополь.

В Симферополе был открыт Марковский лазарет. Вмещал он сотни человек. Первыми в этот госпиталь попала часть из сотен больных и раненых, вывезенных из Новороссийска. Замечательный во всех отношениях был лазарет. Марковцы вспоминают с глубокой благодарностью и г-жу Рогозину и набранный ею медицинский персонал, открывшей свой домашний лазарет.

Больных осматривали очень внимательно.

— Что за болезнь? — недоуменно задает себе вопрос консилиум врачей. — Это какая-то особенная, «марковская» болезнь.

Такой страдали многие.

Голодно сидеть на диэте. Скучно в лазарете. Тянет в город. Наконец, разрешение в отпуск. Но в городе масса соблазнов и нужны деньги; ну, хотя бы съесть варенец и побывать в театре, вопреки всяким положениям для офицеров, взяв места на галерке. Приятно посмотреть веселую комедию «Губернская Клеопатра». Но окончились деньги и совсем скучно. Единственное спасение — скорее в полк с законной остановкой в обозе 2-го разряда в немецкой колонии, где хоть кормят хорошо.

⁂

На Перекопе более или менее регулярно стали поступать газеты, вызывавшие к себе огромный интерес и дающие богаты темы для разговоров. Приносили новости и вернувшиеся в строй.

Приятно было узнать, что резко к лучшему изменилось отношение некоторых газет к «цветным», и как наводятся ген. Врангелем порядки в тылу. Рады были узнать о распоряжении, запрещающем ношение формы полков лицами более двух месяцев выбывшими иэ них и находящимися на других службах.

Сильное впечатление произвели несколько приказов ген. Врангеля.

Приказом 28 апреля все армии — Добровольческая, Донская, Кубанская — сводились в единую Русскую Армию и подчинялись одному Вождю и одному закону. Вся масса казаков отнеслась к этому приказу не только спокойно, но и как к положительной мере.

Этим же приказом устранялись и наименования, связанные с Добровольческим периодом, как-то «Офицерский» и наименования частей по именам их шефов. «Офицерская ген. Маркова» дивизия стала просто «Марковская» дивизия, полк — просто «Марковским».

Над этой реформой задумывались, ведь устранялось полное имя их Шефа — «Ген. Маркова», а устранением «Офицерской» — психологическое воздействие на каждого, будь то офицер, будь солдат, попадающего в полк. Но, обсудив, успокоились. Давно уже полки не «Офицерские» и давно уже они сами свою дивизию называли просто «Марковской». Но дух и традиции, заложенные ген. Марковым останутся живы в частях.

Приказом 29 апреля ген. Врангель освобождал от всяких наказаний и ограничений по службе воинских чинов не только перешедших из Красной армии, но и тех, кто был взят в плен с оговоркой: если не оказывал сопротивления. В этом приказе для Марковцев не было ничего нового: они всегда ставили в свои ряды взятых в плен офицеров, давая им полную возможность реабилитироваться в боях.

В связи с этим приказом, Марковцев взволновало и возмутило «дело» с кап. Дубининым. В 1919 году он с бат-ном красноармейцев перешел на сторону Добрармии, сдавшись полк. Слоновскому, тогда ком-ру бат-на. Он сразу же был поставлен в ряды бат-на, а через короткое время получил ком-ду пеш. разведчиков, с которой отлично действовал. Будучи раненым, он эвакуировался в Крым, где примкнул к восстанию кап. Орлова, поднятому как протест против беспорядков в тылу. Это восстание ген. Слащев не мог подавить и только со вступлением в командование ген. Врангеля, ставшего твердо наводить порядки, восстание кап. Орлова потеряло свой смысл и его отряд стал распыляться. Кап. Орлов, однако, продолжал скрываться, а кап. Дубинин вернулся к полк. Слоновскому и был зачислен в полк.

Несмотря на приказ ген. Врангеля, ген. Слащев, тем не менее, продолжал вылавливать «орловцев». Это знал и ген. Кутепов, и полк. Слоновский. Ген. Кутепов приказал сохранять в полной тайне пребы-

вание кап. Дубинина в полку и запретил куда-либо отправлять его. Но полк. Слоновский, соблазнившись предложением кап. Дубинина привести в полк человек до 150 «орловцев», отправил его в Симферополь. Уже там, в хоз. части полка, стали собираться «орловцы», как разведка ген. Слащева напала на след кап. Дубинина. Последнему оставалось ехать в полк, но в дороге он был схвачен «слащевцами». Ген. Слащев, не снесшись с полк. Слоновским, несмотря на то, что кап. Дубинин был в марковских погонах, повесил его. Ген. Слащев все еще чувствовал себя полным хозяином Крыма и, не задумываясь, нанес оскорбление Марковцам. Досадно было еще и то, что 2 полк лишился значительного пополнения.

30 апреля ген. Врангель отдал приказ об учреждении ордена Св. Николая Чудотворца для награждения им отличившихся в боях солдат и офицеров и Николаевских знамен, штандартов и труб для отличившихся частей армии.

Орден Св. Николая — темно-бронзовый крест с мечами, с надписью «Верою спасется Россия», на ленте национальных цветов. Он имел и высшую 2-ю степень награждения старших начальников.

Знамена и штандарты цвета полков с ликом Св. Николая и на обратной стороне — вензель части; увенченные восьмиконечным крестом и с национальными лентами. На полотнищах надпись «Верою спасется Россия».

Учреждение этих наград радовало Марковцев, но и смущало: заслужат ли их слабые части высокие награды? Оправдают ли они славное имя своего Шефа?

***

Среди Марковцев кипучая деятельность ген. Врангеля возбуждала интерес и внимание не только в сфере военной. Его изречения, письменные и устные, схватывались и обсуждались.

«Мы в осажденной крепости и лишь единая твердая власть может спасти положение. Нужно побить врага прежде всего; сейчас не место партийной борьбе».

«Пока борьба не окончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления строится мною не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть люди знания и труда».

«На таковой точке зрения я стою и в отношении к вопросу о так называемой «ориентации». С кем хочешь, но за Россию — вот мой лозунг».

«Во время войны, а тем более войны гражданской, орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и Идеи».

Уже более года, как в среде бойцов ставился вопрос: «В чем

заключается Белая Идея?» К этому побуждала сама жизнь и ее требования. На вопрос: «За что идет армия?» как раз и должны быть ответы по содержанию Идеи. Ген. Врангель говорит об Идеях — действительном и важном оружии борьбы наряду с пулеметами. Стали ожидать раскрытия этих идей, что не заставило себя долго ждать.

ПОДГОТОВКА К НАСТУПЛЕНИЮ

Разговоры о переходе в наступление велись ежедневно. Наступление было не только целью, оправдывающей пребывание в Крыму, но и избавлением от томительной скуки и многих лишений. Вопрос о времени решался коротко: чем скорее, тем лучше. Все, конечно, знали, что откладывание его, хотя и увеличивает физическую силу Русской армии — численную и техническую (они слышали, что с Кавказа все еще подвозили войска), но позволяет и противнику увеличивать свои силы и подготовиться к новому штурму Крыма. Делался вывод: оттяжка наступления может привести армию к жестокой обороне.

А оборону Марковцы сильно недолюбливали: быть прикованными к одному месту и сидеть там под ливнем снарядов. Предпочитали наступление, при этом совершенно не считаясь с силами врага.

3 мая на Перекоп приезжал ген. Врангель и произвел смотр свободным от нарядов и службы частям дивизии. Он ничего не сказал о наступлении, но говорил, что Русская армия выполнит свой долг перед Родиной до конца. В один из последующих дней позиции обошел ген. Кутепов в сопровождении представителей нескольких стран. И ген. Кутепов ничего не говорил о наступлении. Посещение иностранцами вызвало большой интерес. Кто они? Друзья, союзники или просто любопытные?

Но посещение высшим начальством позиций, Марковцы сочли признаком скорого наступления тем более, что из тыла доходили слухи об этом. Один юноша-офицер записал в свой дневник:

«К чему-то готовятся. 15-е число будет для Родины и армии решительным днем». Но прошло оно, 16-го мая он записал:

«Вчера было вечернее занятие. Сегодня панихида по павшим и умершим. К чему готовятся — неизвестно. Трудное и ответственное дело. Для милой России я готов сию же минуту пожертвовать своею жизнью; ведь жизнь моя — ничто в сравнении с теми жизнями, которые положены за идею. Лишь бы была пользя для Родины и для народа».

Во второй половине мая слухи о предстоящем наступлении усилились. Говорили о переброске частей: одних на фронт, других по жел. дороге на юг. Говорили о танках, бронемашинах, направляющихся на фронт, вообще о том, что тыл армии весь в движении. Высказывались даже предположения о готовящемся, якобы, где-то дессанте.

Между тем у Марковцев не было перемен. Усиленно копались лишь артиллеристы, устраивая позиции впереди вала: якобы туда на день

будет выезжать не одна батарея, а несколько. Пришла инженерная рота. Стало несколько беспокойнее: днем учащенно летали аэропланы и стреляла артиллерия с двух сторон, а ночами — усиленные поиски разведчиков, вспышки короткой стрельбы и более часто взвивались светящиеся ракеты со стороны красных. Было и новое: у города слышался шум моторов и объясняли — подвозятся материалы для укрепления позиций. Красные тоже слышали этот шум и часто обстреливали город из орудий. А в общем — все нормально, как нормально напоминание о бдительности.

23 мая началось и проходило, как каждый предыдущий день. Жарило солнце и приходилось спасаться от него в окопах. Конечно — скучно. Оживленными себя чувствовали лишь те немногие, которые получили разрешение отправиться в Армянский Базар на концерт.

Вернувшись, один записал в свой маленький карманный дневник:

«Что-то творится кругом. Все волнуются, чего-то ждут. Только что пришел с концерта из гимназии в Армянском Базаре. Исполнение чудесное, почти на злобу дня. Лица слушателей были не те, как прежде — какая-то перемена во взгляде, какой-то таинственный блеск в глазах. Видно, на что-то решаются. Но на что? Да, есть о чем задуматься. В ночь с 24 на 25, кажется, назначено наступление. О нем уже громко говорят, и в эту ночь для нас многое должно решиться. В этом бою — половина успеха. Здесь будет «пан или пропал». О последнем я, конечно, мало думаю. Но почти наверно можно сказать, что через несколько дней мы будем далеко, далеко от Крыма. Боже, помоги нам! А мне нужно ложиться спать, так как уже 2 часа 20 минут ночи».

Утром 24 мая по всем линиям Марковцев передан неофициальный слух: в Перекоп ночью пришли танки и, замаскировавшись там, притаились. Эта новость привела всех в весьма возбужденное состояние. «Завтра в наступление!» — таков был вывод. Нетерпение росло, но в полдень всем сказано: красные, если не завтра, то послезавтра перейдут в наступление.

ВПЕРЕД!

Вечер. Приказание приготовиться к выступлению. Ночь тихая, лунная. Однако на фоне свежей зелени видимость незначительная. Разведчикам приказано не беспокоить противника, а лишь следить за ним. Около 21 часа к Перекопу подошел 2 полк. Каждый полк выстроился отдельно и в каждом объясняется его задача. Армия переходит в наступление.

1 полк наступает в сопровождении трех танков на выосту 9.3 берет ее и выдвигается к х. Спендиарово.

3 полк наступает вдоль Сиваша, переходит его рукав, берет «пулеметную» горку, далее переходит второй рукав и берет с. Владимировка

2 полк следует за 3-м; после взятия «пулеметной» горки, разворачивается влево и берет с. Первоконстантиновку, которую со стороны высоты 9.3 атакуют танки.

Инженерная рота очищает от мин гать через рукав Сиваша, пропускает батареи и остается в резерве дивизии у этой гати.

Слева от дивизии, на с. Преображенка наступает Корниловская. Между ними — конница ген. Морозова. Одновременно с Чонгарского полуострова наступает сводный корпус ген. Писарева. В резерве 1 корпуса — Дроздовская и кавалерийская дивизии; в резерве армии — Донской корпус ген. Абрамова. Поразило сообщение, что 2-й корпус ген. Слащева с конной Терско-Астраханской бригадой уже высадился десантом к востоку от Мелитополя у д. Кирилловки и ведет наступление в тыл противнику.

После объявления задачи каждому бат-ну, в полках были отслужены молебны. Вот одна из записей:

«Полк выслушал молебен и священник окропил его святой водой, говоря: «Силою креста Твоего сохрани и спаси!» Хор пел «Спаси Господи». Потом священник сказал прочувствованное слово, которое все выслушали с бьющимися сердцами. Некоторые плакали. И в заключение он сказал: «Идите, дорогие, туда, где вас ждут. Идите их спасать!» Накрывшись, мы тихо и спокойно пошли за Перекоп. Луна светила во все лицо и лишь слышалось топанье человеческих и лошадиных ног. Было уже за полночь. Все шли молча, будто у каждого на груди лежал камень. Каждый думал о только что слышанных словах священника, о своих родных».

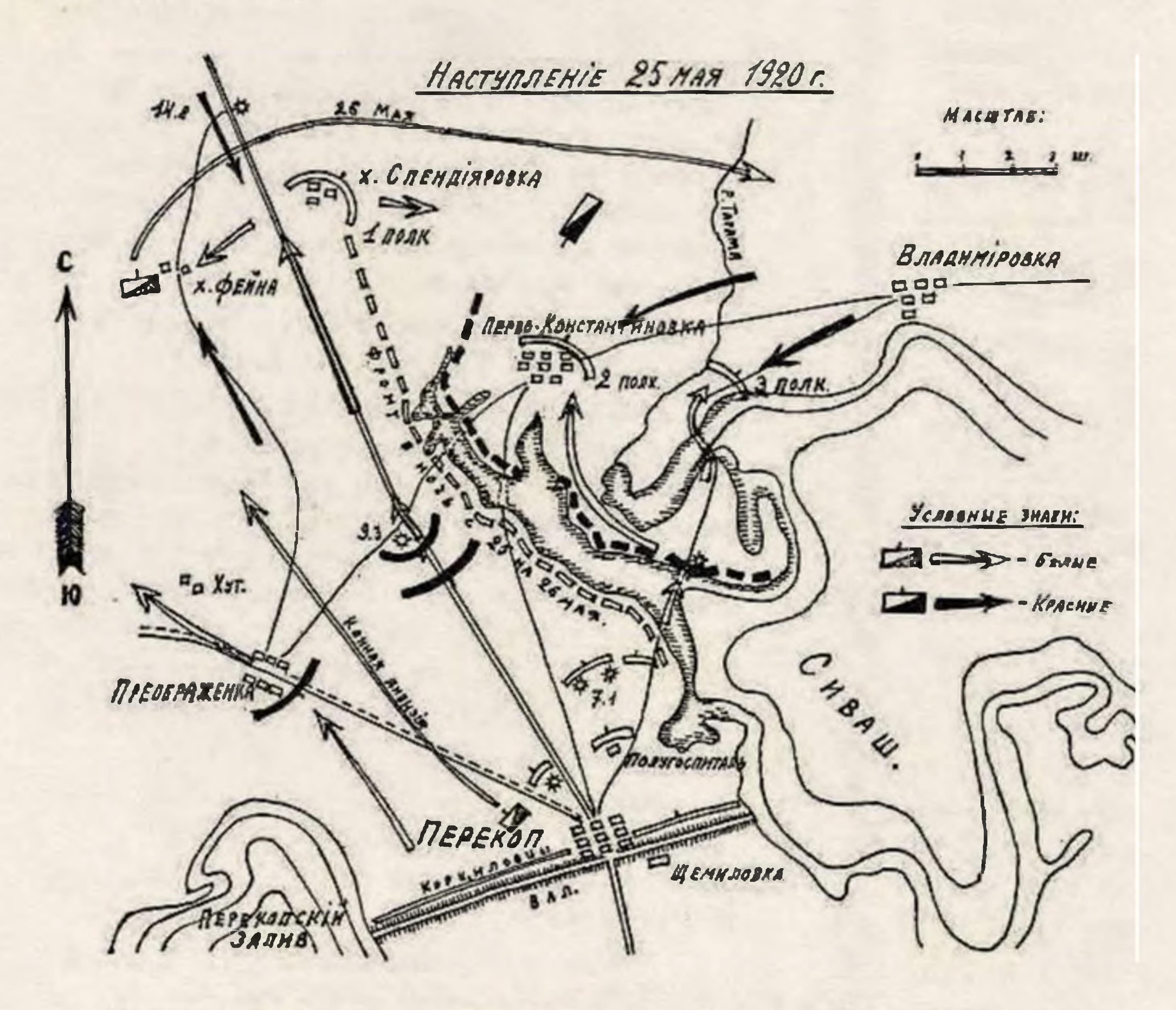
25 мая. Около двух часов. Тихо. Вдруг в охранении раздались ружейные и два орудийных выстрела: разведчики красных, незамеченные, наскочили на только что ставшую на передовую позицию батарею. И опять тихо.

Полки идут занимать свои исходные позиции. У Марковцев напряжены слух, зрение, внимание и нервы. Сказано — атака в три часа по выстрелу тяжелого орудия. Слух уловил далекую арт. канонаду на востоке. И... бухнул выстрел за валом. Тихая ночь вдруг наполнилась грохотом орудий, разрывов, гулом несущихся снарядов, вспышками, и усилилась ответным огнем противника...

1 полк идет быстро вперед. Его обгоняют танки. Центральный бат-н врывается на высоту 9.3; левый, взяв первую линию окопов залегает перед второй, но на непродолжительное время. Сбивая резервы красных, полк наступает дальше. Влево взвивается зеленая ракета— знак, что Корниловцы заняли Преображенку.

3 полк идет вброд по рукаву Сиваша в версту шириной, местами с мелкой водой, местами только с густой грязью. Перед ним вся в разрывах снарядов позиция противника с «пулеметной» горкой. Полк подошел к ней. Батареи замолчали и... его встречает сильный пулемет-

ный и ружейный огонь. Не преодолев проволочного заграждения, он залег под ним. Снова открыли огонь батареи — пять батарей. Полк несет потери не только от огня противника, но и от огня своих. Его засыпает землей от близких разрывов. И — атака. Позиция взята. Полк наступает дальше.

Батареи, следовавшие за полком, задержались перед гатью: саперы в темноте не могут найти заложенных мин. Но ждать нельзя. По гати скачет зарядный ящик и... благополучно переходит ее. За ящиком — орудия, как раз тогда, когда мины найдены и обезврежены. Быстро переходит гать 2 полк и разворачивается фронтом на Первоконстантиновку.

Светает. Идет горячий бой.

3 полк переходит второй рукав Сиваша. Его, понесшего большие потери, подбодрила эскадрилья аэропланов, летевшая в сторону противника.

2 полк атакует Первоконстантиновку. Жестокое сопротивление противника сломлено огнем батареи, ставшей в цепях полка. На окраине села стоял подбитый снарядом танк; на улице — другой с перебитой от брошенной в его люк ручной гранатой, прислугой. Полк взял село,

защищала которое красная часть, называвшаяся «Красные орлы»; захватил бронеавтомобиль.

1 полк около 12 часов занял х. Спендиарова. Он уже выдвинулся на 10 верст и у него открыты фланги. Слева сзади шли густые цепи красных, отбивающиеся от конницы ген. Морозова. Увидя себя окруженными, сдались в числе 700 человек. Это были латыши. 300 человек, изъявивших согласие биться с большевиками, сразу же были распределены между ротами полка.

Но разгорался бой с перешедшими в наступление красными у 3 и 2 полков. Красные перешли в наступление огромными густыми цепями охватывали 3 полк слева, 2-й — справа. Не выдержал 3 полк, не выдержал и 2-й. Стали отходить: 3-й — в свое исходное положение, 2-й — к высоте 9.3.

Около 17 часов к высоте 9.3 подошел 1-й Дроздовский полк. Ему приказано взять Первоконстантиновку и он взял ее, но около 23 часов был выбит. Красные дрались отчаянно.

Ночь. 1 полк у х. Спендиярово. Тут же части конницы ген. Морозова. 3 полк перешел ко 2-му — к высоте 9.3; у гати осталась инженерная рота. К высоте подошли и 2 и 3 Дроздовские полки.

К отдыхающим Марковцам подошел ген. Кутепов. Он мягко высказал неудовлетворение исходом сражения дня, но сейчас же подбодрил: «Завтра красные будут разбиты на нашем участке; наступление на других участках фронта развивается». Затем он был в 1 полку и благодарил за успешное наступление.

26 мая утром Дроздовцы взяли Первоконстантиновку и преследовали красных до Владимировки. Конная дивизия атаковала их с тыла. Красные были разбиты и понесли огромные потери. Марковцам уже не пришлось участвовать в бою; только несколько арт. выстрелов было произведено по красным бронеавтомобилям, появившимся со стороны с. Чаплинка. Дивизия осталась в резерве корпуса, расположившись в Первоконстантиновке, Спендиярово и Преображенике, где простояла два дня.

Один день боя, 25 мая, стоил дивизии больших потерь: почти до 600 человек, почти трети ее численности. Особенно пострадал 3 полк — до 300 человек, половину своего состава. Полки влили в свои ряды пленных. 1 полк, потеряв около 100 человек, влил до трехсот. Около 15 человек потеряли артиллеристы. Но Марковская арт. бригада в результате боя значительно усилилась: она сразу же поставила в строй 4 орудия из взятых дивизией 8-ми, и имела теперь 14 орудий; поставить больше мешала нехватка лошадей.

Всего 1 корпус при выходе в Сев. Таврию взял 3.500 пленных, 25 орудий, 6 броневиков.

***

Кажется, в первый раз за всю гражданскую войну полковые священники были на месте: напутствовали части в бой, хоронили убитых

и жителям напоминами, что пришло Христолюбивое Воинство. В Первоконстантиновке, после долгого молчания, зазвонили церковные колокола и, за отсутствием сельского священника, в церкви служил священник 3 полка, о. Поликарп Шиманский. Церковь была полна молящимися.

Да! Для русского народа нужна церковь, Дом Молитвы. Нужна свобода молитвы. Но этому ли только радовались жители села? Было видно, что они радовались окончанию их жуткой жизни непосредственно на фронте с тяжелыми обязанностями подводной повинности, которую на них налагали большевики: привозить со станции каждый день ящики, тюки, всякое неизвестное им имущество и везти туда раненых без конца. Но радовались ли они полному освобождению от большевиков? Ответить было трудно. Они беспокойно говорили:

«Сколько вас и сколько их. За красными вся Россия, а за вами только Крым. Они, красные, говорили, что все равно потопят вас в море».

Все это Марковцев мало беспокоило, но когда узнали о подготовляющейся красными газовой атаке, о подвезенных газовых снарядах, баллонах, о противогазовых масках и химических лабораториях, у них вырвалось: «Во-время мы вышли из Крыма!»

С Кубани не ели Марковцы такую вкусную и обильную пищу, как теперь. Жители охотно снабжали всеми продуктами.

29 мая 1 и 2 полки выступили в с. Натальино, где Морозовская конная дивизия не выдерживала натиска красных. Страшная, мучительная жара! Но спасла гроза с невероятным ливнем, продолжавшаяся полчаса. Вода покрыла степь. Когда колонны двинулись дальше, пришлось освободить двуколки и подводы от лишних седоков, степных зверьков-тушканчиков, нашедших на них спасение из своих залитых водою нор. Ливень помог Морозовцам отбросить противника.

1 июня вся дивизия сосредоточилась в с. Дмитриевка, уже в 60 верстах от Перекопа. Корниловцами взята Каховка и очищен весь левый берег Днепра вплоть до устья. Дроздовцы и Морозовцы продолжали наступать на север, войдя в связь с остальными частями армии.

В с. ДМИТРИЕВКА

С первого же дня, как только дивизия стала в селе, в ней закипела работа по усилению своей мощности. Ежедневно прибывало пополнение из пленных, мобилизованных, возвращавшихся по выздоровлении и даже добровольцами из крестьян. Шло обучение пулеметчиков, в которых был острый недостаток. Не хватало телег, тачанок, лошадей. Дивизии не пришлось наступать в передовой линии, отчего ей досталось лишь то, что не было подобрано другими.

К концу стояния в резерве в полках дивизии уже было 1.000, 900 и 800 шт. В арт. бригаде — 16 орудий. В полках формировались запас-

ные бат-ны и даже отдельный на всю дивизию. Было лишь одно смущающее обстоятельство — эпидемия холеры, выведшая из рядов несколько человек.

6 июня в Дмитриевку приехал ген. Врангель и дивизия представилась ему уже во внушительном состоянии.

«Кланяюсь вам, Русские Орлы!» — так начал он свое слово. Он говорил, что будет сделано все, чтобы вырвать победу у врага. Нужно верить в победу, так как только «Верою спасется Россия». Вера творит чудеса. С верою, вперед!»

Знамя Марковской Дивизии

Ген. Врангель благодарил Марковцев за ратные дела и выразил уверенность в их новых успехах.

«В воздаяние заслуг, полки ваши награждаются Николаевскими знаменами; 1-я, 3-я, 4-я и 7-я батареи — Николаевскими трубами». Громкое восторженно «ура» покрыло слова Главнокомандующего. Тут же он произвел ком-ра арт. бригады полк. Машина, в чин Генерал-Майора; утвердил полк. Докукина в должности помощника нач-ка дивизии; ген. Гаттенбергера назначил ком-ром 2 полка.

Короткая встреча с ген. Врангелем незабываема. Высокие награды Марковцев сочли воздаянием не за Перекопский бой, а за свою преж-

нюю службу и как обязательство оправдать ее в будущем. (Знамена не были привезены, т. к. еще не были готовы).

Ген. Врангеля крестьяне встретили с подношением «хлеба-соли». Он долго разговаривал с ними и потом видно было, с каким доверием они отнеслись ко всему, что услышали от него. О чем он говорил им, Марковцы судили по приказу и воззванию, которые уже были расклеены по селу.

ПРИКАЗ

Правителя и Главнокомандующего Вооружен. Силами на юге России.

Г. Севастополь № 3226. 20 мая 1920 года.

Русская армия идет освобождать от красн. нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне Русский народ.

Мною подписан закон о волостном земстве и восстановляются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая с.-х. пользования, распоряжением самих волостных земств, будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устройстве государства.

Земле — волею народа поставленный Хозяин.

Да благословит нас Бог!

Генерал ВРАНГЕЛЬ.

ВОЗЗВАНИЕ.

(подписанное тем же числом).

Слушайте люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал ВРАНГЕЛЬ.

Читая и перечитывая эти документы, Марковцы находили в них что-то из того, о чем они думали; находили то, чего раньше, когда боевая служба сталкивала их с народом и они должны были ему отвечать на вопросы, у них не было. Они чувствовали, что начинают понимать глубже ведущую Идею борьбы и могут говорить о ней с народом. Какое-то новое «оружие» давалось им.

В первые дни в Сев. Таврии в записях были такие заметки: «Население смотрит волком». «Впечатление таково, что собственно в настроении населения никаких перемен не произошло». А через несколько дней — явная перемена. Были потом скачки в обратную сторону, особенно, когда была объявлена мобилизация лошадей, но на короткое время. Крестьяне примирились с постановлением власти, но на беззаконие отвечали огромным возмущением. С мародерством, грабежами велась беспощадная борьба и народ видел — власть не даст его в обиду.

Через несколько дней вышло новое обращение к «Войскам и населению:

«Как Правитель, Главнокомандующий и как один из сынов несчастной России, земно кланяюсь вам, Русские орлы, все честные Русские люди — помогите мне нести выпавший на мою долю тяжкий крест».

Общими усилиями войск и населения! Прямой призыв — за Россию общим фронтом, согласованными силами. И чтобы согласовать эти силы, делалось многое.

В войсках появился новый институт связи: все постановления и объявления из центра передавались в народные массы, через специально назначенных в полках лиц. То, что не было проведено раньше, то, что должен был делать «Осваг» при ген. Деникине, теперь введено в жизнь. Другое дело, как это осуществлялось. Нужны были опытные люди, а не формалисты. Назначенные на такую работу лица не должны были сделать шага без нужных документов, без нужных фраз. Ген. Врангель это требовал. Однажды, у сопровождающего его генерала, руководившего этой работой, не оказалось с собой документов и он немедленно был отправлен за ними. В полках эта работа велась неумело, да на нее назначались сверхштатные штаб-офицеры, далекие от понимания глубокой важности дела для «войск и населения». Коммунистическая пропаганда действовала и ей нужно было противопоставить живую контрпропаганду.

Между прочим, в это время коммунистическая пропаганда твердила о новой интервенции капиталистических стран против России: Польша, за которой стояла Франция, и Врангеля, который якобы поддерживается Англией и другими странами. Она твердила о продажности и предательстве Врангеля, пошедшего против Родины.

Да! У Марковцев сжалось сердце, когда узнали, что Поляки и петлюровцы, которым в это время помогала Франция, захватили Киев.

Но у них не дрогнули сердца, когда узнали, что бывший союзник, Англия, решительно противился наступлению армии из Крыма, угрожая лишением всякой поддержки. «У нас теперь есть союзник — Махно», — не без серьезности говорили Марковцы, несмотря на недоверие к нему.

«С кем хочешь, но за Россию — вот мой лозунг», — сказал ген. Врангель.

***

За время, пока дивизия стояла в резерве, Русская армия освободила Сев. Таврию. Ее фронт от Крыма уже находился в 100 верстах к востоку, в 120 — к северу и в 60 — к западу и имел протяжение до 300 верст, причем 200 верст — вдоль Днепра.

Армией было взято 48 орудий, 250 пулеметов, 3 бронепоезда, 9 бронеавтомобилей и свыше 16.000 пленных. Весьма скромная доля Марковцев в этом успехе напоминала о необходимости им показать себя в дальнейших боях. И они к этому готовились уже под сенью своих Крестоносных знамен.

В арт. бригаде выработали даже нагрудный знак — крест Мальтийских рыцарей — черный с красной каймой, перевитой терновым венком, и с вензелем ген. Маркова. Этот знак позднее был утвержден.

Такой же знак был принят и в полках, но с белой каймой, а в центре вместо вензеля — знаки полков.

КАХОВСКИЕ БОИ

Красное командование, обладая огромными резервами, сразу же стало готовить контр-наступление. Оно задалось целью одновременным ударом с востока и запада на Мелитополь разбить и окружить Русскую армию и, во всяком случае, отбросить ее в Крым. На востоке оно сосредоточило силы кавалерии, больше чем в три раза превышающие силы таковой Русской армии. С запада, в районе Каховки, должны были переправиться через Днепр две стрелковых дивизии. Одновременно и наступление на всем остальном фронте. Оно началось 15 июня.

10 июня один бат-н 2 полка с двумя орудиями выступил из Дмитриевки к Днепру в Любимовку; правее него, в Горностаевке, стал

Черноморский кон. дивизион. После переезда с Кавказа в Крым, Черноморский кон. полк вошел в состав 4-го Сводного полка кав. дивизии, как дивизион, и с ним с Перекопа вел наступление на Алешки. Он захватил большие трофеи, позволившие ему посадить два эскадрона на лошадей, а третий, пеший, сделать ездящим на подводах и иметь достаточно сильную пулеметную команду. Общая численность его превышала 300 человек. С 10 июня дивизион стал связан неразрывными узами боевого братства с Марковской дивизией в качестве ее конницы.

Вдоль Днепра соседями справа были части ген. Писарева, слева — еще пешие части кав. дивизии Барбовича.

Днепр в нижнем его течении — широкий, многоводный. Казалось бы — надежное обеспечение. Но — днепровские плавни. С ними познакомились Марковцы. Главное русло Днепра имело в ширину несколько сот шагов, но оно разделялось на много рукавов-протоков, между которыми острова, покрытые густой растительностью. Это и были плавни шириной до десяти верст. Переправиться через Днепр по плавням не представляло больших препятствий и особенно с западного, возвышенного берега. Нужно было иметь большие силы для занятия всех островов, чтобы не допустить этого.

Только в одном месте на протяжении нескольких верст исчезали плавни и оба берега разделяло лишь русло Днепра — у Каховки на восточном берегу и Бериславля на западном. И, как ни казалось здесь переправа через реку наиболее трудной, она была особенно легка: с доминирующего западного берега открывался отличный вид на низкий восточный, на котором нигде не было укрытия; неприятельские батареи на возвышенном берегу не только могли подготовить условия для переправы, но и погасить огонь батарей, которые этой переправе мешали бы. Здесь у Каховки красные и готовили переправу.

11—14 июня прошли на линии Днепра спокойно. Разведчики бат-на 2 полка свободно ходили по плавням и были даже на полузатонувшем пароходе на главном течении Днепра, на котором были двуколки и всякое военное имущество. Попытка забрать их стоила жизни подпрап. Шацкому и ранений двум солдатам.

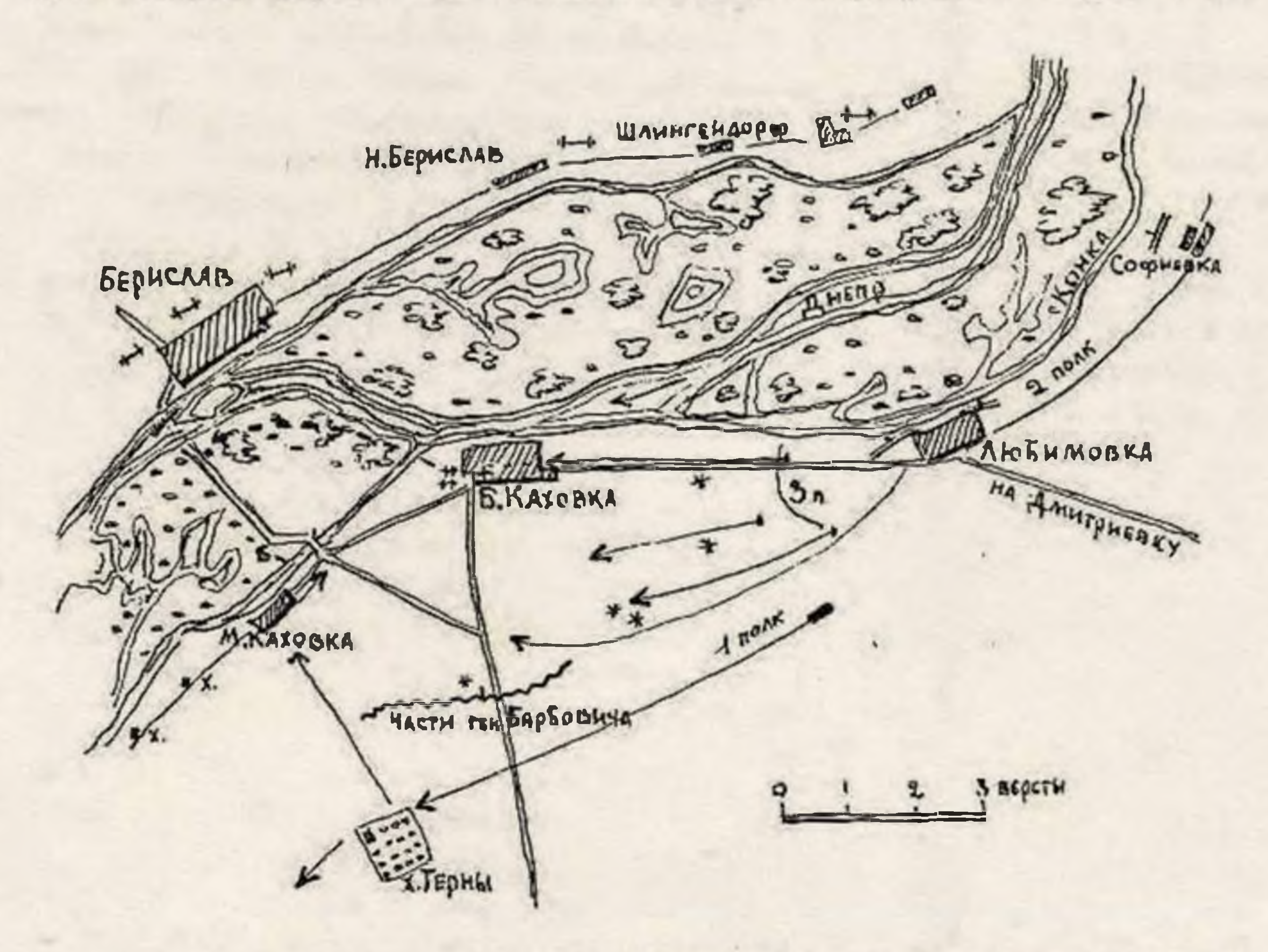
Для выяснения намерений красных, на тот берег переправился офицер 2 полка, уроженец одной из колоний близь Бериславля. 15 июля утром он вернулся и сообщил: красные начинают переправу на острова северной Каховки. В этот день из Дмитриевки в Любимовку переходит еще один бат-н 2 полка со взводом орудий.

16 июня красные переправляются на восточный берег у Горностаевки — севернее, и у Корсуского монастыря — южнее Каховки, но были отброшены в плавни. У Горностаевки Черноморцам, к удивлению, пришлось иметь дело с конной частью красных. Оказалось, красные всадники переправились с седлами, а лошадей набрали у крестьян.

К Днепру выступил последний бат-н 2 полка.

18 июня артиллерия красных усиленно обстреливала район Каховки и во второй половине дня их пехота, переправившись через Днепр, заняла Б. Каховку, выбив из нее части ген. Барбовича.

19 июня. Ночь светлая, лунная. Во второй половине ее перед Любимовкой из протока в плавнях стали выплывать на рукав Днепра, Конку, отделявший плавни от восточного берега, лодки. На середине реки их встретили пулеметным огнем. Одна за другой лодки стали переворачиваться, плыть по течению, возвращаться назад. Едва рассвело, красные, уже с поддержкой артиллерии, снова повторили попытку переправиться, но понесли еще большие потери, теперь уже и от арт. огня.

А в это время пехота красных повела наступление с бугров восточнее Б. Каховки на Любимовку. Встреченная огнем пулеметов и бат-на 2 полка, она отошла на бугры. В контр-наступление перешли шесть рот 2 полка, но и они под сильным огнем, особенно батарей, вынуждены были отойти. Третья попытка кратных переправиться через Конку была отбита и только одна их лодка достигла берега. Взятые в плен говорили: их двум бат-нам, двух ком-дам разведчиков и двум пулеметным приказано было во что бы то ни стало содействовать развитию наступления со стороны Б. Каховки. Потери они понесли огромные.

Сообщение летчика, что красные уже навели мост через Днепр и по нему преходят части, указало на серьезность положения. 1 и 3 полки получили приказание выступить к Любимовке. Части ген. Барбо-

вича уже дерутся с противником, занявшим и М. Каховку и Корсунский монастырь.

20 июня. 20 верст форсированного ночного марша. 1 полк идет еще дальше. 10 верст к х. Терны; от него отделяется бат-н и идет к Корсунскому монастырю на помощь кавалеристам.

3 полку — немедленно атаковать Б. Каховку. Ночь. Он сбивает красных с бугров. (Среди пленных — ком-р тяжелого арт. дивизиона, его адъютант, два ком-ра батарей — все бывшие офицеры; один из них застрелился). Правофланговый бат-н с налета сбивает резервы красных, разворачивающиеся из Б. Каховки и врывается в нее; на левом фланге сильный бой; он задержался, так как оказался под ударом слева.

Светает. Для артиллерии красных с возвышенного берега Днепра цели как на ладони, на полк сыпятся снаряды. Красная пехота переходит в контр-наступление. Полк вынужден отходить. Свои батареи поддержать не могут: их наблюдательные пункты тоже под обстрелом. Снаряды рвутся точно по отходящим цепям; прямом попаданием уничтожен пулемет и с ним три пулеметчика.

Днем страшная жара. В 15 часов приказание: 1 и 3 полкам атаковать М. и Б. Каховку. 1-й, повторной атакой, берет М. Каховку; 3-й опять правым флангом врывается в Б. Каховку, проходит ее, но не может взять кладбище, огороженное каменной стеной и находящееся за маленьким рвом; левый фланг его опять задержан. От арт. огня красных спасает ночь. Тяжелые снаряды рвутся по Б. Каховке; пожар; паника среди населения.

Ночью на левый фланг 3 полка выходит бат-н 2-го; далее два бат-на 1 полка с дивизионом кавалеристов. Перед рассветом приказано атаковать.

21 июня. Ночь. Атака. Сильнейший ружейный и пулеметный огонь; центр продвинуться не в состоянии. Рассвело. Мощный арт. огонь красных; они наступают. Центр подается назад. Правый фланг в Б. Каховке отбивает красных. Левый фланг в М. Каховке медленно продвигается вперед по виноградникам. Правофланговый бат-н 3 полка атакует кладбище, берет его и преследует красных, бегущих на остров через мелкий поток Днепра.

Вдоль северного края острова, он идет к переправе, до которой версты три. Вот он уже у понтонного моста, который отводится к тому берегу. Отрезанные от переправы цепи красных, преследуемые 1 полком, поворачивают к югу и исчезают в плавнях. Пытаться преследовать их среди водных бассейнов, порослей кустарника, деревьев, тростника, по узким неровным дорожкам, немыслимо. Насколько было возможно, роты продвинулись вдоль главного течения Днепра и обстреливали отплывающие на тот берег лодки с красными.

Попытка красных переправиться через Днепр у Каховки и южнее стоила им очень дорого, но и у Марковцев выбыло до 400 человек,

особенно из 3 полка. Было взято до 1.000 человек в плен, много пулеметов. Пленные принадлежали к частям Латышской и 52-й стр. дивизии.

Через день полки расположились: один в Каховке, другой в Любимовке и третий в с. Каиры, где спокойно простояли целую неделю. Эти дни оставили у Марковцев самые лучшие воспоминания: лето, река, отличное питание, вволю пополняемое рыбными блюдами и созревшими фруктами; пили каховское вино и пиво.

Настроение особенно поднялось, когда узнали о новой большой победе армии. Итог ее: до 11.000 пленных, 60 орудий, 2 броневика, 300 пулеметов, а главное — 3.000 коней, столь необходимых ей. Но у 3 полка большое огорчение: из него выделялся, приданный ему на Перекопе, бат-н Кавказского стр. полка, на формирование своего полка в составе 6-й пех. дивизии. Получено было большое пополнение, но его нужно обучить, воспитать.

НА УЧАСТКЕ ГЛАВНОГО ФРОНТА

Используя одержанную победу, ген. Врангель провел перегруппировку сил. Марковская дивизия переводилась на северный участок к своему 1 корпусу. 2 корпус становился на место Марковской и Конной дивизий; Конная дивизия отводилась в резерв для посадки на коней.

В ночь на 29 июня 13-я пех. дивизия 2 корпуса сменила Марковскую, которая немедленно на подводах двинулась в путь, причем старшему командному составу до ком-ров бат-нов включительно, приказано было собраться в штаб дивизии на показной сел.-хоз. ферме. Не зная причин вызова, все были удивлены, увидев там накрытый и установленный едой огромный стол и оркестр 1 полка. Оказалось, причины были две: отмечался день Ангела Главнокомандующего Петра Врангеля и Марковская дивизия приветствует сменившую ее 13-ю пех. дивизию в лице ее начальника, ген. Ангуладзе и его штаба.

Ген. Ангуладзе и его офицеры были торжественно встречены маршем и громким «ура». Первый тост ген. Третьяков провозгласил за именинника, ген. Врангеля, второй — за славную 13-ю дивизию и ее начальника; ген. Ангуладзе — за Марковцев. После официальной части Марковцы спели кавказскую застольную песню «Нам каждый гость дается Богом» в честь грузина, ген. Ангуладзе. Затем гремели кавказские мотивы, Наурская и другие танцы. Танцевал и ген. Ангуладзе. Блестели в руках кинжалы, револьверы стреляли в такт танцам; громко хлопали в ладоши, подбадривая криками «Ур-са». А полк. Докукин, служивший долгое время в Закавказьи, поразил всех танцами с шашками. В эту ночь душа Кавказа проснулась у Марковцев. Долго угощаться, танцевать и петь не пришлось. Раздалась команда: «Марковцы! По коням!»

Дивизия совершала переходы только по ночам, останавливаясь

днем в больших и богатых селах. Шла разными дорогами. Ночи были темные; колонны подвод растягивались, отрывались, сбивались с направления. 3 июля, после четвертого перехода, дивизия расположилась в большом селе Михайловка, имевшем свыше 50.000 жителей. С нею Инженерная рота и Черноморский дивизион. До фронта оставалось около 20 верст и оттуда доносилась арт. стрельба. Настроение отличное. Наконец-то на главном фронте.

3—5 июля прошли спокойно, а 6-го — в деятельных приготовлениях к смене Дроздовцев. Когда стемнело, части дивизии тронулись: 1 полк — в с. Васильевка, 2-й — в колонию Гейдельберг, 3-й — в к. Андребург, Конный дивизион — в Бурчатск и Инженерная рота — в с.с. Скельки, Златополь.

Смена прошла ночью быстро. Дроздовцы, которым, видимо, надоело стоять на позиции, торопились и Марковцам пришлось узнать от них об обстановке лишь в общих чертах и расположить свои части так, как были расположены дроздовские. Ночь не позволила получить хоть малейшее представление о местности, а противник, по словам Дроздовцев, был весьма активен. 3 полк пришел на позицию с представлением, как ему было сказано, быть в резерве дивизии, а сменяемые им Дроздовцы сказали: «Какой тут резерв! Тут похуже, чем на позиции. Ну, да завтра увидите сами!» Получилась задача с многими неизвестными. А тут еще выяснилось, что каждый дроздовский полк был не менее, как на 200 штыков сильнее Марковского; слабее была и артиллерия и даже конница дивизии.

7 июля прошло спокойно. За этот день Марковцы осмотрелись, выработали план обороны, по своему разместили части.

Позиция дивизии шла вдоль Карачекракской лощины от к. Гейдельберг до ст. Плавни, упираясь в плавни Днепра, и имела свыше 20 верст протяжением. Такое же протяжение имел и участок вдоль плавней. Фланговые 2 и 1 полки седлали лощину, а 3-й, в к. Андребург, отстоял от нее на 3 версты к югу. Интервалы между полками — 4 и 10 верст. Интервал в 10 верст отлично наблюдался с обеих сторон, кроме самой лощины с находящейся в ней к. Эристовка. И как раз это место было наиболее уязвимым на участке, тем более, что к нему подходили другие лощины со стороны противника, наблюдение за которыми было весьма трудным. Не было сомнения, что это место будет использовано противником при наступлении. Такой вывод потребовал придать 3 полку не два орудия, а четыре. При 2 полку их было 6, при 1-м — 8. (Учитывалось, что через его участок проходила жел. дорога, на которой действовали бронепоезда красных). В резерве дивизии — конный дивизион в Бурчатске. Соседи спарва, на интервале свыше 5 верст — Корниловцы; влево вдоль плавней — Инженерная рота держала связь с Донским стрелковым полком.

Плавни, к которым примыкал участок дивизии, в этом месте имели наибольшую ширину, доходящую до 20 верст. Они были сплошь по-

крыты лесом и кустарником и изрезаны протоками. Кое-где на легких возвышенностях стояли хутора в 1—2 двора, к которым вели узенькие, вьющиеся дорожки. Плавни — особое царство, куда никакая власть не могла проникнуть без риска и там укрепиться. В минувшие годы там скрывались Махновцы, а в описываемое время — противокоммунистические партизанские отряды Прачна, Володина, Хмары, в какой-то степени «союзники» Русской армии. Численность отрядов — в несколько десятков человек увеличивалась уклоняющимися от мобилизации и дезертирами.

Для полной оценки этих плавней нужно сказать: во время Второй Мировой войны, когда юг был занят войсками Гитлера, в них скрывались антинемецкие партизанские отряды и немцы были бессильны с ними покончить силой и только голодом вынудили их сложить оружие и то на условии полной для них безнаказанности. «Сложили оружие» и бывшие здесь два Марковца — пор. Носенко и подпрап. Сербинов, приехавший из Франции.

Партизанские отряды, как «союзники» армии, получали все для них необходимое, и выполняли даваемые им задачи, главным образом по разведке по обоим берегам Днепра. С их помощью проводились и взрывы мостов в тылу противника чинами инжен. роты и батарей. Об одном таком деле есть запись в истории арт. бригады.

«Партизаны пришедших к ним двух белых величали «товарищи офицеры», но смотрели на них свысока, презрительно и отпускали по их адресу грубые шутки. Их разговор был пересыпан непонятными словами и, если они при этом поглядывали на белых, то последним становилось невольно жутко. Только к одному атаману Марковцы имели доверие и видели в нем своего защитника. Приходилось поражаться своеобразной, но крутой дисциплине партизан. В диких зарослях плавней они чувствовали себя, как в родной стихии. Они будто не знали страха и все были головорезами. Для них крик совы или филина, послышавшийся где-то далеко, не всегда были обыкновенным птичьим криком, на иные они как-то реагировали.

«Наступил вечер. Перед «делом» партизаны сели за еду и пригласили белых, но усадили их отдельно, «как начальников». После еды, уже в темноте, все куда-то тронулись и где-то в полной тишине залегли. Большая часть из них куда-то ушла. Закричала ночная птица. «Ну, готово!» — сказал атаман. — «Теперь ваше дело», — обратился он к Марковцам. Пошли быстро. Вышли из плавней. Железная додога. У моста лежали 10 красноармейцев, бесшумно зарезанных партизанами. Шт.-кап. Иегулов и бомбардир Абазов заложили в двух местах по обе стороны жел.-дор. мостика сильные взрывчатые снаряды. Два взрыва нарушили тишину ночи. Снова плавни. Марковцев любезно проводили и, после целой ночи пути по узким тропинкам, мостикам они наконец вышли к своим».

8—11 июля прошли совершенно спокойно. Красные стояли где-

то далеко за возвышенностью и только их наблюдатели виднелись вне досягаемости дальнего ружейного выстрела. Лишь одной ночью бат-н 2 полка с двумя орудия совершили налет на расположенную в лощине, невидимую с участка полка, к. Тифенбрун, и рассеял часть красной кавалерии.

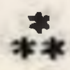
Но у Марковцев все эти дни кипела особая работа. Пришло распоряжение по Армии — в свободное от боевых действий время, оказывать максимальную помощь населению по уборке урожая. Эта задача была понятна всем: без помощи, когда в армию мобилизованы и люди, и лошади, когда часть людей ушла с красными и увела лошадей, собрать урожай некому. И Марковцы эту задачу выполняли с энтузиазмом.

Их особенно увлекала помощь немцам-колонистам, которые их поражали всем: и своими чудными колониями, и идеальным хозяйством, и бытом, и тем, что они, живя сотню и более лет, сохранили себя полностью немцами до того, что их женщины и дети слабо говорили по-русски. Поразило, что немцы поголовно вступили в яяды армии — в пехоту (из них был сформирован немецкий бат-н), в артиллерию и в кавалерию, даже со своими конями.

В Марковских частях на вечерней проверке производились наряды в сторожевое охранение и на сел.-хоз. работы. С утра, когда выяснялась пассивность противника, половина состава приступала к уборке. Немки-хозяйки угощали своих бесплатных работников вкусными супами и прочими яствами. Каждый вечер в штаб посылались донесения о количестве произведенной работы.

С первого же выхода на работу замечена была перемена настроения у всех и особенно у бывших красноармейцев. Все повеселели, оживились, что заметно отразилось и на воинском порядке и дисциплине. Все глубоко понимали, что выполняют долг и перед Родиной и перед народом. «Красные не так относятся к народу», — говорили пленные. Особенно удивляла их помощь тем семьям, члены которых ушли с большевиками.

За 4 дня ни разу не была нарушена эта работа, ни звонов колоколов в кирхах, ни орудийными выстрелами. Спокойно шла уборка в поле и спокойно проводились нужные занятия. Несколько беспокойно было в 1 полку, к которому подъезжали бронепоезда красных.

Между тем, противник подготовлял новое наступление, не только восполнив потери в своих дивизиях, не только направлением на фронт своих отборных частей, но и силой 2-й конной армии в 4 кавал. дивизии. На этот раз удар готовился не с востока, а с севера, т. е. на 1 корпус, с одновременным повторным ударом у Каховки.

Зная это, командование решило предупредить красных своим наступлением.

12 и ю л я в 3 часа неожиданный подъем и приказ: корпус переходит в наступление. Главный удар наносится ударной группой в три кавал. дивизии и Дроздовской, в направлении на г. Орехов. Корниловская и Марковская дивизия обеспечивают ее фланги.

Марковцев поразила чрезвычайная медлительность наступления: за день 2 полк почти без боя продвинулся на 6—7 верст, 3-й — едва на 10, и 1-й — на 12, заняв с. Янчекрак. И это, когда вправо слышался сильный бой. На следующий день приказано 2 полку занять Щербаковку, 3-му — Яковлевку.

13 и ю л я. Перед рассветом 2 и 3 полки идут вперед. 2-й атакует Щербаковку и залегает под огнем. Атакует во второй раз и опять неудачно. 3 полк, едва выйдя из х. Пятихатка, сталкивается с густыми цепями противника; в жестокой схватке он их отбрасывает, но на небольшое расстояние. Атакуют красные. Слева летит их лава и, попав под огонь батарей и пулеметов, отскакивает. Полк переходит в контрнаступление, но вынужден залечь под огнем справа с возвышенности, которую потом атакует и берет резервный бат-н.

Бой жестокий под жгучим солнцем. Полк атакует снова и принуждает красных к отходу. Чрезвычайно упорно дерутся они. Резервный бат-н обстреливает их во фланг. Выйдя на гребень перед собой, он внезапно атакуется кавалерией. Взвод орудий и пулеметы отбрасывают ее. И, о ужас! Несколько человек убитых и раненых в погонах дивизии ген. Барбовича. Оказалось, кавал. дивизия ген. Барбовича, обойдя Щербаковку с востока, помогла 2 полку взят это село и теперь обходила красных, упорно сдерживающих наступление 3 полка. Она взяла Яковлевку и оттуда шла в тыл красным, наступающим против 1 полка.

А тем временем в 1 полку... На рассвете красные атаковали его, сбили с бугров перед с. Янчекрак. На внутреннем скате лощины полк не смог удержаться. Его отход через лощину на виду у противника. Огонь батарей и бронепоездов поражает отходящий полк. Едва уходит 1 батарея, потерявшая за короткое время 17 человек и 19 лошадей. Атака резерва, конного дивизиона, отбивается красными. Положение полка крайне тяжелое. Спасает успех 3 полка, который, преследуя красных, выходит во фланг наступающим на 1 полк и вынуждает их к отходу, а скоро и к бегству: в тыл им шли части ген. Барбовича.

К вечеру 1 полк снова занял Янчекрак, 3-й пришел в Яковлевку, 2-й — в Щербаковке. Дивизия ген. Барбовича ушла обратно на восток, где шел сильный бой.

Этот необычайно тяжелый бой шел в течении всего дня в сильную жару. На 1 полк навалились части 3-й стр. дивизии красных; 2 и 3 полкам пришлось иметь дело с Интернациональной бригадой в три полка пехоты и полка кавалерии из мадьяр и немцев. 3 полк взял в плен до 400 человек; сотни убитых и раненых и, особенно много свалившихся от солнечного удара, лежали в лощине. Сотни их зарубленных — между Щербаковкой и Яковлевкой. Кавал. дивизия взяла до 1.000 пленных.

Картина боя потрясающая. В одном месте лежало до 30 убитых кавалеристов ген. Барбовича — результат их неудачной атаки на мадьяр, и в некотором отдалении — много десятков зарубленных мадьяр — результат повторной атаки кавалеристов.

Интернациональная бригада была сформирована из пленных, взятых в Вел. войну. Они прибыли из Туркестана, где участвовали в подавлении восстания против Советской власти. Она ехала, как ей было сказано, в Венгрию, на родину и была свернута на Крымский фронт, где и нашла свой конец. Сила ее превышала 3.000 шт. и сабель.

Дорого стоил этот бой и Марковской дивизии и особенно 1 полку: — до 400 человек. Много раненых и сестра милосердия были добиты красными.

Из дневника офицера 3 полка: «Приезжал нач-к дивизии и благодарил полк. Марка полка за бой 13 числа повысилась: ведь мы, в составе 600 чел., разбили три интернациональных полка немцев и мадьяр. Получил 8 пленных на пополнение роты».

14—18 июля. Передовые части дивизии на линии реки Конка. От Орехова несутся раскаты сильного боя и, ясно, передвигающегося к югу.

Бат-н 2 полка отбил атаку кавалерии, но подходит красная пехота. С наступлением ночи бат-н отводится к Яковлевке, из которой полк уже ушел к югу обеспечивать дивизию с востока. Он, 180 шт. при 2-х орудиях, один. Обстановка неизвестна; тревожно особенно вправо. Но оттуда подошла Офиц. рота 3 Дрозд. полка в 150 шт. и кон. дивизион — 120 сабель, оторвавшиеся от своих частей. Общее командование над собравшимися принял ком-р Офиц. роты, кап. Переселенин.

Тревога: противник с севера! Отряд приготовился. Огонь! Бросив своих раненых и убитых, бригада 16-й кав. дивизии красных отскочила. Вскоре группа кап. Переселенина ушла. Снова тревога: оставшиеся одни, Марковцы отбили атаку кр. пехоты. Под утро бат-н был вызван к полку.

Красные наступали: заняли Яковлевку и принудили 1-й полк оставить Янчекрак.

19 июля, как-то неожиданно, дивизия перешла в наступление и, не встретя серьезного сопротивления вышла на рубеж р. Конской. Противник перед ней исчез. Полная тишина.

20—21 июля. Совершенно спокойно на всем фронте. Оказалось — 3 Дроздовский полк с конницей занял Александровск, в 15 верстах к северу. Вывод — красные разбиты. Но вскоре сообщено: Александровск удерживаться не будет. Встревожила срочная отправка бат-на 2 полка с двумя орудиями в Эристовку, т. е. в исходное, перед началом наступления, положение, для обеспечения дивизии с востока.

22 июля в распоряжение дивизии переехал от красный офицер-донец, служивший в 16-й кав. дивизии и сообщил: частям красных при-

казано энергично преследовать белых. Днем бат-ном 2 полка была отбита атака конницы, а ночью дивизия стала отходить и 24-го заняла свое исходное положение; лишь 3 полк был задержан в к. Гохгейм.

Задержка полка в выдвинутом положении была непонятна и, главное, для него очень опасна. Вечером он отбил атаку кавалерии, а ночью на него снова повела наступление кавалерия с востока и севера, а с запада пехота. Кавалерия была отбита, но пехота охватила колонию. Наступали курсанты.

«Передки, стоявшие на главной улице, оказались под пулеметным огнем. В полном мраке батареи двинулись без дороги по пахоте, вырываясь из кольца красных». Стоявший в восточной части бат-н выходит через дворы по выгону на юг; попадает под огонь пулеметов с востока; на него летят пули и с запада. Он захватывает с налета один пулемет красных и отходит по полевой дорожке среди полей кукурузы. Куда ведет дорожка — неизвестно. Уже не слышно боя. Бат-н выходит на какую-то колонию. Кто в ней? Оказалось — Гейдельберг и в ней 2 полк. Перед этим, вечером, он тут отбил атаку красной кавалерии.

25 июля утром, бат-н пришел в Андребург, где уже собрался весь полк.

В этот день полки стали на свои прежние места вдоль Карачекракской лощины. Единственное изменение: бат-н 2 полка стоял в Эристовке в 10-тиверстном интервале между 3 и 1 полками. Усилен был центр, но ослаблен правый фланг.

13-тидневные бои стоили дивизии до 500 человек и достаточно измотали людей. Хотелось отдохнуть и хотя бы выспаться.

БОИ ВДОЛЬ КАРАЧЕКРАКСКОЙ ЛОЩИНЫ

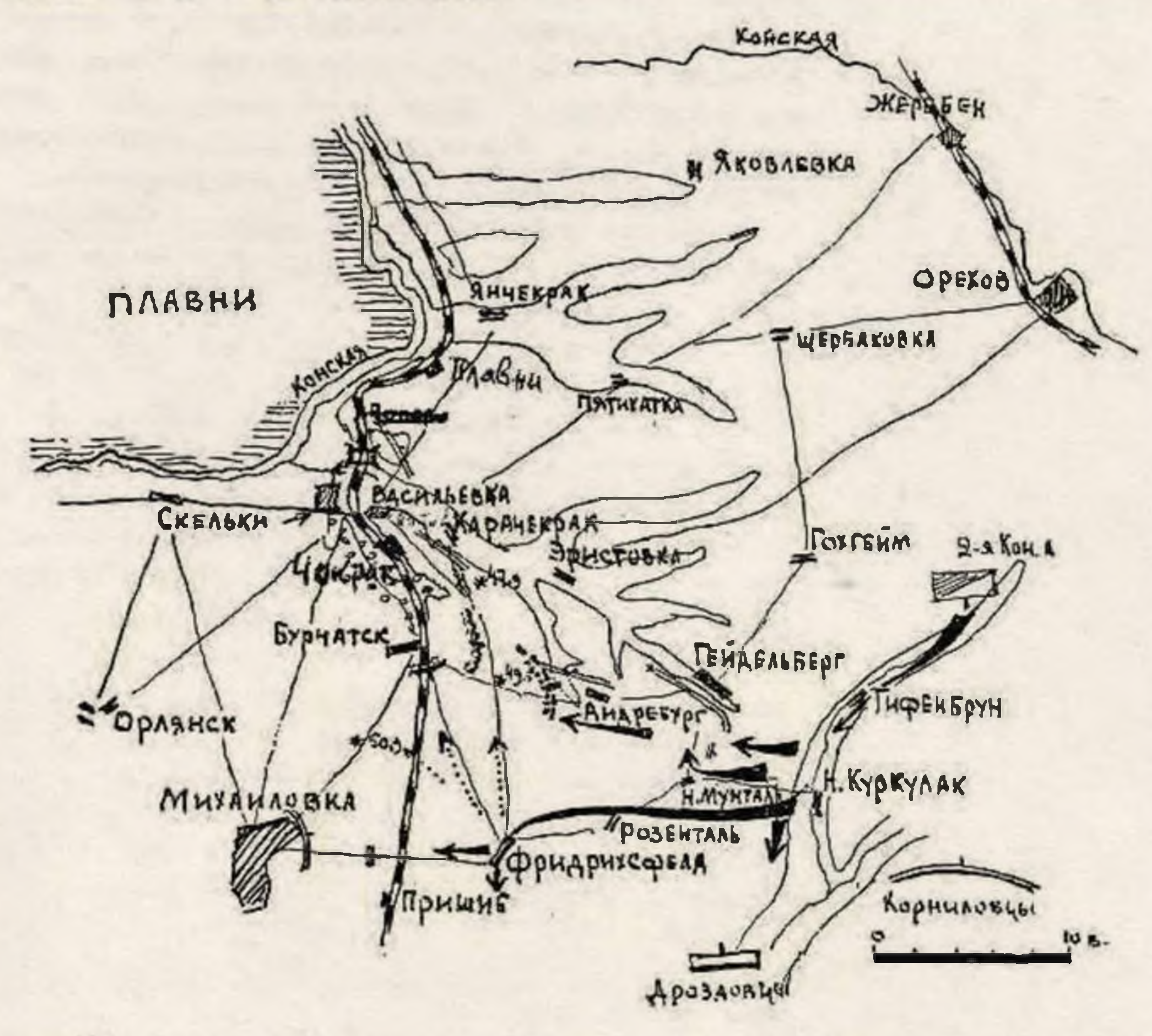
Проведенное наступление 1-м и Донским корпусами значительно ослабило красных, которые потеряли до 5.000 пленными, 30 орудий, 150 пулеметов, 4 бронепоезда, бронеавтомобили. Уничтожена была Интернациональная бригада и сильно ослаблена в столкновении с Дроздовцами у Орехова бригада курсантов.

Можно было вполне допустить, что назначенное на 25 июля наступление красных с севера и у Каховки, если и не будет отложено, то, во всяком случае, на северном участке оно уже не может быть слишком опасным. Ген. Врангель так и предполагал, почему и начал перегруппировку войск: с восточного и северного участков фронта перебрасывались к Каховке в резерв Донская и Кавалерийская дивизии; снималась и самая сильная Кубанская дивизия. Она направлялась, о чем никто не знал, в десант на Кубань. На восточном участке оставались две Донские дивизии; на северном — три дивизии 1 корпуса, усиленного Самурским полком (в Корниловскую дивизию) и конной бригадой.

Ген. Кутепову дана директива: упорно удерживать северный участок фронта, собрав к левому флангу возможно большее количество сил. На левом фланге стояла Марковская дивизия.

25 июля красные перешли в наступление и у Каховки и с севера.

Отдыхать Марковцам пришлось недолго, а 3 полку — едва полдня. Во второй половине дня уже гремели орудия. Наступление пехоты на 2 и 3 полки было отбито; сосредоточенные в лощинах части красной кавалерии рассеяны арт. огнем. Но атакой в сумерках красные заставили 2 полк оставить Гейдельберг и занять позиции на краю лощины, в 300 шагах от колонии. Ночью 2 полк получил приказание обеспечить фланги Дроздовцев, которые перед рассветом начнут короткий рейд по ближайшему тылу противника.

26 июля. С утра красные перешли в наступление на всем фронте дивизии. Перед 2 полком они быстро остановились и стали отходить; перед 3 полком, которому придан бат-н 2 полка, они взяли Эристовку и уже вклинились в интервал между 3 и 1 полками, как вдруг также стали быстро отходить. Причина отхода: Дроздовцы, проникнув правее 2 полка сквозь фронт красных и углубившись верст на 6—7, свернули к западу и взяли к. Гохгейм в их тылу.

Некоторое время спустя, после того, как Дроздовцы ушли в рейд, перешел в наступление 2 полк своими двумя бат-нами. Правофланговый бат-н взял почти без сопротивления до 700 пленных, которых до этого обошли Дроздовцы, не обращая на них внимания. Другому бат-ну пришлось вести серьезное преследование отходивших в порядке красных и захватить лишь 20 человек, оказавшихся курсантами. К вечеру бат-ны, пропустив между собою Дроздовцев с 1.000 пленных и четырьмя взятыми орудиями, отошли к Гейдельбергу.

Во второй половине дня на всем фронте дивизии уже была полная тишина. Нарушена она была лишь несколькими орудийными выстрелами на участке 3 полка по бронеавтомобилю противника, полным ходом мчавшемуся к лощине и скрывшемуся в ней. А через некоторое время он показался с белым флагом. Этот броневик, называвшийся «тов. Троцкий», привел и сдал сотник Донского войска, Кириллов. В машине лежал труп комиссара.

Вот, что рассказал сотник.

Он остался на Дону больной тифом. По выздоровлении он изъявил желание служить в Красной армии и, как умеющий управлять машиной, был назначен шофером на броневик. Но им владело желание перейти к своим — белым. Это не легко: ему не доверяли и никогда не оставляли одного в машине. И вот, остановка в хуторе; нужно проверить машину. Улучшив момент, он убивает комиссара и дает полный ход. Его «заговор в себе» осуществлен. По телеграфу ген. Врангель произвел сотника в чин подъесаула, наградил орденом Св. Николая и назначил ком-ром машины, получившей название «Марковец».

В 3 полку шли разговоры о смелом и решительном офицере. Сотник Кириллов говорил, что обращение ген. Врангеля к Русским офицерам на стороне красных известно, но остаются они исключительно из страха: за ними наблюдение, расправа короткая. Однако он утверждал, что, испытывая страх, офицеры о нем не говорят, в нем не признаются и, оправдывая свое служение красным разными причинами, служат «на совесть» вплоть до записи в партию. Марковцы поражались такой «совести» и не удивлялись, что так мало переходит их на сторону белых.

Во 2 полку после боя шел разговор о настроениях населения на красной стороне. Когда пленных курсантов вели в штаб полка, с ними разговорились. Весьма охотно отвечал на вопросы один из них, державшийся смело и гордо, 18-летний гимназист. Ответы молодого курсанта были весьма обстоятельны. Он делил население на три группы: самая ничтожная по численности — коммунисты, борющиеся до «полной победы коммунизма»; более значительная — обыватели, не желающие воевать, но воюющие потому, что их заставляют; и группа самая многочисленная, думающая о скорейшем окончании братоубийственной войны, но т. к. видят неизбежность конечной победы красных, то «за совесть» поддерживают их. Сам он причислял себя к этой группе и на предложение вступить в ряды армии, бороться за освобождение России

и за истинный мир и порядок, ответил твердым отказом. Никакие доводы на него не повлияли. «Подумай!» — говорили ему и на это немедленно последовал ответ: «Нечего мне думать теперь. У меня было достаточно времени думать раньше». Курсантов отправили в запасный бат-н полка.

Ответы молодого курсанта заставили Марковцев призадуматься. Неужели народ действительно желает скорейшего окончания войны ценою жизни под владычеством коммунистов? Неужели он не уразумел, что такое коммунизм и что он несет ему? Какое нужно время, чтобы он понял, что Русская армия, несущая Белую Идею, идею Добра для всех, не враг народа, а его друг?

Показания пленных подтверждали: не завтра, так послезавтра, красные перейдут в наступление на этом участке.

***

Ком-р 2 полка, ген. Гаттенбергер, беспокоился за свой правый фланг: до Корниловцев свыше 5 верст; их левый фланг в к. Н. Куркулак, несколько южнее; большая лощина, идущая с севера на юг, отличный подступ для противника. Он просил вернуть ему его бат-н, стоявший в Эристовке, и вообще усилить его полк.

28 июля. Утром 2 полк оставил колонию и занял позицию на краю лощины, растянувшись на большом участке и сильно загнув свой правый фланг, с интервалами не только между ротами, но и взводами. В промежутках пулеметы. Его позиция на виду у противника и под обстрелом его батарей. Открыт и тыл ее и только поля кукурузы скрывали арт. позиции. Марковцы стали окапываться.

На участках же 3 и 1 полков противник с утра перешел в наступление. Он занял расположенные в лощине колонии Эристовка и Карачекрак и стал продвигаться в разрыве между полками, но взятый под обстрел батарей с обоих флангов и под давлением пехотных цепей с бронеавтомобилями «Ген. Слащев» и «Марковец», пока еще пошедшим в бой под именем «Тов. Троцкий», вынужден был отойти. Около 14 часов положение в центре полностью восстановлено. Особенно жестокий бой шел у Андребурга, к которому красные, используя лощины, подходили вплотную.

К концу дня для 2 полка стало совершенно очевидно, что на следующий день наступление на него будет с участием кавалерии и при этом использована лощина вправо от него. И теперь штаб дивизии возвратил ему бат-н и придал бронеавтомобили «Ген. Слащев» и «Марковец»; но резерв, Конный дивизион, продолжал держать в Бурчатске, в 15 верстах от угрожаемого места.

Ночью разведчики доносят: Гейдельберг не занимается противником, хотя его разведчики приходят туда; вправо слышен шум, лай

собак; в сторону Куркулака видны световые сигналы. Ген. Гаттенбергер успокаивает: «Это, вероятно, сигналы Дроздовцев, которые с утра перейдут в наступление вместе с Корниловцами». Не верить нельзя, но на душе беспокойно. Пришедший бат-н становится в резерв за правым флангом на половине расстояния до к. Н. Мунталь, в которую направляется ком-да конных разведчиков в 30 сабель.

Знал ли ген. Гаттенбергер, что Дроздовцы утром готовились к наступлению? Очевидно знал, успокаивал своих. Очевидно он знал и о том, что Корниловцы оставили к. Н. Куркулак, раз выслал конных в Н. Мунталь.

29 июля. Перед рассветом в охранении началась стрельба. Доносят: «Цепи противника вошли в Гейдельберг». «Красные заняли Эристовку». А когда рассвело, на всем фронте дивизии красные, поддерживаемые многочисленной артиллерией, а на левом фланге и тремя бронепоездами, огромными силами перешли в наступление. Начался один из редких боев, когда напряжение на одном участке не позволяло бросить взгляд на соседний, чтобы увидеть, как там развивался бой.

На участке 1 полка дымятся от разрывов высоты у ст. Попово, могила 4.7 на южном краю лощины. Полк их оставляет; оставляет и Карачекрак. Он сжимается у Васильевки. Красные его обходят справа, в разрыв между ним и 3 полком, но тут они попадают под перекрестный огонь батарей от Васильевки и Андребурга. Бат-ны с той и другой стороны атакуют. Красные уже обороняются. Напряжение боя здесь падает.

3 полк отбивается от густых цепей, выходящих из лощины. На момент он отходит на окраину Андербурга, а когда красные поднялись в атаку, с расстояния в 500 шагов заговорили пулеметы, скосившие их цепи. Полк отбросил их в лощину.

Во 2 полку. Едва светало, как в Гейдельберг проскочили два красных бронеавтомобиля. Батареи их открыли огонь по позиции полка. До колонии 300 шагов. Ожидается атака. И вот, два бронеавтомобиля вылетают на край лощины; пехота атакует. Но батарея, нацеленная на дорогу и «Ген. Слащев» со своим орудием быстро принуждают машины скрыться. Атака отбита. Отбита и бат-ном, стоявшим правее и фронтом на восток; но последующую, немедленно начатую уже и лавой кавалерии справа, бат-н не сдержал и начал было отходить, как подъехали оба бронеавтомобиля, «Ген. Слащев» и «Марковец». Противник отброшен и здесь.

Но уже началась новая атака у колонии и фронтом удлиненным влево до могилы «Шанц», где стояла Офиц. рота в 35 шт. На этот раз красные машины не встретили огня батарей, вынужденных молчать под сыпавшимися на них снарядами. Роты начали отбегать, но возвращаются бронеавтомобили и положение восстанавливается.

Бой достигает огромного напряжения. Из пулеметов валит пар; батареи с обеих сторон стараются задушить друг друга. Ген Гаттенбергер скачет вдоль фронта, повторяя: «Держитесь!» У Марковцев уверенность в себе и уверенность в поддержке их батарей и бронеавтомобилей. Но к ген. Гаттенбергеру подскакивает ординарец и что-то докладывает. Генерал отдает приказание бат-нам отступать, а сам скачет к резервному бат-ну. Около разрывается снаряд и генерал падает с лошади. Он смертельно ранен. Обстановка для полка уже сложилась трагическая.

Кавалерия противника со стороны Н. Куркулака на рассвете охватила Н. Мунталь, где стояла ком-да конных разведчиков, отрезала ее от полка и затем повернула в сторону Гейдельберга, в тыл полу, а следующие массы ее устремились в направлении к Розенталь и Фридрихсфельду. А в это время резервный бат-н развернулся фронтом на восток, откуда на него шли лавы. Ком-р его резервной роты видит идущие справа, с юга, два бронеавтомобиля и, думая, что свои, подходит к ним. Очередь пулемета и он падает. У резервного бат-на в тылу противник; лавы перед ним и справа. Он сжимается, отходит к Гейдельбергу, и встречается с отходившим центральным бат-ном.

Красные перешли в наступление по всему фронту полка с двумя машинами с севера и двумя с юга. «Ген Слащев» и «Марковец» мечутся с места на место, строча пулеметными очередями. Оба окутаны паром.

— Воды! — кричат со «Слащева».

Пор. Вончаров слышит крик. Он подбегает к двуколке и бежит к машине с бидоном воды, затем приносит другой. «Слащев» оживает на некоторое время. У «Марковца» уже иссякла вода и он спешит в Андребург за ней и, не найдя ее там в достаточном количестве, мчится к какому-то дальнему колодцу. Кончилась вод и у «Слащева», уезжает и он. Полк остается без машин.

Левофланговый бат-н с Офиц. ротой, отрезанный от полка бронеавтомобилями, отходит к Андребургу. Батареи вынуждены менять позиции. Два бат-на полка остаются без поддержки. Они, отбиваясь от пехоты и кавалерии в полях кукурузы, отходят к Андребургу.

Правый фланг 3 полка в бою перед колонией. Он не видит и не знает, что происходит во 2 полку. И вдруг, приказание фланговому бат-ну: немедленно на южную окраину колонии и развернуться фронтом на восток. Едва он вышел на окраину, как перед ним пролетают два бронеавтомобиля красных. Его спасла кукуруза. Бронеавтомобили, проехав немного, остановились и открыли огонь.. не по нему. Бат-н видит лишь, как через дорогу, оттуда, где стоял 2 полк, под огнем перебегали люди. Бронеавтомобили заехали в тых отходившим двум бат-нам полка.

3 полк стал отходить к западу, одним бат-ном вдоль южной окраины Андебурга. Внезапно два бронеавтомобиля полетели по дороге за ним, обдав его пулеметными очередями. И опять кукуруза спасает его.

Но в тылу пулеметные очереди и несколько артиллерийских выстрелов, а через некоторое время обратно по дороге мчались красные бронемашины, а за ними «Ген. Слащев» и «Марковец». Еще немного и попаданием снаряда «Ген. Слащева» уничтожена одна машина противника.

3 полк остановился недалеко от западной окраины Андербурга вдоль лощины, идущей на Эристовку, имея один бат-н фронтом на север.

С могилы отличный вид во все стороны. Пехота красных цепями входит в Андербург; далее их колонны, по которым батареи открыли огонь. В обратном, западном направлении виден быстро отходящий со ст. Бурчатск бронепоезд и состав со змейковым аэростатом, еще окончательно не спущенным. В южном направлении видны колонии: Н. Мунталь, Розенталь и Фридрихсфельд, до которых 6—8 верст; видны обрывки лав, колонны кавалерии, батареи, двигающихся к Фридрихсфельду. Картина захватывающая и поражающая жуткостью: массы кр. кавалерии заходят в тыл дивизии.

И вдруг, минут через 10—20, в эту немую картину врывается гром орудий, а сама она, в интервале между к. Н. Мунталь и Розенталь, покрывается черно-синими веерами. Все бинокли направлены туда и видно, как между этими веерами мечутся всадники. Стреляли несколько батарей сосредоточенным огнем, через небольшие промежутки времени перемещая его.

— Дроздовцы! — закричали в цепи.

Действительно, это были они, подошедшие из резерва, но, к сожалению, с трехчасовым запозданием. Мысли Марковцев быстро переключились: забыв нависшую опасность для дивизии в тылу, они видели теперь возможность окружения красных. «Противник обходящий может быть обойден сам».

Осуществления этой мысли не пришлось долго ждать. Двум батнам 3 полка с бронеавтомобилями приказано взять к. Андербург. «Как один» все рванулись вперед. Бронеавтомобили рассеяли красных южнее колонии, но красные перешли в наступление со стороны Эристовки, тесня оставшийся там бат-н.

— Немедленно в исходное положение! Всем верховым к штабу полка! — передал проскакавший офицер.

Бат-ны, уже занявшие часть колонии, стали отходить. Красные повернули за ними и едва не захватили «Марковца», застопорившегося на подъеме из лощины; помогли старики немцы из ближайших домов.

Полк отбил атаки красных как со стороны Эристовки, так и Андербурга. Но не эти атаки были причиной его короткого отхода. С кургана наблюдалась картина:

От Фридрихсфельда по полевым дорогам, среди полей кукурузы двигались на Бурчатск и Васильевку колонны пехоты, обозы, небольшие части кавалерии. И было видно, как заметались они, когда на них налетели «Ген. Слащев» и «Марковец»; как группы конных со стороны

Бурчатска (2-го полка и штаба дивизии), со стороны Андербурга (конные разведчики батарей) и из тыла 3 полка (все собранные верховые) лавами скакали на идущих из Фридрихсфельда. Картина хаоса, почти без стрельбы. Она продолжалась недолго.

Оказалось, кавалерия противника, заняв Фридрихсфельд, ввиду приближения ночи, отсылала свои обозы под прикрытием конных частей в тыл, будучи уверенной, что белыми уже оставлены Бурчатск и Васильевка. В результате Марковцами было взято до 400 человек в плен, десятки подвод, походные кухни, мастерская броневого дивизиона до 100 оседланных коней и освобождено до 150 Дроздовцев, их запасного бат-на, захваченного в Фридрихсфельде.

3 полку приказано отойти на половину расстояния до с. Бурчатск, на линию могилы 49.5, загнув свой правый фланг фронтом на юг; влево от него 1 полк — фронтом на север с загнутым на восток флангом.

Время к вечеру.

Батарейцы устраиваются на новых позициях. Сзади одной батареи проезжают два бронеавтомобиля с сидящими на них людьми. Свои. Вот они у 1 батареи, уже на участке 1 полка. К ним подъезжает ком-р батареи с разведчиками и... видит надпись «Пестель». На задумываясь он бросается на машины. Люди, сидящие в них, скрываются и атакующих встречает огонь пулеметов: убит разведчик и трое ранено; убито 2 лошади и 10 ранено. Машины дают ход и, свернув вправо, мирно проезжают мимо лежавшего на дороге караула и скрываются в лощине. Караул в полном недоумении.

Ночь. 1 полк фронтом на север, 3 — на восток, 2-й, отошедший к Бурчатску, фронтом на юг. Дивизия в опасном положении: она прижата к плавням.

Фронт 1 корпуса прорван. Конный дивизион Марковской дивизии у ст. Пришиб, к которому ушли оба бронеавтомобиля. Обеспечение слабое. В Михайловке и Тимашевке стоят запасные бат-ны дивизии, но можно ли на них надеяться?

Разговор одного из ком-ров бат-нов с ком-ром гаубичного взвода, присланного в его распоряжение:

— Как я рад! Будет хоть одна безусловно верная часть.

— Вы правы, — ответил ком-р взвода. — Но беда в том, что у меня всего лишь два десятка снарядов.

Ком-р бат-на ошеломлен.

— Об этом никто не должен знать, — только и мог сказать он.

Срочно в Михайловку от плавней переброшена половина Инженерной роты.

***

Минувший день был глубоко трагичен. Лай собак, световые сигналы; успокоительные сообщения из штаба; неожиданное нападение кавалерии с броневиками с тыла; выход из боя машин из-за отсутствия

воды; окружение двух бат-нов 2 полка и их гибель; добитые раненые в схватке в 3 полку... отсутствие резерва.

Счастливым оказался один ком-р роты. Его, раненого, не успели унести, а когда рота вернулась, то нашла его нетронутым. Первой на санитарке прилетела сестра милосердия Вера. Раненый капитан потом описал, что произошло: «Меня спас мой однокурсник по университету, ком-р роты красных; он не отходил от меня и ушел последним. Мы узнали друг друга, но не сказали ни слова». Далее в письме он писал: «Сестра Вера мне напоминает Марию Магдалину и не только по случаю со мной. Ее святая любовь к раненым покрывает все ее человеческие слабости».

И вот дальше. Раненых увозили на ст. Пришиб, где грузили в поезд. Привезли и ген. Гаттенбергера, который тут и скончался. Но часть не доехала до станции: несколько подвод перехватила красная кавалерия. Подводы рванулись; та, на которой ехал раненый капитан, спасенный из плена, вскочила в кукурузу и где-то остановилась, не замеченная красными. На утро только она выехала к жел. дороге. Капитан дважды за день побывал в плену. На захваченных подводах все раненые были зарублены. Зарублено было и несколько батарейцев, ехавших на участок 2 полка.

Ночью на участок 3 полка вышел кап. Костенко, ком-р одной из рот 2 полка, которого, конечно, считали погибшим. Но в каком виде? Совершенно раздетый, весь в крови, с головой кое-как забинтованной. Будучи без чувств, он не слышал, как его раздели. Ночью он пришел в себя, добрался до Андербурга и свалился у забора. На лай собаки обратил внимание немец. Он нашел раненого, обвязал голову и, предупредив, что в колонии красные, направил в сторону белых. Едва доплелся кап. Костенко.

Другой ком-р роты, кап. Рейнгард. Это он был сражен очередью тех бронеавтомобилей красных, которые оказались в тылу полка. Вечером его и других раненых немцы, по приказанию красных, свезли в колонию. Один из немцев, у которого раньше кап. Рейнгард стоял на квартире, узнав его, перевез к себе и укрыл. Дня через три колонию заняли Дроздовцы. Между прочим, немец говорил о 30 взятых красными в плен, которых будто бы те расстреляли.

Ночь полна тревоги. Марковцы не могут уснуть. А что если масса кавалерии с тыла и пехота с фронта навалятся на них? Сколько их? Еще более-менее сохранился 1 полк; 3 полк потерял треть состава и в нем едва 400 шт.; во 2-м осталось до 250 шт. Из двух погибших бат-нов вышло 50—60 человек и несколько пулеметов. Выбыли из строя все ком-ры их рот и бат-нов. Нет с ними ни Конного дивизиона, ни бронеавтомобилей.

Но вот передали: подошли танки. И действительно, за правым флангом 3 полка, в маленькой ложбине стояло три маленьких танка, слегка ворчащие от невыключенных моторов.

С тревогой ждали утра.

30 июля. Утром красные перешли в наступление с севера и востока с двумя бронемашинами. Они наступали массой и решительно. Их стремление было понятно: выйти пехотными частями на линию своей прорвавшейся в тыл кавалерии. И всего лишь два полка с помощью танков не только остановили красных, не только отбросили их, а 3 полк даже дошел снова до Андребурга.

Целый день на юге был слышен сильный бой. В этом бою был убит славный подъесаул Кириллов, ком-р «Марковца».

31 июля. Бессонная ночь. В сущности — все в охранении. А утром, предупредив красных, 1 и 3 полки, имея в центре бат-н 2-го, перешли в наступление. 1 полк снова занял высоты у ст. Попово и выбил противника из Карачекрака; бат-н 2 полка занял могилу 47.9, но перед Эристовкой встретил контр-наступление красных и стал подаваться назад. Его поддержал бат-н 3 полка.

3 полк силами двух бат-нов и трех танков получил задачу взять Андребург и из него провести диверсию на Гейдельберг, на которую наступали Дроздовцы. Полк должен был вклиниться в расположение противника, может быть, содействовать окружению его, все еще занимавшего Фридрихсфельд; может быть, угрозой окружения принудить его к отходу. Риск был огромный, т. к. весь южный фас дивизии, протяжением до 10 верст, ничем не был прикрыт, лишь у Бурчатска стояла одна ком-да пеш. разведчиков с батареей.

3 полк врывается в колонию. Танки идут вдоль южной окраины. Один бат-н прикрывает с севера. Уже занята половина колонии. Головной бат-н на северной окраине. Он ожидает атаку красной пехоты. И вдруг из лощины выскакивает дивизион кавалерии, сминает головные роты и мчится в колонию. Роты собираются. Дивизион в колонии едва не захватил батарею, которая ускакала назад, прикрываемая своими пулеметами.

На окраину колонии приезжает штаб полка. До бат-на от него 200—300 шагов. Не успел бат-н связаться со штабом, как из колонии вылетает тот же дивизион красных (к югу от колонии он наскочил на танки) и натыкается на группу штаба полка. Бат-н это видит, но вынужден не стрелять. Красных атаковал штаб с ком-ром полка, пполк. Урфаловым. Два десятка красных свалилось с коней под ударами шашек и единственной пики с полковым значком.

А в это время на Андребург с севера пошла пехота красных, с с юга кавалерия. Ее заметила отскочившая от колонии батарея, когда лавы были всего лишь в нескольких стах шагах.. Пулеметным и картечным огнем она расстроила их, а вернувшиеся танки разметали по

полю. Полк же в это время, сдерживая пехоту красных, был отведен на линию могилы 49.5, в свое исходное положение.

И, вдруг, наступило спокойствие. А ночью сообщение: Дроздовцы взяли Андребург. Теперь у дивизии один фронт — на север. Красная кавалерия отошла за Карачеракскую лощину.

1 августа. Противник наступал снова, но слабо. Ночью 3 полк сменен 2-м и стал в резерв в Бурчатске. 2 полк, уже в составе трех бат-нов. (Отведенные в Михайловку остатки его двух бат-нов и Офиц. рота, пополненные из запасного бат-на, сформировали бат-ны по 200 шт. каждый). Полк принял ген. Гравицкий, известный полку, как ком-р Св.-Стрелкового полка, по боям между Касторной и Ливнами; тогда о нем сложилось хорошее мнение.

2 августа. Тяжелое было пробуждение Марковцев 3 полка. Чуткий сон, едва поспавших 4—5 часов людей, уловил звуки начавшегося боя, но никто не тронулся со своего ложа. Все ждали: «Выходи! Строиться!» И только в полдень, когда было сказано: «Выходи за обедом», поднялись все. Ели торопясь под музыку шедшего в 2—3 верстах боя.

Красные вели на 1 и 2 полки наступление. В Карачекраке погибло несколько раненых, которых не успели вынести, и вместе с ними неоставившая их сестра милосердия, Нина Водяковская. Красные уже подходили к Бурчатску, но общими усилиями полков были отброшены.

3-й полк, кроме одного бат-на, так и не потревожили последней командой. Люди отдохнули и некоторые даже сделали записи в своих тетрадях.

«Тяжелые были бои. Потеряли пулемет. Позорный был день». Другой: «За 3—4 дня боя одними убитыми полк потерял 65 человек. Такие сильные бои, что привозят много сумасшедших».

Действительно, убитых много. Действительно, много «сумасшедших», но это не были сумасшедшие, а изнервничавшиеся вконец, потерявшие совершенно самообладание, дрожащие даже в спокойные часы. Сплошь и рядом видны были бойцы, мечущиеся из стороны в сторону, зарывающиеся «носом в землю», ищущие спасения у своих командиров, откровенно признающиеся, что не могут владеть собой. Их приходилось отправлять в обоз.

3—4—5 августа красные вели на всем фронте отчаянное наступление, стоющее им очень дорого и ничего не давшее. Наступала их свежая бригада со стороны Эристовки. Обращал внимание образцовый порядок, смелость, уверенность. Удивляло: они были одеты в английское обмундирование. Взятые в плен показали, что они из бригады 7 стр. дивизии, переброшенной из Мурманска, где она и была одета в английское обмундирование из оставленных там складов. Бригада

при отправке на Крымский фронт имела в ротах по 150 шт., но прибыла, имея 100.

В боях этих дней участвовал и весь 3 полк и уже не был отведен в резерв.

***

Главное поле боя в течении восьми дней — это треугольник между Васильевкой, Эристовкой и Андребургом со сторонами 10, 8 и 6 верст. Это — «поле смерти». Оно все изрыто снарядами, покрыто наспех закиданными могилами; на нем каждый день находили убитых людей и лошадей; всюду валялись винтовки, разбитые и целые пулеметы, патроны, снаряжение.

Вот картина одного из таких боев.

«Все расположение противника задымилось, покрылось облаками пыли. Когда впереди рассеялся дым, можно было видеть группы разбегающихся людей, неподвижно лежащих, разбитые тачанки, лошадей без всадников, скачущих в разных направлениях».

Обращала на себя внимание отличная стрельба одной красной батареи. В бою она разбила один за другим два пулемета, гоняла с места на место другие; она метко обстреливала батареи и их наблюдательные пункты. Пленные говорили — у них есть офицерская батарея.

6 августа. Ночь. 2 полк ушел в резерв: **6 августа — Преображение Господне и его полковой праздник.** Ему нужно в сравнительно спокойной обстановке отметить свой первый праздник и годовщину основания. Но обстановка на фронте изменилась к худшему настолько, что ночью же 1 полку было приказано оставить высоты у ст. Попово и отвести части на южный край лощины, а 3 полку — загнуть свой фланг фронтом на Андребург. Красные прорвались на участке Дроздовцев и те оставили колонию.

С утра противник наступает. Два бронеавтомобиля врываются в расположение 3 полка, но он не сдвинулся с места, засев в полях кукурузы, и отбил атаку. Бронеавтомобили мотались у него в тылу, пока огнем батарей, на которые они налетали, не были принуждены уйти назад. И только лавы красных, вышедшие на фланг полка, заставили его отойти. Повторилось положение 29 и 30 июля, когда батареи уже били не только в восточном направлении, но и в южном, где колонны кавалерии скакали по дорогам на Фридрихсфельд. Но по новому складывалось положение на фланге 1 полка, упирающегося в плавни. Там бат-н, осыпаемый снарядами батарей и бронепоездов, не мог выдержать атаки пехоты и начал отходить. Он отлично был виден противнику с высот. Для полка создалось отчаянное положение. Его участок делился на две части лощиной, идущей от большой Карачекракской к югу, вплоть до Бурчатска. Лощина покрыта лесом и видеть, что творилось в одной части с другой, было невозможно, а следовательно и оказать поддержку арт. огнем. На западной части участка был лишь один арт.

„Ген. Алексеев" или „Севастополец"
2 арт. брон.-площад.

взвод. Красные, сбив там бат-н, следовали за ним, используя своей массой лес в лощине. Они обходили слева правый участок полка и принудили оставить с. Васильевка. Полк, собравшись с силами, контрударом взял село и разъезд Чакрак, но удежаться не смог и стал отходить.

На ст. Бурчатск стоят два батальона 2 полка. Они обеспечивают дивизию от возможной атаки кавалерии с юга. На ней и два бронепоезда — «Ген. Алексеев» и «Солдат». Они ведут огонь по наступающим со стороны Эристовки. По станции рвутся тяжелые снаряды, нанося потери батальонам.

Штаб дивизии, получив донесение от 1 полка о взятии им. с. Васильевка и раз. Чакрак, высылает туда «Ген. Алексеева». Бронепоезд спускается по лощине лесом. Влево от лощины «могила» и на ней наблюдательный пункт взвода 1-й батареи. С него видно в одном месте полотно жел. дороги. Полк. Шперлинг видит, что кто-то заваливает полотно в тылу прошедшего бронепоезда. Он скачет туда и, попав под ружейный обстрел, мчится в штаб дивизии с сообщением о виденном. Вслед за «Ген. Алексеевым» направлен «Солдат» и бат-н 2 полка. В лесу они попадают под обстрел. На них выходит команда «Ген. Алексеева», оставившая свой поезд.

В это время красные наступали по обе стороны лощины, тесня 1 полк. На наблюдательном пункте разрывом шрапнели убит полк. Шперлинг и два телефониста. На левый фланг полка уже выдвинут последний бат-н 2 полка. Они сдерживают противника, но вдоль плавней скачет большая колонна кавалерии, силою в два полка.

Дивизия охвачена с трех сторон, причем на флангах кавалерия. Темнело, когда полкам было приказано отходить вдоль жел. дороги. Левофланговый бат-н 2 полка отошел на западную оконечность Бурчатска, когда туда влетела кавалерия. Он выбил ее, а когда подходил к восточной окраине, с надеждой там соединиться со своими, неожиданно встретился с красной пехотой. Все перемешалось в темноте. Вышедшие из села люди бат-на нагнали свой полк в двух верстах к югу от станции. Их не осталось и половины — около 80 человек.

НА ЛИНИИ ст. ПРИШИБ — с. МИХАЙЛОВКА

Ночь. Марковцы куда-то шли, потом расходились, где-то остановились и выставили охранение. Тревожная ночь. На посты выходили группы отставших. И только на утро осмотрелись и определили свое положение. 3 полк — в двух верстах к северу от ст. Пришиб, седлая жел. дорогу; 2-й — на сев.-вост. окраине Михайловки фронтом на Бурчатск, оставив один бат-н в трех верстах от села на Ореховой высоте; 1-й — на северной окраине, седлая дорогу на Васильевку. Оказалось, позиции 1 и 2 полков имели окопы с проволочным заграждением,

Бронепоезд „Ген. Алексеев“ — впервые мы увидели 10.VIII.1920. Мы на этом участке с июня 1920 года.

построенные Марковской инжен. ротой. Вправо от дивизии в Фридрихсфельде — Дроздовцы; влево в Орлянске — Конный дивизион и далее Донской стр. полк.

Марковцы почувствовали себя спокойнее: нет угрозы охвата или окружения. Успокаивало и то, что из вышедшего последним из Бурчатска бат-на пропало не 100, а лишь 25 шт.

Несложной казалась теперь задача дивизии. Однако было вводное задание: не допустить противника просочиться к западу между плавнями и ею. Что же касается наступления противника с фронта, то решение ясное и обычное. Его бронепоезда? Но им тоже будут противопоставлены бронепоезда. 6 против 2 + „Жел.бат. 2“

Говоря о своих бронепоездах, Марковцы ничего не говорили о «Ген. Алексееве», который погиб накануне на их участке. Об этом не знали ни 1 полк, включая его ком-ра, ни 3-й; во 2-м знали лишь два бат-на. Так таинственно погиб поезд: ни на один из полков не ложилась ответственность за его гибель. 10/VIII.19[20]

7 августа до 12 часов было спокойно, пока со стороны Бурчатска не показались два бронепоезда красных. Они шли медленно и на ходу стали обстреливать Ореховскую высоту, по которой стреляли еще две наземных батареи и, не доходя позиции 3 полка верст трех, открыли огонь по батареям, встретившими их своим огнем. Со станции вышел «Солдат» и также открыл огонь.

Стрельба многих орудий не наносила никаких потерь 3 полку в полях кукурузы и только сильно глушила; но плохо было батареям: от их выстрелов подымалась пыль, ясно выдававшая их позиции на ровном поле. Вскоре красные поезда ушли назад, но вывод из короткого поединка был тревожным: пехотинцы беспокоились за свои батареи, а батарейцы должны были подумать о лучшей маскировке на случай продолжительного боя. Всю ночь они работали: врывали глубже орудия, наваливали перед ними стебли кукурузы и обильно поливали водой, рыли ямы для снарядов. Все задавали себе вопрос: почему не испорчено полотно жел. дороги? Может быть оно нужно на случай перехода в наступление?

Решение сохранить полотно исходило из штаба корпуса, который стоял на ст. Пришиб. 1 корпусом в это время командовал ген. Писарев, участник 1-го Кубанского похода и в 1919 г. у Царицына, стоявший во главе корпуса. Ген. Кутепов назначен был командовать группой войск (в которую входил и 1 корпус) противостоящей сильному наступлению красных со стороны Каховки, где им удалось не только закрепиться на восточном берегу Днепра, но и развивать операции, угрожающие и Перекопу, и тылу всех частей на северном и восточном участках Сев. Таврии.

Смотри „Дополнение“ к стр. 271–275 в конце книги!

8 августа. Ночь прошла спокойно, а с рассветом со стороны Бурчатска вышли уже не два, а пять бронепоездов. Показались и цепи пехоты, наступавшие сплошным фронтом на Михайловку. Задымилась Ореховская высота и бат-н, бывший на ней, оставил ее. Бронепоезда уверенно приближались к ст. Пришиб. Они были на крайнем прицеле батарей в Фридрихсфельде и Михайловке, но теперь занятых боем с противником, наступающим на эти пункты.

Разгорается дуэль — со стороны Пришиба шести наземных орудий и двух бронепоездов против наступающих пяти бронепоездов. Невероятной силы грохот на узкой полосе вдоль жел. дороги; он еще более резок в этот жаркий день. Батареи то смолкают, осыпаемые снарядами, то снова заливаются беглым огнем; бронепоезда, то с орудийным грохотом выходят со станции, то смолкают, скрывшись в ней.

Головной бронепоезд красных уже почти на линии лежащей цепи 3 полка; строчит пулеметами. Убит ком-р роты, пор. Сергеев, и вскоре за ним шт.-кап. Ткаченко, его заместитель.

На жел.-дор. будке телефонная станция 3 полка. Ком-р полка, пполк-к Урфалов, получает приказание бросить конную ком-ду в направлении пути отхода красных бронепоездов и подорвать путь. Он с несколькими верховыми скачет выполнить приказание сам...

В воздух взлетают огромные клубы пыли, стебли кукурузы; взлетает от прямого попадания и жел.-дор. будка с телефонной станцией полка; по скачущим вперед всадникам в упор бьют орудия и пулеметы. Всадники рассеиваются, два-три падают, падает и пполк. Урфалов...

И неожиданно бронепоезда красных быстро стали отходить и направляют свой огонь на Ореховскую высоту.

1 и 2 полки, отбив красных перед Михайловкой, перешли в контрнаступление; 2-й с четырьмя танками занял высоту, что и заставило бронепоезда красных отходить. Высота дымилась от разрывов снарядов батарей и бронепоездов. Два танка подбиты. Красные отошли в исходное положение.

3 полк и его батареи наконец-то могли вздохнуть свободно, размять тела от лежания пластом в течении всего дня. Как шумело в головах от грохота орудий, разрывов снарядов! Как сухо было в горле без капли воды в этот жаркий день! И как напряжены должны быть нервы! И это — у не принимавших участия в бою бойцов в цепях. Не сразу узнали, что командир полка убит.

Подполковник Урфалов бросился спасать положение, выполняя приказ. Его привезли уже мертвым. Умер он от потери крови. На станции отслужили панихиду и похоронили в Симферополе. Он вышел на Великую войну прапорщиком запаса; в 1918 году из Одессы прибыл в Добрармию, в которой начал службу Родине с рядового положения. Его качества, как начальника, выдвинули на высокий пост ком-ра полка, на каком он показал себя высоко и достойно. Потеря для полка тяжелая. Полк принял пполк. Никитин.

Ночь. Спокойно. Но спят немногие. Разговоры о завтрашнем дне, который, по всем признакам, будет повторением минувшего, если не будет подорвано полотно жел. дороги. Но повторного приказания «Взорвать!» не следовало.

9 августа. Рассвет. Невооруженным глазом видны дымки на ст. Бурчатск и... как вчера оттуда идут пять; с Пришиба выходят два. Ореховская высота — вулкан. Ее занимает противник. Но она продолжает дымиться от разрывов снарядов батарей со стороны Михайловки. 1 полк отбрасывает красных контр-атакой; на участке 2-го красные не могут двинуться вперед с высоты; 3-й — опять безмолвный наблюдатель, глохнувший от рядом идущей орудийной схватки. Но противник не так напорист и, когда 2 полк перешел в наступление и красные оставили высоту, пошли назад и их бронепоезда.

— Они дерутся, а мы несем потери, глохнем и у нас трещит голова, — говорили в 3-м полку. — И лежим-то мы между ними зачем, когда красная пехота не нападает?

Этот вопрос решили обсудить в штабе полка, но задержала внезапная тревога и как раз в то время, как раздавался в первый раз за день обед. Пользуясь темнотой два бронепоезда приблизились к станции и обстреляли ее беглым коротким огнем.

Решение сводилось к следующему: незачем держать два бат-на в передовой линии, достаточно одного. В случае наступления пехоты, переходить в контр-наступление. Маловероятно, чтобы противник рискнул наступать на станцию, когда на его флангах занятые нашими частями Фридрихсфельд и Михайловка. Но предварительно надо узнать у Дроздовцев, как они поступят, когда красные будут наступать на Пришиб.

Утром на следующий день с этим поручением в Фридрихсфельд выехали офицеры. Там стоял 1 Дроздовский полк, как раз в это время ведший бой с наступающим противником. По колонии рвались снаряды. На крыльце дома стоял ком-р полка, ген. Туркул. Разговор был коротким. Молодой генерал, о котором много приходилось слышать, сказал: «Дроздовцы в цепях не лежат. Они всегда в кулаке и бьют кулаком. Мы стоим здесь, а когда потребуется, двинем. Что делается у вас, мы видим и окажем поддержку». Коротко и ясно.

10 августа. К утру на ст. Пришиб стояло уже три бронепоезда: «Дмитрий Донской», ~~«Волк»~~, «Солдат» ~~и ожидался тяжелый~~ — «Георгий Победоносец». Это сила. Но перевес все же за красными, у них их пять. Ставился вопрос: «Чья возьмет?»

И начался день, как начинались предыдущие: Красная пехота наступала большими силами и более решительно на 1 и 2 полки. Ореховская высота была оставлена. Бронепоезда противника могли не беспокоиться за свой тыл. И они повели в атаку на станцию не только огнем, но и напором, не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды.

Смотри дополнение!

В цепях Марковцев с тревогой следят за приближающимися стальными крепостями; смотрят назад: ведь спасение в батареях, а они окутаны пылью и дымом. Они замолкают. Вся сила огня красных направляется на бронепоезда и они скрываются на станции. Опять рывок вперед. Головной уже на линии цепей, укрытых кукурузой. 4-я батарея замолкает. Ей не сняться со своей позиции.

Но опять вырываются со станции наши бронепоезда...

В грохот стрельбы врывается нечто новое: на ст. Бурчатск взвился высоко в воздух столб бледно-зеленого дыма; слышен тяжелый, густой гул и тяжелый удар на станции; через несколько минут другой, третий... Стреляло сверх-тяжелое орудие. (Потом узнали — морское, привезенное на специальной платформе, спускающейся на полотно жел. дороги). „Москва." 6"-канс

Чья возьмет? „Дмитрий Донской"

И в ужасе Марковцы видят — головной «свой» бронепоезд подбит; к нему подходит другой и оба идут назад. Что-то произошло с третьим: стоит на месте. Со станции выезжает вспомогатель и тащит его назад. Стоящий на окраине 4-й скрывается. Все четыре уходят с поля боя. Марковцы свидетели победы красных.

Но что-то произошло и у красных. В то время, как красные бронепоезда обратили огонь на своих стальных противников, наши батареи залились беглым огнем. И вот, красные остановились, сблизились и пошли назад. Три из них подбиты... Победа! И действительно, бой бронепоездов кончился. Была вторая половина дня.

Кончился бой и у Михайловки, где красная пехота также была отброшена и отошла в исходное положение.

«Измучились все от беспрерывного грохота и изнеможения. Хотя бы ранили...», — запись одного.

«От беспрерывных боев мы очень устали», — записал другой. Короткие записи и такие же короткие словесные впечатления.

3 полк отводит два бат-на к станции, третий остается в охранении. Полк отдыхает от тяжелых испытаний дня.

— Прибыло пополнение! — раздались голоса. Оживление. К ком-ру стоявшего в охранении бат-на приводят группу в 80 человек.

— Мы весьма рады вашему прибытию, — приветствует ком-р. — Вы удваиваете силу бат-на. — Затем он говорит о том, что от них требуется: крепкий дух, твердая воля, полное самообладание и, конечно, дисциплина; в остальном служба не очень сложная. Конечно, придется привыкать к особенностям, которые легче усвоить, будучи полностью влитым в часть. «Но вас приказано держать отдельной группой и вы будете особой ротой при бат-не. Однако, это зависит от личного желания каждого из вас. Для начала ваша рота станет в охранение.

Пусть Марковцы отдохнут немного, а пока — побеседуем». В полной ночной тишине с час разговаривали прибывшие с Марковцами.

Оказалось, в Крым прибыло около 10.000 человек «Бредовцев» из Польши, интернированных там после постигшей армию неудачи в минувшем году. Польша, терпевшая поражения, согласилась выпустить интернированных в Крым на усиление армии ген. Врангеля, вполне отдавая себе отчет, что силы Русской армии отвлекают силы Красной с Польского фронта. В Крым отправлялись только изъявившие желание. То, что приехали добровольцы, Марковцев крайне радовало. Радовало еще и то, что большинство из них офицеры.

«Бредовцы» говорили:

«Наше прибытие в Марковскую дивизию было встречено гулом сильной арт. стрельбы. Мн не могли сразу подъехать к станции. Переживали большое волнение и только сознание, что вливаемся в ряды Марковцев, утешало нас».

«Нас смущает — выдержим ли мы то напряжение, которое требуется. Ведь мы физически ослабели в польских лагерях от плохого питания».

«Придется вести бои с кавалерией, а мы не вполне представляем себе тактику таких боев».

— В ружье! Пулеметчики — пять шагов вперед. В пулеметную команду! Роте в охранение!

Ночь прошла спокойно, но не совсем гладко для новой роты: наделал в ней переполох... разъезд Дроздовцев в три коня.

***

В дивизию прибыло пополнение до 800 человек. В 1 полк был влит бат-н Белозерского полка, который вопреки распоряжению, но по желанию его чинов был распределен по ротам. Во 2-й, бат-н Кабардинцев, составивших в нем целиком 3 бат-н; часть кадра его начала службу в 1-м Офицерском ген. Маркова полку в Донецком бассейне и выделена из него в Белгороде, где сформировался Кабардинский полк. В 3-й вошли роты Олонецкого, Якутского и Навагинского полков, приданные бат-нам. Около 250 человек в каждый полк.

Едва прибыв во 2 полк, бат-н Кабардинцев сменил роты полка на Ореховской высоте.

11 августа красные наступали снова, но с поддержкой лишь двух бронепоездов. Серьезные потери потерпел бат-н на высоте. Но слабо велось наступление красных и к полудню бой кончился. А в 16 часов вся дивизия перешла в наступление и сравнительно легко был взят Бурчатск.

Первый экзамен для пополнения «Бредовцев» оказался нелегким. В одном бат-не их рота должна была выступать во второй линии и проделывать те же маневры, что и первая линия. Перед самым Бур-

чатском бат-ну нужно было перейти через жел. дорогу под огнем стоявшего в 500 шагах бронепоезда. Головная цепь проделала это быстро и с потерей только двух человек, тогда как вторая потеряла 12. Затем бат-н стал обходить село и выдвинулся на пол-расстояния до Васильевки, но вторая его цепь отстала, растерялась в кукурузе. После этого боя почти все заявили желание зачислиться в Марковский полк.

Вправо от дивизии Дроздовцы взяли Андребург и Гейдельберг с поддержкой Донской конной дивизии. Последняя, наступая в тыл красным перед Марковцами, встретила бронепоезда и вынуждена была отойти.

12 августа красные перешли в наступление на Бурчатск, но были отбиты. Подошел 2-й Дроздовский конный полк из «Бредовцев», не имевший коней, и занял участок между двумя Марковскими полками. Ему была придана Марковская пулеметная команда.

«Если вся эта масса красных двинется в атаку, выдержит ли ваш полк?» — спросил ком-ра, полк. Силкина, нач-к пулеметной команды. Полк. Силкин пожал плечами. «Бредовцы», конечно, как они сами говорили, «отвыкли от войны».

В наступление перешла вся дивизия и отбросила противника за Карачекракскую лощину. Ночью 2-й Дроздовский конный полк ушел в резерв корпуса.

13 августа прошло сравнительно спокойно, но

14 августа красные перешли в энергичное наступление. Дивизия отошла к Бурчатску и снова загнула свой правый фланг, так как Андребург был оставлен Дроздовцами.

Ночь. Ожидается атака красных. Около полуночи подъехали походные кухни и стали выдавать пищу. Не быстро проходила эта процедура — роты разбросаны, разбросано и охранение. Одни уже едят, сидя маленькими группами, другие у кухни, третьи тянутся к кухне или от нее. Людей мало: в бат-нах по 150 шт. Командир правофлангового бат-на, предчувствуя недоброе, сам пошел дозором и вдруг натыкается на красных. Он стремглав бежит назад и попадает на батарею. «Большевики!» — кричит он и в этот момент с их стороны послышалось их «ура» и стрельба.

— К бою. Картечью! — командует старший офицер батареи. Через несколько секунд ночной мрак прорезали вспышки картечного огня 4-х орудий и затрещали батарейные пулеметы. Когда через несколько минут стрельба была прекращена, то впереди уже никаких криков не было и пули свистели реже. Батарея взялась на передки и ушла к Бурчатску. Собравшаяся небольшая цепь бат-на, когда снова понеслось «ура» красных, тоже стала отходить, но большинство, захваченное врасплох во время раздачи пищи, отошло в беспорядке. Осложнилось положение и тем, что в это время красные открыли сильную арт. стрельбу по Бурчатску и перешли в наступление и там.

Но тыльная дорога всегда оставалась в наших руках мы оставались в тылу у красных.

Быстро отошли опять к Михайловке 1 и 2 полки; разрозненно к Пришибу — 3-й, оказавшийся через короткое время в полном составе. Смущение в полку было огромное. Но — «не пропали!» А Бредовцам говорили: «Бывает у нас и так». А потом начались и шутки в отношении тех, кто «хорошо пообедал», кто «спасался» на горячей кухне, изрядно поджарив себе некоторые части тела, и строгие к тем, кто оказался без винтовок.

15 августа, едва рассвело, дивизия снова пошла вперед и снова взяла Бурчатск, не продвинувшись далее потому, что правый фланг в сторону Андребурга продолжал оставаться на весу.

После полудня перешли в наступление красные. Сильный нажим они повели на левый фланг и, когда обнаружился обход фланга вдоль плавней большой колонной кавалерии, вся дивизия спешно отошла в Михайловку, где 1 и 2 полки заняли свои старые позиции, а 3-й стал в резерв на западной окраине. Конный дивизион отошел в Орлянск, в 10 верстах к с.-з. от Михайловки. Прошли Карачекракской долиной на Васильевку

Всем Марковцам положение рисовалось весьма грозным для дивизии, но они не знали, что оно еще более грозно для всей армии. В эти дни красные добились большого успеха на Каховском участке. Если им удастся развить наступление против Марковцев, то они могут создать новый большой фронт от Михайловки до Каховки. В 1 корпусе резервов нет. Корниловская дивизия уже ушла к Каховке. Стоявший в 10 верстах к западу от Орлянска, Донской стрелковый полк вряд ли сможет сдержать противника. Запасные бат-ны Марковской дивизии — слабая поддержка.

16 августа. Утром кавалерия красных, силою в дивизию, заняла Орлянск. После полудня лавы из Орлянска повели наступление на Михайловку.

3 полк, правее его — подошедший Донской Дзюнгарский (Калмыцкий) конный и еще правее — части 1 полка, перешли в наступление. Красные стали отходить. Но наступила ночь и наступление было остановлено. 3 полк заночевал в поле, в нескольких верстах от Орлянска.

Ночью на восточной части позиций перед Михайловкой стал 2-й Дроздовский конный полк; 2-й Марковский занял участок 1 полка.

18 августа. С рассветом пехота красных перешла в наступление на Михайловку. Ее упорство было сломлено: 2 полк контр-ударом взял до 500 человек в плен. Дроздовцы отбили атаки курсантов.

С рассветом 3 полк ворвался в Орлянск, разметав красную конницу и пехоту и взяв до 200 пленных. Дзюнгарцы, охватив село, взяли до 400 человек. Правее, 1 полк взял в плен до 300 человек и преследовал противника на Васильевку.

Выбитая из Орлянска конница стала отходить на с. М. Белозерка, где обрушилась на Донской стр. полк и потрепала его.

Бронепоезда доходили до реки Конская за ст. Анчекрак — где мы чинили мост — сделали объезд по сухому руслу реки. И отступая вели наступление на Александровск

Прикрывшись в этом направлении Конным дивизионом и двумя бат-нами 3 полка, 3-й его бат-н с Дзюнгарцами преследовали красных отходивших на Скельки. Не дойдя до этого села, бат-н был возвращен обратно, проделав совершенно напрасно 20 верст. 1 полк остановил сильное контр-наступление красной пехоты.

Дивизии дана задача — не допустить вернуться в Васильевку прорвавшуюся конницу красных — и она вся сосредоточилась в Орлянске. За красными выступила 2-я Донская конная дивизия.

18 августа с рассветом в большой туман красные перешли в наступление со стороны Васильевки на 1 полк и на Дзюнгарцев в с. Скельки. Дзюнгарцы отошли вдоль плавней к с. Балки. Им на помощь идет бат-н 3 полка; он доходит до с. Балки и срочно отзывается назад. 2 полк идет на Секльки, берет его и 200 пленных и также срочно отзывается назад. Он проходит не так далеко от места, где отходил 1 полк под давлением противника, но не оказывает ему поддержки, не имея на это приказания.

1 полк в этот день, отбив красных и преследуя их, уже выдвинулся было на линию Бурчатска, как был атакован из него в тыл, едва не потеряв батарею, которую спасли ее конные разведчики и резервная рота, захватив при этом до 300 человек в плен. Но силы красных оказались настолько велики, что полк стал отходить. Его отход и вызвал срочный отзыв на с. Скельки 2 полка вместо того, чтобы направить его во фланг и даже тыл наступавшим на 1 полк красным.

К вечеру вся дивизия собралась в Орлянске, по которому уже стреляла артиллерия. Дзюнгарский полк был оставлен в бездействии.

Обвинение штабом дивизии ком-ра 1 полка за неудачу дня, тот встретил обвинением штаба дивизии в неиспользовании 2-го полка для удара в тыл противнику.

19 августа. Выяснилось, что прорвавшаяся кавалерия красных, преследуемая Донцами, отходит к Каховке. Наступление красных на Орлянск отбивается с громадным для них уроном. 2 полк идет в Михайловку и сменяет Дроздовцев.

20 августа. Снова отбита атака красных. Они явно обескровлены. В Михайловку идут 1 и 3 полки, Дзюнгарцы — в Орлянск.

С этого дня на фронте дивизии водворилось полное спокойствие, лишь 25 августа 2 полк провел рейд на Скельки и, переночевав там вернулся назад; а на следующий день 1 и 3 полки провели провели короткое наступление на Бурчатск и, легко сбив противника с передовых позиций, вернулись назад.

Бои окончились не только для Марковской дивизии, но и на Каховском фронте. Наступление красных — 13-й и 2 конной армий с севера и 6-й с запада — отбито. Итак, для красных небольшой успех: удержали за собой колонии Гейдельберг и Андребург и села Бурчатск и Васильеву на участке 1 корпуса; и обе Каховки на участке 2-го.

Однако удержание ими предмостного района у Каховки создавало угрозу Перекопу и тылу всей армии в Сев. Таврии. Это вызвало необходимость держать там не менее как треть сил армии. Атаки Каховского плацдарма красных стоили больших потерь и не дали положительного результата. Марковцы знали этот район. Для всей армии Каховка стала опасной занозой.

*
**

В Михайловке стали подводиться итоги минувших боев, начавшихся 12 июля и без перерыва ни на один день, шедших в течении 38 дней. Они стоили дивизии до 2.000 человек. Батареи потеряли около 60 человек и 50 лошадей.

Много, очень много было произнесено имен на отслуженной по павшим панихиде и в их числе по достойным начальникам: ген. Гаттенбергеру, пполк. Урфалову и, командиру батареи, полк. Шперлингу.

Несколько слов о двух из них, о которых до сего времени ничего не было сказано.

Генерал Гаттенбергер. Офицер одного из Сибирских полков участвовал в Русско-Японской войне. В Вел. войну командовал 53-й пех. дивизией и попал в плен в 1917 году. Вернувшись в 1918 г., в Киеве сформировал Сибирский отряд и принимал участие в борьбе с красными; затем пробрался в Сибирь и в армию адм. Колчака, где командует корпусом. В 1919 г. возвращается на юг России для набора офицеров в армию Верховного Правителя и формирует снова Отдельный Сибирский Офицерский бат-н. В Крыму бат-н вливается во 2 Марковский полк и ген. Готтенбергер остается со своим бат-ном его командиром. В июне назначается командиром 2 полка. Ни его годы, ни его «Марковская» молодость не вызвали ни слова против его назначения. 29 июля осколком снаряда он был смертельно ранен и похоронен в Мелитополе. ,

Ген. Гаттенбергер имел все боевые отличия до ордена Св. Георгия включительно. Но Марковцы не видели его на нем, как и других орденов: **Было постановление Сибирского стр. бат-на — не носить их до освобождения России.**

Полковник Шперлинг. Его знали все Марковцы и особенно 1 полк. О нем лестно говорили еще в партизанском отряде есаула Чернецова в 1-м и 2-м Кубанских походах, при наступлении на Курск, в боях у Ливен, Ельца, станицы Ольгинской. Говорили не только как об отличном арт. начальнике исключительной отваги и мужества, но как о выдающемся начальнике вообще: о его лихих конных атаках, о смелых разведках, об огневых атаках своей батареи. И что поражало во всех его делах — это острое чувство полной нераздельности своей батареи с пехотной частью, которой он придан. Он не только отлично стрелял, но понимал, где в данный момент, в ходе выполнения задачи, особенно

необходим его меткий огонь. Полковник Шперлинг действовал не только силой меткого огня, но и психологически: поражал противника внезапным открытием огня и с коротких расстояний. Поразит и бросится в конную атаку со своими разведчиками и пулеметчиками, обгоняя свою пехоту. Он не был офицер «от артиллерии», а в полном смысле — Марковцем единой боевой семьи.

***

Марковцы отдыхали. Даже быть в дозорах, на постах, в окопах для них не было в тягость. В огромном селе были книги, всевозможные игры, было и общество, отвлекавшее внимание от войны. В театре ставились спектакли, концерты. Выступал «Хор братьев Зайцевых» со своими веселыми, остроумными песенками, в котором принимали участие чины конного дивизиона Черноморцев. Выступал и известный конферансье и исполнитель комических куплетов, Троицкий, который «укладывал всех под стол» своим юмором.

Радовало всех и то, что их верные помощники по походам и боям — лошади — отдыхали, полностью освобожденные от своей амуниции.

Село огромное и по количеству населения и по занимаемой территории, богатое. Дивизия буквально растворилась в нем.

Марковцам не требовалось много времени, чтобы отдохнуть физически и быть снова готовыми к бою. Их же мораль стояла высоко и не только среди офицеров, но и солдат, почти исключительно из бывших красных. Последние в боях показали себя верными боевыми соратниками, связанными с офицерами вместе пролитой кровью, верой в крепость своих частей, уверенностью, что и малыми силами можно бить врага и одерживать победы.

Конечно, всем было ясно — на стороне красных огромная численная сила. Последние бои это наглядно показали: дивизии пришлось биться не меньше, как с 15 полками красных, причем каждый из этих полков был численностью не меньше каждого из трех ее полков; и это не считая их кавалерийских частей. Бились и остановили красных, взяв до 2.500 в плен и нанеся при этом им большие кровавые потери.

Но... дивизия всего лишь часть армии и ее фронт — часть фронта армии. И вот тут-то представлялась общая слабость и не столько в обороне, сколько для решения основной задачи — освобождения Родины. Наступление поведет к удлинению фронта, что требует увеличения численности армии. Марковцы видели это не в увеличении численности своих полков, а в увеличении числа полков и дивизий. И они с радостью узнали о формировании двух пехотных дивизий — 6-й и 7-й. С радостью узнали и о возвращении с Кубани Кубанской казачьей дивизии. Они что-то не слышали о неудаче десанта на Кубань и придавали ему не цель установления другого фронта, а чисто демонстра-

тивную, с задачей добиться пополнения в армию. И эта предполагаемая задача была выполнена — Кубанская дивизия значительно пополнилась конными казаками и с нею прибыло немало безлошадных казаков.

Все это усиливало дух Марковцев, а тот побуждал к переходу в наступление.

Значительно усиливали надежды на победу события на фронте Совето-польской войны. Польская армия была у Киева, а теперь отброшена к самой Варшаве и будто бы Варшава взята. Марковцы отнеслись к этому слуху, который им казался вполне достоверным, с одной стороны с удовлетвореньем, с другой — с тревогой, так как победа Красной армии говорила об ее силе. Но ведь это победа над внешним врагом, дающая радость национальному чувству, но... будут ли люди в красноармейской форме бороться против Русской армии, цель которой Великая Россия? И вообще, пролив много крови на Польском фронте, будут ли русские люди проливать свою кровь на внутреннем?

Но неожиданно за слухом о взятии Варшавы — слух об огромной победе поляков. Его приняли с радостью; решили, что поражение окончательно подорвет дух красноармейцев и те, если не закричат «Довольно воевать!», то разными способами воевать перестанут и тогда легче будет Русской армии справиться со своим врагом. Что же касается вожделений Польши, то этот вопрос разрешит ген. Врангель. Прежде всего — победить большевиков.

Надежды крепли. В некоторой степени им содействовало признание Францией правительства Юга России, хотя было ясно, что оно было сделано с исключительной целью — поддержать Польшу. Первое следствие этого признания — командировка офицеров артиллеристов в Севастополь для изучения материальной части французских орудий и правил стрельбы из них.

Но было нечто вызывающее в дивизии беспокойство. Оно не всеми сознавалось. В массе оно чувствовалось скорее как нерешительность, но среди ком. состава — уже как слабость руководства дивизией, неиспользование им благоприятных моментов в обстановке и, главное, недостаточное внимание к взаимодействию в бою между частями. Для радовых бойцов проходили незамеченными столкновения ком-ров полков со штабом дивизии, как проходили незамеченными и неудачи в масштабе дивизии. Для Марковцев, вероятно, как ни в какой иной дивизии, остро выдвигался вопрос сочетания дисциплины и способов ведения боя; подчинения и стремления к наибольшему успеху в бою.

«Война носила партизанский характер и генералу Третьякову, как артиллеристу, любившему точность и закономерность, такой образ ведения был чужд. К командованию пехотной дивизии он не был подготовлен. Это создавало трения. Например, принимается решение, пишется приказ, все в порядке. Один из ком-ров вызывает генерала к телефону и критикует приказ по дивизии, предлагая свой план дейст-

вия. Генерал соглашается с ним. Приказ меняется. Ком-ры полков зачастую не выполняли приказаний генерала».

Это записал полк. Битенбиндер. Но вот запись ком-ра корпуса, ген. Писарева:

«Началась неудача за неудачей и я даже хотел по одному случаю странных распоряжений нач-ка Марковской дивизии говорить об этом с ген. Кутеповым».

В общем, в руководстве дивизей был большой изъян, устранить который своими средствами она не могла. Ген. Кутепов это знал. Но что оставалось делать Марковцам?

«Я знал, — пишет ген. Писарев, — ген. Третьякова еще по 1-му походу. Это был доблестный офицер, Георгиевский кавалер, беспредельно преданный долгу, выдающейся храбрости. Но, к сожалению, немного суетливый и неудачливый. Отзыв ген. Кутепова произвел на меня тяжелое впечатление и, конечно, оставил след, вследствие которого я становился в предубеждении нач-ка в отношении своего подчиненного. Наблюдая в дальнейшем ген. Третьякова, я видел, как он гордится, что командует дивизией. Его горение, как чистого Добровольца, было прямо трогательно».

***

В Михайловке для Марковцев было время залечить свои раны. В полках оставалось едва по 500 шт. и по 20 пулеметов. 30—40 человек в роте. Тем не менее с пополнением не торопились, хотя в запасных бат-нах было по 1.000 человек. Долгий опыт показал — уменьем бить врага легче, чем числом. Для рот большой численности нужен был опытный командный состав — средний и младший, но его не хватало. Было 3—5 офицеров на роту. Марковской дивизии дорого стоили два ее поражения — у ст. Чистяково и у станции Ольгинской, не говоря уже об убыли офицеров в каждом бою.

Надежды на переход офицеров со стороны красных определенно рухнули. Сдавались и брались в плен сотни красноармейцев, но среди них офицеров были единицы. Оказывались и такие, которые оказывали сопротивление, ссылаясь на воззвание прославленного по Великой войне ген. Брусилова — служить честно в Красной армии, защищающей неприкосновенность родной территории. Были записавшиеся в партию.

В настоящем своем составе и качестве дивизия представлялась ген. Врангелю.

СМОТР

Сообщение об его приезде всех очень обрадовало. Увидеть еще раз своего Вождя, с огромным успехом ведущего с небольшой армией победные бои и, кроме того, производящего реформы в плане политическом и социальном, было желанием каждого.

Однако, дивизия стоит на боевом участке, поэтому только один

полк может быть представлен Главнокомандующему. Но какой? Ген. Третьяков решил — 3-й, как, якобы, наиболее отличившийся в последних боях. Артиллеристы думали, что из батарей на смотр будут выведены 4-я и 7-я батареи, всегдашние спутницы 3 полка. Но решение нач-ка дивизии было иное: выйдет 1-я батарея, как имеющая лучший конский состав.

Проведя предварительный смотр 3 полку, ген. Третьяков пришел к заключению, что представить его в «боевом» виде, т. е. в самом разношерстном одеянии и обуви (обычно, носившие ботинки не имели обмоток), при разнообразном снаряжении и пр., немыслимо, а поэтому решено полк представить в составе трех сводных рот, по 60 рядов в каждой. С начальствующими лицами, таким образом в каждой роте должно быть по 140 человек. Пулеметная команда — в 12 пулеметов — при возможном однообразии материальной части.

Приезд ожидался 1 сентября, поэтому для подготовки к смотру имелось два дня. Выбор людей был прост, но чтобы одеть их, приходилось с одних снимать шаровары, гимнастерки, обувь и передавать другим. После этой комбинации оказалась нехватка людей; для пополнения срочно вытребовали из учебной команды запасн. бат-на. Шла мобилизация снаряжения, ружейных ремней, штыков, но оказалось, что не хватает патронташей; пришлось от них отказаться. Чистка обуви, винтовок. Затем необходимо подготовиться к церемониальному маршу и, главное, к показному учению, т. к. ген. Врангель мог вызвать одну роту для производства боевых построений. Для большего эффекта нач-к дивизии разрешил головной роте пройти в церемониальном марше с винтовками «на руку», что не так просто. Подъем настроения у всех был такой, что подготовка проходила блестяще.

Сообщили, что приедут военные представители разных стран и корреспонденты иностранных и русских газет. «Отлично. Покажем им, кто мы! Не помогут, потом сами будут иметь дело с большевиками», — говорили Марковцы.

***

1 сентября. На фронте спокойно. Утром пролетел над Михайловкой «Илья Муромец» и сбросил несколько бомб.

В 10 ч. на огромной площади села стал выстраиваться 3 полк и батарея в 4 орудия. На правом фланге блистал своими трубами полковой оркестр.

Около 11 час. подъехало девять машин, из которых вышли: ген. Врангель, ген. Кутепов, ген. Писарев, чины штабов, военные представители Франции, Англии, Америки, Польши, Японии, Сербии и несколько корреспондентов.

Главнокомандующий в форме Марковцев, которая была преподнесена еще в Крыму, подходит к полку. Оркестр играет встречный

марш. Ген. Врангель обходит фронт полка, громким голосом здороваясь с ротами, командами, батареей:

— Здравствуйте дорогие орлы, Марковцы!

Громкие четкие ответы и могучее «ура». Он благодарит за боевую службу.

Став перед фронтом полка, ген. Врангель провозгласил «ура» за Честь и Славу Родины. Оркестр играл Преображенский марш и могучее «ура» пятисот Марковцев разнеслось по селу. Затем он выразил свой восторг «небольшой числом, но сильной духом» дивизии, которую он знает давно, в крепости которой он не сомневается и в которую верит. Он сказал, что борясь за Россию, Русская армия борется и за все человечество, за его культуру, за подлинный и полный мир. «Большевики — враги не только наши, но и всего мира. Нас понимают наши друзья, иностранные государства, и оказывают нам поддержку, но настоятельно необходимо для их же блага эту поддержку и помощь усилить», И он верит, что так и будет. Гремело «ура» за друзей России и Русской Армии в лице присутствующих представителей.

Ген. Кутепов провозгласил «ура» в честь Главнокомандующего, громко подхваченное и долго не смолкавшее.

Потом церемониальный марш. Легким четким шагом с винтовками «на плечо» идет 1-я рота. Командир салютует шашкой, взяв ее «подвысь». Рота дает твердый шаг. Он опустил шашку в положение «к бою» острием вниз и вся рота опускает винтовки с плеча в положение «на руку» и поворачивает лица в сторону Вождя. Четкий ответ. Четкое обратно с «на руку» на плечо. Ген. Врангель смотрит своим орлиным взором на роту. Он явно доволен, улыбается. Иностранцы, держа руку «под козырек», иные восторженно, другие чрезвычайно серьезно смотрят на проходящую роту. Эффект огромный.

Проходят другие роты, команды — пулеметная и ординарцев, и батарея на рысях. Раздается команда ком-ра полка:

«1-я рота на ученье».

Рота с большим успехом провела несколько построений, иные, по приказу ген. Кутепова, бегом. Бегом закончила она свои показные занятия, выстроившись перед Главнокомандующим. Получив благодарность, стала на свое место в строю полка. Ген. Врангель еще раз поблагодарил в лице полка всю дивизию.

У всех подъем духа и удовлетворение прошедшим парадом и встречей с Вождем.

***

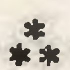
После смотра ген. Врангель поехал в сельское правление, где ему была поднесена крестьянами «хлеб-соль» и где он вел с ними беседу. Оттуда, со всеми с ним приехавшими, прибыл в дом богатого мельника, где 3 полком был организован завтрак. В доме уже собрались все старшие начальники дивизии, а от 3 полка до командиров рот включитель-

но. Было торжественно, но в то же время сердечно и просто. Генерал сказал небольшую речь о положении «Русского вопроса» в мире, о состоянии Армии, о возможностях. «Большевизм должен быть уничтожен теперь или он принесет много зла всем государствам, а для победителей в Великую войну обернет их победу в поражение».

Пили за успехи Армии, за Вождя, за старших начальников; пили за друзей, союзников... У всех отличное настроение. Оживлены были и иностранные гости, даже те, которые так серьезно смотрели на проходившие на параде роты, теперь восторженно отзывались о Марковцах. И действительно, было чему восторгаться. До Марковцев они видели Корниловцев и увидят Дроздовцев. Теперь они имеют представление о 1 корпусе Русской Армии.

За завтраком играл оркестр и пел хор песенников. Особенное впечатление произвело исполнение хором «Не плачьте над трупами павших бойцов, погибших с оружьем в руках».

Почти три часа, до наступления темноты, оставался с Марковцами ген. Врангель. Поблагодарив за радушный прием, пожелав всем и дивизии боевого счастья в предстоящих боях, он обещал, если у него будет время, снова приехать 4 сентября на праздник 3 полка и, провожаемый громким «ура» и приветствиями, уехал на ст. Пришиб, взяв в свою машину двух крестьян проводников. Не хотелось уезжать иностранным гостям. Было видно, что они понимали русских солдат, их жертвенность, их тяжкую героическую борьбу. Они обещали своим правительствам сообщить правду об Армии и ходатайствовать об оказании ей надлежащей помощи. Но были ли они вольны в реальном ее осуществлении?

Во время завтрака произошел случай, приведший всех, кто был его свидетелем, большое впечатление. К дому подошел старик, большой, грузный, опиравшийся на палку и попросил свидания с генералом Врангелем.

— Кто вы? — спросили его.

— Я, Небогатов.

Все сразу же поняли. Адмирал Небогатов... Командующий эскадрой... Цусима. Все почтительно отошли, а один офицер доложил ген. Третьякову. Старик стоял молча с грустным, потупленным в землю взором. Ген. Третьяков, выслушал пришедшего и... отказал ему в личном свидании с ген. Врангелем, но обещал написать Главнокомандующему о его просьбе. Он просил о выдаче ему пенсии, которой он лишился с начала революции, и вынужден жить на средства своей дочери, учительствующей в местной школе. Старик медленной походкой ушел...

* * *

После отъезда ген. Врангеля, ген. Третьяков и Марковцы сидели еще долго, разговаривая о впечатлениях дня и... о старике. «Судьба играет человеком». «Лучше смерть, чем позорная сдача врагу». «Лучше смерть, чем позорное существование в униженной и оплеванной Родине». И неслась песня:

Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,
Мы смело двинемся вперед.
Мы, Русские солдаты.

Ген. Третьяков был весел, очень доволен и благодарил 3 полк за блестящий смотр.

⁂

2—3 сентября на участке дивизии спокойно, но стало известно о переходе в наступление Донского корпуса, развивающемся весьма успешно. Вывод: очередь за нами. Вот отпразднуем праздник 3 полка и прямо в бой.

Было сообщено, что Русская армия разделена на две: I, во главе с ген. Кутеповым, состоящую из 1-го, Донского корпусов и Кубанской каз. дивизии — на участках фронта восточном и северном; и II, ген. Драценко, из 2-го корпуса, 6 дивизии, кав. дивизии, Терско-Астраханской бригады и Гвардейского отряда, на фронте — по Днепру. Стратегические рассуждения Марковцев приводили к выводу: I армии предназначена активная роль; II — пассивная. Донцы уже наступают. Выкинутый красными клич: «Все на Врангеля», не смущал; не смущало и то, что красные серьезно укрепляются и опутывают свои позиции проволокой.

В 3 полку эти разговоры перемежались с мыслями о полковом празднике — **4 сентября, в Богородицын день «Неопалимой Купины», и одновременно о годовщине его основания.** Тем более, что обещал приехать ген. Врангель. Что этот день будет проведен в Михайловке не сомневались: никаких приготовлений к выступлению не было.

Так было накануне праздника. Вечером объявлено: «Желающие в в церковь». В церкви торжественная архиерейская служба, поет Марковский хор.

Раздача ужина. Тихо, мирно... и вдруг около 21 часа:

— Третьему полку приготовиться к выступлению. Первому бат-ну немедленно!

— Ну, что же? Отпразднуем в бою. Сборы короткие.

СНОВА ВПЕРЕД!

Через час бат-н с одним орудием выступил в Фридрихсфельд сменить Дроздовцев, но там застал лишь конный пост в 5—6 коней. Через колонию к Дроздовцам прошел Конный дивизион. Затем пришел весь 3-й полк.

С рассветом в наступление: 3 полк — восточнее жел. дороги. 2-й — на Бурчатск, 1-й — на с. Васильевка. Фронт поступления дивизии 10 верст. Вправо на Андребург — Дроздовцы.

4 сентября. Едва стало светать, Марковцы, подошедшие возможно ближе к позициям красных, с одновременно начатой арм. подготовкой 6-ю батареями и двумя бронепоездами, ринулись в атаку. Их не сдержали ни огонь орудий и броневиков, ни пулеметный. Позиция была взята с налета. Контр-атаки резервов красных отбивались на ходу. Конный дивизион, высланный со стороны Дроздовцев по Карачекракской лощине в тыл красным, захватил 4-хорудийную батарею. К вечеру 1 и 2 полки уже были на высотах за лощиной. 3-й, в резерве у Васильевки, где отметил День своего праздника отличным обедом, подвезенным кухнями, да в штабе полка распитой бутылкой-другой самогона в присутствии генералов Писарева и Третьякова. Потери дивизии были весьма малы.

5 сентября — короткое продвижение вперед и занятие почти без боя с. Янчекрак.

6 сентября — дальнейшее наступление встретило слабое сопротивление. Аэроплан сбросил ориентировку: вправо Дроздовцы и Кубанская казачья дивизия успешно продвигаются вперед.

Около 15 час. Марковцы, выйдя на бугры, увидели Александровск с его двумя ж.-д. станциями с эшелонами на путях и уходящими в направлении ст. Синельниково и на мост через Днепр у к. Кичкас. Вперед выехали Конный дивизион, сотни, батареи. Загремели орудия. На южной окраине города разворачивалась пехота красных.

Полки, прошедшие уже 25 верст, спешили вперед и атакой смяли красных. К грому орудий присоединились сильные взрывы складов снарядов, вагонов с ними...

Резервный 3 полк вступил в город в колонне. Его встретили толпы народа. У Марковцев в руках появились цветы.

Смеркалось. 1 полк, наступавший вдоль жел. дороги, идущей к Днепру, за городом, перед селом Вознесенским, встретил упорное сопротивление и, потеряв 70 человек, остановился. 3 полку приказано взять село, выйти к понтонному мосту и захватить переправу.

Полк, уже в темноте, атаковал красных на крутом подъеме балки Гадючей, сбил их, но за селом на буграх встретил сопротивление, задержавшее наступление на некоторое время. Атакой бугры были взяты и с них открылась темная низина, пересекаемая с севера на юг

серой полосой Днепра. Сильный взрыв и грохот врезались в звуки затихавшего боя.

Полк спустился в низину. Масса повозок, но ни лошадей, ни людей. Еще немного и виден отводимый на ту сторону Днепра понтонный мост. Вправо, на возвышенности, гребень ж.-д. вагонов, а еще впереди — силуэт высокого жел.-дор. моста.

В резерве наступавшего полка было две роты. Когда полк вошел в село, они пошли вправо и натолкнулись на сидящих в окопах красных. Около 180 человек сдались без выстрела, другие скрылись в темноте. Несколько из них были пойманы и среди них ком-р бат-на, бывший офицер. Высланные от рот дозоры, шедшие вдоль жел. дороги, дошли до разъезда, все время забирая пленных. Привели и двух санитарок — сестер милосердия. Рассказ их ужаснул Марковцев:

Утром в Александровск прибыл эшелон кавалерии с обозом и стал разгружаться. Неожиданно разгрузка была прервана, а в освободившиеся вагоны началась погрузка раненых. Обе санитарки были назначены сопровождать их. Погрузили до 200 человек. Через некоторое время длинный эшелон тронулся по линии на Кичкасский мост. В нем кроме раненых оставались еще подводы, фураж. На разъезде эшелон остановился. Наступила ночь. Бой шел уже вблизи. Вдруг, впереди сильный взрыв.

— Мост взорван! — раздались крики, но состав медленно двинулся вперед.

— Остановите поезд! Пощадите раненых! — кричали кругом, а в ответ:

— Белые все равно перебьют всех.

Кто мог, стал выпрыгивать из поезда. «Выпрыгнули и мы», — с рыданиями говорили санитарки.

От взрыва центральная часть моста обрушилась и вагоны эшелона один за другим падали с высоты десятков аршин, производя зловещий грохот. На самом краю обрыва остался лишь паровоз-толкач, сошедший с расшатанных рельс. Так погибли «во славу социалистической революции» около 200 раненых. На следующий день еще видны были в Днепре красные вагоны, сносимые все дальше и дальше сильным течением узкой здесь реки.

7—9 сентября. На фронте дивизии лишь редкая стрельба. Ее фронт к северу от города в 20 верстах. Там Конный дивизион; от него вдоль Днепра к югу в с. Павлокичкас — 1 батарея, как имеющая ком-ду конных разведчиков и пулеметную; в с. Вознесенское — 3 полк; 1-й — на западной окраине города против острова Хортица; 2-й — в резерве, в городе; южнее города вдоль плавней — Инженерная рота. К сев.-востоку от дивизии, в 25 верстах в с. Новогуполовка, Дроздовская, а еще восточнее — Кубанская дивизии.

В результате наступления дивизия взяла до 2.000 пленных 3-й и 46-й стр. дивизии, бронепоезд, массу подвод с военным имуществом,

походные кухни, походные кузницы, прожектора, массу фуража и продовольствия. Захвачен и эшелон эвакопункта со всем медицинским персоналом и даже состав с комиссарскими семья, главы которых предназначались к занятию соответствующих постов в Сев. Таврии и Крыму.

Дивизия понесла потери в 150 человек.

***

Пленные, 180 человек, захваченные резервными ротами 3 полка, принадлежали к карательному отряду, ведшему борьбу с восставшими против Сов. власти в районе Чугуева. Отряд в 600 человек был набран из мобилизованных. Им командовал бывший офицер, ротами — также бывшие офицеры и бывший ст. ун. офицер. При каждой роте были комиссары. Каратели! Вид всех был отличный. Среди них сразу сам представился ком-р роты, ст. ун. офицер, заявивший: «Мы сдаемся добровольно». Действительно, так и было. Вот его ответы на опросе:

— Мы не хотели итти против белых, потому и записались в отряд. Мы вообще не хотели воевать. Мы не любим красных, но выхода не было. Когда мы стреляли, то стреляли в воздух; отпускали крестьян, когда не было с нами комиссаров и офицеров. Они звери!

— Когда нас послали против Врангеля, мы, моя рота, решили сдаться и уже биться против красных.

На возражение, что вечером они же отбили атаку белых, он ответил:

— Это левый фланг отряда. Там ротами командовали офицеры.

На вопрос, знали ли они, что белые расстреливают красных, ответил:

— Да! Нам об этом говорили. Но мы не верили: тогда бы пришлось расстрелять всю Россию. Я и говорил своим — не расстреляют, а если и так, то прежде всего меня.

На много вопросов отвечал этот бравый унтер и его ответы и рассказы звучали искренностью и правдой. Он ручался за всех своих. Он не обвинял красноармейскую массу, но коммунистов, комиссаров... и офицеров считал «собаками», достойными «собачьей смерти».

Решение ком-ра бат-на — влить сдавшихся в роты — унтер и все приняли с искренней радостью. Бат-н сразу увеличился вдвое. В ротах стало по 70—80 шт. Все унтер-офицеры из сдавшихся, в числе 12 человек, были назначены помощниками ком-ров взводов — офицеров. Пополнение оказалось блестящим во всех отношениях.

***

Приказ 3 полку — ввиду того, что им не была взята Кичкасская переправа, приступить к подготовке к переправе за Днепр и закреплению там плацдарма; 1 полку — вести подготовку для захвата острова Хортица. Начались разведки, изыскания способов и средств, изучение течения Днепра. Приезжал ген. Кутепов и подтвердил поставленные задачи.

Александровск оживал. Этому не мешал даже обстрел красных. Главной мишенью для стрельбы было высокое белое здание Земской Управы, где помещался штаб корпуса.

Торжественны были похороны нач-ка жел.-дорож. участка, инжéнера Иванова, убитого «при исполнении службы» в день взятия города. Он со своими тушил подожженные красными вагоны со снарядами и был убит взрывом. От Марковцев на похоронах присутствовали чины, лично знавшие убитого.

10 сентября перед рассветом, команда пеш. разведчиков 1 полка на лодках переправилась на остров и закрепилась на краю его. Немедленно был переброшен туда бат-н. Отбита атака. А к вечеру на острове был уже весь полк, заняв возвышенную его половину.

ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

Остров Хортица самый большой из островов на Днепре. Его длина до 10 верст, ширина 2 версты. Он находится на том рубеже Днепра, где река, вырвавшись из 80-тиверстного порожистого русла со многими скалистыми маленькими островами и пройдя через узкие каменные ворота, над которыми проходила жел. дорога, обретала, наконец, свое спокойное течение, делясь на многие рукава, протоки, между которыми находились известные днепровские плавни. Самый рубеж между каменной грядой, которую пересекал Днепр и начинавшимися к югу плавнями, проходил по острову, деля его почти на две равные половины, северную — возвышенную и южную — низменную. Северный конец острова — огромный каменный мыс, имеющий форму кресла, называемый «Креслом Екатерины». По преданию, на нем сидела и пила чай Екатерина II с князем Потемкиным, любуясь красотой Днепра. Южная оконечность терялась в плавнях.

Лет двести тому назад на Хортице находилась знаменитая «Запорожская Сечь». Следы ее уцелели до 1920 г. На возвышенной части сохранились фундаменты церкви и зданий, вал, окружавший центр Сечи, могилы-курганы среди небольшого соснового леса. На этой части острова находилась лишь небольшая, с десяток дворов, немецкая колония, приютившаяся на уступе скалы.

Много интересного рассказали Марковцам местные уроженцы, которые, будучи учениками, совершали экскурсии на остров, производили там раскопки и составляли свои училищные музеи. Они говорили, что Сечь базировалась на восточный берег Днепра, где на месте села Вознесенского в то время был торговый поселок. Расположение его на возвышенности, окруженной с двух сторон течением Днепра и с двух — глубокими балками, одна из них «Гадючья», и кроме того защищенного глинянной стеной, обеспечивало связь запорожцев с внешним миром.

Запорожская Сечь была почти недоступна в те далекие времена и ее история — целая легенда. Теперь наступили новые времена с неве-

роятной для того времени техникой, когда неуязвимость старой Сечи отпала совершенно. Новым «Запорожцам», как стали называть себя Марковцы, пришлось вести борьбу на старых местах новыми средствами и такие же новые средства испытывать на себе.

Остров обтекали два рукава: с восточной стороны — Новый Днепр, шириною до 150 шагов, глубокий и с быстрым течением; с западной — Старый Днепр, шириною шагов в сто, имевший пять бродов по грудь и один по пояс. Чтобы удерживать остров, нужно было, прежде всего, обладать им полностью и затем и иметь на нем орудия, так как три брода не могут наблюдаться с восточного берега Днепра; попытки установить телефонную связь с батареями через широкий и быстротекущий Днепр не удались; чтобы перевезти часть батарей на остров, и для этого есть средства — пароход, оказавшийся в полной исправности, и баржи, мешал скалистый берег острова и наблюдение противника, у которого с высокого западного берега тот был как на ладони. К острову можно подплыть только в одном месте от пристани. И, конечно, только ночью.

12 сентября противник с сильной поддержкой своей артиллерии перешел в наступление. 1 полк, ища спасение от сыпавшихся на него снарядов, с такой стремительностью перешел в контр-атаку, что моментально смял красных, нанеся им, спасавшимся по бродам, большие потери и занял весь остров. Но одному полку удерживать остров в десять верст длиною было не по силам и туда были переброшены два бат-на 2 полка, ставшие на северной его части. В последующие дни красные ежедневно пытались ворваться на остров; иногда это им удавалось, но всегда они были сбрасываемы в Днепр. Особенно сильное наступление они повели 17 сентября, навалившись на 1 полк, два бат-на которого вынуждены были отходить от бродов под сильным обстрелом легким, гаубичных и 42-хлинейных батарей. Разрывы снарядов производили страшное впечатление: «Будто в воздух взлетали огромные подсолнухи, вырванные с корнем». Красные уже подымались и на возвышенную часть острова, тесня 2 полк.

Положение создавалось критическое, но в контр-наступление перешел резервный бат-н 1 полка и вместе с отходившими ротами он прорвался через заградительный огонь и ударил «в штыки». В лесу шли отчаянные схватки. Красные спасались по бродам и их уносило течение. У одного брода они было задержались, благодаря поддержке своих батарей, но их скопление разнесло огнем единственное, стоявшее на острове орудие. Красным дорого стоила эта попытка, но и 1 и 2 полки потеряли свыше 150 человек.

Орудие, стоявшее на острове, было втянуто туда с огромным трудом с помощью трех пар волов и то, после сложной подготовки. Чтобы переправить следующие орудия требовались сутки. Когда шел последний жестокий бой, они, как ни торопились стать на позицию, так и не успели сделать ни одного выстрела.

С 18 сентября на острове было сравнительно спокойно, если не считать непрерывный обстрел и нащупывания места переправы на Хортицу.

Зато резко похолодало и падал осенний дождь, усиливая сырость, в которой приходилось стоять 1 полку. Бойцы, конечно, находили цель и смысл стояния на острове: не просто удержать остров, а для какой-то задачи на западном берегу Днепра. Не напрасно же на острове собраны пять бат-нов, не напрасно ведется пристрелка и даже стреляют новые батареи из кол. Шепвиз. (Две Дроздовских гаубичных батареи германских орудий, которые прислала Болгария). Наконец, на остров стал наводиться мост.

Постройка его была поручена полк. Чибирнову, ком-ру Марковской инженерной роты. «Мост должен быть построен с расчетом, чтобы по нему могли проходить тяжелые орудия», — сказал ген. Кутепов. — «Найти и использовать все, что возможно». Затем было дано добавочное задание — приготовить все для наведения моста с Хортицы на неприятельский берег. Если второй мост через неглубокий рукав можно было поставить на козлах, то для первого, во всю его длину, при большой глубине, это было невозможно. Есть три баржи, есть устаревшие три парных цилиндра, когда-то служивших на понтонной переправе Кичкаса, но их недостаточно. Оставалось итти на риск и ставить баржи не вдоль течения, а поперек. Риск огромный: нужны крепкие якоря, цепи и подходящее дно реки. Нужно было подготовить подъездной путь и, главное, путь на острове, где без взрывов каменного берега не обойтись.

И еще — противник не должен пристреляться к месту наводки моста, скрытой возвышенной частью острова. Работа днем должна немедленно прекращаться, когда появлялись неприятельские аэропланы; никакого движения от города к мосту днем; склад материалов должен быть далеко в стороне. Работу приходилось вести только по ночам.

Вторично приезжал ген. Кутепов и сказал полк. Чибирнову и его помощнику по понтонной части, кап. Носовичу: «Через двое суток мост должен быть готов».

***

Тоскливо протекало время на острове, особенно в 1 полку. Холод и сырость. Разложить костры можно было лишь с риском навлечь огонь артиллерии. Никаких отпусков в город. Лишь вечерами, когда не было ветра, до них доносилась игра полкового оркестра, располагавшегося где-то под скалой в восточной части острова.

«Запорожцы 20 века» сравнивали свое положение с прежними запорожцами и, конечно, не в свою пользу. Пусть те тоже питались из общего котла, но у них было вино. А теперь? Можно было сколько угодно набрать ковшей для вина из черепов врагов, но, увы! — нет вина. А как бы оно согрело и развеселило. Немного отвлекло от тяже-

лой обстановки влитое в роты пополнение: «Уже в ротах по 40—45 штыков. Приличные роты. Можно воевать!» — записал на острове один из командиров.

Отличные стоянки выпали для бат-на 2 полка в Александровке и 3-му полку в Вознесенском. Какая красота это село; точь-точь как в описаниях Гоголя: вишневые сады, пирамидальные тополя, типичные хохлы и хохлушки с их языком и песнями, с их галушками и даже вишневой наливкой. А там, внизу — Днепр. Сами по себе пелись песни — «Гой, ты Днепр, там наш широкий...», декламации из Пушкина и Гоголя... «Редкая птица долетит до средины Днепра».

«А вот, мы не полетим, а через Днепр переберемся», — размечтались Марковцы, уже имея основания, что их дальнейший путь через Днепр.

Как нельзя лучше сложились взаимоотношения с населением и они оставались такими же после одного смутившего Марковцев случая. В сельском театре 3 полк организовал концерт с выступлением полкового хора, солистов, жонглеров. Когда хор запел «Як умру, то поховайте», все местные жители встали, а Марковцы продолжали сидеть. Но концерт прошел спокойно и добрые взаимоотношения продолжали оставаться. Оказалось, что никакого самостийничества здесь не было.

Чинам 3 полка доступен был и город. Каждый день туда ходили группы отпускников: в хоз. часть — для приведения в порядок обуви или обмундирования, и одновременно — походить по городу, зайти в кофейную выпить кофе с пирожными, завести знакомства, побывать у знакомых. Каждый такой выход сильно радовал и развлекал. В Александровске о Петлюре, о махновцах отзывались недоброжелательно; при упоминании о «незалежной» Украине, пожимали плечами. В городе все дышало «Русью». Особенно радовалась молодежь.

Но была война и снаряды рвались по городу. Это единственно, что беспокоило. Марковцам приходилось удивляться вопросу зрелых людей: «И зачем эта война?» Утверждение же всех было одно — «Лучше пусть красные не приходят».

3 полк устроил концерт и в Александровске в пользу больных и раненых, лежавших в разных городах и находившихся в разных условиях. В Мелитополе, в Симферополе уход был сравнительно хорошим, но, например, в Евпатории, в госпитале Донского корпуса, условия были отчаянные: не хватало не только постельного белья, не только нательного, но не хватало медикаментов, перевязочных средств и даже медицинского и санитарного персонала. Раненые подолгу оставались без перевязок.

Один Марковец писал своей «семье» — в полк:

«Поразительная картина у нас в госпитале: раненые Марковцы ухаживают за ранеными; более — врачуют их и свои раны. Если бы не кап. Цымбалов (медик 3-го курса, служивший в 3 полку оперативным адъютантом) мы бы все сгнили от своих ран. У нас раненые кормят

раненых. Не хватает посуды, ложек, едим по очереди. Пища невкусная, полуголодная...»

Нужна была помощь. Одних отчислений от скудного жалования, посылок продуктовых, бельевых было недостаточно. Концерт прошел блестяще во всех отношениях.

Поразило, как восторженно жители города приветствовали на концерте генералов Кутепова, Писарева, Бабиева и молодого — ген. Туркула, о котором только что узнали, что он с дивизией буквально разгромил красных и с Кубанцами даже занимал ст. Синельниково.

***

Конечно, главной темой разговоров Марковцев было — «Куда пойдем?» Ясно — за Днепр. Но что там может сделать одна дивизия? А затем — уйдет дивизия на тот берег, кто же останется на этом? Правда, сообщили о больших успехах Донского корпуса, который занял Мариуполь, почти дошел до Дона, в Донбассе дошел до Юзовки; взял тысячи пленных, бронепоезда. Но какой теперь фронт?

Цель наступления Марковцам представлялась одна — принудить противника очистить Каховский тет-де-пон. Допускали такую комбинацию: их дивизия перейдет Днепр, завяжет там бои, привлечет на себя силы красных, а II армия тем временем примет непосредственное участие в «ликвидации Каховки». Однако, как это маловероятно, ведь до Каховки полтораста верст...

И вот, «солдатское радио» сообщило о подходе к Александровску Корниловской, а затем Кубанской казачьей дивизий. Ну, с такими силами задача представлялась вполне разрешимой. Итак — за Днепр!

О том, какие силы красных стояли за Днепром, разговора не было. Но они, конечно, командованию известны: о них дают сведения партизанские отряды, сидящие в плавнях. Самый большой из них, в несколько сот, атамана Володина, и другой, едва в сотню человек, атамана Прачана, к северу от города. Первый был в ведении ком-ра 1 полка, второй — ком-ра 3 полка. Однако, первый не внушал доверия и определенно отказывался уходить из плавней даже тогда, когда боевые действия отодвинутся далеко от них, тогда как второй выразил полное согласие продолжать борьбу с 3 полком, включившись в него, как команда разведчиков.

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДНЕПРА

Рассуждения Марковцев относительно действий Русской Армии в ближайшем будущем были правильны, но они относились лишь к первому этапу плана, который решил выполнить ген. Врангель. План его заключался в следующем: II армия переходит Днепр у Никополя и с поддержкой частей 1-й армии, которые перейдут Днепр с Хортицы,

прежде всего, принуждает противника очистить Каховский плацдарм, а затем ведет наступление в западном направлении вплоть до Польской границы, откуда начнет боевые действия 3-я армия, сформированная в Польше из интернированных там русских, в числе 80.000 человек. Будет очищен юго-запад России и образован заднепровский фронт. Расчет был на продолжение войны между Польшей и Советами. Этот план ген. Врангеля, во второй его половине, Марковцам, конечно, известен не был.

Согласно плану, Марковская дивизия должна перейти Днепр и закрепить там за собой тет-де-пон. С него начнется наступление двух пехотных и одной конной дивизий. Но этот план был изменен — никаких тет-де-понтов, а наступать прямо с острова.

2 сентября. Мост через Новый Днепр готов. Переехали на остров несколько батарей. Ночами туда перевозились козлы, настил для малого моста, лодки. Все складывалось скрытно в лесу.

23 и 24 сентября ком-ры бат-нов 3 полка вызывались на остров и изучали местность у второго с юга брода, названного «Бурвальдовским», т. к. к нему с запада подходила лощина от к. Бурвальд, в двух вестах от него. Им было сказано: здесь будут проходить 1 и 3 полки; 2-й — по более северным бродам; через южный, где будет мост — Корниловцы и Кубанцы. Переход Днепра после короткой арт. подготовки.

Как выглядело место переправы? На опушке леса — валик нанесенного песка, затем шагов 30—40 — песчаный берег; дальше — русло Днепра в 100 шагов, снова песчаный берег в 50 шагов, валик песка, полоса кустарников и деревьев и круто подымающийся высокий край реки.

Позиция противника по валику наносного песка, перед ней устанавливается проволочное заграждение; по высокому краю берега также окопы. В окопах много пулеметов. Несколько батарей их пристреляно к броду. Брод? Ясно виден — песчаный, глубиной по пояс, но только в своей наиболее мелкой части; влево он круто обрывается и вода совершенно темная; вправо глубина увеличивается постепенно; течение быстрое.

Объявлено: переходить Днепр полки будут побатальонно и неизбежно, ввиду узкости брода, не только поротно, но и каждая рота змейкой. Объявлено еще — наступление в 5 часов 25 сентября после короткой арт. подготовки. Обсуждался вопрос, когда можно ожидать наиболее сильного сопротивления противника — в момент переправы или потом, когда он направит в бой свои резервы.

В ночь на 24-е все Марковские батареи переправились на остров. Не могла оставить свой участок лишь 1-я батарея. Накануне к старосте к. Павлокичкас пришли красные и приказали ему к 28 сентября приготовить возможно большее число подвод. В батарее переполох. Как смогли красные, незамеченные охранением, перейти Днепр, быть у старосты и также незамеченными уйти обратно? Пришлось батарею оставить на месте.

В ночь на 25 сентября, с наступлением темноты началось непрерывное движение частей по мосту на остров. Строго соблюдая расписание, шли части Корниловской дивизии, Кубанская казачья, Конный дивизион Марковской дивизии, 3 полк. Вся эта масса, соблюдая полную тишину, растворялась в темноте в лесу южной части острова.

3 полк перед выступлением построился в карэ и выслушал молебен. Оказалось, что молебен был не просто перед боем, но и по случаю наступающего **дня Св. Сергия Радонежского, дня памяти Шефа, ген. Маркова, Обще-Марковского праздника, он же и праздник 1 полка.** Итак, этот день начнется весьма серьезным боем. Его нельзя не отметить крупным успехом. Тихо разговаривая, шли Марковцы. Вспомнили, что и день своего праздника начали боем; в бою провел свой праздник и 2 полк.

Разговоры прекратились, когда подошли к мосту; прошли по нему сильно разреженным строем. Скрипел и качался мост, бурлила под ним темная вода. На баржах у якорей дежурили пантонеры. Было несколько жутко. Наконец, полк подошел к месту, с которого начнет атаку.

25 сентября. Тишина. Ни одного выстрела. Ни в одну из предыдущих ночей красные не вели себя так спокойно. Ждали атаку? Но если бы ждали, то наверно арт. огнем обстреливали бы лес, в котором

сосредоточились тысячи три штыков, десятки батарей и до 1.500 сабель, и ни один из их снарядов не был бы выпущен впустую.

Холодная ночь. Никаких костров. На берегу никакого движения. И только в кустарнике тихо разговаривают группы начальников.

Но вот к воде подошли трое разведчиков 1 полка. Один из них, пор. Задера, вошел в воду с пучком вешек; через 10 шагов за ним — другой, затем третий. Между ними тянулась веревка. Пор. Задера шел по краю, где кончалась отмель и начиналась глубина, и втыкал вешки. И так вешки были воткнуты почти до средины реки. Ни выстрела.

Четвертый час.

На валике песка встречаются ком-ры головных бат-нов 1 и 3 полка, кап. Шевченко и кап. Павлов. Им начинать и им нужно переговорить.

«С полковым праздником!»

«Спасибо! А я за всю ночь и не вспомнил о нем».

Разговор их был недолгим.

«Быстрота, глазомер и натиск». Этого мало — нужна и внезапность. Начнется арт. подготовка — отпадает внезапность: артиллерия противника откроет огонь по броду. Лучше, чтобы этого не было. Ружейный и пулеметный огонь? Но благодаря внезапности атаки он вряд ли очень помешает. Проволока? Она на песке и, вероятно, ее легко свалить. И единодушное решение — атака без арт. подготовки, о чем настоятельно просить командиров полков.

Полк. Марченко и пполк. Никитин сразу же согласились и пошли к нач-ку дивизии. Ген. Третьяков вначале отказал, а потом согласился и пошел переговорить с нач-ком Корниловской дивизии. Решено — Марковцы атакуют без арт. подготовки и, так как Корниловцы все же проведут ее, то Марковцам атаковать не в 5 часов, а на полчаса раньше, в 4.30.

***

Марковской дивизии давалась задача обеспечить переправы, в то время как Корниловской и Кубанской — итти к югу на помощь частям II армии при переправе их через Днепр у Никополя и дальнейшее наступление к югу в тыл Каховской группе противника. Но пассивная задача дивизии должна иметь и активный характер — привлечь на себя силы противника и не допустить их следовать за Корниловцами и Кубанцами.

Время: 4.30. Из леса и кустарника выходят рядом две густые змейки. Идут по песку к воде. Песок хрустит и в воздухе несется какой-то глухой гул. Первые всплески воды под ногами идущих впереди головных рот их ком-ров. Затем тихое бурление воды от все большего числа людей входящих в нее. Идут невольно замедленным шагом и в неудобном для движения положении — с вытянутыми вверх ру-

ками, держащими винтовки и патроны. Людям приходится итти очень осторожно, чтобы не быть сбитыми с ног сильным течением.

Раздался встречный выстрел, другой, третий... Затрещали пулеметы. У кого-то сбита фуражка, у другого пуля попадает в патронную сумку над головой; он теряет равновесие, погружается в воду; его поддерживают. У всех инстинктивный порыв вперед и сгибание «к земле». Головы змеек, выйдя из воды, бросаются вперед с криком «ура»; раздается несколько разрывов ручных гранат; стрельба постепенно смолкает; стреляют лишь сверху и с флангов. Легко ударами прикладов сваливаются колья проволочного заграждения.

И только, когда головные роты были в окопах противника, открыла огонь красная артиллерия. Все снаряды бухали в воду вправо и влево от идущих змеек, не причиняя вреда и лишь заставляя бойцов окунаться с головой. Одного «выловили» и ведут под руку; другой, остановившись на месте, стал нырять; его подхватили. «Винтовка!» — кричит он и, еще раз нырнув, объявил: «Поймал!»

Окопы взяты. После нескольких выстрелов прекратилась стрельба сверху и с флангов. Бат-н 1 полка распространяется вдоль окопов вправо и затем выходит на северный край лощины. Бат-н 3 полка, перемешавшись в темноте в кустарнике, выполняя одно приказание: «Вперед», натыкается на крутой берег. Бойцы падают, но ползут на верх. Один не удержавшись скользит вниз и натыкается на штык ползущего за ним.

На высоком краю роты собираются, стреляют по отходящей цепи. «Вперед!» Бат-н вдоль южного края лощины подымается на возвышенность. Взлетает, пущенная ком-ром бат-на ракета и на другой стороне лощины взвивается другая: сигналы, что бат-нами достигнуты условленные рубежи. Впереди вспышки бегло стреляющих красных батарей.

И, вдруг, слева сзади загремели орудия. Пять часов! Корниловцы начали подготовку. Марковцы уже на высоте 50.9. Бат-н врывается в Бурвальд, преодолев пулеметный огонь. Стоявшая за колонией красная батарея снимается с позиции: в темноте не нашли дороги к ней. Часть бат-на, оставленная на высоте 50.9, вела стрельбу по отходящим перед Корниловцами красным. Никакой контр-атаки те провести не могли. Их батареи замолкли; стрельба прекратилась.

Светало. 3 полк без боя занял следующую колонию Розенгарт.

Едва головными бат-нами были заняты позиции красных, на лодках, в стороне от обстреливаемого арт. огнем брода, стали переправляться другие бат-ны, а севернее, бат-ны 2 полка. А когда обстрел брода стал слабеть, по нему начали переходить конные сотни и дивизион, а затем — пулеметы, боевой обоз и батарея.

Поразительная картина развернулась на месте переправы. Во всю ширину брода барахтались в воде кони, люди, стремясь переправить на тот берег свои груженые двуколки, подводы, орудия. Песчаное дно тормозило движение: колеса, ноги лошадей и даже людей глубоко про-

валивались в песке. Неслись крики :«Ну, ну! Тпру!» Кони шарахались в стороны, перепуганные криками, брызгами воды. Передние пулеметные двуколки проскочили довольно быстро, но другие задерживались надолго, особенно батарея. Приходилось тянуть повозки двойной тягой, орудия двумя уносами. Но и это мало помогало. Впряглись люди. Добросовестно помогали пленные.

К переправе подошел ген. Кутепов с ген. Писаревым. Он своим громким голосом кого-то разносил. При нем водворился порядок и работа пошла более спокойно.

Переправа Корниловцев и Кубанцев проходила быстрее и гораздо удобнее. Хотя брод был несколько глубже, но его каменистое дно не создавало препятствий даже для тяжелых батарей. По этому броду переправлялась часть Марковский батарей. Две батареи переходили по северному броду вслед за 2 полком, где одна гаубица так застряла, что ее вытащили лишь к вечеру. Немедленно на южном броде Инженерная рота приступила к постройке моста на козлах.

Сбивая противника с рубежей, при поддержке у Павлокичкаса переправившейся через Днепр группы разведчиков 1 батареи с пулеметами, дивизия к вечеру выдвинулась до д. Веселая в 25 верстах к северу от места переправы и в 10 верстах к западу от Днепра. За этот день Кубанская и Корниловская дивизии продвинулись к западу также на 25 верст. Дивизии разошлись; между ними образовался разрыв до десяти верст, что сразу же и сказалось: за левым флангом Марковской кавалерийские части красных грозили ее тылу. От дивизии пришлось оставить один бат-н с батареей в тылу, в к. Розенталь.

Итог первого дня наступления был отрадным. Потери — едва 150 человек; взято до 500 пленных и много пулеметов; на одной только переправе — 12.

Положение дивизии крайне опасное. Она занимает небольшой треугольник — д. Веселая, к. Нейенбург и к. Нейендорф с центром в д. Лукашевка. Кубанская и Корниловская дивизии должны итти к югу.

26 сентября красные повели наступление вдоль Днепра и взяли к. Нейенбург. 2 полк (два бат-на) днем не мог восстановить положения, но наступившей ночью взял колонию. 3 полк в д. Веселая отбил противника и взял до 400 пленных. Отчаянную атаку провела конная сотня полка, в которой были партизаны, потерявшие при этом убитым своего атамана.

27 сентября красные наступали снова, теперь с охватом дивизии слева. Дивизия оставляет к. Нейенбург, Веселую, Лукашку и слева, к. Нейендорф.

1 полк контр-атакует и берет Нейендорф, а ночью переходит в наступление вся дивизия. Атаки с фронта неудачны, но 1 полк заходит в тыл Лукашевке; 3-й, наступая на Лукашевку, одновременно заходит частью сил в тыл Нейенбургу. 1 полк берет до 300 человек в плен, но

подходят резервы красных и он отходит. Коммунистический полк Петроградских рабочих выбит из Нейенбурга 2 полком. Но Лукашевку взять не удалось, однако к утру противник ее очистил, бросив одно орудие.

***

Минувшие два дня красные не оставляли в покое тыл дивизии. Там они подошли бы к самой переправе, но подошел 4 Дроздовский полк с 1-й Марковской батареей. Дроздовцы и бат-н Марковцев отбросили красных до ст. Арбузовка (15 верст от переправы), нанеся им большие потери. 1-я батарея подбила два орудия и сожгла зарядный ящик со снарядами. Однако после боя Дроздовский полк был вызван в Александровск. На обороне переправы остаются — Марковская инжен. рота и 1-я батарея, ведущая своими конными разведчиками наблюдение. Теперь оборона переправы ложилась целиком на дивизию и это накладывало на нее непосильную задачу.

28 сентября, едва окончился ночной бой, с рассветом красные снова наступали. Их кавалерийский полк атаковал бат-н 1 полка, стоявший на буграх к северу от Нейендорфа. Кавалерия врубилась в одну из рот; соседние роты и взвод артиллерии отбили ее. За кавалерией наступала пехота; орудия засыпали бат-н снарядами. В арт. взводе два убитых и 7 раненых. Но подошли остальные бат-ны и полк перешел в наступление с Конным дивизионом на левом фланге. Направо от 1 полка перешел в наступление 3-й, только что отбив атаки красных; еще правее — 2 полк. Красные были обращены в бегство по всему фронту. Особенно безудержным было оно на правом фланге дивизии, где им угрожало быть прижатыми к Днепру.

Дивизия заняла Веселую и дошла до х. Петерса, в 5 верстах к северу. Конный дивизион взял к. Нейнгорст, в 6 верстах к западу от Лукашевки. Ночью дивизия сжалась: 2 и 3 полки перешли в Лукашевку; 1 полк остался в Веселой; Кон. дивизион — в к. Нейгорст, из которой под утро он был, однако, выбит.

«...Но сон бежал от меня. Инстинкт подсказывал, что дивизии угрожает какая-то опасность. Я начал ломать себе голову — что бы такое предпринять, дабы приковать красных к фронту, отвлечь их внимание от нашего открытого левого фланга и тыла с переправой у Хортицы. В это время дверь открылась и на пороге появился офицер, а за ним стройная фигура щегольски одетого сов. офицера в шишаке «Буденовке», который вытянулся в струнку и отчетливо отрапортовал: «Нач-к службы связи Московской школы красных курсантов». Мурашки пробежали у меня по спине: этого еще не хватало!» (Из записок полк. Батенбиндера).

Из расспроса выяснилось: за Московской школой идет другая; их задача — выйти в тыл дивизии и отрезать ее от переправы; им известно, что переправа охраняется слабо.

29 сентября, чуть стало светать, красные перешли в наступление, главным образом с запада со стороны Нейгорста. Они наступали на Веселую, Лукашевку и вдоль Днепра.

1 полк отбивается и снова доходит до х. Петерса. Против наступающих на Лукашевку высылается 2 полк. Изрезанная местность не дает ему возможности видеть, что творилось влево от него, и неожиданно он попадает под огонь слева, с гребня. Головной бат-н мгновенно рванулся на этот гребень; туда помчались пулеметы и батарея. На гребень с противоположной стороны быстро подымались цепи противника. Они были скошены пулеметным огнем. Но шли другие, подставлявшие свой фланг. Пулеметы вырвались вперед, а батарея стреляла беглым огнем по отличным целям. Красные стали отходить. Поле и лощины были усеяны убитыми и ранеными. До 400 человек было взято в плен, но полк понес большие потери — 20 убитыми и до 100 ранеными; пулеметная команда и батарея лишились до половины конского состава.

Еще шел бой, когда 2 полку, также как и 1-му, было приказано срочно отходить и не к Лукашевке, а далее — к В. Хортице. Причина: красные заняли Нейндорф и ведут наступление в тыл дивизии. Против них развернулся 3 полк, которому приказано сдержать их, чтобы пропустить 1 и 2 полки.

Полк решил эту задачу активно. Он повел наступление на Нейндорф и перед самой колонией остановился: он не рискнул атаковать красных, не только бывших в большом числе, но и поразивших своим порядком и дисциплиною огня. Положение создалось такое, что перейди красные в наступление, полку не сдержать их, хотя к нему и подошел полубброневик. На голом поле не укрыться ни броневику, ни цепям полка. Пполк. Никитин направляет полным ходом в колонию броневик и сам со штабом полка в 15 конных мчится за ним.

Броневик и конные врываются в колонию, а отставший штаб, влетев в колонию, сворачивает по первой улице влево и оказывается в тылу красных цепей, наскочив на резерв. Красные встретили его огнем, быстро собравшись за изгородями. Штабные могли стрелять лишь из револьверов и, конечно, моментально отскочили в колонию. Штаб весь погиб бы в ней, но его атака была сигналом к переходу в наступление всего полка.

Красные уже в беспорядке бежали через сады и огороды. По улице носился броневик. Они бежали на возвышенность за колонией под жестоким обстрелом двух батарей. И только наступившая ночь помешала пулеметам и батареям развить успех. Оказалось — 3 полку пришлось столкнуться со школой красных курсантов.

«Красные сделали ошибку. Вместо дальнего обхода дивизии, они совершили ближний обход. План их — взять Марковцев в тиски между Днепром и частями 3-й и 46-й стр. дивизий с одной стороны и бригадой

курсантов с другой, вполне отвечал обстановке и соотношению сил. Но этот план не удался», — записал нач-к штаба дивизии.

1 и 2 полки к вечеру отошли к В. Хортице и выставили охранение. 3 полк пришел туда уже поздно ночью.

В штабе дивизии... Большая комната набитая людьми, спавшими на полу. В углу за столом, освещенным лампой, нач-к штаба, полк. Битенбиндер, ведет по телефону разговор со штабом корпуса. Он говорит о тяжелом положении дивизии; только что сообщили о налете красной кавалерии на ст. Канцеровка, где погибло несколько человек конно-подрывной команды, во главе с пор. Бухгольц. Из разговора можно понять, что от дивизии требуется удерживаться за Днепром еще не менее двух суток.

Внезапно разговор был прерван вошедшим в комнату ком-ром 1 полка, полк. Марченко.

— Г-н полковник. Красные подошли к колонии. Вот крестьянин, который их вел.

— Что? У колонии? тревожно спросил полк. Битенбиндер.

Короткий опрос крестьянина. Он провел большую колонну красных к жел. дороге. Ком-р этой колонны сразу стал отдавать приказания, а он, крестьянин, воспользовавшись, что на него не обращают внимания, бежал.

— Разбудите нач-ка дивизии, — приказал полк. Битенбиндер.

Вошел ген. Третьяков.

— А где же было ваше охранение? — строго спросил ген. Третьяков полк. Марченко. Последовал приказ:

— Снять охранение! Передать в части о немедленном выступлении в к. Розенталь.

Холодная ночь. Части выступают. В охранении уже стрельба.

Оказалось, назначенный в охранение бат-н 1 полка не обратил внимания на небольшую дорогу и не выставил на ней постов, а по ней-то и прошли красные. Этот случай послужил поводом к отрешению полк. Марченко; причины же крылись в давно уже натянутых взаимоотношениях между ним и генералом. 1 полк принял полк. Слоновский.

30 сентября к утру дивизия заняла участок: 1 полк на буграх перед к Розенгарт; вправо, у берега Днепра — бат-н 2 полка; влево, 3-й — у к. Кронсталь с загибом левого фланга через колонию; в резерве — два бат-на 2 полка и Конный дивизион. Позиции 1 и 2 полков были отличные, но 3-го — отчаянная: без наблюдения, без обстрела и только вправо до 1 полка на три версты ровная и открытая, как и влево к югу от колонии. К дивизии подошли 1-я ее батарея и Дроздовская гаубичная.

31 сентября. Отдохнуть дивизии не пришлось: в три часа красные перешли в наступление на всем фронте. Они были легко от-

биты на открытой местности 1 и 2 полками, но 3-му пришлось вести затяжной бой на короткой дистанции и в самой колонии, и особенно за обладание кладбищем, которое все же оставалось за ним. Красные обходили колонию с юга, но открытая местность и свобода для огня пулеметов помогли остановить их и заставить отойти. Наступали курсанты, что сразу было определено по образцовому порядку, но тактика их наступления, в рост без остановок, уже «устарела» и для Марковцев.

В 17 часов наступление повторилось, но только на 1 и 2 полки и атакой конной бригады в прорыв между 1 и 3 полками. Картина конной атаки была поразительной, но она завершилась полным расстройством атакующих под огнем батарей с участков 1 и 3 попков и особенно под разрывами бризантных снарядов французских орудий 1-й батареи. Красные снова понесли неудачу.

Наступила ночь. Тревожная ночь для 3-го полка: противник в 200—300 шагах. Короткая тревога: партию разведчиков чуть не приняли за красных. А через полчаса стрельба: красные, пройдя в разрыв между 1 и 3 полками, ворвались в сев.-восточную часть колонии; их кавалерия охватила ее с востока. Неатакованные центральный и левый участок полка оставались на месте.

Стоящие в юго-восточной части колонии обозы помчались по двум дорогам на восток. Образовалась пробка. У одного орудия сломалось дышло и его оставили.

Резервный бат-н, отбросив налетевших кавалеристов, с батареями отошел на некоторое расстояние от колонии. Дав несколько залпов и орудийных выстрелов, он подошел к колонии, разметывая группы всадников. Красные отошли и скрылись. Потребовались часы, чтобы восстановить положение на сев.-восточной части колонии в то время, как центр и левый фланг полка попрежнему оставались на своих позициях. Атакованный бат-н потерял около 50 человек и «Люис»; несколько пехотинцев и артиллеристов было зарублено; подобрано брошенное орудие; пропало 2—3 подводы.

В течении боя к колонии подошли два бат-на 2 полка и Конный дивизион, но их помощь не потребовалась. Подошла с юга и Корниловская дивизия, остановившаяся в к. Шернберг.

1 октября с утра красные снова наступали на всем фронте. Курсанты глубоко обходили 3 полк, но неожиданно стали отходить. Показались цепи, охватывающие курсантов с юга. Корниловцы? Это были они.

Корниловцы наступали быстро. Они прошли к. Нейстервик, примыкающую с запада к к. Кронсталь, и шли дальше. На их правом фланге перешли в наступление и Марковцы. Уже охватывались части красных, стоявшие перед 1 полком; уже начался их общий отход под угрозой быть прижатыми к Днепру, как пролетевший аэроплан сбросил

Корниловцам приказание срочно итти в Александровск. Наступление остановлено. Марковцам приказано отойти в исходное положение.

Столь спешный уход Корниловцев заставлял думать о неблагополучии в тылу.

Наступила ночь. Приказание — отослать на Хортицу все подводы, оставив самое необходимое. Затем другое — дивизия начнет планомерный отход; всем частям упорно удерживать указанные им рубежи.

Тревожная ночь. Все, и в особенности 3 полк, утомлены до предела; сон валит с ног.

Всю ночь на 2 октября по мосту на остров переходили части дивизии.

Перед рассветом 3 полк оставил колонию и отошел на бугры перед колонией Бурвальд. На буграх атака красных была отбита. В штыковой схватке с курсантами одна команда разведчиков потеряла до 40 человек, половину своего состава. Атака Конного дивизиона, развивающаяся успешно, остановилась под угрозой атаки красной кавалерии. Все атаки красных на 1-й и 2-й полки были отбиты.

На остров уже отошли все батареи, за исключением двух орудий; оттягиваются последовательно бат-ны.

3 полк отводится на последнюю позицию между к.к. Н. Хортица и Бурвальд. Атака курсантов снова отбита. Красные атакуют прикрытие 1 полка и доходят до Бурвальдовской лощины. Прикрытие и успевшие подойти две роты 2 полка, переходят на остров по броду. Но отрезаны две роты; им путь лишь один — через средний брод. Подойдя к Бурвальдовскому броду, красные хотели «на плечах» отступавших перейти его, но были отбиты ранее ставшим здесь бат-ном 2 полка.

Около 17 часов 3 полк получил приказание отходить и с ним два орудия и Конный дивизион. Остается в прикрытии команда разведчиков. Полк, Конный дивизион и орудия отходят благополучно, хотя уже под орудийным огнем. Под ружейным огнем, следовавших за ней красных, подходит команда разведчиков. Но Инженерная рота поторопилась разобрать мост и поджечь его. Команде оставалось одно — переходить вброд. Не все решились; до 20 человек остались на берегу.

А тем временем на острове шел бой; красные перешли на него по северным бродам. Там стояла одна лишь батарея. Она уже не могла стрелять под близким огнем красных; ей оставалось одно — всеми своими силами принять пехотный бой. Она задержала противника до прихода бат-на 2 полка, который и сбросил его в Днепр. И тут произошел последний эпизод отхода дивизии. С того берега по броду шли отрезанные две роты 2 полка, а им навстречу — сбитые с острова красные. И только взаимное незнание и теми и другими обстановки, позволило им благополучно разойтись в воде.

Уже ночь. 1 и 2 полки и две батареи заняли свои старые позиции, а остальные части переходили понтонный мост и также шли по старым местам. Две Дроздовские гаубичные батареи ушли к своим частям.

ПОСЛЕ ЗАДНЕПРОВСКИХ БОЕВ

С 3 по 6 октября медленно, скучно, в сырости и холоде тянулись дни. Тревожно. Красные не производят серьезных попыток захватить остров, но не оставляют его без внимания своим арт. огнем. Они нащупали на острове колонию и попаданием в дом убили 8 телефонистов; нащупывают понтонный мост и снаряды рвутся вблизи его. Было лишь одно развлечение — переговариваться с красными.

— Кончай войну! — кричали им.

— Теперь поздно! Скоро мы вами будем кормить рыбу в Черном море.

— Когда это? Скоро? Еще попробуете наших пуль и снарядов.

С бранью, но откровенно признавались: «Ваша артиллерия здорово бьет».

— За кого ты бьешься? За комиссаров? — спрашивали.

— А ты почему за врангелевскую сволочь?

— Да я за то, чтобы, когда вернусь домой, спокойно бы жилось и тебе и мне без комиссаров.

Красные не находили, что на это ответить. Над ними смеялись, когда они моментально смолкали и скрывались при появлении своего начальства.

Шли разговоры о минувших боях. В них была особенность: чувство одиночества, сознание, что сзади Днепр, ощущение непосредственной силы врага, прикрепленность к месту без того, чтобы бить, преследовать. Но все же бои провели хорошо.

Восемь суток почти без отдыха и сна; трое суток без подвоза пищи; питались мясом убитых коров, в небольшой степени картофелем, но без соли и хлеба. Кашевары рассказывали, как они метались то к переправе, то обратно.

Дивизия потеряла до 500 человек, почти четверть состава. Взяли до 1.500 пленных, орудие, много пулеметов. Наглядно видели, какие большие потери нанесены красным и их курсантам.

Разговор, естественно, переходил на большие масштабы. Дивизия выполнила определенную задачу в операции крупного размаха, цель которой — ликвидация Каховского плацдарма красных. Корниловцы говорили, что до него они не дошли, а чем завершилась эта операция, они не знали. Потом сообщили, что II армия из-за Днепра тоже вернулась в исходное положение.

Стали известны и подробности. Было взято 10.000 пленных, бронепоезд, 6 броневиков, 27 орудий, но армия не смогла принудить противника очистить Каховку, столкнувшись с огромными силами и в боях потеряла убитым лучшего кавалерийского начальника, ген. Бабиева.

Затем дошли и другие сведения. Корниловская дивизия была выведена из боев в самый их разгар и причина тому — неожиданный поворот событий на восточном фронте, где красные перешли в наступ-

ление, прорвавшись кавалерийской дивизией в тыл Донскому корпусу, захватив Б. Токмак, опорный пункт, который до сего времени крепко удерживался. В бой были введены все наличные силы. В Орехово прикрывала жел. дорогу Александровск—Крым Марковская жел.-дорожная полурота в 150 шт. и она принуждена была отходить. Спасать положение ушла от Александровска Дроздовская дивизия, которую сменил 4 Дроздовский полк с двумя батареями. Северный участок фронта оказался почти обнаженным, почему и отозвана была Корниловская дивизия, но и она не остановилась у Александровска и перебрасывалась к югу.

Сказался большой недостаток сил у Русской Армии, что привело в конце концов к возвращению положения в начале сентября, с той разницей, что северный участок ее был у Александровска и занимался всего лишь Марковской дивизией и 4 Дроздовским полком, а не тремя дивизиями, как это было до наступления за Днепр.

«Нужна ли была операция за Днепром?» — ставился вопрос. Ответ — нужна, чтобы очистить Каховский плацдарм. Ясно было — при ограниченных силах Армии, она сопряжена с риском, но не на рискованных ли решениях до сего времени ген. Врангель довел Армию до занятия большой территории, к победам над огромными силами противника? Не было ли риском перейти в наступление из Крыма без всякой поддержки и вопреки воли Англии? У Марковцев доверие к ген. Врангелю было полное. Неудача за Днепром? Но это всего лишь неудача, однако, дорого обошедшаяся красным. Армия снова заняла свои позиции, сосредоточилась и снова начнет активные действия.

Но носились слухи, доходили сообщения. Изменил Махно, передавшись на сторону красных. Это — «булавочный укол». Однако, как поведут себя партизаны в плавнях? Если они будут с красными, то фронт Армии будет тянуться еще на сотни верст вдоль них.

Затем слухи о перемирии между Польшей и Советами. Он заставил Марковцев серьезно забеспокоиться. Теперь красные все свои резервы могут бросить на южный фронт и, весьма возможно, перебрасывают части с Польского. В борьбе Русская Армия осталась одна и не сочтены ли ее дни? На кого надеяться? На французов?

Одна надежда бесспорна: на генерала Врангеля. Он сказал: «Я сделаю все, чтобы вывести Армию и Флот с честью из создавшегося положения».

Но была в Марковских частях солдатская масса; с ней жили, с ней разговаривали. Она слушала внимательно, горящими глазами глядя на своих офицеров и в глазах и словах их не находила ли что-то успокоительное? Офицеры, кадры частей, проверили настроение своих солдат по минувшим боям. Достойно держались они, хотя были в большинстве из пленных. Была лишь одна попытка перехода к красным.

В июльских боях были взяты в плен курсанты. Шесть из них отказались добровольно вступить в ряды полка и были вместе отправ-

лены в запас. бат-н. Через полтора месяца исправной службы их, опять же вместе, перевели в полк в одну из рот, где в боях вели себя хорошо. Но однажды ночью, будучи назначены под командой одного из них с двумя солдатами из пленных в заставу, они приводят свое затаенное желание в исполнение. Двух воспротивившихся солдат связывают и ведут с собой.

— Стой! Кто идет? — окликнули их спереди.

— Свои, товарищи! Мы бежим от белых.

— Бросай оружие! Подходи!

Курсанты попали в руки предусмотрительно высланных вперед разведчиков.

Было совершенно очевидно, что красноармейскую массу гнали в бой силой; воевать она не хотела. Даже полк Петроградских рабочих, опора коммун. власти, привилегированная часть, отлично обмундированная и снабженная, быстро разложился.

Не такими были курсанты и красные командиры из бывших офицеров. Интелегентные и, во всяком случае, более развитые, были преданы сов. власти и, раз давши свое слово или подпись, уже не изменяли им. Командир карательного отряда, бывший офицер, не сдался, когда сдавалась часть его отряда; он был захвачен в плен, когда хотел эту часть привести к повиновению. Но был и такой...

Захвачена в плен рота красных с ком-ром, бывшим офицером. Его отправляют на допрос в штаб полка. Полная откровенность и доверие к нему. Ком-р полка даже оставил его поужинать. Потом его должны отвести в ту роту, которая его захватила. И вдруг, только что вошедший для этого ординарец, кричит:

— Стой! К командиру полка! Г-н полковник! Это — чекист. Он не одного офицера отправил на тот свет. Он избил меня.

— Это правда?

— Это так. Немало вашего брата я отправил в штаб Духонина., — сразу же ответил он, и зверский блеск появился в его глазах. Его вывели...

Между прочим этот чекист, во время первоначальных разговоров с ком-ром полка, говорил о скверном моральном положении бывших офицеров в красной армии, об их, конечно, скрытом недовольстве и желании перейти к белым, о непрерывном им напоминании о расстрелах белыми сдавшихся в плен, о расстреле сына ген. Брусилова. (На самом же деле ротм. Брусилов расстрелян не был, как и бывшие с ним офицеры — Спонтий, Жаковский, Вонсович и др., а сразу же были назначены в конную сотню. Из них сбежал лишь Жаковский, которого сам Брусилов отрекомендовал, как ненадежного. Брусилов же первое время оставался в конной сотне, посылался в разъезды как начальник, но заболел сначала ногами, а потом тифом. Больным он был перевезен в Новороссийск, где его взял на свое попечение какой-то полковник ген. штаба, друг семьи Брусилова. И... ни в Крыму, ни в эмиграции следов Брусилова не оказалось).

В эти дни раздумий Марковцы не знали, что уже 1 октября в Мелитополе состоялось совещание ген. Врангеля со старшими начальниками, на котором был поднят вопрос — принимать ли нам бой впереди Крымского дефиле или очистив Сев. Таврию, отойти за перешеек.

«Приняв во внимание всю совокупность условий, мы пришли к единодушному решению бой в Сев. Таврии принять. Это была последняя ставка. Всякое другое решение предопределяло неизбежный конец». (Из записок ген. Врангеля).

Если бы Марковцы знали об этом решении, уже допуская, что с Польского фронта прибудут новые части красных и конница Буденного, оно бы подтвердило их мысли и решения. Было жутко. Но сражение дать!

Ввиду предстоящих решительных боев, проведена была реорганизация: I армия теперь становилась вдоль Днепра и ее возглавлял ген. Кутепов; II — на остальном фронте во главе с ген. Абрамовым. В I армию вошли 1 и 2 армейские корпуса, Гвардейский отряд, 42 стр. Донской полк, кав. корпус ген. Барбовича, Кубанская дивизия и Терско-Астраханская бригада; во II — 3 армейский корпус (6-я и 7-я пех. дивизии) и Донской корпус. Эта реорганизация сама по себе вскрывала близкое будущее: главнейшие операции предстоят на линии Днепра, где исходным пунктом для наступления красных будет злополучная Каховка.

Становится совсем неважно для «запорожцев» — дает себя чувствовать приближение зимы. Дули ветры, оголялись деревья, все вокруг желтело. Днепр, «чудный Днепр», покрыт серыми волнами и пронизывающей холодною сыростью несет от него. Ополчается на бойцов зима, «союзник красных». Закутываются все в свое ветхое потрепанное одеяние; ждать теплого не приходится.

«И почему мы сидим на этом острове?» — задавали вопрос. И в самом деле — зачем? В 3 полку, стоявшем в селе, этого вопроса не было бы, если бы не сочувствие положению 1-го и 2-го. В таком положении даже о пополнении в полки не думали.

В ротах по 30—40 человек, уже более или менее проверенных; по 4—5 офицеров и столько же солдат, определенно могущих и готовых выдержать все испытания. А будет пополнение — сколько нужно забот и, главное, внимания и какого внимания...

А тут еще произошли перемены в ком. составе: 1 полк принял один из его ком-ров бат-нов, пполк. Лебедев и заболевшего ком-ра 3 полка заменил ком-р бат-на, пполк. Сагайдачный. Несколько старших офицеров было отправлено на ком. должности в 4-й Марк. полк. Перед серьезными событиями это тревожит. Утешение — будет 4 полк в дивизии, но когда?

ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ МАРКОВСКОЙ ДИВИЗИИ

Было четыре запасных бат-на — один общий и три у каждого полка. В каждом чуть ли не по 1.000 человек. Общий для дивизии бат-н назначался к разворачиванию в 4-й полк. В нем были учебная и пулеметная команды; из него не шло пополнение в полки, отчего его части были более сколочены, обучены.

Первым ком-ром его был полк. Бржезицкий, командовавший запасным бат-ном в конце 1919 года, к которому еще тогда среди Марковцев зародилось недоверие. Оказался он ком-ром запасного бат-на и в Сев. Таврии. Его ненавидели за бездушие, формальное отношение к службе. Его перевели и назначили ком-ром 7 зап. бат-на в Симферополе. В день сдачи бат-на полк. Бржезицкий возымел желание проститься с бат-ном, но когда подошел к строю, не последовало никакой команды и ему осталось повернуться назад.

Бат-н принял полк. Фриде, при котором началась дружная, должная работа, тем более, что сказано было самим ген. Кутеповым о формировании из него 4-го Марковского полка. Бат-н получал все необходимое, был хорошо одет и вооружен.

В запасных бат-нах полков было значительно хуже. В них была большая текучесть состава из-за отправки пополнений в полки. Кадровый состав был ничтожный; если еще можно было кое-как обучать солдат, то совершенно невозможно было их воспитать и даже вести за ними наблюдение. Бат-ны стояли у Днепровских плавней, что облегчало дезертирство и, с другой стороны, облегчало и связь с красными. Знали об этом, но нужны были чрезвычайные меры предосторожности. Однажды узнали о готовящемся в одном из бат-нов восстании, первый акт которого — убийство всех офицеров. Были известны заговорщики, будущее ком-ры во время восстания. Вечером, в канун восстания, после поверки и отдачи распоряжений, арестовано было 23 человека и тотчас же расстреляны.

Марковцам приходилось быть начеку и в запасных бат-нах, и в полках. Приходилось иногда быть злее, нежели они хотели.

В связи с наступлением холодов партизанам, сидевшим в плавнях, было разрешено расположиться в населенных пунктах. Ими были заняты все поселки вдоль южного края плавней. По условию они не могли выходить из района иначе, как имея соответственные разрешения. В этом районе наблюдение за ними было поручено запасному бат-ну полк. Фриде, стоявшему в Васильевке, и гарнизону Михайловки, состоящему из учебных команд Марковской, Корниловской и Дроздовской дивизий.

С отходом армии с западного берега Днепра стали выявляться определенно враждебные настроения партизан. В Александровске ими были убиты два еврея с целью грабежа. Разнесся слух — грабят белые. Неприятное дело. Строгое следствие показало, что убийство

было совершено партизанами. Обращение к атаману Володину не дало результатов. Однако, грабители были захвачены и расстреляны.

Партизаны, проникавшие в населенные пункты, где не было воинских частей, действовали вызывающе. От них страдали те крестьяне, которые держали себя лояльно в отношении к Армии. Пострадавшие обращались за помощью. Но что можно было предпринять? Атаманы всячески отговаривались содействовать устранению самовольства своих партизан.

Наконец были раскрыты планы партизан. Однажды патруль от учебной команды Марковцев встретил четырех партизан без документов, державших себя очень нахально, избил их и выгнал из села. Другой раз патруль задержал двух великолепных военных, типа офицеров кавалеристов, и потребовал документы. Те отказались их предъявить. Они были арестованы и приведены к нач-ку команды, кап. Махнушка. Ему они предъявили вполне исправные документы и отрекомендовались ротмистром и поручиком каких-то гвардейских полков; один — нач-ком штаба отряда атамана Володина, другой — адъютантом отряда. Мило разговорились.

— У вас все такие солдаты, как патруль, нас задержавший? — спросили они.

— Конечно, все, — был ответ.

— Мы еще задержимся здесь на день-два, — сказали они и пригласили кап. Махнушка к себе в гости. Согласие было дано.

«В гости» кап. Махнушко, однако, пошел не один, а с офицером и, на всякий случай, приказал своему заместителю через час выслать к нему патруль.

Накрытый стол, самогон, закуски и не двое партизан, а восемь; оживленный разговор. Партизаны говорили, что у Русской Армии и у них один «общий враг», что у них большие силы и огромные возможности громить красных; не хватает лишь боевых офицеров и предложили кап. Махнушка перейти к Володину на пост «начальника всей пехоты» с большим денежным содержанием и разными благами. От этого предложения оба офицера отказались.

Дальнейший разговор уже был натянутым и, вдруг, ротмистр быстро вышел из комнаты. Почувствовав недоброе, кап. Махнушка оглянулся в окно и увидел кого-то в черкеске с кинжалом на поясе. «В ловушке!» — возникла мысль. Но в этот момент за окном громкий разговор и в комнату вошел нач-к патруля от команды и отрапортовал: «Патруль для связи». «Гости» расстались с «хозяевами». Через некоторое время партизан в этом доме уже не было.

Весь проведенный разговор и обстановка говорили кап. Махнушка, что партизаны замышляют что-то серьезное. Но что? Как узнать? И тут он вспомнил о своем писаре. Толковый, разбитной, хорошо знающий свое дело и внушавший доверие, писарь не раз предлагал кап. Махнушка «дезертировать» к партизанам и там узнать об их намерениях.

Не соглашаясь раньше, теперь он за предложение ухватился. Ночью писарь «дезертировал».

Через трое суток писарь вернулся и рассказал: его встретили с полным доверием; он выдал удовлетворившие партизан «секреты» и, как знающего канцелярское дело, его назначили в штаб отряда. Там он наводил порядок, писал под диктовку распоряжения, слушал, что говорят. Он принес ценные сведения: во-первых, партизанский отряд Володина теперь именуется — «имени батька Махно»; во-вторых, он имеет задание ударить в тыл частям Русской Армии, когда красные и Махно будут наступать; в-третьих, в отряде около 1.000 человек пехоты и конницы. Эти сведения были немедленно сообщены в штаб дивизии, откуда последовало приказание обезоружить партизан.

Как раз в это время от «дезертировавших» из 1 полка к Володину пор. Полтавского и двух братьев Минаевых стало известно, что Володин находится в кол. Шепвиз близ Александровка. В назначенный день конной сотней 1 полка, во главе с кап. Касьяновым, были захвачены Володин, его помощники, двести партизан, пулеметы. Жизнью поплатилась вся головка отряда.

Вдоль южного берега плавней операцию против партизан провел бат-н полк. Фриде, применив хитрость: бат-н выступил из Васильевки в колонне, с песнями, будто шел на прогулку. Войдя в Скельки его встретили ничего не подозревавшие партизаны. Было взято до 300 человек.

При опросе выяснилось, что партизаны знали о готовящемся наступлении красных, о подходе конницы Буденного, о численной слабости Русской Армии, но не знали, что Володин и Махно заключили союз с красными и готовятся вместе с ними перейти в наступление. Они говорили, что воевать они не хотели бы, но если это неизбежно, то лучше быть с белыми. Свыше сотни их сразу же вступило в ряды дивизии и небольшой отряд Савченко целиком. И воевали они честно и отлично. Остальные были отосланы в плавни.

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА В СЕВ. ТАВРИИ

«Последняя ставка», как сказал ген. Врангель.

Марковцам кое-что было известно о происходящем, гл. образом, по слухам. Ясно лишь одно: предстоит жестокая схватка и к ней они готовы. Подсчитывать силы врага не приходится.

Между тем предстояло сразиться с врагом вчетверо сильнейшим, готовящим удар с трех сторон — с востока, севера и запада — ударными группами с одновременным давлением на всем трехсотверстном фронте. В наступление готовились пять красных армий. Ударные силы их имели кавалерию: у Каховки — конную армию Буденного в 4 1/2 кавалерийских дивизий, у Никополя — 2-ю конную в 3 1/2 дивизии и у берега Азовского моря — конный корпус в 3 дивизии.

В первый раз, учитывая свои силы и силы Русской Армии, источники красных дали точные данные о численности пехоты Русской Армии, но преувеличили численность ее кавалерии с 8.000 сабель до 11.795 сабель, видимо включив в это число конные части, входившие в состав ехотных дивизий.

К началу боя, по советским данным, силы обеих сторон были таковы: против 6-й и 1-й конной армий красных, силою в 49.000 шт. и сабель, стояло 14.000 шт. и сабель.

Против 2-й конной армии, силою в 28.000 шт. и сабель — 10.000.

Против 4-й и 13-й красных армий, в 55.000 шт. и сабель — 10.800.

Итого — 132.000 против 34.800.

Красные источники кроме того указывали на более чем двойное превосходство у Красной армии в артиллерии, полуторное в пулеметах и значительное превосходство в бронемашинах, бронепоездах и самолетах.

На 3-й день боя на стороне Русской Армии были произведены перемещения: с участка против 2-й конной армии была снята Корниловская дивизия, ушедшая к югу на фронт против 1-й конной и 6-й армий красных.

Красное командование назначило общее наступление на 15 октября, но предварительные действия на всех участках начались 13-го.

⁂

До этого у Марковцев...

7 октября — приказ об оставлении Хортицы. Все облегченно вздохнули. Ночью части перешли мост и было присутплено к его разборке. Под утро переправились, уже на лодках, прикрывающие взводы.

8 октября дивизия расположилась в городе и его окрестностях. В этот день в Александровске был смотр законченному формированием конному арт. взводу, предназначенному для действий с Конным дивизионом. Отличный вид имел он. «Мы еще поборемся!» — будто бросал он вызов. Но у смотревших его жителей текли слезы.

В частях приказано быть внимательными: всюду вели работу советские агенты, агитаторы; возможно восстание. Агентов вылавливали; их находили в обозах и среди вестовых. Один из солдат, бежавший из плена от красных, опознал женщину-чекистку, которая его допрашивала. Она призналась, с какой целью пробралась в Александровск. Разговор с узнавшим ее солдатом закончился ее словами: «Я сожалею об одном, что не покончила тогда с тобой».

9 октября. Артиллерийская и ружейная перестрелка. В тылу постреливали партизаны. В частях порядок и дисциплина. Частые смены постов.

Вечер. Подъехали кухни с ужином. И приказание: в 23 часа быть на сборном пункте. Время еще есть. Хозяева домов волнуются, уго-

щают своих постояльцев в последний раз. Наконец снимается охранение. Еще немного и команда — «Строиться». Оставляются теплые, радушные дома. Прощание с хозяевами, взаимные добрые пожелания. Тихо, спокойно выстроились колонны и тронулись, оставляя в слезах жителей, которые сейчас же скрывались в домах; и быстро в них тухли огни.

Сборный пункт на южной окраине города; полки со своими батареями, но в городе еще усиленные патрули и разъезды. Около колонн большие группы горожан. «Возвращайтесь скорее!» «Вернетесь ли?»

«Идите домой», — говорят им, но они не уходят.

А подальше также группы, где слышен смех, громкие разговоры, выкрики...

10 октября. В полночь колонна тронулась на юг. Холодный, зимний ветер. Утром, пройдя лишь 18 верст, дивизия остановилась и расположилась по квартирам. Оказалось, что она заночует здесь. Вывод — на фронтах спокойно и нет нужды в присутствии дивизии. Кашевары сказали, что им велено ехать в Михайловку. Ну значит и дивизия пойдет туда.

11 октября утром в поход. В с. Янчекрак привал для 1 и 2 полков и остановка на ночь для 3-го с Конным дивизионом. Все идет спокойно без спешки.

1 и 2 полки пересекли так хорошо известную им по большим боям Карачекракскую лощину и позицию. Но разницу нашли огромную. Вместо редких окопчиков, окопы полной профили с проволочным заграждением в два кола. Оказались здесь части 6-й пех. дивизии. 3-й армейский корпус занял позицию, раньше занимаемую первым. Марковцы поинтересовались численностью полков, оказавшейся не меньше, чем у них.

2 полк остановился на ночлег в Васильевке, а 1-й пошел дальше. «Если не прямо в Михайловку, то с ночевкой в Бурчатске», — так думали. Но полк свернул вправо и к вечеру пришел в Скельки. Все предположения расстроены, но главное в том, что в пути в полки влито пополнение из запасных бат-нов, доведшие роты до 80 шт., а в 3-м даже до 100 шт., и была надежда, что в Михайловке это пополнение удастся обработать. А было оно с весьма низким настроением, неблагонадежное...

12 октября дивизия продолжала свой марш. Когда 3 полк прошел проволочное заграждение у Васильевки, за ним сейчас же проход был завален рогатками. «Счастливо держаться!» — говорили чинам 6-й дивизии.

2 и 3 полки также были удивлены изменением предполагаемого ими направления и ускоренным движением.

В течении дня части пришли и расположились в селах в непосредственной близости плавней. Жители говорили, что через Днепр наведено два моста и в плавни переходят части красных. Создавалось

напряженное состояние и оно увеличивалось и тем, что уже два дня, как не выдавалась пища. «Неужели кухни ждут нас в Михайловке?» Жители мало чем могли поделиться с пришельцами — их обобрали стоявшие здесь партизаны. Начавший давать себя чувствовать голод особенно отразился на пополнении — началось дезертирство десятками, но оно не понижало настроения — уходил наиболее слабый, ненужный элемент; облегчались заботы ответственным лицам.

13 октября. Ночь прошла беспокойно, в иных местах со стрельной, а утром дивизия, согласно приказанию, двинулась в Б. Белозерку, где должна была связаться с Корниловцами, штаб которых стоял в с. В. Рогачик, в 20 верстах к западу, и 42-м Донским полком в Днепровке, в 15 верстах к северу.

Но головной, 1 полк, прошел лишь 7—8 верст и свернул на Днепровку. Туда же были направлены 2 и 3 полки, пошедшие уже прямой дорогой. И в спокойный марш полков врывается неожиданность: прикрывавший хвост растянувшихся частей, Конный дивизион вынужден был вступить в бой с вышедшими из плавней красными, которых он быстро отбросил; центр колонны, 3 полк, был обстрелян, правда, с предельной дистанции, арт. огнем; 2 полк оказался в тылу 42-го Донского полка, отходившего под давлением от с. Ивановское. Полная неожиданность: красные уже перешли Днепр, они на этом берегу. «Опоздали!» — вырвался крик.

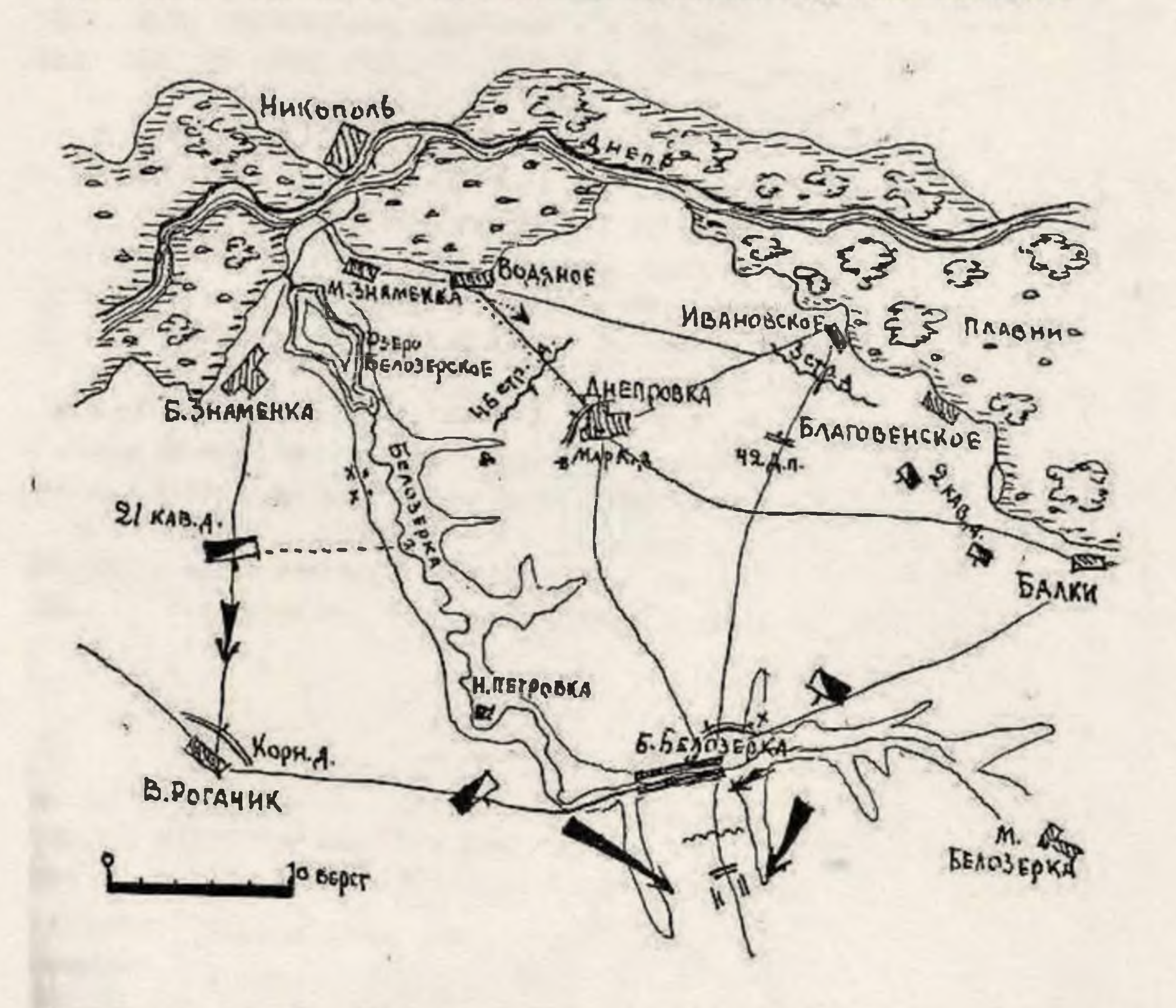
3 полк продолжал свой марш. Он проходит по тылу того места, где наступали красные со стороны Ивановского и где 42-й полк, с поддержкой двух бат-нов 2 полка, уже перешел в наступление и красные отходили. Облегченный вздох: противник будет отброшен в плавни.

В ДНЕПРОВКЕ

Около 16 часов, когда 1 полк подходил к селу, на сев.-зап. окраине его шел бой. Части 42-го Донского полка отступали под давлением, наступавшего со стороны с. Водяное, противника. Полк развернулся и, пропустив Донцов, перешел в наступление и вел преследование до пяти верст, взяв сто пленных и ком-ра полка из бывших офицеров. Хотя уже была ночь, но остановка преследования и приказание отойти в село удивило Марковцев: противник на этом берегу, его следовало сбросить в плавни; до Водяного оставалось тоже пять верст; и почему делать их назад, а не вперед?.. Утомленный 30-тиверстным переходом и какой-то незавершенностью действий, полк стал располагаться по квартирам.

Когда он был в бою, пришел не задержанный в пути бат-н 2 полка и подходил 3-й. Батареи торопились и, обогнав пехотную колонну, стали располагаться в указанных районах на западной окраине села. И вдруг, уже в темноте, в село врывается кавалерия и за ней пехота

красных. Батарейцы бросились к орудиям впрягать лошадей, прикрывшись пулеметами. В одном орудии убит корень, в другом ранено две лошади. Но батареи успевают ускакать. Развернувшийся бат-н 2 полка и прямо из колонны 3 полк в короткой схватке отбросили красных, захватив 30 пленных, 2 пулемета и несколько верховых лошадей.

Среди попавших в плен оказался и ком-р бат-на, пор. Шкурин, служивший раньше в Симферопольском Офиц. полку и захваченный красными, будучи больным тифом. От него узнали, что через Днепр уже переправились две бригады 46-й стр. дивизии и 21-я кавалерийская, занявшая с. Б. Знаменка на участке Корниловской дивизии. Он сказал, что его бригада должна была занять Днепровку, наступая двумя полками с фронта, а одним с кавалерийским полком, обходя село с запада. О составе 46-й дивизии он заявил: она пополнена сверх штата бойцами, прибывшими с Сибирского фронта, и коммунистами.

Ночью пришли в Днепровку задержанные боем два бат-на 2-го полка, усталые и неудовлетворенные. Они с Донцами 42-го полка успешно теснили большие силы противника и уже дошли почти до Ивановского, как были остановлены и направлены в Днепровку. Оставшиеся Донцы не смогли одни взять село и сбросить красных в плавни.

В двух местах Марковцы не довели успешно начатого боя и оставили противника на этой стороне Днепра.

Темная ночь. Легкий мороз. Марковцы спешат отдохнуть, предполагая отоспаться за ночь. Спешат, первый раз за трое суток, утолить голод: село большое, богатое, радушное; есть все и в изобилии рыба. Отдых, конечно, относительный: выставлено сильное охранение и полная боевая готовность. Нет и морального спокойствия: сверлит тревожная мысль о красных, перешедших уже Днепр. «Опоздали! Упустили благоприятные случаи сбросить красных. Придется расплачиваться завтра с утра».

Обстановка для офицеров, которые всегда стремились ее понять, была ясна: с сев.-запада и запада дивизия находится под ударом 46-й стр. и 21-й кавалерийской дивизий противника; с сев.-восточной и, может быть, и с востока возможна угроза, хотя там и собрался весь 42-й Донской полк в 1.000 шт. при двух конных сотнях, но против него 3-я стр. и 2-я кавалерийская дивизии. Соседние к дивизии наши части... известно лишь, что слева и южнее — Корниловцы.

Однако и физический отдых оказался весьма коротким: в 23 часа части, за исключением одного бат-на 2 полка, получили приказание собраться на сев.-западной окраине у дороги на Водяное. Тяжело было подыматься...

В полночь дивизия в сборе. Объявлена задача — выбить противника из сел Водяное и М. Знаменка, удерживать их частью сил, а другой частью на следующий день, совместно с 42-м полком, выбить противника из сел Ивановское и Благовещенское. Стало ясно: решено исправить двойную ошибку минувшего дня.

14 октября. До Водяного 10 верст, до М. Знаменки 13. Дивизия выступила в колонне. Прикрывать ее слева пошли конные сотни; еще левее — Конный дивизион. Пройдя половину пути, дивизия стала разворачиваться. 2 полк (два бат-на) — по дороге; 3-й — вправо; 1-й — влево. Тяжелый марш по песчаному грунту, по полям снятого урожая картофеля и кукурузы. Пулеметные лошади стали приставать; часть пулеметов пришлось тащить на катках.

Сквозь туман видны у противника огни костров. Они вправо и вдоль дороги. Село оказалось правее. 2 полк меняет направление в полоборота направо. Меняет направление и 3 полк. Влево с 1 полком получается все увеличивающийся разрыв.

Бат-ны 2 полка сбивают охранение красных; у села сбивают разворачивающиеся резервы и врываются в село. По улицам мечется противник, расстреливаемый в упор. Он бежит по улицам вправо и влево и куда-то вглубь села. Две роты, углубившись в село, переходят мост через речку. Стрельба почти прекратилась, но она слышна в тылу. Там, на дороге, по которой шел полк, остался резерв — команда разведчиков, и на нее вышла цепь противника, а слева наскочила лава

конных. Команда отскочила вправо, но приведенная в порядок нач-ком, кап. Керн, ринулась обратно и, напав на фланг наступающей цепи красных, быстро смяла ее. Налетевшая красная кавалерия была отбита. Команда захватила до 60 пленных, пулемет и 6 верховых лошадей.

Бат-ны 2 полка, не имея связи ни вправо, ни влево и слыша стрельбу в тылу, стали оставлять село и многочисленных пленных, выводя лишь захваченные подводы и скоро получили приказание отходить в Днепровку.

Наступление 3 полка оказалось впустую. Переменив направление, в связи с переменой такового 2 полком, полк шел и не находил села. Оказалось, он шел вдоль восточной его окраины и только своим левым флангом едва коснулся его; но пришло приказание отходить.

1 полк держал свое направление влево от дороги. Прервалась связь со 2 полком, свернувшим с дороги вправо. Он слышит стрельбу вправо и сзади себя, принимает вправо и подходит к селу, из которого его встречают огнем. Противник на фланге. А в это время с фронта и на левом фланге появляются лавы. Посланная конная связь в штаб дивизии не возвращается и, наконец, два ординарца прискакали назад: они нарвались на красных кавалеристов. Полк начал отходить и только спустя некоторое время получил приказ отходить в Днепровку.

Дивизия, начавшая наступление по одной дороге, отходила разобщенно и разными дорогами. 3 полк попал на дорогу в Ивановское и шел по ней пока не обнаружилась ошибка.

Уже рассветало и рассеялся туман, когда полки вернулись в Днепровку и заняли те окраины села, на которые вышли.

На этом можно было бы закончить описание ночного боя у села Водяное, но должно сказать о его последствиях.

Накануне полки совершили более чем 25-верстный переход, затем вели вечерние и ночные бои с переходом на с. Водяное и обратно — не менее 20 верст. Они были измотны вконец и, когда вернулись в Днепровку, заснули как убитые. Едва пересиливали усталость стоящие в охранении и начальники, несущие ответственноость. Они видели, в каком состоянии все, почему, когда получили приказание, а это было в 9 часов утра, быть в полной готовности, они отнеслись к нему с полным равнодушием: пусть люди спят, кроме охранения, пока еще можно.

Физическая усталость усугубляется моральным состоянием. Дивизия расплачивается за неиспользование благоприятных моментов и возможностей минувшего дня и за плохо организованное наступление на Водяное, в котором два полка почти не принимали никакого участия, а батареи не произвели ни одного выстрела. Даже 2 полк, проведши успешно бой, нанесший противнику серьезные потери, взявший пулеметы и десятки подвод, не мог испытывать удовлетворения. Дивизия потеряла до 200 человек, но, главное, она напрасно растратила свои силы.

Об этом печальном боевом эпизоде помощник нач-ка дивизии, полк. Докукин, потом отзывается так: «Дивизия произвела удачный налет на с. Водяное». Отзыв, превративший задачу серьезного наступления в «налет» и, оказывается «удачный». Марковцы судили иначе....

Светлый день. С утра слышна арт. стрельба к востоку. Там красные наступали на 42-й Донской полк. По звуку можно судить, что полк отходит. 9 часов. Показались цепи красных со стороны Водяного. Они охватывали село с севера; сплошными цепями шли с запада, а на юго-западную окраину двигалась лава. Противник наступал быстрым маршем, уверенно.

Марковцы подняты и заняли позиции. Полдень.

«Завязался ожесточенный бой. Батареи открыли беглый огонь. Все поле покрыто густыми цепями красных, которые буквально скрывались в облаках разрывов гранат и шрапнелей наших батарей. Но несмотря на это, они двигались вперед, подпираемые резервами. Когда расстояние значительно сократилось и батареи уже стреляли на пределе 25—30, Марковцы 1 и 2 полков встали и бросились в контр-атаку. Наконец цепи сошлись почти вплотную и в ход пошли штыки, а у красных и ручные гранаты. Обе стороны несут большие потери и, в конце концов, Марковцы, под давлением вновь подошедших красных резервов, принуждены отходить к селу».

Ринувшие за ними массы были скошены пулеметным огнем с окраины села. Красные отошли на 1.000 шагов и готовились к новой атаке. Огневой бой. Напряжение бойцов достигает предельной степени. Офицеры едва успокаивают своих: «Держаться на месте!» Но они знают, будет какой-то момент и не выдержат их люди. Они подбегают к своим начальникам, говоря им: «Нужно в контр-наступление!», видя только в этом шанс избежать худшего.

А в это время 42-й полк отходил и противник уже охватывал село с востока. Около 14 часов 3 полку, до сего времени не принимавшему участия в бою, приказано быстро выйти на бугры к юго-востоку от села и поддержать 42-й полк. Батареи, бывшие при 3 полку, карьером помчались туда и открыли огонь как раз в тот момент, когда кавалерия красных охватила Донцов с юга. Она была рассеяна, но одновременно пострадал от огня и полк, отбившись от противника.

Приказано отходить 1 и 2 полкам, причем 1-й должен пропустить 2-й. Красные атаковали. 2 полк с боем отходит по селу. 1-й отбивает атаки на западной окраине. По селу красные обходят 1 полк; спасает его резервная рота пор. Петрова, ценой потери половины состава и гибели ком-ра роты. На одном участке красные едва не захватывают батарею, но их задерживает атака конной сотни. 1 полк отходит с боем, постепенно снимая свои части, начиная с правого фланга. Разлетевшиеся за ним и 2 полком красные отбрасываются контр-ударом. Левый фланг 1 полка выходит из села последним и с ним батарея.

Батарея вынуждена ехать по дороге. Ее атакует кавалерия, но огнем своих пулеметов она останавливает прямой на нее удар, а обскакивающие ее лавы отбрасываются огнем других батарей и атакой Конного дивизиона.

Полк отходит на бугры под прикрытием 2 полка. Пехота красных не смогла двинуться дальше и задержалась на окраине села.

Дивизия и 42-й Донской полк отходили в Б. Белозерку. Марковцы шли как тени, едва держась на ногах от усталости. Иногда кто-нибудь бросал слово, фразу. Слышат или не слышат другие? Но одна фраза дошла до сознания всех: «Ген. Третьяков застрелился». На нее отозвались вяло, машинально: «Застрелился!?»

Перед полуночью дивизия втянулась в Б. Белозерку. Некоторое оживление: наконец-то подъехали кухни. Быстро поели, быстро заснули, выставив тут же, у деревни, охранение. Тяжелые, очень тяжелые были для Марковцев последние двое суток.

***

Но донесся слух до Севастополя, до Феодосии — «Марковская дивизия разбита». Он много лет спустя будет утверждаться как факт в книге «Корниловский Ударный полк» в такой форме:

«Корниловская дивизия вынуждена была отойти от В. и Н. Рогачика потому, что 2-я конная армия разбила Марковскую дивизию, соседнюю с Корниловской, и угрожала флангу и тылу последней».

Марковцы твердо опровергают это. Дивизия их разбита не была и не она вызвала оставление Корниловской дивизией ее участка.

События же протекали, сообразуясь с книгой «Корниловский Ударный полк», так:

13 октября Корниловцы на своем левом фланге оставили Н. Рогачек, а на правом — с. Б. Знаменка, и это в день, когда только к вечеру Марковская дивизия пришла в с. Днепровка. Марковская дивизия стала в положение, имея более серьезную опасность своему левому флангу, нежели Корниловцы своему правому.

14 октября Корниловцы сдерживали наступление противника на с. В. Рогачек, в то время как Марковцы целый день вели бой у села Днепровка, имея под угрозой слева свой тыл со стороны наступающей на Корниловцев 21-й кавалерийской дивизии красных.

В ночь на 15 октября Марковцы отошли в село Б. Белозерка, став на линии Корниловцев. Но в эту ночь Корниловская дивизия ушла на юг в ударную группу ген. Кутепова. Вывод ясный: Марковская дивизия ни на минуту не ставила Корниловскую под удар. Вернее, наоборот.

Была ли Марковская дивизия разбита? В опровержение достаточно привести выдержку из советской книги «Разгром Врангеля».

«46-ая и 3-я стр. дивизии, подчиненные ком-щему 2-й кон. армии, (наступали) на Елизаветовку и Днепровку. Здес же наступала и 2-я кавалерийская дивизия, получившая задачу содействовать пехоте. Этим частям удалось выбить части Марковской пех. дивизии из Днепровки и Елизаветовки и нанести ей частичное поражение, взяв в плен до 1.000 человек».

«Удалось... нанести ей частичное поражение» и только.

В чем же выразилось «частичное поражение»? В оставлении Днепровки и в больших потерях, достигающих за два дня до 800 человек, около четверти состава дивизии. Из этого числа около 300 раненых было эвакуировано; много убитых и раненых, которых не успели вынести; но больше всего сдавшихся в плен из числа последнего пополнения. Но вопрос — откуда же указанная красными цифра в 1.000 пленных? Очевидно, раз они указывают на бой у с. Елизаветовка, то какое-то число пленными понес и 42-й Донской полк.

Второе доказательство противного покажут последующие бои Марковской дивизии.

В БОЛЬШОЙ БЕЛОЗЕРКЕ

15 октября — день, назначенный красным командованием для перехода в наступление по всему фронту Русской Армии. Об этом известно.

Ночь проходила совершенно спокойно. Все спали крепким сном и только командный состав всех степеней не мог воспользоваться ни часом сна. Под утро он уже «на ногах» — нужно осмотреться на незнакомой местности, приготовиться к наступлению врага. Новая забота: 42-й Донской полк ушел на присоединение к своим частям и нужно занять его место. Село в лощине. Оно растянулось по ней двумя-тремя улицами на 10 верст. Дивизия могла занять только восточную часть его, на три версты протяжением. Ей нужно выставить охранение по крайней мере на три стороны: на север — на бугры, не ближе как в версте; на восток, где лощина идет в сторону противника, не ближе как в двух верстах; (Донские части — две конных дивизии в с. М. Белозерка, в 15 верстах) и на запад, где Корниловцев уже нет и, вообще, нет никаких частей. Дивизия, в сущности, в отрыве от всех; она одинока.

Во время утренних перестановок подъехали кухни; пришлось есть наспех и кое как; кашевары объясняли свое ранее прибытие тем, «чтобы вы могли спокойно пообедать, пока красные не наступают».

Наконец, все как будто утряслось. Оживленные разговоры и главная тема — смерть ген. Третьякова. Но как она сложна и тревожна. Каковы причины, побудившие генерала к самоубийству? Кто его заместил? Что же дальше? Самое тревожное было в том, что в дивизии не находили лица, которому бы верили в полной степени.

***

Вот что писал полк. Докукин, помощник нач-ка дивизии:

«В действиях Марковской дивизии в Крыму и Таврии генералу Третьякову не везло. Малый состав дивизии, отсутствие пополнения, большие участки, постоянные бои изматывали дивизию и не давали ей возможности вполне развить свой успех. Все это создавало трения с высшим командным составом и ген. Третьякову начали предлагать места в тылу.

«Ген. Третьяков, после похода на Водяное, усталый физически и морально, придя к себе лег отдохнуть. Вскоре он проснулся и вышел на крыльцо своего дома, прислушиваясь к стрельбе, раздававшейся за селом. Поговорив со мной, с кем-то поздоровавшись, вернулся к себе. В его комнате раздался выстрел.

«Под звуки все разгоравшегося боя, завернутое в бурку тело ген. Третьякова было погружено на подводу и в сопровождении офицера и конвоя отправлено в тыл.

«О смерти нач-ка дивизии не было сообщено в части».

Из записок полк. Батенбиндера, нач-ка штаба дивизии:

«С некоторых пор я стал замечать перемену в образе мышления генерала и манере держать себя; перемены, которые наводили на размышления.

...«Генерал прервал молчание. «Да! Для одних гражданская война — пикник, а для других — ад кромешный». Я заерзал на своем стуле. Ход мысли его мне не понравился. Это был человек, который не допускал никакой критики начальствующих лиц и всего того, что происходило вокруг нас. Он обрывал всякого зарвавшегося. И вдруг, такое заявление, похожее на критику. Странно. Я посмотрел на нахмуренное лицо генерала и не ответил ничего.

«В результате последнего ночного боя мы снова пережили бессонную нервную ночь. Опять утомились, опять все готовились прилечь. Я предварительно зашел в комнату службы связи. Дежурный телеграфист подал мне кипу телеграмм, поступивших в течении ночи. Первая телеграмма гласила, что ген. Третьяков назначается комендантом крепости Керчь, а нач-ком Марковской дивизии — ген. Пешня, ком-р бригады Корниловской дивизии. Человек на войне привыкает ко всякого рода неожиданностям, но это было сверх всякого ожидания. Не было никаких причин отчислять генерала от командования дивизией. Дивизия в последнее время вела целый ряд удачных боев. Генерал был представлен к ордену св. Николая Чудотворца. И вдруг — отчисление. Я ровно ничего не понимал. Как генерал будет реагировать на это отчисление? Как он, старый Марковец, сдаст дивизию ген. Пешне, приезд которого можно было ожидать с минуту на минуту?

«Я был неспокоен. Я решил пойти в столовую и выпить чашку чая. Как бомба влетел в столовую один из офицеров штаба и доложил: «Начальник дивизии застрелился».

...«Кровь медленно текла у него изо рта. На полу валялся револьвер. На столе телеграмма об отчислении и на ней листок — предсмертная записка генерала:

«В смерти моей обвиняю генерала... и окружающую его свору». Добавлю еще, что впоследствии выяснилось: один из этой группы людей был красный».

С этой запиской полк. Докукин немедленно выехал в штаб армии.

Приблизительно в полдень по всем частям Марковцев распространилась новость: приехал ген. Манштейн принимать дивизию. Все оживились, спадало беспокойство, росла уверенность. Марковцы не знали лично ген. Манштейна, но о нем много слышали и не только как о «безруком чорте», как его называли, но и как о помощнике нач-ка славной Дроздовской дивизии.

Едва генерал пришел в штаб, туда по вызову спешили все старшие нач-ки частей. К делу было приступлено немедленно.

Ген. Манштейн прежде всего заявил, что он назначен временно ком-щим дивизией вместо ген. Пешня, принявшего Корниловскую дивизию, так как ее начальник ранен. Затем он осветил обстановку на фронте. Сегодня, 15 октября, армии красных на всех участках перешли в решительное наступление. 2-й армейский корпус оттягивается к Перекопу и будет защищать его. Ударная- группа, к которой подходит Корниловская дивизия, должна не дать 1-й конной армии противника отрезать Русскую Армию от Крыма. 3 армейский корпус еще удерживает свои позиции, но конный корпус красных ведет наступление вдоль Азовского моря на Мелитополь.

Марковской дивизии дана задача сдерживать наступление 2-й конной армии противника и не дать ей возможность быстро продвинуться на юг и охватить фланг и тыл ударной группы ген. Кутепова. Дивизии придется иметь дело на первое время, по крайней мере, с двумя кавалерийскими и одной стрелковой дивизиями красных. Наступление их нужно ожидать с часу на час.

Расспросив о расположении частей и о выставленном охранении, ген. Манштейн приказал занять более тесное расположение; штабам быть ближе к штабу дивизии; обозам и батареям быть ближе к выходу из села на д. Пескошино; Конному дивизиону усилить разведку и наблюдать в западном направлении.

Затем он расспросил о численности полков и степени их надежности. В ротах 1 и 2 полков по 50—70 шт.; 3-го — до ста. Сомнение в благонадежности высказал лишь ком-р 3 полка и то только относительно последнего пополнения. «Сколько его?» «До 400 человек». Без колебания ген. Манштейн приказал отправить его в тыл в запас. бат-н.

Затем он перешел к теме ведения боя. Он говорил коротко, сжато, ясно. Дивизия примет бой на возвышенности к югу от села, в строю —

каре: передний фас — 2 полк, правый — 3-й, левый — 1-й; в тылу — Конный дивизион. Полки, бат-ны, роты, команды в руках своих командиров. Спокойствие, выдержка. При отбитии кавалерии — роты в густых цепях и даже в двухшереножном строю. Пулеметные команды не должны дробиться, их место в интервалах пехотных частей; они — летучие резервы. В бою — короткие решительные удары. Не увлекаться местным успехом без оценки общего положения. Сказав: «Мой заместитель ген. Гравицкий», — ген. Манштейн отпустил начальников.

Всего около часа с небольшим ушло на это совещание. Нач-ки расходились с чувством — все ясно. Придя в свои части, они приступили к делу. И уже по тому, как передавались распоряжения, все Марковцы почувствовали: теперь мы — сила. Все беспокойство отпало.

В записной книжке одного из них в этот день было внесено: «У меня настроение праздничное». Дивизия переродилась в короткое время: к 15 часам молодой генерал чудесно превратил ее в боевой организм высокого духа; он, дух ее отдельных закаленных в испытаниях чинов, вдохнул в дивизию в целом.

О ген. Манштейне нач-к штаба дивизии, полк. Битенбиндер записал так:

«Тяжелый инвалид, левая рука у него была отнята до плеча, он был дитя гражданской войны, но на ее полях он стал на ноги, сделал себе имя. Гражданская война для него была открытая книга и он читал ее с закрытыми глазами. Обстановку он схватывал на лету, реагировал на нее мгновенно и, можно сказать, безошибочно. Молодой генерал, но старый боевой практик. Приехал он в Марковскую дивизию как к себе домой и быстро аклиматизировался на новом месте. Это понятно: все мы были мазаны одним миром».

Счастливая случайность — день принятия дивизии ген. Манштейном прошел совершенно спокойно.

16 октября. Ночь была тоже спокойной, но ожидание утра заставило всех напречь свои нервы. Еще вечером передавали, что красная кавалерия вошла в западную часть села. Быстро менялась погода: накануне выпавший снег растаял, вызвал грязь, но ночью похолодало снова, стал падать снег. К утру уже был настоящий мороз. Лучше мороз, чем тепло и грязь. Однако выпал туман — самое неприятное явление.

Начало светать. Верхний слой тумана все более и более белел, но внизу видимость увеличивалась слабо и едва достигала 30—50 шагов. Ничего не слышно. Туман слился с пеленой снега и оба они скрадывали звуки. Неожиданно на восточную окраину карьером из тумана выскочили всадники, подводы, пулеметные двуколки, нагруженные людьми. Оказалось, кавалерия внезапно налетела на хутор, в котором стояла застава 3 полка — рота в 60 шт., 20 всадников от конной сотни и 4 пулемета, и смяла ее. Около 25 человек из роты успели спастись на под-

водах и двуколках. Выскочили все пулеметы и всадники. Остальные были захвачены красными. Командир роты застрелился.

Немедленно поднята тревога. Но не успела она дойти до всех, как послышалась стрельба в охранении 1 и 2 полков. Полки стали быстро выходить на южные бугры, туда же мчались обоз и батареи. Что происходило перед селом, с бугров видно не было, а между тем из охранения донесли о наступлении пехоты и кавалерии. Через короткое время стрельба уже шла в самом селе, куда с востока и запада ворвалась кавалерия, захватив там часть обоза. Из-за тумана батальоны и батареи были совершенно слепы и молчали. Из села выскакивали кучки пробившегося охранения, отдельные подводы. На правый фланг 3 полка наскочила кавалерия, моментально рассеянная огнем.

Дивизия остановилась верстах в полутора от села, приняв боевое расположение. Уже видны контуры южной окраины; батареи стали на позиции. В это время из села показались густые цепи пехоты перед всем фронтом дивизии. Они шли быстрым шагом. Батареи, а за ними пулеметы и бат-ны открыли огонь. В 1.000 шагах красные вынуждены были залечь. На левый фланг 2 полка и правый 1-го мчалась кавалерия. Ее атаку отбили.

Стало совершенно светло. Туман быстро рассеивался. Поражаемая огнем красная пехота отползала назад. Огонь стихал. И вдруг, стоявшая за правым флангом полка, батарея открыла беглый огонь. Она стреляла не в северном и даже не в восточном направлении, а в южном. Там лава противника атаковала отходивший обоз. Она налетела на него, но меткий огонь батареи, сопротивление находившихся в обозе чинов и атака Конного дивизиона отбросили лаву. Она скрылась в лощину, уведя с собой с десяток подвод. Несколько Марковцев было зарублено.

Глубоко на флангах висели разъезды красных. Охватывающие ее расположение лощины давали красным возможность атак на фланги и тыл. Ген. Манштейн стал отводить дивизию, принявшую построение каре. Оно было на виду у всех. В центре его, на дороге, развевался флажок дивизии. Вправо и влево от него, на версту-две, местность отлично наблюдалась.

Едва дивизия прошла полторы версты, как на ее флангах появились лавы, шедшие рысью на сближение; поднялась и пехота красных. Каре Марковцев остановилось. Батареи стали на позиции веером. Атака. Но лавы, встреченные огнем батарей и пулеметов, а местами и залпами рот, потеряли порядок и повернули назад. Отойдя на две версты, остановились и стали приводить себя в порядок. Остановилась и пехота. Белоснежное чисто поле покрылось темными точками, ползущими, лежащими без движения, пятнами от разрывов снарядов.

Каре Марковцев снова начало отходить под прикрытием артиллерии и пулеметных взводов, становившихся по очереди на позицию. Так дивизия отходила еще версты две-три, когда снова лавы красных приблизились к ней и стали угрожать новой атакой. В это время со стороны

красных уже стреляло несколько батарей как с фронта, так и с флангов. Главным образом они били по центру каре, по дорогам и по батареям.

Наконец красные атакуют. На этот раз их атака не была одновременной на всем фронте. Бой оказался более длительным и более напряженным, но всюду они отбиты. Дивизия снова отходит и вскоре снова останавливается. С фронта вместо отставшей пехоты разворачиваются новые лавы; на флангах их пулеметы, непрерывно ведущие огонь по каре. Две батареи бьют по левому флангу 2 полка.

Лавы атакуют 2 полк. Отброшенные, они снова летят на полк. На 1 и 3 полки — более слабые атаки. 2 полку очень тяжело. Убит ком-р бат-на, полк. Грекалов, смертельно ранен ком-р другого, полк. Замаруев. В рядах замешательство. Туда скачет ген. Манштейн. Карьером туда несется пулеметная команда 1 полка. 2 полк донес, что у него на исходе пулеметные ленты. Увидев нач-ка дивизии, полк пришел в порядок. Атака отбита.

Дивизия быстро отходит все в том же трехстороннем окружении, усугубляющемся более глубоким и более сильным охватом лав. Стрельба с обеих сторон непрерывная. Так она подходит к д. Пескошино. Деревня в низине, за ней бугры. Единственный путь для обозов, батарей, пулеметных двуколок — через деревню. Дивизия вынуждена проходить ее по частям, вынуждена сжаться. Красным видно ее тяжелое положение. И вот, в то время, когда батареи карьером мчались через деревню, чтобы занять позиции за ней и поддержать огнем задержанные для прикрытия 2 и 3 полки; в то время, когда 1 полк чуть ли не бегом спешил выйти за деревню, красные перешли в атаку. Полки отбили атаку лав, в иных местах в 200 шагах от них.

Дивизия прошла Пескошино и приготовилась к продолжению боя на буграх, но к удивлению всех кавалерия строится в колонны и уходит назад по дороге на Б. Белозерку. Причина стала известна на следующий день: Донцы налетели на Б. Белозерку и разгромили там 46-ю стрелковую дивизию.

Приближался вечер. Дивизия, согласно сброшенному с аэроплана приказанию, направилась быстрым маршем в с. Веселое, куда и пришла поздно ночью. Выставив охранение, расположилась по квартирам. Несмотря на 35-тиверстный переход и сильную усталость, несмотря на то, что в течении дня все оставались без пищи и на морезе в 10 градусов, Марковцы далеко не сразу поддались усталости. Они находились в сильном возбуждении от только что проведенного боя с пехотой и особенно с кавалерией. 18 верст в течении 8 часов они отбивались от двух кавалерийских дивизий — 2-й и 21-й.

Имя ген. Манштейна с восторгом повторялось всеми.

— Давно нам нужен был такой начальник! Другого начальника нам не надо.

А молодой генерал, не сдерживая тоже своего восторга, повторял:

— Как на инспекторском смотру! Бой — как не провести и на учебном поле!

За день дивизия потеряла немногим более 200 человек, из которых половина приходилась на погибших утром в заставах.

Минувший день, 16 октября, был вторым днем наступления всех армий южного фронта красных. С востока кавалерия подходила к Мелитополю, на севере красные заняли Михайловку, на северо-западе их постигла неудача: части 2-й конной армии сдержаны Марковской и Донскими дивизиями. До перешейков Крыма с этих участков красным оставалось до сто верст.

Но грозное положение создалось на южном участке фронта.

Предполагалось заранее, что 1-я конная армия красных сразу же прорвется к Сивашу и вдоль него к восточным перешейкам Крыма, чтобы отрезать от них находящиеся к северу войска Русской Армии. А поэтому были приняты следующие меры:

В Ново-Дмитриевке, у Сиваша, в 10 верстах к западу от ст. Н. Алексеевка, стал запасный Корниловский полк; в Рождественском, в 15 верстах от ст. Рыжково — отряд пеших Дроздовцев 2 конного полка и Терско-Астраханцев, к которому подошел запасный бат-н 3 Марковского полка с 6 пулеметами учебных курсов 2-й армии. Между этими выдвинутыми частями было до 20 верст.

На непосредственной охране жел. дороги стали: на ст. Н.-Алексеева — запасные бат-ны 1 и 2 Марковских полков с бронепоездом и конной сотней штаба 1-й армии; на ст. Рыково — Марковская инженерная рота и другие части под командой полк. Марченко, назначенного снова командиром 1 полк, но ввиду начавшихся боев, задержанного на ст. Рыково.

Для обороны перешейков на Чангар — части из Крыма и зап. полк Марковской дивизии у д. Ярошик; в Геническе — небольшой сборный отряд.

По плану ген. Врангеля, части 1-й конной армии красных, устремившиеся на восток, должны быть сдерживаемы указанными частями, а ударная группа армии ген. Кутепова быстрым маршем к югу прижмет их к Сивашу и нанесет им поражение.

К вечеру 16 октября две кавал. дивизии противника находились уже в 35 верстах от восточных перешейков.

17 ОКТЯБРЯ. ОКРУЖЕНИЕ АРМИИ

Красная кавалерия сметает запасный полк Корниловцев, подходит к Сальковскому перешейку на Чангар, пересекает жел. дорогу и обходит с востока в тыл, занимающие ст. Н. Алексеевка, запасные бат-ны 1 и 2 Марковских полков, разбивает их, уничтожив последний очаг сопротив-

ления — роты кап. Тарковского, офицера из фельдфебелей, первопоходника. Красные действовали смело и где нужно — в пешем строю. Они захватили и сошедший с рельс бронепоезд.

На Рождественское бригада кавалерии повела наступление во второй половине дня. Запасный бат-н Марковцев занимал средний участок между Дроздовцами и Терско-Астраханцами. Первый налет красных был отбит, но затем они пустили в ход свою артиллерию, которая с открытой позиции (в отряде орудий не было) обрушилась беглым огнем по стыку между Дроздовцами и Марковцами. Атакой в этом месте красные ворвались в село, но не могли развить успеха. Однако было приказано село оставить и отходить. Бат-н Марковцев потерял до 200 человек.

Атаки красных продолжались. Были моменты, когда казалось, сомнут они Дроздовцев, громя их орудийным огнем. Отбивались на левом фланге и Терско-Астраханцы, угрожаемые ударом во фланг. Марковцы отбивались на две стороны. Но атаки красных слабели и, наконец, прекратились. Они собрались в колонны и ушли в село.

Наступила ночь. Зап. бат-н 3 полка потерял связь и с Дроздовцами и с Терско-Астраханцами. За отсутствием верховых, установить ее не удалось. Попав на какую-то дорогу, бат-н пошел по ней. Впереди зарево и, вдруг, сильный взрыв. Колонна остановилась и через некоторое время ее голова поворачивает назад.

— В чем дело? — спрашивает идущего обратно ком-ра бат-на ком-р арьергардных рот.

Ответ показал, что ком-р бат-на не отдает себе отчета ни в чем, и нач-к арьергарда решает действовать самостоятельно. Инстинкт подсказывает: зарево, вероятно, на ст. Н. Алексеевка — там красные; взрыв влево — красные подорвали жел.-дор. полотно. Но может быть они еще не дошли до Геническа? Итти туда.

У дороги хутор. «Был ли кто здесь?» «Были конные. Много. И ушли на Рыково». Взяв проводника, две роты и два пулемета быстрым маршем шли в Геническ, до которого 15 верст. Зарево пожара остается вправо. «Это на Н. Алексеевке», — говорит проводник. Влѐво всходит луна и видимость 1.000 шагов. Нагоняет ком-р бат-на с двумя ротами и 4 пулеметами. На фоне восходящей луны показывается лава и открывает огонь. Момент и опять остаются только две роты. Два пулемета залились огнем. Красные отстали. Через некоторое время роты подошли к Геническу, в котором оказались свои, и заняли позиции в окопах с проволочным заграждением, к великой радости подъехавшего полковника, нач-ка обороны города. Ком-ра бат-на и его рот с этого времени не видели и о них ничего не мог сообщить нач-к обороны. (Для того, чтобы правильно судить о происшедшем, нужно иметь в виду, что ком-р бат-на прибыл в Марковскую дивизию только в Сев. Таврии).

Часа через два влево от Марковских рот поднялась сильная ружейная стрельба и вскоре прискакал нач-к обороны и приказал: «Немедленно на переправу». Где найти, как дойти до нее, неизвестно. Случайно,

на пороге одного дома оказался человек, который указал дорогу. Когда роты около церкви сворачивали к мосту, они попали под обстрел красных с расстояния в несколько десятков шагов. Через мост от рот перешло лишь человек 50—60 с пулеметами. В версте за переправой на укрепленной позиции стояла какая-то часть.

Геническ был взят спешенной кавалерией. Главная масса Русской Армии оказалась отрезанной от Крыма. Красные, однако, не смогли взять предмостные укрепления на Чангарском полуострове.

***

В этот день, 17 октября, Марковская дивизия перед рассветом выступила из с. Веселое и, пройдя 30 верст, остановилась в 30 верстах к юго-западу от Мелитополя в трех немецких колониях, войдя в подчинение ком-ру 3 армейского корпуса, ген. Скалону, с задачей обеспечивать левый фланг II армии.

Донцы прогнали колонну пленных в 3.000 человек. Мороз трескучий. Несмотря ни на что, Марковцы не могли не ввести в сараи и конюшни своих лошадей. Они рисковали многим, имея охранение тут же у самых колоний. Трудно понять овладевшее ими спокойствие; он не нарушилось даже вестью, что армия отрезана от Крыма.

18 октября. Внезапный подъем в 2—3 часа ночи и дальнейший поход форсированным маршем. Далеко впереди видны вспышки орудий и доносится гул арт. стрельбы. Ясно: армия отрезана. Решение: «Будем пробиваться!»

Светает. Влево видны жел.-дор. составы. Дивизия шла, а составы продолжали стоять: жел. дорога перехвачена противником.

***

В течение 15 и 16 октября в Мелитополь прибыли сотни Марковцев, раненых в последних боях. Госпиталя были переполнены и раненым, могущим ходить, предлагалось любыми способами направлять в Крым. Говорилось — красные приближаются, а когда будет подан состав для эвакуации госпиталя, неизвестно. Марковцы направились на станцию, в надежде погрузиться в какой-либо состав. Как раз отходил санитарный поезд II армии и в него втиснулось до 50 Марковцев и Корниловцев. Стоять пришлось на площадках вагонов. Мороз побудил их «оккупировать» вагон медицинского персонала.

Не доезжая верст двух до ст. Акимовка, поез достановился, упершись в впереди стоявший состав. Стоит час, другой, третий... Разнесся слух: путь взорван и перерезан красными. Началась паника — срывание погон; кто мог, оставлял состав и уходил. Но Марковцы и Корниловцы не потеряли хладнокровия. Они решили выслать на станцию разведку, чтобы узнать о действительном положении и, во всяком случае, без сопротивления не сдаваться. На разведку пошло четверо, а остальные

стали вооружаться, собирая в поезде оружие. Их выдержка успокаивала многих. На станции, среди других, стоял поезд штаба II армии. В нем полное отчаяние: связь со следующей к югу станцией есть, но у перешейков — противник. Однако говорят о какой-то надежде. 10—15 минут ожидания «надежды» показались вечностью. Доколе ждать? Марковец входит в комнату, где телефоны, и обращается к сидящему у аппарата офицеру:

— Разрешите поговорить по телефону.

Следует отказ. Тогда повторяется просьба уже властным тоном и от имени группы Марковцев и Корниловцев и телефонист уступает.

— У телефона Марковцы... — и не успев сказать дальше и слова, Марковец слышит:

— Передаю трубку ген. Кутепову.

Три-четыре фразы и Марковец отходит от телефона с сияющим лицом. Ген. Кутепов сказал: — Будьте спокойны! Все будут вывезены.

С такой радостной вестью «разведчики» вернулись в свой состав, где терпеливо и с полным доверием в течении почти трех часов их ждали однополчане. И действительно, этот санитарный поезд через несколько часов тронулся и, хотя с длительными остановками, прошел в Крым.

***

Дивизия подходила к ст. Сокологорная. Вправо, на запад видны разъезды. Красные! Юго-западнее слышна арт. стрельба, теперь уже не столь отдаленная. Это не так волнует Марковцев, как то, что видят влево на жел. дороге, к которой они приближаются: составы с мертвыми паровозами — эвакуация, задержанная противником — замерзшая на 15-тиградусном морозе.

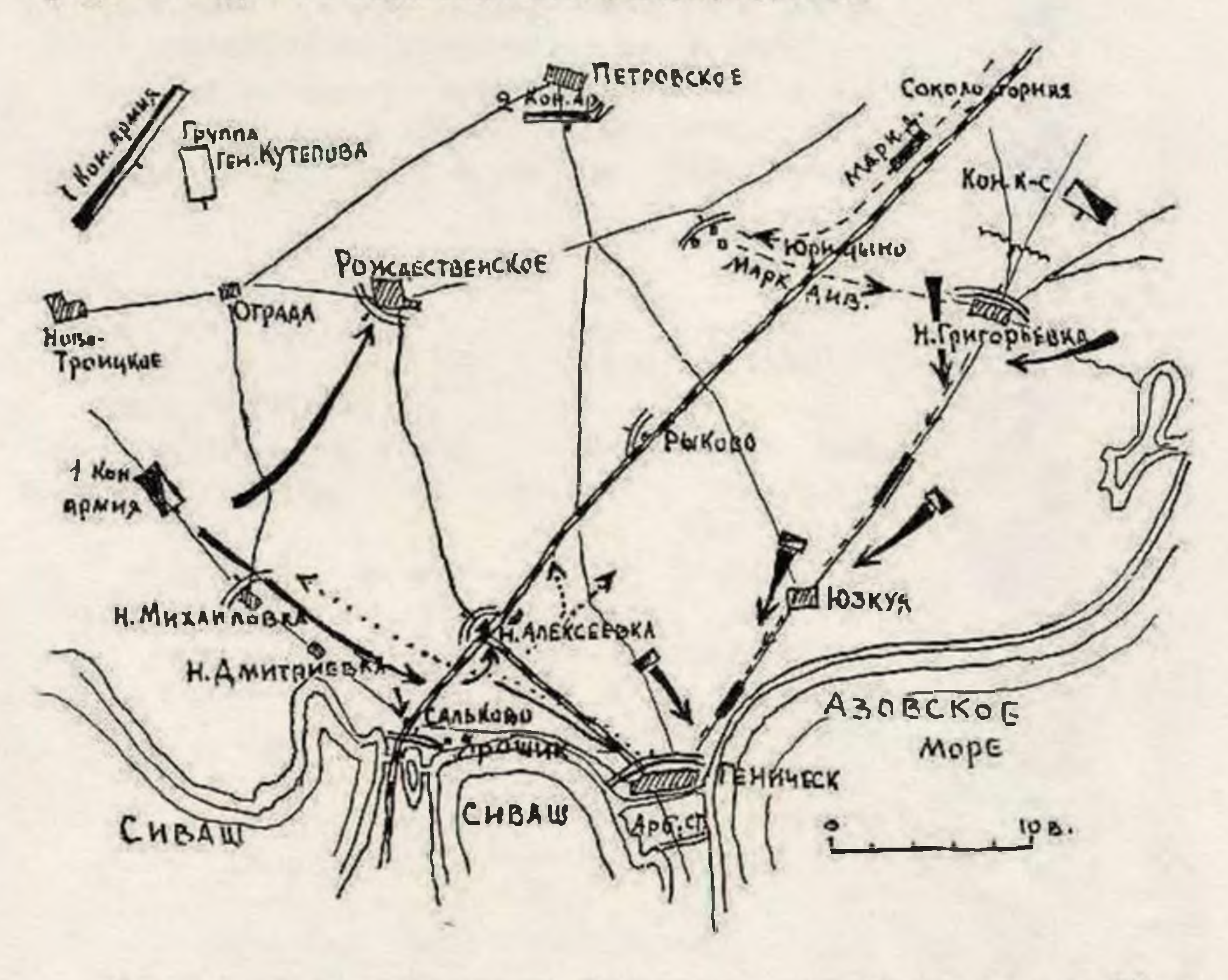
Около 16 часов дивизия остановилась на ст. Сокологорная. Все постройки забиты промерзшими и уставшими после 30-тиверстного перехода бойцами. Согревались чаем и с волчьим аппетитом ели выданную из кухонь горячую пищу. Им ничего не сообщают об обстановке. Некоторые пошли в здание вокзала в надежде узнать «кое что». Там у телефона сидел нач-к штаба дивизии, полк. Битенбиндер, и вел с кем-то разговор. И вот, он отрывается от телефона и сообщает: 3-я Донская и 7-я пех. дивизии очистили путь в Крым. Этого было достаточно, чтобы спокойно пойти к своим. «Иначе и не могло быть!» — так решили все.

Часа через три, уже надвигающейся ночью, дивизия тронулась, взяв направление на юго-запад, удаляясь от жел. дороги и пройдя верст 15, остановилась побатальонно в группе хуторов, в 7—8 верстах от ст. Юрицыно, в полной боевой готовности. Она находилась теперь всего лишь в 15 верстах от своего 1-го корпуса .

Мороз. Батареи, пулеметы на позициях. Каждые полчаса смена пулеметов для согревания воды в них и смена постов. Дома забиты. Совершенно не до сна. Все устали, многие натерли ноги. Заметно поредели ряды. Конечно, многие решили отстать, а часть, будучи не в силах сле-

довать с дивизией, шла самостоятельно вдоль жел. дороги. Начальники уже ничего не могли предпринять; у них была одна мысль: как-нибудь сохранить кадр своих частей. В полках не было внешнего порядка, но дисциплина сохранялась в полной мере.

Где-то стороной, чтобы не попасть в руки красных, и впереди, шли обозы дивизии. Они взяли направление на Геническ, прибыли туда и были поражены: Геническ только-что освобожден от красных. Видны следы бывшего здесь боя. Узнали и более утешительные новости: красные отброшены от перешейков; свободны пути в Крым. Город настолько забит отходившими обозами, что марковским пришлось бы ждать долгие часы, чтобы уйти за переправу, и они решили отправиться к переправам на Чонгар. Там, у д. Ярошик, охраняемой Марковским запасным полком, обозы вышли на Чонгарский полуостров, видя забранные у красных трофеи: 4 орудия с зарядными ящиками, пулеметы...

Здесь узнали, что красная кавалерия отскочила верст на 30 к западу от жел. дороги.

19 октября. Ночь для дивизии прошла без тревог. Она «отдыхала», поскольку не «отмеривала версты» и не вела бой. Два дня она не вела боя и он ожидался с утра.

Рассвет. К западу загремели орудия, но перед дивизией лишь разъезды красных. Все готовы. И вот, бат-ны строятся и... идут в обратном

направлении, к железной дороге. У Юрицино полки переходят ее, идут в том же восточном направлении и, пройдя 15 верст, приходят в большое село Ново-Григорьевку. Где-то слышны раскаты арт. стрельбы, а здесь спокойно и, к огромному удивлению и удовлетворению, все располагаются свободно по квартирам, но в «полной боевой готовности».

В селе оказался бат-н немцев-колонистов, несший наблюдение в сев.-вост. направлении. Дивизия выставила охранение на север и сев.-запад. Отличное наблюдение гарантировало от всяких неожиданностей.

Марковцы решили использовать удобную стоянку как для себя, так и для лошадей. Сами не только освободились от снаряжения и обмундирования, но и готовились к омовению тел: ведь с Александровска ничего не снималось с них. Лошадей не только выпрягли и сняли с них сбрую, но и ввели в теплые помещения, задав хороший корм. Готовились и сами хорошо поесть благодаря добрым хозяйкам богатого села. Не терялось ни одной минуты.

Заработало «солдатское радио». Оно говорило о нанесении противнику огромных потерь за попытку отрезать армию от Крыма и о том, что теперь Армия готовится перейти в наступление. Но почему-то Марковскую дивизию снова оторвали от корпуса и поставили на самый правый фланг.

Принесло «радио» и тревожную весть: ген. Манштейн заболел, хотя и не оставил еще штаба. «Не везет дивизии. В прошлом году в критический момент заболел ген. Тимановский, а теперь, в такой же момент, ген. Манштейн».

Но отдых оказался весьма коротким. Не прошло и трех часов, как батареи открыли огонь. Из лощины, в 2—3 верстах к северу, на село рысью наступали густые лавы. Показались лавы и с востока. За ними — цепи пехоты. К ротам в охранение поскакали пулеметы. Приказание: частям дивизии выйти на бугры к югу от села.

Загремели батареи красных по селу и очень удачно. Образовались пробки. Лавы охватили село и ворвались в него. Отходившие роты охранения отбивались с трех сторон; с трудом отошла рота шт.-капитана Карнышева.

Но полки уже разворачивались на буграх и батареи открыли огонь. По ним били красные батареи. Кавалерия, охватив село и заняв его, стала обходить дивизию с флангов. Но дивизия в каре отбивает наскоки и переходит в наступление. Кавалерия, сильно расстроенная пулеметным и орудийным огнем, отходит. В центре села встреча с красной пехотой, которая также вынуждена отходить, а против левого фланга и бежать; их лавы карьером летели назад.

Село занято. Выяснилось, в тыл наступавшим красным ударила конная бригада Донцов и взяла 500 пленных и 3 орудия. Выяснилось, что наступление вели две кавалерийских дивизии и одна стрелковая.

Не больше трех часов продолжался бой. Поразил он Марковцев всем: и массой наступавшего противника, и быстротой наступления, и

силой арт. огня; поразил их и тем, как они сами, совершенно неготовые к бою, с поразительной быстротой... выскочили из села и перешли в наступление. И потеряли они всего 50 человек и несколько подвод. И только по окончании боя поняли, почему их дивизию перевели к востоку. Красные, заняв Мелитополь, бросили кавалерийские дивизии вдоль Азовского моря в обход Русской Армии справа. Это им не удалось.

Теперь Марковцы расположились скученно в южной части села; в нем остановилась и бригада Донцов.

20 октября. Ночь прошла спокойно. Ушел бат-н немцев, а под утро и Донцы. Дивизия одна. Часов в 6 утра — приготовиться к выступлению. Говорили — к наступлению. Все готово. Хорошо отдохнули.

Едва рассветало, как показались лавы и цепи красных, идущие на село с охватом его с двух сторон, но без прежней быстроты и уверенности. Дивизия опять вышла на бугры к югу. Атаку красные начали пехотой, а затем и кавалерией с флангов. Но рассеянные огнем, цепи и лавы откатились назад. Центр дивизии контр-атакой вошел в село, взял пленных и пулеметы, но был отозван обратно. Дивизии приказано спешно отходить в Геническ.

Ей предстояло пройти 30 верст. Быстро свернувшись под прикрытием 1 полка, она тронулась форсированным маршем. Пехота красных отстала, но кавалерия повела параллельное преследование на флангах. Все ее попытки атаковать, отбрасывались огнем. Так пройдено было 20 верст до с. Юзкуя. За селом давление кавалерии усилилось. 1 полк и вся дивизия временами должны были останавливаться, чтобы отбивать атаки. Одна остановка была особенно длительной, когда атаку пришлось отбивать с трех сторон. Батарея красных била по каре. Среди него стали рваться тяжелые снаряды, выводившие из строя людей и лошадей. Оказалось, стреляла своя Азовская флотилия.

До Геническа уже оставалось немного. Близость моря не позволяла красным охватить дивизию с востока, но усилилось их давление с тыла и с запада. Батареи и пулеметы вынуждены передвигаться по очереди, непрерывно ведя огонь. Противник задался целью не пропустить дивизию в город. Ей оставалось пройти всего лишь три версты. Атаки теперь были направлены в голову колонны новыми конными силами, подошедшими с запада. Их отбивали залпами, пулеметным огнем, в цепях стоящими батареями, Конным дивизионом. Преждевременный разрыв снаряда своего орудия вывел из строя несколько человек. Но колонна все же приближается к городу. Дорога свободна, но до города с версту. Там, на северной окраине, никого, кто бы поддержал дивизию. Последняя схватка: две батареи и несколько пулеметов карьером мчатся к городу, красные атакуют, но не успевают преградить им дорогу. Батареи и пулеметы, проскочив за проволоку, открывают огонь. Красные отскакивают и дивизия постепенно проходит за проволоку. Лавы рассеиваются огнем батарей и Азовской флотилии.

В ГЕНИЧЕСКЕ

Только с наступлением ночи вошла дивизия в город и сразу же стала на позиции, заняв 2-м полком восточную половину их, 3-м — западную, имея на своем левом фланге Марковскую инженерную роту, накануне пришедшую сюда со ст. Рыково и до прихода дивизии занявшую окопы; 1 полк — в резерве.

Ночь. Ветер. Мороз. Но есть спасенье в теплых домах, тут же за окопами. Марковцы провели день в огромном напряжении, теперь успокоились. Тишина. И вдруг, около 22 часов на участке 2 полка красные подошли к проволоке и стали метать ручные гранаты, стрелять из пулеметов, резать проволоку. Неслось их «ура». Момент-другой и все это было заглушено огнем орудий и пулеметов. Через полчаса наступила снова тишина, нарушаемая лишь стонами и криками за проволокой. Туда Марковцы не выходили; видны были лишь висящие поволоке люди... Но стихали на морозе и эти жуткие звуки.

Слышна была и отдаленная орудийная стрельба. Этой ночью там, на Чангарский полуостров, отойдут части Русской Армии. Марковский железно-дорожной роты шт.-кап. Залевский записал, что в 4.30 он взорвал жел.-дор. мост у ст. Сальково, после того, как прошла последняя часть Дроздовцев.

⁂

Ночью получен приказ, по которому на следующий день, 21 октября, дивизия должна оставить Геническ и через двое суток быть в районе ст. Владиславовка на линии Джанкой—Керчь, откуда будет переброшена на Перекоп. В приказе указывался порядок выхода частей из города по единственному мосту через канал, соединявший Сиваш с Азовским морем: с утра — тяжелые батареи и обозы, в 9 часов — 1-й полк со своими батареями, затем — 2-й и, наконец, 3-й, который прикроет отход.

Еще с приходом в Геническ, командиры тяжелых батарей и нач-ки обозов говорили о необходимости вывезти часть батарей и обозы из города за канал, объясняя это тем, что с утра противник безусловно атакует город, но уже с участием своей артиллерии, которая будет обстреливать переправу, дамбу и мост, и тогда могут возникнуть задержки. Когда был отдан приказ, этот вопрос встал снова. Ген. Гравицкий, принимавший из-за болезни ген. Манштейна большое участие в руководстве дивизией, «в категорической форме запретил эту переправу».

21 октября. Светало. Дамба с пол-версты длиной, старый, ненадежный мост, могущий пропускать лишь одну подводу или одно орудие, и опять дамба. И... колеса первой же гаубицы провалили настил моста. Кое-как пропустили ее. Нужно чинить мост и принимать какие-то меры, чтобы перевезти следующие.

В это время на передовой позиции... Туман. Видимость не далее, чем на 1.000 шагов. Открылась картина последней ночной атаки. На проволоке, за ней и дальше, насколько позволял видеть туман, лежали трупы людей и лошадей, разбитые и целые тачанки с пулеметами, оружие. Из взятых с убитых документов явствовало — наступали курсанты. Одеты они были в длинные щегольские шинели, папахи; поясные ремни и ремни патронташей белой кожи. Но рассматривать эту картину и даже подбирать пулеметы не пришлось: из тумана показались цепи. По ним открыт огонь, но они двигались перебежками. По окопам начали бить батареи; одна из них била в тыл по переправе. Бой разгорался на всем фронте Геническа. Только в одном месте красные ринулись было в атаку и добежали до уже достаточно разбитой проволоки, но этот скачек стоил им дорого.

К переправе выступил 1 полк. Он шел кратчайшими дорожками и по льду канала, а его пулеметы и батареи дорогой по дамбе. Но на дамбе без движения стояли подводы. Провалилась на мосту и вторая гаубица. Для переправы дивизии не было исследовано состояние моста, уже сильно пострадавшего при переправе обозов и батарей ранее прошедших частей. И только теперь к мосту вызывается часть инженерной роты, которая и приступила к починке, используя материал из ближайших построек. Время шло. Уже вправо и влево от дамы и моста ложились снаряды; лошади шарахались в стороны; сцеплялись подводы.

Наконец мост починен и подводы ринулись на него. Задержка за задержкой. Никакого порядка. Штаб дивизии не назначил коменданта на переправу. Ком-р 1-й батареи, стоявшей на дамбе, поручил это кап. Иегулову с разведчиками... Разведчики действовали круто.

Около 11 часов 2 полк получает приказание начать отход. Снимается бат-н, стоявший на правом фланге, у Азовского моря. Курсанты моментально прошли проволоку, стали распространяться по городу вдоль берега моря и вскоре дошли до канала, откуда им стала видна переправа и все творящееся на ней. Они открыли по ней ружейный и пулеметный огонь.

В первом вошедшем на мост орудии перебиты все лошади; их сбрасывают с моста, а орудие перекатывают на руках. Счастливо переезжают мост остальные орудия батареи. Но в следующей батарее в одном орудии падают две лошади, в другом — все шесть. Орудие катят на руках и скатывают с насыпи. Падают лошади всадников, падают люди; благополучно переходят канал те, кто рискнул итти по его льду. К счастью лед был крепкий.

Так перешел 1 полк и развернулся вправо вдоль канала. Он на виду у красных, стреляющих из-за зданий всего с 500 шагов.

«Неся потери с остановками для перемены лошадей, одна за другой двигались батареи и, по мере перехода через мост, орудия неслись по высокой дамбе и, пройдя с пол-версты, спускались вниз на песок и

немедленно открывали беглый огонь по юго-восточной окраине города, откуда из-за заборов и домов стреляли красные пулеметы».

А в городе? Вр. ком-щий 2 полком, полк. Кудревич, узнав, что творится на переправе, останавливает полк и ведет бат-ны в контратаку. Они продвигаются квартала на два... Они под огнем из улиц справа, от канала. Курсанты атакуют. Полк несет потери; его люди распыляются. Ранен полк. Кудревич. Полк не может исправить положение, как не смог его изменить и 1 полк своей атакой через канал. 2 полк держится. Для курсантов переправа по-прежнему на виду, хотя приблизиться к ней они не могут.

Около 15 часов. 2 полку приказано отходить, 3-му — держаться пока не отойдут все. Он постепенно отходит, оставляя квартал за кварталом. Красные наседают. Атака их задерживает отход двух рот 2 полка. Роты и 3 полк отбивают атаки. Бат-ны пполк. Чибирнова и кап. Стрелина бросаются в штыки и гонят красных; разметывают эскадроны кавалерии, готовящиеся к преследованию. Ком-р 3 полка, пполк. Сагайдачный, постепенно отводит свои части и роты 2 полка к переправе; отправляет пулеметные двуколки на мост.

— Стой! Мост взрывается! — кричат.

Сильный взрыв, клубы пыли, летят доски. бревна.

— Переправляться через канал, — приказывает пулеметчикам подполковник Сагайдачный.

Взрыв был сигналом для красных к новой атаке, но она замерла под огнем.

Канал в мертвом пространстве. Выпрягались из двуколок лошади, спускались с кручи двуколки, перекатывались по льду. Ппор. Шаблинский хотел переехать канал верхом, но неосмотрительно оказался вблизи разбитой снарядом проруби и пошел ко дну вместе с лошадью. Потери начались при подъеме из канала. Снова красные ринулись вперед, но залегли под огнем орудий и перешедших ранее рот.

Вся южная окраина Геническа в огнем, дыму и пыли от разрывов снарядов батарей и Азовской флотилии.

Наступала ночь; бой стихал.

Выносятся и вывозятся раненые и убитые с берега канала. Смертельно ранен ком-р 1 полка, пполк. Лебедев. Смертельно ранена сестра милосердия София Кирнос, перевязывавшая у моста раненых. Вывозится сброшенное с дамбы орудие.

1 полк отходит и занимает укрепленную позицию в двух верстах к югу от канала. 2-й и 3-й располагаются за ним в хуторах, забив все помещения.

У Марковцев отчаянное настроение. Все, что было героического и славного в бою, проведено помимо и вопреки «воли» штаба дивизии; все, что они испытали тяжелого произошло по «воле» штаба. Нач-к

дивизии болен и руководили ею другие. Заместителем был ген. Гравицкий. Его обвиняли прежде всего.

Потери огромны. 1 полк потерял до 150 человек и остался в составе 400 шт.; полк принял кап. Коломацкий. 2 полк потерял до 400 человек и в нем осталось едва 200 шт. 3-й потерял до 200 человек — осталось до 300 шт. Полками потеряно 10 пулеметов, много лошадей. Много лошадей выбыло в обозах. Особенно тяжелые потери в батареях: 30 человек убитых и раненых; убито 36 лошадей и 46 ранено.

***

«Не везет дивизии!» — снова и снова говорили Марковцы. И это «невезенье» покрывало горечь общей для армии неудачи — оставление Сев. Таврии.

Последние бои в Сев. Таврии дивизия начала 14 октября у Днепровки и окончила 21-го у Геническа — 8 дней; из них в боях — 6 дней и 2 ночи. Она прошла свыше 200 верст при лютом морозе. И из состава в 3.500 шт. в ней осталось едва 1.000 шт.

Потери распределялись приблизительно так: у с. Днепровка — 800 чел.; у с. Б. Белозерка — 200 чел.; у с. Н. Григорьева — 100 чел.; в Геническе — 750 чел. Всего — до 1.850 человек.

Кроме этих потерь, 400 человек, отправленных из Б. Белозерки в тыл, были перехвачены красной кавалерией и рассеялись. Запасные бат-ны дивизии потеряли до 1.500 человек. В Крым отошел лишь запасный полк с присоединившимися к нему чинами других запасных батальонов — до 2.000 человек.

***

Сводка Главнокомандующего приводит потери армии: 5 бронепоездов, 18 орудий, около 100 вагонов со снарядами и 10 миллионов патронов, 25 паровозов, составы с продовольствием и интендантским имуществом и около 2 миллионов пудов хлеба в Мелитополе и Геническе. Трофеи армии — 2.000 пленных, 15 орудий.

Красные источники дают следующие цифры трофеев: 20.000 пленных, свыше 100 орудий, масса пулеметов, до 100 паровозов и почти все обозы с огромными запасами снабжения. «Лишь отдельные части армии противника прорвались в Крым по Сальскому перешейку, да небольшая группа укрылась за Перекопским валом».

Если судить по такому подсчету, то от Русской Армии, начавшей бои по их же данным, в числе 35.000 шт. и сабель, в Крым отошло всего 15.000 человек, включая сюда эвакуированных раненых и больных, и

не вычитая потерь убитыми. Но красные приводят силы некоторых частей, отошедших в Крым:

Св. Гвардейский полк	400 шт. и сабель,	3 орудия
13-я пех. дивизия	1.530 шт. и сабель,	20 орудий
34-я пех. дивизия	750 шт. и сабель,	25 орудий
Корниловская дивизия	1.860 шт. и сабель,	23 орудия
Дроздовская дивизия	3.260 шт. и сабель,	36 орудий
Марковская дивизия («точно»)	1.000 шт. и сабель,	21 орудие
Всего —	8.800 шт. и сабель	128 орудий
		487 пулеметов.

Приняв эти цифры, приходится считать, что остальные части Русской Армии (включая убитых и раненых) отошли в Крым в числе 7.000 человек. А в эти остальные части входят: 6 и 7 пех. дивизии, три — Донского корпуса, две — кавалерийского, Кубанская и др. мелкие части. Приходится признать — красные уж слишком обескровили Русскую Армию, уж слишком много взяли в плен.

Не приходится отрицать, что пленными потеряны многие тысячи и в их числе невывезенные из Мелитопольских госпиталей раненые (Марковский госпиталь не успели эвакуировать), но «кровавые» ее потери были не столь значительны для грозной схватки.

Потери красных? Они сами определяют их в 25%, т. е. 33.000 человек. В Крым уведено было только 2.000 пленных (тысячи их были распущены за невозможностью вывезти) — следовательно на «кровавые» их потери приходится до 31.000. Цифра почти равная силам Русской Армии, вступившим в бой; цифра, позволяющая считать, что «кровавые» потери красных раз в десять превышали таковые Русской Армии.

СНОВА В КРЫМУ

Красное командование стремилось развить свой успех и с налета ворваться в Крым. Но ему удалось лишь на центральном участке захватить Чонгарский полуостров. 23 октября марковские железнодорожники взорвали мосты на южном его краю. С этого времени оборона Крыма установилась вдоль южного берега Сиваша.

Начальником обороны был назначен ген. Кутепов, штаб которого стоял на ст. Джанкой. К 29 октября должна была быть проведена перегруппировка частей армии: 1 корпус — стать на Перекопе, а 2-й — перейти к Чонгарскому полуострову. На фронт выдвигались почти все наличные в Крыму силы, за исключением 1—2 запасных бат-нов, военных училищ и мелких гарнизонов для поддержки порядка и борьбы с зелеными, развившими деятельность в горах, с поддержкой десантов, высаживаемых красными с Кавказа.

Среди ставших на позиции вдоль Сиваша наиболее крупными соединениями были Кубанская бригада ген. Фостикова в 1.200 шт., не так давно перевезенная с Кавказа; только что сформированный сводный бат-н в 300—400 шт., главным образом, из чинов армии, ранеными и больными эвакуированных заграницу из Новороссийска и вернувшихся для продолжения борьбы (одна из его рот состояла из Марковцев) и Сводно-Гренадерский полк, также в 300—400 шт., недавно сформированный из остатков Гренадер и прибывших чинов Северной армии ген. Миллера.

Оборона Крыма осложнялась небывало суровой ранней зимой, вследствие чего занятие укрепленных позиций, за отсутствием теплых укрытий для защитников, не могло быть проведено в должной мере: населенные пункты находились далеко сзади; затем — в зимнее время Сиваш всегда мельчал настолько, что открывались броды по пояс глубиной и как раз на Чувашский полуостров, где до северного берега было всего 5—6 верст. Здесь на позиции стала бригада ген. Фостикова, а в резерве — Сводный бат-н.

Запасный полк Марковской дивизии стоял в Джанкое. Он продолжал формирование и нес караульную службу. Тяжело было малочисленному офицерскому и унтер-офицерскому кадру, имевшему в своем подчинении 2.000 шт. Ожидаемое пополнение офицерами не поступало.

О том, каково оно и в каком количестве предназначено в пол, узнали случайно.

В штаб к полк. Фриде пришли два офицера, отрекомендовавшихся «Миллеровцами» и заявили, что они пришли по желанию Миллеровцев, в числе 50—60 человек, в данное время состоявших в Св. Гренадерском полку, познакомиться с полком, в который они и Гренадеры будут влиты. С ними был долгий разговор. Конечно, их расспрашивали об армии, о которой только и знали, что она была на севере России.

Малочисленная, занимавшая большой фронт, чуть ли не от Урала до границы с Финляндией, армия ген. Миллера, покинутая англичанами осенью 1919 года, эвакуировалась в феврале 1920 г. в Норвегию и Финляндию, где была размещена по лагерям. Узнав, что борьба с красными продолжается в Крыму, около 400 человек добрались сюда, но уже когда положение Крыма было критическим.

«Мы знали — борьба почти безнадежна, но отказаться от нее нам не позволял долг», — говорили они.

Миллеровцы произвели отличное впечатление и не только высоким и крепким духом, но и внешним видом. Какими серыми, изнеможенными были в сравнении с ними их собеседники.

Офицеров-Гренадеров, по словам Миллеровцев, немного. Для Марковцев они почти «свои»: в Екатеринодаре они были выделены из полка ген. Маркова. В боях им не везло и возвращение в свой полк — естественно.

Но запасный полк так и не дождался ожидаемого отличного пополнения.

***

Находясь в Джанкое, Марковцы были в курсе всех событий, происходящих в Крыму. Они наблюдали тяжелые картины эвакуации раненых и больных в неотапливаемых вагонах и лишенных всякой помощи; видели растерявшихся, почти панически настроенных офицеров, почему-то оказавшихся вне своих частей; знали, что тыл «упаковывает чемоданы» и готовится устремиться к портам; читали газеты, успокаивающие тыл сохранением боеспособности армии и неприступностью возведенных позиций, но не призывающих и не требующих от тыла мобилизации всех сил для обороны, для поддержки армии. Каковы были газеты раньше, таковыми они и оставались.

Полк нес свою службу в полном порядке и напряжении, видя деятельность ген. Кутепова, испытывая его волю, и однажды приезжавшего в Джанкой ген. Врангеля.

Из газет узнали подробности признания Францией правительства ген. Врангеля. По словам ее представителя — «Франция — противник всякой тирании, она «не колеблясь сделала выбор», а сделав его, «окажет полную нравственную поддержку и всю материальную помощь, которую вправе от нее ожидать».

Обнадеживающие слова, но Марковцы ставили вопрос: а где же Франция была раньше?

Единственная надежда возлагалась на ген. Врангеля. Находящиеся в Джанкое читали его приказы, распоряжения. Крайне сильное впечатление на них произвел «Приказ Правителя и Главнокомандующего» за № 179, изданный всего лишь 12 октября, т. е. в дни, когда началась битва в Сев. Таврии. Этот приказ, как показывало его заглавие, относился к армии и народу.

Вот выдержки из него:

«Программу свою объявил и от проведения ее не отступлю. Благо и свобода народа, внесение в русскую жизнь оздоровляющих начал гражданского строя, чуждого классовой и племенной ненависти, объединение всех живых сил России и доведение военной и народной борьбы до желанного часа, когда русский народ властно выразит свою волю, как быть России».

«Для проведения этой программы мне нужны люди сильные духом, знающие народную жизнь и умеющие ее строить. Партийная или политическая окраска их для меня безразлична. Были бы преданы Родине и умели бы разбираться в новых условиях. Подбору таких стойких и умелых людей на всех ступенях государственной лестницы, я придаю коренное значение. В правительственной работе, как и на фронте, вся суть в людях».

Перечислив все, что было сделано за полгода, ген. Врангель говорит: «Конечно, во всей полноте задача эта будет разрешена не нами, а временем и народом. Но и нам надо не ждать, а действовать».

Далее ген. Врангель перечисляет вопросы, требующие дальнейшего разрешения: денежный, крестьянский, рабочий, транспорта, безопасности и др. «Наша цель — дать населению хлеб и порядок».

«В заботах материальных не забудем, что не менее хлеба насущного России нужна здоровая жизненная энергия. Будем беречь ее источники — религию, культуру, школу. Будем готовить для России деятельную, знающую молодежь и ревниво оберегать святыню народных надежд — Церковь».

Этот приказ перечитывался не раз. Во всех его строках, в каждом слове чувствовалась великая Правда — раскрытая Белая Идея. Правда, которая так нужна для Родины.

«Вся суть в людях», «Не ждать, а действовать» и действовать «революционными» темпами, — говорил ген. Врангель.

«Не поздно ли?» — высказывали иные. Сколько за годы войны упущено возможностей?

Но впечатление от этого приказа было настолько сильным, что покрывало все неудачи и вызывало напряжение воли к продолжению борьбы при всяких условиях. Приказ Вождя принимался как его Завет, как призыв к борьбе вплоть до достижения цели и восстановления Родины.

23 октября запасный полк выступил в район к северу от Евпатории, где он должен был срочно закончить свое формирование и подготовить пополнение в Марковские полки. Переход почти в сто верст. Вправо к северу слышалась канонада.

— Опять придут большевики? — спрашивали крестьяне.

— Будем отстаивать Крым, а там видно будет.

— На что же вы рассчитываете? Их такая масса.

Что ответить? Крестьяне говорили, как налаживалась их жизнь, как довольны были они новыми порядками... И что теперь будет?

Волновались и Марковцы. Но у них было и еще одно, главное беспокойство — за свою дивизию. Знали — она отошла через Геническ, должна прибыть на Перекоп, но в каком состоянии?

Дивизия вышла на Арбатскую стрелку. В тесноте стала по хуторам. 1 полк на позиции. Ночь. Эвакуация раненых и больных. Увезен и ген. Манштейн; его заместил нач-к штаба дивизии, полк. Битебиндер, а не ген. Гравицкий.

Дивизии приказано срочно выйти к ст. Владиславовка, на линии Керчь—Джанкой, для переброски на Перекоп. Говорили — переход в сто верст по Арбатской стрелке. Что за Стрелка? О ней мало кто знал или помнил по урокам географии. Это узкая полоса земли, тянувшаяся на сто верст между Азовским морем и заливом Сиваша. Только в северной части она имела ширину около пяти верст и на ней находились хутора, но южная, на 75 верст, местами шириной в 30—40 шагов, была голой, песчаной, без каких-либо жилых строений. В холод и при сильном ветре нельзя было и думать пройти эти 75 верст в два перехода. Требовался один.

Сразу же, как только дивизия вышла на Стрелку, дал себя остро почувствовать недостаток во всем: не стало хлеба, овощей для приготовления обедов, даже дров для кухонь; для лошадей — фуража; кормили их небольшим запасом зерна, вывезенным из Геническа.

На следующий день, 22 октября, дивизия стала продвигаться к югу по населенной части Стрелки. 6-й Донской пластунский полк должен был сменить 1 полк; он пришел лишь к вечеру. В течении всего дня на позиции оставалась лишь 1-я батарея со своими конными разведчиками и двумя пулеметами, с приданной ей сотней штаба дивизии и полусотней калмыков Дзюнгарского полка. Всего с батареей — 150 всадников. Ком-р батареи, кап. Каменский — нач-к боевого участка; нач-к всей конницы — шт.-кап. Иегулов.

С рассветом красные повели боевую разведку пешими и конными частями, но были рассеяны орудийным и пулеметным огнем. Вечером подошел Донской полк в 400 шт. Его ком-р, ген. Курбатов, ознакомившись с местностью, отвел отряд к югу на 7 верст, на другую

более узкую линию обороны. 1 батарея была оставлена в его распоряжении.

23 октября дивизия шла по узкой голой полосе Стрелки. Мороз до 5 градусов, сильный ветер. Глухой шум моря и Сиваша, звон разбиваемого волнами у берега льда. Мелкие брызги воды обдают идущих. Тяжелый путь по песчаной дороге. Колонны идут день, затем ночь с короткими остановками. Подгоняет холод. Кругом серо. Все чаще и чаще попадаются трупы лошадей, брошенные повозки. Падают выбившиеся из сил лошади, они обречены. Никакого корма для бедных животных, никакой пищи для людей. Всех мучает жажда; вода рядом, но она горько-соленая.

Несколько суток назад здесь проходили, кроме обозов и частей, остатки запасного бат-на 3 полка — человек 10 офицеров и 40 солдат. Их поход был ужасен: они без отдыха и пищи отходили от села Рождественское. Ими овладело полное отчаяние и вдруг ночью впереди показался огонек. Напрягли последние силы. Подошли. Домик, два-три сарая. Пустое помещение с казенной мебелью. В нем некто в военной форме.

— Что здесь? — спросили его.

— Таможня, — ответил он.

Недоумение. Никто не может понять, на какую границу они пришли. Оказалось — здесь соляные промыслы, ведется учет добывания соли. Набившиеся в дом, видя, что здесь кроме укрытия от ветра не получишь даже воды, с отчаянием спрашивают:

— Скоро ли конец этой Стрелке? — Ответ утешительный.

Теперь, когда мимо этого дома проходила дивизия, в нем не было ни огня, ни таможенника.

24 октября с утра части дивизии, наконец, выходили в Крым. Первое село Ак-Манай, населенное татарами. Марковцы, совершенно обессиленные, входили в первые же свободные дома и засыпали как убитые. В селе стояла рота Константиновского военного училища. Отдохнув несколько часов, тронулись дальше и к вечеру пришли в назначенные для них районы у ст. Владиславовка.

25 октября. Тяжелое и долгое пробуждение. Хотя, как никогда раньше, спали решительно все без охранения и внутренних нарядов, но все предыдущее парализовало не только тела, но и мысли. Есть, курить — первая потребность. Хозяева домов кое-чем угостили. Потом выдали обед походные кухни. Хлеба мало, достать нечего, а что и есть — продается за большие деньги, которых нет. Заботы о лошадях упираются в дороговизну сена в 300—400 тысяч рублей за небольшой воз. Кое-кто, собрав все силы и получив разрешение, поехал в Феодосію, до которой 10 верст. Им дают последние деньги на табак.

***

В этот день красные вели наступление на Арбатской стрелке. О готовящемся наступлении ген. Курбатов узнал накануне от перебежавшего с той стороны крестьянина. Он собрал своих сотенных ком-ров и батарейных нач-ков, сообщил им о готовящемся наступлении и своем решении предупредить его контр-ударом. Сотенные ком-ры были смущены решением генерала, возражали, ссылаясь на многочисленность красных и малочисленность отряда, и заявили: «Казаки не пойдут в наступление, но обороняться будут». Ген. Курбатова поддержали лишь офицеры 1-й Марковской батареи, доложив, нто батарея пойдет в наступление даже в том случае, если казаки не пойдут. Четыре орудия и 2 пулемета — не малая огненная сила. Сотенных ком-ров решение офицеров смутило. Ген. Курбатов отдал распоряжение о подготовке к выступлению.

Рано утром, за полчаса до указанного срока, батарея прибыла прямо к пластунским заставам. Недружелюбие пластунов не только улегкось, но со все сторон послышались одобрительные возгласы. Ген. Курбатов, подскакав к батарее, взволнованно громко поздоровался с ней. «Спасибо за прекрасный вид. В бой, как на парад. Великое, батарейцы, спасибо», — сказал он.

Красные, однако, перешли в наступление первыми. Батарея беглым огнем покрывала то одну, то другую цепь, приведя их в полное расстройство. Повзводно она продвигалась вперед со своими пулеметами. Пластуны уже спешили догнать и обогнать батарею. А в это время спало утреннее марево и открыла огонь Азовская флотилия. Красные обратились в бегство. Их настигли пластуны, ворвались в Геническое урочище. Противник отошел в город.

«Более тысячи человек пленных были раздеты до-гола и оставлены в хатах. Одежда и винтовки их были сожжены, после чего отряд уже в темноте возвратился в исходное положение».

Красных постигла неудача, после которой они уже не пытались наступать на этом участке.

26 октября. Второй день у Владиславовки. Марковцы уже пришли в себя, вели более оживленные разговоры. Тема — последние бои их дивизии; предположения о боях других частей. Судя по тому, что ничего тревожного не сообщают и их не тревожат, делают вывод: армия благополучно отошла в Крым. Действиями своих частей они довольны. При хорошем руководстве они могут выполнять большие задания и отбиваться от жутких атак кавалерии. Кто-то вернулся из Феодосии и привез табак. Оживление. А когда он сообщил, что там говорят о разгроме Марковской дивизии, все возмутились. «Мы еше повоюем!»

Да, силы дивизии слабы. Но она пополнится. Много ли нужно? По 30—40 человек на роту. И все радовались каждому возвращающемуся в полк. А таких, едва услышавших о их местонахождении, были десятки.

Среди других был пор. Дементьев. Его встретили чрезвычайно бурно и радостно, так как давно уже «списали со счета», как оставленного в тифу в Новороссийске. Пор. Дементьев рассказал свою эпопею. Неопознанный красными как офицер, по выздоровлении был отправлен в жел.-дор. бат-н на Кубани. Из бат-на он с несколькими казаками бежал к продолжавшим борьбу кубанцам во главе с полк. Фостиковым. Недостаток патронов и снарядов принудил большой отряд, чуть ли не в 10.000 человек, отойти в горы. Недостаток продовольствия и холод распылили отряд и только около 2.000 человек дошли до Черного моря, где, погрузившись на присланные из Крыма корабли, в начале октября прибыли в Крым. Пор. Дементьев и несколько других, узнав о дивизии, сразу же вернулись к своим.

Вот уже и 27 октября, третий день у Владиславовки, а дивизия стоит. Говорят — из-за забитости линии составами. Возможно и так. Но все же? Но вот сообщают, будто бы красные ведут атаки на Крымские перешейки. У Марковцев возбуждение. «Не опоздать бы опять, как было у Днепровки». А когда во второй половине дня пришло приказание о погрузке, все были быстро готовы.

*
**

Первый эшелон со 2 полком, в составе уже свыше 250 шт., с 25 пулеметами, инженерной ротой в 120 шт., двумя батареями, Конным дивизионом и штабом дивизии вечером тронулся на ст. Джанкой. Вагоны набиты до отказа. Люди кое-как расположились, уснули.

Ночь. Сквозь сон слышал гул голосов; слово «Джанкой», фразу: «Кажется будем выгружаться», а затем, вдруг, другую: «Перекоп оставлен нашими частями». Эта фраза сразу разбудила всех.

Появился и живой свидетель этой встревожившей всех новости, пор. Соляник, вызвавший своим появлением в то же время и радость. Он в Новороссийске был болен тифом и, какая постигла его судьба, не знали, и тоже «списали со счета». Оказалось, он попал на о. Лемнос, откуда, поправившись, в числе 250 человек вернулся в Крым. Ввиду начавшихся в Сев. Таврии боев, из вернувшихся был сформирован бат-н, в котором одна из рот почит целиком состояла из Марковцев, и направлена на Перекоп в распоряжение ген. Фостикова.

Он рассказал, что в ночь на 26 октября красные на участке ген. Фостикова переправились через Сиваш и к рассвету заняли целиком Чувашский полуостров. Не останавливаясь, они повели наступление в тыл Перекопского вала. Их сдержал бат-н с подошедшими из Армянска двумя полками Дроздовцев. Контр-наступление этих частей было неудачно. В этом бою пор. Соляник был ранен, а вечером узнал об оставлении вала и отхода на Юшуньские позиции. Прибыв в Джанкой и встретив своих, он и сообщил эту новость.

«Новость невеселая, и все же не верилось, что это конец нашему Белому движению. Наоборот, казалось, что выход будет найден», — записал один.

28 октября рано утром эшелон тронулся на Перекоп по недавно построенной жел. дороге. Марковская жел.-дор. рота продолжала еще работать на ней. На разъезде Чирик пришлось сгрузить батареи, которые пошли в Юшунь походным порядком, а остальные части выгрузились на ст. Воинка и также направились туда же.

Около 15 часов, под гул близкой канонады, пришли в с. Юшунь, где стоял штаб корпуса. Тут Марковцы узнали совсем печальные новости: 1-я, 2-я и может быть и 3-я линия Юшуньских позиций уже заняты красными. Корниловцы стояли на 4-й линии. Тем не менее — решение: «Вот подойдут все наши полки и тогда с Корниловцами ударим контр-атакой».

В сумерках 2 полку приказано сменить 2-й Корниловский и полк в 250 шт. сменяет полк меньшего состава. Но в каком отчаянном состоянии были Корниловцы. Их дивизия понесла огромные потери; ранен ком-щий дивизией, ген. Пешня; во 2-м их полку выбыл из строя командир полка и почти весь командный состав. Однако, Корниловцы держались.

Участок, который занял 2 полк, протяжением до двух верст, седлал жел. дорогу.

«Найдя в полной уже темноте три кольцовых окопа, до этого никем не занятых, я произвел осмотр проволочного заграждения. Во многих местах колья повалены, в других совсем отсутствовали. Окопы хорошие, полной профили, но без землянок. Пришлось самим спешно заделывать проходы в проволоке, в местах же ее отсутствия выставить легкие пулеметы. Участок, только этот, был по фронту более версты». На левом фланге полка положение такое же. «Позиция была в крайне жалком состоянии. Часть окопов завалена, проволоки очень мало и колья повалены».

Часа через два полку приказано выдвинуться на полверсты вперед на 3-ю линию оборны, которая не занята противником. Она была в несколько лучшем состоянии. На этой линии полк установил связь влево с 1-м Корниловским полком, но вправо, где должны быть Дроздовцы, это не удалось. Пошедшие с этой целью ком-р бат-на и нач-к пулеметной команды набрели в маленькой котловине на группу красных, сидевших у костра. Офицеры, бросив ручную гранату, бежали назад. Где же могут быть Дроздовцы? Вероятно — за озером Красное.

Полная тишина. Какое расстояние до противника, неизвестно. Впрочем, зачем это знать? Марковцы заняты организацией обороны, рассчитанной на перекрестный пулеметный огонь. Стало известно, что на линии Марковцев и Корниловцев стоит левее 3 Дроздовский полк.

29 октября около 3-х часов ночи в нескольких верстах вправо началась сильная ружейная и пулеметная стрельба, а через несколько минут заговорили все пулеметы и винтовки Марковцев: красные шли с криком «ура». Еще минута и стрельба стала стихать. Перед проволокой остались лежать лишь убитые и раненые. Часа через два красные повторили атаку и опять с полной неудачей. Но вскоре полку было приказано отойти на 4-ю линию, причем удлинить фронт влево, заняв участок 1-го Корниловского полка. Участок огромный; надежда на пулеметы и на резерв — Инженерную роту.

Остаток ночи прошел в расстановке рот, взводов, пулеметов. Утро сулило атаку противника, но уже с арт. подготовкой. Никакой суеты. Каждый знал «свой маневр». Может быть, волнение можно было бы читать на лицах, но темно. Копошатся группы на своих местах, каждый выкладывает перед собой кучки обойм. Ясно: молчаливое решение всех — держаться.

Светает. Ухнуло орудие красных... другое... ряд батарей. Пристрелка. Огонь на поражение. Снаряды рвутся по проволоке и по окопам. Кругом фонтаны мерзлой земли. Марковцы прижались к стенкам окопов. Загрохотала своя артиллерия.

Ждать атаки долго не пришлось: из окопов 3-й линии поднялись цепи и чуть ли не бегом шли вперед. Еще сильнее загрохотало сзади: открыли огонь два бронепоезда — «Георгий Победоносец» и «Ген. Марков». В первый раз бронепоезд и часть, носящие одно имя, были вместе в бою. Вокруг бронепоездов рвутся снаряды; они маневрируют, подаются назад.

Разносится «ура» красных и смолкает под огнем пулеметов и орудий. В иных местах они добегают на 100—200 шагов, падают. Залегают их вторые цепи. Марковцы стреляют более спокойно и более прицельным огнем. Красные не выдерживают и бегут назад. Момент в бою, когда Марковцы обычно переходили в контр-атаку, но теперь — это безумие. Десятки против сотен. Не выдерживают, однако, на левом фланге: бат-н полк. Агабекова ринулся вперед; он настигает бегущих, но увидев поднявшуюся навстречу из 3-й линии массу, бежит обратно в свои окопы. Ранен полк. Агабеков. Красные сейчас же начали вторую атаку, но и она кончилась для них неудачей.

Инженерная рота, лежавшая в нескольких стах шагах сзади, подверглась сильному обстрелу и потеряла 8 убитыми и десятки ранеными.

Атаки отбиты. Ком-ры могут подняться из окопов, чтобы лучше наблюдать за противником. Но что это? Пули летят справа и в тыл. Стреляет какая-то цепь с дистанции шагов 1.200.

«Дроздовцы стреляют по своим», — кричат в окопах. Навстречу цепи скачут конные, размахивая марковскими фуражками. Стрельба продолжается. Правофланговый бат-н выставляет против нее пулеметы. Но прискакал ординарец — «Приказано отходить».

2 полк оставляет последнюю линию Юшуньских позиций. За ним поднялись цепи противника. Вылетели два бронеавтомобиля, но, обстрелянные батареями, ушли назад. Против левого фланга появилась лава, но остановилась под огнем пулеметов. Обход справа сдерживается пулеметами. Бронепоезда уже ушли на Джанкой, проскочив место, где красные кавалеристы готовились подорвать полотно.

Полк быстро отходил под прикрытием своих пулеметов и двух батарей. С полным отчаянием, не думая ни о чем, как только спасать своих, пулеметчики, отходя перекатами, вели огонь. Падали убитыми лошади и сами они. Нач-к команды скачет к одному из своих пулеметов, у которого обе лошади убиты; два пулеметчика стреляют.

— Бросай пулемет! Убегай! — кричит он.

Только приказ нач-ка побудил их бежать, но у убитых коней возился ездовой, снимая с них сбрую. Кругом свищут пули.

— Ты что? Бросай все! Уходи скорей!

Ездовой — китаец, «Ходя», взятый в плен еще под Екатеринодаром, служивший «верой и правдой», любивший вверенных ему лошадей вдруг, заливаясь слезами, залепетал:

— Гаспадина капитана. Буланчика убивала. Война кончайла...

Ходя побежал. И только теперь его слова, «война кончайла», вернули капитана к сознанию происходящего. Он скакал от пулемета к пулемету. Наконец замолк последний... последней пулеметной очередью 2 полка.

Но где же 1 и 3 полки? Опять опоздали...

***

Полк быстро отходил с батареями и присоединившимся Конным дивизионом прямо на юг, без связи с кем бы то ни было. Он потерял почти половину состава. Но в пути он сошелся на короткое время со Сводным бат-ном и 35 марковцев, бывших в нем, присоединились к своим. В полку стало 180 шт. при 15 пулеметах. За день им пройдено до 40 верст. Он оторвался от противника.

ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ

28 октября ген. Врангель собрал представителей русской и иностранной печати и осведомил их о создавшемся положении.

«Армия, сражавшаяся не только за честь и свободу своей Родины, но и за общее дело мировой культуры и цивилизации, армия, только что остановившая занесенную над Европой кровавую руку московских палачей, оставленная всем миром, истекла кровью. Горсть раздетых, голодных, выбившихся из сил героев продолжает отстаивать послед-

нюю пядь родной земли. Их силы приходят к концу и не сегодня-завтра они могут быть выброшены в море. Они будут держаться до конца, спасая тех, кто искал их защиты за их штыками. Мною приняты все меры, чтобы на случай несчастья вывезти всех, кому грозит кровавая расправа. Я в праве надеяться, что те государства, за общее дело которых сражалась моя армия, окажут гостеприимство несчастным изгнанникам».

29 октября, когда были оставлены Юшуньские позиции, ген. Врангель дал директиву: Войскам оторваться от противника и итти к портам для погрузки: 1 и 2 корпусам на Евпаторию и Севастополь, Конному корпусу на Ялту, Кубанцам на Феодосию, Донцам на Керчь. Тяжести оставить. Пехоту посадить на подводы, коннице прикрывать отход. Тогда же был опубликован следующий

ПРИКАЗ

Правителя Юга России и Главнокомандующего Русской Армии.

Севастополь. 29 октября 1920 г.

Русские люди!

Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская Армия ведет неравный бой, защищая последний клочек русской земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделил с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности.

Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал ВРАНГЕЛЬ.

ПРИБЫТИЕ 1 И 3 ПОЛКОВ В ДЖАНКОЙ

Только на следующий день после отъезда 2 полка со штабом дивизии, были поданы составы, и то весьма короткие, для 1 и 3 полков с батареей при каждом. Первым погрузился 3 полк, но смог тронуться лишь ночью. Состав для 1 полка оказался настолько малым, что его пулеметная и комендантская команды и конна ясотня вынуждены были отправиться походным порядком. Остальные батареи еще раньше ушли в район ст. Курман-Кемельчи для перевооружения на французские орудия.

Марковцы уже знали об оставлении Перекопа и поражались долгими остановками на станциях и медленному движению эшелонов.

29 октября утром, 3 полк прибыл в Джанкой и ему приказано выгрузиться. Но состав не подают к платформе. Пполк. Сагайдачный идет к ген. Кутепову и тот приказывает:

— Выгрузиться в два счета. Поняли? Распоряжение о дальнейшем получите от ген. Достовалова.

От ген. Достовалова: «Разгружайтесь немедленно и следуйте в с. Дюрмен в распоряжение ком-ра 2 корпуса, ген. Витковского».

Пполк. Сагайдачный идет к нач-ку станции и говорит ему:

— Подать мой эшелон к платформе в два счета. Поняли?

Нач-к станции ответил по военному:

— Так точно!

Через 10 минут эшелон был у платформы и через полчаса полк выступил в Дюрмен. Батарея пошла туда рысью.

Навстречу шли обозы, подводы с ранеными. Раненые говорили о безнадежности положения и в то же время бодрились: «Теперь наша возьмет! Марковцы не сдадут!»

Первой в штаб корпуса прибыла батарея, командиру которой нач-к штаба, полк. Бредов, сказал: «Юшуньские позиции сданы; наши части контр-атакуют; на участке 2 корпуса противника занял Чонгарский мост и продвигается к югу; все наши атаки успеха не имели; готовится новая; батарее немедленно итти к с. Осман-Букеш в распоряжение ком-ра Самурского полка».

Подошел к штабу 3 полк и от полк. Бредова пполк. Сагайдачный получил туже ориентировку и приказал итти в х. Копань, в 8 верстах к северу, войти в связь со штабом 6-й пех. дивизии и от него получить приказания.

Темная ночь. Моросил мелкий дождь. Батарея прибыла к штабу Самурского полка и стала на позицию. 3 полк в х. Копань. В хуторе не нашел никого. Высланы разъезды для установления связи. Проходят часы, связи нет. Случайно в хутор приезжает офицер 6-й дивизии: у него нет распоряжений для передачи полку, но ему известно, что 6-й дивизии приказано ночью начать отход к Джанкою. От себя он

советует полку не задерживаться ни на минуту и отходить. Пполк. Сагайдачный ведет свой полк обратно в Дюрмен. В селе уже нет штаба 2-го корпуса; находившиеся здесь мелкие части подтверждают приказ об отходе. Случайная встреча со своей батареей. Она получила приказание итти к Джанкою. Бесцельно проходив за минувший день и ночь до 30-ти верст, перед рассветом полк с батареей вернулись в Джанкой.

Высланный раньше в штаб корпуса адъютант полка вручил приказ:

«Командующему 3-м Марковским полком, пполк. Сагайдачному, вступить в командование бригадой Марковской дивизии. Бригаде выставить на север и запад от Джанкоя охранение и ждать дальнейших письменных приказаний».

Первое чувство — радость: оба полка вместе.

1-й полк. оказывается, выгрузился не доезжая Джанкоя на ст. Калай и вечером минувшего дня пришел сюда. В пути ему встречались набитые людьми поезда, пешие и конные группы и даже целые части казаков. Картина полного поражения и стремительного отступления. Отходившие кричали: «Ура» Марковцам!» и говорили: «Идем грузиться на пароходы». А Марковцы шли на фронт...

В Джанкое полк получил от ген. Кутепова приказание поддерживать порядок на станции. Всю ночь шла эвакуация по двум направлениям — на Симферополь и на Керчь; всю ночь ходили патрули, разгоняя людей в военной форме уже без погон, частично вооруженных, возбужденных, кричащих, в иных местах слушавших какие-то зажигательные речи.

30 октября, вызвав к себе старших нач-ков полков и ком-ров батарей, пполк. Сагайдачный объявил задачу и указал участки полкам, приказав немедленно их занять. На вопрос об отступлении и эвакуации ответил, что никаких распоряжений об этом он не получил, хотя он и решительно все знали со слов чинов других частей о приказах об оставлении Крыма, о посадке на суда тех, кто не желает оставаться на милость красных.

И вот, несмотря на удручающую обстановку, Марковские полки в полном порядке выступали занять свои участки: 1-й в северном от Джанкоя направлении на — Чангар, 3-й в западном — Перекопском. Светало. С севера проезжали подводы с чинами разных частей, лошади с ездоками на них, пулеметные двуколки с пулеметами; быстрым маршем шли мелкие части; в порядке прошел отряд в 300—400 шт. — остатки Самурского и Смоленского полков под командой полк. Новикова; полным ходом проехали два бронеавтомобиля. И никто не остановился, никто не сказал Марковцам ни слова. Прошли все, но противника за ними видно не было.

Иная картина на западе. Там, верстах в десяти, шел бой и доносилась пулеметная и ружейная стрельба; был там и бронепоезд, видны

были отходившие жидкие лавы, а за ними наступающие густые. Все пространство от линии боя до Джанкоя было покрыто группами всадников, подводами. И все это двигалось к юго-востоку в обход Джанкоя. Туда же передвигался и бой. А Марковцы — 800 шт. с 8 орудиями, с тремя десятками пулеметов — стояли.

«Часов в 10 утра мимо нас прошел бронепоезд в направлении Симферополя. При виде отходящего бронепоезда у меня екнуло сердце... Почему он уходит, а не остается в прикрытии?» — записал один.

Марковцы оставлены прикрывать всех, даже бронеавтомобили, кавалерию и бронепоезда. Что-то зловещее творилось у них сзади на станции, оставленной составами, с валяющимися на путях авиационными бомбами, сотнями блуждающих людей. Невольно каждый думал о своей судьбе. Бывало, некоторое утешение давали всегда бывшие при частях подводы, а теперь не было и их.

«На меня были обращены все взоры моих офицеров, в которых читал желание присоединиться к отходящим частям. Я же, в ожидании обещанного распоряжения, продолжал находиться на станции», — записал пполк. Сагайдачный.

Настаивает на отходе один из ком-ров батарей. «Пполк. Сагайдачный колеблется, что вполне естественно, ибо боится ответственности: оставить участок, да еще без боя».

«В 10.15 я решил, — пишет дальше пполк. Сагайдачный, — больше не ждать распоряжений и приказал полкам снять охранение и собраться у вокзала. С прибытием их, я начал отходить вдоль жел. дороги на юг».

Идут вдоль полотна с его западной стороны 3 полк, две батареи, 1 полк. Идут быстро. Батарейцы однако не могут равнодушно пройти мимо валяющихся ящиков со снарядами, подбирают их. Переваливая через возвышенность, видят к западу идущие параллельно большие колонны кавалерии. Чьи? Для наблюдения высланы конные.

Пройдено верст десять. Донесения конных говорят определенно, что это красные и головные части их значительно впереди головы бригады. Бой неизбежен. Быстрым ходом колонну опять обогнал бронепоезд, задержавшийся к югу от станции. Опять екнули сердца...

Было за полдень. Прискакали казаки из штаба 2 корпуса, передают пполк. Сагайдачному пакет. Бригаду, оказывается, не забыли. Письменное приказание: в 9 часов оставить Джанкой и следовать в Севапостоль для погрузки на пароходы. Пполк. Сагайдачный и офицеры ошеломлены — приказание получено с трехчасовым запозданием; получив его своевременно, бригада выступила бы в 9 часов, а не в 10 с лишним и находилась бы значительно ближе к ст. Курман-Кемельчи. А теперь для нее неизбежен бой без надежды на какую-либо поддержку.

Однако, впереди виден хвост колонны, тянущейся к станции Курман; видна и другая колонна к востоку. И пполк. Сагайдачный решает связаться с этими частями и, в случае необходимости, совместно при-

нять бой. Он высылает офицеров с предложением их начальникам прибыть к бригаде и принять общее решение.

Вместе с приказанием об отходе, был вручен и приказ ген. Врангеля, по которому следовало объявить всем — Армия покидает Крым, идет в неизвестность и желающие могут остаться на Родине. Как быть с этим приказом в сложившейся обстановке? Решено не объявлять его теперь, а сделать это позже — неизбежный бой лучше принять сохраненными силами. Конечно, этот приказ известен всем до последнего рядового, но... части еще крепки и внутренней спайкой и дисциплиной.

Бригада уже нагоняла хвост впереди идущей колонны. Через некоторое время к ней подъехали ком-р Гвардейского саперного бат-на, в 150 шт. при двух орудиях, ком-ры 4-х — 5-ти батарей и, наконец, полк. Новиков, ком-р отряда, шедшего восточнее.

Пполк. Сагайдачный предложил, ввиду назревавшего столкновения с кавалерией, встретить ее объединенными под командой старшего. Старший из присутствовавших, полк. Новиков, вр. ком-щий 6-й пех. дивизией, сначала отказался, но после того, как пполк. Сагайдачный заявил, что тогда примет он, как ком-щий бригадой, согласился и тут же отдал распоряжение: Гвардейский бат-н с батареями, как идущий впереди, прикрывает с запада дорогу, по которой бригада Марковцев проходит и занимает ст. Курман, пропуская затем за собой все части; Марковцы обеспечивают отход с севера; части полк. Новикова обеспечивают отряд с востока, где красная кавалерия, занявшая Джанкой, преследует отходящих. Начальники разъехались. Уехал к своей группе и полк. Новиков, в дальнейшем не принимавший никакого участия в руководстве боем.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Около 15 часов. Лавы красных приближаются к идущему последним 1 полку. Артиллерийский и пулеметный огонь их сдерживает. Загремели орудия в голове: Гвардейский бат-н с батареями рассеял лавы. До ст. Курман оставалось 6 верст. И вдруг:

«Едва только колонна 3 полка поднялась на последний бугор, с которого открывался вид на станцию, перед глазами всех развернулась непонятная картина: все пространство от жел. дороги покрылось скачущими точками, оказавшимися сотнями повозок, бросившимися врассыпную со станции. Как бы в пояснение поднялась сильная ружейная и пулеметная стрельба и над станцией появились разрывы шрапнелей. Во всем бесконечном обозе началась паника. Почти одновременно со станции вылетели два наших бронепоезда и, открыв огонь из орудий и пулеметов, стали отходить на юг».

Ст. Курман занята красными. Путь отхода перерезан. С запада, севера и сев.-востока наседают лавы. Полк. Новиков, не оказывая со-

противления, быстро отходит к юго-востоку, удаляясь от отряда. Оставляют его и присоединившиеся батареи, бросив орудия.

Марковская батарея открывает огонь по станции. Пполк. Сагайдачный приказывает обходить станцию с востока. В порядке переходит жел. дорогу Гвардейский бат-н с двумя орудиями; за ним 3 полк и 1-й. Налетевшая лава отбита батареей при 3 полку.

Первая атака со станции отбита Гвардейским бат-ном и 3 полком. Но путь на юг пересекается новыми лавами. Отряд вынуждент отходить к востоку. Его охватывают с обоих флангов. Гвардейский бат-н не выдержал одновременной атаки с запада и юга. Марковские полки сжимаются. Их со станции на голом поле начинают громить батареи красных. Лавы атакуют, местами врываются в тесные цепи. Батареи вынуждены менять позиции. Одну из них накрывают снаряды и она оставлят орудие, застрявшее в топкой низине. На поле перемешались всадники, Марковцы... Пулеметы и орудия бьют и по красным и по своим. Остается небольшой проход на возвышенность, к которой спешат батареи, пулеметы, группы. С возвышенности батареи расстреливают свои последние снаряды; пулеметы не позволяют лавам замкнуть круг. Бросаются орудия. Уже темнеет. Ночь скрывает спешивших оторваться от противника.

***

Свидетельства о бое.

«Красная кавалерия несколькими лавами несколько раз неслась в атаку на наш полк (1-й). Ее отбили. А в это время мы видели, что красные охватывают полк справа, видели, что охватывается и левый фланг 3-го полка. Некоторые из нас кричали: «Кавалерия справа!» «Кавалерия слева!» Порядок стал нарушаться, стали отбегать без команды. Красные атакуют и врываются в наши ряды. Отбивались уже небольшими группами. По нас и красным стреляли и наши пулеметы, и наши батареи. Так все перемешалось. Выхода не было... стали срывать с себя погоны, сдаваться».

А вот другое, попавшего в плен кап. Дудкина.

«Перейдя жел. дорогу, наш бат-н сразу же перестроился в боевой порядок поротно, с пулеметами на флангах. Трудно было разобраться, что делалось в голове колонны, так как было далеко. Были видны только разрывы шрапнелей и слышен беглый огонь артиллерии.

«Развернувшиеся лавы красной конницы повели атаку на наш бат-н с запада и юго-запада, отрезая его от других частей. Бат-н остановился. Подпустив конницу на 200 шагов, он залпами и изо всех пулеметов открыл огонь. Кони сбитых кавалеристов не носились по полю, а оставались на месте или медленно отходили назад. Атака была отбита, но слева из-за бугра показалась конная масса, которая двигалась на нас грозной тучей.

«Подпустив ее на близкое расстояние, роты открыли огонь. Середина ее замялась и как бы повернулась налево и направо, обтекая бат-н.

В это время справа появились лавы свежих красных конных частей. Несмотря на наш огонь, неся большие потери, красные врезались в бат-н и началась рубка... Картина была жуткая.

«Залпы прекратились, но еще раздавались одиночные выстрелы: это Марковцы в упор расстреливали конников. Спасения не было. Весь бат-н погиб там с ком-рами рот. Никто не сдался. Все было повалено в последнем бою».

***

В 18 часов 30 октября окончился бой, последний бой частей Русской Армии — двух полков Марковцев и бат-на Гвардейцев. Ровно три года без месяца назад, первые Добровольческие части, ставшие впоследствии Марковскими, начали бой у Ростова и теперь они их закончили. Начали успешно, закончили... по всем внешним признакам — поражением.

К ряду крупных неудач за три года у Марковцев прибавилась еще одна. Но должна же быть отдана им справедливость в оценке. Отбросив обстановку, малочисленность, моральное состояние вообще в этот день, в частности в часы отхода от Джанкоя, когда Марковцы прикрывали даже отход бронеавтомобилям и бронепоезду, следует помнить о грозном приказе красного командования: «Самое энергичное преследование, ни в коем случае не допуская его (противника) посадки на суда». Конница красных выполняла этот приказ с полной энергией, огромным порывом и огромным фронтом от Курмана до Джанкоя в трехчасовом бою.

С другой стороны, ген. Врангель в своем приказе обещал: «Армия прикроет посадку». На главном направлении, эта тягчайшая задача выпала на долю Марковской бригады и Гвардейского бат-на и они помешли стремительному преследованию: красная кавалерия была вынуждена остановить прямое движение на Симферополь, стянуть свои части к ст. Курман-Кемельчи, вступить в бой, нести потери.

***

Но что сталось с Марковцами в этом бою? Часть их погибла под ударами шашек, другие выбрались, но были и те, для которых ад боя продолжался — это попавшие в плен.

— Где офицеры? — кричали красные, мечась среди нас. Кого-то рубили. Зарубили одного солдата, который не указал офицеров.

— Строиться! Бегом!

«Мы быстро сжались толпой и почти бежали в направлении на Джанкой. Нас собралось до 150 человек. Кавалеристы осыпали нас бранью, размахивали над нашими головами саблями. В нашей группе я заметил человек 6—7 офицеров, но наши солдаты, бывшие красно-

армейцы, не выдали никого из нас, а внешностью мы, ведь, ничем не отличались от солдат. Я видел другие группы наших пленных меньшей численности, которых гнали на ст. Курман.

«Нас пригнали в Джанкой. Там опять блистали шашки над нашими головами и неслись крики: «Даешь офицеров!», но и здесь никто не был выдан. Наконец нас оставили более или менее в покое, но мы все же ждали печальной участи. Целый день и ночь мы пробыли под открытым небом совершенно голодными. Красные всячески издевались над нами. Наша группа увеличилась, может быть, до 400—500 человек, но не Марковцами. Время от времени из нашей среды кого-то куда-то уводили. Слышались одиночные выстрелы...

«На следующий день нас погнали на север. Прошли Чонгарский полуостров и вышли в Сев. Таврию. Разместили в каком-то селе, где мы простояли немало дней. Что сталось с теми из наших, которых из боя угнали на ст. Курман-Кемельчи, не знаю.

«Отношение к нам красноармейцев было двоякое.

— Кончили войну! Ну, теперь и мы, и вы — все по домам, — говорили доброжелательно одни. Другие со злобой и руганью набрасывались на нас и заявляли, что всех нас следовало бы порубить, как порубили всех в Крыму.

«Потом нас распустили по домам. Я, конечно, к себе не вернулся и стал пробиваться работой у крестьян. Они были рады окончанию войны и думали, что теперь, наконец, наступит нормальная, спокойная жизнь. О коммунизме не говорили ни слова, будто его не существует.

«Через несколько месяцев я стал продвигаться к западу, к румынской границе, опять же на месяца задерживаясь и работая у крестьян. Наконец перешел границу и устроился в Румынии».

Из Румынии этот офицер и писал во Францию, а затем и переехал туда.

В судьбе этого офицера-Марковца ясно видны темные пятна: сдирание погон, сдача в плен... Но можно ли в него «бросить камень»? Можно ли его поступки считать оскорблением чести Офицера и имени «Марковцы»? Он не предатель, не изменник. Рядовые солдаты в большинстве сдались в этом бою. Но не покрывает ли все отрицательные поступки уже одно то, что они, попав в плен не выдали ни одного из своих офицеров. Они не были предателями. Они тоже не запятнали чести Марковца. Но может быть запятнал честь тот, кто с обрывками черных погон на плечах, изголодавшийся, просил у красного кусок хлеба?

ОТХОД К ПОРТАМ

В трагические для Армии дни Марковская дивизия оказалась разбросанной по всем участкам фронта: 1-я батарея — на Арбатской стрелке; 1 и 3 полки — на центральном участке; 2-й с инженерной ротой, Конным дивизионом и штабом дивизии — на левом, Юшуньском;

пулеметная команда и конные сотни 1 полка — в пути со ст. Владиславовка на ст. Джанкой; запасной полк — у Евпатории; часть батарей на базах у ст. Курман-Кемельчи.

Приказ об отступлении к портам не всеми частями был получен своевременно. Место погрузки дивизии — Севастополь, но разбросанность ее частей не позволила всем итти туда.

2 полк быстрым маршем отступал: он еще не получил приказа о погрузке на пароходы. В ночь на 30-е октября, связавшись со штабом ген. Кутепова, ему приказ: итти к ст. Сарабузы и там сдерживать противника. Но вскоре другой — итти на Северную сторону Севастопольской бухты для погрузки и добавлялось об отпуске пожелавших остаться. Только с получением этого приказа приходится считать, что 2 полк закончил свои бои. Ушло из полка человек двадцать, одни со слезами и объятиями, другие — молча. Сбросив в пруд орудия, батареи и полк тронулись к Севастополю.

Едва не был забыт запасный полк: он получил приказание итти в Севастополь в ночь на 30-е. Днем он видел впереди к востоку, двигающиеся в южном направлении колонны кавалерии, по всем признакам красной. Полк рискует и сворачивает в Евпаторию, куда приходит вечером.

Поздно узнали об отходе на погрузку и батареи, стоявшие в колониях к западу от ст. Курман-Кемельчи.

В ночь на 31 октября остатки 1 и 3 полков и батарея остановились на 2—3 часа на отдых в татарской деревушке. Здесь только и был объявлен приказ. Пожелало остаться два-три десятка человек. Остальные, разместившись кое-как на пулеметных двуколках, зарядных ящиках, верхом, тронулись дальше. На линии ст. Сарабузы их встретил небольшой отряд новеньких полу-броневичков, который и прикрыл их дальнейший отход.

Части 1 полка, шедшие походным порядком от Владиславовки на Джанкой, пройдя половину пути, стали встречать не только отходившие обозы, но и целые войсковые части. От ген. Фостикова кап. Месняев, ведший эти части, узнал об эвакуации и что Марковцы должны грузиться в Севастополе. Ввиду дальности расстояния до этого порта, он решил итти или в Феодосию, или в Керчь.

1-я батарея вместе с Донцами, которым она была приднана, направилась в Керчь.

Железно-дорожная рота в Феодосию.

В Симферополе. От всех частей дивизии были высланы в Симферополь команды для эвакуации своих раненых и больных. На вокзале — поезд ген. Кутепова. Расклеен приказ ген. Врангеля и сообщение Правительства; в последнем говорилось:

«Совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи в пути, так и в дальнейшем. Все заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, остаться в Крыму».

В городе похозяйничала чернь и выпущенные из тюрем заключенные, пока не были разогнаны. Госпиталь, в котором лежало большинство Марковцев, оказался пустым. Спала тяжелая забота с посланных за ними. Теперь оставалось ждать прохода своих частей. Но в штабе сказали, части направлены прямо в Севастополь. Кто знал о находящейся еще в городе группе артиллеристов, присоединился к ней, а кто не знал, пришлось действовать самостоятельно, так как поезд штаба был уже переполнен. Сказано — к утру 31-го октября город оставляется.

Лошади, на которых приехали в Симферополь, загнаны. Итти пешком или искать лошадей? В городе их не найти, но можно достать в прилегающих к городу деревнях, предложив за каждую лошадь своих две. Конечно, такое предприятие сопряжено с риском попасть в руки людей уже перешедших на сторону красных, которые являются полными хозяевами на окраинах города. Но кап. Стаценко решил рискнуть. И вот, что он записал в свой дневник:

«Думая пройти в Татарскую слободку в самом конце Конторской улицы, я со своими двумя солдатами был вдруг остановлен окриком: «Стой! Ни с места. Кто идет?» и послышался лязг затвора винтовки. Спокойным голосом я ответил:

— Свои. А вы кто такие?

— Части революционного гарнизона, — был ответ.

Из темноты к нам подошло человек шесть, вооруженных винтовками, без погон, но по виду офицеров.

— Если вы решили остаться и присоединиться к нам, мы вас пропустим. В противном случае вам придется повернуть обратно, — сказал один из них. Заметив на мне Марковские погоны, он добавил:

— Во главе военно-революционного комитета стоит ваш бывший Марковец, полк. Бржезицкий.

Услышав это, я не мог не рассмеяться и сказал:

— Вот только когда полк. Бржезицкий открыл свое лицо. Желания у меня, пока что оставаться нет, в особенности с полк. Бржезицким, а все же прошу вас передать ему привет от кап. Стаценко. Он меня хорошо знает.

«Нас всячески стали уговаривать остаться, говоря, что штабы наши давно уже на пароходах, а нам пароходов не приготовлено; что среди моряков забастовка и потому все равно ни один пароход в море не выйдет, а если который и выйдет, то будет потоплен подводной лод-

кой — их целый отряд выйдет из Одессы; Красное командование объявило по радио амнистию всем белым, которые останутся в городах и селах, исключая портовые города.

— Уверены ли вы, что это правда? — задал я им вопрос.

— Да, мы уверены и поэтому решили остаться.

— Ну, что же? Оставайтесь, а мы попытаемся все же уехать.

«На прощание нам дали несколько экземпляров воззвания военно-революционного комитета за подписью полк. Бржезицкого. Это воззвание позднее, уже за рубежом Родины, я вручил ген. Кутепову, который, оказалось, был уже знаком с ним, но сказал: «Вижу, как я был неправ».

Лошадей достать не удалось».

Всю ночь и утром 31 октября вблизи Симферополя проходили группы, направляясь в Севастополь. Часов в 8 утра из города вышел отряд, чуть ли не в 200 Марковцев, собравшийся с ком-ром Марковской арт. бригады, ген. Машиным. Уходили из города, проходили около него без всякого давления и препятствий с чьей бы то ни было стороны.

Всем нужно было решить: покинуть Родину или остаться, еще не сделав первый шаг к портам. Когда он сделан, перестают влиять рассудок и чувства. Дальше ведут или принятое твердое решение, или некая стихия, стадный инстинкт.

И вот:

— Мы боимся неизвестности и боимся, что никогда не увидим своих семей, — говорили одни.

Дело проиграно теперь окончательно. Продолжать борьбу не придется, а жить заграницей не хочу, — говорили другие.

— Я остаюсь. Хотите верьте, хотите не верьте, но я не изменник тому, чему служил, — говорили третьи.

Тянуло забежать попрощаться с добрыми знакомыми, которые радушно принимали у себя. В одном доме неожиданная встреча с ранеными соратниками, оставившими госпиталь, но уже со снятыми погонами.

— Как? Вы остаетесь?

— Остаемся, — смущенно и в то же время твердо отвечали те.

Дальше говорить на эту тему нечего. Но они задали несколько вопросов о последних боях дивизии, о ряде лиц, их судьбе.

— Ну, надо уходить. Спешим в Севастополь. Будьте здоровы. Будьте живы.

И... оставшиеся ничего не ответили на последнее приветствие, но смущенно и с надрывом быстро бросали фразы:

— Мы честно воевали... Верили... Ну, а теперь что?

— Прощай, Семенюшкин. Прощай Раков, Хомяков...

Спокойный, бесстрашный, отличный пулеметчик, кап. Таврид. Он мрачен и молчалив; слушает, что говорят; всматривается в лица. Только что посланные в Феодосию люди сообщили: корабли не могут взять всех, а Кубанцы заявляют — Марковцам в Севастополь.

— Идем в Керчь, — заявляет кап. Месняев.

— Чтобы и там услышать то же? — твердо заявляет кап. Таврид. — Я ухожу в горы. Кто со мной?

Набирается человек 25. Они берут два пулемета, винтовки, возможно больше патронов. Крепко с объятиями прощаются.

Прощаются с жителями. Взаимные добрые пожелания, со слезами объятия...

Семья рабочего. Попали Марковцы в дом случайно, на ходу, чтобы немного отдохнуть и утолить голод. Кое-какие продукты у них были. Семья приняла их участливо. Разговор об эвакуации. Хозяевам это кажется чудовищным; уговаривают остаться. Они понимают, что белых может постигнуть ужасная участь, но думают — это только в первые дни. «Мы вас скроем на первое время. Мы рабочие, мы коммунисты и у нас не будет обысков. А потом все устроится», — говорили они, умоляли.

Пришел момент расставания: хозяева расстроены до конца. Хозяйка благословляет, хозяин обнимает, желает благополучия и просит принять от него две царские десятирублевки. «Нет больше, а отдал бы вам все». Марковцы отблагодарили, чем могли, и ушли с глубоким чувством уважения к этой семье рабочего; были неописуемо растроганы отношением родных русских людей, какими-то судьбами ставшими коммунистами.

В Севастополе. Что творилось в Севастополе в последние дни, свидетельств Марковцев нет. Очевидно, их в городе не было, а пришли они в последний момент и прямо на пароходы. Нет свидетельств и от тех, которые служили в штабе ген. Кутепова и, по всей видимости, принимали участие при вручении полкам заслуженных ими Николаевских знамен.

Вот что узнали Марковцы потом из статьи «Крымская эпопея» в 5-м томе «Архива русской революции» — А. А. Валентинова, служившего в поезде ген. Врангеля:

«31 октября. В 10 ч. утра в гостиницу «Кист», в которой помещался штаб ген. Врангеля с 30 октября, прибывают десять офицеров Корниловских, Марковских и Дроздовских полков и подходят к номеру, занимаемому Главнокомандующим, для принятия знамен, которые не могли быть вручены при последней поездке на фронт. Просто проходит церемония. Офицеры скромно, как бы чувствуя неловкость, ста-

новятся в коридоре. Звонко отбивая ногу конные казаки приносят знамена и главнокомандующий вручает их.

«Почти три года существовали полки— дети революции или вернее «контр-революции». Три года сражались геройски и какая насмешка судьбы: получили знаменая в тот день, когда покидали последний клочек русской земли, прекращали борьбу, а может быть и свое существование».

Об этом Марковцы не знали ни когда грузились, ни плывя по морю, и только на чужой земле, в Галлиполи, их знамена неожиданно появились перед остатками полков.

31 октября и 1 ноября Марковцы большими и малыми группами текли в Севастополь, переживая тревогу: что в Севастополе?

«Почти с первых же шагов на шоссе стали встречаться возвращающиеся обратно панически настроенные люди. По их словам, пароходы все ушли, а на шоссе нападают с гор зеленые. Отряд продолжал свой путь, приняв все меры на случай боя с зелеными. При приближении к Севастополю навстречу стали попадаться крестьяне-подводчики, которые сказали, что в Севастополе полный порядок и совершенно спокойно производится погрузка на пароходы».

Уже на самой окраине города от жителей узнали, что в городе существует военно-революционный комитет, вооруженная охрана, но отношение к эвакуирующейся армии не только лояльное, но и глубоко сочувственное. Был какой-то пожар, немного где-то постреляли, и только.

ПОГРУЗКА НА ПАРОХОДЫ

В Евпатории. Вечер, темнеет. У пристани два парохода, тральщик «412» и две больших баржи. Уже закончена погрузка раненых, больных и тыловых частей Донского корпуса. Ожидаются Корниловцы, но по набережной с песнями пришла большая колонна запасного полка Марковской дивизии и остановилась у пристани. Только здесь ком-р полка, полк. Фриде, узнал о приказе ген. Врангеля и объявил его полку. Дав минут десять на размышление, он скомандовал: «Желающие ехать с армией, 10 шагов вперед». Вышло до 200 человек, в большинстве чины учебной команды и пулеметчики. Вышедшие, сомкнув ряды, пошли грузиться на тральщик «412», взяв пулеметы и часть продовольствия из обоза.

Построив вокруг себя оставшихся, полк. Фриде поблагодарил их за службу на благо Родины, пожелал полного благополучия в жизни и предложил им в порядке, поротно, разойтись по городу, где-нибудь сложить оружие и спокойно ожидать прихода красных. Все имущество и продовольствие он отдал в их распоряжение.

— Счастливого пути, г-н полковник! — было в ответ.

Шла погрузка одних и без шума расходились другие.

Тяжело на душе. Вблизи на набережной церковь. Несколько офицеров поспешили туда. Где, как не у Бога, найти успокоение!

Полумрак. Горят свечи. Всюду коленопреклоненные фигуры жителей. Приходят, уходят. Марковцы молились и из глаз их текли слезы, как и у жителей. «Спаси и сохрани», — слышались слова. «Спаси и сохрани», — просили у Господа Марковцы. Вышли. Уже ночь. Направились к пристани. Навстречу — мужчина и женщина.

— Дорогие! Да даст вам Господь благополучия, — сказал, остановившись мужчина. А женщина, широко осенив их крестным знамением, рыдая, могла только сказать: «Храни вас Всевышний». Так же трогательно желали им счастливого пути и другие. Глубоко растроганные шли Марковцы последнюю сотню-другую шагов по родной земле. Увидят ли они ее? Но оставляли они свою землю, свои храмы с твердым сознанием полной любви к народу, даже к встретившим их красногвардейцам военно-революционной охраны. Русские люди в конце 1920 года уже были не те, какими они были раньше: они поняли, что Белые отнюдь не их враги.

До свидания, Родина! До свидания, русские люди!

В 23 часа, 30 октября, корабли вышли далеко в море, взяв две пустые баржи, и стали на якоря. С земли ни одного выстрела, хотя и провожали корабли патрули военно-революционного комитета.

В Севастополе, 1 ноября. Для Марковцев и Дроздовцев, для штаба 1 корпуса и мелких частей предоставлен транспорт «Херсон», стоящий в Килен-бухте. На пристани порядок. Стоящие караулы направляют части к назначенным для них судам. Наконец., около 9—10 часов «Херсон», переполненный до крайности, отошел на внутренний рейд. Но к пристани непрерывно подходили новые группы. Собралась огромная толпа в тысячи человек; одних Марковцев до 300.

Что же происходит дальше? В дневнике кап. Стаценко читаем:

«Собравшись все вместе на пристани, решили достать лодку и на ней переправляться на пароходы, которые стояли уже на внутреннем рейде. С большим трудом достали рыбачью лодку, на которой отправился первый десяток человек. Но мы лодки так больше и не увидели. Попытались было пробраться на другие пароходы, но и там было полно. Не оставалось больше ничего, как ждать. Но чего ждать? Вопрос всем казался неразрешимым. «Авось», кто-нибудь возьмет, «авось», что-нибудь подвернется. Но находились все же такие, которые не выдерживали «игры нервов»: с проклятиями уходили от пристани. Были другие. Они окончательно расставались со всем — стрелялись. Был момент, когда отовсюду раздавались выстрелы один за другим. Нашел психоз. Только крики более стойких: «Господа! Что вы делаете? Не стреляйтесь! Пароходы еще будут. Все сможем погрузиться и уехать!» —

смогли остановить малодушных. На моих глазах офицер нашего 1 полка застрелил сперва своего верхового коня, а затем пустил себе пулю в голову. Пор. Дементьев, бывший со мною, стал просить меня дать ему мой револьвер. «Обожди еще. Стреляться рано, — ответил я ему. — Подожди прихода красных, тогда я и тебе, и себе пущу пулю в лоб».

«Около 12 ч. дня со стороны Графской пристани раздались крики «ура», постепенно все увеличивающиеся. Оказалось, что это ген. Врангель на моторном катере объезжает пристани. Около каждой он останавливался, держал речь и под громовые крики «ура» следовал дальше. Подъехал, наконец, и к нашей пристани.

— Здравствуйте, мои дорогие соратники! — отчеканивая каждый слог громким голосом, поздоровался с нами ген. Врангель. Никогда ему еще никто не отвечал на приветствие так громко и стройно, как ответила масса людей в несколько тысяч в этот раз.

— Куда вы едете? Знаете ли вы, что ждет вас на чужбине? Я вам ничего не обещаю, так как сам ничего не знаю. Обещаю только одно, что как бы плохо ни было — вывести вас с честью. Обещаю вам, кто решит окончательно за мной следовать, вывезти с родной земли... Распоряжения уже даны и сейчас должны подойти пароходы и забрать вас всех.

— Ура, ура! Нескончаемое «ура» последовало в ответ.

«И действительно, минут через 20 стали подходить пароходы. К нашей пристани подошел маленький пароходик-угольщик «Бештау», имевший распоряжение в первую очередь погрузить нас и Лейб-казаков. Погрузили сначала раненых, затем в полном порядке, без всякой спешки стали грузиться здоровые. Пароход «Бештау» принял до 800 человек, не считая тех, которые были погружены раньше».

В другом месте... Небольшой пароход «Дооб» уже отчаливал, как к пристани подбегали люди, крича: «Остановите! Остановите!» Пароход снова причалил. На него, среди других, погрузились 15 Марковцев. Один юноша-Марковец, канонир де Тиллот, услышал знакомый зовущий его голос. Мать! Она умоляла сына остаться и он, не отдавая себе отчета, спрыгнул с парохода. (В мае 1925 г. канонир де Тиллот с группой заговорщиков повернули идущий из Севастополя в Одессу пароход «Утриш» в Болгарию, куда и прибыли благополучно).

Утром того же дня на Северной стороне на небольшой «Маяк» погрузился 2 полк с батареями, взяв с собой винтовки и пулеметы.

В Севастополе были погружены все чины Армии, кто не поколебался в решении разделить свою судьбу с нею. Не успели погрузиться лишь те, кто пришел с большим запозданием. Отряд полк. Новикова, не поддержавший Марковцев в последнем бою у ст. Курман-Кемельчи и отступавший, взяв более восточное направление, опоздал на погрузку и ушел в горы. По дошедшим сведениям, он сумел потом уйти в Сев. Таврию, откуда взял направление на запад к румынской или польской границе, но у Днепра был настигнут кавалерией и погиб.

К вечеру последние корабли ушли на внешний рейд. Несколько пуль просвистели над ними.

В Феодосии грузились Кубанцы, но погрузилась и Марковская жел.-дор. рота, принята ком-рами кораблей, как технические команды. Удалось по одиночке пробраться на пароходы и чинам Конной сотни 1 полка. Части Кубанцев пришлось итти в Керчь.

В Керчи грузились Донцы и подошедшие из Феодосии Кубанцы. Погрузилась и пришедшая от ст. Владиславовки, несшая до погрузки охрану Керчи, пулеметная команда 1 полка. Несмотря на то, что им досталось место в угольном трюме парохода «Дых-тау», их соседи, Донцы, припомнили Новороссийскую эвакуацию. Марковцам пришлось даже взяться за оружие.

Хуже обернулось дело с погрузкой 1-й батареи, пришедшей с Донскими частями. Ей было категорически заявлено одним из полковников Донского корпуса, что она, как принадлежащая к 1 корпусу, должна итти в Севастополь. Несмотря на напоминание, что батарея была приказом прикомандирована к Донскому корпусу, и на указание, что погрузка батареи не только обязанность для Донцов, а и вопрос чести, в штабе было коротко и ясно сказано: «В Новороссийске вашему корпусу не было дела до Донских казаков, а теперь — нам до вас».

«К счастью в батарее узнали, что среди военно-морских властей, ведавших погрузкой, находился кап. I ранга Потемкин, который, командуя морским отрядом, вместе со взводом батареи в феврале 1918 г., оборонял Батайск. Кап. Потемкин дал ответу: «Прошу передать г-дам офицерам и солдатам старшей Добровольческой части, что для нее во всех случаях место найдется». И место нашлось на железной барже — плавучем маяке. Ей не разрешили только взять орудия и лошадей. Вместе с ней были погружены команды двух бронепоездов и много других чинов и их семьи.

«В темноте подошла батарея. Орудия остановились на молу у самой баржи. Распрягли лошадей, вынесли седла, замки и панорамы, погрузили пулеметы. Лошадей вывели за ворота во внутренний двор пристани. Трубач сыграл сбор, после чего орудийная прислуга столкнула в море одну за другой все пушки и зарядные ящики.

Около 22 часов миноносец вытянул баржу на внешний рейд, где ее взял на буксир колесный пароход «Веха».

В МОРЕ

В ночь на 31 октября в Евпатории, на 2-е ноября в Севастополе, на 3-е в других портах все суда, могущие вынести морское плавание с чрезмерной нагрузкой людьми, стояли на внешних рейдах и ждали сигнала об отплытии. Куда? В неизвестность. Все надежды обращались на ген. Врангеля.

Ген. Врангель в это время послал представителю Франции, графу де Мартель, письмо такого содержания:

«Оставшаяся одинокой в активной борьбе с коммунизмом, Русская Армия, не взирая на сочувствие главной массы населения и рабочих, была вынуждена уступить подавляющему превосходству красных и оставить пределы России.

На суда погружены лучшие русские люди, совесть и разум которых не позволили им оставаться под большевистской пятой.

Я уже просил Вас ходатайствовать перед своим правительством о переброске Русской Армии на западный противобольшевистский фронт для продолжения борьбы против поработителей России, врагов мировой цивилизации и культуры.

В случае, если бы изложенное мое предложение не могло бы быть по тем или иным соображениям принято, возбудить вопрос о предоставлении Русской Армии и Флота в распоряжение международной комиссии по охране проливов».

***

На тральщике «412» утром бьют склянки с соблюдением уставного порядка— подъем Андреевского флага. На баке выстраивается Марковская учебная команда. «Смирно!» За кормой трепещет поднятый Андреевский флаг. Команда поет утренние молитвы. На палубе все стоят и крестятся.

Взоры всех направляются к родному берегу, уже отстоящему на 6—7 верст. В утренней дымке видна полоса земли, низменная, гладкая. Видны очертания Евпатории. «Красный флаг!» — кричит кто-то. Над каким-то зданием развевается победный флаг красных. Тяжелые, невольные вздохи.

Томительно протекает день. Сотни человек, может быть до тысячи и больше, набившиеся во всех углах тральщика, старались как-то устроиться. Стали выбрасывать за борт длинные ящики со снарядами для морских орудий. Было больно...

К единственному орудию на тральщике подошла команда и... раздался выстрел, другой, третий. Орудие било по пустым баржам, топило их. Они оказались ненужными и обременительными. Марковцы в первый раз наблюдали, как тонут в море суда.

Не далее как в версте от судов поднялось несколько фонтанов воды. Что это? Поняли не сразу. Это артиллерия красных пыталась обстрелять корабли, но снаряды не долетали. Это были последние снаряды красных по белым.

Вечер. На тральщике засвистали свистки, раздались команды. Опять выстроилась учебная команда. «Смирно!» Все встали. Одни сняли фуражки, другие взяли под козырек. Прошла церемония спуска Андреев-

ского флага. Учебная команда спела вечерние молитвы, а затем. собравшись в круг, запела добровольческие песни: «Пусть свищут пули», «Вскормили вы нас и вспоили, Отчизны родные поля».

Наступила ночь и все стали укладывать спать.

Тяжелые думы... Отрывочные разговоры...

В указанные часы корабли стали уходить в море, взяв направление на Босфор. Всего 126 судов с 145.693 чел., не считая судовых команд. На многих из них Марковцы. Сколько их, никто не знал, так как грузились они в разных портах и на разные пароходы. Всюду их было немного в сравнении с людьми других частей. Беспокойство о своих: погрузились ли?

Все, кто мог, старались выбраться на палубы, чтобы видеть удаляющиеся берега.

— До свидания, Родина! — говорили одни.

— Прощай! — говорили другие.

Кругов безбрежное море, к счастью, не слишком бурное. Однообразная картина. На кораблях теснота. Некоторые плывут с креном то на один, то на другой бок. Постепенно как-то разместились равномерно, отвоевывая места у ранее погрузившихся, расположившимися «с удобствами» и даже с большим багажем. Происходили крайне неприятные столкновения между бойцами и гражданскими и тыловыми лицами, заботившимися лишь о себе и о своих вещах.

Сразу же возник вопрос о питании. Бойцы погрузились почти ничего не имея, в то время как остальные имели мешки со всякого рода продуктами. И опять борьба, окончившаяся реквизицией провизии. Нужно было наладить приготовление и выдачу пищи и запаса питьевой воды, бывшего на пароходах. На тральщике «412», на «Бештау» взяли власть в свои руки Марковцы. Назначенные от них коменданты трюмов вели учет людям, наблюдали за порядком. Была объявлена мера пресечения беспорядков — выброска за борт.

1-я батарея плыла на пловучем маяке, взятом на буксир колесным пароходом «Веха» и в свою очередь взявшем на буксир небольшой испортившийся пароход. Вахты для наблюдения за буксирными тросами и у штурвального колеса несли чины батареи и команда бронепоездов. Дважды рвались тросы, вызывая панику среди пассажиров. Чтобы дать знать на «Веху», батарейцы открыли огонь из пулемета, а для подбодрения пассажиров запели бравурные песни. «Веха» сама почувствовала, что трос порвался, остановилась и скрепила его. Пассажиры, однако, не успокоились от возмущения «неуместными» песнями Марковцев.

Новая беда — маленький пароходик дал течь. Пришлось его пасса-

жиров перегружать на пловучий маяк, всего 36 человек. Переполненное суденышко могло принять их, но не их багаж, оказавшийся огромным. Это вызвало возмущение его обладателей; они даже угрожали револьверами. Но караул 1-й батареи допустил к посадке лишь лиц с ручным багажем. Первый же огромный чемодан какого-то генерала полетел обратно на тонущий пароход. Стрелять не пришлось, но приклады все же были пущены в ход. Против пассажиров этого пароходика было уже огромное возмущение: они имели значительный запас питьевой воды, но отказались дать какую-нибудь часть хотя бы для детей, страдавших от жажды на пловучем маяке. И возмущение стало еще большим, когда узнали, что пассажиры — чины штаба одного из корпусов.

А на «Херсоне», на который погрузился 1-й корпус, один из старших начальников вдруг громогласно объявил, что слагает с себя обязанности и становится обыкновенным пассажиром, как и все остальные. Но его слова попали не на ту почву, на которую он рассчитывал. Они произвели тяжелое впечатление. Ответил за всех ген. Туркул. «Вся внешность этого мужественного воина и волевого человека открыто выражала возмущение». Он в коротких словах заставил генерала не только замолчать, но и уединиться.

У КОНСТАНТИНОПОЛЯ

4 и 5 ноября корабли подплыли к Босфору и стали на якоря. «Не принимают?» — возникла мысль... Но вот на мачтах взвиваются французские флаги: Франция взяла под свое покровительство оставивших свою землю Русских. Вздох облегчения. Подымаются и желтые карантинные флаги.

Наутро корабли по очереди стали входить в Босфор. В числе первых — крейсер «Ген. Корнилов», на котором ген. Врангель. Крейсер подошел к месту стоянки международной эскадры близ Золотого Рога и только приспусканием флага отсалютовал военным судам. Те ответили орудийным салютом.

5-го на Константинопольский рейд прибыл маленький колесный пароход, тянувший за собою баржу-пловучий маяк. И как бы из уважения к доблести «Вехи», ей салютовал дредноут «Император Индии».

⁂

Постепенно перед Константинополем сосредоточилась вся Русская эскадра в 126 судов. Сразу же к каждому подплывали катера от Русского посланника и Красного Креста с хлебом и водой. Но сколько нужно было хлеба и воды, например, для одного «Херсона», на котором до 9.000 человек? Первая выдача — небольшой хлеб — «экмек» на 30 человек. Это только, чтобы разбередить аппетит, усилить его. «Выручали» турки-«кардаши», окружавшие корабли и предлагавшие за цен-

ные вещи, за Романовские деньги и, весьма неохотно, за билеты выпуска последних годов, тот же хлеб, инжир. Но пусты были карманы у бойцов. Особенно мучила жажда. Славная «Веха» пошла на хитрость: подняла сигнал «пожар», и быстро она и ее баржа были снабжены водой.

К кораблям подъезжали санитарные комиссии, но сделать они ничего не могли при полной забитости кораблей людьми. Подъезжали иностранные военные миссии с требованием сдачи оружия. Казалось — требование законное, но как не хотелось выполнять его. И не выполнили. С «Херсона» снесли сотни две испорченных винтовок, с других кораблей тоже понемногу. 1-я батарея просто отказалась выдать оружие зуавам и те вернулись ни с чем.

Подъезжали представители иностранных миссий, Красного Креста, Благотворительных обществ. «Осматривают нас словно зверей эти чистые, выхоленные люди. Приезжают бесцеремонные корреспонденты газет — прекрасная пища для их фельетонов. Появляются вновь испеченные представители лимитрофных государств, выуживая своих соотечественников, учитывая их голодную психологию. Наконец, приезжают практические американцы, которые быстро налаживают довольствие детей и женщин».

Муравейник кораблей. Человеческий муравейник на каждом из них. Неизвестность. Но вот корабли объезжает на катере под Андреевским флагом ген. Врангель.

«Могучее русское «ура» несется по рейду. Люди кричат из последних сил, совершенно искренне приветствуя своего Главнокомандующего, не утратившего перед войсками ни обаяния, ни авторитета. Все отлично понимают, что мы заграницей и вся надежда только на него. Он выведет их с честью из создавшегося положения».

***

День-два и на кораблях люди ожили: стали выдавать больше хлеба, консервов; в воде уже не было недостатка. Стали сгружать раненых и больных и размещать их по госпиталям Константинополя. Стали съезжать на берег «обитатели тюрмов», расставаясь со своими вещами, оказавшимися лишними, ненужными. Таково было требование иностранных властей, с которыми уже нельзя было не считаться.

Затем был получен приказ, касающийся Армии. Вся она сводилась в три корпуса: 1-й, Донской и Кубанский, отдельно — флот. Упразднялось, таким образом, немало штабов и всяких управлений. И приказ разрешал командному составу, не вошедшему в новую организацию армии, оставить ее ряды, как и служащим в разных военных учреждениях. Новые сотни людей стали высаживаться на берег. Разрешено оставить армию и по инвалидности и по слабости. Снова сотни. А в общей сложности — тысячи.

Наконец стало известно о размещении армии по лагерям: 1-й корпус — в Галлиполи, Донской — у Чаталджи, Кубанский — на Лемносе. Все военные суда направлялись в Тунис, во французскую морскую базу — Бизерту. С 13 ноября суда с частями армии стали покидать Константинопольский рейд.

В ГАЛЛИПОЛИ

В течении немалого числа дней, даже недель, выгружался 1-й корпус и размещался в маленьком полуразрушенном в Великую войну греко-турецком городке, забив в нем склады, сараи, разрушенные дома. Холодно, тесно, без пучка соломы на каменных полах.

Высадился штаб Марковцев. Три офицера с какой-то осторожностью и торжественностью несли под длинному свертку в кожанных футлярах. Это были Николаевские знамена полков. Молва быстро разнесла эту новость. И необычайную грусть переживали все.

14 ноября, приказом по 1 корпусу, все дивизии сводились в полки: Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевский (из чинов 2-го и 3-го корпусов) и Отдельный Гвардейский бат-н, составившие пехотную дивизию. Части регулярной кавалерии составили кавалерийскую дивизию. Шефские арт. бригады сводились в дивизионы при своих полках. При каждом полку были и свои инженерные роты. Отдельно — 5 и 6 арт. дивизионы.

Все эти части перешли из Галлиполи за шесть верст в долину «Роз и смерти», где построили лагерь из английских палаток. В центре каждого полка в особых полуоткрытых палатках стояли их знамена и около них — часовой.

И только в лагере Марковцы увидели, наконец, заслуженные ими Крестоносные знамена, на которых лик Николая Чудотворца и бессмертные слова: «Верою спасется Россия». Потом к трем знаменам присоединилось четвертое, Императорское, неизвестного полка.

В Марковский полк были влиты остатки гренадер и Миллеровцев, всего около 100 человек.

Месяцы собирались Марковцы, плывшие из Крыма на десятке пароходов, попавшие в лагеря Донцов и Кубанцев и выписывающиеся из госпиталей. В итоге сила их, уступая другим полкам, составилась так:

Полк — три бат-на, учебная, пулеметная и ординарческая команды	1.100 чел.
Артиллерийский дивизион	500 »
Конный дивизион	160 »
Инженерная рота	120 »
и отдельно стоявшая между городом и лагерем, занимавшаяся прокладкой конной узкоколейки, Железно-дорожная рота	150 »

Все были вооружены винтовками; имелось 15 пулеметов и немало патронов.

Полк принял, наконец, ген. Пешня; его помощник — полковник Докукин.

Началась уставная лагерная жизнь и занятия. Устроена церковь, театр, баня. Составился струнный оркестр из самодельных инструментов, драматическая труппа, хор «Братьев Зайцевых». Помимо учебной команды были по полку обер- и штаб-офицерские курсы. С началом тепла и сухой погоды образовались разные спортивные команды. Принимались меры к составлению полкового духового оркестра.

Генерал Пешня

Жизнь кипела не только в Марковском полку, но и в других. В городе, где стоял штаб корпуса, находились пять военных училищ, Технический полк, «Галлиполийские» роты, мастерские, отличный корпусной театр, библиотека-читальня, гимнастическая школа; была и гимназия имени ген. Врангеля, в которой учились дети всех возрастов. Регулярно читались лекции по высшим дисциплинам, как в городе, так и в лагере. Устраивались сеансы устной газеты.

Вся жизнь и города, и лагеря была построена на здоровых национальных началах и совершенно не напоминала жизнь концентрационных лагерей, как об этом писали некоторые газеты левого направления.

Естественно, что неудача в борьбе с красными, оторванность от Родины, неопределенность будущего, жизнь на диком полуострове, полуголодная и нищая давили морально. К этому прибавился еще нажим французов с целью роспуска армии. И в армии возникали кризисы, но их разрешали тем, что предоставляли желающим полную свободу уйти на все четыре стороны. Ушли тысячи, но десятки тысяч остались. Марковцы уменьшились несколько в числе.

Армия сохранилась даже перед угрозой прекращения выдачи продовольствия. Она готова была силой пройти из Галлиполи на север в славянские страны и даже на Константинополь. И к этому она была готова. На руках у начальников были уже и копии карт местности. Угроза французов обернулась угрозой для них и они продолжали выдавать продукты.

Мысль о продолжении борьбы за освобождение Родины оставлена не была, тем более, что доходили известия о продолжавшейся борьбе на Дальнем Востоке и о сильных восстаниях на Родине. Они радовали: не может народ терпеть коммунистическое иго. Доходили и печальные известия о страшном голоде. И армия из своего скудного пайка дневную порцию отправила через американскую организацию на Родину русским голодающим людям.

Через год армия постепенно оставила свои лагеря и переселилась в Болгарию и Югославию. Еще через год она стала расходиться на работы. Надежды на продолжение вооруженной борьбы падали: те государства, которые в разное время хоть как-нибудь помогали в борьбе с большевиками, вступили с ними в дружеские отношения, а став друзьями Советов, уже не могли выказывать дружелюбие к своей бывшей союзнице — Русской Армии.

А армия, расселившись по всему миру, сохраняя свою военную организацию, приняла другую форму — военно-общественную — под именем Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), в который вошли и все боровшиеся на других фронтах.

Эвакуированные из Крыма носили особый знак: черный крест с белой каймой, с надписью «Галлиполи», «Лемнос», «Чаталжа», «Бизерта», с датами: 1920—1921 г. г. Для тысячи Галлиполийцев дата была: 1920—1922 г.г.

Для большей свободы продолжать всемерно борьбу с большевиками, в мире, установившем сношения с ними, Галлиполийцы объединились в Галлиполийский Союз, организацию, построенную исключительно на общественных основах.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Русская армия ведет борьбу не только за освобождение и благо России, но и за мировую культуру. При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдержать волну красного интернационала, которая зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится до Нового Света».

Ген. Врангель

В Болгарии Марковские части расположились: полк в северной ее полосе, в г.г. Орехово на Дунае и Белградчике; остальные в центральной.

Вскоре, за неимением средств содержать Армию, ее чины были отпущены на работы, в свободное время собираясь в своих «семьях», где им был «и стол и дом». Постепенно стали разъезжаться по разным странам, образуя там свои ячейки.

Но став на трудовой путь, бойцы сохраняли не только непримиримость к большевикам, но и стремление к продолжению борьбы с ними.

Марковцы вошли в тайную организацию ген. Покровского, но генерал был убит в Болгарии красными агентами. В это же время, 1922—23 г.г., они приняли участие в подавлении коммунистического восстания в Болгарии.

Они входили в тайную организацию ген. Кутепова, говорившего: «Борьба продолжается и должна вестись всеми способами и средствами». Ее агенты (общеизвестен кап. Ларионов, убит кап. Чернов) проникали на территорию Родины. В 1930 году большевики в Париже похитили ген. Кутепова.

Его дело продолжал ген. Миллер. В 1936 году был похищен и он.

Союз Галлиполийцев твердо стоял на путях борьбы и непримиримости. «Не было у нас никогда желания превратиться в организацию, члены которой связаны только воспоминаниями об общем прошлом». «Галл. крест — не символ траура, а знак призыва к неустанной борьбе за освобождение и счастье Родины».

А когда в 1935 году коммунисты подняли восстание в Испании, в белую армию ген. Франко нелегально пошли Марковцы и их соратники.

Давно уже умер ген. Врангель (в 1928 г.), но продолжавший жить борческим духом Р. О. В. Союз, уже без оружия, неуклонно выполнял завет своего Вождя, данный в приказе № 179 (стр. 340). Он представлял собой миссионера Свободной Нац. России за рубежом и, как таковой, для красной власти был врагом № 1-й.

Он дал немало борцов, ставших на политический и революционный путь борьбы, включившись в политические организации, мало имевшие общего со старыми. Некоторые Марковцы проявили в этих организациях большую активность и заняли в них ответственные и руководящие посты. (Кап. Орехов).

Немало сотрудничало и продолжает сотрудничать в анти-большевистской печати Зарубежья; в отдельных случаях на постах редакторов и издателей. Другие играли и играют большую роль в общественной и церковной жизни. Были и есть среди Марковцев и ставшие священнослужителями; один из доблестнейших офицеров 1 полка прославился строительством около 20 храмов.

По силам и возможностям Марковцы пробивались к лучшей материальной жизни. Но на всех отражались и жизнь трудовая за границей и нагромождение годов.

Вот письмо, написанное одним из них, незадолго до смерти:

«Еще перед войной (1939 г.) прочел в газете маленькую статью, которая называется — «Марковцы». Она мне так понравилась, что я заучил ее на память почти целиком.

«Марковский полк — доблестный полк, поистине легендарной «цветной» дивизии. У него была странная траурная форма: черные погоны, черные с белым фуражки, черная гимнастерка и бриджи. Это — был траур по России. Марковцы обрели в себе необыкновенную силу, трагическую доблесть, жертвенную решимость во имя Родины. Это они, Марковцы, в своей черной форме, равняясь, шли как фантом без выстрела на неприятельские окопы. И врага парализовал вид этого сверхчеловеческого упорства, этих людей — теней. Об их дивизии свидетельствует и сам враг».

Дальше этот Марковец много писал о «Добровольцах» и о себе самом. Его мучила и «добила чужбина и тоска», но он был верен идее и боролся за нее до последнего своего дня, всегда повторяя:

«Да здравствует Россия!»

Вторая мировая война...

Воспрял борческий дух и снова на борьбу с мировым злом, в борьбу за освобождение Родины.

Трудно было уже — подорвались физические силы, но часть и немалая пошла: одни — по зову ком-ра полка, ген. Жданова, заместившего в 1936 г. умершего ген. Пешня, в Русский Особый Корпус (РОК), сформированный в Югославии из чинов РОВС-а и добровольцев из бывших красный бойцов; другие — в Русскую Освободительную Армию (РОА) ген. Власова; третьи — в политические организации, всякими путями, тайно от германских властей, направлявших своих членов на родину для революционной борьбы за Национальную Россию, Единую, Великую, Неделимую; четвертые — бились там, где их застала война.

Опять жертвы.

В рядах РОК, в котором было до 60 Марковцев, умер последний ком-р Марковского полка, ген. Жданов и еще несколько; убито 6—7, из них: пполк. Чибирнов Т., кап. Бейнар, шт.-кап. Малышев; в Риге убит кап. Штраус, и др.

В Польше убиты: кап. Якуцевич и пор. Самошин, который в марковской форме, сохраненной им, вступил в отряд, противившийся наступлению Кр. армии.

Под Петроградом, в рядах испанской голубой дивизии, погиб подпоручик Гончаренко.

В РОА один из Марковцев командовал 1-м полком; другой был нач-ком связи в противотанковом бат-не; третий, теперь умерший, подпрап. Сербинов, в чине лейтенанта был ранен.

За Марковцами следовали их сыновья: в РОК был убит сын шт.-кап. Малышева.

И вполне обоснованы нижеследующие строки сборника, посвященного 40-летию 1-го Кубанского похода:

«Поход продолжается и надеемся, что идущие нам на смену поколения, рожденные и в изгнании, и в нашем Отечестве (ныне СССР) закончат этот поход свержением коммунистов и восстановлением России на исконных исторических начала Святой Руси».

«Верою спасется Россия».

Для Марковцев жива эта Вера с начала их борьбы и до конца. С нею связано все, что они делали и делают во всех сторонах «тяжелой и ответственной борьбы, требующей новых путей, жертв и усилий».

И была и есть еще законная гордость своей принадлежностью к одной из Марковских частей.

За долгие годы эмиграции не было в среде Марковцев никаких громких скандальных происшествий, пятнающих имя части.

Были срывы... Перешел к красных в первые годы эмиграции недоброй памяти ген. Гравицкий и несколько других. Потом взяли советские паспорта и уехали на Родину — ряд других. Любя Родину, как и все, они признали Ее как СССР; они сочли, что коммунизм победит во всем мире. Сорвались и те, кто растворился в иностранном мире и ушли в бытовую жизнь.

Ежегодно, в День Св. Сергия Радонежского — праздник Марковцев — встречаются старые бойцы. Но нет с ними их крестоносных Николаевских знамен. При эвакуации из Белграда (Югославия) когда все Марковцы были в РОКорпусе — пропали знамена в Германии.

Молитвенно склоняют головы бойцы и поют «Вечную память» — Шефу и всем ушедшим своим соратникам. А затем, громко воскликнув — «Да здравствует Россия!», в дружеской беседе заговорят... о чем? Пусть об этом скажет стихотворение одного из них:

Образ, в даль отошедших времен,
Жизнь во мне не смогла затуманить, —
Длинный ряд драгоценных имен
Бережет благодарная память.

Каждой строчкой в былое маня,
За страницей мелькают страницы,
С них спокойно глядят на меня
Дорогие соратников лица.

Не грусти ж моя память, не плачь,
А еще и еще мне поведай
Про тяжелую боль неудач,
Про великую радость победы.

Подтверди, что и впредь, как и встарь,
Мы для Родины нашей не мертвы, —
На Ее Лучезарный Алтарь
Снесены ненапрасные жертвы.

Говори, не устань повторять,
Что не будет Россией забыто,
Как была Ее каждая пядь
Добровольческой кровью залита.

Расскажи про исполненный долг,
В дни крушенья моральных устоев, —
Про мой траурный сказочный полк,
Про его незаметных героев.

Чем была нам Родная Страна
И знамена Ее боевые;
Расскажи, что дала нам Она;
Расскажи, что мы дали России.

И в сердцах, в беспросветную ночь
Омертвившего душу изгнанья,
Нашу Русскую веру упрочь
В необорную силу страданья...

Ю. Р.

ЭПИЛОГ

Три года напряженной борьбы. Каждый день — служение Родине. Каждый день — новые и новые жертвы во имя Ее. И... все оказалось напрасным...

Да так ли это? Разве, понеся полное военное поражение, Марковцы, Корниловцы, Дроздовцы... не одержали в то же самое время и немалую моральную победу?! Разве не спасена ими честь Русского национального Знамени, честь Русского Солдата — Офицера и Рядового?!

«Для меня, долг — мертвая буква без понятия Родины, как и воин без представления самопожертвования и чести, и патриот без готовности умереть за свое Отечество». (Ген. Марков).

Этим, по существу, сказано то, что было основным побуждением начать борьбу у первых Добровольцев и у примкнувших к ним в дальнейшем новых борцов за Отечество.

Но их оказалось мало на всю необъятную Россию, когда нужда в них была наиболее острой — в последние месяцы 1917 и летом 1918 гг., когда советская власть была еще слаба и ее вооруженные силы были не организованы. На зов Корнилова и Алексеева отозвались всего две-три тысячи верных сынов Родины из многомиллионной армии, из нескольких сот тысяч офицерства. К Деникину прибыло, может быть, вдвое больше в критические недели начала освобождения Северного Кавказа. А будь это десятки тысяч, история России потекла бы по иному руслу и от скольких страданий она была бы спасена....

В то время, когда единицы прорывались на Дон, чтобы принять участие в борьбе, остальные чего-то выжидали или просто «умыли руки», а некоторые уже готовились делать карьеру у «новых хозяев». Много было скептицизма и критики и в отношении политических установок вождей Добровольческой Армии. Для одних они были слишком «правыми», для других, наоборот, слишком «левыми». А все они — те и другие — своей пассивностью содействовали тому, что красная диктатура с каждым днем сильнее укрепляла свои позиции, а потом потребовала и их самих к кровавому расчету, который длился и дальше десятки лет, пока они были в живых. Жестокую кару понесли они за свою измену долгу перед Родиной. Кару бесславную. Им нечем было ответить на вопрос:

«Где ты был, когда в битву с врагами мы шли,
Победить или погибнуть готовые...?»

А Добровольцы шли... Шли, сознательно отбросив политические разногласия, расставшись с семьей, мужественно отказываясь слушать отговоры и уговоры. Из всех ценностей они выбрали одну единственную — Благо Родины Своей. Долг видели в служении Ей, но во всеоружии воинской чести.

Служили не слепо, а каждый вкладывал свою долю не только храбрости, но и личного уменья в ведении боя, какую бы должность он ни занимал.

Сражаться три года со всегда превосходящим численностью, снаряжением и техникой противником — неоспоримый подвиг. Без этого подвига, без начатой ими в зиму 1917—18 гг. борьбы с наглыми захватчиками власти, — на всю Русскую Историю, на честь Русской Армии, на совесть Русского Народа — пало бы несмываемое пятно. Нет, Добровольцы не склонили покорно шею перед насилием. Горячей кровью оросили щедро Родную Землю.

Но они не отвергают и своей ответственности за многие из их ошибок, которые привели к поражению. И не пытаются свалить ее целиком на тех, кто был в тот или иной момент Вождем Армии.

Тем более, что самой важной из этих причин, была, как уже сказано, пассивность русского офицерства и общества в первые месяцы после Октябрьского переворота. Эта причина лежала вне воздействия Добровольческой Армии и ее вождей.

Солдатская масса, даже в ее унтер-офицерском составе, оказалась совсем отсутствующей в частях Добровольческой Армии при ее зарождении, разве только в Корниловском полку. Но затем, в качестве, главным образом, «военнопленных», т. е. бывших красноармейцев, она была представлена на добрых 90% в составе даже лучших, бывших офицерских, полков. И дралась безукоризненно. Во всяком случае, много лучше, чем до этого в рядах Красной армии. Как редки были в Марковских частях случаи обратного ухода к красным или массовой сдачи в бою. Дезертирство наблюдалось лишь в моменты таких кризисов, как отступление от Орла или при отходе к Новороссийску. И это наилучший показатель, что солдат — прямой представитель широких масс русского народа — не был политически и социально враждебен Белому Движению, и очень ценил простые и дружелюбные взаимоотношения с офицерами и в бытовой и в боевой обстановке, где дисциплина была строгая, но без всякой отчужденности.

Это дает право утверждать, что и Русский Солдат принял свое участие в борьбе за Родину и десятки тысяч «рядовых» пали в боях против красных.

Как отнесется к тому, что описано в этой книге, русский читатель или ученый исследователь через 25—50 лет, предугадать трудно. Хочется думать, однако, что, прочитавши ее внимательно и подумав над

тем, что случилось с Россией и со всем миром после победы Красных над Белыми, он признает, что другого пути, кроме вооруженной борьбы, для русских людей не было...

А каждый из уцелевших еще участников этой борьбы, оглянувшись на полвека в прошлое, не станет упрекать себя за неправильный выбор.

Наоборот, с гордостью его отметит, как главную заслугу и оправдание своей жизни.

В. Б.

Не сосчитать число боев, не сосчитать и число понесенных Марковцами потерь.

Не потерями оценить их борьбу. Не уходом за рубеж Родины дать итог их борьбы.

Они поставили Памятник жертвам своим и своим полкам, батареям, ротам...

Кто без особо глубокого чувства и без сосредоточенной мысли не остановится перед ним?

Кто не прочтет его и не побудит прочитать другого?

На нем кровью Русских Белых бойцов написано:

«Памятуйте о Родине и ей в изгнании отдайте все свои помыслы и дела».

В. Князь Николай Николаевич

и еще — слова всех ушедших в мир иной и здравствующих Марковцев — «Да здравствует Россия!»

Ноябрь 1964 г.

Подполк. Павлов

Составитель 2-х томов: **Марковцы в боях и походах за Россию**

Приложения

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛОМ С. Л. МАРКОВЫМ

Вероятно в жизни многих людей неожиданная встреча или какой-то, как будто маловажный случай, оказывали влияние на жизнь человека, направляя ее по новому направлению и даже спасая его от смерти.

О такой встрече я и хочу рассказать.

После захвата власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 года, Чрезвычайная Следственная Комиссия по «Делу ген. Корнилова» стала выпускать из Быхова младших офицеров и других лиц, не имевших большого значения в выступлении ген. Корнилова. Оставались в заточении генералы Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский и Романовский, несмотря на падение Вр. Правительства и все более и более усиливающихся угроз большевиков захватить Ставку Верх. Главнокомандующего и «ликвидировать» Быховских узников.

Нужно сказать, что жизнь Быховцев была сохранена верностью Текинского полка, не пожелавшего оставить на произвол судьбы своего «Бояра» — ген. Корнилова и отчасти присутствием в Быхове штаба одного из полков Польской дивизии, с которым комендант Быхова установил связь.

Для упрочения этой связи ген. Довбор-Мусницкий, ком-р польского корпуса, штаб которого находился в Минске, по просьбе ген. Корнилова, согласился назначить меня вр. и. д. нач-ка штаба польской дивизии в Быхове.

До принятия этой должности, я, по просьбе генералов Маркова и Романовского, поехал сопровождать их супруг в г. Сумы, где жила и моя жена, т. к. хаос на железных дорогах все усиливался.

В Сумах я провел один день и собрался в обратный путь. На вокзале, носильщик взял мои вещи и пошел за билетом, а я уселся у стола. Было тихо и я задремал. Но тишину нарушили чьи-то твердые шаги и стук отодвигаемого стула у моего стола. Сон слетел и я увидел севшего наискось по другую сторону стола офицера, судя по погонам — поручика саперных войск. Увидев, что я поднял голову, поручик приподнялся и отдал мне честь. Я ответил. Лицо офицера показалось мне необыкновенно знакомым, но кто он, я не мог сообразить, решил подойти к нему и я узнал... ген. Романовский.

— Почему вы здесь и в форме поручика? — спросил я.

— Вчера мы покинули Быков и сегодня вечером приехали в Сумы, заехали к Харитоненко и едем дальше на Дон.

— Кто это — мы?

— Я и ген. Марков. Он на платформе — пойдем, я вам его покажу. Генералы покинули Быхов, переодевшись как кто хотел, а ген. Корнилов ушел походным поряком с Текинским полком. Быхов опустел.

На платформе мы прошли мимо какого-то солдата, стоявшего облокотившись на фонарный столб, который покосился на нас и продолжал не меняя позы лузкать семечки. Дойдя до конца платформы и не видя ген. Маркова, я с недоумением спросил:

— Где же ген. Марков?

Мы вернулись и подошли к солдату. Я поднял было руку, чтобы отдать честь, как тот зашипел на меня:

— Попробуйте только отдать честь и назвать меня Ваше Превосходительство!

Я невольно рассмеялся — такой у него был настоящий вид революционного солдата.

— Ну, что хорош? — усмехнулся ген. Марков, — нагляделся я на них; оказалось не так трудно быть сознательным революционным солдатом!

Мы говорили в пол-голоса.

— Итак, вы едете на Дон и в Быхове никого нет. Могу ли я туда ехать?

— Конечно! Прите на Дон и не задерживайтесь, иначе будет трудно туда добраться — большевики быстро распространяются к югу.

Подошел поезд, идущий на Харьков. Марков вошел в третий класс, а Романовский — во второй. Ген. Марков помахал мне рукой с площадки вагона и поезд ушел.

Я вернулся к жене и рассказал о встрече с генералами и через день, в штатском костюме, с паспортом гражданина г. Сумы, я ехал в Новочеркасск и благодарил Бога за эту ночную встречу. Если бы ее не было, я, вернувшись в Быхов, попал бы прямо в руки банде Крыленко, разгромившей Ставку.

Хочу сказать еще несколько слов о ген. Маркове. Впервые я увидел его на экзаменах в Военной Академии — он экзаменовал нас по уставу, а в течение года был одним из наших руководителей по тактическим занятиям. Его побаивались за сарказм и некоторую раздражительность при неудачных ответах.

В Быхове относились к нему очень хорошо, потому, что знали его как храбрейшего офицера и ярко выраженного противника большевиков. Он первый поднял вопрос о необходимости создания армии на добровольческих началах и возможно скорейшего начала борьбы с большевиками.

Я вспоминаю, как лестно было мне во время Кубанского похода дважды заслужить его похвалу.

С. Ряснянский

СПИСОК МАРКОВЦЕВ,

давших устное или письменное свидетельство для 2-й книги

1. — Полк. Битенбиндер — нач-к штаба Марковской дивизии.
2. — Полк. Марченко — ком-р 1 полка.
3. — Полк. Савельев — ком-щий 3 полком.
4. — Полк. Сагайдачный — ком-щий 3 полком.
5. — Полк. Фриде — ком-р зап. полка.
6. — Ген. Жданов — ком-р Марк. полка за Рубежом.
7. — Полк. Рябухин — воз-щий Объединение Марковцев.
8. — Полк. Алабовский
9. — Пполк. Бутенко
10. — » Федоров
11. — » Залеткин
12. — » Касьянов
13. — » Ждановский
14. — » Архипов
15. — » Павлов
16. — Кап. Рейнгард
17. — » Махнушка
18. — » Веселовский
19. — » Стаценко
20. — » Зражевский
21. — » Гапон
22. — » Чеботкевич
23. — » Месняев
24. — » Янчук
25. — » Моисеенко
26. — » Пляшкевич
27. — » Шевчук
28. — » Гутброт
29. — » Космачевский
30. — » Усиков
31. — » Лукаш
32. — » Ушаков
33. — » Стрелин
34. — » Третьяков
35. — » Белов
36. — » Мудров
37. — » Шторх
38. — » Рябинин
39. — » Simененко
40. — » Погорлецкий
41. — » Урфалов
42. — » Тягун
43. — » Завьялов
44. — » Юренинский
45. — » Рожков
46. — Шт. Кап. Никульников
47. — » » Лукашев
48. — » » Царевский
49. — » » Архангельский
50. — Пор. Гольдшмидт
51. — » Котягин
52. — » Кудряшев
53. — » Незнамов
54. — » Пепескул
55. — » Сенаторов
56. — » Гутов
57. — » Захаревский
58. — » Май-Борода
59. — » Байдашников
60. — » Жданович
61. — » Прокудин
62. — » Беликов
63. — » Новоборский
64. — » Прокопович.
65. — » Прудников
66. — » Кот
67. — П. пор. Терновский
68. — П. пор. Филлипов
69. — П. пор. Курилов
70. — П. прап. Сербинов
71. — С. мил. Курбская Н.
72. — С. мил. Бакитько Н.
73. — В. чин. Тумаков
74. — Вольн. Моженевский

Марк. артил. бригады:
75. — П. полк. Щавинский
76. — Кап. Боголюбский
77. — Кап. Шкляр
78. — Канонир де-Тиллот

Марк. инжен. роты:
79. — П. полк. Носович
80. — Кап. Заустинский
81. — Чин. Вангенгейм
82. — Ст. у. оф. Киричек

Марк. ж.-дор. роты:
83. — Кап. Коханский
84. — Кап. Орехов
85. — Кап. Ошевнев
76. — Кап. Залевский
87. — Ппор. Лебедев
88. – С. мил. Гарбенко Е.

Марк. кон. дивизиона:
89. — П. прап. Ершков

Штаба М. дивизии:
90. — Шт. к. Романов

Штаба 1-го корпуса:
91. — Кап. Шилов
92. — Пор. Корольков (Марк. тел. роты)

Бронепоезда «Ген. Марков»:
93. — Пор. Макаренко
94. — Санит. поезда им. ген. Маркова с. мил. Шилова В

О походах Марковцев кроме перечисленных лиц дали:

1. — Ген. Писарев — к-р 1 корпуса
2. — Ген. Черепов — нач-к 2-й дивизии
3. — Ген. Шт. Полк. Ряснянский
4. — Полк. Левитов — к-р 2-го Корн. полка
5. — Кап. Куломзин — нач-к Дебальцевского ж.-дор. узла
6. — Пор. Критский — отдела разведки штаба 1 корпуса
7. — Корн. Адамович — Св. Гвард. кав. полка.

МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ КНИГИ

1. — Календарь боевых действий 3-го полка, ведомый оперативным адъютантом — кап. Цимбаловым.

2. — Календарь действий Мар. дивизии, составленный комиссией в 1937 г. в составе: кап. Дедусенко, кап. Шевчука и кап. Рузданова.

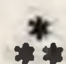
3. — История Марк. арт. бригады, изданная в 1931 году комиссией в составе 20 человек.

4. — «Очерки Русской смуты» — ген. Деникина.

5. — «Записки ген. Врангеля».

6. — Книга «Ген. Кутепов».

7. — Архив Марк. арт. дивизиона.

Читавшие 1-й том, не только были захвачены описанием событий, но и действиями отдельных лиц. Следовали вопросы:

«Что-же с кап. Згривец, исключительным начальником, выдвинувшимся из рядовых солдат, отмеченным Георгиевскими крестами и офицерскими боевыми наградами?»

Действительно — упущение!

Кап. Згривец был убит под Екатеринодаром в конце марта 1918 г.

«Что-же с прап. Шмидтом? Как мог этот мужественный и полный инициативы офицер из прапорщиков запаса бесследно исчезнуть со страниц книги?»

В 1918 г., после взятия Еатеринодара в августе месяце, он уехал в отпуск в свой Екатеринослав и там был убит петлюровцами.

В книге приводится лишь незначительное число фамилий, участников походов и боев. Многие, очень многие фамилии, деяния которых выходили из ряд обычных для всех Добровольцев, не были упомянуты. По поводу этих деяний как-то в свое время высказался кап. Шевченко, Георгиевский кавалер и огромного мужества начальник:

«Когда наступит мирное время, я в Марковском полку не останусь, а переведусь в другой: в нашем полку не сделать карьеры при доблести всех».

Но нужно упомянуть фамилию артиллериста — шт. к. Мино и сказать о нем.

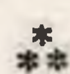
Легко выполнять свой долг в рядах части, сохраняющей порядок и дисциплину... Портупей юнкер Константиновского Арт. училища — Мино был в своей части — училище. У власти большевики. Училище под арестом и под наблюдением революционного комитета. Начальство растерялось и бездействует. При таком положении о дисциплине, уставной, говорить не приходится.

Но есть Дисциплина высшего порядка, которая не покинула юнкеров и среди них — Мино, Лысенко (в книге упоминается) и др. и по общему поручению они действуют. Мино пробирается из училища, связывается с организацией ген. Алексеева. Приказ — на Дон! Он возвращается в училище; передает приказ; раздает полученные из организации подложные документы, деньги и пр.

В Новочеркасск в течении нескольких недель прибывает до 200 юнкеров училища. Это дело, гл. обр., юнкера Мино.

В Добрармии он участник похищения орудий в с. Лежанка; он с батареей в отряде Чернецова; в 1 и 2 Кубанских походах. Затем он в батарее — «Детский сад». В Крыму он ком-р конного арт. взвода. С одним орудием с Перекопа прибывает в Севастополь на погрузку.

Шт. кап. Мино умер заграницей.

Книга составлялась гл. обр. на основании свидетельств Марковцев. Все, что касается самих их сверено, сличено с рядом свидетельств.

Но, касательно соседних частей, возможны были не столько ошибки, сколько упущения.

Так произошло относительно Дроздовцев.

Марковцы сознаются в своем упущении и заявляют: Дроздовцы участвовали во взятии Екатеринодара 3 авг. 1918 г., вошли в город и участвовали на параде.

За Крымский период борьбы 29 Марковцев — артиллеристов и пехотинцев, были награждены Орденом Св. Николая, среди них несколько солдат. Много солдат получили Георгиевские кресты и медали.

Есть запросы о потерях Марковцев.

Насколько было возможно подсчитать, — в грубой цифре они достигают до 30.000 чел. кровавых потерь. Среди них число убитых можно считать доходит до 20% — т. е. 6.000 чел.

К потерям вообще нужно прибавить:

— Без вести пропавших — их сотни.

— Дезертиров — 1—2.000 чел.

— Открыто сдавшихся, перешедших в стан врага — немногие сотни.

— Открыто оставшихся («мы остаемся») — немногие сотни.

— Захваченных в плен — немногие тысячи.

Относительно сдавшихся. Было 2 случая «массовой» сдачи при отступлении от Ельца: в 1-м полку — до 100 чел., когда пор. Крицман застрелил офицера, воспрепятствовавшего сдаче; и 2-й случай во 2-м полку, не попавший в текст, ввиду позднего о нем сообщения — сдача взвода с 3 офицерами и 3-мя пулеметами. В обоих случаях два офицера были ком-рами взводов и все — мобилизованными в Курске и Ливнах.

Запрашивают и о числе боев Марковцев.

В воспоминаниях одного есть подсчет: он был в 57 боях за 22 месяца его состояния в полку, от августа 1918 г. до конца. Но он, как и другие Морковцы подсчитали — во 1-х — наступления, отступления и отбития атак, но не дни, когда были просто под арт. и ружейным огнем; и во 2-х — только бои на их участке, а не на соседних, хотя бы и соседней роты.

Они не подсчитывали сраженья и дни, проведенные в них. Наступление от Корочи до Ливен — сплошное сражение, в течении 30 дней. Бои у Ельца и отход в Донбасс, с его последним боем у Чистяково — сражение в течении более 65 дней. Бои в Сев. Таврии на линии Карачекракской лощины и на линии Пришиб—Михайловка — сражение без перерыва — 45 дней. В «последней схватке» в Сев. Таврии проведено было 9 дней. Хотя двое суток из них Марковцы были вне огня, но провели они их в маневре-марше в 70 верст, стоившем им больших потерь отставшими.

Подсчитать дни, проведенные в сражениях, крайне сложная задача.

Не числом боев и даже не числом кровавых потерь, можно оценивать служение Родине, но духом, преданностью Идее и самопожертвованием.

Конец венчает дело и закончить книгу Марковцы хотят сказанием о своих **героинях — сестрах милосердия.**

Они в передовой линии, всегда непосредственно за ротами. В их распоряжении санитары, санитарные подводы — неотъемлемая часть роты.

На гребне идет бой, а перед ним в низине сестра со своей командой. Она перевязывает раненых, грузит их, грузит и убитых, отправляет в тыл. Никто, уходящий с передовой линии, не останется ею незамеченным. Залегшего здорового она «подбодрит»: ее слова убедительнее крепких слов и даже строгого взгляда к-ра роты.

Сколько должно быть у сестры мужества?! Снаряды разогнали ее команду — она должна быстро ее собрать, указать место. Она командует, распоряжается.

Но иногда... бежит к ком-ру роты в слезах, а получив в ответ короткое:

«Сестра, не распускайте нюни!», берет сразу же себя в руки.

Внезапный отход. Сестра узнает — один раненый не вынесен. Она бежит туда, где может быть тот, бежит вперед, пробегая свою отступающую цель. Цепь останавливается. За сестрой бегут 2—3 бойца. Красные всего в сотне-другой шагах; усиленно стреляют по белой косынке. Но раненый вынесен, хотя и пал убитым один боец и дважды ранена сестра.

Сестра замечает — красные обходят; бежит к своей цепи:

«Нас обходят! Скорей туда! Остановить их!» — кричит она и ее

слушаются. Пока об обходе узнал бы ком-р роты, положение могло стать трагическим.

Сестер ценили и ставили высоко, а ком-ры в особенности: ведь они надежный залог полного порядка в тылу частей. Раньше такую роль выполняли фельдфебеля, а теперь они в цепи.

Тяжелое положение — часть охвачена с 3-х сторон. «Сестра, уходите!» — кричит ком-р. Она не уходит, продолжает перевязывать раненых. Часть вынуждена держаться; ее выручит присланный ком-ром бат-на пулемет, или отделение, или взвод — 10—20 бойцов.

Часть попала в тяжелое положение, стала отходить, оставляя раненых. Ее сестра бежит в соседнюю часть находящуюся за перегибом местности. «Спасите раненых!» — говорит к-ру части и он направляет спасать часть своих людей.

Иногда в руках сестер появляется револьвер. Это крайний случай: остановить обезумевших, вернуть их обратно в цепь или заставить помочь себе.

Батальон окружен. Отбивается. Сестра делает перевязки, хотя и видит безнадежность положения.

«Оставьте меня! Других...» — говорит ей тяжело раненый офицер. Но сестра должна перевязать его. Офицер требует отойти от него и угрожает ей револьвером. Она отходит к другому раненому. Кольцо вокруг батальона сжалось. Офицер застрелился, а сестра погибла с остатками бат-на.

Ген. Тимановский заявлял: командиры рот строго отвечают за своих сестер.

Сколько пало их в рядах дивизии? До двадцати и среди них нет ни одной не раненой.

Бой окончен. Бойцы так или иначе отдыхают. Но нет отдыха сестрам: они отправляют раненых; заботятся, чтобы им не было тяжело или холодно в пути; озабочены отправить с ними их вещи... А затем, они присутствуют при похоронах убитых; оказывают помощь заболевшим... У них еще забота: пополнить свою и санитаров сумки нужными медикаментами — возможен внезапный выход снова в бой. Не всегда у них бывает время для отдыха.

Заботами и вниманием всегда старались окружить своих сестар Марковцы.

Не Георг. медалями, крестами оценить их служение. Терновыми и лавровыми венками должны быть увенчаны их головы.

В лице сестер Русская женщина показала всю силу милосердия своей души.

Она в междуусобную войну показала еще, что она способна быть и бойцом с оружием в руках; что и гражданский долг перед Родиной

в борьбе за Ее счастье и благополучие, — ей не чужд, ей свойственнен.

Не забыты Марковцами и сестры милосердия в госпиталях.

Как на похоронах ген. Маркова, ген. Алексеев низко кланялся матери и жене ген. Маркова, взрастившим и благословившим на святую борьбу верного сына Родины, так и Марковцы низко кланяются своим сестрам милосердия.

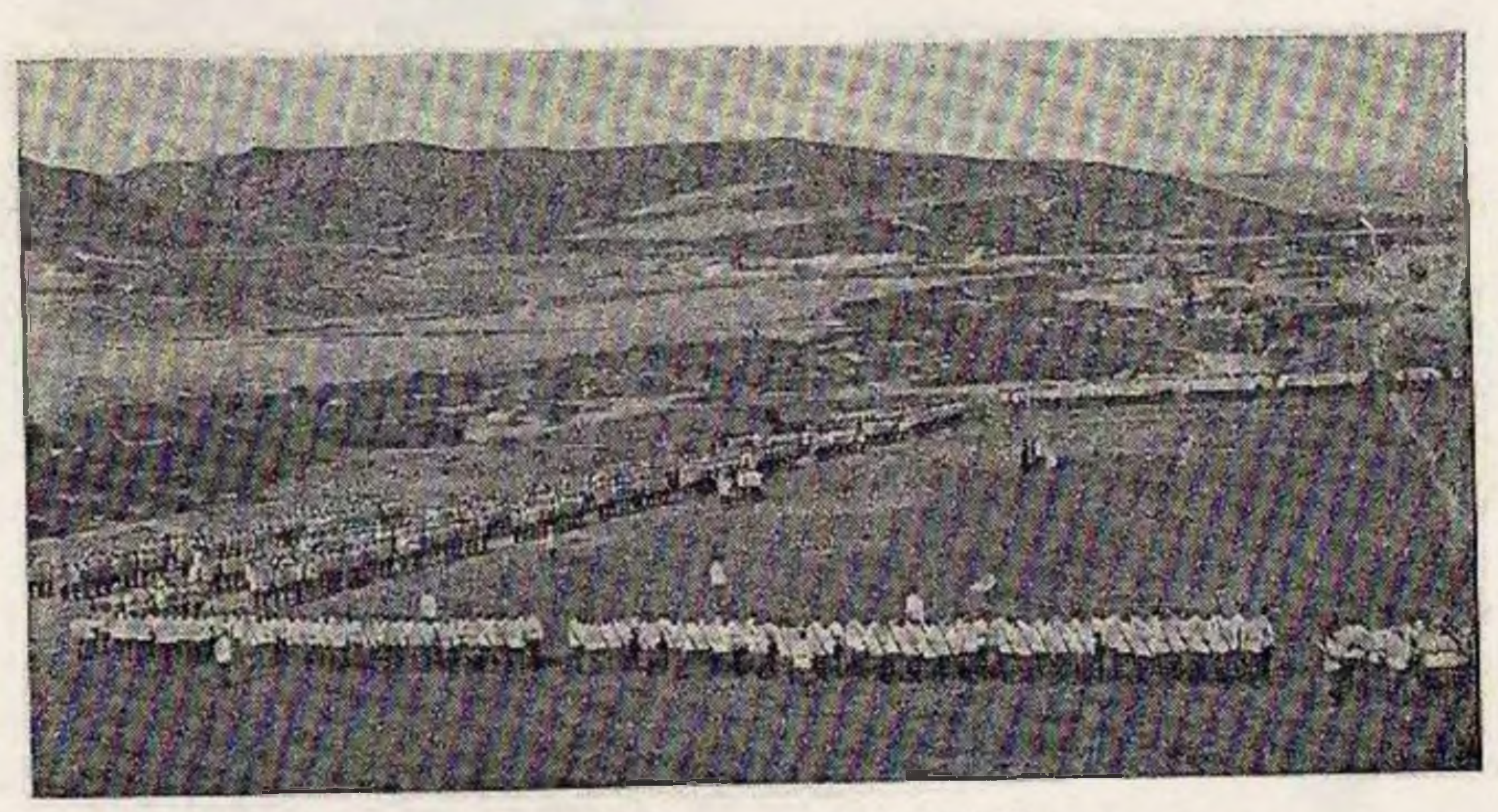
Слава Русской женщине!

Полк. Тимановский
13-го стр. полка, 4-й железной дивизии. 1916 г.

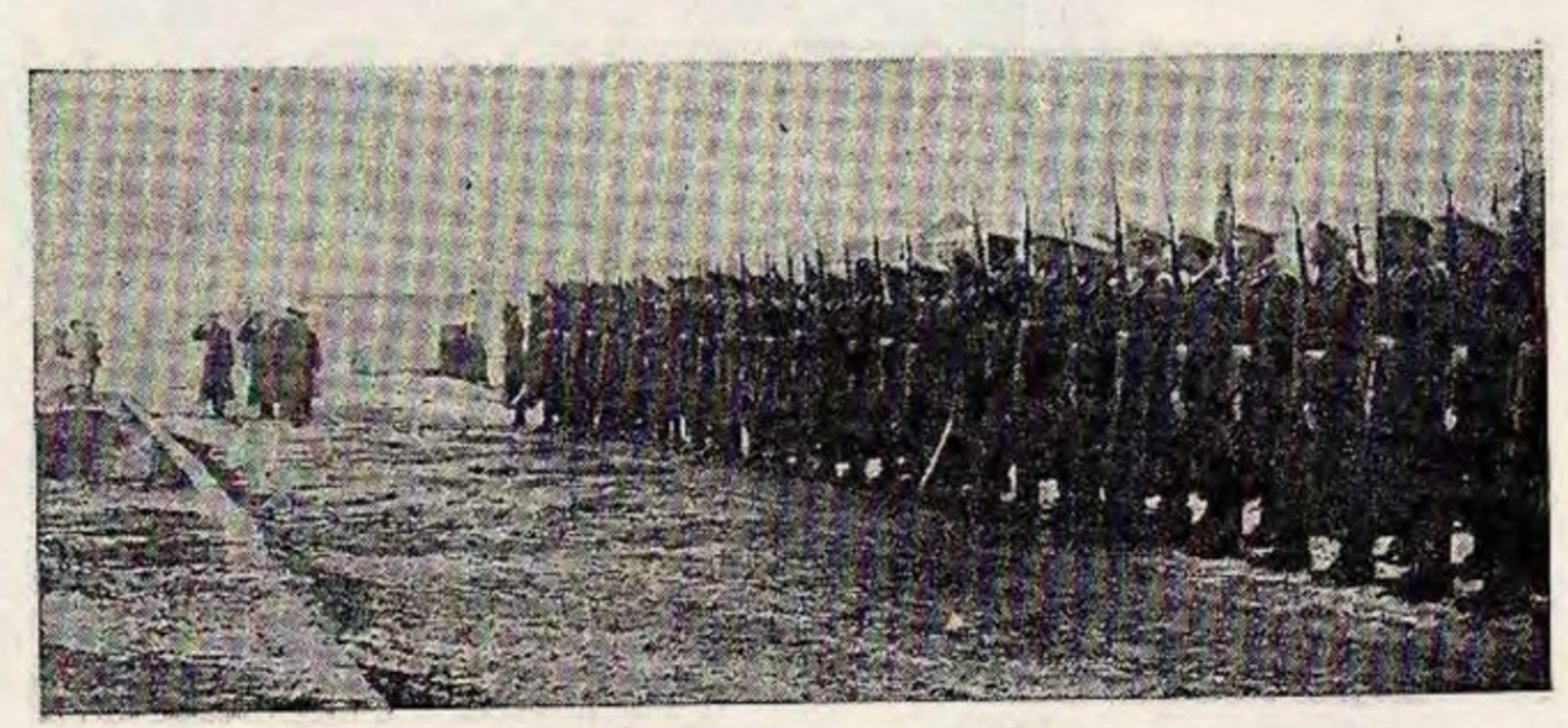

Группа офицеров 2-го ген. Маркова полка с кап. Образцовым.
Направо — с. мил. Анна Гетманская

Парад в Галлиполи. 25-IX-1921 г.

На переднем плане — Сергиевское Арт. училище.
В центре — Марковский полк.
В глубине — Марк. арт. дивизион и инженерная рота.

Парад в Болгарии в 1922 г.

Комната собраний Марковцев в Софии

...Благоговейной рукой на черном аналое, при тусклом мерцании восковых свечей, я открываю старый фолиант. Тихо шелестят пожелтевшие страницы... В сплошном орнаменте черных крестов смотрят на меня длинные столбцы знакомых и дорогих имен...

Мир мертвым...

Колеблется пламя свечей, — бегут по стенам робкие тени. А там, за черным аналоем, зияет глубокий внутренний скат необозримой Чаши, — Чаши страдания и крови — страшной меры Воскресения.

Я подхожу к Ее сверкающему краю и гляжу в глубину.

Она пуста... И только на самом дне едва заметно тусклое темное пятно...

Тогда я иду к оставленному мною фолианту и, охватив руками края аналоя, роняю на него голову и в гордой радости целую его священные страницы:

Хвала Марковцам — слава России!

Ю. Р.

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА

ОТПЕЧАТАНО В ПАРИЖЕ
1 ДЕКАБРЯ 1964 Г. В ТИПОГРАФИИ
СЕРГЕЯ БЕРЕЗНЯКА
— IMPRIMERIE BERESNIAK —
18-20, RUE DU Fg DU TEMPLE
——— PARIS-11ᵉ ———